330 бч
330
Л2b
63.3(4Герм)
Л26
J 09
7033
1956

СОЧИНЕНІЯ

ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧИТАЛНЯ

Съ приложеніемъ портрета Ф. Лассаля.

Изданіе Н. ГЛАГОЛЕВА.

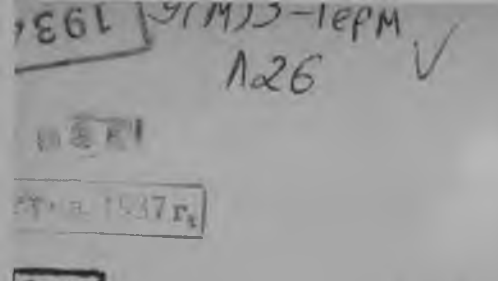
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Фердинандъ Лассаль.

Инв. 41

782928

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ЦЕНТР… …РОДСКАЯ
ПУБЛИЧ… …БЛИОТЕКА
им. Н. А. Некрасова

Типографія Монтвида, Конная, 3—5.

15 936

ОГЛАВЛЕНIЕ.

Статьи: „Празднества, пресса и франкфуртскiй съѣздъ депутатовъ" „Процессъ Ф. Лассаля передъ Судебной Палатой, въ Дюссельдорфѣ" и „Моя рѣчь передъ Дюссельдорфскимъ судомъ присяжныхъ", переведены I. Давыдовымъ; всѣ остальныя статьи—В. Зайцевымъ.—Переводъ В. Зайцева, просмотрѣнъ и дополненъ по послѣднему нѣмецкому изданiю I. Давыдовымъ и Л. Рейнгольдомъ.

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦІИ.

Рѣчь, произнесенная въ одномъ берлинскомъ бюргерскомъ окружномъ собраніи, въ 1862 г.

Господа!

Я получилъ приглашеніе произнести рѣчь въ этомъ уважаемомъ собраніи и избралъ предметъ, рекомендующій себя самъ вашему вниманію, какъ самый современный. Я буду говорить о сущности конституціи.

Замѣчу заранѣе, господа, что рѣчь моя будетъ строго научна. Тѣмъ не менѣе или, вѣрнѣе, именно поэтому каждый изъ васъ будетъ въ состояніи слѣдить за ней отъ начала до конца и вполнѣ понять ее.

Ибо, господа, истинная научность — полезно напоминать это — состоитъ ли въ чемъ иномъ, какъ въ той ясности мысли, которая, ничего не предполагая заранѣе, шагъ за шагомъ выводитъ все сама изъ себя, но именно поэтому-то, непреодолимо овладѣваетъ умомъ каждаго внимательнаго слушателя.

Эта ясность мысли не нуждается ни въ какихъ предвзятыхъ убѣжденіяхъ въ слушателяхъ. Наоборотъ, состоя, какъ я сказалъ, ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ отсутствіи всего предположеннаго заранѣе, предвзятаго, и выведеніи всего изъ самой себя, она не терпитъ предвзятыхъ убѣжденій. Она именно требуетъ, чтобы слушатели не приносили съ собой предвзятыхъ мнѣній, прочныхъ предубѣжденій; чтобы они, какъ бы часто ни размышляли и ни разсуждали о предметѣ, изслѣдовали его теперь сызнова, какъ бы еще не зная о немъ ничего твердо опредѣленнаго, чтобы они хотя на время изслѣдованія отдѣлались отъ всего, что привыкли думать объ этомъ предметѣ.

Итакъ, я начну свою рѣчь вопросомъ: что такое конституція? въ чемъ состоитъ сущность конституціи?

Теперь всѣ съ ранняго утра до поздняго вечера толкуютъ о конституціи. Во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ обществахъ, во всѣхъ трактирахъ только и рѣчи, что о конституціи.

Однако, если я спрошу серьезно: въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи,—то весьма опасаюсь, что изъ стольких разсуждающихъ найдется очень немного способныхъ дать удовлетворительный отвѣтъ.

Многіе при этомъ вопросѣ почувствуютъ необходимость схватиться за томъ Собранія прусскихъ законовъ 1850 г. и прочесть въ немъ о прусской конституціи.

Но вы видите, что это не будетъ отвѣтомъ на мой вопросъ. Вѣдь въ томѣ этомъ помѣщено только особенное содержаніе извѣстной, именно прусской конституціи, и, стало быть, онъ не можетъ дать отвѣта на вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи вообще?

Если я задамъ этотъ вопросъ юристу, онъ скажетъ мнѣ въ отвѣтъ: „Конституція есть договоръ клятвенно заключенный между королемъ и народомъ и установляющій основные принципы законодательства и правленія страны". Или, такъ какъ есть и республиканскія конституціи, онъ дастъ болѣе общее опредѣленіе: „Конституція есть провозглашенный въ странѣ основной законъ, установляющій организацію публичнаго права въ этой націи".

Но всѣ эти и тому подобныя формальныя юридическія опредѣленія такъ же далеко отъ настоящаго отвѣта на мой вопросъ, какъ и предыдущій отвѣтъ. Всѣ они представляютъ лишь внѣшнее описаніе того, какъ дѣлается конституція и что она дѣлаетъ, не объясняя, что такое конституція. Они даютъ критеріи, признаки, по которымъ можно внѣшнимъ и юридическимъ образомъ знать конституцію. Но они не говорятъ намъ, въ чемъ состоитъ понятіе, сущность конституціи. Поэтому они оставляютъ насъ въ совершенномъ невѣдѣніи насчетъ того, хороша или дурна, возможна или невозможна, прочна или не прочна данная конституція. Обо всемъ этомъ мы могли бы судить только зная сущность конституціи вообще, тогда только могли бы мы рѣшить, соотвѣтствуетъ ли данная конституція этой сущности или какъ она къ ней относится. Но этой сущности намъ совершенно не объясняютъ подобныя юридическія внѣшнія опредѣленія, которыя одинаково примѣнимы ко всякому листу бумаги, подписанному націей, или націей и ея королемъ, и объявленному конституціей, каково бы ни было его содержаніе. Только понятіе конституціи служитъ источникомъ всего конституціоннаго искусства и всей конституціонной мудрости, которыя вытекаютъ изъ него шутя, сами собою, какъ вы убѣдитесь, когда мы найдемъ это понятіе.

Итакъ, повторяю: что такое конституція, въ чемъ состоитъ сущность, понятіе конституціи?

Мы еще не знаемъ этого, потому что должны найти отвѣтъ, отыскивая его сообща. Чтобы найти его, прибѣгнемъ къ методу, къ которому всегда слѣдуетъ обращаться, когда желаешь получить ясное понятіе о какомъ-нибудь предметѣ. Этотъ методъ очень простъ, господа. Онъ состоитъ въ томъ, что мы сравниваемъ вещь, понятія которой ищемъ, съ другой однородной ей, и стараемся какъ можно яснѣе и рѣзче понять разницу, существующую между ними, несмотря на ихъ однородность.

Обращаясь къ этому методу, я ставлю вопросъ: какая разница между конституціей и закономъ?

Конституція и законъ по сущности, очевидно, однородны. Конституція должна имѣть силу закона; стало быть, она должна быть также закономъ. Но она должна быть не только закономъ, а болѣе, чѣмъ закономъ, слѣдовательно, тутъ есть и разница. Сотни фактовъ доказываютъ, что разница точно существуетъ, что конституція должна быть не просто закономъ, а болѣе, чѣмъ закономъ.

Такъ, напр., вы не находите ничего дурного въ томъ, что издаются новые законы. Напротивъ того, вы знаете, что необходимо, чтобы почти каждый годъ издавалось больше или меньше новыхъ законовъ. А, между тѣмъ, нельзя издать ни одного новаго закона, не измѣняя этимъ существующихъ законныхъ отношеній. Новый законъ, не приносящій никакой перемѣны въ существующемъ законномъ порядкѣ, былъ бы совершенно безсмысленъ, излишенъ и не былъ бы изданъ. Итакъ, вы не находите ничего дурного въ измѣненіи законовъ, а напротивъ, считаете его вообще правильной задачей правительственныхъ учрежденій. Но какъ только коснутся конституціи, вы возмущаетесь и кричите: не трогайте конституціи! Отчего такая разница? Разница эта до того неоспорима, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ прямо законополагается: конституція не можетъ быть измѣняема; въ другихъ полагается, что измѣнять ее можно только 2/3 голосовъ законодательнаго собранія, а не простымъ большинствомъ; въ третьихъ установлено, что законодательное собраніе даже въ соединеніи съ прочими правительственными властями не можетъ дѣлать измѣненій въ конституціи, а можетъ только предлагать ихъ, для произведенія же ихъ должно быть избрано страной спеціально ad hoc новое собраніе представителей.

Всѣ эти факты говорятъ о томъ, что по общему сознанію народовъ конституція должна быть чѣмъ-то еще болѣе святымъ, крѣпкимъ и неизмѣннымъ, чѣмъ обыкновенный законъ.

Спрашиваю, стало быть, опять: чѣмъ отличается конституція отъ обыкновеннаго закона?

На этотъ вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ: конституція не просто законъ, какъ всякій другой, а основной законъ страны. Очень возможно, господа, что въ этомъ отвѣтѣ скрывается въ неясной формѣ истина. Но форма такъ неясна, что въ ней отвѣтъ этотъ ни къ чему не служитъ. Тотчасъ возникаетъ другой вопросъ: какая разница между закономъ и основнымъ закономъ? Стало быть, мы ни на шагъ не ушли дальше. У насъ оказалось только новое названіе основной законъ; но оно нисколько не помогаетъ намъ, пока мы не знаемъ, какая разница между основнымъ закономъ и другимъ закономъ.

Попробуемъ, не приблизимся ли мы къ дѣлу, если разберемъ, какія представленія заключаются въ названіи „основной законъ"; другими словами: чѣмъ основный законъ долженъ отличаться отъ другого закона, чтобы оправдать свое названіе „основного закона".

Основной законъ долженъ, слѣдовательно:

1) быть закономъ, болѣе глубокимъ, чѣмъ всякій другой обыкновенный законъ; это показываетъ названіе основной, но онъ долженъ также,

2) какъ основной законъ, быть именно основаніемъ другихъ законовъ, т. е., стало быть, основной законъ долженъ быть творческимъ началомъ другихъ обыкновенныхъ законовъ, чтобы составлять ихъ основаніе; слѣдовательно, основной законъ долженъ дѣйствовать и во всѣхъ другихъ обыкновенныхъ законахъ.

3) Но то, что имѣетъ основаніе, не можетъ уже по произволу быть тѣмъ или инымъ; оно должно быть именно таково, каково оно есть. Основаніе его не допускаетъ его быть инымъ. Только неоснованное и потому случайное можетъ быть таковымъ, какимъ есть, а также, пожалуй, и инымъ. Но все имѣющее основаніе необходимо есть таково, каково оно есть. Напр., планеты имѣютъ извѣстное движеніе. Движеніе это или имѣетъ опредѣляющее его основаніе, или не имѣетъ его. Если не имѣетъ, то оно случайно и можетъ каждый моментъ быть инымъ. Но если оно имѣетъ основаніе, а именно, какъ говорятъ натуралисты, силу притяженія солнца, то этимъ дано уже, что движеніе планетъ опредѣлено и регулировано основаніемъ, притягательной силой солнца, такъ, что не можетъ быть инымъ, чѣмъ есть. Слѣдовательно, въ представленіи основанія заключается мысль дѣятельной необходимости, дѣйствующей силы, которая необходимо дѣлаетъ основанное тѣмъ, чѣмъ оно есть.

Итакъ, если конституція составляетъ основной законъ страны, то

она есть нѣчто, что мы должны опредѣлить подробнѣе, или, какъ мы пока нашли, есть дѣятельная сила, необходимо дѣлающая всѣ другіе законы и правовыя учрежденія, установляемыя въ странѣ, тѣмъ, чѣмъ они суть—это для насъ первый проблескъ свѣта, господа,—такъ что съ этихъ поръ въ странѣ не могутъ издаваться никакіе законы, кромѣ именно этихъ.

Но есть ли въ странѣ что-нибудь, господа,—при этомъ вопросѣ начинаетъ постепенно разливаться полный свѣтъ—есть ли въ странѣ что-нибудь, какая-нибудь опредѣляющая дѣятельная сила, которая вліяла бы на всѣ издаваемые въ странѣ законы такъ, чтобы они до извѣстной степени были необходимо таковы и не иные, каковы суть?

О, конечно, господа, нѣчто такое есть, и это нѣчто не что иное, какъ фактическія отношенія силы, существующія въ данномъ обществѣ.

Фактическія отношенія силы, существующія въ каждомъ обществѣ, суть та активно-дѣйствующая сила, которая опредѣляетъ всѣ законы и правовыя учрежденія этого общества такъ, что въ существенныхъ чертахъ они не могутъ быть иными, чѣмъ каковы суть.

Спѣшу пояснить это понятнымъ примѣромъ. Въ той формѣ, въ какой я представляю его, онъ, правда, совершенно невозможенъ. Но не говоря уже о томъ, что ниже мы, можетъ быть, увидимъ, какъ возможенъ этотъ примѣръ въ другой формѣ, дѣло вообще не въ томъ, можетъ ли случиться что-нибудь подобное, а только въ томъ, чтобы на этомъ примѣрѣ изучить природу вещей, которая обнаружилась бы, если бы онъ случился.

Вамъ извѣстно, господа, что въ Пруссіи только то имѣетъ законную силу, что обнародовано въ собраніи законовъ. Собраніе законовъ печатается въ главной правительственной типографіи Декера. Оригиналы законовъ сохраняются въ извѣстныхъ государственныхъ архивахъ; печатныя собранія законовъ—въ другихъ архивахъ, библіотекахъ и магазинахъ.

Предположимъ же, что сдѣлался страшный пожаръ, въ родѣ гамбургскаго, и что въ немъ сгорѣли всѣ эти государственные архивы, библіотеки, магазины и главная правительственная типографія Декера; предположимъ, что по странному стеченію обстоятельствъ тоже случилось и въ другихъ городахъ монархіи, что погорѣли даже частныя библіотеки, въ которыхъ были собранія законовъ, такъ что во всей Пруссіи не осталось ни единаго закона въ достовѣрной формѣ.

Такимъ образомъ, страна лишилась бы всѣхъ своихъ законовъ, и ей ничего не оставалось бы, какъ приняться за составленіе новыхъ.

Ну, какъ же вы думаете, господа? Можно ли было бы поступать въ

этомъ случаѣ произвольно, создать произвольно новые законы, и такіе, какіе вздумалось бы? Посмотримъ.

Положимъ, вы сказали бы: законы погибли, будемъ создавать новые и при этомъ уже не дадимъ монархіи того положенія, которое она до сихъ поръ занимала или даже вовсе не дадимъ ей никакого положенія.

Король просто-на-просто сказалъ бы на это: законы погибли, но что же изъ этого? Фактически мнѣ повинуется армія, идетъ, куда я прикажу ей; фактически коменданты арсеналовъ и казармъ выдадутъ по моему приказу пушки, и артиллерія выѣдетъ съ ними на улицы, и, опираясь на эту фактическую силу, я не хочу, чтобы вы дѣлали мнѣ иное положеніе, кромѣ того, какого я желаю.

Вы видите, господа,—король, которому повинуются войска и пушки, есть часть конституціи!

Или, положимъ, вы сказали бы: насъ 18 милліоновъ пруссаковъ. Въ числѣ этихъ 18 милліоновъ есть незамѣтная горсточка крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Мы не понимаемъ, почему такой ничтожной горсточкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ обладать такимъ же вліяніемъ, какъ всѣмъ 18 милліонамъ вмѣстѣ, составляя палату господъ, обсуждающую постановленія палаты депутатовъ, избранной всею націею, и отвергающую ихъ, какъ скоро они чего-нибудь стоятъ. Положимъ, вы разсуждали бы такъ и сказали бы: мы всѣ—„господа“ и не хотимъ особой палаты господъ.

Не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію, господа, что крупные дворяне-землевладѣльцы не могли бы вывести противъ васъ своихъ крестьянъ. Напротивъ того, имъ, вѣроятно, было бы не мало хлопотъ прежде всего для того, чтобы удрать отъ своихъ крестьянъ.

Но крупные дворяне-землевладѣльцы всегда имѣли большое вліяніе на дворъ и на короля и, благодаря этому вліянію, могли бы выслать за себя войска и пушки съ такимъ же удобствомъ, какъ если сила эта находилась въ ихъ непосредственномъ распоряженіи.

Итакъ, вы видите, господа, что дворянство, имѣющее вліяніе на короля и на дворъ, есть часть конституціи.

Или предположимъ обратный случай, что король и дворянство согласились бы возстановить средневѣковый цеховой строй, при томъ не только въ мелкихъ ремеслахъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отчасти дѣйствительно пытались возстановить, а въ такихъ же размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ средніе вѣка, т. е. во всемъ общественномъ производствѣ, стало быть, и въ крупной фабричной промышленности, и въ машинномъ производствѣ. Вамъ извѣстно, господа, что при средневѣковой цеховой

системѣ крупный капиталъ не могъ производить, крупная фабричная промышленность, машинное производство были невозможны. Ибо при этой системѣ существовали, напримѣръ, всюду установленныя закономъ разграниченія отраслей труда, хотя бы даже самыхъ ближайшихъ и сродныхъ другу другу и ни одинъ промышленникъ не могъ соединять двѣ такія отрасли. Штукатурщикъ не могъ замазать щели, кузнецы вели безконечные процессы со слесарями о границахъ своихъ ремеслъ, набойщикъ не могъ взять въ работу красильщика. Кромѣ того въ цеховой системѣ было точно опредѣлено закономъ и количество производства каждаго промышленника, и въ каждомъ городѣ, въ каждомъ промыслѣ каждый мастеръ могъ занимать лишь равное, закономъ опредѣленное число рабочихъ силъ.

Вы видите, что уже по этимъ двумъ причинамъ крупное производство, производство машинами, системою машинъ, не могло бы дня просуществовать при цеховомъ строѣ. Для крупнаго производства безусловно необходимы: 1) соединеніе разнообразнѣйшихъ отраслей труда въ рукахъ одного крупнаго капитала; 2) массовое производство и свободная конкуренція, т. е. стало быть неограниченное употребленіе рабочихъ силъ.

Что вышло бы, если бы, тѣмъ не менѣе, захотѣли ввести нынѣ цеховой строй?

Гг. Борзигъ, Эгельсъ и т. д., крупные хлопчато-бумажные, шелковые и пр. фабриканты закрыли бы свои фабрики и распустили бы своихъ рабочихъ. Даже дирекціямъ желѣзныхъ дорогъ пришлось бы сдѣлать тоже. Торговля и промышленность остановились бы. Множество ремесленныхъ мастеровъ отчасти по необходимости, отчасти добровольно распустили бы своихъ подмастерьевъ. Вся эта громадная масса народа хлынула бы въ улицы, требуя хлѣба и работы. За ней стояла бы воспламеняя ее своимъ вліяніемъ, ободряя своимъ значеніемъ, поддерживая своими деньгами, крупная буржуазія, и вспыхнула бы борьба, въ которой побѣда не могла бы остаться за арміей.

Итакъ, господа, вы видите, что Борзигъ и Эгельсъ, вообще, крупные промышленники суть часть конституціи.

Или положимъ, что правительство захотѣло бы принять мѣру, рѣшительно оскорбляющую интересъ крупныхъ банкировъ. Предположимъ, что правительство сказало бы напримѣръ: королевскій банкъ не долженъ служить, какъ служитъ теперь, крупнымъ банкирамъ и капиталистамъ, которые и безъ того располагаютъ всѣми деньгами и всѣмъ кредитомъ и которые теперь одни могутъ дисконтировать въ банкѣ свои векселя, т. е. одни получаютъ кредитъ; королевскій банкъ не долженъ еще удешевлять

имъ кредитъ, а долженъ служить на то, чтобы сдѣлать кредитъ доступнымъ бѣднымъ и средняго достатка людямъ; поэтому надо организовать его такъ, чтобы онъ отвѣчалъ этой задачѣ. Состоялось ли бы это, господа?

Правда, господа, это не вызвало бы возстанія. Однако, для нынѣшняго правительства это все-таки было бы невозможно.

Правительству, господа, случается по временамъ надобность въ такихъ денежныхъ средствахъ, въ такихъ массахъ денежныхъ средствъ, какихъ оно не осмѣливается собрать въ формѣ налоговъ. Въ этихъ случаяхъ оно прибѣгаетъ къ поѣданію будущихъ средствъ, т. е. дѣлаетъ займы и выдаетъ за нихъ государственныя бумаги. Для этого ему нужны банкиры. Правда, съ теченіемъ времени большая часть государственныхъ бумагъ опять переходитъ въ руки всего имущаго класса націи и мелкихъ капиталистовъ. Но на это надо время, часто много времени. Правительству же деньги нужны сейчасъ и разомъ или въ немногіе сроки. Для этого ему нужны посредники, которые дали бы ему всю нужную сумму и взялись бы сбыть государственныя бумаги, выдаваемыя имъ за это, мало-по-малу публикѣ, при томъ съ барышемъ для себя на повышеніи курса, которое искусственно доставляется этимъ бумагамъ на биржѣ. Этими посредниками служатъ крупные банкиры, и потому правительство не можетъ теперь ссориться съ ними.

Итакъ, вы видите, господа, что банкиры Мендельсонъ, Шиклеръ, вообще биржа—часть конституціи.

Или, положимъ, правительство вздумало бы, напримѣръ, издать уголовный законъ вродѣ китайскихъ, чтобы за воровство совершенное сыномъ наказывать отца. Затѣя эта не могла бы осуществиться, потому что противъ нея слишкомъ сильно возмутилось бы общее развитіе, общее сознаніе. Всѣ чиновники даже тайные совѣтники, всплеснули бы руками, и сами члены палаты господъ нашли бы это предосудительнымъ. Слѣдовательно, вы видите, господа, что въ извѣстныхъ предѣлахъ и общее сознаніе, общее развитіе есть также часть конституціи.

Или, положимъ, правительство рѣшилось бы удовлетворить дворянство банкировъ, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ, но за-то лишить политической свободы мелкую буржуазію и работниковъ. Удалось ли это, господа? О, конечно, господа, на время это удалось бы; мы уже видѣли, что это удается, и ниже будемъ мы еще имѣть случай взглянуть на это.

Но предположимъ такой случай: вздумали лишить мелкую буржуазію и работниковъ не только политической, но и личной свободы, т. е.

вздумали объявить ихъ лично несвободными, крѣпостными или подданными землевладѣльцевъ, какъ было во многихъ странахъ въ отдаленныя столѣтія среднихъ вѣковъ. Удалось ли бы это господа? Нѣтъ, это не удалось бы, хотя бы всѣ соединились для этой цѣли — и король, и дворянство, и вся крупная буржуазія. Въ случаѣ этого вы заявили бы: нѣтъ, пусть лучше насъ убьютъ, а этого мы не потерпимъ. Работники выйдутъ на улицы и безъ закрытія Борзигомъ и Эгельсомъ фабрикъ, вся мелкая буржуазія пойдетъ имъ на помощь, и такъ какъ соединенное сопротивленіе ихъ побѣдить было бы очень трудно, то, вы видите господа, что въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и вы всѣ—часть конституціи.

Итакъ, господа, мы знаемъ теперь, что такое конституція страны, а именно: существующія въ странѣ фактическія отношенія силы.

Что же такое то, что обыкновенно называется конституціей? Что такое правовая конституція? Теперь вы сами видите, господа, что это такое.

Эти фактическія отношенія силы записываются на бумагѣ, выражаются письменно и какъ скоро только они записаны, они уже не просто фактическія отношенія силы, а права, правовыя учрежденія, и кто возстаетъ противъ нихъ—наказывается!

Точно также теперь вамъ, само собою, понятно, господа, какъ дѣлается это записываніе фактическихъ отношеній силы, превращающее ихъ въ правовыя отношенія.

Разумѣется, не пишутъ: г. Борзигъ часть конституціи, г. Мендельсонъ часть конституціи и. т. д., а выражаютъ все это болѣе просвѣщеннѣйшимъ образомъ.

Напр., если хотятъ установить, что небольшое число крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ капиталистовъ должно имѣть въ монархіи столько же и болѣе власти, сколько всѣ бюргеры, работники и крестьяне взятые вмѣстѣ, то этого отнюдь не напишутъ прямо и открыто. Для этой цѣли издадутъ законъ, подобный, напримѣръ, жалованному трехклассному избирательному закону 1849 г., которымъ раздѣлятъ всю страну на три класса избирателей по размѣру платимыхъ ими налоговъ, который опредѣляется, конечно, величиной ихъ имущества.

По оффиціальнымъ спискамъ, господа, составленнымъ правительствомъ въ 1849 г., послѣ изданія этого трехкласснаго избирательнаго налога, во всей Пруссіи было тогда: 3.225.600 общинныхъ избирателей, которые раздѣлялись на три класса слѣдующимъ образомъ:

Къ первому избирательному классу во всей

Пруссіи принадлежало	153.808	избирателей
ко второму	409.945	
къ третьему.	2.691.950	

Повторяю, господа, что цифры эти заимствованы изъ оффиціальныхъ списковъ.

Вы видите изъ нихъ, что 153.808 очень богатыхъ людей имѣютъ въ Пруссіи столько же политической власти, сколько 2.691.950 бюргеровъ, крестьянъ и работниковъ; далѣе, что эти 153.808 очень богатыхъ людей и 409.945 умѣренно-богатыхъ, составляющихъ второй классъ избирателей, имѣютъ ровно вдвое политической власти, чѣмъ вся остальная нація, такъ что 153.808 очень богатыхъ и половина 409.945 избирателей второго класса имѣютъ уже больше политической власти, чѣмъ другая половина умѣренно-богатыхъ втораго класса и 2.691.950 третьяго, взятые вмѣстѣ.

Изъ этого вы видите, господа, что такимъ способомъ въ результатѣ получается совершенно то же, какъ если бы прямо написать въ конституціи неделикатныя слова: богатый долженъ имѣть въ 17 разъ больше политической власти, чѣмъ другой гражданинъ, или столько же, сколько 17 другихъ гражданъ.

До изданія этого трехкласснаго избирательнаго закона у насъ уже существовало законно-учрежденное, закономъ 8 апрѣля 1848 г., всеобщее избирательное право, признававшее за каждымъ гражданиномъ, все равно, богатъ ли онъ или бѣденъ, одинаковое избирательное право и одинаковую политическую власть, одинаковое право на участіе въ опредѣленіи воли и цѣли государства. Въ этомъ вы видите, господа, подтвержденіе сказаннаго мною выше, что, къ сожалѣнію, легко отнять у васъ, бюргеровъ и работниковъ, вашу политическую свободу, если только не посягать непосредственно и радикально на ваши личныя блага, на ваши тѣла и собственность. Вы допустили безъ труда отнять у васъ избирательное право, и до сихъ поръ не слыхать ни о какой агитаціи для возвращенія его.

Далѣе, если хотятъ установить въ конституціи, чтобы небольшое число дворянъ землевладѣльцевъ обладало такою же властью, какую имѣютъ всѣ богатые, зажиточные и неимущіе вмѣстѣ, какую имѣютъ избиратели всѣхъ трехъ классовъ вмѣстѣ, т. е. какую имѣетъ вся нація, то этого опять-таки отнюдь не выразятъ непросвѣщеннымъ образомъ прямо,—ибо, замѣтьте, господа, разъ навсегда: все ясное и прямое—грубо и непросвѣщенно. Въ

конституціи напишутъ: изъ представителей древняго и упроченнаго землевладѣнія съ нѣкоторыми несущественными дополненіями учреждается палат господъ, согласіе которой необходимо для дѣйствительности всѣхъ постановленій палаты депутатовъ, представляющихъ всю націю; такимъ образомъ, горсточкѣ старинныхъ землевладѣльцевъ дается политическая власть, перевѣшивающая единогласную волю націи и всѣхъ ея классовъ.

Равнымъ образомъ, когда хотятъ, чтобы король одинъ имѣлъ столько же и даже гораздо больше политической власти, чѣмъ всѣ три класса избирателей, чѣмъ вся нація, даже съ прибавленіемъ дворянъ землевладѣльцевъ, то дѣлается это такъ.

Въ 47 статьѣ конституціи пишется: „Король назначаетъ на всѣ должности въ арміи“, а въ статьѣ 108 говорится: „Армія конституціи не присягаетъ“. Рядомъ съ этой статьей воздвигается теорія въ принципѣ дѣйствительно основываемая ею именно, теорія, что въ отношеніи арміи король занимаетъ совершенно иное положеніе, чѣмъ въ отношеніи всѣхъ прочихъ государственныхъ учрежденій, что въ отношеніи арміи онъ не только король, а нѣчто еще другое, совершенно особенное, таинственное и неизвѣстное, для обозначенія чего изобрѣтаютъ слово „военный государь“— Kriegsherr; по этимъ соображеніямъ оказывается, что палатѣ депутатовъ или націи дѣла нѣтъ до арміи, что имъ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ ея дѣла и организацію, и только выдавать на нее деньги. И надо сознаться,— правда, выше всего,—что теорія эта точно имѣетъ нѣкоторое основаніе въ статьѣ 108 конституціи. Опредѣляя, что армія не должна присягать конституціи, какъ обязаны всѣ государственные служители и самъ король, конституція признаетъ этимъ въ принципѣ, что армія стоитъ внѣ конституціи и ничего не имѣетъ съ ней общаго, что она относится единственно и исключительно къ особѣ короля, а не къ странѣ.

Какъ скоро установлено, что король назначаетъ на всѣ должности въ арміи и что армія занимаетъ по отношенію къ нему особенное положеніе, то уже этимъ однимъ королю дано не только столько же, а вдесятеро больше политической власти, чѣмъ сколько имѣетъ ея вся страна вмѣстѣ взятая, даже въ томъ случаѣ, если бы въ дѣйствительности настоящая сила страны вдесятеро, въ двадцать, въ пятьдесятъ разъ превышала силу арміи. Причина этого кажущагося противорѣчія очень проста.

Орудіе политической власти короля, армія, организовано, постоянно въ сборѣ, отлично дисциплинировано, ежеминутно готово дѣйствовать; напротивъ того, сила заключающаяся въ націи, хотя бы въ дѣйствительности несравненно большая, не организована, господа; воля націи и особенно сте-

пень рѣшимости, которой достигла эта воля, не всегда можетъ быть легко узнана ея членами; поэтому никто въ точности не знаетъ, сколько народа пойдетъ за нимъ. При томъ у націи нѣтъ тѣхъ орудій организованной силы, тѣхъ столь важныхъ основъ конституціи, о которыхъ я уже упоминалъ — пушекъ. Правда, онѣ пріобрѣтаются на деньги гражданъ; правда, онѣ изготовляются и совершенствуются науками, развиваемыми гражданскимъ обществомъ, физикой, техникой и пр. Стало быть, уже самое существованіе ихъ доказываетъ, какъ велика сила гражданскаго общества, какъ велики успѣхи наукъ, техническихъ искусствъ, отраслей фабрикаціи и труда всякаго рода. Но здѣсь-то вспоминается стихъ Виргилія: „Sic vos non vobis!“ „Ты дѣлаешь это, да не для себя!“ Пушки изготовляются всегда только для организованной силы; поэтому страна знаетъ, что при столкновеніи найдетъ эти дѣтища, этихъ свидѣтелей своей силы противъ себя. Вотъ отчего меньшая, но организованная сила часто, подолгу пересиливаетъ гораздо большую, но неорганизованную силу націи, пока, наконецъ, при продолжительномъ завѣдываніи и управленіи національными дѣлами, въ смыслѣ противномъ націи, послѣдняя рѣшается противопоставить организованной силѣ свое неорганизованное превосходство.

Итакъ, господа, мы знаемъ теперь сущность обѣихъ конституцій страны, ея дѣйствительной конституціи, реальныхъ отношеній силы, существующихъ въ странѣ, и ея писанной конституціи, которую въ отличіе отъ первой можемъ назвать хотя бы листомъ бумаги.

Дѣйствительное уложеніе, дѣйствительную конституцію имѣла всякая страна всегда, какъ вы сами сейчасъ поймете; нѣтъ предубѣжденія болѣе ложнаго, ведущаго къ болѣе вздорнымъ заключеніямъ, какъ общераспространенное, господствующее мнѣніе, будто уложенія или конституціи составляютъ исключительную особенность новѣйшаго времени. Каждая страна необходимо имѣетъ реальное уложеніе или конституцію, такъ же необходимо, какъ всякое тѣло, всякій организмъ, непремѣнно такъ или иначе устроенный, имѣющій какую-нибудь хорошую или дурную конституцію. Вѣдь въ каждой странѣ непремѣнно же существуютъ какія-нибудь фактическія отношенія силы.

Когда во Франціи задолго до французской революціи прошлаго вѣка, подъ абсолютной легитимной монархіей, король Людовикъ XVI декретомъ 3 февраля 1776 г. отмѣнилъ дорожную повинность, обязывавшую крестьянъ безвозмездно работать на дорогахъ, проводить и чинить ихъ, и, взамѣнъ того, ввелъ для покрытія дорожныхъ расходовъ налогъ, падавшій и на землю дворянства, французскій парламентъ воспротивился этому и воз-

разилъ: „Le peuple de France est tailable et corvéable à volonté c'est une partie de la constitution que le roi ne peut changer“, т. е.: „французскій народъ (народъ не привилегированный, низшій), можетъ быть облагаемъ податями и повинностями по произволу; это часть конституціи, которую король не можетъ измѣнять“.

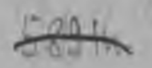
Вы видите, стало быть, господа, что и тогда, какъ теперь, говорили о конституціи и даже о такой, которую король не можетъ измѣнять. Правда, то, чему здѣсь придается значеніе конституціи,—возможность по произволу облагать низшій народъ податями и повинностями,—не было въ то время записано въ особой грамотѣ, въ которой были бы переписаны всѣ права страны и всѣ важнѣйшіе правительственные принципы, это было просто выраженіемъ фактическихъ отношеній силы въ средневѣковой Франціи. Въ средніе вѣка низшій народъ былъ дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу облагать податями и повинностями; съ этими фактическими отношеніями силъ, всегда и соображались, народъ всегда такъ и обременяли. Этотъ фактическій ходъ дѣла давалъ такъ называемые прецеденты, которые играютъ такую важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ въ средніе вѣка, а въ Англіи до сихъ поръ. При такомъ фактическомъ обремененіи народа, часто и высказывалось, что можно обременять народъ такимъ образомъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Высказанное мнѣніе это становится государственно-правовымъ принципомъ, на который потомъ, въ подобныхъ случаяхъ, ссылались. Впрочемъ, разныя особенныя обстоятельства, коренившіяся въ фактическихъ отношеніяхъ силы, нерѣдко получали и особенное выраженіе и признаніе на пергаментѣ. Такимъ образомъ, возникали разныя franchieses, вольности, права, льготы, статуты сословій, промысловъ, городовъ и т. д.

Всѣ эти факты, прецеденты, государственно-правовые принципы, пергаменты, вольности, уложенія, привилегіи составляли въ совокупности конституцію страны, и все это было въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ простымъ наивнымъ выраженіемъ реальныхъ соотношеній силы, существующихъ въ странѣ.

Слѣдовательно, дѣйствительную конституцію имѣли всѣ страны во всѣ времена. Стало быть, новѣйшему времени исключительно свойственны не дѣйствительныя, а писанныя конституціи или листы бумаги: чрезвычайно важно не упускать этого изъ виду.

Въ самомъ дѣлѣ въ новѣйшее время мы видимъ почти во всѣхъ государствахъ стремленіе къ пріобрѣтенію писанной конституціи, кото-

10075

рая должна содержать и утверждать въ одной грамотѣ, на листѣ бумаги, всѣ учрежденія и правительственные принципы страны.

Что за причина этого исключительнаго стремленія новѣйшаго времени?

Это также очень важный вопросъ, и, только отвѣтивъ на него, можно узнать, какъ надо браться за созданіе конституціи, что слѣдуетъ думать о существующихъ уже конституціяхъ икакъ относиться къ нимъ, словомъ, только этотъ отвѣтъ можетъ научить всему конституціонному искусству и всей конституціонной мудрости.

Итакъ, я спрашиваю: что за причина этого исключительнаго стремленія новѣйшаго времени къ созданію писанныхъ конституцій?

Но, господа, въ чемъ же можетъ заключаться эта причина?

Очевидно, лишь въ томъ, что въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы существующихъ въ странахъ, одержимыхъ этимъ стремленіемъ, произошла перемѣна. Но произойди перемѣны въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силъ общества; останься эти отношенія прежними, было бы невозможно и немыслимо, чтобы это общество почувствовало стремленіе къ новой конституціи. Оно осталось бы при прежнемъ; самое большее, что оно могло бы сдѣлать—это собрать въ одной грамотѣ разсѣянныя части своей конституціи.

Какъ же происходитъ перемѣна въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ силы общества?

Представьте себѣ средневѣковое государство, съ рѣдкимъ населеніемъ, какъ всѣ тогдашнія государства, съ королемъ и съ дворянствомъ, которому принадлежитъ большая часть земли. По малочисленности населенія лишь самая ничтожная часть его можетъ находиться въ распоряженіи у промышленности и торговли; большинство населенія нужно еще для обработки земли и производства необходимыхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Такъ какъ большая часть земли въ рукахъ дворянства, то населеніе это находитъ занятіе и работу у дворянства, къ которому состоитъ въ различныхъ отношеніяхъ зависимости—вассаловъ, крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ арендаторовъ и т. д., всѣ эти разнообразныя отношенія состоятъ въ разныхъ степеняхъ одного и того же—зависимости, населенія отъ дворянства; эта зависимость заставляетъ населеніе служить дворянству вассальную службу и сражаться за него въ его войнахъ. На излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, которые дворянство получаетъ съ своихъ помѣстій, оно содержитъ въ своихъ замкахъ рейтаровъ и тѣлохранителей, вообще разныхъ солдатъ.

Противъ этой силы дворянства государь не имѣетъ въ сущности никакой дѣйствительной силы, кромѣ помощи тѣхъ дворянъ, которые добро-

вольно — принудить ихъ ему трудно—откликнутся на его призывъ, да пожалуй, еще ничтожную, не стоющую помина помощь немногихъ и слабонаселенныхъ городовъ.

Какова, полагаете вы, будетъ конституція подобнаго государства?

Она необходимо будетъ такова, какою ее опредѣляютъ эти дѣйствительныя соотношенія силы страны.

Конституція будетъ сословная; дворянство будетъ первымъ и во всѣхъ отношеніяхъ господствующимъ сословіемъ. Безъ его согласія государь будетъ не въ правѣ предписать ни гроша налога; отношеніе его къ дворянству будетъ не иное, какъ primus inter pares, перваго между равными.

И дѣйствительно, господа, такова была въ средніе вѣка конституція Пруссіи и большей части другихъ государствъ.

Но теперь предположимъ, что населеніе все болѣе и болѣе умножается, промышленность и ремесла начинаютъ процвѣтать и этимъ даютъ необходимыя средства существованія для новаго возрастанія населенія, которое начинаетъ наполнять города. Капиталъ и денежное богатство начинаютъ развиваться въ рукахъ буржуазіи и городскихъ гильдій. Что теперь будетъ?

Возрастаніе городского населенія, не зависящаго отъ дворянства, интересы котораго даже противоположны его интересамъ, служитъ на пользу государю, съ возрастаніемъ населенія умножается число способныхъ носить оружіе, которыми государь можетъ располагать, горожане и промыслы, сильно терпящіе отъ безпрерывныхъ дворянскихъ усобицъ, должны желать гражданскаго спокойствія и безопасности, правильнаго правосудія въ странѣ, въ интересахъ торговли и производства, поэтому они охотно поддерживаютъ государя деньгами и людьми; на ихъ субсидіи государь можетъ, какъ только ему понадобится, собрать порядочную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства. Тогда государи начнутъ все болѣе и болѣе ограничивать власть дворянства, отнимать у него право вести войны; они будутъ разрушать его замки, если оно нарушаетъ законы страны; наконецъ, съ теченіемъ времени промышленность до того разовьетъ денежное богатство и населеніе страны, что дастъ государю возможность составить постоянную армію; государь двинетъ свои полки на собраніе чиновъ, какъ великій курфюрстъ, и со словами Фридриха Вильгельма I: „je stabilirai die Souveränetät wie einen rocher de bronze [1])—уничтожитъ податную льготность дворянства и положитъ конецъ праву его утверждать налоги.

---

[1]) Обыкновенная манера этого короля выражаться смѣсью коверканнаго французскаго съ нѣмецкимъ языкомъ; этою фразою онъ хотѣлъ сказать: утвержу самодержавіе, какъ бронзовую скалу. *Пр. перев.*

Вы видите, что здѣсь съ перемѣной реальныхъ отношеній силы происходитъ и перемѣна конституціи, возникаетъ абсолютная монархія.

Государю нѣтъ надобности писать новую конституцію; монархія слишкомъ практична, чтобы заниматься этимъ. У государя въ рукахъ реальное фактическое средство власти, постоянная армія, составляющая дѣйствительную конституцію этого общества; съ теченіемъ времени государь и его приверженцы сами высказываютъ это, называя страну „военнымъ государствомъ“.

Дворянство далеко не имѣетъ возможности соперничать съ государемъ и давно должно было отказаться отъ самостоятельной военной силы. Оно забыло свое прежнее противодѣйствіе государю, забыло, что было равнымъ ему, переѣхало большею частью изъ своихъ замковъ въ резиденцію, получило тамъ пенсіи и жалованья и послужило къ усиленію блеска и значенія монарха.

Но промышленность и ремесла развиваются все болѣе и болѣе, съ ихъ процвѣтаніемъ населеніе все возрастаетъ и возрастаетъ.

Повидимому, этотъ прогрессъ попрежнему служитъ только на пользу государю, который можетъ вслѣдствіе этого постоянно увеличивать свою армію и, такимъ образомъ, достигаетъ, наконецъ, всемірнаго значенія.

Но развитіе гражданскаго общества достигаетъ, наконецъ, такихъ громадныхъ, такихъ гигантскихъ размѣровъ, что государь не можетъ даже посредствомъ арміи удерживаться въ равной прогрессіи съ этимъ возрастаніемъ силы гражданъ.

Чтобы пояснить это, вотъ вамъ нѣсколько цифръ, господа.

Въ 1657 г. Берлинъ имѣлъ 20.000 жителей. Почти въ то же время, ко времени смерти великаго курфюрста, армія простиралась до 24—30.000 человѣкъ.

Въ 1803 г. въ Берлинѣ было уже 153.070 жителей.

Въ 1819 г., шестнадцать лѣтъ спустя, въ Берлинѣ было уже 192,646 жителей.

Въ этомъ году армія простиралась до 137,639 человѣкъ; въ то время, какъ вамъ извѣстно, въ силу сентябрскаго закона 1814 г., который теперь хотятъ отнять у насъ, ландверъ не причислялся къ арміи.

Вы видите, что армія была тогда вчетверо больше, чѣмъ при великомъ курфюрстѣ.

Но число жителей Берлина возрасло въ 9 разъ.

Но тутъ начинается еще болѣе необыкновенное развитіе.

Въ 1846 г. населеніе Берлина — всѣ цифры заимствованы мною изъ оффиціальныхъ источниковъ—дошло до 389.308 жителей, почти до 400.000; слѣдовательно, оно увеличилось съ 1819 г. вдвое. Въ 27 лѣтъ оно больше, чѣмъ удвоилось, а теперь, какъ вамъ извѣстно, простирается до 550.000 жителей.

А постоянная армія же была въ 1846 г. силою только въ 138.810 человѣкъ. Стало быть, она почти не увеличивалась съ 1819 г., нисколько не участвуя въ этомъ громадномъ развитіи гражданскаго населенія.

При такомъ громадномъ развитіи, гражданство начинаетъ сознавать себя самостоятельной политической силой. Рука объ руку съ этимъ развитіемъ населенія еще болѣе развивается общественное богатство; также сильно развиваются и науки и общее образованіе общественнаго сознанія, что, какъ мы видѣли, составляетъ также часть конституціи. Граждане начинаютъ разсуждать такъ: мы не хотимъ долѣе быть управляемой массой, не имѣющей собственной воли; мы хотимъ сами владычествовать, и надо, чтобы государь управлялъ нами и завѣдывалъ нашими дѣлами лишь такъ, какъ мы сами хотимъ.

Короче сказать, господа, реальныя фактическія отношенія силы, существовавшія въ странѣ, опять измѣнились. Другими словами: въ обществѣ наступило—17 марта 1848 г.!

Такимъ образомъ, здѣсь случилось какъ разъ то, что въ началѣ нашего изслѣдованія мы предположили совершенно невозможнымъ примѣромъ. Мы предположили, что общество лишилось всѣхъ своихъ законовъ отъ пожара. На самомъ дѣлѣ, они погибли не отъ пожара, а отъ бури.

„Das Volk stand auf,
Der Sturm brach los“ [1]).

Послѣ побѣдоносной революціи въ обществѣ частное право остается неприкосновеннымъ, но всѣ законы публичнаго права ниспровергнуты или сохраняютъ лишь временное значеніе, и надо создать новые.

Такимъ образомъ, представляется необходимость сдѣлать новую писанную конституцію, и вотъ король самъ сзываетъ въ Берлинъ національное собраніе, чтобы постановить, какъ сперва говорили, новую писанную конституцію или, какъ говорили потомъ, чтобы согласиться съ нимъ насчетъ ея!

---

[1]) Народъ возсталъ, буря разразилась.

Теперь спрашивается: какія условія нужны, чтобы писанная конституція была хороша и прочна.

Изъ всего нашего изслѣдованія, очевидно, слѣдуетъ, господа, что для этого необходимо одно условіе, а именно, чтобы писанная конституція соотвѣтствовала дѣйствительной, т. е. реальнымъ отношеніямъ силы, существующимъ въ странѣ. Какъ скоро писанная конституція не соовѣтствуетъ дѣйствительной, между ними происходитъ столкновеніе, котораго ничѣмъ нельзя предупредить и въ которомъ писанная конституція, листокъ бумаги, неизбѣжно побѣждается дѣйствительною конституціею, дѣйствительными отношеніями силы, существующими въ странѣ.

Что же слѣдовало дѣлать?

Слѣдовало прежде всего создать не писанную, а дѣйствительную конституцію, т. е. измѣнить существующія въ странѣ реальныя отношенія силы, измѣнить ихъ въ пользу гражданъ.

Правда, 18 марта показало, что сила націи уже теперь больше силы арміи. Послѣ долгаго и кроваваго боя войска были принуждены отступить.

Но я уже указалъ вамъ на важную разницу между силой націи и силой арміи, по которой сила арміи, хотя собственно меньшая, оказывается, однако, съ теченіемъ времени болѣе дѣйствительной, чѣмъ превосходящая ее размѣромъ сила націи.

Разница эта, вы помните, состоитъ въ томъ, что сила націи не организована, а сила арміи организована, ежедневно готова возобновить бой и потому должна оказаться съ теченіемъ времени болѣе дѣйствительною, удержать побѣду за собой противъ большей, но не организованной силы націи, которая сплачивается въ дружную массу лишь въ рѣдкія минуты чрезвычайнаго возбужденія.

Слѣдовательно, чтобы побѣда 18 марта не осталась необходимо безплодной для народа, надо было воспользоваться минутой ея для преобразованія организованной силы арміи такъ, чтобы она не могла болѣе служить государю средствомъ противъ націи.

Надо было, напр., ограничить службу солдата шестимѣсячнымъ срокомъ. Этотъ срокъ признается первѣйшими военными авторитетами совершенно достаточнымъ, чтобы дать солдату полное военное обученіе, а съ другой стороны, онъ слишкомъ кратокъ, чтобы внушить солдату особый духъ касты; онъ настолько кратокъ, что требуетъ постояннаго возобновленія арміи изъ среды народа и этимъ превращаетъ ее изъ войска государя въ народное войско.

Далѣе слѣдовало постановить, чтобы всѣ низшіе офицеры, по крайней

мѣрѣ, до маіора включительно, не назначались свыше, а избирались самими войсками, чтобы офицерскія должности замѣщались не во враждебномъ народу духѣ, что такъ способствуетъ обращенію арміи въ слѣпое орудіе власти государя.

Слѣдовало также постановить, что всѣ проступки служащихъ въ арміи, кромѣ спеціально военныхъ, должны подлежать обыкновенному гражданскому суду; это научило бы армію считать себя общею съ народомъ, а не чѣмъ-то особымъ, какою-то отдѣльной кастой. Далѣе, всѣ пушки, которыя должны вѣдь служить только на защиту страны, слѣдовало отдать на храненіе городскимъ властямъ, избираемымъ народомъ, за исключеніемъ небольшого числа необходимыхъ для военныхъ упражненій. Часть этой артиллеріи слѣдовало употребить на образованіе артиллерійскихъ отрядовъ, гражданскаго ополченія, національной гвардіи, чтобы, такимъ образомъ, доставить народу и пушки, эту столь важную часть конституціи.

Ничего этого не было сдѣлано весной и лѣтомъ 1848 года, и послѣ этого можно ли удивляться, господа, что въ ноябрѣ мартовская революція была обращена вспять и осталась безплодной? Разумѣется, нельзя, и реакція была необходимымъ послѣдствіемъ того, что въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы не было произведено никакой перемѣны.

Государямъ, господа, служатъ гораздо лучше, чѣмъ вамъ! Слуги государей не краснобаи, какими часто бываютъ слуги народа. Это люди практическіе, инстинктивно понимающіе въ чемъ суть. Господинъ фонъ-Мантейфель былъ плохой ораторъ. Но это былъ человѣкъ практическій! Разогнавъ въ ноябрѣ 1848 г. національное собраніе и выставивъ на улицѣ пушки, за что прежде всего принялся онъ? Не строчить ли реакціонную конституцію? Какъ бы не такъ! Онъ зналъ, что всегда успѣетъ сдѣлать это! Въ декабрѣ 1848 года онъ даже самъ далъ вамъ писанную конституцію, довольно либеральную. Съ чего же началъ онъ въ ноябрѣ? Что было его первой мѣрой? О, вы, конечно, помните: онъ началъ съ обезоруженія гражданъ. Видите, господа, первымъ дѣломъ побѣдителя должно быть обезоруженіе побѣжденнаго, если онъ не хочетъ, чтобы борьба ежеминутно возобновлялась.

Наше изслѣдованіе, господа, вначалѣ было очень медленно, потому что мы искали прежде всего самого понятія конституціи. Быть можетъ, нѣкоторымъ оно показалось слишкомъ медленнымъ. Но зато вы видѣли, что, какъ только мы нашли это понятіе, передъ нами одно за другимъ раскрылись поразительнѣйшія послѣдствія, и теперь мы знаемъ этотъ предметъ гораздо лучше, яснѣе и глубже, чѣмъ другіе. Мало того, мы пришли къ

выводамъ, большею частью совершенно противоположнымъ тѣмъ воззрѣніямъ на этотъ предметъ, которыя господствуютъ въ общественномъ мнѣніи.

Разсмотримъ вкратцѣ еще нѣсколько такихъ выводовъ.

Я показалъ, что въ 1848 г. не было принято ни одной необходимой мѣры для измѣненія существовавшихъ въ странѣ фактическихъ отношеній силы и для превращенія арміи изъ арміи государя въ народное войско.

Было, впрочемъ, сдѣлано одно предложеніе, клонившееся къ этой цѣли и представлявшее первый шагъ на этомъ пути. То было предложеніе Штейна принудить министерство издать приказъ по арміи, имѣвшій цѣлью заставить удалиться изъ нея всѣхъ реакціонерныхъ офицеровъ.

Но вы помните, господа, что едва берлинское національное собраніе приняло это предложеніе, какъ вся буржуазія и половина страны завопили: національное собраніе должно вырабатывать конституцію, а не разбирать дрязги съ министерствомъ, не должно тратить время на понуканія, не должно вмѣшиваться въ дѣла исполнительной власти; вырабатывать конституцію, только и знайте, что вырабатывать конституцію, кричали они, точно кругомъ загорѣлось!

Вы видите, господа, что вся буржуазія, цѣлая половина страны, говорившая это, не имѣла ни малѣйшаго понятія о сущности конституціи!

Сочиненіе писанной конституціи было самымъ не важнымъ дѣломъ; это можно было сдѣлать, если бы понадобилось, въ двое сутокъ: это было послѣднее, о чемъ слѣдовало думать, сдѣланное преждевременно, оно было безполезнѣйшимъ дѣломъ.

Преобразовать дѣйствительныя, фактическія отношенія силы въ странѣ, вмѣшаться въ исполнительную власть, такъ вмѣшаться, такъ фактически преобразовать ее, чтобы она уже никогда не могла самостоятельно противостать волѣ націи — вотъ въ чемъ было дѣло, вотъ что слѣдовало сдѣлать, чтобы писанная конституція могла быть прочна.

Такъ какъ національное собраніе принялось за писанную конституцію слишкомъ рано, то ему не дали времени даже кончить ее и прогнали его при помощи не сломанныхъ орудій силы исполнительной власти.

Второй выводъ. Предположите, что національное собраніе не прогнали бы, что ему удалось бы выработать и постановить конституцію.

Измѣнило ли бы это хоть сколько-нибудь существенно теченіе дѣлъ.

Нисколько, господа, и доказательство этому представляютъ самые факты. Хотя національное собраніе было прогнано, но король, по оставленнымъ имъ бумагамъ, самъ сочинилъ и провозгласилъ 5 декабря 1848 г. кон-

ституцію, въ главныхъ пунктахъ совершенно такую же, какой мы могли ожидать отъ національнаго собранія.

Эта конституція была не навязана королю, а провозглашена имъ самимъ, добровольно дана имъ послѣ побѣды. Казалось бы, что тѣмъ болѣе можно разсчитывать на ея прочность,

Нѣтъ, господа! Невозможно! Если у васъ въ саду растетъ яблоня и вы повѣсите на нее ярлыкъ съ надписью: сіе есть фиговое дерево—сдѣлается ли яблоня фиговымъ деревомъ? Нѣтъ, и хотя бы всѣ ваши домочадцы, хотя бы всѣ жители околотка собрались и громогласно, торжественно поклялись и присягнули: сіе есть фиговое дерево—дерево останется, чѣмъ было, и на будущій годъ это окажется, когда на немъ вырастутъ яблоки, а не фиги.

То-же и съ конституціей. Все равно, что ни написать на листкѣ бумаги, если написанное противорѣчитъ реальному положенію вещей, фактическимъ отношеніямъ силъ.

Король сдѣлалъ добровольно на листкѣ бумаги 5 декабря 1848 г. много уступокъ, которыя всѣ противорѣчили дѣйствительной конституціи, реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, которую король удержалъ въ своихъ рукахъ неослабленною. Поэтому, дѣйствительная конституція должна была шагъ за шагомъ пробиться чрезъ писанную съ такою же необходимостью, какая заключается въ законѣ тяготѣнія.

Такъ, хотя конституція 5 декабря 1848 г. была принята ревизіоннымъ собраніемъ, король долженъ былъ произвести въ ней первое измѣненіе,—жалованный трехклассный избирательный законъ 1849 г. Съ помощью палатъ, порожденныхъ этимъ избирательнымъ закономъ, были произведены въ конституціи дальнѣйшія существеннѣйшія передѣлки, пока въ 1850 г. король не присягнулъ ей, а какъ только присягнулъ, такъ тутъ-то и началось настоящее перекраиваніе. Съ 1850 г. не проходило года безъ передѣлокъ въ конституціи! Любое знамя, перебывавшее въ ста сраженіяхъ, меньше ободрано и протыкано, чѣмъ наша конституція!

Третій выводъ. Вамъ извѣстно, господа, что въ нашемъ городѣ есть партія, органомъ которой служитъ „Народная Газета“, партія, цѣпляющаяся съ лихорадочнымъ трепетомъ за этотъ оборвышъ знамени, за эту изувѣченную конституцію, называющая себя поэтому „неизмѣнными приверженцами конституціи“ и избравшая боевымъ кличемъ вопль: „Давайте держаться конституціи, ради Бога конституція, караулъ, спасите, гибнемъ, погибаемъ!“

Какъ скоро вы видите партію, — все равно, гдѣ и когда бы вы ни видѣли ее, — которая издаетъ на подобіе боевого клича трепетный вопль

„держаться за конституцію“,—что заключите вы изъ этого являнія, господа? Я спрашиваю васъ, господа, не о намѣреніяхъ, не о желаніяхъ вашихъ; я спрашиваю васъ только о мысляхъ вашихъ: что заключите вы изъ этого явленія?

Не будучи пророками, вы съ величайшей увѣренностью скажете при видѣ этого: эта конституція находится при послѣднемъ издыханіи; она уже все равно, что трупъ; еще нѣсколько лѣтъ, и ея не будетъ.

Причины просты. Когда писанная конституція соотвѣтствуетъ существующимъ въ странѣ фактическимъ отношеніямъ силъ, подобныхъ воплей не раздается. Къ такой конституціи никто не подступится, и всякій побоится коснуться ея. Никому въ голову не войдетъ ввязываться съ ней въ борьбу, а если бы кто ввязался, то ему пришлось бы плохо. Гдѣ писанная конституція соотвѣтствуетъ реальнымъ фактическимъ отношеніямъ силы, тамъ невозможно подобное явленіе, чтобы какая-нибудь партія взяла себѣ особымъ боевымъ кличемъ „держаться за конституцію“. Гдѣ подобный кличъ раздается, онъ самъ служитъ вѣрнымъ и несомнѣннымъ признакомъ, что онъ — вопль страха; другими словами: онъ доказываетъ, что въ писанной конституціи есть нѣчто противорѣчащее дѣйствительной конституціи, фактическимъ отношеніямъ силы. А гдѣ такое противорѣчіе существуетъ, тамъ писанная конституція погибла неизбѣжно, и никакой богъ, никакіе вопли не спасутъ ее!

Она можетъ измѣниться въ двѣ противоположныя стороны, вправо и влѣво, но уцѣлѣть не можетъ. Это доказываетъ всякому здравомыслящему человѣку самый вопль о сохраненіи ея. Она можетъ измѣниться вправо, если измѣненіе предприметъ правительство, что согласовать писанную конституцію съ фактическими условіями организованной силы въ обществѣ. Или выступитъ неорганизованная сила общества и снова докажетъ свое превосходство надъ организованной. Въ такомъ случаѣ конституція будетъ измѣнена и отмѣнена влѣво, какъ въ первомъ—вправо. Но во всякомъ случаѣ она погибла.

Если вы не только запомните и тщательно обдумаете рѣчь, которую я имѣлъ честь произнести передъ вами, господа, но выведете изъ нея всѣ послѣдствія, какія вытекаютъ изъ нея, то пріобрѣтете все конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость. Конституціонные вопросы прежде всего вопросы силы, а не права; дѣйствительная конституція страны заключается лишь въ существующихъ въ странѣ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы; писанныя конституціи тогда только имѣютъ значеніе и прочность, если представляютъ точное выраженіе дѣйствительныхъ отно-

шеній силы въ обществѣ,—вотъ принципы, которые вамъ надо запомнить. Сегодня я объяснилъ вамъ эти принципы, освѣтивъ ихъ только со стороны военной силы, потому что, во-первыхъ, время не позволяло мнѣ разобрать другія стороны, а, во-вторыхъ, войско есть рѣшительнѣйшая и важнѣйшая изъ организованныхъ силъ. Но вы понимаете, что тоже относится къ организаціи служителей правосудія, чиновниковъ администраціи и т. д.; все это также организованныя средства силы общества. Запомните эту рѣчь, господа, чтобы знать, если когда-нибудь опять получите возможность самимъ себѣ дѣлать конституцію, какъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ, знать, что дѣло дѣлается не исписываніемъ бумаги, а измѣненіемъ фактическихъ отношеній силы.

А пока, для повседневнаго обихода, вы сами, и безъ моихъ указаній узнаете изъ этой рѣчи, изъ какой потребности проистекаютъ нынѣшнія военныя реформы, предлагаемыя правительствомъ, его требованіе увеличить армію. Вы сами укажете пальцемъ сокровенный источникъ этого предпріятія.

Господа! Служители монархіи — практики, а не краснобаи, но такихъ практическихъ служителей слѣдуетъ пожелать и вамъ.

ЧТО ЖЕ ТЕПЕРЬ?

О СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИ,

РѢЧЬ ВТОРАЯ (1863 г.).

Въ моей послѣдней рѣчи, господа, я объяснилъ вамъ сущность конституціи, въ особенности прусской. Я показалъ вамъ, какъ надо отличать дѣйствительную конституцію отъ писанной только, или листка бумаги, показалъ. что дѣйствительная конституція страны состоитъ въ реальныхъ фактическихъ отношеніяхъ силы, существующихъ въ данномъ обществѣ, я показалъ вамъ, что писанная конституція, если не соотвѣтствуетъ фактическимъ отношеніямъ организованной силы общества, если, слѣдовательно, она просто лишь листокъ бумаги,—должна необходимо, непремѣнно и безъ всякаго спасенія погибнуть подъ гнетомъ организованныхъ отношеній силы. Въ этомъ случаѣ, сказалъ я, непремѣнно будетъ одно изъ двухъ: или правительство, предприметъ перемѣну конституціи, чтобы согласовать писанную конституцію съ фактическими отношеніями организованной силы общества, или поднимется неорганизованная сила общества, снова докажетъ свое превосходство надъ организованной и необходимо измѣнить влѣво отношенія организованныхъ силъ общества, т. е. самую сущность конституціи, какъ правительство, въ случаѣ своей побѣды, измѣняетъ ее въ той или другой формѣ вправо.

Въ заключеніе этой рѣчи я сказалъ, что если вы хорошенько обдумаете ее и выведете изъ нея всѣ послѣдствія, какія она содержитъ, то пріобрѣтете полную конституціонную мудрость. Если это правда, если полное пониманіе принциповъ, развитыхъ въ этой рѣчи, и выводъ изъ нея всѣхъ послѣдствій этихъ принциповъ дѣйствительно даютъ полное конституціонное искусство и всю конституціонную мудрость, то они должны также давать

націи указаніе вѣрнаго и единственнаго пути счастливо и побѣдоносно выйти изъ современнаго столкновенія.

Это указаніе мнѣ дѣйствительно очень легко дать вамъ сегодня. На основаніи теоріи, которую я развилъ въ прошлый разъ передъ вами, я опредѣлю теперь средства, необходимо и единственно ведущія къ побѣдоносному разрѣшенію столкновенія, возникшаго между правительствомъ и палатой.

Прежде чѣмъ приступимъ къ этому, взглянемъ еще разъ, какъ безусловна вѣрна моя теорія сущности конституцій, которая послужитъ основаніемъ моимъ сегодняшнимъ изслѣдованіямъ.

Вамъ извѣстно, господа, до какой степени подвергается оспариванію каждое политическое положеніе противными политическими партіями. Въ томъ, что одна партія признаетъ неоспоримо-истиннымъ, нѣтъ ничего, что не отвергалось бы другою съ такою же положительностью, какъ совершенно ложное. Подчасъ можно почти подумать—и слабые, скептическіе умы дѣйствительно приходятъ къ такому убѣжденію—что истины вовсе нѣтъ, нѣтъ единаго общечеловѣческаго разума. Мысль эта является, когда видишь, съ какимъ презрѣніемъ и ожесточеніемъ, съ какой послѣдовательностью и вѣрностью принципамъ одна партія преслѣдуетъ, какъ абсолютно ложное, то, что у другой партіи также рѣшительно считается абсолютно дознаннымъ, аксіомой. Въ этомъ рѣзкомъ диссонансѣ мнѣній, въ этомъ дисгармоническомъ, раздирательномъ концертѣ положеній, взаимно обличающихся во лжи, только наукѣ дано выводить по временамъ на свѣтъ божій истину, столь явную и разительную, что самыя противоположныя политическія партіи не могутъ не признать ее. Такіе случаи представляютъ поэтому всегда истинное торжество наукъ и сильнѣйшее доказательство справедливости теоріи. Одинъ изъ этихъ рѣдкихъ случаевъ представился теперь относительно конституціонной теоріи, которую я изложилъ вамъ въ прошлой рѣчи.

Какъ вамъ извѣстно, господа, я принадлежу къ партіи чистой и радикальной демократіи.

Несмотря на это, даже столь противоположный воззрѣніямъ моей партіи политическій органъ, какъ „Крестовая Газета“, не могъ открыто не признать безусловной истины моей конституціонной теоріи. Въ № 132 отъ 8 іюня 1862 г., эта газета посвящаетъ моей теоріи передовую статью и въ ней называетъ ее по-своему: „рѣчь, надѣлавшаго въ свое время шума, революціонера изъ евреевъ, который съ вѣрнымъ инстинктомъ попалъ пальцемъ въ самый центръ, но высказалъ еще не все, что знаетъ и ду-

маетъ". Что касается послѣдняго обстоятельства, то я исправлю эту ошибку, если это ошибка. „Крестовая Газета" можетъ быть увѣрена, что я исполню ея предчувствіе и постепенно своевременно выскажу все, что знаю и думаю. Пока я только намотаю на усъ ея признаніе, что моя конституціонная теорія попала въ центръ. Но не только „Крестовая Газета"—сами министры вполнѣ признали вѣрность моей теоріи.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ 12 сентября 1862 г. военный министръ, г. фонъ-Роопъ, объявилъ, что, по его воззрѣнію на исторію, главное содержаніе исторіи, не только международной, но и внутренней исторіи каждаго отдѣльнаго государства, состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ, за силу и за распространеніе силы между отдѣльными факторами.

Какъ видите, господа, это буквально та самая теорія, которую я изложилъ съ историческими подробностями въ моей рѣчи весной прошлаго года и потомъ обнародовалъ брошюрой.

Но замѣчательно, что въ той же рѣчи, нѣсколькими строками ниже предыдущаго, военный министръ говоритъ, что въ Берлинѣ внѣ палаты депутатовъ есть агитаторы, „обнаруживающіе—это его подлинныя слова—письменно и устно, въ печати и въ окружныхъ собраніяхъ, въ высшей степени дикія и, по моему мнѣнію, разрушительнѣйшія стремленія".

Сколько мнѣ извѣстно, въ здѣшнихъ окружныхъ собраніяхъ кромѣ моей рѣчи не было произнесено ни одной, къ которой могло бы сколько-нибудь относиться выраженіе „разрушительнѣйшія стремленія", при томъ министерская „Звѣздная Газета" тогда же неоднократно обвиняла мою рѣчь, которую я читалъ въ трехъ или четырехъ собраніяхъ, въ разрушительныхъ стремленіяхъ; принимая все это въ соображеніе въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что военный министръ только что призналъ основную мысль моей рѣчи своимъ собственнымъ историческимъ воззрѣніемъ, я нахожусь вынужденнымъ принять на свой счетъ, на счетъ этой самой рѣчи моей о сущности конституціи, произнесенной въ окружныхъ собраніяхъ, обвиненіе министра въ разрушительныхъ стремленіяхъ, насколько оно касается окружныхъ собраній.

Но я, съ своей стороны, вынужденъ назвать очень страннымъ и дикимъ, что г. военный министръ находитъ въ моихъ устахъ разрушительнымъ то самое историческое воззрѣніе, тѣ самыя слова даже, которыя въ своихъ устахъ считаетъ, конечно, весьма консервативными.

Впрочемъ, дѣло было еще болѣе странно и дико. Военный министръ упрекалъ по этому поводу палату за то, что она не выразила порицанія

этимъ стремленіямъ, обнаружившимся въ окружныхъ собраніяхъ и печати. Во-первыхъ, дѣло ли палаты выражать мнѣ порицаніе! Но всего уморительнѣе, что военный министръ не видитъ, что, приглашая палату выразить порицаніе историческому воззрѣнію, которое только что призналъ своимъ собственнымъ, самъ приглашаетъ ее этимъ выразить порицаніе ему самому и его собственнымъ воззрѣніямъ!

Впрочемъ, это только потѣшные казусы, за которые пусть военный министръ раздѣлывается, какъ знаетъ, съ логикой, къ нашему вопросу они никакого отношенія не имѣютъ, для насъ важно только засвидѣтельствовать фактъ, что военный министръ принимаетъ развитую въ моей прошлой рѣчи теорію о сущности конституціи.

Да и самъ нынѣшній министръ президентъ, г. фонъ-Бисмаркъ, былъ такъ любезенъ, что не преминулъ засвидѣтельствовать, при томъ отъ имени всего министерства, справедливость моего историческаго воззрѣнія.

Вамъ извѣстно, что утверждать или отвергать государственный бюджетъ есть начертанное въ конституціи неоспоримое право палаты.

Палата воспользовалась этимъ правомъ. Г. фонъ-Бисмаркъ собственно не отрицаетъ, что это ея право. Но въ засѣданіи 7 октября онъ говорилъ: „Подобные вопросы права разрѣшаются обыкновенно не сопоставленіемъ противоположныхъ теорій, а постепенно государственно-правовой практикой“. Если разобрать эти слова внимательнѣе, господа, то мы найдемъ въ нихъ всю мою теорію, правда, облеченную въ нѣсколько болѣе сдержанныя, болѣе стыдливыя выраженія, какъ и приличествуетъ министру. Право палаты г. фонъ-Бисмаркъ переводитъ смягченнымъ выраженіемъ— вопросъ права. Онъ не отрицаетъ—какъ тутъ отрицать?—что этотъ вопросъ права или это право написано на листкѣ бумаги, находится въ конституціи. Но, говоритъ онъ, въ томъ-то и штука, что оно находится только на листкѣ бумаги, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности рѣшается государственно-правовой практикой. Вы видите, что подъ смягченнымъ выраженіемъ „государственно-правовая практика“, т. е. то, что дѣлается на самомъ дѣлѣ въ противоположность пустому праву или теоріи права. здѣсь разумѣется та сила, которую я назвалъ яснѣе реальными фактическими отношеніями силы. Переведя фразу г. фонъ-Бисмарка съ министерскаго на простой неприкрашенный языкъ, мы получимъ такое разсужденіе. Пускай, говоритъ онъ, листокъ бумаги за васъ. Но за меня реальныя фактическія отношенія организованной силы, армія, финансы, суды, а вѣдь рѣшаютъ-то дѣло въ послѣдней инстанціи, опредѣляютъ то государственно-правовую практику эти реальныя фактическія отношенія силъ.

Приговоръ этихъ реальныхъ фактическихъ отношеній силы, говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ депутатамъ, низводитъ ваше право на степень лишь вопроса права, и эти же отношенія силы служатъ мнѣ порукой, что вопросъ рѣшится не въ пользу вашего лишь теоретическаго, лишь бумажнаго права. „Постепенно,—говоритъ г. фонъ-Бисмаркъ,—государственно-правовая практика рѣшитъ этотъ вопросъ права, т. е. это столкновеніе права лишь писаннаго съ желѣзными отношеніями силы, въ совершенно иномъ смыслѣ“. Тутъ у г. Бисмарка кроется еще другая мысль. Вы помните, какъ я объяснялъ въ прошлой рѣчи, что такое конституціонный прецедентъ. Если я имѣю на что-нибудь, во-первыхъ, силу, то я имѣю на это, во-вторыхъ, и право. Въ примѣръ я привелъ положеніе средневѣковаго французскаго государственнаго права: „народъ можетъ быть по произволу облагаемъ податями и повинностями!“ Положеніе это, сказалъ я, было вначалѣ не что иное, какъ простое выраженіе фактическихъ отношеній силы въ средневѣковой Франціи. Простой народъ былъ въ средніе вѣка дѣйствительно такъ безсиленъ, что его можно было по произволу обременять податями и повинностями; сообразно этимъ фактическимъ отношеніямъ силы всегда и поступали. Народъ всегда такъ и обременяли. Этотъ фактическій порядокъ давалъ такъ называемые прецеденты, которые въ Англіи до сихъ поръ играютъ важную роль въ конституціонныхъ вопросахъ. При фактическомъ обремененіи народа естественно часто и высказывался фактъ, что можно обременять народъ подобнымъ образомъ. Высказанный фактъ этотъ становился государственно-правовымъ правиломъ, на которое потомъ въ подобныхъ случаяхъ ссылались.

Вы видите, господа, что г. фонъ-Бисмаркъ, очевидно, имѣетъ въ виду это самое, утверждая, что дѣло будетъ рѣшено въ совершенно другомъ смыслѣ постепенно государственно-правовою практикою.

Если теперь, въ 1862 г.,—хочетъ сказать г. фонъ-Бисмаркъ,—у меня окажется сила провести это, то въ 1866 г., если я опять захочу увеличить армію противъ воли палаты, сдѣлать расходы, не одобренные палатой, у меня будетъ уже и право на это, потому что тогда я сошлюсь уже на нынѣшній случай, какъ на прецедентъ. Если въ 1870 г. мнѣ вздумается еще увеличить армію и расходовать финансы противъ воли палаты, я буду имѣть уже совершенно неоспоримое право на это, потому что буду имѣть возможность сослаться уже на два прецедента, на цѣлую „государственно-правовую практику“.

Пріятнымъ намекомъ, что не въ послѣдній разъ увеличиваетъ онъ ар-

мію противъ воли палаты и дѣлаетъ запрещенные ею расходы, что и впредь намѣренъ онъ поступать подобнымъ образомъ, этимъ утѣшительнымъ обѣщаніемъ возвысить постепенно до значенія неоспоримой государственно-правовой практики, произвольное увеличеніе арміи и расходовъ противъ воли палаты, этой восхитительной перспективой г. фонъ-Бисмаркъ хочетъ укротить палату и страну и утѣшить ихъ въ нарушеніи бумажной конституціи или пустой теоріи права.

Конечно, вамъ можетъ это показаться страннымъ утѣшеніемъ. Вѣдь это все равно, какъ если-бы я васъ билъ и старался склонить смирно переносить побои обѣщаніемъ, что и впредь буду отпускать вамъ ихъ щедро и во множествѣ.

Но, при всемъ томъ, разборъ этихъ словъ г. президента министровъ доказываетъ вамъ, что онъ глубокій и тонкій знатокъ сущности конституціи, что онъ вполнѣ держится моей теоріи, отлично знаетъ, что дѣйствительная конституція страны состоитъ не въ бумажномъ листкѣ, а въ фактическихъ отношеніяхъ силы, что на самомъ дѣлѣ она создается, опредѣляется этими отношеніями, а не бумажнымъ правомъ; что онъ какъ нельзя яснѣе понимаетъ, что такое прецедентъ, и какъ имъ можно потомъ воспользоваться.

Итакъ, господа, я могу обратить ваше вниманіе и особенно вниманіе присутствующихъ здѣсь представителей полицейской власти на то обстоятельство, что я держусь принциповъ, признанныхъ всѣми высшими правительственными властями и не допускающихъ никакихъ опроверженій.

Не удивляйтесь, господа, встрѣчая столь ясное пониманіе въ правительственныхъ лицахъ. Я и въ прошлый разъ замѣтилъ вамъ, что у государей отличные слуги, что слуги государей не краснобаи, но люди практическіе, обладающіе, при болѣе или менѣе выработанномъ теоретическомъ сознаніи, вѣрнымъ инстинктомъ сути дѣла.

Въ подтвержденіе вѣрности моей теоріи я могу привести не одни воззрѣнія правительственныхъ лицъ, а что гораздо важнѣе, и самыя событія, подтверждающія ее самымъ разительнымъ образомъ.

Вы помните пророчество, которое я вывелъ какъ третій выводъ изъ моихъ основныхъ положеній, въ прошлой рѣчи моей.

Я объяснилъ вамъ въ ней, какъ и почему наша нынѣшняя конституція необходимо находится въ агоніи и почему она должна въ скоромъ времени непремѣнно подвергнуться измѣненію вправо, правительствомъ, или влѣво, народомъ, но никакъ не можетъ долго остаться этою нынѣшнею опредѣленною конституціею. Я сказалъ тогда, что „наша конституція находится

при послѣднемъ издыханіи; это уже почти трупъ; еще нѣсколько лѣтъ—и ея не будетъ". Я не хотѣлъ слишкомъ пугать васъ и потому сказалъ: „еще нѣсколько лѣтъ".

Событія показали, что мнѣ слѣдовало бы сказать: еще нѣсколько мѣсяцевъ и ея не будетъ.

Самъ президентъ палаты депутатовъ, г. фонъ-Грабовъ, засвидѣтельствовалъ теперь, при закрытіи палаты, что конституція потерпѣла „тяжкій ущербъ".

Палата господъ—учрежденіе, составляющее часть этой самой конституціи—нарушила ее, утвердивъ государственный бюджетъ, отвергнутый второю палатою. Еще болѣе тяжко и важно нарушеніе, которому подверглась она со стороны самого правительства. Палата не согласилась на расходы на преобразованіе арміи, а правительство само говоритъ, что продолжаетъ расходовать деньги на этотъ предметъ послѣ постановленія палаты, какъ расходовало до него.

Итакъ, господа, логика оказалась права,—наша нынѣшняя конституція есть по крайней мѣрѣ на время конституція несуществующая въ дѣйствительности, и исторія несравненно превзошла срокъ, назначенный моимъ пророчествомъ.

Слѣдовательно, вы можете вполнѣ довѣрять непоколебимой вѣрности моей конституціонной теоріи. Если-бы затѣмъ изъ этой теоріи, подтвержденной всѣми сторонами и самыми событіями, мы могли бы съ логической послѣдовательностью вывести средство склонить на свою сторону побѣду въ настоящемъ столкновеніи, то оно дало бы намъ бодрость и увѣренность, господа. Ибо мы могли бы быть тогда убѣждены, что это средство, какъ рожденное этою теоріею, точно такъ же безусловно вѣрно, какъ она сама, и должно навѣрное вести къ побѣдѣ.

Такое средство вытекаетъ изъ этой теоріи съ очевидностью, и оно-то и составляетъ предметъ моей настоящей рѣчи.

Сперва должнымъ образомъ поставимъ вопросъ. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ важна прежде всего постановка вопроса, и ошибочный результатъ часто бываетъ слѣдствіемъ лишь ложной постановки вопроса.

Вопросъ нельзя ставить такъ: какъ сохранить и упрочить эту конституцію, т. е. именно вотъ эту опредѣленную январскую конституцію 1850 г., какъ она есть, во всей ея плоти и кожѣ? Если, господа, вы поставите вопросъ такъ, то ни я, ни кто-нибудь другой не будетъ въ состояніи дать истинное рѣшеніе его, иное рѣшеніе, кромѣ мнимаго, какъ никто не въ состояніи придать трупу гальванизаціей иной жизни, кромѣ призрачной.

Достаточно будетъ одного примѣра. Каждому изъ васъ ясно, что, напр., палата господъ, составляющая вѣдь также часть конституціи 1850 г. и пользующаяся своимъ положеніемъ, чтобы систематически противиться всѣмъ рѣшеніямъ палаты депутатовъ, не можетъ быть сохранена. Но уничтоженіе ея уничтожило бы нынѣшнюю конституцію въ одной изъ главныхъ основъ ея. Впрочемъ, вопросъ не представляется вамъ такъ. Въ этомъ видѣ онъ вовсе и не интересуетъ васъ. Какой интересъ можетъ имѣть для васъ сохраненіе, напр., § 108: „Армія не присягаетъ конституціи"? Или чѣмъ заинтересованы вы въ сохраненіи § 111, уполномочивающаго правительство объявлять въ извѣстныхъ случаяхъ военное положеніе, прекращать дѣйствіе нѣсколькихъ самыхъ важнѣйшихъ статей конституціи и нарушать ненарушимѣйшія права человѣка и гражданина? Или можетъ ли интересовать васъ сохраненіе § 106, запрещающаго судьямъ разбирать законность королевскихъ распоряженій? Или можетъ ли интересовать васъ сохраненіе § 109, освобождающаго правительство отъ обязанности испрашивать разрѣшеніе палатъ для собиранія разъ уже существующихъ налоговъ? Всѣ эти частные примѣры доказываютъ, что и сохраненіе всей конституціи цѣликомъ, со всею плотью и кожей, также неинтересно для васъ, какъ и невозможно. Въ настоящемъ столкновеніи для васъ интересно только одно: отстоять безусловное, признанное даже въ этой конституціи, право народа утверждать чрезъ своихъ представителей бюджетъ, право, которое существуетъ на вѣчныя времена и всегда войдетъ во всѣ будущія конституціи.

Итакъ, въ настоящемъ своемъ видѣ вопросъ представляется вамъ такъ: какъ отстоять и осуществить право народа отвергать чрезъ своихъ представителей расходныя статьи государственнаго бюджета, которыя ему кажутся лишними?

Какъ въ прошлый разъ, я прибѣгну для рѣшенія этого вопроса къ косвенному методу; т. е. я покажу сперва, какія средства не годятся для этой цѣли, какъ бы ни казались они пригодны.

Если не ошибаюсь, многіе думаютъ, что палата должна въ слѣдующую сессію прибѣгнуть къ отказу въ налогахъ, чтобы принудить правительство возвратиться на законный путь.

Какъ ни хорошо, можетъ быть, кажется это средство въ теоріи, на дѣлѣ оно было бы совершенно ошибочно и никакъ не могло бы привести къ цѣли.

Во первыхъ, надо сознаться, что въ виду § 109 нашей конституціи болѣе чѣмъ сомнительно, имѣетъ ли палата право отказывать правительству въ налогахъ, уже существующихъ.

Но предполагая даже за ней это право, предполагая, что въ нашей конституціи безъ обиняковъ признано право ея отмѣнять налоги,—средство это все-таки остается непрактичнымъ и безсильнымъ,

Отмѣна налоговъ сама по себѣ вовсе еще не есть возстаніе. Это есть законное средство, употребляемое въ Англіи и весьма рекомендуемое поклонниками англійской конституціи принуждать правительство къ уступкамъ народной волѣ въ разныхъ спорныхъ вопросахъ. Одной угрозы альдерменовъ Сити отмѣнить налоги было достаточно въ дѣлѣ билля реформы 1830 г., чтобы корона уступила и предприняла пополненіе палаты пэровъ, чтобы побѣдить ея сопротивленіе.

Такъ какъ средство это пользуется большимъ авторитетомъ въ Англіи, то немудрено, что теперь и у насъ многіе помышляютъ о немъ, подобно тому, какъ уже пытались прибѣгнуть къ нему въ ноябрьскомъ столкновеніи 1848 г. Національное собраніе 1848 г., какъ учредительное собраніе, безспорно имѣло право постановить отмѣну налоговъ, но и его постановленіе осталось безплодно, не привело ни къ малѣйшему дѣйствительному успѣху, и точно такой же или еще болѣе жалкій результатъ имѣло бы теперь повтореніе этой мѣры, вполнѣ или лишь частью.

Отчего зависитъ такая разница, господа, что мѣра, столь дѣйствительная въ Англіи, должна остаться столь недѣйствительною у насъ? Въ моей теоріи вы тотчасъ найдете отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вамъ выяснится при этомъ случаѣ одно важное явленіе нашей прошлой исторіи — исходъ ноябрьскаго столкновенія 1848 г., и выясненіе его предохранитъ васъ отъ ошибокъ въ будущемъ.

Кто въ ноябрѣ 1848 г. считалъ дѣйствительной мѣрой отказъ въ налогахъ и кто теперь обращаетъ взоры къ этой мѣрѣ, упускаетъ изъ виду ни болѣе ни менѣе, какъ анализированное въ моей теоріи коренное различіе между дѣйствительною и писанною только конституціями.

Въ Англіи дѣйствительной укладъ жизни носитъ конституціонный, характеръ, т. е. въ этой странѣ перевѣсъ реальныхъ фактическихъ отношеній, даже организованной силы, на сторонѣ націи.

Въ такой странѣ легко выполнить отказъ въ налогахъ. Въ такой странѣ правительство не можетъ даже допустить, чтобы мѣра эта была испробована, оно принуждено уступить передъ одной угрозой. Кромѣ того, въ такой странѣ отмѣна податей употребляется не только для отраженія нападеній на существующую конституцію, а наоборотъ, какъ въ 1830 г. въ дѣлѣ о биллѣ реформы для торжества благопріятныхъ народу нападеній на конституцію. Эта мѣра представляетъ тамъ орга-

низованное, законное, мирное средство подчинять правительство волѣ народа.

Иное дѣло у насъ въ Пруссіи, гдѣ и теперь, какъ въ ноябрѣ 1848 г., существуютъ лишь писанныя конституціи или обломки конституцій, а всѣ фактическія средства организованной силы находятся исключительно въ рукахъ правительства.

Чтобы ясно представить себѣ эту разницу, стоитъ только вообразить себѣ, каковы были бы въ дѣйствительности послѣдствія отмѣны налоговъ въ Англіи и въ Пруссіи. Итакъ, предположимъ, что англійская нижняя палата постановила бы отмѣну налоговъ, а правительство захотѣло бы все-таки взимать ихъ. Является ко мнѣ англійскій сборщикъ податей и хочетъ взыскать налогъ. Я противлюсь и выталкиваю его за дверь. Меня отдаютъ подъ судъ. Но англійскій судья оправдываетъ меня или даже еще высказываетъ мнѣ похвалу за то, что я не потерпѣлъ беззаконнаго насилія. Сборщикъ является вторично съ солдатами. Я продолжаю сопротивляться, собравъ своихъ друзей и домочадцевъ. Солдаты стрѣляютъ, ранятъ и убиваютъ. Я отдаю ихъ подъ судъ, и хотя они дѣйствовали по приказанію начальства, но въ Англіи это не прикрываетъ виновныхъ въ противозаконіи, и солдатъ просто-на-просто приговариваютъ къ смертной казни за убійство. Но предположимъ, что я съ друзьями отвѣчалъ на стрѣльбу солдатъ и также переранилъ и убилъ ихъ. Меня отдаютъ подъ судъ. Но попрежнему судъ оправдываетъ меня, такъ какъ я сопротивлялся беззаконному насилію.

Далѣе. Всѣ въ Англіи знаютъ, что дѣло приметъ подобный ходъ, и потому всѣ шансы побѣды заранѣе на сторонѣ народа; вслѣдствіе этого всѣ откажутся платить подати, всѣ сдѣлаютъ это, даже тѣ, кто безучастенъ къ вопросу или предпочелъ бы заплатить; однако они также откажутся, чтобы не заслужить ненависти согражданъ, которые, навѣрно, останутся побѣдителями, чтобы не прослыть скверными гражданами.

Далѣе. Какое у правительства средство сломить сопротивленіе англійской нижней палаты и народа? Армія? Но со времени билля о правахъ англійское правительство обязано ежегодно просить у парламента позволенія держать войско. Это позволеніе дается ему ежегодно и всегда только на годъ такъ называемымъ mutiny-act'омъ, которымъ правительству дается вмѣстѣ съ тѣмъ также лишь на годичный срокъ дисциплинарная власть надъ солдатами для наказанія неповиновенія и бунта, безъ этого акта солдаты состояли бы подъ общими законами страны. Въ томъ же актѣ подробно опредѣляется количество войскъ, которое правительству позво-

ляется держать, и жалованье имъ. Что же вышло бы, если бы англійское правительство вступило въ борьбу съ нижней палатой? Нижняя палата просто отказала бы, по истеченіи года, въ возобновленіи mutiny-act'а, и съ этой минуты правительство не могло бы ни держать войско, ни платить ему, ни подавлять бунтовъ, ни подвергать солдатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, и они могли бы разойтись и разошлись бы. Но этого мало. Я сказалъ, что въ mutiny-act'ѣ ежегодно опредѣляется количество войскъ, которое правительству позволяется содержать. Въ послѣдній годъ (1861—62) количество это для Великобританіи и всѣхъ ея колоній, за исключеніемъ Индіи, простиралось до 99.000 человѣкъ. По меньшей мѣрѣ, половина этого количества нужна для многочисленныхъ колоній Англіи, гдѣ войска особенно необходимы. Стало быть, на Великобританію съ ея 25 милліонами народонаселенія приходится не болѣе 50.000 человѣкъ войска. Вы понимаете, что съ такими силами нельзя отваживаться на борьбу съ націей.

Но далѣе переберемъ послѣдствія одно за другимъ.

Такъ какъ очевидно, что всѣ воспротивятся платежу налоговъ; такъ какъ это до безконечности умножаетъ шансы народа на побѣду, и безъ того стоящіе всѣ на его сторонѣ; такъ какъ, наконецъ, англійское правительство можетъ держать въ Англіи лишь очень слабое войско, то оно не можетъ разсчитывать даже на собственныхъ чиновниковъ, даже на тѣ средства власти, которыми, дѣйствительно, обладаетъ. Вы понимаете, господа, что, въ подобномъ столкновеніи, поведеніе массы чиновниковъ сообразуется главнымъ образомъ съ мнѣніемъ о томъ, кто изъ двухъ, народъ или правительство, вѣроятнѣе останется побѣдителемъ. Какъ на биржѣ hausse и baisse опредѣляются, большей частью, мнѣніемъ большинства еще при самомъ открытіи биржи о томъ, что восторжествуетъ, hausse или baisse, такъ и поведеніе чиновниковъ, составляющее значительный элементъ побѣды, зависитъ отъ мнѣнія ихъ о томъ, чья возьметъ. Если чиновники думаютъ, что побѣдителемъ будетъ правительство, они ревностны, непоколебимы, энергичны. Если обстоятельства таковы, что они принуждены предполагать противное, то они оказываются нерѣшительны, несмѣлы, протестуютъ, измѣняютъ, перебѣгаютъ. Это весьма естественно. Одинъ не хочетъ рисковать своей шкурой, другой своею должностью и жалованьемъ, третій — соціальнымъ уваженіемъ. Такъ какъ положеніе англійскаго народа въ случаѣ отмѣны налоговъ нижней палатой было бы заранѣе такъ сильно, что всѣ были бы увѣрены въ его побѣдѣ, то англійскіе чиновники всей массой отпали бы отъ правительства, и англійскому

министру-президенту пришлось бы для взысканія налоговъ самому съ нѣсколькими тварями изъ породы Катилинъ, которымъ нечего терять, стрѣлять изъ пушекъ и хватать людей за шиворотъ.

А такъ какъ дѣло въ дѣйствительности произошло бы въ Англіи подобнымъ образомъ, то тамъ едва ли и можетъ дойти до приведенія въ исполненіе отмѣны податей, постановленной нижнею палатою. Правительство непремѣнно уступитъ раньше, и все кончится мирной демонстраціей.

Но представьте себѣ, что прусская палата постановила отказать правительству въ налогахъ, имѣя на это такое же неоспоримое право, какое имѣла въ ноябрѣ 1848 г.

Не подлежитъ сомнѣнію, что правительство, не взирая на это постановленіе, принялось бы энергически взыскивать налоги. Положимъ, я вытолкалъ сборщика податей. Меня отдаютъ подъ судъ, и судьи, безъ всякихъ разсужденій и не обращая вниманія ни на какое краснорѣчіе, приговариваютъ меня къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за сопротивленіе правительственной власти. Сборщикъ податей является съ солдатами, которые стрѣляютъ въ меня и въ соединившихся со мной друзей моихъ, ранятъ и убиваютъ. Ни одна душа не можетъ привлечь этихъ солдатъ и этого сборщика къ суду. Они дѣйствовали по приказанію высшаго начальства, что прикрываетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности. Но я также стрѣлялъ въ сборщика и въ агентовъ вооруженной силы, ранилъ и убилъ нѣсколькихъ. Меня судятъ, осуждаютъ и казнятъ.

И такъ какъ это непремѣнно будетъ такъ, и такъ какъ, слѣдовательно, всѣ шансы заранѣе противъ лица, не платящаго налога, то лишь очень небольшое число самыхъ твердыхъ и вѣрныхъ принципамъ людей рѣшится отказаться отъ взноса податей и такъ какъ это опять такъ, то шансы правительства на побѣду снова тѣмъ болѣе возрастаютъ; а такъ какъ правительство не обязано у насъ ежегодно испрашивать парламентскаго позволенія на содержаніе опредѣленнаго количества войскъ и дисциплинарной власти надъ нимъ; такъ какъ, наконецъ, наше правительство располагаетъ арміей не въ 50.000 человѣкъ противъ 25 милліоновъ населенія, какъ въ Англіи, а 140.000 войска (а по новой организаціи арміи даже 200.000 войска) [1]) противъ 18 милліоновъ населенія—то громадное большинство его чиновниковъ останется вѣрно ему въ этомъ столкновеніи; итакъ, vice versa каждое изъ этихъ обстоятельствъ обусловливается другими и обусловливаетъ ихъ вслѣдствіе всего этого,

[1]) Цифры относятся къ 1863 г.

отмѣна налоговъ не можетъ привести намъ ничего иного, кромѣ судебнаго преслѣдованія храбрѣйшихъ гражданъ, какъ въ 1848 г.

Изъ этого вы видите, господа, что отмѣна налоговъ служитъ дѣйствительнымъ средствомъ только въ рукахъ народа, который имѣетъ на своей сторонѣ реальныя средства власти организованной силы, народа, который уже занялъ крѣпость, но это средство совершенно недѣйствительно въ рукахъ народа, который имѣетъ лишь писанную конституцію и только еще собирается завоевать крѣпость реальныхъ средствъ власти.

Теоретическое непониманіе этого погубило національноо собраніе 1848 г. Для народа, который еще только собирается брать эту крѣпость, отмѣна налоговъ имѣла бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы предназначалась служить для произведенія общаго возстанія.

Но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, надѣюсь, никто не помышляетъ о возстаніи. По причинамъ, въ объясненіе которыхъ позвольте мнѣ не входить, оно теперь совершенно невозможно.

Иное было дѣло во время отмѣны налоговъ въ ноябрѣ 1848 г. При тогдашнемъ общемъ возбужденіи очень легко могло бы произойти общее возстаніе и отмѣна налоговъ, постановленная національнымъ собраніемъ, имѣла бы разумный смыслъ, если бы національное собраніе пошло послѣдовательно далѣе и декретировало бы національное возстаніе. Но, какъ вамъ извѣстно, этому помѣшало изобрѣтеніе господиномъ фонъ-Унру прискорбной памяти пассивнаго сопротивленія.

Нынче же, когда, повторяю, мысль о возстаніи была бы, въ виду обстоятельствъ минуты совершенно безсмысленна и когда такая попытка только доставила бы правительству легкое торжество,—нынче отмѣна налоговъ была бы средствомъ противнымъ цѣли.

Стало быть, его надо оставить въ покоѣ; возстаніемъ въ настоящую минуту также ничего не подѣлаешь. Что же остается? Неужели у насъ нѣтъ уже никакихъ средствъ.

Есть средство, господа! Палата обладаетъ средствомъ непреодолимой силы и дѣйствительности, средствомъ, которое безусловно сломитъ сопротивленіе правительства.

Я представлю вамъ его въ формулѣ до того простой, что именно по этой чрезвычайной простотѣ оно можетъ быть покажется вамъ непонятной, средство состоитъ просто въ томъ, чтобы палата заявила то, что есть

Чтобы понять, что это значитъ, чтобы познать глубину, скрывающуюся подъ этою простою формулою, мы должны возвратиться къ вопросу:

Что такое лжеконституціонализмъ и какъ онъ возникаетъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть очень ясенъ вамъ изъ моей прошлой рѣчи.

Я показалъ вамъ въ ней, что пока землевладѣніе и земледѣльческое производство было главнымъ источникомъ общественнаго богатства и пока эта главная сила находилась фактически въ рукахъ земледѣльческаго дворянства, конституція по необходимости была сословная, а монархія—-очень ограничена.

Далѣе, я показалъ вамъ, подтверждая свои выводы на каждомъ шагу исторіей, какъ съ возрастаніемъ населенія и связаннымъ съ этимъ обстоятельствомъ усиленіемъ промышленнаго гражданскаго производства начинается отклоненіе взаимныхъ отношеній силы въ пользу монархіи, такъ что, когда промышленное буржуазное производство дѣлается преобладающимъ источникомъ общественнаго богатства, водворяется абсолютная монархія, а дворянство ниспадаетъ на степень безсильнаго украшенія престола.

Наконецъ, въ третьихъ, я показалъ вамъ, какъ при дальнѣйшемъ развитіи промышленности и ремеслъ, развитіи, принявшемъ громадные размѣры и обусловившемъ все болѣе и болѣе сильное возрастаніе народонаселенія, наступило время, когда монархія не могла даже съ помощью регулярныхъ войскъ удержаться въ равновѣсіи съ этимъ усиленіемъ гражданства; какъ гражданство, почувствовавъ себя истиннымъ обладателемъ общественной силы, захотѣло и располагать ею по своей волѣ, и какъ въ обществѣ, реальныя отношенія силъ котораго такъ измѣнились, необходимо 18 марта 1848 г.

Но я показалъ вамъ, господа, въ моей рѣчи и то, какимъ образомъ и почему при всемъ превосходствѣ общественной силы гражданства и даже при побѣдоносномъ обнаруженіи этой силы 18 марта 1848 г., борьба еще не кончилась и не могла еще кончиться. Я показалъ вамъ, что при всемъ превосходствѣ общественной силы гражданства, сила эта неорганизована, тогда какъ сила, которой располагаетъ правительство, хотя гораздо меньше, но организована, стало быть, дисциплинирована и ежеминутно готова возобновить бой; такимъ образомъ, я показалъ вамъ, что если гражданство не поспѣшитъ воспользоваться минутой своей побѣды, чтобы взять въ свои руки и организованную силу, абсолютизмъ непремѣнно улучитъ минуту побѣдоносно возобновить бой и на долго сдержать силу гражданства, несмотря на ея превосходство.

Такъ и случилось у насъ, и всѣ вы помните время этого событія: контръ-революцію ноября 1848 г.

Что же станетъ дѣлать абсолютизмъ послѣ подобной побѣдоносной контръ-революціи?

Абсолютизмъ хочетъ существовать. Это, правда. Но значитъ ли это, что онъ хочетъ существовать въ старой формѣ, въ видѣ голаго, открытаго абсолютизма? Разобьетъ ли онъ конституцію и будетъ ли царствовать прежнимъ абсолютнымъ образомъ, вовсе безъ конституціи? Нѣтъ, онъ не такъ глупъ! Его прежнее пораженіе у насъ 18 марта, показало ему, что неорганизованная общественная сила гражданства въ сущности далеко превосходитъ его; что хотя онъ на время побѣдилъ ее въ благопріятную минуту дисциплиной организованной силы, но гражданство попрежнему осталось, правда, неорганизованной, однако все же, превосходной общественной силой; что, слѣдовательно, ежеминутно можетъ произойти новое столкновеніе, въ которомъ онъ, абсолютизмъ, будетъ снова побѣжденъ и навѣки погибнетъ, если на этотъ разъ его пораженіемъ воспользуются лучше!

Сознавъ превосходство общественной силы гражданства, абсолютизмъ получилъ смутное понятіе о томъ, что, какъ человѣкъ можетъ родить только человѣка же, обезьяна—только обезьяну же, вообще всякое существо можетъ произвести только подобное же ему, по его образу и подобію созданное существо, такъ и неорганизованная элементарная сила, господствующая въ обществѣ, воспроизводитъ организованную силу,—т. е., правительственную форму — подобную себѣ и сотворенную по своему образу и подобію.

Все это абсолютизмъ понимаетъ болѣе или менѣе смутно. Я сказалъ вамъ, что правительственныя лица —люди практическіе и обладаютъ вѣрнымъ инстинктомъ сути дѣла. Про это говоритъ еще старая, чрезвычайно вѣрная поговорка: кому Богъ даетъ должность, тому даетъ и разумъ. Дѣйствительно, должность умудряетъ человѣка самымъ положеніемъ, въ которое ставитъ его; она даетъ ему условіями этого положенія пониманіе такихъ вещей, которыхъ онъ прежде, можетъ быть, не понималъ. Это вѣрно и необходимо, хотя болтуны не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о необходимости этого.

Еще старый дипломатъ Талейранъ сказалъ: „On peut tout faire avec les bayonnettes, excepté s'y asseoir“—„со штыками можно все сдѣлать, только сѣсть на нихъ нельзя“. Вы понимаете почему, господа. Штыки воткнутся въ сѣдалищныя мяса. Этой остротой Талейранъ хотѣлъ выразить мысль, что въ данную минуту штыками можно надѣлать, чего угодно, но нельзя сдѣлать изъ нихъ прочнаго основанія.

Итакъ, абсолютизмъ, какимъ бы неподатливымъ ни представлялся, не находитъ однако удовольствія въ существованіи вѣчно сомнительномъ, состоящемъ въ вѣчномъ открытомъ противорѣчіи съ общественными отношеніями силы, ежеминутно подвергнутомъ риску, что лавина этихъ отношеній обвалится ему на грудь и раздавитъ его.

Ему остается одно средство: какъ можно дольше продлить лжеконституціонализмъ.

Вы знаете, что это за штука.

Абсолютизмъ издаетъ конституцію, въ которой низводитъ право народа и его представителей на ничтожнѣйшій и необезпеченный ни единой дѣйствительной гарантіей минимумъ; этимъ онъ заранѣе отнимаетъ у народныхъ представителей частью возможность, частью охоту занять противъ него самостоятельное положеніе. Каждую попытку депутатовъ провести противъ правительства волю народа онъ клеймитъ именемъ „парламентскаго режима", словно не въ парламентскомъ режимѣ и не въ немъ только одномъ заключается сущность всякаго истинно конституціоннаго правительства. Наконецъ, онъ предоставляетъ себѣ, про себя, считать несостоявшимся всякое постановленіе народнаго представительства, несогласное съ волей правительства, спокойно сохраняя однако всегда внѣшнюю выставку конституціонныхъ формъ.

Какъ скоро абсолютизмъ сдѣлалъ этотъ шагъ, принялъ форму лжеконституціонализма, онъ пріобрѣлъ большую выгоду и на неопредѣленное время продлилъ свое существованіе.

Если-бы онъ хотѣлъ продолжать существованіе въ своей старой откровенной формѣ, ему нельзя было бы разсчитывать на долгую жизнь. Открытое признанное противорѣчіе его съ общественнымъ строемъ сдѣлало бы его низверженіе настоятельнымъ, безсмѣннымъ паролемъ всего общества.

По самой природѣ вещей все общество необходимо, сдѣлалось бы ничѣмъ инымъ, какъ однимъ обширнымъ заговоромъ на низверженіе своей правительственной формы. Такого положенія не выдержать долго ни одному правительству! Правительство можетъ въ благопріятную минуту съ успѣхомъ собрать свои войска и предпринять побѣдоносное нападеніе, побѣдоносную контръ-революцію. Положеніе его уже затруднительнѣе, если ему приходится не нападать, а защищаться. Въ этой борьбѣ правительства съ народомъ выгода всегда на сторонѣ нападающаго, по той причинѣ, что ему принадлежитъ выборъ благопріятной для него минуты. Вотъ почему въ нашемъ столѣтіи почти всегда удавались засады правительства, противъ

народа, но зато по той же причинѣ имѣли успѣхъ и всѣ почти революціи народа.

Однако правительство можетъ съ успѣхомъ отразить нападеніе народа, ожидаемое, заранѣе въ извѣстный срокъ, напр., въ теченіе мѣсяца или нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но правительству чрезвычайно трудно держаться постоянно на военной ногѣ, въ теченіе большихъ періодовъ времени въ ожиданіи, нападенія, которое воспослѣдуетъ, неизвѣстно когда, можетъ быть, въ самую неблагопріятную минуту, среди самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ другаго рода. Подобнаго положенія правительство не можетъ долго выдержать, и потому не можетъ и припять его.

Но абсолютисткое правительство можетъ выиграть чрезвычайно много, если облечется въ пустую внѣшность конституціонализма и подъ нею будетъ продолжать прежній абсолютизмъ. Тутъ однородность,—повидимому, успѣшно водворенная,—формы правленія съ господствующимъ въ обществѣ сословіемъ можетъ усыпить и удовлетворить послѣднее. То, чего еще предстоитъ добиваться, кажется уже достигнутымъ. Этотъ обманъ успокоиваетъ, ослабляетъ и притупляетъ борьбу, частью удовлетворяетъ, частью повергаетъ въ индифферентизмъ народныя массы. Съ этихъ поръ къ ниспроверженію правительства стремятся только силы, дѣйствующія въ обществѣ безсознательно, а не собственное сознаніе этого общества.

Лжеконституціонализмъ есть, стало быть, вовсе не пріобрѣтеніе народа, а напротивъ того, пріобрѣтеніе абсолютизма, упрочивающее его существованіе. Чрезвычайно важно, господа, замѣтить и помнить это.

Лжеконституціонализмъ состоитъ, слѣдовательно, какъ вы видѣли, въ томъ, что правительство утверждаетъ то, чего нѣтъ; что оно объявляетъ государство конституціоннымъ, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности оно абсолютно, онъ состоитъ во лжи.

Абсолютное, несомнѣнно побѣдоносное средство, противъ этой лжи и ея силы необходимо состоитъ въ ея обличеніи; оно состоитъ просто въ разсѣяніи этого обмана, въ воспрепятствованіи дальнѣйшему обманыванію и въ пресѣченіи, такимъ образомъ, вліянія этой поддѣльной формы на жалкій людъ, который она сбиваетъ съ толку.

Оно состоитъ въ вынужденіи правительства сбросить личину и явиться передъ всѣмъ свѣтомъ формально тѣмъ, что оно въ сущности есть—правительствомъ абсолютнымъ.

Палата, сказалъ я, должна заявить то, что есть, и въ этомъ состоитъ безусловно побѣдоносное средство ея противъ правительства.

Это значитъ, что тотчасъ по собраніи своемъ палата должна издать

рѣшеніе, которое я для большей ясности формулирую здѣсь примѣрно такъ.

Палата тотчасъ по собраніи своемъ постановляетъ слѣдующее:

„Принимая во вниманіе, что палата отвергла бюджетъ расходовъ на новую организацію арміи; принимая во вниманіе, что, несмотря на это, правительство по собственному сознанію продолжаетъ со дня этого рѣшенія расходовать на этотъ предметъ попрежнему; принимая во вниманіе, что, пока это продолжается, прусская конституція, воспрещающая дѣлать расходы, неодобренные палатой,—ложь; принимая во вниманіе, что при такихъ обстоятельствахъ пока продолжается подобное положеніе дѣлъ, со стороны представителей народа было бы недостойно, и составляло бы даже прямое соучастіе ихъ въ нарушеніи конституціи правительствомъ, помогать правительству сохранять внѣшній видъ конституціоннаго порядка дальнѣйшимъ засѣданіемъ въ палатѣ и приниманіемъ участія въ правительственныхъ дѣлахъ,—палата постановляетъ прекратить свои засѣданія на неопредѣленное время, а именно до тѣхъ поръ, пока правительство не представитъ доказательства, что прекратило неутвержденные расходы“.

Какъ скоро палата постановитъ это, правительство будетъ безусловно побѣждено. Объяснить это легко на основаніи предыдущаго.

Палата имѣетъ полное право сдѣлать это постановленіе; ни прокуроръ, ни суды не могутъ придраться къ ней за это.

Правительству остается, стало быть, только слѣдующій простой выборъ, или уступить, или не уступать. Если оно не захочетъ уступить, то ему придется рѣшиться править открыто абсолютнымъ правительствомъ. Правда, оно могло бы прибѣгнуть къ третьей мѣрѣ—распустить палату. Но результатъ этого былъ бы такъ мимолетенъ, что объ этомъ почти не стоитъ говорить. Новые депутаты были бы вѣдь избраны съ тѣмъ же паролемъ, и новая палата тотчасъ постановила бы то же рѣшеніе.

Остается, слѣдовательно, попрежнему, что правительству пришлось бы рѣшиться или уступить, или на вѣчныя времена управлять безъ палаты.

Оно не можетъ, господа, избрать второе. На это есть тысячи причинъ.

Взгляните, господа, на Европу. Куда вы ни взгляните, всюду увидите государства съ конституціонными формами, за единственнымъ исключеніемъ Россіи, гдѣ и общественныя условія совершенно иныя, чѣмъ въ другихъ странахъ. Самъ Наполеонъ не могъ обойтись безъ конституціонной внѣшности. Онъ далъ себѣ палату депутатовъ.

Уже одинъ фактъ этой повсемѣстности конституціонныхъ формъ доказываетъ вамъ, что въ современныхъ условіяхъ европейскихъ государствъ

заключается необходимость, въ силу которой въ нихъ нельзя править безъ этихъ формъ. А моя теорія показала вамъ ясно причину этого факта въ общественныхъ условіяхъ населенія и производства.

Взгляните на Австрію, которая представляетъ разительнѣйшее подтвержденіе сказаннаго мною. Послѣ вооруженной контръ-революціи 1849 г. конституція была уничтожена въ Австріи. Не потому, чтобы правительство Австріи было хуже и реакціоннѣе нашего! Нѣтъ, вовсе не потому: австрійское правительство было только наивнѣе, меньше ухищренно, чѣмъ наше. Поэтому достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы австрійское правительство нашло нужнымъ совершенно добровольно возстановить конституціонную форму, безъ всякаго возстанія, безъ всякаго понужденія со стороны народа. Практика научила австрійское правительство уму-разуму, и оно поняло, что безъ конституціонной внѣшности, откровенно являясь голымъ абсолютизмомъ, ему придется вести очень сомнительное существованіе и очень скоро разлетѣться въ дребезги.

Посудите же, возможно ли, чтобы Пруссія, именно Пруссія, при своемъ сильномъ среднемъ сословіи, одна по всей Европѣ существовала безъ конституціонныхъ формъ.

Подумайте далѣе, какъ слабо оказалось бы прусское правительство противъ другихъ, какъ невозможно сдѣлалось бы для него сохранить свое нынѣшнее дипломатическое положеніе, какъ при каждомъ внѣшнемъ столкновеніи ему приходилось бы сносить унизительнѣйшіе и нестерпимѣйшіе щелчки отъ другихъ правительствъ, если-бы оно открыто стало въ такое постоянное противорѣчіе съ своимъ народомъ и, такимъ образомъ, не могло бы болѣе ни передъ кѣмъ скрывать своей внутренней слабости.

Да не подумаетъ кто-нибудь изъ васъ, господа, что мысли эти непатріотичны. Во-первыхъ, въ политикѣ, какъ въ естествознаніи, необходимо изслѣдовать все, что существуетъ, и стало быть принимать въ соображеніе всѣ вліяющія силы. Антогонизмъ государствъ, ихъ противорѣчіе другъ другу, ихъ взаимная зависть, ихъ дипломатическія столкновенія—все это составляетъ вліяющую силу, которую необходимо брать въ соображеніе. Дѣло не въ томъ, хорошо все это или дурно, а въ томъ, что это такъ есть. Во вторыхъ, господа, въ историческихъ изслѣдованіяхъ въ тиши моего кабинета, я неоднократно имѣлъ случай уяснить себѣ съ совершенною точностью ту великую истину, что невозможно даже разсчитать, на какой ступени варварства коснѣли бы еще мы и весь міръ, еслибы взаимная зависть и вражда правительствъ не составляли дѣйствительнаго средства принуждать ихъ къ внутреннему прогрессу! Наконецъ, господа, вѣдь

существованіе германской націи не настолько сомнительно, чтобы пораженіе ея правительствъ представляло для него дѣйствительную опасность. Если вы изучали исторію подробно и съ отчетливымъ пониманіемъ, то должны были убѣдиться, что нашъ народъ совершилъ столь громадные и великіе культурные труды, пролагающіе путь остальной Европѣ, и служащіе ей на немъ руководящимъ свѣточемъ, что въ необходимости и неистребимости нашего національнаго существованія, сомнѣваться невозможно. Слѣдовательно, если бы мы были вовлечены въ большую внѣшнюю войну, то въ ней, конечно, могли бы погибнуть разныя наши правительства — саксонское, прусское, баварское, но, какъ фениксъ, изъ пепла, возсталъ бы изъ ихъ развалинъ неистребимый, вѣчный германскій народъ,—а вѣдь для насъ важенъ только онъ.

Отъ внѣшнихъ обстоятельствъ перенесите взоръ на внутреннія—на финансовое положеніе. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1841 г., въ абсолютномъ государствѣ, бюджетъ Пруссіи простирался до 35 милліоновъ.

Теперь, въ 1863 г., бюджетъ правительства составляетъ не менѣе 144 милліоновъ. Въ 20 лѣтъ бюджетъ, т. е. бремя налоговъ, утроился.

Правительство, вынужденное удовлетворить подобному бюджету, правительство, которое такимъ образомъ, неотступно осаждаетъ карманъ каждаго гражданина, должно, соблюдать по крайней мѣрѣ, видъ, что имѣетъ на это согласіе всѣхъ и каждаго.

Патріархальнаго абсолютизма было достаточно для прежнихъ простыхъ патріархально-ограниченныхъ отношеній, для бюджета въ 55 милліоновъ, изъ которыхъ при томъ больше пятой части доставлялось доходомъ съ коронныхъ имуществъ, но бюджетъ въ 144 милліона уже нельзя долго взыскивать въ Пруссіи простымъ указомъ.

Но главное, господа, вспомните положенія, выведенныя выше изъ нашей теоріи. Обстоятельства, которыя мы только-что разсмотрѣли, суть лишь частныя реальныя слѣдствія этихъ положеній. Вспомните, что, какъ я доказалъ правительству, невозможно вступить въ явное и откровенное противорѣчіе съ общественнымъ порядкомъ. Если-бы правительство захотѣло, во что бы то ни стало, сдѣлать это, рѣшилось бы править самодержавно безъ палаты, то этотъ поступокъ палаты, — заявленіе того, что есть,— принудивъ правительство откровенно признать себя абсолютнымъ, убилъ бы иллюзію, сорвалъ бы личину, просвѣтилъ бы несмыслящихъ,—ожесточилъ бы равнодушныхъ къ болѣе тонкимъ различіямъ. Съ этой минуты вся буржуазія была бы увлечена въ постоянную, непрерывную борьбу противъ правительства, все общество превратилось бы въ организованный заговоръ

противъ него, и правительству оставалось бы только заняться астрологіей, чтобы по звѣздамъ узнать часъ своей гибели.

Вотъ какая сила въ заявленіи того, что есть! Это могучеее политическое средство! Фихте въ своихъ сочиненіяхъ свидѣтельствуетъ, что „заявленіе того, что есть", было любимымъ средствомъ Наполеона перваго, и дѣйствительно, онъ обязанъ ему большею частью своихъ успѣховъ.

Всякое великое политическое дѣло состоитъ въ заявленіи того, что есть, и съ этого начинается.

Мелочность, ничтожество въ политикѣ состоитъ въ умолчаніи объ истинномъ положеніи дѣлъ, скрываніи его.

Дѣйствительно, господа, мнѣ слѣдовало бы, собственно говоря, явиться въ этой рѣчи обвинителемъ тяжкихъ политическихъ преступленій, если бы я не предпочиталъ ради согласія воздержаться отъ этого. Въ послѣднее время, въ такъ называемой новой эрѣ, отъ самаго начала ея, система руководителей народной партіи,—хотя я никого не называю по имени, но вы, конечно, понимаете. что я имѣю въ виду „Народную Газету"—состояла ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ заявленіи того, чего нѣтъ! Они полагали, что необходимо скрывать, замазывать, прикрывать; надо—разсуждали они—до тѣхъ поръ твердить правительству, что оно конституціонно, пока оно само повѣритъ этому! Стало быть они хотѣли обморочить правительство. Но всякій реальный успѣхъ въ жизни и въ исторіи достигается лишь реальной переработкой и передѣлкой, но никакъ не мороченіемъ! Эти нищіе духомъ не видѣли, что, сами того не желая, сдѣлались правительственными агентами, какъ по средству своему, такъ и по дѣйствію этого средства. По средству, потому что это — то самое средство, которое, какъ мы видѣли, употребляетъ абсолютизмъ, прикрывающійся поддѣльнымъ конституціонализмомъ — заявленіе того, чего нѣтъ. По дѣйствію этого средства, потому что эти нищіе духомъ не видѣли, что ложь, повторяемая ежедневно въ ихъ газетахъ, будто правительство конституціонно, проповѣдуется передъ народомъ и что это ежедневное повтореніе доставляетъ ей наконецъ вѣру въ народѣ. Эти нищіе духомъ не понимали, что своею ложью только ободряютъ правительство шагъ за шагомъ итти дальше по очищенному ему пути лжеконституціонализма и дойти, наконецъ, до требованія военныхъ преобразованій. Правительство вѣдь само удивлялось тому кредиту и той репутаціи, которые они ему стряпали, тому ореолу „новой эры", который они нахлобучивали ему на голову. Эти нищіе духомъ вѣчно кричатъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ про безнравственность, а сами не поняли, что ложь — средство глубоко безнравственное, могущее

служить въ политической борьбѣ развѣ правительственному макіавеллизму, но никакъ не интересамъ народа.

Эти нищіе духомъ должны нести значительную долю отвѣтственности за то, что дѣла дошли до нынѣшняго положенія.

Кто, какъ не они, въ своихъ передовыхъ статьяхъ кричали: „министры— честные люди! Честные люди! Надо вѣрить министрамъ!“ и этими криками побудили палату согласиться на единовременную выдачу денегъ на военныя преобразованія лжеконституціонному министерству Шверина и Патова, хотя въ то время было гораздо легче отказать. Стало быть, ихъ вина, что преобразованіе арміи было затѣяно, потому что безъ единовременной выдачи денегъ это было бы невозможно, и, слѣдовательно, ихъ вина, что мы очутились теперь въ этомъ тяжеломъ столкновеніи.

Но, господа,—миръ прошлому!

Зато тѣмъ строже, тѣмъ ревнивѣе должны мы наблюдать въ настоящей тяжкой борьбѣ, чтобы народъ не былъ снова обмороченъ на счетъ своего права, политикой лживаго утаиванія.

Я объяснилъ вамъ средство, которое должно безусловно и навѣрно доставить народу побѣду. Хлопочите объ этомъ. Между депутатами и общественнымъ мнѣніемъ необходимо взаимодѣйствіе. Сдѣлайте найденное нами средство лозунгомъ агитаціи. Распространяйте его, отстаивайте его въ кружкахъ вашихъ знакомыхъ, въ публичныхъ и частныхъ мѣстахъ, всюду, гдѣ только можете. Считайте всякаго несогласнаго на это средство сознательнымъ или безсознательнымъ врагомъ праваго дѣла.

Кромѣ этого средства у палаты нѣтъ никакого. Какое же иное? Очевидно, что было бы самой жалкой и нелѣпой иллюзіей думать, что палата можетъ побѣдить правительство, продолжая засѣдать и отвергать другія, хотя бы всѣ, требованія министерства. Если правительство попираетъ ногами и считаетъ недѣйствительнымъ, несуществующимъ, игнорируетъ первый безспорно конституціонный отказъ палаты, то возможно ли, чтобы второй, третій, четвертый отказы ея имѣли больше силы? Напротивъ того, правительство только привыкаетъ считать недѣйствительными неудобныя для него рѣшенія палатъ. Не только правительство, но и народъ привыкнетъ къ этому. Пріятная привычка презирать рѣшенія палаты водворится въ народѣ почти еще сильнѣе, чѣмъ въ правительствѣ и — замѣтьте — съ полнымъ правомъ. Палата, соглашающаяся продолжать разсуждать и дѣйствовать заодно съ правительствомъ, продолжающая разыгрывать свою роль въ комедіи лжеконституціонализма, послѣ того какъ попраны ея конституціонныя рѣшенія, — такая палата была бы худшимъ сообщникомъ пра-

вительства. Этимъ она дала бы ему возможность уничтожить конституціонныя права народа, подъ прикрытіемъ сохраняемой внѣшности конституціонныхъ формъ. Палата была бы преступнѣе самого правительства, потому что защитникъ правъ, измѣняющій этимъ правамъ, гораздо виновнѣе противника ихъ.

Еще,—если это возможно,—хуже будетъ, если палата согласится въ этомъ вопросѣ на компромиссъ, напримѣръ, на двухлѣтній срокъ службы. Противъ этого вы должны особенно громко протестовать, господа. Въ этомъ вопросѣ не можетъ быть никакихъ компромиссовъ. Если бы правительство предложило, напр., компромиссъ двухлѣтняго срока службы и палата приняла бы его, то всѣ интересы страны были бы преданы и проданы ею ради условія, которое хотя само по себѣ не лишено значенія, но сравнительно съ важностью всего вопроса совершенно ничтожно. Дѣло въ томъ, что если организація арміи будетъ принята, хотя бы и съ ограниченіемъ службы двухлѣтнимъ срокомъ,—у насъ отбираютъ ландверъ—всенародное ополченіе, составляющее истинную силу страны—присоединяя его къ военному резерву и отдавая подъ команду армейскимъ офицерамъ. Мы лишаемся ландвера. При этомъ капитальномъ вопросѣ, сохранитъ ли страна свой ландверъ или потеряетъ—вопросъ о срокѣ службы, будетъ ли онъ двухъ или трехлѣтній, совершенно исчезаетъ, равно какъ и вопросъ о расходахъ.

Но даже и вопросъ о ландверѣ отходитъ на второй планъ.

На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ дѣлѣ основной конституціонный вопросъ: должно ли правительство прекращать расходы, въ которыхъ палата отказала ему? Правительство, не взирая на отказъ палаты, продолжало эти расходы, какъ будто постановленія палаты никогда не существовало. Если при такомъ положеніи дѣлъ палата пойдетъ на какой бы то ни было копромиссъ, напр., на 2-хъ-лѣтній срокъ службы, то это будетъ уже не компромиссъ, не соглашеніе, а совершенное предательство общественнаго права. Тогда Бисмарковская государственно-правовая практика благополучно водворится на семи сваяхъ, а вѣдь правило ея — если правительство находится въ столкновеніи съ конституціоннымъ правомъ палатъ, то палаты должны уступать. Вотъ какое правило будетъ установлено этимъ прецедентомъ.

Поэтому, считайте сознательнымъ или безсознательнымъ, и въ такомъ случаѣ, тѣмъ болѣе опаснымъ, врагомъ праваго дѣла всякаго, кто заикается про компромиссъ.

Во всякомъ случаѣ, господа, наше средство безвредно. Оно ничего не испортитъ, потому что каждый изъ васъ пойметъ, что если правитель-

ство твердо рѣшилось на абсолютизмъ, что даже послѣ подобнаго заявленія палаты не уступитъ и будетъ править безъ палаты въ формѣ открытаго абсолютизма, то тѣмъ менѣе можетъ палата заставить его отказаться отъ абсолютисткаго лжеконституціонализма и согласиться на истинный конституціонализмъ уступчивымъ продолженіемъ веденія съ нимъ дѣлъ, этимъ она дастъ ему только средство продолжать комедію лжеконституціонализма. Лжеконституціонализмъ же гораздо вреднѣе открытаго абсолютизма, потому что сбиваетъ съ толку народный смыслъ и, какъ всякая основанная на лжи правительственная система, развращаетъ народную нравственность.

Итакъ, наше средство, во всякомъ случаѣ, безвредно для страны. Оно и безопасно для депутатовъ, и, чтобы рѣшиться на него, нужны только смыслъ и энергія; особеннаго же мужества не требуется. Единственное пожертвованіе, какого оно требуетъ отъ депутатовъ, состоитъ, въ худшемъ случаѣ, въ отреченіи на время отъ значенія оффиціальнаго положенія.

Наконецъ, какъ я уже сказалъ, средство это необходимо и, во всякомъ случаѣ, побѣдоносно.

Поэтому, должно предполагать, что правительство не устоитъ передъ нимъ.

Но, можетъ быть, оно не покорится тотчасъ и нѣкоторое время будетъ упорствовать править безъ палатъ. Это будетъ для васъ еще выгоднѣе, господа.

Я говорю, что это будетъ еще выгоднѣе для васъ. Потому, что тѣмъ болѣе унизится потомъ правительство передъ величіемъ народа, когда впослѣдствіи будетъ принуждено уступить. Тѣмъ болѣе признаетъ оно превосходство надъ собой общественной силы гражданства, когда ему придется поклониться народу и палатѣ.

Тогда, господа, вамъ можно будетъ побѣдоносно предписать свои условія. Тогда вамъ можно будетъ осуществить парламентскій порядокъ, безъ котораго существуетъ лишь лжеконституціонализмъ.

Итакъ, господа, никакихъ примирительныхъ фантазій. У васъ теперь большой запасъ опыта, чтобы знать—что такое старый абсолютизмъ.

Итакъ никакихъ новыхъ компромиссовъ съ нимъ. Нужно одно: рукой за горло и колѣномъ на грудь!

СИЛА И ПРАВО.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКТОРУ „РЕФОРМЫ“.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМѢЧАНІЕ.

7-го Февраля въ „Берлинской Реформѣ“ появилась передовая статья, побудившая меня послать въ эту газету настоящую статью съ просьбой о напечатаніи ея.

Мнимо „радикальная“ „Берлинская Реформа“ отказала въ этой просьбѣ.

Тогда я послалъ статью въ „Фоссову Газету“, объяснивъ въ письмѣ, что если, сверхъ ожиданія и чаянія, редакція найдетъ неудобнымъ помѣстить ее въ своей газетѣ статьей, то я прошу напечатать ее въ объявленіяхъ и прислать мнѣ счетъ стоимости. Въ отвѣтъ на это я получилъ отъ редакціи „Фоссовой Газеты“ слѣдующій отвѣтъ:

„Милостивый Государь!

„Нижеподписавшійся сожалѣетъ о невозможности напечатать вашу, прилагаемую при семъ статью, ни въ какой изъ желательныхъ Вамъ формъ, такъ какъ, по его мнѣнію, нѣкоторыя мѣста ея подлежатъ серьезнымъ сомнѣніямъ относительно законовъ о печати (!)“.

Разумѣется, эти „сомнѣнія относительно законовъ о печати“, приводимыя въ извиненіе, не что иное, какъ отговорка. Статья не представляетъ ни малѣйшаго повода къ законному преслѣдованію, которому, впрочемъ, могъ бы подвергнуться я одинъ, какъ отвѣтственный, подписавшій ее, авторъ. Во всякомъ случаѣ, „Фоссова Газета“ ничего не теряла бы, если бы даже былъ конфискованъ листъ ея приложеній, въ которомъ она помѣстила бы мою статью въ объявленіяхъ.

Но такова свобода печати, даруемая берлинскими органами про-

грессистской партіи демократіи, какъ скоро она позволитъ себѣ сказать слово, неподходящее къ идеямъ прогрессистской партіи.

Подавлять, замалчивать на смерть, не давать пикнуть ничему, что отличается отъ умственной ветоши прогрессистской партіи,—такова тактика этой партіи и ея органовъ.

Еще на-дняхъ ни одна изъ этихъ газетъ, какъ и прогрессистская „Рейнская Газета", не упомянула объ объясненіи депутата Мартини, объясненіи причинъ, по которымъ онъ отказался отъ представительства, потому, что услышать это объясненіе было бы непріятно ушамъ прогрессистовъ.

Я нашелъ болѣе, чѣмъ безполезнымъ стучаться еще въ дверь г. Цабеля—„Національной Газеты". По прежнимъ опытамъ я достаточно убѣдился, какой это мастеръ, какой несравненный мастеръ въ искусствѣ замалчиванія и непропусканія.

Я уже начиналъ подумывать — вотъ до чего доводитъ демократію въ Пруссіи заговоръ прогрессистской клики!—не отправить ли статью въ „Крестовую Газету", чтобы отъ вѣжливости врага получить возможность высказаться, которой мнѣ не давали прогрессисты.

Но я разсудилъ, что могу обойтись безъ этого и не доставлять такой радости искусной на клеветы „Народной Газетѣ". Мнѣ оставалось средство, обнародовать мою статью отдѣльной брошюрой, что я и дѣлаю.

Берлинъ, 13 февраля 1863 г.

Многоуважаемый г. редакторъ!

Въ передовой статьѣ „Берлинской Реформы" 7 февраля по поводу адреса палаты господъ сказано, между прочимъ:

„Графъ Крассовъ согласился съ Лассалемъ, что нынѣшнее столкновеніе есть вопросъ силы.

Извѣстно, что „Народная Газета",—виновница недоразумѣнія, будто я въ моихъ брошюрахъ о конституціи проповѣдую теорію первенства силы передъ правомъ. Нашлись и въ публикѣ тупицы, принявшіе эту остроумную мысль и начавшіе высказывать при случаѣ убѣжденіе, что г. фонъ-Бисмаркъ дѣйствуетъ какъ мой ученикъ.

Отзывъ вашей статьи, по своей формѣ, можетъ подтвердить это недоразумѣніе въ другихъ. И хотя трудно отвѣтить на это чѣмъ-нибудь инымъ,

кромѣ улыбки, однако, я хочу воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать слѣдующія краткія замѣчанія.

Если бы я создавалъ міръ, то весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ я исключительнымъ образомъ сошелся бы съ желаніями „Народной Газеты“ и графа Шверина, и устроилъ бы міръ такъ, чтобы въ немъ право предшествовало силѣ. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ моей этической точкѣ зрѣнія и моимъ желаніямъ.

Но, къ сожалѣнію, мнѣ не приходилось создавать міра, и, потому, я вынужденъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, какъ похвалы, такъ и порицаніе, за его устройство.

Въ своихъ брошюрахъ о конституціи я имѣлъ цѣлью объяснить не то, чему слѣдовало бы быть, а то, что въ дѣйствительности есть; эти брошюры представляютъ собой не этическій трактатъ, а историческое изслѣдованіе.

Въ нихъ я показываю, что хотя несомнѣнно, что право должно бы предшествовать силѣ, но въ дѣйствительности сила всегда предшествуетъ праву и до тѣхъ поръ предшествуетъ ему, пока право съ своей стороны не наберетъ досточно силы, чтобы сломить силу безправія.

Въ этихъ брошюрахъ, во-первыхъ, показано, что это такъ исторически; во-вторыхъ,— какъ обязательно для всякой теоріи,—въ нихъ объяснены внутреннія причины того, что въ дѣйствительности сила предшествуетъ праву; но въ нихъ не говорится ни единаго слова о вопросѣ совершенно постороннемъ историческому изслѣдованію, имѣющему цѣлью показать только то, что есть,—о вопросѣ: какъ слѣдовало бы быть по моему субъективному убѣжденію!—Мы не будемъ касаться этихъ глубокихъ внутреннихъ причинъ. Но относительно доказательства, представляемаго историческими фактами, позвольте мнѣ представить нѣкоторые отечественные воспоминанія и вопросы, такъ какъ теперь у насъ какъ разъ недѣля „отечественныхъ событій“.

Что чему предшествовало—право силѣ или сила праву, когда въ ноябрѣ 1848 г. прусское національное собраніе было разогнано штыками?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда палата, созванная для пересмотра, была распущена вопреки § 112 жалованной конституціи 1849 г.?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда въ іюлѣ 1849 г. законное всеобщее избирательное право было отмѣнено и пожалованъ трехклассный избирательный законъ?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда этотъ жалованный трехклассный избирательный законъ утверждался собраніемъ, на основаніи его самого избраннымъ, между тѣмъ какъ по праву и по закону утвердить его могла только палата, избранная на основаніи существовавшаго до него законнаго всеобщаго избирательнаго права?

Что чему предшествовало, право силѣ или сила праву, когда собраніе, избранное на основаніи этого незаконнаго трехкласснаго избирательнаго закона и бывшее развѣ сборищемъ нотаблей, но никакъ не законнымъ представительство страны, присвоило себѣ полномочіе утверждать этотъ избирательный законъ и конституцію, не имѣя на то ни малѣйшаго законнаго полномочія?

А теперь, что чему предшествуетъ, право силѣ или сила праву, когда палата объявила, что правительство нарушаетъ конституцію, а правительство, спокойно улыбаясь, продолжаетъ свои мѣропріятія и палата все-таки покоряется этому и своими засѣданіями придаетъ правительству конституціонную внѣшность?

Я полагаю, что теперь каждому пора бы, наконецъ, убѣдиться, что въ дѣйствительности сила предшествуетъ праву!

Но я долженъ отклонить отъ себя даже то лестное увѣреніе, будто г. фонъ-Бисмаркъ и графъ Крассовъ дѣйствуютъ какъ мои ученики,

Дѣйствующій несетъ, конечно, полную отвѣтственность за нравственное и правовое достоинство своихъ дѣйствій. Но теоретическому изслѣдователю исторіи дѣло только до того, что объективное есть; онъ долженъ раскрывать законы, опредѣляющіе это, а не разсуждаетъ о томъ, какъ бы слѣдовало быть. Стало быть, въ немъ его субъективная этическая точка зрѣнія не отождествляется съ содержаніемъ его познанія, какъ у дѣйствующаго съ содержаніемъ дѣйствій. Г. фонъ-Бисмаркъ подтверждаетъ то, что я показалъ на основаніи исторіи какъ истинную природу дѣйствительности. Но, показывая ее, я не указывалъ въ ней этическаго правила для дѣйствій, которому г. фонъ-Бисмаркъ могъ бы слѣдовать.

Какой же смыслъ имѣетъ, послѣ всего перечисленнаго выше, благочестивый восторгъ, съ которымъ палата приняла слова графа Шверина, что въ прусскомъ государствѣ „право предшествуетъ силѣ“? Это похвальныя ребяческія желанія—и больше ничего! Торжественное значеніе имѣло бы это только у людей, рѣшившихся дать праву и силу?

Какой смыслъ имѣетъ, что графъ Шверинъ осмѣливается теперь толковать о томъ, что „право предшествуетъ силѣ, послѣ того какъ въ званіи депутата и министра онъ принималъ положительное

участіе почти во всѣхъ вышеуказанныхъ правонарушеніяхъ?

Во всемъ прусскомъ государствѣ ни одна душа не смѣетъ заикаться о „правѣ“ кромѣ демократіи, старой истинной демократіи! Потому что она одна всегда держалась права и никогда не унижала себя никакими компромиссами съ силой.

Графъ Шверинъ не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что участвовалъ въ большей части правонарушеній.

„Народная Газета“ не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что признавала, часто даже прикрашивала и прославляла, собраніе нотаблей и всѣ правонарушенія.

Г. фонъ-Унру не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что въ заключительныхъ актахъ національнаго собранія 1848 г. хранится еще его протестъ, въ которомъ онъ торжественно объявляетъ недѣйствительнымъ, ничтожнымъ и незаконнымъ все, что теперь самъ творитъ.

Прегресситская партія не имѣетъ права толковать о правѣ, потому что принимаетъ очевиднѣйшее попраніе его.

Демократія — и въ томъ ея гордость! — одна имѣетъ право говорить о правѣ, потому что одна никогда не освѣщала его нарушеніе!

Какъ часто упрекали насъ именно за это „Народная Газета“ и подобные ей газеты, называя насъ отвлеченными поклонниками права! Теперь они перемѣнили оружіе и упрекаютъ насъ въ поклоненіи силѣ, въ „погонѣ за политикой силы“! Ложь! Демократія всегда непоколебимо стояла за право. А „Народная Газета“, графъ Шверинъ, фонъ-Унру и прогрессистская партія дѣйствительно покинули право, чтобы въ этой передрягѣ захватить долю силы, Но, покинувъ право, они, конечно, получили отъ силы, на которую захотѣли промѣнять его, только пинки! И по дѣломъ.

Только въ демократіи все право—только въ ней будетъ и сила!

Прошу васъ, многоуважаемый господинъ редакторъ, напечатать эту статью, для обращенія на путь истинный многихъ очень сбитыхъ съ толку головъ въ настоящее смутное время.

Съ отличнымъ уваженіемъ *Ф. Лассаль.*

Берлинъ, 7 февраля 1863 г.

ГЛАСНЫЙ ОТВѢТЪ

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ,

УЧРЕЖДЕННОМУ ДЛЯ СОЗВАНІЯ ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО КОНГРЕССА ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ.

Господа!

Въ письмѣ вашемъ вы приглашаете меня изложить вамъ, въ какой мнѣ угодно формѣ, мои взгляды на рабочее движеніе, на средства, къ которымъ надо прибѣгнуть для улучшенія положенія рабочаго сословія въ политическомъ, матеріальномъ и умственномъ отношеніяхъ, и особенно на значеніе ассоціацій для совершенно недостаточнаго класса народа.

Я не затрудняюсь исполнить ваше желаніе и избираю для этого простѣйшую форму гласнаго отвѣта на ваше письмо, что какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ самому характеру вопроса.

Замѣчу только, что необходимыя занятія, отнимающія у меня все мое время, принуждаютъ меня сдѣлать это письмо какъ можно короче, что, впрочемъ, также согласуется съ вашею цѣлью.

Когда въ октябрѣ прошлаго года какъ разъ во время моего отсутствія отсюда, у васъ происходило въ Берлинѣ первое совѣщаніе о конгрессѣ германскихъ работниковъ, совѣщаніе, за которымъ я слѣдилъ по газетамъ съ величайшимъ интересомъ, на собраніи вашемъ были заявлены два совершенно противоположныя воззрѣнія.

Одни утверждали, что вамъ вообще вовсе не слѣдуетъ заниматься политическимъ движеніемъ, что для васъ оно лишено всякаго интереса.

Другіе, напротивъ, полагали; что вы должны считать себя *прихвостнями* прусской партіи прогрессистовъ, служить ей хоромъ и эхомъ, лишенными всякой самостоятельности.

Будь я тогда въ вашемъ собраніи, я возсталъ бы одинаково противъ обоихъ мнѣній.

Дѣйствительно, надо быть очень ограниченнымъ, чтобы находить, что работника не должно интересовать политическое движеніе и развитіе!

Наоборотъ, только отъ политической свободы можетъ онъ ожидать удовлетворенія своихъ законныхъ интересовъ.

Уже самый вопросъ о вашемъ правѣ собираться, обсуждать ваши интересы, составлять для осуществленія ихъ общества и пр.—есть вопросъ, зависящій отъ политическаго положенія и политическаго законодательства страны, и потому не стоитъ больше тратить словъ на опроверженіе столь ограниченнаго воззрѣнія.

Но не менѣе ложно, не менѣе способно было ввести въ заблужденіе и противоположное воззрѣніе, внушавшее вамъ считать себя въ политическомъ отношеніи лишь прихвостнями партіи прогрессистовъ.

Правда, было бы несправедливо отрицать, что въ то время прусская партія прогрессистовъ при столкновеніи своемъ съ прусскимъ правительствомъ пріобрѣла нѣкоторыя, впрочемъ, умѣренныя, заслуги въ отношеніи политической свободы твердымъ отстаиваніемъ своего права контролировать бюджетъ и сопротивленіемъ военнымъ преобразованіямъ въ Пруссіи.

Но и тогда уже подобное воззрѣніе было совершенно немыслимо, и вотъ по какимъ причинамъ.

Во-первыхъ, такой могущественной и самостоятельной партіи, какъ германскіе работники,—партіи, имѣющей въ виду цѣли, заключающія въ себѣ столь великіе принципы, совершенно неприлично ставить себѣ въ подобное отношеніе къ прусской партіи прогрессистовъ, которая написала на своемъ знамени лишь приверженность прусской конституціи и ставитъ цѣлью своей борьбы сопротивленіе односторонней военной реформѣ или отстаиваніе права контролировать бюджетъ; какъ ограниченны эти цѣли, можно судить потому, что въ прочихъ германскихъ государствахъ никто и не думаетъ предпринимать подобныхъ реформъ и никто не помышляетъ отвергать право контроля палатъ.

Во-вторыхъ, не было поруки, что прусская партія прогрессистовъ выдержитъ свое столкновеніе съ прусскимъ правительствомъ съ тѣмъ достоинствомъ и тою энергіею, которыя приличны рабочему сословію; не было поруки, что она будетъ достойна теплыхъ симпатій его.

Въ-третьихъ, ничто не удостовѣряло также, что прусская партія прогрессистовъ, если одержитъ побѣду надъ прусскимъ правительствомъ, воспользуется этой побѣдой въ интересахъ всего народа, а не привилегій

буржуазіи, т. е. было сомнительно, послужитъ ли эта побѣда къ установленію всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права, чего требуютъ демократическіе принципы и законные интересы рабочаго сословія.

Въ отрицательномъ случаѣ партіи прогрессистовъ, очевидно, не могла имѣть притязанія ни на малѣйшее сочувствіе германскаго рабочаго сословія.

Вотъ что сказалъ бы я вамъ тогда по поводу этого мнѣнія.

Но теперь я имѣю факты, которые, впрочемъ и тогда было не трудно предвидѣть, и на основаніи ихъ я могу прибавить, что прусская партія прогрессистовъ совершенно лишена той энергіи, которая была необходима ей, чтобы съ достоинствомъ и побѣдой выйти даже изъ незначительнаго столкновенія, случавшагося у нея съ прусскимъ правительствомъ.

Хотя правительство продолжаетъ фактически отрицать право контроля надъ бюджетомъ, партія эта продолжаетъ засѣдать въ палатѣ и вести парламентскія дѣла съ министерствомъ, которое сама признала подлежащимъ уголовной отвѣтственности. Позорищемъ такой слабости и отсутствія чувства чести она унижаетъ и себя, и народъ!

Продолжая засѣдать, участвовать въ преніяхъ и вести съ правительствомъ парламентскія дѣла послѣ того, какъ сама объявила конституцію нарушенною, она помогаетъ правительству, способствуетъ ему сохранять призракъ конституціоннаго положенія.

Ей слѣдовало объявить засѣданія палаты закрытыми до тѣхъ поръ, пока правительство не прекратитъ расходовъ, отвергнутыхъ палатой. Этимъ она поставила бы правительство въ неизбѣжность выбрать одно изъ двухъ: или уважать конституціонное право палаты, или, отбросивъ всѣ внѣшности конституціоннаго положенія, явиться открыто и безъ обиняковъ самодержавнымъ, принимая всю громадную отвѣтственность, сопряженную съ абсолютизмомъ, и само вызывая кризисъ, который рано или поздно долженъ наступить вслѣдствіе явнаго деспотизма. Вмѣсто того она даетъ правительству возможность сочетать всѣ выгоды самодержавія со всѣми выгодами мнимо-конституціоннаго положенія.

Вмѣсто того, чтобы вынудить правительство къ открытому абсолютизму безъ прикрасъ и, такимъ образомъ, доказать народу фактами, что конституціи не существуетъ, она, стало быть, соглашается играть свою роль въ этой комедіи фальшиваго конституціонализма. Такимъ образомъ она помогаетъ поддерживать обманъ, который, какъ всякій другой, помрачаетъ смыслъ народа и развращаетъ его нравственность [1]).

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. выше, рѣчь: „Что же теперь?“

Итакъ, эта партія доказала, что противъ рѣшительнаго правительства она есть и будетъ безсильна.

Она доказала свою совершенную неспособность содѣйствовать малѣйшему дѣйствительному осуществленію интересовъ свободы.

Она доказала, что не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на симпатіи демократическихъ слоевъ населенія и совершенно чужда чувства и пониманія политической чести, которою рабочее сословіе должно быть проникнуто.

Словомъ, эта партія фактически доказала, что она не что иное, какъ воскресшая подъ новымъ красивымъ именемъ обезславленная Готская партія.

Вотъ что могу я прибавить теперь,

Наконецъ, теперь, какъ и тогда, я долженъ еще сказать вамъ, что эта партія вынуждена своимъ догматомъ „прусскаго прогресса“ видѣть въ прусскомъ правительствѣ призваннаго Мессію германскаго возрожденія, тогда какъ нѣтъ ни одного нѣмецкаго правительства, не исключая гессенскаго, которое въ политическомъ отношеніи стояло бы позади прусскаго, и, наоборотъ, нѣтъ почти ни одного нѣмецкаго правительства, не исключая австрійскаго, которое не шло бы еще значительно впереди прусскаго. Уже одно это лишаетъ партію прогрессистовъ всякаго права служить представительницей германскаго рабочаго сословія, потому что это доказываетъ въ ней такое заблужденіе и самообольщеніе, такую неспособность. довольствующуюся трезвономъ словъ, что не остается никакой возможности ожидать отъ нея чего-нибудь для дѣйствительнаго развитія свободы германскаго народа.

Изъ всего сказаннаго само собою явствуетъ, какъ держать себя рабочему сословію въ политикѣ и какъ относиться ему къ партіи прогрессистовъ.

Рабочее сословіе должно организоваться въ самостоятельную политическую партію и принять лозунгомъ этой партіи всеобщее равное и прямое избирательное право. Представительство рабочаго сословія въ германскихъ законодательныхъ собраніяхъ — вотъ одно, что можетъ удовлетворить его законные интересы въ политическомъ отношеніи. Согласно этому, политической программой рабочей партіи должна быть мирная и законная агитація въ этихъ видахъ при помощи всѣхъ законныхъ средствъ.

Само собою понятно, какъ должна относиться рабочая партія къ нѣмецкой партіи прогрессистовъ.

Всегда сознавать себя и являться партіей самостоятельной и совершенно отдѣльной отъ партіи прогрессистовъ, поддерживать ее въ вопросахъ и пунктахъ общаго интереса, но рѣшительно отворачиваться отъ нея и итти противъ нея, какъ скоро она удаляется отъ интересовъ рабочаго сословія; такимъ образомъ, заставить ее или итти впередъ и превзойти свой нынѣшній уровень, или все глубже погружаться въ болото ничтожества и безсилія въ которомъ она теперь погрязла уже по колѣна,—такова должна быть простая тактика германской рабочей партіи противъ партіи прогрессистовъ.

Вотъ все, что вамъ предстоитъ дѣлать въ политическомъ отношеніи.

Теперь перейдемъ къ соціальному вопросу, который справедливо занимаетъ васъ еще гораздо больше.

Не безъ горькаго смѣха прочелъ я въ газетахъ, что пренія о свободѣ передвиженія и промышленной свободѣ входили въ програму занятій, проектированныхъ вами для конгресса.

Какъ, господа,—вы намѣрены были препираться еще о свободѣ передвиженія?

На это я могу вамъ отвѣтить только Шиллеровскимъ двустишіемъ:

„Многіе годы я пользуюсь носомъ для обонянья,
Но доказано ль мнѣ право мое на мой носъ?“ [1])

И не то же ли самое съ промышленной свободой?

Въ этихъ преніяхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ недостатокъ: они опоздали слишкомъ на 50 лѣтъ.

Свобода передвиженія и промышленности—предметы, которые законодательное собраніе должно безъ разговоровъ постановлять, а не препираться о нихъ.

Неужели и нѣмецкому рабочему сословію суждено повторить зрѣлище тѣхъ собраній, которыя самоуслаждаются и тѣшатся длинными безцѣльными рѣчами?

Нѣтъ, серьезный духъ и энергія нѣмецкаго рабочаго сословія предохранятъ его отъ столь жалкаго зрѣлища!

Но вы хотите учредить сберегательныя, инвалидныя, вспомогательныя и больничныя кассы?

Я признаю въ этихъ учрежденіяхъ извѣстную относительную пользу, хотя въ высшей степени ничтожную и почти не стоющую траты словъ.

---

[1]) Переводъ Н. В. Гербеля.

Но прежде всего отличимъ одинъ отъ другого два вопроса, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Въ томъ ли ваша цѣль, чтобы сдѣлать бѣдствія отдѣльныхъ рабочихъ болѣе сносными? Въ томъ ли, чтобы противодѣйствовать неразсчетливости, болѣзнямъ, старости, несчастнымъ случаямъ всякаго рода, которые случайно или необходимо низводятъ положеніе отдѣльныхъ личностей рабочаго класса на степень еще гораздо худшую общаго положенія всего сословія.

Въ такомъ случаѣ, больничныя, инвалидныя, сберегательныя и вспомогательныя кассы, конечно вполнѣ подходящія средства. Но для подобной цѣли вовсе не стоило поднимать такое волненіе во всей Германіи, возбуждать общую агитацію во всемъ рабочемъ сословіи. Къ чему раздувать дѣло такъ, чтобы гора родила мышь!

Гораздо лучше, было бы спокойно предоставить эту въ высшей степени ограниченную и маловажную задачу мѣстнымъ обществамъ, которыя и разрѣшили бы ее гораздо успѣшнѣе.

Или въ томъ ваша цѣль, чтобы улучшить и возвысить надъ нынѣшнимъ уровнемъ общее положеніе всего рабочаго класса?

Да, такова ваша цѣль и таковой она должна быть. Но необходимо было провести строгую черту разграниченія между этими двумя столь различными цѣлями, чтобы показать вамъ гораздо яснѣе, чѣмъ показало бы длинное разсужденіе, до какой степени всѣ эти учрежденія безсильны для достиженія второй цѣли и какъ чужды они, слѣдовательно, нынѣшнему рабочему движенію.

Позвольте мнѣ привести свидѣтельство лишь одного специалиста, признаніе строго консервативнаго монархиста, профессора Губера, который посвятилъ свои занятія, между прочимъ, и соціальному вопросу и развитію рабочаго движенія.

Я люблю ссылаться на этого человѣка и потому сошлюсь на него въ этомъ письмѣ неоднократно, я дорожу его свидѣтельствами, потому что въ политическомъ отношеніи мы стоимъ съ нимъ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, а въ экономическомъ—на совершенно различныхъ стало быть, ссылкой на него мнѣ всего удобнѣе устранить подозрѣніе, будто мое пренебреженіе къ этимъ учрежденіямъ зависитъ отъ предвзятыхъ тенденцій; съ другой стороны, профессоръ Губеръ также далекъ отъ либерализма, какъ и отъ моихъ политическихъ воззрѣній, вслѣдствіе чего обладаетъ необходимымъ безпристрастіемъ для правдиваго свидѣтельствованія въ вопросахъ народной экономіи, между тѣмъ всѣ послѣдователи либе-

ральной школы принуждены въ этихъ вопросахъ обманывать рабочихъ и даже, для лучшаго обмана ихъ, предварительно обманывать самихъ себя, чтобы согласовать факты съ своими тенденціями.

„Не отрицая—говоритъ профессоръ Губеръ въ своей „Concordia"—относительной пользы сберегательныхъ, вспомогательныхъ и больничныхъ кассъ и пр., насколько онѣ дѣйствительно полезны, нельзя однако не сказать, что эти хорошія вещи влекутъ за собой важныя отрицательныя невыгоды, потому что стоятъ на пути къ лучшему".

Эти важныя отрицательныя невыгоды обнаружились бы въ особенно сильной степени, препятствуя достиженія лучшаго, если бы эти учрежденія заняли собою силы великаго общенѣмецкаго рабочаго движенія или даже если бы отвлекли на себя хотя часть его силъ.

Но вотъ разныя газеты и совѣты, получаемые вами отовсюду, какъ вы сами говорите въ вашемъ письмѣ, рекомендуютъ вамъ воспользоваться для улучшенія рабочаго положенія учрежденіями Шульце-Делича—его ссудными и кредитными союзами, его обществами сырья и потребленія.

Здѣсь я осмѣлюсь попросить вашего полнаго вниманія.

Шульце-Делича можно разсматривать въ троякомъ отношеніи.

Въ политикѣ онъ принадлежитъ къ партіи прогрессистовъ, которую мы уже разсмотрѣли.

Во-вторыхъ, онъ заявляетъ притязаніе на званіе національнаго экономиста. Въ этомъ отношеніи, какъ національный теоретикъ-экономистъ, онъ вполнѣ принадлежитъ къ либеральной школѣ, раздѣляетъ всѣ ея заблужденія, обманы и самоослѣпленіе. Лекціи, которыя онъ до сихъ поръ читалъ берлинскимъ рабочимъ, служатъ этому разительнымъ доказательствомъ: извращенныя понятія, заключенія, не имѣющія никакого отношенія къ посылкамъ—таково ихъ содержаніе. Но здѣсь не мѣсто и я не намѣренъ пускаться въ критику, теоретическихъ національно-экономическихъ воззрѣній и лекцій Шульце-Делича, обличать всѣ софизмы и самонадувательства, общіе у него со всей либеральной школой, къ которой онъ принадлежитъ въ теоретическомъ, національно-экономическомъ отношеніи. При томъ я и безъ того буду принужденъ возвратиться ниже къ сущности этого ученія.

Но, сверхъ своего положенія какъ національнаго теоретика-экономиста, Шульце-Деличъ имѣетъ еще, въ третьихъ, практическое значеніе.

Онъ единственный членъ своей партіи, партіи прогрессистовъ, сдѣлавшій кое-что для народа—и тѣмъ болѣе ему чести!

Своею неутомимою дѣятельностью, онъ въ самое тяжелое время, един-

ственно личными силами сдѣлался отцомъ и основателемъ нѣмецкихъ ассоціацій и далъ этому дѣлу толчекъ, представляющій въ высшей степени важныя и обширныя послѣдствія. Я пишу это съ самымъ теплымъ чувствомъ признательности и мысленно искренно жму ему руку за эту заслугу, хотя въ теоріи мы противники. Честно и справедливо судить даже противника есть первый долгъ человѣка, и рабочее сословіе прежде всего должно глубоко проникнуться этимъ убѣжденіемъ.

Если теперь движеніе нѣмецкихъ рабочихъ рѣшаетъ вопросъ, какъ понимать ассоціацію—въ смыслѣ ли Шульце-Делича, или въ моемъ,—то мы обязаны этимъ, главнымъ образомъ, ему; это истинная заслуга, заслуга неоцѣненная.

Но теплое чувство, съ которымъ я признаю эту заслугу, не должно мѣшать намъ съ критической строгостью взглянуть на вопросъ:

Могутъ ли шульце-деличевскія ассоціаціи, кредитныя и ссудныя общества, сырьевыя и потребительныя складчины улучшить положеніе рабочаго сословія?

На этотъ вопросъ приходится рѣшительнѣйшимъ образомъ отвѣтить—нѣтъ!

Это легко доказать въ немногихъ словахъ.

Что касается, во-первыхъ, кредитныхъ или ссудныхъ и сырьевыхъ обществъ, то и тѣ и другія существуютъ лишь для того, кто ведетъ дѣло на свой счетъ, стало быть, для мелкопромышленнаго ремесленника. Для рабочаго въ тѣсномъ смыслѣ, для работниковъ, занятыхъ въ фабричной крупной промышленности, не имѣющихъ собственнаго промысла, для котораго имъ были бы нужны кредитъ и сырые матеріалы,—эти общества не существуютъ.

Помощь ихъ можетъ, слѣдовательно, пригодиться лишь для ремесленной мелкой промышленности.

Но и въ этомъ отношеніи замѣтьте и запомните два существенныя обстоятельства.

Во-первыхъ, наша промышленность необходимо стремится къ замѣнѣ крупнымъ фабричнымъ производствомъ мелкаго ремесленнаго, или, какъ его прозвали, карликоваго, вслѣдствіе этого она ежедневно превращаетъ множество ремесленниковъ въ настоящихъ рабочихъ, занятыхъ въ крупномъ фабричномъ производствѣ. Англія и Франція опередившія насъ въ экономическомъ развитіи, доказываютъ это еще убѣдительнѣе Германіи, которая, впрочемъ, тоже дѣлаетъ ежедневно большіе успѣхи на этомъ пути. Вашъ собственный опытъ, вѣроятно, достаточно подтверждаетъ вамъ это.

Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что шульце-деличевскія кредитныя и ссудныя общества и его сырьевыя складчины, если бы и могли помочь работникамъ, то очень немногимъ, число которыхъ ежедневно уменьшается, постепенно исчезаетъ въ силу необходимаго развитія нашей промышленности, переводящаго ихъ въ классъ собственно рабочихъ, недоступный подобной помощи. Но это только первый выводъ. Второй, тѣсно связанный съ первымъ, но еще важнѣйшій, состоитъ въ слѣдующемъ. Кредитныя и сырьевыя общества никоимъ образомъ не могутъ защитить рабочихъ, остающихся еще въ ремесленной мелкой промышленности противъ конкуренціи фабричной крупной промышленности. Опять ссылаюсь на признанія профессора Губера. Отозвавшись, подобно мнѣ, съ похвалой о кредитныхъ и сырьевыхъ обществахъ Шульце-Делича, онъ продолжаетъ: „Къ сожалѣнію, предположеніе, будто черезъ нихъ карликовая промышленность получитъ возможность конкурировать съ крупной, оказывается далеко неосновательнымъ“.

Но лучше всякаго свидѣтельства могутъ убѣдить васъ внутреннія причины того, что я доказываю; ихъ не трудно объяснить.

Какъ далеко можетъ простираться дѣйствіе кредитныхъ обществъ и обществъ для пріобрѣтенія дешевыхъ и доброкачественныхъ сырыхъ матеріаловъ? Они могутъ сравнять положеніе неимущаго ремесленника съ положеніемъ имущаго ремесленника, имѣющаго маленькій капиталъ, достаточный для его мелкой ремесленной промышленности. Стало быть, самое большее, что они могутъ сдѣлать, это дать неимущему ремесленнику возможность конкурировать съ хозяиномъ, обладающимъ собственнымъ капиталомъ, достаточнымъ для его ремесленной промышленности. Но дѣло въ томъ, что и хозяинъ, обладающій собственнымъ достаточнымъ для ремесленнаго производства капиталомъ, не можетъ выдерживать конкуренціи съ крупнымъ капиталомъ и фабричнымъ производствомъ; потому что обширный размѣръ промышленности удешевляетъ всѣ расходы на производство, даетъ возможностъ довольствоваться меньшей прибылью съ каждаго отдѣльнаго продукта и по многимъ другимъ причинамъ. Но кредитныя и сырьевыя общества по большой мѣрѣ только уравниваютъ неимущаго работника съ мелкимъ капиталистомъ, хозяиномъ мелкопромышленнаго ремесленнаго заведенія [1]); а такъ какъ капиталистъ этотъ не можетъ вы-

[1]) Въ отношеніи закупки сырья можно даже сказать, что положеніе ремесленника, занимающагося своимъ мелкимъ промысломъ съ помощью сырьевого общества, выгоднѣе, чѣмъ положеніе хозяина, имѣющаго свой частный мелкій промыселъ съ собственнымъ капиталомъ, потому, что первый пользуется выгодами закупки гуртомъ, и профес-

держать конкуренціи съ фабричной крупной промышленностью, то и ремесленникъ, ведущій дѣло съ помощью этихъ обществъ, не можетъ выдержать ее.

Итакъ, эти общества могутъ только продлить смертельную борьбу, въ которой мелкое ремесло погибаетъ подъ гнетомъ крупной промышленности и вскорѣ должно окончательно уступить ей: черезъ это они усилятъ муки этой смертельной борьбы и безполезно задержатъ развитіе нашей культуры. Но и это значеніе они имѣютъ только для малочисленнаго ремесленнаго класса, а рабочаго сословія, занятаго въ крупной промышленности и ежедневно умножающагося, вовсе не касаются

Остается еще разсмотрѣть потребительныя общества.

Вліяніе потребительныхъ обществъ могло-бы распространиться на все рабочее сословіе.

Тѣмъ не менѣе, они совершенно неспособны улучшить положеніе рабочаго сословія. На это есть три причины, которыя въ сущности составляютъ одну.

1) Какъ покажетъ экономическій законъ, который я развиваю ниже въ пунктѣ 2, рабочее сословіе терпитъ постигающій его ущербъ въ качествѣ не потребителя, а производителя. Стало быть, уже по одному этому ошибочно хотѣть помочь работнику, какъ потребителю, вмѣсто того, чтобы помогать ему съ той стороны, гдѣ его дѣйствительно давятъ, т. е. какъ производителю.

Какъ потребители, мы теперь пользуемся общимъ равенствомъ. Передъ продавцемъ всѣ люди равны, какъ передъ жандармомъ, если только платятъ.

Правда, по ограниченной способности рабочаго сословія къ платежамъ,

---

соръ Губеръ считаетъ эти выгоды при пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ въ 20—30 процентовъ. Однако, какъ мы видѣли, это не мѣшаетъ ему сознаться, что и сырьевыя общества не выдержатъ конкуренціи съ фабричной крупной промышленностью, оно и понятно, потому что пріобрѣтеніе сырья по гуртовымъ цѣнамъ есть лишь одно изъ многихъ условій дешевизны производства, которыми пользуется крупная промышленность. Впрочемъ, положеніе ремесленника, промышляющаго съ помощью сырьевого общества, уравнивается съ положеніемъ хозяина, промышляющаго съ помощью собственнаго мелкаго капитала тѣмъ, что послѣднему не приходится отчислять процентовъ со своего капитала и кромѣ того, онъ можетъ вступить въ сношенія съ лучшими источниками добыванія по каждой нужной ему статьѣ товара, тогда какъ сырьевыя общества не могутъ обладать одинаковымъ знаніемъ всѣхъ товаровъ, какіе имъ могутъ понадобиться.

для него возникъ въ этомъ особый побочный вредъ, который однако не имѣетъ ничего общаго съ съѣдающимъ его главнымъ недугомъ, съ его страшнымъ рокомъ,—этотъ побочный вредъ заключается въ невыгодной необходимости покупать нужные ему припасы самыми ничтожными количествами и, такимъ образомъ, подвергаться лихоимству мелочной лавки— shopkeepers. Противъ этого зла потребительныя общества точно помогаютъ, но не говоря уже о томъ, что вы увидите въ пунктѣ 3, насчетъ продолжительности этой помощи и срока ея окончанія, это ограниченное пособіе способно сдѣлать печальное положеніе работника лишь немного сноснѣе, стало быть, его никакъ нельзя причислять къ средствамъ того улучшенія положенія работающаго класса, къ которому стремится рабочее сословіе.

2) При теперешнихъ отношеніяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія труда, рабочую плату опредѣляетъ слѣдующій желѣзный законъ: средній размѣръ заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, какъ маятникъ, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже. Она не можетъ надолго подняться выше этого средняго размѣра, потому что тогда, вслѣдствіе улучшенія положенія рабочихъ, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размноженіе, рабочее населеніе умножилось бы и, такимъ образомъ, увеличилось бы предложеніе рукъ, что низвело бы рабочую плату къ прежнему размѣру или ниже.

Но заработная плата не можетъ долго продержаться и ниже размѣра, безусловно необходимаго для существованія, потому что тогда наступаютъ выселенія, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, уменьшеніе числа рабочихъ посредствомъ нищеты, что ослабляетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому возводитъ заработную плату до прежняго размѣра.

Слѣдовательно, дѣйствительный средній размѣръ заработной платы состоитъ въ безпрестанномъ колебаніи вокругъ этого центра тяжести ея, причемъ она то возвышается (періодъ благоденствія во всѣхъ или нѣкоторыхъ отрасляхъ труда), то падаетъ (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ).

Ограниченіе средняго размѣра заработной платы предѣлами, по привычкамъ народа безусловно необходимыми для существованія и размноженія,— таковъ, повторяю, желѣзный и жестокій законъ, управляющій при нынѣшнихъ обстоятельствахъ заработною платою.

Никто не можетъ оспаривать этотъ законъ. Я могу привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, при томъ изъ либеральной же школы, потому что законъ этотъ открытъ и доказанъ именно либеральной экономической школой.

Вы должны, господа, прежде всего глубоко, глубоко запечатлѣть въ душѣ этотъ желѣзный, жестокій законъ и исходить отъ него во всѣхъ вашихъ сужденіяхъ.

По этому случаю я могу сообщить вамъ и всему рабочему сословію вѣрнѣйшее средство разъ навсегда предохранить себя отъ всѣхъ обмановъ и сбиваній съ толку.

Какъ скоро кто-нибудь заговоритъ вамъ объ улучшеніи положенія рабочихъ классовъ, вы прежде всего задайте ему вопросъ: признаетъ ли онъ этотъ законъ или нѣтъ?

Если онъ не признаетъ его, то знайте, что онъ или хочетъ обмануть васъ, или же онъ самый жалкій невѣжа въ области экономической науки. Ибо, какъ я уже замѣтилъ, даже въ либеральной школѣ нѣтъ ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сэ-Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль—всѣ сходятся въ признаніи его. Въ этомъ отношеніи между людьми науки нѣтъ разногласія.

Если же толкующій о положеніи работниковъ на вашъ вопросъ признаетъ этотъ законъ, то спросите его дальше: какъ онъ думаетъ устранить его? И если онъ не найдется, что отвѣтить вамъ,—повернитесь къ нему спокойно спиной. Это пустой болтунъ, который хочетъ надуть и оглушить громкими фразами васъ или самого себя.

Взглянемъ поближе на сущность и значеніе этого закона. Его можно другими словами выразить такъ:

Изъ продукта труда берется и раздается рабочимъ столько, сколько безусловно необходимо для поддержанія ихъ существованія (заработная плата).

Весь остальной продуктъ труда достается предпринимателямъ.

Вотъ почему, вслѣдствіе этого желѣзнаго и жестокаго закона, вы не можете воспользоваться выгодами, какія представляетъ усиленіе производительности прогрессомъ цивилизаціи, т. е. усиленіе продуктивности вашего собственнаго труда, умноженіе его продуктовъ. И вотъ почему я назвалъ васъ въ моей брошюрѣ для рабочихъ [1]), о которой вы упоминаете въ вашемъ

---

[1]) См.: Сочиненія Ф. Лассаля, т. I: „Программа работниковъ".

письмѣ, классомъ обездоленныхъ. Вамъ всегда достается лишь безусловно необходимое для существованія, а предпринимателямъ всегда все, что трудъ производитъ сверхъ этого.

Но при очень большихъ успѣхахъ продуктивности (производительности труда) многіе продукты промышленности доходятъ до крайней дешевизны; такимъ образомъ можетъ случиться, что усиленіе производительности труда доставитъ вамъ, вслѣдствіе этого удешевленія, извѣстную косвенную выгоду, не какъ производителямъ, а какъ потребителямъ. Въ вашей производительной дѣятельности эта выгода васъ не касается, она не касается достающейся вамъ доли продукта труда, она нисколько не измѣняетъ величины этой доли; она касается васъ только какъ потребителей, точно также какъ поправляетъ и положеніе предпринимателей въ качествѣ потребителей и даже положеніе лицъ, вовсе не участвовавшихъ въ трудѣ, но которые тоже потребляютъ, при томъ для нихъ эта выгода гораздо больше, чѣмъ для васъ.

Однако, даже и эта выгода, достающаяся вамъ уже не какъ работникамъ, а просто какъ людямъ вообще, уничтожается тѣмъ желѣзнымъ и жестокимъ закономъ, который вскорѣ опять низводитъ заработную плату къ размѣру потребленія, безусловно необходимому для существованія.

Можетъ, наконецъ, еще случиться, что производительность труда усиливается вдругъ и съ нею также внезапно наступаетъ удешевленіе продуктовъ; во-вторыхъ, это можетъ случиться какъ разъ въ довольно продолжительный періодъ усиленнаго спроса на рабочія руки, при такомъ благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ эти несоразмѣрно подешевѣвшіе продукты могутъ войти въ кругъ предметовъ, безусловно необходимыхъ въ силу народныхъ привычекъ для существованія.

Итакъ, слѣдовательно эта пляска работника и заработной платы на крайнемъ предѣлѣ содержанія, необходимѣйшаго по даннымъ потребностямъ для поддержанія жизни, пляска, то немного отступающая отъ этого предѣла, то перескакивающая за него, не прекращается никогда!

Этотъ крайній предѣлъ въ разныя времена можетъ самъ удаляться и отступать вслѣдствіе указаннаго стеченія обстоятельствъ; поэтому, можетъ случиться, что, сравнивая разныя эпохи, мы найдемъ, что положеніе рабочаго сословія позднѣйшаго столѣтія или позднѣйшаго поколѣнія нѣсколько улучшилось противъ положенія его въ прошломъ столѣтіи или поколѣніи, потому что минимумъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей нѣсколько повысился.

Я былъ вынужденъ сдѣлать это небольшое отступленіе, господа, хотя оно вовсе не идетъ къ моей цѣли, потому что, съ легкой руки Бастіа

всѣ желающіе пускать вамъ пыль въ глаза, постоянно избираютъ это ничтожное улучшеніе, совершающееся цѣлыми вѣками и поколѣніями, темой грошовыхъ пустыхъ декламацій.

Прошу васъ, господа, обратить вниманіе на точный смыслъ моихъ словъ. Я говорю: по указаннымъ причинамъ можетъ статься, что необходимый минимумъ средствъ, а съ нимъ и общее положеніе рабочаго сословія окажутся при сравненіи разныхъ поколѣній, возвысившимися въ позднѣйшихъ. Дѣйствительно ли такъ есть, дѣйствительно ли общее положеніе рабочаго сословія постоянно улучшается съ теченіемъ вѣковъ—это, господа, вопросъ очень трудный, очень запутанный, требующій слишкомъ ученаго изслѣдованія, чтобы за разрѣшеніе его, хоть сколько-нибудь, хоть приблизительно, могли браться тѣ лица, которыя безпрестанно забавляютъ васъ разсужденіями о цѣнѣ миткаля въ прошломъ столѣтіи, о количествѣ потребляемаго вами миткалеваго платья теперь и тому подобными пошлостями, списываемыми изъ любаго учебника.

Я не имѣю намѣренія пускаться здѣсь въ подобное изслѣдованіе, потому что здѣсь я долженъ ограничиться сообщеніемъ вамъ лишь того, что не только безспорно, но кромѣ того удобопонятно. Допустимъ, стало быть, что минимумъ жизненныхъ потребностей повышается и что, слѣдовательно, положеніе рабочаго сословія постоянно улучшается съ теченіемъ вѣковъ и поколѣній.

Но все-таки мнѣ надо показать вамъ, что этими общими мѣстами передергиваютъ вопросъ, о которомъ собственно идетъ рѣчь, и подставляютъ совершенно другой.

Васъ надуваютъ, васъ обходятъ, господа!

Говоря о положеніи рабочихъ и его улучшеніи, вы разумѣете ваше положеніе въ сравненіи съ положеніемъ вашихъ современныхъ согражданъ, въ сравненіи, стало быть, съ размѣромъ современныхъ жизненныхъ потребностей.

А васъ утѣшаютъ мнимымъ сравненіемъ вашего положенія съ положеніемъ рабочихъ въ прежніе вѣка!

Допустивъ, что минимумъ жизненныхъ потребностей, опредѣляемый привычками, повысился и что, поэтому, положеніе ваше лучше положенія рабочихъ, жившихъ 80, 200, 300 лѣтъ тому назадъ,—спрашивается, какое значеніе можетъ это имѣть для васъ и какое удовлетвореніе можетъ оно дать вамъ? Точно такое же, какъ тотъ уже совершенно безспорный фактъ, что нынѣшнее положеніе ваше лучше положенія ботокудовъ и дикихъ людоѣдовъ!

Вѣдь удовлетвореніе человѣка всегда зависитъ только отъ отношенія имѣющихся у него средствъ удовлетворенія къ его потребностямъ, опредѣляемымъ привычкою, или—что тоже—отъ излишка средствъ удовлетворенія надъ опредѣляемымъ привычкою низшимъ предѣломъ его жизненныхъ потребностей въ данное время. Повышеніе минимума жизненныхъ потребностей также влечетъ за собой и новыя страданія и лишенія, прежде неизвѣстныя. Какое лишеніе ботокуду, что онъ не можетъ купить мыла? Какое лишеніе дикому людоѣду, что у него нѣтъ приличнаго платья? Какое лишеніе было работникамъ до открытія Америки, если у нихъ не было табаку? Какое лишеніе было для работника, до открытія книгопечатанія, въ невозможности пріобрѣсти полезную книгу?

Итакъ, всѣ человѣческія страданія и лишенія зависятъ отъ отношенія средствъ удовлетворенія къ существующихъ въ то же время потребностямъ и привычкамъ. Стало быть, всѣ человѣческія страданія и лишенія и всѣ человѣческія удовлетворенія,—слѣдовательно, все вообще положеніе человѣка измѣряется лишь сравненіемъ съ положеніемъ другихъ современныхъ людей относительно жизненныхъ потребностей опредѣляемыхъ привычкой. Стало быть, положеніе одного класса всегда измѣряется только сравненіемъ съ положеніемъ другого въ то же время.

Слѣдовательно, если бы и было доказано, что уровень абсолютно необходимыхъ условій жизни въ разныя времена повысился, что неизвѣстныя прежде удовлетворенія сдѣлались въ силу привычки необходимыми потребностями и именно чрезъ это наступили новыя, прежде неизвѣстныя лишенія и страданія,—то все-таки все это не имѣетъ никакого отношенія къ вашему человѣческому положенію, которое всегда остается одинаково, всегда состоитъ въ пляскѣ на крайнемъ предѣлѣ безусловно необходимаго по привычкамъ даннаго времени содержанія, то немного не доходя до него, то немного перескакивая за него. Ваше человѣческое положеніе осталось, слѣдовательно, одинаково, потому что оно измѣряется сравненіемъ не съ положеніемъ звѣря въ первобытномъ лѣсу, или негра въ Африкѣ, или крѣпостного среднихъ вѣковъ, или работника 200 или 80 лѣтъ тому назадъ, а съ положеніемъ современниковъ согражданъ, съ положеніемъ прочихъ классовъ въ ту же эпоху.

Но, вмѣсто того, чтобы поразмыслить объ этомъ и посудитъ, какъ поправить это отношеніе, какъ измѣнить его жестокій законъ, который постоянно удерживаетъ васъ на минимумѣ жизненныхъ потребностей каждой эпохи, — забавляются искуснымъ передергиваніемъ вопроса у васъ подъ носомъ и развлекаютъ васъ крайне сомнительными культурно-историческими

соображеніями о положеніи рабочихъ въ древнія времена. До чего сомнительны эти соображенія, видно изъ того, что крайне подешевѣли только продукты промышленности, которые входятъ въ потребленіе работника въ несравненно ограниченнѣйшемъ размѣрѣ, тогда какъ съѣстные припасы, составляющіе главный предметъ его потребленія, вовсе не обладаютъ стремленіемъ къ постоянному удешевленію! Вообще подобныя соображенія тогда только могли бы имѣть значеніе, если бы подвергли изслѣдованію общее положеніе работника въ разныя времена со всѣхъ сторонъ. Но такое изслѣдованіе крайне трудно и требуетъ величайшей добросовѣстности, а между тѣмъ толкующіе вамъ объ этомъ не имѣютъ въ рукахъ даже матеріаловъ для подобнаго изслѣдованія и потому должны бы были предоставить его настоящимъ ученымъ.

3) Отъ этого, впрочемъ, необходимаго, отступленія, вернемся къ вопросу: какое вліяніе могутъ имѣть потребительныя общества на положеніе рабочаго сословія подъ господствомъ опредѣляющаго заработную плату закона, развитаго нами въ пунктѣ 2. Теперь отвѣтъ простъ.

Пока въ потребительныя общества будутъ вступать только отдѣльные кружки рабочихъ, до тѣхъ поръ общая заработная плата не потерпитъ отъ нихъ измѣненія и слѣдовательно, до тѣхъ поръ вступившіе въ нихъ работники, благодаря удешевленію предметовъ потребленія, получаетъ отъ нихъ то слабое облегченіе своего стѣсненнаго положенія, которое мы разсмотрѣли въ пунктѣ 1.—Но какъ скоро потребительныя общества начнутъ все болѣе и болѣе обнимать все рабочее сословіе,—законъ заработной платы вступитъ въ дѣйствіе и необходимо понизить ее настолько же, насколько потребительныя общества удешевятъ средства существованія.

Итакъ, потребительныя общества никогда не могутъ помочь всему рабочему сословію, а составляющимъ ихъ отдѣльнымъ кружкамъ рабочихъ могутъ приносить разсмотрѣнную выше слабую помощь лишь до тѣхъ поръ, пока примѣръ этихъ кружковъ еще не найдетъ себѣ достаточно подражанія. Чѣмъ больше будутъ распространяться потребительныя общества, чѣмъ большія массы рабочихъ будутъ они обнимать, тѣмъ болѣе будетъ ослабѣвать та ничтожная выгода, которою они могутъ приносить своимъ членамъ, пока, наконецъ, она не обратится въ нуль въ тотъ самый день, когда потребительныя общества обнимутъ собою большую часть всего рабочаго сословія.

Но можно ли серьезно толковать, чтобы рабочее сословіе обратило вниманіе на средство, которое совершенно не можетъ помочь ему какъ сословію, а отдѣльнымъ членамъ его можетъ доставлять слабое облегченіе,

лишь пока за него не примется все сословіе или даже хотя большинство его?

Если нѣмецкое рабочее сословіе вздумаетъ заняться подобнымъ толченіемъ воды, то придется еще долго ждать дѣйствительнаго улучшенія его положенія!

Я разобралъ передъ вами всѣ Шульце-Деличевскія учрежденія и показалъ, что они не помогаютъ вамъ и не могутъ помочь.

Какъ же однако? Неужели принципъ свободной индивидуальной ассоціаціи работниковъ не можетъ улучшить положенія рабочаго сословія?

Можетъ—но лишь по обращеніи и распространеніи его на фабричную крупную промышленность.

Сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ—вотъ единственное, какъ вы сейчасъ сами увидите, средство устранить желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату!

Если бы рабочее сословіе сдѣлалось своимъ собственнымъ предпринимателемъ, тогда уничтожилось бы различіе между заработной платой и барышемъ предпринимателя, и вознагражденіемъ труда сталъ бы продуктъ труда!

Самое мирное, законнѣйшее простѣйшее уничтоженіе предпринимательскаго барыша организованіемъ рабочаго сословія посредствомъ добровольныхъ ассоціацій въ положеніе своего собственнаго предпринимателя, устраненіе этимъ единственнымъ способомъ того закона, который при нынѣшнемъ производствѣ даетъ работникамъ лишь необходимое для жизни какъ наемную плату, а все остальное предоставляетъ предпринимателю—вотъ единственно истинное, единственно немечтательное, единственно соотвѣтствующее справедливымъ притязаніямъ рабочаго сословія средство улучшить его положеніе.

Но какъ? Взгляните на желѣзныя дороги, на машинные заводы, на корабельныя верфи, на хлопчато-бумажныя фабрики и пр. и пр., подумайте о милліонахъ, которыхъ все это требуетъ, вспомните о пустотѣ своихъ кармановъ и спросите себя, гдѣ возьмете вы когда-либо гигантскіе капиталы, нужные на эти предпріятія, и, слѣдовательно, возможно ли вамъ будетъ когда-либо приняться за крупную промышленность на свой счетъ.

Разумѣется, нѣтъ ничего несомнѣннѣе, достовѣрнѣе, какъ то, что вамъ это всегда будетъ невозможно, пока вы исключительно предоставлены своимъ изолированнымъ индивидуальнымъ усиліямъ.

Но вотъ потому-то и обязано государство доставить вамъ эту воз-

можность, взять въ свои руки для поощренія и развитія великое дѣло свободныхъ индивидуальныхъ ассоціацій рабочаго сословія и положить себѣ въ священнѣйшую обязанность дать вамъ средства и способы для вашей самоорганизаціи и самоассоціаціи.

Не давайте сбивать себя съ толку криками, будто такое вмѣшательство государства уничтожаетъ общественную самопомощь.

Не правда, будто, давая человѣку лѣстницу или веревку, я этимъ мѣшаю ему собственными силами взобраться на башню. Не правда, будто, содержа для молодежи учителей, школы и библіотеки, государство мѣшаетъ ей этимъ образовывать себя собственными силами. Не правда, будто я мѣшаю человѣку собственными силами обрабатывать поле, если даю ему плугъ. Неправда, будто, давая человѣку оружіе, я этимъ мѣшаю ему собственными силами разбить непріятельское войско.

Правда, бывало, что люди влѣзали на башни безъ лѣстницъ и веревокъ; правда, случается, что человѣкъ образовываетъ себя безъ помощи учителей, школъ и публичныхъ библіотекъ; правда, въ революціонныя войны вандейскіе крестьяне иногда безъ оружія поражали непріятеля, — но эти исключенія не опровергаютъ, а подтверждаютъ правило. И то правда, что въ Англіи при извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ нѣсколько рабочихъ кружковъ нѣсколько улучшили свое положеніе въ нѣкоторыхъ мелкихъ отрасляхъ крупной промышленности посредствомъ ассоціаціи, созданной ихъ собственными усиліями, однако, тѣмъ не менѣе, остается неопровержимъ законъ, что только помощь государства можетъ произвести дѣйствительное улучшеніе въ положеніи рабочихъ, — улучшеніе, котораго работники могутъ совершенно законно требовать для всего своего сословія.

Не давайте также сбивать себя съ толку криками толкующихъ по этому поводу о соціализмѣ и коммунизмѣ и заглушающихъ подобными толками ваши справедливыя требованія. Будьте твердо увѣрены, что эти люди или хотятъ васъ надуть, или сами не знаютъ, что говорятъ. Требованіе это какъ нельзя дальше отъ всякаго соціализма и коммунизма, потому что оставляетъ рабочимъ классамъ всю ихъ нынѣшнюю индивидуальную свободу, индивидуальный образъ жизни и индивидуальное вознагражденіе за трудъ; единственное отношеніе, въ которое оно ставитъ ихъ къ государству, состоитъ въ томъ, чтобы государство помогло ихъ ассоціаціи нужнымъ капиталомъ, т. е. нужнымъ кредитомъ. Но въ томъ-то и состоитъ задача и назначеніе государства, чтобы облегчать великіе культурные успѣхи человѣчества и помогать имъ. Въ этомъ его призваніе. Для этого оно и существуетъ; на это оно всегда служило и должно служить. Я могъ

бы привести сотни примѣровъ подобнаго вмѣшательства государства; въ устройство каналовъ, шоссе, почтъ, транспортныхъ сообщеній, телеграфовъ, земледѣльческихъ банковъ, въ сельско-хозяйственныя улучшенія, въ учрежденіе новыхъ отраслей промышленности и пр. [1]).

Но я укажу только одинъ примѣръ, зато стоящій одинъ цѣлыхъ сотней и при томъ особенно близкій, когда у насъ строились желѣзныя дороги, то во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ и почти во всѣхъ иностранныхъ, за исключеніемъ самыхъ короткихъ и отрывочныхъ линій, всюду потребовалось вмѣшательство государства, по меньшей мѣрѣ въ формѣ гарантіи акціонерныхъ процентовъ, а во многихъ странахъ еще въ большихъ размѣрахъ.

Гарантія процентовъ представляла еще слѣдующій львиный договоръ предпринимателей—богатыхъ акціонеровъ — съ государствомъ: если новыя предпріятія окажутся невыгодными, то убытки должны пасть на государство, слѣдовательно, на всѣхъ платящихъ налоги, слѣдовательно, спеціально на васъ, господа, на великій классъ неимущихъ! Если же новыя предпріятія, напротивъ того, окажутся выгодными, то барыши — крупные дивиденды—достанутся имъ, богатымъ акціонерамъ. Этому вовсе не помогало то, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи, государству были выговорены въ то время еще недостовѣрныя выгоды въ далекомъ, очень далекомъ будущемъ; такія выгоды могла бы доставить ему и ассоціація рабочаго сословія, при томъ гораздо большія и ближайшія.

Безъ этого государственнаго вмѣшательства, слабѣйшей формой котораго, какъ я сказалъ, была гарантія процентовъ, у насъ, на всемъ континентѣ, быть можетъ, и теперь не было бы еще желѣзныхъ дорогъ!

Какъ бы то ни было, вотъ факты: государство было принуждено вмѣшаться; гарантія процента была съ его стороны очень важнымъ вмѣшательствомъ: при томъ, его вмѣшательство касалось имущаго, богатаго класса, который и безъ того располагаетъ всѣмъ капиталомъ и всѣмъ кредитомъ

---

[1]) Говорятъ обыкновенно, что подобнаго государственнаго вмѣшательства никогда не бывало въ Англіи, а, между тѣмъ, эта страна до сихъ поръ гордится уничтоженіемъ рабства въ своихъ колоніяхъ парламентскимъ актомъ 1833 г. Это, разумѣется, не могло обойтись безъ вмѣшательства государства и стоило ему 20 милл. фунтовъ стерлинговъ (около 200 мил. рублей), на вознагражденіе рабовладѣльцевъ. Освобожденіе безконечнаго большинства собственной націи отъ желѣзнаго закона заработной платы должно, конечно, интересовать государство гораздо больше освобожденія чуждаго племени, и при томъ не потребуетъ отъ него никакихъ жертвъ.

и потому могъ бы легче обойтись безъ государственнаго вмѣшательства, чѣмъ вы; наконецъ, вся буржуазія требовала этого вмѣшательства.

Отчего же не кричали тогда противъ гарантіи процента, не называли ее „нестерпимымъ вмѣшательствомъ государства?“ Отчего не говорили тогда, что она угрожаетъ „общественной самопомощи“ богатыхъ предпринимателей этихъ акціонерныхъ дѣлъ? Отчего не старались прокричать ее „соціализмомъ и коммунизмомъ?“

Да, въ томъ-то и дѣло, что тогдашнее вмѣшательство государства происходило въ интересахъ богатыхъ классовъ общества, а съ этимъ условіемъ оно всегда допускалось и допускается! Но какъ скоро рѣчь заходитъ о вмѣшательствѣ въ пользу нуждающихся классовъ, въ пользу безконечнаго большинства—оно оказывается соціализмомъ и коммунизмомъ!

Отвѣтьте все это тѣмъ, кто болтаетъ вамъ про неудобства государственнаго вмѣшательства, про нарушеніе этимъ вмѣшательствомъ общественной самопомощи и про заключающійся въ немъ соціализмъ и коммунизмъ, тогда какъ требованіе его ни къ чему подобному не можетъ подать повода. И прибавьте имъ, что если мы уже такъ долго живемъ въ соціализмѣ и коммунизмѣ, какъ доказываетъ гарантія процентовъ при желѣзныхъ дорогахъ и другіе мимоходомъ упомянутые примѣры, то желаемъ и остаться при нихъ!

Замѣтимъ еще, что, какъ ни былъ великъ прогрессъ, вызванный желѣзными дорогами, онъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ прогрессомъ, который совершится ассоціацией рабочаго класса. Ибо какая польза отъ всѣхъ богатствъ и плодовъ цивилизаціи, если ими всегда пользуются лишь немногіе, а все безконечное большинство вѣчно пребываетъ въ положеніи Тантала, тщетно хватающаго плоды. Нѣтъ, хуже Тантала, потому что Танталъ, по крайней мѣрѣ, не самъ создалъ плоды, по которымъ былъ осужденъ томиться!

Слѣдовательно, если вмѣшательство государства было когда-либо допускаемо, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ оправдать его здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о такомъ громадномъ прогрессѣ, больше всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи.

Государство можетъ доставить вамъ эту возможность легче всего посредствомъ своихъ большихъ кредитныхъ и оборотныхъ учрежденій (банковъ), не принимая при томъ большей отвѣтственности, чѣмъ брало на себя при гарантіи процента желѣзныхъ дорогъ; подробно объяснять это дѣло я здѣсь, впрочемъ, не могу [1])

---

[1]) Я не могу подробно изложить здѣсь, какъ легко создать капиталъ или, вѣрнѣе, кредитъ, нужный для ассоціаціи, которая постепенно, съ

Наконецъ, господа, вѣдь что такое государство?

Загляните въ статистику, въ статистику оффиціальную, обнародываемую правительственными властями, потому что съ собственными моими вычисленіями и описаніями я и не приступаю къ вамъ.

Королевско-прусское статистическое бюро, управляемое тогда прусскимъ королевскимъ тайнымъ совѣтникомъ, профессоромъ Дитерици обнаро-

---

теченіемъ времени, охватила бы собою все рабочее сословіе. Этому изложенію пришлось бы предпослать финансово-теоретическое объясненіе соціальныхъ функцій денегъ и кредита. При томъ въ настоящее время такое разсужденіе о средствахъ осуществленія было бы совершенно напрасно и излишне. Практическую цѣну оно можетъ получить только тогда, когда можно будетъ подумать объ осуществленіи этого требованія, а когда именно я скажу ниже. Теперь же прибавлю слѣдующее. Ассоціаціи обняли бы все рабочее сословіе, конечно, лишь постепенно, съ теченіемъ времени. Ихъ слѣдуетъ начать съ тѣхъ отраслей промышленности, которыя по природѣ своей требуютъ сравнительно большаго числа работниковъ и потому больше всего годятся для ассоціацій. Кромѣ того, ихъ слѣдуетъ начинать въ тѣхъ округахъ и мѣстностяхъ, которые способнѣе другихъ къ ассоціаціямъ по роду своей промышленной дѣятельности, по густотѣ населенія и по добровольному расположенію къ ассоціаціямъ—три условія, обыкновенно совпадающія. Какъ скоро образовалось бы нѣсколько такихъ ассоціацій, они стали бы все легче распространяться въ другихъ отрасляхъ и мѣстностяхъ, потому что всѣ ассоціи, образующіяся съ помощью государства, разумѣется, должны были бы вступать между собой въ кредитный союзъ и, безъ сомнѣнія, вступали бы. Кромѣ кредитнаго союза, ихъ могъ бы соединять страховой союзъ для распредѣленія между ними до незамѣтно ничтожной величины убытковъ, которые каждая изъ нихъ можетъ претерпѣвать. Государство, впрочемъ, не должно играть надъ ними роли директора, а лишь утвержать и одобрять уставы ихъ и имѣть за веденіемъ ихъ дѣлъ контроль, достаточный для обезпеченія своихъ интересовъ. Каждую недѣлю работникамъ выдавалась бы заработная плата, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ обычаями мѣстности и промышленности, а въ концѣ года имъ раздавались бы барыши ассоціаціи въ видѣ дивиденда. Практическую удобовыполнимость и чрезвычайную прибыльность такихъ ассоціацій можетъ отрицать только невѣжество, которому извѣстно, что въ Англіи и во Франціи уже многочисленныя рабочія ассоціаціи, достигшія высокаго процвѣтанія, хотя возникли при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, безъ всякой помощи и поддержки, предоставленныя единственно частнымъ усиліямъ составляющихъ ихъ работниковъ. Такъ называемыхъ рочдельскихъ піонеровъ я не считаю. Кромѣ нихъ, еще въ 1861 г. въ одномъ Ланкаширѣ была 31 такая ассоціація для фабричнаго производства, большей частью основанныя очень недавно, но уже дававшія въ диви-

довало въ 1851 г., перепись съ раздѣленіемъ населенія по величинѣ дохода, на основаніи правительственныхъ податныхъ списковъ [1]).

Я сообщаю вамъ результаты этой переписи съ буквальной и цифровой точностью. По ней изъ населенія прусскаго государства имѣютъ:

дохода	свыше 1000 талеровъ .	$^1/_2$%	населенія
„	отъ 400 до 1000 талеровъ	$3^1/_4$%	„
„	„ 200 — 400 „	$7^1/_4$%	„
„	„ 100 — 200 „	$16^3/_4$%	„
„	менѣе 100 „	$72^1/_4$%	„

И замѣтимъ, что этотъ доходъ принадлежитъ лицамъ, обязаннымъ платить налоги, а по расчету Дитерици каждое такое лицо представляетъ среднимъ числомъ семейство изъ пяти лицъ; стало быть, этотъ доходъ принадлежитъ среднимъ числомъ семействамъ изъ пяти или, по меньшей мѣрѣ, изъ трехъ лицъ [2]). И въ прочихъ нѣмецкихъ государствахъ должно быть такое же отношеніе.

дендъ 30—40% съ капитала. Во Франціи ассоціація des ouvrièrs maçons въ Парижѣ еще въ 1856—57 году дала 56% барыша на свой капиталъ, въ 1858 г. прибыль простиралась до 130.000 франковъ, изъ коихъ 30.000 было отложено въ запасъ, а 100.000 розданы въ дивидендъ, въ томъ числѣ 60% труду и 40% капиталу (общество имѣетъ des associés non travailleurs, которые должны вносить по меньшей мѣрѣ по 10.000 франковъ); также процвѣтаютъ les ouvrièrs lampistes, les ouvrièrs en meubles и пр. См. Исторію рабочихъ ассоціацій въ сочиненіяхъ профессора Губера, Cochut, A. Lemercier („Etudes sur les associations ouvrières) и др.—Уставы и правило этихъ обществъ представляютъ драгоцѣнные матеріалы для внутренней организаціи ассоціацій. Всѣ эти общества были дѣйствительно „піонерами“, піонерами будущности. Они твердой рукой пробили путь и поразительными практическими результатами, достигнутыми наперекоръ предстоявшей имъ невозможности, показали, каковы могли бы быть эти результаты, если бы еще государство помогло имъ побѣдить эти невозможности. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что вся наша исторія, все развитіе толкаютъ насъ на этотъ путь. Даже распространеніе акціонерныхъ предпріятій имѣетъ своимъ историческимъ и истинно-цивилизующимъ назначеніемъ открыть этотъ путь.

[1]) Dieterici,—„Mittheilungen des statistischen Bureaus“, Jahr 1851, Bd. IV, p. 226; cp. Bd. III, p. 243.

[2]) Въ дѣйствительности въ то время (1850 г.) въ Пруссіи было, какъ показываетъ Дитерици (Bd. IV, p. 223), при населеніи въ 16.331.187 человѣкъ 3.181.968 семействъ, что составляетъ $5^1/_{10}$ человѣка на семью. Платящихъ налоги было тогда 4.950.454 человѣка (Дитерици, Bd. III, p. 243), стало быть, больше, чѣмъ семействъ. Но и то каждое платящее налогъ

Убѣдительнѣе толстыхъ томовъ говорятъ эти нѣмыя оффиціальныя цифры, не имѣющія, какъ статистическія среднія числа, никакого притязанія на математическую точность, потому что въ виду налога, каждый готовъ скрывать свой доходъ. Впрочемъ, это обстоятельство не можетъ составить важной разницы, на которую стоило бы тутъ обращать вниманіе. У $72^3/_4$ процентовъ населенія дохода меньше 100 талеровъ! Стало быть, $72^3/_4$ процента населенія находится въ величайшей бѣдности! Еще у $16^3/_4$ процентовъ населенія 100—200 талеровъ; слѣдовательно, положеніе ихъ немногимъ лучше и все еще крайне бѣдственно! Еще $7^1/_4$ процента населенія имѣютъ лишь 200—400 талеровъ дохода, т. е. тоже находятся въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, $13^1/_4$ процента населенія имѣютъ 400—1000 талеровъ дохода; слѣдовательно, находятся частью въ едва сносномъ положеніи, частью пользуются достаткомъ, и затѣмъ остается $^1/_2$ процента населенія, распредѣляющіяся по всевозможнымъ степенямъ богатства. Два послѣдніе класса, находящіеся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, составляютъ вмѣстѣ 89 процентовъ населенія, а если къ нимъ причислить еще $7^1/_4$% третьяго класса, все еще неимущаго и стѣсненнаго, то окажется, что $96^1/_4$ процентовъ населенія обрѣтается въ стѣсненіи, въ нуждѣ. Стало быть, государство принадлежитъ вамъ, господа, нуждающимся классамъ, а не намъ, высшимъ сословіямъ, потому что изъ васъ оно и состоитъ! Что такое государство? — спросилъ я, и теперь вы видите изъ нѣсколькихъ цифръ яснѣе, чѣмъ изъ толстыхъ томовъ, что государство — это вы, великая ассоціація бѣднѣйшихъ классовъ!

Почему же вашей великой ассоціаціи не оказывать поощренія и плодотворнаго вліянія на ваши меньшіе ассоціаціонные кружки.

Отвѣчайте этимъ вопросомъ тѣмъ, кто болтаетъ вамъ о неудобствахъ государственнаго вмѣшательства, о соціализмѣ и коммунизмѣ, заключающихся въ требованіи его.

Наконецъ, не угодно ли вамъ получить спеціальное доказательство невозможности поправить положеніе рабочаго сословія свободными ассоціаціями иначе, какъ при покровительственномъ вмѣшательствѣ государства? Такое доказательство мы найдемъ въ той самой Англіи, на которую больше всего ссылаются для подтвержденія возможности улучшить положеніе всего сословія ассоціаціями отдѣльныхъ работниковъ, устраиваемыми исключительно част-

---

лицо представляетъ среднимъ числомъ семейство болѣе чѣмъ изъ трехъ лицъ, причемъ мы упускаемъ еще изъ виду, что именно у низшихъ классовъ и бываютъ самыя многочисленныя семьи.

ными усиліями ихъ. Между тѣмъ, дѣйствительно, по причинамъ, коренящимся въ особенностяхъ англійскаго быта, въ этой странѣ такой опытъ могъ бы всего скорѣе удасться, такъ что успѣхъ его въ Англіи еще не доказывалъ бы возможности того же въ другихъ странахъ.

При томъ я заимствую это спеціальное доказательство именно изъ той англійской рабочей ассоціаціи, которая до сихъ поръ обыкновенно приводилась какъ торжественный примѣръ противнаго. Я говорю о рочдельскихъ піонерахъ. Это потребительное общество, существующее съ 1844 г., учредило въ 1858 г. ткацкую фабрику съ капиталомъ въ 5.500 фунтовъ стерлинговъ (около 55.000 рублей). По уставамъ этой фабричной ассоціаціи, работникамъ, занятымъ на фабрикѣ—все равно, акціонеры ли они ассоціаціи или нѣтъ—полагалось, сверхъ обычной заработной платы, по равной долѣ дивиденда изъ барышей фабрики. Работники и акціонеры получали равный дивидендъ, потому что полагалось дѣлить барыши въ равныхъ пропорціяхъ, отчисляя одинаковый процентъ на заработную плату и на капиталъ акцій. Но вотъ оказалось, что акціонеровъ фабрики 1.600 человѣкъ, тогда какъ занято на фабрикѣ только 500 работниковъ. Слѣдовательно, изъ акціонеровъ очень многіе не работаютъ на фабрикѣ, а съ другой стороны, не всѣ работники — акціонеры. Вслѣдствіе этого, акціонеры изъ работниковъ, не имѣвшіе занятій на фабрикѣ, а также тѣ, кто были и акціонерами, и вмѣстѣ съ тѣмъ фабричными работниками, подняли агитацію (1861 г.), направленную противъ участія въ пользованіи барышами — продуктами труда — работниковъ, которые не состоятъ акціонерами.

Работники-акціонеры указывали совершенно просто и откровенно на тотъ принципъ, по которому во всемъ промышленномъ мірѣ разсчетъ съ трудомъ считается поконченнымъ съ выдачей ему заработной платы, а заработная плата, въ свою очередь, опредѣляется спросомъ и предложеніемъ (мы видѣли выше, какой законъ установляетъ это!). „Этотъ фактъ, — говоритъ профессоръ Губеръ, разсказывая объ этомъ дѣлѣ,—выставлялся безъ дальнѣйшихъ разсужденій какъ естественный законъ, не требующій никакихъ объясненій и оправданій, въ противоположность исключительному произвольному нововведенію устава“. Первоначальные учредители и старшины ассоціаціи храбро оспаривали это предложеніе измѣнить уставъ, но безъ яснаго пониманія своихъ основаній. Между работниками-акціонерами большинство $^5/_8$ голосовъ было за измѣненіе устава, совершенно въ духѣ буржуазныхъ предпринимателей, и передѣлка только потому и не прошла, что, въ силу устава, для его измѣненія, требовалось большинство $^3/_4$ голосовъ. „Но никто не обманывается, — говоритъ профессоръ Губеръ, — что на этомъ дѣло не

остановится. Ассоціаціи предстоятъ жаркіе внутренніе раздоры, результатомъ которыхъ, можетъ быть, уже въ будущемъ году будетъ побѣдоносное повтореніе этого предложенія. Оппозиція рѣшилась пустить въ ходъ свое вліяніе и при выборахъ въ ассоціаціонныя должности; на этихъ выборахъ дѣло рѣшается абсолютнымъ большинствомъ, такъ что она можетъ вскорѣ взять въ свои руки все правленіе ассоціаціи". Далѣе Губеръ говоритъ: „Большая часть фабрично-промышленныхъ ассоціацій заранѣе приняла господствующій обычай, очевидно, безъ всякихъ размышленій и безъ доктринерскаго сознанія; весьма немногія приняли принципъ сотрудничества въ пользу труда". И далѣе Губеръ принужденъ сдѣлать непріятныя и тяжелыя для него признанія, потому что онъ принадлежитъ къ приверженцамъ устройства ассоціацій исключительно частными средствами работниковъ. Онъ говоритъ, что „вопросы эти будутъ безъ сомнѣнія вскорѣ возбуждены и рѣшены во всѣхъ прочихъ производительныхъ ассоціаціяхъ, гдѣ существуетъ антагонизмъ капитала и труда, и воспроизведутся изъ промышленнаго макрокозма (т. е. общаго мірового порядка) конкуренціи въ кооперативномъ микрокозмѣ (т. е. въ уменьшенномъ изображеніи міра рабочими ассоціаціями)."

Такимъ образомъ, размышляя объ этихъ фактахъ, вы видите, господа, что великіе вопросы могутъ рѣшаться только въ великихъ размѣрахъ, никогда въ малыхъ. Пока вся вообще заработная плата опредѣляется вышеразсмотрѣннымъ закономъ, до тѣхъ поръ и мелкія ассоціаціи не избѣгнутъ его господствующаго вліянія. Но какая же польза всему рабочему сословію вообще, работнику, какъ таковому въ частности, изъ того, что ему придется работать не на предпринимателя-буржуа, а на предпринимателя-работника? Никакой! Вся разница будетъ въ томъ, что предприниматели, которымъ достается продуктъ вашего труда, раздробятся. Но ни трудъ, ни рабочее сословіе не освободятся! Что же получаетъ рабочее сословіе отъ подобныхъ ассоціацій? Лишь одно—развращеніе, оподленіе, которыя начинаютъ одолѣвать его, обращая работника противъ работника, въ хищнаго предпринимателя! Личности предпринимателей перемѣнились, но сущность осталась та же; какъ прежде, такъ и тутъ единственный источникъ всякаго продукта—трудъ—остается на такъ-называемой платѣ, т. е. на кускѣ хлѣба, безъ котораго уже жить нельзя. И до того доходитъ извращеніе понятій подъ господствомъ этого закона, что вотъ даже незанятые на фабрикѣ работники-акціонеры не понимаютъ, что обязаны своими дивидендами труду занятыхъ работниковъ, что извлекаютъ выгоду изъ труда ихъ, и не хотятъ уступить имъ даже скромной доли продукта ихъ собственнаго труда, даже частицы того, что цѣликомъ принадлежитъ труду!

Работники со средствами работниковъ и съ алчностью предпринимателей—вотъ въ какую омерзительную карикатуру обращены эти работники!

Наконецъ, въ заключеніе, еще одно рѣзкое и рѣшительное доказательство, тѣсно связанное съ предыдущимъ.

Вы видѣли, что на фабрикѣ піонеровъ занято 500 работниковъ, а акціонерами у нея 1,600 работниковъ. Но вамъ и безъ того совершенно ясно, что занятые на фабрикѣ работники не могутъ достать изъ собственныхъ кармановъ весь капиталъ, необходимый для основанія этой фабрики, если только мы не вообразимъ себѣ работниковъ богатыми людьми послѣ чего весь вопросъ перейдетъ въ область фантазій. Чтобы основать такую фабрику, имъ необходимо принимать акціонерами множество постороннихъ работниковъ, которые не будутъ заниматься на фабрикѣ. На фабрикѣ піонеровъ количественное отношеніе между работающими и посторонними работниками (1.600 работниковъ-акціонеровъ на 500 занятыхъ работниковъ, что составляетъ отношеніе болѣе 3 : 1) удивительно благопріятно и рѣдко, удивительно мало, что объясняется особенно счастливымъ положеніемъ піонеровъ, представляющимъ въ рабочемъ сословіи высокое исключеніе: кромѣ того, эта отрасль промышленности принадлежитъ къ числу не требующихъ самой крупной затраты капитала, да и самая фабрика піонеровъ далеко не принадлежитъ къ числу очень обширныхъ заведеній, а если бы была обширнѣе, то и въ этой отрасли промышленности вышло бы не то отношеніе. Вдобавокъ надо замѣтить, что это отношеніе должно съ каждымъ днемъ сильно возрастать вслѣдствіе успѣховъ цивилизаціи и развитія самой промышленности. Успѣхи цивилизаціи именно въ томъ и состоятъ, что человѣческій трудъ съ каждымъ днемъ все больше замѣняется мертвой силой природы, т. е. машинами, стало быть, съ каждымъ днемъ возрастаетъ отношеніе величины затрачиваемаго капитала къ количеству человѣческаго труда. Слѣдовательно, если для фабрики піонеровъ потребовалось 1.600 работниковъ-акціонеровъ, чтобы собрать капиталъ для 500 занятыхъ работниковъ, если, стало быть, тутъ оказывается отношеніе 3 : 1, то у другихъ работниковъ, въ другихъ отрасляхъ, въ болѣе обширныхъ заведеніяхъ и для соблюденія условій ежедневныхъ успѣховъ цивилизаціи, потребуются отношенія 1 : 4, 1 : 5, 1 : 6, 1 : 8, 1 : 10, 1 : 20 и т. д. Но положимъ даже, что достаточно отношеніе 1 : 3. Слѣдовательно, чтобы получить капиталъ, нужный для основанія фабрики, дающей занятіе 500 работникамъ, надо собрать 1,600 работниковъ-акціонеровъ. Пока рѣчь идетъ объ одной, о двухъ, о трехъ и т. д. фабрикахъ, это не представляетъ затрудненій въ воображеніи—вѣдь все

это, происходитъ въ воображеніи, въ мечтахъ, а на дѣлѣ вышло бы совсѣмъ иное. Но если вздумать распространить ассоціацію на все рабочее сословіе,—а вѣдь рѣчь идетъ о немъ, а не о частныхъ лицахъ, желающихъ вылѣзть въ люди,—если съ теченіемъ времени хотятъ основать столько фабрикъ, чтобы все рабочее сословіе нашло въ нихъ занятіе, откуда же возьмется тройной, четверной, 5, 10, 20 комплектъ всего рабочаго сословія, необходимый, сверхъ занятыхъ работниковъ, въ качествѣ работниковъ-акціонеровъ, чтобы основать эти фабрики?

Итакъ, вы видите, господа, что освободить рабочее сословіе этимъ путемъ, изолированными индивидуальными усиліями его членовъ,—есть просто математическая невозможность; что предаваться подобнымъ мечтамъ могутъ только самыя неясныя головы, лишенныя всякой критики, и что единственный путь къ этому освобожденію, единственное средстно уничтожить жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату, законъ, къ которому рабочее сословіе приковано, какъ къ лобному мѣсту, состоитъ въ поощреніи и развитіи свободныхъ, индивидуальныхъ рабочихъ ассоціацій государствомъ. Ассоціаціонное движеніе, основанное исключительно на изолированныхъ силахъ отдѣльныхъ рабочихъ личностей, имѣло только одну заслугу, но заслугу громадную: оно осязательно указало практическій путь къ освобожденію, представило блестящія, практическія доказательства въ опроверженіе всѣхъ искреннихъ и напускныхъ сомнѣній, въ его практической выполнимости и, такимъ образомъ, поставило государству въ непремѣнный долгъ протянуть руку помощи этому величайшему интересу культуры человѣчества.

Кромѣ того, я доказалъ вамъ, что государство есть ничто иное, какъ великая организація, великая ассоціація рабочихъ классовъ. Слѣдовательно, помощь и поощреніе, которыми государство дало бы меньшимъ ассоціаціамъ возможность существовать, были бы ничто иное, какъ совершенно законная и естественная общественная самопомощь рабочихъ классовъ, какъ великой ассоціаціи, самимъ себѣ и своимъ членамъ, какъ отдѣльнымъ личностямъ.

Повторимъ: свободная индивидуальная ассоціація работниковъ, но осуществленная помощью и покровительствомъ государства, есть единственный выходъ изъ бѣдственнаго положенія рабочаго сословія.

Но какъ склонить государство къ этому вмѣшательству?

И на этотъ вопросъ тотчасъ представляется ясный, какъ солнце, отвѣтъ —

это возможно только при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Тогда только склоните вы государство выполнить свой долгъ, когда всѣ законодательныя собранія Германіи будутъ основаны на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ.

Тогда въ законодательныхъ собраніяхъ будетъ поднято это требованіе; тогда можно будетъ разсуждать на основаніяхъ разума и науки о предѣлахъ, формахъ и средствахъ этого вмѣшательства; тогда—будьте увѣрены!—люди, понимающіе ваше положеніе и преданные вашему дѣлу, поднимутъ за васъ свѣтлый мечъ науки и съумѣютъ отстоять ваши интересы! И тогда, если защитники вашего дѣла, долго останутся въ меньшинствѣ, вамъ, неимущимъ классамъ общества, придется пенять уже только на себя и на свой дурной выборъ.

Всеобщее и прямое избирательное право есть, стало быть, какъ теперь обнаружилось, не только политическій принципъ вашъ, но и вашъ основной соціальный принципъ, коренное условіе всякаго соціальнаго улучшенія. Это—единственное средство улучшить матеріальное положеніе рабочаго сословія.

Но какъ добиться этого всеобщаго и прямого избирательнаго права?

Вотъ тутъ взгляните на Англію!

Болѣе пяти лѣтъ продолжалось великое движеніе англійскаго народа противъ хлѣбныхъ законовъ. Кончилось тѣмъ, что имъ пришлось пасть, что само торійское министерство было принуждено отмѣнить ихъ!

Организуйтесь въ общій германскій рабочій союзъ, съ цѣлью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитаціи для введенія во всѣхъ германскихъ земляхъ всеобщаго и прямаго избирательнаго права. Какъ скоро въ этомъ союзѣ будетъ хотя 100.000 нѣмецкихъ работниковъ, онъ станетъ силой, которую каждому придется уважать. Призовите къ нему всѣхъ; пусть дойдетъ вашъ призывъ въ каждую мастерскую, въ каждую деревню, въ каждую хижину! Пусть городскіе работники сообщатъ сельскимъ свое высшее пониманіе и образованіе. Говорите, разсуждайте всюду, ежедневно, неустанно, безпрерывно, въ мирныхъ общественныхъ собраніяхъ и въ частныхъ сходкахъ, вездѣ настаивайте на необходимости всеобщаго и прямого избирательнаго права, подобно великой англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Чѣмъ больше милліоновъ голосовъ повторятъ ваше требованіе, тѣмъ громче раздастся оно въ ушахъ тѣхъ, къ кому обращено.

Заводите кассы, куда каждый членъ германскаго рабочаго союза долженъ будетъ дѣлать взносъ; составляйте проекты ихъ организаціи.

Эти кассы, при самомъ ничтожномъ взносѣ, доставятъ громадную фи-

нансовую силу для агитаціонныхъ цѣлей, такъ что если каждый членъ союза будетъ вносить по зильбергрошену въ недѣлю, то, при 100.000 членовъ, союзъ будетъ имѣть возможность тратить 160,000 талеровъ въ годъ. При кассахъ заводите газеты, которыя ежедневно повторяли бы то же требованіе и доказывали бы основательность его разборомъ общественнаго положенія. Тѣми же средствами и съ той же цѣлью распространяйте брошюры. Содержите на средства союза агитаторовъ, которые разносили бы эти убѣжденія во всѣ закоулки страны, проникали бы однимъ и тѣмъ же стремленіемъ сердце каждаго работника, каждаго наемника и батрака. Вознаграждайте изъ средствъ союза всѣхъ работниковъ, потерпѣвшихъ убытки и гоненія за свою дѣятельность въ немъ.

Ежедневно, неутомимо повторяйте одно и тоже, всегда, постоянно все одно и тоже! Чѣмъ больше повторять это, тѣмъ больше оно распространится, и тѣмъ могучѣе выростетъ его сила.

Вся тайна практическихъ успѣховъ состоитъ въ искусствѣ всегда сосредоточивать всѣ свои силы на одномъ пунктѣ, на важнѣйшемъ пунктѣ, не отвлекаясь по сторонамъ. Не заглядывайтесь ни вправо, ни влѣво; будьте глухи ко всему, что не всеобщее и прямое избирательное право или что не связано съ нимъ и не можетъ вести къ нему!

Когда этотъ призывъ распространится по всѣмъ 89—96 процентамъ населенія, которые, какъ я показалъ вамъ, составляютъ бѣдные и неимущіе классы общества,—а распространится онъ въ нѣсколько лѣтъ,—тогда—будьте покойны!—недолго устоятъ противъ вашего требованія! Правительства могутъ скряжничать политическими правами и препираться о нихъ съ буржуазіей. Даже вамъ можно отказывать въ политическихъ правахъ, въ томъ числѣ и въ всеобщемъ избирательномъ правѣ, при невниманіи вашемъ къ этимъ правамъ. Но если 89—96 процентовъ населенія поймутъ, что всеобщее избирательное право есть вопросъ желудка и потому примутся за него съ страстностью голода—будьте увѣрены, господа, что нѣтъ той силы, которая долго устояла бы противъ нихъ!

Вотъ знамя, которое вамъ слѣдуетъ поднять. Вотъ знамя, подъ которымъ вы побѣдите, и другого для васъ нѣтъ!

Кланяюсь и жму руки.

Берлинъ, 1 марта 1863 г.

КЪ РАБОЧЕМУ ВОПРОСУ.

(Рѣчь въ рабочемъ собраніи въ Лейпцигѣ, 16 апрѣля 1863 г.).

Рабочее собраніе, созванное на 16 апрѣля 1863 г. Комитетомъ учреждения Германскаго Рабочаго Союза, было многочисленнѣе прежнихъ, потому, что въ немъ долженъ былъ говорить Фердинандъ Лассаль. Присутствовало болѣе 4.000 человѣкъ, въ томъ числѣ, впрочемъ, нѣсколько студентовъ, купцовъ и вообще постороннихъ лицъ. Г. Юліусъ Фальтейхъ, провозглашенный сильнымъ большинствомъ президентъ, открылъ засѣданіе и предоставилъ слово г. Ф. Лассалю, который произнесъ слѣдующую рѣчь, стенографированную д-ромъ Карломъ Альбрехтомъ.

Работники!

Вашъ комитетъ давно приглашалъ меня въ Лейпцигъ повидаться и поговорить съ вами. До сихъ поръ я отказывался, потому что не имѣлъ намѣренія лично производить агитацію между работниками или вообще распространять здѣсь какое бы то ни было волненіе. Затѣмъ я получилъ отъ здѣшняго комитета извѣстный вамъ запросъ, и на вопросъ я былъ обязанъ отвѣчать, какъ честный человѣкъ, и постарался добросовѣстнѣйшимъ образомъ выполнить эту обязанность. Теперь, послѣ того, какъ вы согласились съ мнѣніями, выраженными въ моемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“, приняли мои воззрѣнія, я могу явиться къ вамъ говорить лично не давая повода сказать, что старался увлечь васъ личнымъ вліяніемъ, рѣчами, обольщеніемъ, замѣтьте эту разницу: я готовъ служить моими способностями и энергіей рабочему сословію принявшему, выраженные мною принципы, но я не хочу насильно волновать рабочее сословіе, если оно еще не созрѣло до пониманія ихъ.

Ярость моихъ враговъ при обнародованіи моего отвѣта Комитету была безгранична. Мнѣ не могли простить, что и я выдалъ вамъ, господа, экономическій законъ, управляющій заработной платой рабочихъ классовъ и оковывающій ваше существованіе словно желѣзными кандалами. Противъ меня поднялись негодующіе голоса, какъ въ древности противъ жреца выдавшаго таинства Цереры. Будь мои враги римляне они закололи бы меня на площади, какъ нѣкогда патриціи Гракха. Но они далеко не римляне, и потому вмѣсто мечей подняли на меня клевету. Нѣтъ той позорной выдумки, которую они не выпустили бы противъ меня со времени появленія моего отвѣта вамъ. Одна берлинская газета—„Трибуна", слѣдующимъ образомъ объяснила мой поступокъ. Какъ вамъ извѣстно, меня недавно приговорили за мою „Программу работниковъ" къ четырехъ мѣсячному тюремному заключенію; ну, такъ вотъ, эта либеральная газета и говоритъ, что въ „Гласномъ Отвѣтѣ" я совершилъ отступничество, сошелся съ правительствомъ, для того чтобы получить нѣкоторыя льготы на время заключенія. (Смѣхъ). Не возмутительно ли, что вы такъ принимаете подобныя вещи! Я не хочу хвалиться этимъ четырехъ мѣсячнымъ заключеніемъ; но какъ бы то ни было, это—рана, понесенная мною въ служеніи вамъ, и вотъ противъ меня хотятъ почерпнуть ядъ, изъ этой самой раны. Другая мнимолиберальная газета, „Реформа", говоритъ, что я сдѣлался ренегатомъ, дошелъ до того же, до чего и Бруно Бауеръ. Со стороны буржуазіи, я ожидалъ всего этого; я зналъ, что возстающему за васъ, работники, предстоитъ выпить до дна отравленную чашу клеветъ. Но что меня нѣсколько удивило, что на минуту причинило мнѣ сердечную боль, это слышать тѣ же поругательства со стороны работниковъ, хотя, правда, въ совершенно отдѣльныхъ случаяхъ. Вы помните, господа, объявленіе, подписанное Нюрнбергскимъ Рабочимъ Союзомъ, гдѣ меня называли подкупленнымъ орудіемъ реакціи—меня человѣка два года высидѣвшаго въ тюрьмѣ, прошедшаго черезъ три уголовные процесса, и постоянно, во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ правительствомъ въ теченіе 15 лѣтъ, хранившаго, по сознанію даже враговъ, самый гордый, непреклонный, можно сказать, революціонный характеръ, гораздо болѣе независимый и вѣрный своему принципу, чѣмъ поведеніе всей партіи прогрессистовъ, которая теперь клевещетъ на меня. (Свистки и браво). Я не виню въ этихъ клеветахъ всѣхъ членовъ прогрессисткой партіи, у меня есть между ними добрые друзья; но я говорю о работающей и служащей ей печати, изъ которой исходятъ всѣ эти клеветы. Онѣ посыпались на меня за то, что я отвѣтилъ вамъ, работникамъ. Я прибылъ сюда съ намѣреніемъ разобрать все, что возражалось на мои

мысли, и опровергнуть все это цѣликомъ; но по нездоровью не могу исполнить этого намѣренія и принужденъ ограничиться главнѣйшимъ.

Вы помните, что вскорѣ послѣ закрытія вашего собранія 24 марта, въ этомъ городѣ происходило другое собраніе, въ которомъ нѣкто г. д-ръ Максъ Виртъ имѣлъ дерзость утверждать, что сообщенный мною вамъ экономическій законъ заработной платы ложенъ; онъ назвалъ его воззрѣніемъ, давно опровергнутымъ, брошеннымъ. Я формулировалъ этотъ законъ такъ:

„Желѣзный экономическій законъ, опредѣляющій заработную плату при нынѣшнихъ условіяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія, таковъ, что средній размѣръ заработной платы всегда сводится на необходимое содержаніе потребное по существующимъ въ народѣ привычкамъ для поддержанія жизни и размноженія“.

Я объяснилъ и причины, по которымъ этотъ законъ необходимо долженъ господствовать. Именно: если національный капиталъ возрастаетъ и заработная плата поднимается выше, чѣмъ нужно по вышесказанному, то умножается и число рабочихъ, вслѣдствіе умноженія браковъ и рожденій. Усиленное предложеніе рукъ вслѣдствіе свободнаго соперничества опять настолько понижаетъ заработную плату, что ее хватаетъ лишь на необходимыя средства существованія. Иногда заработная плата падаетъ на короткое время еще больше; тогда число работниковъ уменьшается, спросъ на нихъ превышаетъ предложеніе, и плата возвращается къ нормальной высотѣ. Все, что я говорилъ вамъ въ моихъ брошюрахъ, есть лишь строго-послѣдовательно развитыя слѣдствія этого желѣзнаго закона. Вдругъ является д-ръ Виртъ и утверждаетъ, что законъ, который я назвалъ единогласно признаваемымъ, совранъ, давно опровергнутъ, и я обманулъ васъ имъ! Вы можете сами на себѣ убѣдиться, что положеніе мое истинно, но дѣло слишкомъ важно, чтобы оставить его безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Пусть не скажутъ, что я требую отъ васъ in verba magistre jurare, слѣпой вѣры въ слова учителя. А такъ какъ оспариваютъ, что этотъ законъ признанъ наукой, то надо привести на это доказательства. Послушайте, что говоритъ глава французской буржуазной экономіи, Сэй.

Сэй говоритъ о платѣ обыкновеннаго труда слѣдующее: „Предложеніе этого труда возрастаетъ вмѣстѣ со спросомъ на него. Спросъ можетъ немного, очень немного, поднять заработную плату выше размѣра необходимаго для того, чтобы рабочія семьи могли существовать и размножаться; т. е. размѣръ необходимаго, чтобы каждая рабочая семья могла выкармливать достаточное число дѣтей для замѣны отца и матери. Если заработная плата хотя сколько нибудь поднимается выше этого уровня, число дѣтей рабо-

чихъ возрастетъ, и усиленное предложеніе труда очень скоро уравновѣситъ усилившійся спросъ.

„Если, наоборотъ, спросъ на рабочихъ меньше числа людей, предлагающихъ свой трудъ, то доходы ихъ падутъ ниже того, что нужно для сохраненія этого класса въ данномъ числѣ. Семьи, наиболѣе обремененныя дѣтьми и больными, погибнутъ; вслѣдствіе этого уменьшится предложеніе труда, и цѣна на него поднимется, потому что его меньше предлагается. Изъ этого видно, что цѣна простой ручной работы не можетъ долго стоять ни выше, ни ниже того уровня, который необходимъ для поддержанія рабочаго сословія въ потребномъ числѣ, изъ чего слѣдуетъ, что доходъ простаго ремесленника не превышаетъ размѣра, необходимаго для поддержанія существованія его семьи“ [1]).

Итакъ, та же пляска то ниже, то выше крайняго предѣла, которую я вамъ описывалъ.

Послушаемъ далѣе великаго англійскаго экономиста Рикардо „о заработной платѣ“ (гл. V).

„Какъ всѣ вещи, которыя можно покупать и продавать, и количество которыхъ можно увеличивать и уменьшать, трудъ имѣетъ естественную цѣну и рыночную цѣну. Естественная цѣна труда та, которая доставляетъ работникамъ вообще средства существовать и продолжать свое племя безъ умноженія, но и безъ уменьшенія въ числѣ“. Далѣе онъ показываетъ, что рыночная цѣна, какъ я вамъ сказалъ, естественно колеблется въ обѣ стороны отъ тѣхъ колебаній, о которыхъ я говорилъ. „Если — говоритъ онъ—число работниковъ умножается вслѣдствіе поощреннаго возвышеніемъ заработной платы умноженія населенія, то плата опять падаетъ къ своей естественной цѣнѣ, а иногда и ниже,—такъ сильно дѣйствіе реакціи“.

Я буду продолжать цитаты; это, правда, не весело, но я пришелъ сюда не увеселять васъ, а говорить съ вами о вещахъ, которыя близко касаются васъ и требуютъ отъ васъ полнаго вниманія. Г. Виртъ имѣлъ неслыханную наглость сослаться противъ этого закона на Адама Смита и Дж. Ст. Милля. Послушаемъ, что говоритъ Смитъ [2]). „Если спросъ (на трудъ) будетъ все болѣе увеличиваться, то заработная плата [3]) неизбѣжно

---

[1]) „Cours comblet d'économie politique“, V part, ch. X, p. 333, ed. Brux.

[2]) „Изслѣдованія“, т. I, кн. I, гл. VIII, стр. 222—222, переводъ Бибикова.

[3]) У г. Бибикова „вознагражденіе за трудъ“. Я позволю замѣнить его „заработной платой“, такъ какъ оно слишкомъ характерно выражаетъ воззрѣнія и принципы устарѣлой, опровергаемой Лассалемъ буржуазной школы. *Пр. перев.*

доставитъ бракамъ и размноженію рабочаго населенія такое поощреніе, которое будетъ отвѣчать увеличеніемъ числа работниковъ возрастающему требованію на нихъ. Предположите, что вдругъ плата уменьшится и не будетъ производить подобнаго дѣйствія, — недостатокъ въ рукахъ не замедлитъ [1]) повысить ее; а предположите, что въ другое время заработная плата выше, чѣмъ необходимо для подобнаго дѣйствія [2]), то чрезвычайное расположеніе работниковъ къ размноженію не замедлитъ понизить ее до необходимыхъ размѣровъ".

Теперь послушайте и Дж. Ст. Милля, на котораго имѣлъ наглость ссылаться г. Виртъ. „Рикардо—говоритъ Дж. Ст. Милль (т. I, кн. II, гл. XI, § 2, стр. 393—35)—полагаетъ... что вездѣ существуетъ наименьшая величина заработной платы, равняющаяся или самой низкой платѣ, при которой населеніе можетъ не вымирать съ голода, или самой низкой, при какой народъ соглашается не уменьшиться въ числѣ. Онъ принимаетъ, что общій уровень заработной платы всегда клонится къ этой наименьшей величинѣ: что оставаться ниже этой величины онъ можетъ только на то время, какое нужно для осуществленія результата, производимаго ослабленіемъ размноженія людей, а выше этого уровня заработная плата никакъ не можетъ удержаться долго. Такая теорія имѣетъ въ себѣ настолько истины, что можетъ быть принимаема въ соображеніяхъ отвлеченной науки; а выводъ, дѣлаемый Рикардо изъ этой теоріи, тотъ выводъ, что заработная плата въ расчетѣ продолжительныхъ періодовъ возвышается и понижается сообразно долговременнымъ измѣненіямъ цѣны пищи, — это заключеніе, подобно почти всѣмъ заключеніямъ Рикардо, справедливо гипотетически, т. е. въ томъ случаѣ, когда существуютъ посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ. Но въ приложеніи къ практикѣ не слѣдуетъ забывать, что можетъ измѣняться самая норма наименьшей величины заработной платы, въ особенности если эта норма опредѣлена не физическими, а нравственными потребностями". (Это-то самое, на что я такъ обращалъ ваше вниманіе въ „Гласномъ Отвѣтѣ" [3]), что заработная плата всегда есть минимумъ содержанія, привычнаго народу; что вы всегда находитесь на крайнемъ предѣлѣ, но что самъ этотъ крайній предѣлъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ можетъ быть разный). „Если заработная плата была такъ высока, что могла быть доступна уменьшенію, и если препятствіемъ для уменьшенія была привычка

---

[1]) У г. Бибикова „немедленно". Это слишкомъ скоро.

[2]) Здѣсь я опять нѣсколько измѣнилъ не совсѣмъ удачный переводъ г. Бибикова. *Пр. перев.*

[3]) См. выше, стр. 67—72.

работниковъ къ высокой нормѣ благосостоянія, то возвышеніе цѣны пищи и всякая другая невыгодная для работниковъ перемѣна обстоятельствъ можетъ произвести двоякій результатъ: она можетъ уравновѣситься повышеніемъ заработной платы чрезъ постепенное дѣйствіе расчетливой воздержности работниковъ отъ размноженія, или можетъ понизить благосостояніе работниковъ, если ихъ прежнія привычки относительно размноженія окажутся сильнѣе ихъ прежнихъ привычекъ относительно благосостоянія. Въ этомъ случаѣ вредъ, понесенный ими, останется вѣчнымъ, и новое положеніе, худшее прежняго, станетъ новою и наименьшею величиною заработной платы, и эта величина будетъ имѣть тенденцію держаться неизмѣнно, какъ прежде имѣла прежняя не столь скудная наименьшая величина. Къ несчастью, надобно полагать, что этотъ послѣдній результатъ повышенія цѣны пищи бываетъ почти всегдашнимъ или, по крайней мѣрѣ, обыковеннымъ результатомъ, такъ что въ практикѣ не имѣютъ силы всѣ теоріи, говорящія, будто бѣдствія, которымъ подвергается рабочій классъ, исцѣляются сами собой. Есть много фактовъ, доказывающихъ, что не разъ въ нашей исторіи положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ Англіи подвергалось большому постоянному ухудшенію отъ причинъ, результатомъ которыхъ было уменьшеніе спроса на хлѣбъ. Эти причины имѣли бы лишь временное дѣйствіе, если бы, воздержностью отъ размноженія, работники привели свое число въ соразмѣрность съ требованіями прежней нормы благосостоянія; но къ несчастью бѣдность, въ которую на много лѣтъ были они повергнуты, отучила ихъ отъ этой нормы, и слѣдующее поколѣніе, никогда не знавшее прежняго благосостоянія, стало въ свою очередь размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратить его".

Итакъ, вы видите, что Дж. Ст. Милль говоритъ совершенно то же, что я, идетъ еще дальше Рикардо. Въ противоположность Бастіа и его поклонникамъ, Шульце и Фаухеру (Свистки),—Господа, если бы г. Шульце былъ здѣсь, то самъ сказалъ бы вамъ, что безусловно слѣдуетъ Бастіа,—Милль, какъ вы видите, идетъ еще дальше; онъ принимаетъ, что въ большинствѣ случаевъ минимумъ потребностей существованія, представляемыхъ заработной платой, т. е. необходимое не существующимъ въ народѣ привычкамъ содержаніе, скорѣе падаетъ, чѣмъ возрастаетъ, съ теченіемъ времени обыкновенно понижается, потому что, такъ какъ рабочіе не отказываются отъ рожденія дѣтей, то и временныя ухудшенія имѣютъ наклонность вести къ прочнымъ ограниченіямъ необходимыхъ потребностей.

Далѣе (стр. 395—96) онъ продолжаетъ: „Когда цѣна предметовъ, необходимыхъ работникамъ, понижается земледѣльческими усовершенствова-

ніями, отмѣною хлѣбныхъ законовъ и другими тому подобными причинами, когда работники за прежнюю заработную плату могутъ получать больше условій благосостоянія, чѣмъ прежде, то происходить обратное явленіе. Заработная плата упадетъ не тотчасъ; она можетъ даже возвыситься; но въ концѣ концовъ она упадетъ до того, что положеніе работниковъ станетъ не лучше прежняго, если въ продолженіе благопріятнаго времени не возвысится прочнымъ образомъ норма благосостоянія, считаемаго работниками за необходимость для себя. Къ несчастью, никакъ нельзя расчитывать на благотворное послѣдствіе. Норма благосостоянія, пользоваться которымъ считаютъ работники дѣломъ болѣе необходимымъ, чѣмъ жениться и имѣть семейство,—эта норма падаетъ легко, но возвышается вовсе не такъ легко. Если работники станутъ только пользоваться большимъ благосостояніемъ, пока оно продолжается, и не привыкнутъ считать его необходимостью, они размножатся до прежней нормы образа жизни. Если прежде они не могли по бѣдности хорошо выкармливать дѣтей, теперь они будутъ выкармливать дѣтей, больше прежняго, и когда дѣти выростутъ, то своимъ соперничествомъ понизятъ заработную плату, понизятъ ее на всю ту пропорцію, въ какой удешевилась пища. Если не этимъ, то другими такими же способами, напримѣръ, увеличеніемъ числа бракосочетаній, болѣе раннимъ вступленіемъ въ бракъ, или увеличеніемъ числа рождающихся отъ каждаго брака дѣтей будетъ произведенъ такой же результатъ. Всѣ факты свидѣтельствуютъ, что за періодами дешевизны пищи и живого спроса на трудъ непремѣнно слѣдуетъ значительное увеличеніе въ количествѣ браковъ. Потому я не могу приписывать отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ ту важность для благосостоянія работниковъ, какая часто ей приписывается; не могу также придавать важности ни одному изъ небольшихъ измѣненій въ положеніи работниковъ, ни одному изъ этихъ плановъ, попеременно бывающихъ въ модѣ. Небольшая перемѣна въ положеніи работниковъ не сдѣлаетъ прочнаго измѣненія въ ихъ привычкахъ и требованіяхъ, и скоро они спустятся до своего прежняго положенія. Для произведенія прочнаго улучшенія, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть такъ сильна, что значительно измѣнитъ ихъ положеніе, такъ сильна, чтобы измѣнитъ его на многіе годы, несмотря на то, что отъ нея же увеличится размноженіе работниковъ въ теченіе жизни цѣлаго поколѣнія. Если улучшеніе имѣетъ такую большую силу, если явится поколѣніе, съ дѣтства привыкшее къ улучшенному положенію, то привычки этого новаго поколѣнія относительно размноженія сформируются по высшей нормѣ наименьшей заработной платы, и положеніе работниковъ

улучшится прочнымъ образомъ". „Самый замѣчательный примѣръ такого случая представляетъ Франція послѣ революціи",—прибавляетъ Милль. Она сразу доставила такое улучшеніе, что оно перевѣсило возрастаніе народонаселенія, несмотря на его безпримѣрную быстроту. Итакъ, вы видите, что Милль говоритъ совершенно то же самое, что сказано объ этомъ въ моемъ „Гласномъ Отвѣтѣ", на стр. 71.

Судите же послѣ того, какой лобъ надо имѣть, чтобы ссылаться на Милля противъ меня.

И Бастіа не говорилъ ничего, что могло бы служить опроверженіемъ этого закона заработной платы. Г. Виртъ ссылается на его положеніе, что съ развитіемъ промышленности и производства вообще возрастаетъ и пропорціональная доля въ нихъ труда. Никто изъ экономистовъ не поддерживаетъ этого положенія; оно ложно; но даже и въ немъ нѣтъ ничего, что по необходимости противорѣчило бы закону заработной платы. Если бы и допустить, что съ теченіемъ вѣковъ доля труда возрастаетъ, то это еще вовсе не значило бы, что и плата его возрастаетъ. Она можетъ не измѣниться или даже упасть, и это зависитъ единственно отъ того, что не возрасло ли число работниковъ въ еще сильнѣйшей мѣрѣ, чѣмъ доля труда въ производствѣ. Дальнѣйшій разборъ положенія Бастіа завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и потому я не буду вдаваться въ него; но привести противъ него опроверженія очень легко; для этого достаточно сослаться на признанные научные авторитеты, писавшіе послѣ Бастіа. Къ числу ихъ принадлежитъ Милль, котораго я уже цитировалъ и который— нашъ современникъ, между тѣмъ, какъ Бастіа давно умеръ. Я приведу еще мнѣнія значительнѣйшихъ новѣйшихъ экономистовъ, при томъ изъ руководствъ, заключающихъ въ себѣ лишь то, что безусловно признается наукой. Послушайте гейдельбергскаго профессора Рау, автора самаго популярнаго руководства, выдержавшаго безконечное число изданій; въ § 190 своихъ „Началъ политической экономіи" онъ говоритъ:

„Расходы, которые должны быть оплачены работнику въ заработной платѣ, состоятъ—въ простыхъ, не требующихъ искусства ремеслахъ — только въ необходимомъ содержаніи, а въ ремеслахъ, требующихъ искусства, къ этому еще должны причисляться необходимые расходы на пріобрѣтеніе потребнаго умѣнія.

„Содержаніе должно быть расчитано не только на время работы, а и на годы дѣтства и юности, когда будущій работникъ еще не въ состояніи пріобрѣтать, и, вообще, плата работникамъ должна быть достаточна для содержанія ихъ семей. Если заработка не хватаетъ на это, то рабочій

классъ уменьшится въ числѣ, и въ работникахъ ощутится недостатокъ, пока уменьшенное предложеніе труда снова не поднимѳтъ заработную плату. По крайней мѣрѣ это относится къ простому наемному труду, получающему лишь скудное вознагражденіе, и къ семьямъ средняго числа членовъ. Въ болѣе искусственныхъ отрасляхъ труда можетъ случиться, что по обычному въ этомъ ремеслѣ образу жизни платы хватаетъ только на содержаніе одного работника безъ семьи, и число работниковъ тѣмъ не менѣе остается неизмѣнно, вслѣдствіе наплыва изъ низшихъ классовъ.

Въ здѣшнемъ (лейпцигскомъ) университетѣ читаетъ проф. Рошеръ, экономистъ буржуазный, но человѣкъ туго ученый. Что говоритъ онъ объ этомъ законѣ? Въ его „Системѣ народной экономіи" (1858 г., § 161, p. 308) говорится:

„Подъ словами расходы производства, обусловливающіе постоянное предложеніе труда, должно разумѣть обычныя потребности существованія не одного только настоящаго работника, а и его семьи, т. е. подростающаго рабочаго поколѣнія. Многочисленность его зависитъ, главнымъ образомъ, отъ спроса на трудъ. Если, напр., спросъ таковъ, что можетъ удовлетворить воспитаніе среднимъ числомъ лишь 6 дѣтей на семью, то плата, кромѣ содержанія самого работника, должна еще покрывать расходы воспитанія 6 дѣтей. Гдѣ въ обычаѣ, чтобы жены и дѣти работали за плату, тамъ отцу уже не нужно самому пріобрѣтать все содержаніе для цѣлой семьи; слѣдовательно, индивидуальная заработная плата можетъ быть меньше. Если же заработная плата упадетъ ниже предположеннаго нами уровня, то вскорѣ усилившаяся смертность, переселенія, уменьшеніе браковъ и рожденій уменьшатъ предложеніе труда, вслѣдствіе чего, при прежнемъ спросѣ, заработная плата поднимается. Наоборотъ, заработной платѣ тѣмъ труднѣе удержаться выше этого уровня, чѣмъ болѣе почитаетъ народъ удовлетвореніе полового влеченія высочайшимъ чувственнымъ наслажденіемъ и любовь родителей къ дѣтямъ естественнѣйшею человѣческою обязанностью. „Гдѣ существуетъ сильный спросъ на людей, тамъ непремѣнно явится и сильное предложеніе" (Адамъ Смитъ).

Вы видите, господа, какъ единогласно говорятъ всѣ эти авторитеты одно и то же. Вы видите, какую неслыханную наглость надо имѣть, чтобы называть ложнымъ общепризнанный законъ, да еще ссылаться какъ разъ на Адама Смита и Милля, которые сами доказали его. И такимъ-то способомъ обсуждаютъ великій вопросъ! Дѣло, которое въ свою защиту прибѣгаетъ къ такому лганью, вредитъ самому себѣ и свидѣтельствуетъ о своей внутренней слабости. (Браво и свистки).

Я хотѣлъ, господа, сдѣлать сегодня окрошку изъ всего, что мнѣ возражали; но это кушанье вамъ пришлось бы расхлебывать часа три; впрочемъ, я не щадилъ бы васъ, если бы не состояніе моего здоровья, которое не позволяетъ мнѣ войти сегодня во всѣ подробности и принуждаетъ отложить часть до другого раза. Почти всѣ возраженія моихъ противниковъ состоятъ или въ умышленныхъ извращеніяхъ, или въ искреннихъ недоразумѣніяхъ, хотя я не понимаю, какъ можно было не понять чего-нибудь въ моихъ сочиненіяхъ, написанныхъ, кажется, чрезвычайно ясно. Такъ, напр., г. Шульце-Деличъ восклицаетъ въ одной лекціи: „Какимъ образомъ хочетъ Лассаль ввести въ свои ассоціаціи всѣхъ, если не желаетъ употреблять насилія". Господа, я ничего подобнаго не имѣю въ намѣреніяхъ; я никого не хочу вводить противъ воли; кто не хочетъ, пусть съ богомъ остается; volenti non fit injuria — вольному воля! Кому пріятнѣе работать въ пользу фабриканта, чѣмъ въ свою собственную, пусть дѣлаетъ, какъ знаетъ. На вкусъ указчика нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ г. Шульце возникъ изъ недоразумѣнія.

Не принуждать васъ хочу я, а хочу, чтобы вамъ дали возможность употреблять свои силы въ собственную пользу. Возможность эту дадутъ вамъ основанныя вами ассоціаціи; но имъ необходимъ государственный кредитъ.

Далѣе говорили,— и это уже больше похоже на умышленное извращеніе, чѣмъ на недоразумѣніе, — говорили, особенно г. Фаухеръ, что мое предложеніе тождественно съ французскими національными мастерскими 1848 г. Я увѣренъ, что говоря это расчитывали на ваше незнакомство съ этимъ дѣломъ; дѣло въ томъ, что мастерскія эти были устроены такъ, что въ нихъ занимались только непроизводительнымъ трудомъ. Онѣ были предназначены только какъ-нибудь занять пролетаріатъ, лишившійся вслѣдствіе революціи работы, а такъ какъ больше всего не хотѣли именно составлять конкурренцію частной промышленности, то предпринимали непроизводительныя работы, напр., земляныя работы; при томъ, мастерскія эти были учреждены не соціалистами, а врагами ихъ противъ нихъ. Какимъ же образомъ могутъ сравнивать ихъ съ моими планами? На это рѣшаются только потому что обстоятельства эти не всѣмъ извѣстны, хотя засвидѣтельствованы актами [1]). Кромѣ того, спрашиваю, говорилъ ли я объ организаціи труда

[1]) См. признанія врага соціалистовъ, Ламартина, во 2 томѣ его „Исторіи февральской революціи", см. „Исторію революціи 1848 г." Гарнье-Паже. См. статью Лассаля: „Французскія національныя мастерскія 1848 г." приложеніе I къ сочиненію „Капиталъ и Трудъ", т. III настоящаго изд.

государствомъ, о государственной мастерской? На чьей сторонѣ недоразумѣніе? Кто не хочетъ понять? Вѣдь я неоднократно оговаривалъ, что желаю ассоціаціи индивидуальной, добровольной, желаю ея совершенно такою же, какою желаетъ ее Шульце, какова она существуетъ въ Англіи, въ Рочделѣ, Ланкаширѣ, Парижѣ и т. д.; я требую только, чтобы государство посредствомъ кредитной операціи дало этимъ ассоціаціямъ нужный капиталъ, чтобы онѣ могли возникнуть. Государство должно помочь имъ кредитною операцію, но не должно „организовать" ихъ, само вести въ нихъ работы на свой счетъ и въ свою выгоду, какъ предприниматель; наоборотъ, оно должно дать работникамъ кредитомъ своимъ возможность самимъ себя организовать и работать въ свою собственную пользу. Я не говорилъ и о томъ, что слѣдуетъ организовать одну большую ассоціацію, которая легко могла бы показаться государственнымъ учрежденіемъ. Напротивъ того, я всегда говорилъ объ особыхъ кружкахъ, которые должны соединяться между собою кредитными и страховыми союзами. Это ясно значитъ, что кружки эти должны быть въ отношеніи другъ друга особыми самостоятельными обществами, а не одною ассоціацiею все государство. Будь это одно общество, оно не могло бы само съ собою соединиться кредитнымъ и страховымъ союзомъ! Слѣдовательно, я имѣю полное право спросить, искренно ли было это недоразумѣніе или притворно?

О прочемъ я поговорю въ слѣдующей лекціи, которую, быть можетъ, прочту вамъ недѣль черезъ шесть. Сегодня же я хочу посвятить особенное вниманіе главному возраженію противъ меня, лежащему въ основаніи всѣхъ нападеній либеральной партіи на мою брошюру. Шульце и вся либеральная школа затянули на всѣ голоса и лады припѣвъ: „Государство не должно вмѣшиваться въ экономическія отношенія!" Это припѣвъ старый, господа, распѣваемый уже болѣе 50 лѣтъ; теперь онъ такъ распространенъ, какъ едва ли какое другое положеніе, а между тѣмъ нѣтъ фразы болѣе глупой, ложной и нелѣпой! Ее выпустили манчестерцы, и если бы я только поразсказалъ вамъ, на какія дѣла служитъ этотъ принципъ, то одинъ перечень этихъ случаевъ заставилъ бы васъ окончательно отвергнуть этотъ девизъ либераловъ. Когда въ Англіи хотѣли ввести 10-ти часовой билль, которымъ полагался извѣстный максимумъ часовъ работы для работниковъ моложе 18 лѣтъ; когда намѣревались назначить срокъ возрасту, ниже котораго не позволять принимать дѣтей на фабрики; когда начали вводить обязательное обученіе, причемъ всѣ работающіе на фабрикахъ дѣти должны посѣщать воскресныя школы, — во всѣхъ этихъ случаяхъ всѣ англійскіе фабриканты вопили: государственное вмѣшательство! Государство не должно

вмѣшиваться! Но англійскіе работники во всѣхъ этихъ случаяхъ всегда брали сторону тѣхъ, кто хотѣлъ подвергнуть ихъ насилію, какъ, напр., заставить посылать дѣтей въ школы. Они поняли, что подобная свобода ихъ гибель!

Всѣ подобныя мѣры встрѣчали въ Англіи противъ себя крикъ либераловъ и проходили только съ помощью тори, лорда Ашли и другихъ. Даже 12-ти часовой билль прошелъ только при торійскомъ министерствѣ (Грегемовъ билль). Пока я ограничусь этими немногими указаніями, потому что вскорѣ вы услышите объ этомъ предметѣ подробнѣе съ другой стороны.

Г. Шульце говоритъ, и ему вторятъ всѣ приверженцы манчестерской школы: „Законы, управляющіе заработною платою, законы естественные, противъ которыхъ государство не должно бороться“. Естественный законъ имѣетъ силу необходимости; его нельзя отмѣнить, и нельзя также измѣнить его условій. Законъ заработной платы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, дѣйствительно, обладаетъ такою же силою необходимости, какъ естественный законъ, но мы можемъ отмѣнить его условія, вмѣстѣ съ которыми измѣнится и самый законъ, слѣдовательно, это не „естественный законъ“. Онъ основанъ на слѣдующихъ условіяхъ: если государство считаетъ принципомъ, что никоимъ образомъ не должно вмѣшиваться въ соціальныя и экономическія отношенія, если производство ведется на счетъ, частныхъ предпринимателей и если господствуетъ свободное соперничество, то законъ этотъ, дѣйствительно, имѣетъ необходимость естественнаго закона и не можетъ быть устраненъ. Но уничтожьте одно изъ этихъ условій, и мнимый естественный законъ отмѣнится самъ собою. Напр., откиньте предположеніе, что производство необходимо ведется частными предпринимателями; работники составляютъ ассоціацію, и законъ рушится. Потому такъ и ненавидятъ манчестерцы государство, что оно представляетъ единственную точку, съ которой можно измѣнить эти условія. Поэтому, они ненавидятъ не то или другое государство, не ту или другую государственную форму, а государство вообще, и если бы могли, то, какъ сами иногда проговариваются, отмѣнили бы государство, уничтожили бы его въ обществѣ, чтобы уже не оставалось ни единой точки, съ которой мыслимо бы было какое-нибудь спасеніе отъ ихъ вооруженной капиталомъ страсти эксплоатировать. Поэтому, они провозглашаютъ государство источникомъ всякаго зла, и нѣкоторыя современныя обстоятельства придаютъ этому крику нѣкоторое правдоподобіе. Берегитесь этого заблужденія, которое могло бы стать роковымъ для нашего прогресса, если не противодѣйствовать ему въ общественномъ мнѣніи. Въ моей „Программѣ работниковъ“ (см. томъ I)

я говорю: „Цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять личную свободу и собственность индивидуума, какъ представляетъ ее себѣ буржуазія, а въ томъ, чтобы соединеніемъ людей доставить имъ возможность достигать ступеней существованія, недостижимыхъ для одинокой личности, дѣлать ихъ способными пріобрѣтать такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, которая немыслима для отдѣльнаго индивидуума“. Таковъ великій цивилизаторскій принципъ государства, и это на вѣки останется назначеніемъ государства несмотря на всѣ нынѣшнія заблужденія на счетъ его призванія.

Въ Англіи эти заблужденія особенно укоренились, но въ доказательство, что, несмотря на это, и тамъ не могли обойти того истиннаго естественнаго закона, что всѣ великія цивилизаторскія дѣйствія должны исходить отъ государства, я указалъ на отмѣну невольничества въ колоніяхъ, стоившую государству не менѣе 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Г. Шульце-Деличъ не понялъ меня и возражаетъ: да, такъ и слѣдовало, потому что невольники были собственностью, стало быть, владѣльцамъ ихъ слѣдовало дать вознагражденіе. Г. Шульце вообразилъ, что я осуждаю эту мѣру, чего я не думалъ. Я указалъ на нее только въ доказательство несостоятельности принципа государственнаго невмѣшательства, такъ что даже въ Англіи при всякомъ истинно великомъ прогрессѣ государство должно вмѣшиваться. Правда, рабы были собственность, хоть вы и не рабы, господа, но отчасти также составляете чужую собственность, какъ и рабы; чужою собственностью въ васъ есть возможность работать для себя, пріобрѣтать въ собственный карманъ продуктъ и возрастающій продуктъ вашей собственной производительности. Нынче вы принуждены работать для тѣхъ, кто даетъ вамъ ссуду на трудъ, матеріалъ, субстратъ труда; изъ этого возникаетъ тотъ законъ заработной платы, который я объяснялъ вамъ. Въ этомъ дѣлежѣ, производимомъ предпринимателемъ, который, впрочемъ, не можетъ поступать иначе, вамъ дается только необходимое, а за нимъ остается весь излишекъ. Какъ бы не превосходилъ этотъ излишекъ необходимую стоимость вашего существованія, во всякомъ случаѣ, онъ весь, цѣликомъ, поступаетъ въ карманъ того, кто ссудилъ средства для работы. Такимъ образомъ ваша способность производить своею рабочею силою больше, чѣмъ сколько нужно для вашего существованія, составляетъ чужую собственность. Но эта собственность будетъ отмѣнена и ликвидирована, какъ скоро государство дастъ вамъ возможность учредить свои ассоціаціи и работать для себя.

Господа! Защищаемыя мною воззрѣнія все болѣе и болѣе распростра-

няются въ наукѣ. Ежедневно являются признаки, которые вполнѣ можно считать за signatura temporis—знаменія времени. Четыре дня тому назадъ я получилъ „Хронику политической экономіи и статистики“ іенскаго профессора Гильдебрандта. Этотъ ученый развиваетъ совершенно ту же теорію, при томъ со слѣдующей точки зрѣнія. Утверждаютъ, говоритъ онъ, что договоръ между предпринимателями и работниками свободенъ; неправда,— работниковъ принуждаютъ къ нему голодъ и нужда. И это не ново, господа; разница только въ томъ, что прежде это говорили французскіе революціонеры, а теперь говорятъ нѣмецкіе профессора. Но это прогрессъ науки и справедливости въ обществѣ, и тщетно противятся ему манчестерцы.

Въ моей брошюрѣ я сказалъ, что по статистическимъ даннымъ рабочіе классы составляютъ 89—95% населенія. Г. Шульце отвѣчаетъ мнѣ: „Если такъ, то пусть они сами прямо и помогаютъ себѣ безъ вмѣшательства государства“. Вотъ въ этомъ-то вся и суть, тутъ-то и есть самый punctum saliens. Г-ну Шульце хочется, чтобы вы выручали себя въ одиночку, пособляли себѣ частными своими силами, но частный человѣкъ, не обладающій капиталомъ, безпомощенъ, и слова г. Шульце имѣютъ такой же смыслъ, какъ если бы кто-нибудь сталъ кричать утопающему, обремененному 10-пудовой тяжестью: да плыви же! Силу вамъ можетъ дать государство, т. е. ваша общая ассоціація; г. Шульце желаетъ не соціальной самопомощи, какъ говоритъ, а лишь индивидуальной, но такая самопомощь невозможна для людей, не имѣющихъ капитала, при свободномъ соперничествѣ. Соціальною самопомощью была бы та, которую вы получили бы чрезъ соціальный бытъ, государство, черезъ соединенныя силы всѣхъ. Вотъ какую помощь проповѣдую я вамъ! Манчестерская теорія приходитъ къ концу. Это доказываютъ у насъ утѣшительныя явленія въ области науки, а въ Англіи комическія событія въ практической политикѣ.

Какъ я сказалъ вамъ, манчестерская школа распустила мнѣніе, что во всѣхъ общественныхъ вопросахъ государство есть принципъ зла, что оно не должно вмѣшиваться въ общественные вопросы. Но вотъ вслѣдствіе американской войны и недостатка въ хлопкѣ въ Ланкширѣ нужда работниковъ дошла до крайности. Работники вознамѣрились переселиться въ колоніи; по крайней мѣрѣ на это рѣшилась большая часть хлопчато-бумажныхъ работниковъ. Что же вышло? Тѣ же манчестерцы стали теперь всячески требовать государственнаго вмѣшательства въ свою пользу. Мистеръ Поттеръ, членъ парламента отъ Карлейль, потребовалъ отъ имени этой партіи, чтобы государство ссудило денегъ для доставленія работникамъ

занятія до полученія хлопка. Зачѣмъ было имъ это нужно? А вотъ зачѣмъ: если бы работники выселились, то по окончаніи войны и по возобновленіи ввоза хлопка оказался бы недостатокъ въ работникахъ, и имъ пришлось бы платить высокую плату. Стало быть, въ интересѣ манчестерцевъ было удерживать работниковъ дома. Поэтому государство и должно было вмѣшаться въ ихъ пользу и занять работниковъ на свой счетъ для выгодъ фабрикантовъ! Таково послѣднее слово этой глупой и корыстной теоріи. Даже у „Таймса", главной буржуазной газеты, хватило справедливости осмѣять манчестерцевъ въ двухъ номерахъ своихъ (25 и 31 марта) за ихъ ученіе, которое они 30 лѣтъ проповѣдывали, и посовѣтывать работникамъ переселяться. Печально однако, что для наказанія манчестерцевъ работникамъ приходится выселиться. Не допустимъ, чтобы и у насъ дошло до этого, чтобы и у насъ или государству пришлось вмѣшаться въ пользу фабрикантовъ, или работникамъ отрести отечество, какъ грязь съ подошвъ.

Слова мои могутъ, можетъ быть, подать поводъ къ ложному заключенію, будто вы имѣете основаніе ненавидѣть фабрикантовъ или предпринимателей. Это было бы величайшее заблужденіе, потому что за существующія учрежденія никто не можетъ нести отвѣтственность. Какъ я объяснилъ вамъ въ „Программѣ работниковъ", они результатъ длиннаго историческаго процесса, который возникъ не по винѣ буржуазіи. Сама буржуазія, напротивъ того, есть невольный продуктъ его. Стало быть, сословныя ненависть и отвращеніе могутъ быть лишь слѣдствіемъ грубаго непониманія и могутъ только отягчить ваше положеніе. Надо снять оковы съ вашихъ ногъ, но снять мирно, по иниціативѣ разума и съ сочуствующей помощью имущихъ классовъ, передовые люди которыхъ, люди науки, кладутъ начало освобожденію. Но если несправедливое и вредное ожесточеніе, способное только затруднить процессъ разрѣшенія узъ, не должно овладѣвать ими, то съ другой стороны также вредно было бы, если бы вы позволили приверженцамъ Бастіа ослѣпить васъ и увѣрить, что этихъ узъ не существуетъ, также вредно было бы, если бы обольщенія и обманы лишили васъ духа и мужества. Вы должны сказать имущимъ и образованнымъ: „При настоящемъ уровнѣ цивилизаціи необходимо, чтобы вы посвятили всѣ свои силы на освобожденіе насъ отъ этихъ узъ!" Если же вы дадите увѣрить себя, что вы свободны, если подадитесь обманчивому обѣщанію, что васъ освободитъ возрастаніе капитала и промышленности, то знайте, что никто не подумаетъ о вашемъ освобожденіи и что вы будете заслуживать своего бѣдствія! Помните же истину, свидѣтель-

ствуйте ее непрестанно, безъ озлобленія, но на чистоту. Послушайте слова Милля, знаменитаго англійскаго экономиста, во всѣхъ отношеніяхъ принадлежащаго къ первымъ рядамъ имущаго класса: „Очень сомнительно, облегчили ли до сихъ поръ всѣ механическія изобрѣтенія дневной трудъ какого-нибудь человѣческаго существа. Результатомъ ихъ было то, что теперь большее количество населенія, ведетъ ту же трудовую жизнь взаперти и большее число фабрикантовъ и другихъ лицъ пріобрѣтаетъ больше богатствъ кромѣ того они увеличили комфортъ среднихъ классовъ. Но до сихъ поръ они еще не начинали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ человѣчества, которыя предназначены произвести своею сущностью и въ будущемъ произведутъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „Когда дѣло идетъ о прочномъ улучшеніи положенія народа, то мелкія средства производятъ не мелкіе результаты, а вовсе не производятъ никакихъ. Если они не пріучатъ цѣлое поколѣніе въ такой же мѣрѣ къ комфорту, въ какой теперь люди пріучены къ нуждѣ, то значитъ ими ничего не достигнуто; слабыя полумѣры только расточаютъ средства, которыя лучше бы беречь до той поры, когда прогрессъ общественнаго мнѣнія и воспитанія образуетъ новыхъ политическихъ дѣятелей, не придерживающихся того мнѣнія, что планъ, обѣщающій великіе результаты, именно поэтому не долженъ предприниматься государственными людьми“.

Мнѣ осталось еще вкратцѣ коснуться политической стороны дѣла. Прогрессистская партія подвергла меня и ваши заключенія самымъ яростнымъ нападкамъ. По какому праву? Каковы были наши отношенія къ ней? Не явили ли мы образецъ величайшаго терпѣнія? Припомнимъ! Въ 1848 году была революція, которая дала народу всеобщее избирательное право. Затѣмъ настуиилъ періодъ реакціи (Я говорю о Пруссіи, потому что рѣчь идетъ о прусской партіи прогрессистовъ). Король прусскій пожаловалъ 5 декабря 1848 г. конституцію, въ которой тоже еще было сохранено всеобщее избирательное право, а въ силу статей 60 и 112 король не могъ издавать новыхъ законовъ безъ утвержденія депутатовъ. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ былъ изданъ новый избирательный законъ съ трехклассной системой. Это еще куда бы ни шло, если бы, согласно 60 и 112 статьямъ, этотъ законъ былъ утвержденъ палатой, избранной по старому избирательному закону. Но, вмѣсто того, новый избирательный законъ утверждался новой палатой, на основаніи этого новаго закона избранной! Для демократіи, а я принадлежу къ радикальной демократіи и надѣюсь, что и вы принадлежите къ ней, для демократіи новая конституція была правонарушеніемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1858 г., когда новые прусскіе министры, Шверинъ и

т. д., стали либеральничать, возгорѣлся конституціонный восторгъ, который былъ оскорбителенъ для всякаго истиннаго демократа, потому что для васъ конституція была правонарушеніемъ. Наши потери были забыты, хотя мы вели борьбу заодно съ буржуазіей; это было съ ея стороны предательство союзниковъ. Она хотѣла улизнуть изъ великой борьбы со своей особой добычей — буржуазной конституціей, а мы, народъ, могли справляться, какъ знаемъ. (Голосъ: Неправда! Свистки и громкія одобренія). Мы молчали. Впослѣдствіи образовалась партія прогресса. Отчего она отреклась отъ имени демократіи? Очевидно потому, что теперь уже не желали быть демократами. И удивительно ли послѣ такихъ поступковъ, что демократія враждебна прогрессистамъ? Г. Штрекфусъ въ Берлинѣ, составляя при образованіи партіи прогрессистовъ въ первомъ засѣданіи программу партіи, помѣстилъ въ спискѣ требованій всеобщее избирательное право, и въ этомъ засѣданіи оно прошло. Но черезъ нѣсколько дней въ другомъ засѣданіи, гдѣ онъ не присутствовалъ, оно было вычеркнуто; это прямо доказываетъ, что эти господа не желаютъ всеобщаго избирательнаго права; да кромѣ того, гг. Фаухеръ и Виртъ еще недавно объявили здѣсь въ Лейпцигѣ, какъ говорятъ газеты, что такъ какъ трехклассный избирательный законъ доставилъ такую палату, какъ нынѣшняя прусская, то всеобщаго избирательнаго закона не нужно. Ради мира мы все еще молчали, несмотря на отреченіе отъ всеобщаго избирательнаго права. Мы говорили себѣ: если партія прогрессистовъ станетъ дѣйствовать энергично, то хорошо, мы будемъ молчать, будемъ поддерживать ее; добившись господства, она будетъ принуждена сдѣлать народу уступки и вообще уважить его нужды. Но нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Пруссіи вскорѣ показало, что прогрессистская партія рѣшительно не обладаетъ необходимой энергіей, чтобы привести въ смущеніе энергичное правительство. Она не можетъ даже сама достигнуть власти и не достигнетъ ея, и, пока мы будемъ итти за ней, до тѣхъ поръ не выбьемся изъ болота. (Ого! Браво! Требованія прекращенія рѣчи и возраженія на нихъ). Я убѣдился, что если мы будемъ оставаться позади прогрессистовъ, насъ неизбѣжно постигнетъ застой. Что же я сдѣлалъ? Въ какомъ смыслѣ обратился я противъ партіи прогрессистовъ?

Конечно, не въ томъ, чтобы совѣтовать намъ итти заодно съ реакціей. Нѣтъ, будемъ поддерживать партію прогрессистовъ, насколько она враждебна реакціи; но будемъ, въ тоже время, подталкивать ее впередъ. Она сама объявила, что конституція не существуетъ больше. Зачѣмъ же она продолжаетъ засѣдать въ берлинской палатѣ, помогая этимъ прави-

тельству притворяться конституціоннымъ и только несогласнымъ съ представительствомъ по второстепеннымъ вопросамъ? Такое противорѣчіе должно влечь за собой полное извращеніе всѣхъ понятій права и народнаго смысла. Спросите лучшихъ изъ прогрессистовъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, зачѣмъ они не объявятъ, что пока конституціи не существуетъ они не могутъ представлять палату и обсуждать съ министрами парламентскія дѣла? Они отвѣтятъ, что, конечно, сдѣлали бы это, но что народъ еще не созрѣлъ и не одобрилъ бы такого поступка. Такъ говорятъ мудрецы, всегда воображающіе себя, богъ вѣсть, насколько впереди народа! Ну, такъ вотъ, вы народъ, господа! Покажите же прогрессистамъ, порицаніемъ ихъ образа дѣйствій, что они заблуждаются насчетъ народа. Заставьте ихъ итти впередъ.

Я пришелъ къ вамъ сегодня не съ пустыми руками. Вы знаете, что рѣшено въ Гамбургѣ, Золингенѣ, Дюссельдорфѣ, Кельнѣ, въ Рейнскихъ странахъ, гдѣ я десять лѣтъ прожилъ съ работниками. Но и люди науки отвѣтили на мое воззрѣніе. Нашъ великій экономистъ Родбертусъ прислалъ письмо, которымъ пристаетъ къ вашему дѣлу, и онъ не одинъ. Одинъ изъ первыхъ представителей науки въ здѣшнемъ университетѣ, проф. Вутке, поручилъ мнѣ передать вамъ, что пристаетъ къ вашему дѣлу и дѣлаетъ его своимъ; въ томъ же смыслѣ онъ писалъ вашему Комитету. Какъ видите, образуется тотъ союзъ, о которомъ я говорилъ и предсказывалъ въ моей защитительной рѣчи, союзъ науки и работниковъ; вы видите, что этотъ боевой кличъ начинаетъ исполняться. Счастливымъ предзнаменованіемъ считаю я, что дѣло началось здѣсь, въ Саксоніи и въ Лейпцигѣ; здѣсь въ Саксоніи Лютеръ привѣсилъ знаменитые тезисы у замковой церкви въ Виттенбергѣ; здѣсь въ Саксоніи, послѣ лейпцигскаго диспута, папская булла отлученія была сожжена виттенбергскими студентами. Будемъ надѣяться, что отсюда же повѣетъ животворный духъ великой реформаціи, которой требуетъ наше столѣтіе, и распространится по всему пространству нашей родины. (Продолжительныя рукоплесканія).

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ РАБОЧИМЪ.

(Рѣчь, произнесенная во Франкфуртѣ на Майнѣ 17 и 19 мая 1863 года).

Рѣчь 17 мая.

(При входѣ ораторъ встрѣченъ рукоплесканіями и свистками).

Господа!

Вашъ Комитетъ пригласилъ меня къ вамъ, и, какъ вы видите, я послѣдовалъ этому приглашенію. Я послѣдовалъ, надѣясь, что приглашеніе дѣлается не ради пустой формальности; я не думалъ, что заранѣе рѣшено быть противъ меня, и, во всякомъ случаѣ, не предполагалъ, что дойдутъ до того, чтобы заблаговременно организовать противъ меня этотъ замыселъ. Съ прискорбіемъ долженъ сказать вамъ, господа, что эта надежда не сбылась; вижу, что ошибался въ своихъ предположеніяхъ. Но спрашиваю, честный ли это образъ дѣйствій—удалить отсюда большинство рабогниковъ и дать доступъ въ эту залу и право подачи голоса только членамъ Рабочаго Образовательнаго Общества? Какой интересъ представляетъ нынѣшній день для меня и для страны? Узнать, какъ думаетъ объ этомъ вопросѣ рабочая масса. Но вотъ эта масса и не допущена сюда, и рѣшать призвана какая-то новая аристократія, вдругъ получившая значеніе среди рабочаго сословія,—избранная категорія членовъ Рабочаго Образовательнаго Общества! Вы знаете, во Франкфуртѣ рабочихъ тысячи; во франкфуртскомъ же Рабочемъ образовательномъ обществѣ только 300 членовъ. Такая же пропорція и въ другихъ городахъ. Слѣдовательно, право дано лишь небольшому числу: принята аристократическая исключительность! Далѣе: вѣдь извѣстно, господа, что рабочія образовательныя общества подали голоса противъ меня, правда, не вездѣ, не во Франкфуртѣ и не въ Майнцѣ, но въ большей части городовъ Майнскаго округа. Правда также, что они подали голоса не прочтя моей брошюры. Но, тѣмъ болѣе, странно, что теперь право голоса дано исключительно тѣмъ, кто и такъ уже подалъ го-

лось значительнымъ большинствомъ. Спрашиваю опять: честно ли это, добросовѣстная ли эта игра или шулерская?

При подобныхъ обстоятельствахъ, вы понимаете, господа, я былъ бы въ полномъ правѣ уклониться отъ преній и удалиться отсюда; но я рѣшился принять сраженіе, какъ и гдѣ бы мнѣ его ни предложили! (Одобренія). Господа! Я такъ вѣрю въ силу истины, что не удивился бы, если бы вы, придя сюда съ единодушной рѣшимостью осудить меня, вышли отсюда единодушно одобрпвъ меня.

Не буду дѣлать длиннаго предисловія. Скажу вамъ только, что, какъ васъ уже предупреждалъ и президентъ, рѣчь моя будетъ длинна. Противники мои толковали вамъ свои теоріи многіе годы; мнѣ же надо ограничиться одною рѣчью, такъ что въ отношеніи времени я въ величайшей невыгодѣ. Но какъ бы долго ни говорилъ я, подумайте объ одномъ: это говоритъ человѣкъ, не себя отстаивающій, а защищающій передъ вами ваше собственное дѣло.

Поэтому, также знайте напередъ, что цѣль моей рѣчи не увеселять васъ. Я пришелъ сюда не для того, чтобы увлекать васъ ораторскими штуками.

Справедливо говоритъ д-ръ Бюхнеръ въ своемъ отчетѣ, что это движеніе вывело насъ наконецъ изъ краснобайства и тумана фразъ. Я обращаюсь къ вашему разуму; мнѣ придется сообщать вамъ научные факты, и я прошу васъ посвящать моей рѣчи самое глубокое вниманіе именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она будетъ суха, будетъ состоять изъ цитатъ, цифръ и фактовъ. Наконецъ, знайте и то, господа, что я пришелъ говорить не то, что вамъ угодно слушать, а, какъ свободный человѣкъ, повѣдать вамъ всю истину безъ прикрасъ и, когда нужно, безъ пощады; если бы вамъ и не понравилось то, что я вамъ скажу, то я прошу васъ и могу отъ васъ требовать выслушать меня до конца въ нѣмомъ молчаніи.

Важнѣйшій пунктъ моего „Гласнаго Отвѣта“, то, изъ чего все остальное вытекаетъ необходимо само собою, есть объясненный мною въ этой статьѣ законъ средней заработной платы. Этотъ законъ такъ единодушно признанъ всѣми людьми науки, основанія его такъ просты и очевидны, что я считалъ невозможнымъ услышать возраженіе противъ него. Но когда требуется воспрепятствовать работникамъ понять свое положеніе, дѣлаются возможными самыя невозможныя вещи, и вотъ передъ вами предсталъ нѣкій господинъ Максъ Виртъ, отрицающій этотъ законъ и утверждающій, что это—мнѣніе, давно опровергнутое, что это, какъ онъ выражается, гнилая выдумка Рикардо. Въ чемъ я охотно соглашаюсь съ г. Максомъ Виртомъ,

это въ томъ, что, опровергни онъ этотъ законъ, онъ опровергъ бы все, что я говорилъ. И наоборотъ: если онъ его не опровергъ, то вмѣстѣ съ этимъ закономъ остается непреложнымъ каждое слово мое до послѣдняго, потому что, какъ говоритъ самъ г. Виртъ, вся моя брошюра представляетъ лишь послѣдовательное, логическое развитіе этого закона.

Какой же законъ противопоставляетъ г. Виртъ моему? Онъ говоритъ: заработная плата зависитъ не отъ необходимаго по народнымъ привычкамъ содержанія, а отъ процвѣтанія промышленности и національнаго капитала, отъ спроса и предложенія. Въ этихъ словахъ обличается все плутовство г. Макса Вирта. Законъ, который онъ противопоставляетъ моему, есть тотъ же самый, что и развитый мною, съ тою только разницей, что, желая обмануть васъ, онъ не договариваетъ второй половины своей собственной мысли [1]). Разумѣется, заработная плата можетъ подниматься и поднимается вообще медленно и постепенно. Но въ той же пропорціи, въ какой она начинаетъ подниматься, возвышается и умножается и число работниковъ, ихъ браковъ и

[1]) Дѣло въ томъ, что процвѣтаніе промышленности и національный капиталъ представляютъ собою только спросъ на трудъ. Другой членъ отношенія, предложеніе труда, представляется количествомъ населенія. Именно это господство спроса и предложенія вызываетъ законъ рабочей платы, который я объяснилъ и объяснилъ именно отношеніемъ спроса и предложенія. Но у насъ такъ распространено экономическое невѣжество, что на немъ сходятся самыя противоположныя партіи до такой степени, что франкфуртскій корреспондентъ прусской офиціальной газеты за одно съ господиномъ Феодоромъ Штрейтомъ въ кобургской „Рабочей Газетѣ“ нападаютъ на меня за отрицаніе закона спроса и предложенія, между тѣмъ, какъ я изъ него-то все и вывожу! Вотъ противники мои, какъ, напримѣръ, господинъ Максъ Виртъ, точно отрицаютъ этотъ законъ, потому что хотя на словахъ признаютъ его, но когда дѣло доходитъ до выводовъ, то выводятъ заработную плату не изъ спроса и предложенія, а изъ одного спроса. Господинъ Штрейтъ доходитъ до такого невѣжества и безсмыслія, что въ № 20 своей „Рабочей Газеты“ приводитъ противъ меня слѣдующую цитату изъ Милля: „заработная плата зависитъ отъ спроса и предложенія труда или, какъ часто говорятъ, другими словами, отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ“. Это какъ разъ то же, что я говорю и изъ чего я вывелъ законъ заработной платы. Особенно смѣшна покажется глупость или безсовѣстность этихъ господъ, обвиняющихъ меня въ отрицаніи закона спроса и предложенія, если вспомнить, что въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ у меня сказано прямо: „Желѣзный экономическій законъ, опредѣляющій заработную плату при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ господствомъ спроса и предложенія, таковъ:“ (см. т. II, стр. 88) и т. д.

ихъ дѣтей, такъ что въ скоромъ времени одинъ факторъ, усиленное предложенiе рабочихъ рукъ, совершенно уравниваетъ другого фактора, усиленный спросъ на рабочiя руки, вслѣдствiе увеличенiя нацiональнаго капитала и, такимъ образомъ, заработная плата опять падаетъ на прежнiй уровень. Умноженiе населенiя такъ неизбѣжно въ этомъ случаѣ, что статистика показываетъ значительное умноженiе браковъ между рабочими даже въ простые урожайные годы безъ возвышенiя заработной платы, какъ засвидѣтельствуемъ вамъ и Милль. Теперь послушайте, какъ неоспоримъ, какъ единогласно признанъ въ наукѣ этотъ законъ, который господинъ Максъ Виртъ называетъ старой выдумкой. Я не буду, конечно, ссылаться на соцiалистовъ, но сошлюсь вамъ на главу французской буржуазной экономiи, Ж. Б. Сэя, на Адама Смита и Д. С. Милля, на которыхъ г. Максъ Виртъ имѣетъ завидную смѣлость ссылаться противъ закона Рикардо [1]). Всѣ они говорятъ то же, что я. Заработная плата есть minimum содержанiя, опредѣляемаго житейскими привычками народа. Этотъ minimum не у всѣхъ народовъ одинаковъ, потому что всѣ народы довольствуются одинаковыми средствами, чтобы жить, жениться и завести семью; поэтому, онъ иной въ Россiи, чѣмъ въ Германiи, въ Германiи иной, чѣмъ въ Англiи, смотря по относительнымъ житейскимъ нуждамъ каждаго народа, которыя обусловливаются его привычнымъ образомъ жизни. Стало быть, заработная плата различна не только у разныхъ народовъ, но и въ разныя времена у одного и того же народа; въ одномъ только отношенiи она никогда не измѣняется—въ томъ, что всегда стоитъ на крайнемъ предѣлѣ содержанiя, опредѣляемаго для каждаго народа и для каждой эпохи народными привычками.

Милль идетъ даже далѣе Рикардо и даже далѣе того, что я самъ счелъ нужнымъ сказать въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ вамъ. Милль утверждаетъ то, что я оставилъ въ этой статьѣ подъ сомнѣнiемъ, а именно, что въ большинствѣ случаевъ minimum потребностей существованiя, изображаемыхъ заработною платою, склонятся внизъ, что содержанiе, опредѣляемое привычками народа, чаще уменьшается, чѣмъ возвышается, что съ теченiемъ времени оно падаетъ, потому что и временныя ухудшенiя имѣютъ склонность вести къ прочнымъ ограниченiямъ привычныхъ необходимыхъ потребностей, такъ какъ работникъ не отказывается отъ дѣторожденiя.

Точно также и Бастiа ничего не говорилъ, что могло бы служить

---

[1]) Здѣсь приводятся тѣ самыя цитаты изъ Сэя, Смита и Милля которыя помѣщены въ предыдущей лейпцигской рѣчи (см. стр. 88—93) и которыхъ мы поэтому не повторяемъ. *Пр. перев.*

опроверженіемъ закона заработной платы. Г. Максъ Виртъ ссылается на то положеніе его, что съ развитіемъ промышленности и производства вообще возрастаетъ и пропорціональная доля въ немъ труда.

Никто изъ экономистовъ не раздѣляетъ этого мнѣнія, которое у Бастіа совершенно бездоказательно. Но будь оно даже справедливо, оно нисколько не противорѣчило бы закону заработной платы; если даже допустить, что съ теченіемъ вѣковъ пропорціональная доля труда возрастаетъ, то это еще вовсе не значитъ, что возрастаетъ и заработная плата; она можетъ остаться неизмѣнной или даже пасть, и все зависѣтъ единственно отъ того, возрастаетъ ли число работниковъ въ еще большей пропорціи, чѣмъ доля труда въ производствѣ.

Я не стану приводить другихъ доводовъ противъ Бастіа, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко.

Но что бы ни говорилъ Бастіа, его мнѣнія ничего не значатъ противъ признанныхъ научныхъ авторитетовъ, писавшихъ позже его. Изъ нихъ я уже ссылался на Милля и сошлюсь еще на г. профессора Рау, который въ своемъ очень популярномъ руководствѣ, выдержавшемъ безчисленное число изданій, говоритъ то же самое. Но я замѣтилъ уже, что когда требуется помѣшать работникамъ понять свое положеніе, то совершаются удивительныя вещи, и, напримѣръ, этотъ самый проф. Рау напечаталъ въ „Южно-Германской Газетѣ“ замѣтку противъ меня, въ которомъ, конечно, не возражаетъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, потому что не можетъ сдѣлать этого безъ самаго чудовищнаго противорѣчія самому себѣ, но посредствомъ разныхъ „если“ и „однако“ старается показаться на неопытные глаза противорѣчащимъ мнѣ!

Я недавно печатно осудилъ этотъ поступокъ, указавъ на нечестность говорить народу противоположное тому, что говоришь въ аудиторіи и въ ученыхъ сочиненіяхъ.

Я отвѣчалъ г. Рау просто цитатами изъ его собственныхъ сочиненій Мой отвѣтъ былъ напечатанъ въ „Фоссовой Газетѣ“ въ Берлинѣ; я послалъ его и въ „Южно-Германскую Газету“, которая напечатала отзывъ г. Рау противъ меня, но эта газета имѣла коварство и нечестность отказать мнѣ въ напечатаніи моего возраженія! (Браво и призванія къ порядку).

Я упомянулъ объ этомъ единственно въ вашемъ интересѣ. (Крики: Довольно и продолжать).

Мнѣ рѣшительно все равно, напечатала „Южно-Германская Газета“ мой отвѣтъ или нѣтъ; но, не напечатавъ его, она не дала работникамъ возможности прочесть его.

Вся печать признаетъ за правило, что печатающій нападеніе обязанъ напечатать и отвѣтъ на него. (Браво).

Президентъ. Я долженъ просить оратора умѣрить свои выраженія; мы собрались не для того, чтобы браниться, а чтобы объясниться и согласиться по самымъ важнымъ вопросамъ. Чѣмъ умѣреннѣе вы будете, тѣмъ больше произведете впечатлѣнія на собраніе. (Браво).

Лассаль. Я никого не бранилъ и говорилъ не о личностяхъ, а объ органѣ, коснувшись его нечестности. Всегда было, есть и будетъ высокой нечестностью печатать нападки и отказывать въ помѣщеніи возраженіямъ. Куда же дѣваться съ истиной, если ее нельзя будетъ говорить даже работникамъ?! (Бурныя рукоплесканія и сильный шумъ).

Послушайте, что говоритъ другой знаменитый ученый, проф. Цахаріэ въ своихъ „Сорока книгахъ о государствѣ", т. V, стр. 156:

„Въ этой борьбѣ между капиталистами и работниками, работники всегда бываютъ слабѣйшей и потому побѣжденной стороной. Ибо вслѣдствіе закона, по которому родъ человѣческій размножается, предложеніе труда почти всегда превышаетъ спросъ, тѣмъ болѣе, что бѣднякъ очень легкомысленно рѣшается на женитьбу: Nam cantat vacuus coram latrone viator (т. е. путникъ съ пустыми карманами поетъ, встрѣтивъ разбойника; ему нечего терять, оттого легко пѣть. Такъ и работнику, по мнѣнію Цахаріэ, легко жениться, потому что нечего терять). Поэтому почти всегда и бываетъ, что заработная плата такъ падаетъ сравнительно съ прежней, что работнику остается только необходимое для существованія. Заработная плата пала бы и ниже (и дѣйствительно, часто работникъ не зарабатываетъ и необходимаго), если бы физическія свойства человѣка не удерживали ее на этой ступени".

То же говоритъ и ученѣйшій экономистъ, лейпцигскій профессоръ Рошеръ [1]).

Вы видите, господа, какое единогласіе господствуетъ между всѣми авторитетами, всѣми людьми науки относительно этого закона и какой безпримѣрный лобъ надо имѣть, чтобы называть ложнымъ общепризнанный законъ, да еще ссылаться на Смитта и Милля, которые сами доказали его. Все это я высказалъ уже въ Лейпцигѣ, и тогда даже „Средне-Германская Народная Газета", принадлежащая къ числу самыхъ яростныхъ враговъ моихъ, признала, что я окончательно и вполнѣ опровергъ цитату г. М. Вирта.

Кромѣ того, Родбертусъ сказалъ вамъ, господа, въ письмѣ своемъ къ

---

[1]) См. выше, стр. 94, цитату въ статьѣ „Къ рабочему вопросу".

вамъ, что „всѣ великіе экономисты всѣхъ цилизованныхъ народовъ единогласно признаютъ этотъ законъ“.

Вообще, скажу вамъ, господа, разъ навсегда. Въ своихъ мнѣніяхъ, выводахъ я могу ошибаться, какъ и всякій, потому что я не папа; но я вамъ и выдаю это за свои мнѣнія и выводы, представляя причины и доводы и предоставляя вашему разсудку отвѣтить себѣ, убѣждены ли вы въ справедливости моихъ мнѣній или нѣтъ.

Но когда я говорю и когда буду впредь говорить вамъ, что то-то то-то и есть фактъ, общепризнанный наукою, то вы всегда можете повѣрить мнѣ на слово, что это правда, что фактъ этотъ точно общепризнанъ наукой; я не могу обмануть васъ въ этомъ случаѣ; противъ обмана васъ обезпечиваетъ тутъ не только мой характеръ, — вы имѣете еще другую гарантію, которую я долженъ показать вамъ не изъ хвастовства, а въ интересахъ дѣла и потому, что вы—работники, сами ничего въ этомъ не смыслите!

Я пріобрѣлъ себѣ большими учеными трудами общепризнанное почетное имя во всемъ ученомъ мірѣ, при томъ въ различныхъ отрасляхъ знанія; я однимъ ударомъ погубилъ бы это имя, если бы сталъ утверждать передъ вами, что нѣчто признано наукой, когда оно не признано. Никто, снискавшій себѣ въ наукѣ такое имя, не рѣшится подвергнуть себя этому.

Спросите г. д-ра Бюхнера, который занимаетъ подобное положеніе въ естествознаніи, рѣшился ли бы онъ подвергнуть себя такому позору.

Но субъекты низшаго разряда, темные писаки,— иное дѣло! Они могутъ говорить, что вздумаютъ, потому что имъ терять нечего!

Наконецъ, приведу вамъ въ пользу моего закона еще одно доказательство, которое, можетъ быть, разсмѣшитъ васъ, а можетъ быть приведетъ въ негодованіе.

Вотъ взгляните на эту книгу. Это „Основанія политической экономіи“ г. Макса Вирта. Онъ говоритъ на стр. 36:

„Цѣнность годоваго труда работника должна, стало быть, равняться, по крайней мѣрѣ, суммѣ, обезпечивающей его существованіе.

„Цѣна труда, заработная плата будетъ вентилировать вокругъ этого размѣра, какъ около своего центра, подъ вліяніемъ спроса и предложенія“.

Какъ вы видите, за исключеніемъ одного неудачнаго слова, потому что вентилировать здѣсь сказано безсмысленно, г. Максъ Виртъ говоритъ буквально то же самое, что я говорилъ, и что онъ опровергалъ!

Видите ли, господа,—наемный работникъ достоинъ глубокаго уваженія, но чего достоинъ наемный писака?!

(Призывъ къ порядку. Сильный шумъ. Требованія продолженія рѣчи. Кончать! Кончать! Нѣтъ! Говорить дальше!)

Президентъ. Я рѣшительно прошу оратора не оскорблять личностей. На этотъ разъ онъ говоритъ о личности.

Лассаль. Сцена, которую я только что видѣлъ, представила мнѣ явленіе совершенно новое и показала мнѣ, до чего мы дожили! Но, господа, ничто не заставитъ меня поступиться свободой своихъ сужденій! (Браво).

Кромѣ того прошу васъ замѣтить слѣдующее.

Я не судилъ о личности, а просто высказалъ общую сентенцію.

Я не сказалъ, что г. Максъ Виртъ—наемный писака; этого навѣрно никто не слыхалъ.

Ссылаюсь на стенографовъ. Я сказалъ только, что наемный работникъ достоинъ уваженія, а наемный писака кое-чего иного.

Это общая сентенція.

Президентъ не имѣетъ права цензуровать смыслъ моихъ словъ. (Браво изъ залы и изъ ложъ. Кончать! Кончать! Говорить!)

Президентъ. Развѣ вы не знаете, господа, что половина Германіи взираетъ на наше собраніе? Не доводите же себя до того, чтобы сказали, что собраніе разстроилось по отсутствію парламентскаго такта въ работникахъ.

Я прервалъ г. Лассаля, потому что онъ произнесъ слова „наемный писака" въ связи съ именемъ г. М. Вирта. Въ этомъ никто не сомнѣвается, и смыслъ этого сопоставленія всѣмъ ясенъ, хотя, быть можетъ, выраженіе было не совсѣмъ точно.

Поэтому я имѣю право обратить вниманіе оратора на воздержаніе впредь отъ подобныхъ выходокъ.

Лассаль. Повторяю президенту, что онъ можетъ цензуровать только парламентскій способъ выраженія, но отнюдь не смыслъ рѣчи. На томъ и основана вся свобода рѣчи, что можно дѣлать намеки, не объясняясь прямо, что въ дозволенныхъ парламентскихъ выраженіяхъ можно высказывать что угодно; на этомъ основана свобода рѣчи, искусство оратора. Иначе какъ вы выскажете дурное мнѣніе, которое имѣете о чемъ или о комъ-нибудь? (Оживленное одобреніе въ залѣ и ложахъ).

Я доказалъ вамъ, что въ книгѣ своей г. Виртъ говоритъ то же самое, что я. Правда, я не читалъ этой книги, и можетъ быть, въ другихъ мѣстахъ ея говорится совершенно противное. Но, въ такомъ случаѣ, что остается заключить? Знаете, какъ опредѣляетъ безуміе знаменитый англій-

скій поэтъ, лордъ Байронъ? Соединеніе несоединимаго! [1]) Я только что сказалъ, что не читалъ этой книги, и вы, можетъ быть, удивитесь, какъ же я могъ цитировать вамъ ее. Надо объяснить это. По выходѣ въ свѣтъ книга эта попала было мнѣ въ руки. Но, перелистовавъ нѣсколько страницъ, я увидѣлъ, что авторъ ея—безсмысленнѣйшій ветошникъ, и съ отвращеніемъ выкинулъ книгу, потому что мнѣ некогда читать бездарныхъ наборовъ хлама. Но когда г. Виртъ поднялъ противъ меня войну, одинъ изъ моихъ друзей, имѣющій больше досуга и терпѣнія, прислалъ мнѣ книгу, отмѣтивъ въ ней это мѣсто. Г. президенту не понравились мои выраженія; замѣчу, что хотя я точно говорю безъ прикрасъ, но нельзя сказать, что я говорю о какой-нибудь личности, потому что я строго не уклоняюсь отъ предмета; я говорю только грубости, а это огромная разница, господа. Грубить я могу и долженъ—это я вамъ докажу. Всякій защитникъ великаго дѣла долженъ быть грубъ съ тѣми, кто плутнями заграждаетъ ему путь къ его великой цѣли. Такъ и я рѣшился безпощадно колотить умственной дубиной всякаго, кто плутовски протирается между мной и вами. Я долженъ грубить для вашей же пользы; могу я грубить потому, что если бы г. Максъ Виртъ, который, конечно, вѣдь не приминетъ отвѣтить мнѣ, захотѣлъ точно также нагрубить мнѣ, то всегда будетъ огромная разница между тѣмъ, что онъ мнѣ скажетъ, и тѣмъ, что я ему говорю. Если, напр., онъ вздумаетъ назвать меня, какъ я его назвалъ, безсмысленнымъ ветошникомъ, то это возбудитъ только страшный хохотъ всѣхъ знающихъ меня людей науки. Между тѣмъ, когда я называю его безсмысленнымъ ветошникомъ, всѣ спеціалисты видятъ, какая это глубокая истина, и каждое слово мое поражаетъ его, какъ дубиной! (Одобренія).

Что же слѣдуетъ изъ этого закона, единогласно признаваемаго, какъ я доказалъ, всѣми людьми науки? Что изъ него слѣдуетъ?—спрашиваю я. Можетъ быть, вы думаете, господа, что вы люди? Вы страшно ошибаетесь, если разсматривать экономически, т. е. такъ, какъ оно есть въ дѣйствительности! Въ экономическомъ смыслѣ вы не что иное, какъ товаръ. Высокая плата умножаетъ васъ, какъ умножаетъ чулки при недостаткахъ ихъ; а потомъ васъ опять сбываютъ, количество васъ уменьшаютъ посредствомъ пониженія заработной платы, посредствомъ того, что англійскій экономистъ

---

[1]) Вотъ каковъ этотъ человѣкъ, „авторитетъ“ котораго убѣдилъ не только „Народную Газету“, но и берлинскую „Національную Газету“ объявить въ торжественныхъ передовыхъ статьяхъ, что мой законъ заработной платы „давно опровергнутъ“! Пусть устыдятся онѣ теперь своего невѣжества!

Мальтусъ назвалъ задерживающими и разрушающими препятствіями, васъ истребляютъ, какъ зловредныхъ насѣкомыхъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія членъ парижской академіи г. Діаньеръ доказалъ изслѣдованіемъ сорокалѣтняго періода въ Парижѣ и Ліонѣ, что всякое малѣйшее вздорожаніе хлѣба усиливаетъ смертность между рабочими. Что это такое, какъ не чистая голодная смерть? Если состоится союзъ, за который я борюсь, то въ его органахъ я подробно опишу этотъ процессъ истребленія лишнихъ работниковъ.

Теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы прекратить это безчеловѣчіе, убѣдить общество въ необходимости его прекращенія, отыскать законное средство для этого. Но прежде, чѣмъ итти далѣе, я долженъ отстоять другой важный пунктъ моего „Гласнаго Отвѣта“ противъ крайне несправедливыхъ упрековъ и возраженій, поднятыхъ людьми совершенно не компетентными.

Въ моей брошюрѣ я сообщилъ расчетъ, обнародованный тайнымъ совѣтникомъ Дитерици, о распредѣленіи дохода въ прусскомъ населеніи, составленный на основаніи оффиціальныхъ податныхъ списковъ 1850 года. По этому приблизительному расчету 89% населенія пользуются доходомъ не свыше 200 талеровъ, т. е. находятся въ чрезвычайно стѣсненныхъ обстоятельствахъ; затѣмъ 7% населенія находятся также въ очень скудныхъ условіяхъ, и только 4% пользуются благосостояніемъ. Какой потокъ сомнѣній и какая буря ярости поднялись противъ меня за сообщеніе этого расчета! Одни кричали, что это былъ особенно неблагопріятный годъ; другіе — что цифры невѣрны, ложны, невозможны, третьи — что въ нихъ недоразумѣніе! На всѣ лады вопили противъ меня съ пѣной у рта за то, что я выдалъ, какъ ничтожно число имущихъ въ сравненіи съ числомъ неимущихъ. Вѣдь отъ неимущихъ стараются скрыть ихъ число, чтобы не давать имъ узнать своей силы. Среди яростныхъ криковъ заинтересованныхъ раздавались и искренніе возгласы крайняго изумленія и сомнѣнія людей благомыслящихъ и честныхъ. Это неудивительно. Я помню, что у меня у самого отъ изумленія книга выпала изъ рукъ, когда я въ первый разъ, много лѣтъ тому назадъ, принялся за статистику и наткнулся на подобное доказательство численнаго ничтожества имущихъ людей въ массѣ націи. Я привыкъ видѣть столько богатыхъ людей, что въ первую минуту не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Но мнѣ не пришло въ голову принять свое невѣжество за основаніе отвергать истину научныхъ фактовъ; наоборотъ, я былъ радъ, что узналъ истину. Статистика доказываетъ неопровержимо и въ томъ и состоитъ заслуга моей агитаціи, что она выбрасываетъ въ пу-

блику вещи, хранящіяся до сихъ поръ въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ въ сундукахъ ученой касты. Все это давнымъ давно извѣстно между профессорами, и никому не мѣшало; но когда сильная рука выбросила эти заповѣдныя тайны въ публику—вся печать и все общество подняли изъ-за этого цѣлый бунтъ! Правда, необходимымъ послѣдствіемъ выдачи этой тайны оказывается то, что абсолютно невѣжественная сволочь, не имѣющая ни малѣйшаго права подавать голосъ, также принимается судить и рядить, лгать и ругать, лѣзть ко мнѣ съ глупыми возраженіями, да еще напускать на себя видъ превосходства. Но дѣлать нечего, пусть ихъ! Вся эта безсмыслица недолговѣчна и скоро пройдетъ, а истина останется и пробьетъ себѣ путь.

Однако имѣли ли хотя малѣйшее право не довѣрять сообщеннымъ мною цифрамъ? Не было ли у этихъ цифръ всевозможныхъ гарантій въ вѣрности? Собственныхъ вычисленій я не сообщалъ и оговорилъ это обстоятельство. Конечно, всякій можетъ выставить на бумагѣ какія угодно цифры; бумага все терпитъ; это можетъ дѣлать всякая газета; но въ томъ-то и дѣло, что такія цифры ничего не значатъ! Я же слово въ слово списалъ результатъ вычисленій Дитерици, а этотъ недавно умершій ученый былъ членъ королевской берлинской академіи наукъ, первой ученой корпораціи страны, при томъ именно по отдѣленію статистики и именно ради своихъ заслугъ по статистикѣ. Далѣе, онъ былъ также за свои статистическія заслуги президентомъ правительственнаго статистическаго комитета въ Берлинѣ. Наконецъ, онъ работалъ съ помощью всѣхъ оффиціальныхъ правительственныхъ средствъ, что для статистическихъ работъ самое важное, и расчетъ его былъ напечатанъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ статистическаго комитета. Такой человѣкъ долженъ былъ знать свое дѣло. Что же можетъ значить противъ научныхъ удостовѣреній такого человѣка, главы этой науки во всей Пруссіи, яростный крикъ невѣждъ, вопящихъ: неправда? И не стыдно ли имѣть дерзость противорѣчить, когда прямая обязанность скромно поучаться? Нѣкій г. Вакернагель, не имѣющій ни малѣйшаго права вмѣшиваться въ статистическіе споры, сдѣлалъ великое открытіе, что изъ пяти классовъ и одной промежуточной степени, на которые раздѣляетъ народонаселеніе классный податной законъ 30 мая 1820 г., служащій основаніемъ расчету Дитерици, въ низшемъ классѣ налогъ можетъ по закону взиматься съ двухъ лицъ одной семьи, а въ извѣстныхъ случаяхъ по опредѣленію закона и съ трехъ. Я не говорилъ бы вамъ объ этомъ открытіи и о самомъ Вакернагелѣ, если бы не слышалъ, что брошюра его проникла и сюда, и если бы берлинская „Народная Газета“ и

другія либеральныя газеты не увѣнчали ее своими лаврами съ великимъ ликованіемъ. Полагаю, что тайный совѣтникъ Дитерици не хуже Вакернагеля зналъ обстоятельство, по поводу котораго происходитъ это торжество; но оно не помѣшало ему основать статистическія среднія вычисленія „распредѣленія населенія по доходу“ на этой цифрѣ налога; точно также не помѣшало оно и мнѣ воспользоваться вычисленіемъ Дитерици, которое я переписалъ съ совершенной точностью, безъ малѣйшаго искаженія и въ совершенно томъ же смыслѣ, какой оно имѣетъ у него. Что тайный совѣтникъ Дитерици рѣшился основать свой средній расчетъ распредѣленія дохода на этомъ податномъ спискѣ, несмотря на то, что въ послѣднемъ изъ пяти классовъ списка семья по отношенію къ налогу представляется двумя, а въ извѣстныхъ случаяхъ и тремя лицами,—то это оправдывается, между прочимъ, извѣстнымъ фактомъ, что въ семьяхъ низшаго класса — дѣтей гораздо больше, такъ что это вполнѣ уравновѣшиваетъ указаное обстоятельство.

Либеральная пресса и г. Вакернагель стараются скрыть и отрицать, что Дитерици признаетъ этотъ доходъ среднимъ доходомъ семьи; о лживости и наглости ихъ въ этомъ случаѣ можно судить по тому, что Дитерици, вычисливъ общій доходъ населенія и потомъ доходъ каждаго изъ пяти классовъ (тѣ самыя цифры, которыя я сообщилъ вамъ въ моемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“), на той же самой страницѣ дѣлаетъ расчетъ подушнаго дохода. Именно, онъ продолжаетъ такъ: „Слѣдовательно, подушный доходъ равняется въ первомъ классѣ среднимъ числомъ 860 талерамъ, во 2 — 291, въ 3 — 125, въ 4—62, въ 5— 14“. Между тѣмъ выше вычисленныя цифры, цитируемыя мною въ „Гласномъ Отвѣтѣ“, были, какъ помните, въ 1-мъ классѣ свыше 1.000, во 2-мъ 400—1.000, въ 3-мъ 200—400, въ 4-мъ 100—200, въ 5-мъ—менѣе 100. На первый взглядъ каждому ясно, что эти цифры представляютъ средній доходъ семействъ, тогда какъ тѣ, которыя я теперь привелъ, — средній доходъ отдѣльныхъ лицъ. Либеральная пресса, увѣнчивающая Вакернагеля, не потрудилась даже дочитать цитированную мною страницу Дитерици, а то увидала бы, какое великое открытіе она славитъ!

Кромѣ того, г. Вакернагель и либеральная пресса возразили, что тутъ рѣчь идетъ только о населеніи, подлежащемъ классному налогу. Господа! Прежде всего надо замѣтить, что рѣчь идетъ о процентныхъ отношеніяхъ населенія. Стало быть, что же значитъ это возраженіе? Населеніе, подлежащее классному налогу, простиралось тогда до 14½ милліоновъ, подлежащее мучной и мясной пошлинамъ — до 2 милліоновъ. Когда вычислено

на основанiи списковъ классного налога, какъ распредѣляется доходъ между первыми 14 милліонами населенія, какой процентъ его получаетъ 100 тал. дохода, какой 200, 300 и т. д., то каждый статистикъ съ полнымъ правомъ заключитъ по большему числу, 14 $^{1}/_{2}$ милліоновъ, о меньшемъ, 2 милліонахъ, и тутъ не можетъ быть важной для общей статистики разницы. Слѣдовательно, если бы Дитерици и дѣйствительно имѣлъ въ виду только подлежащее классному налогу населеніе, то процентное отношеніе остается неизмѣнно. Но и это неправда! На той же самой страницѣ у него сказано, что расчетъ его обнимаетъ 16.331.187 жителей, т. е. все тогдашнее населеніе государства, подлежащее классной подати плюсъ подлежащее мучной и мясной пошлинѣ!—Видите, господа, съ какой сволочью, съ какими искаженіями приходится бороться! Не одинъ тяжкій трудъ выполнилъ я въ своей жизни; но будь я Геркулесъ, это была бы моя авгіева работа [1]).

---

[1]) Въ примѣчаніи на стр. 57 моего „Гласнаго Отвѣта“ дѣйствительно вкралась ошибка въ вычисленіи, хотя почти не замѣтно ничтожная по результату. Въ этомъ примѣчаніи, написанномъ второпяхъ въ корректурѣ, я говорю, что каждая душа, подлежащая классной подати, представляетъ „семью среднимъ числомъ изъ 3 лицъ слишкомъ“. Я получилъ этотъ результатъ изъ отношенія тогдашняго числа классно-податныхъ (4.950.454) къ числу 16.331.187 душъ. Но слѣдовало взять вмѣсто этого второго числа, число 14.500.000 душъ, составлявшихъ въ то время населеніе, подлежащее классному налогу (въ 1853 г. оно простиралось до 14.823.356 душъ, см. Дитерицы, Bd. VII, р. 206). Въ такомъ случаѣ вышло бы, что каждая классно-податная душа представляетъ семью среднимъ числомъ въ 2 $^{92}/_{100}$ лицъ, такъ что слова „семью среднимъ числомъ изъ 3 лицъ слишкомъ“ требуютъ ничтожной поправки такъ: „среднимъ числомъ изъ 2 $^{9}/_{10}$ лицъ слишкомъ“. Ту же поправку надо сдѣлать и въ текстѣ этой страницы, гдѣ при корректурномъ чтеніи были внесены слова: „падаетъ, стало быть, на семью среднимъ числомъ изъ 5 или, по меньшей мѣрѣ, изъ 3 лицъ“; надо сказать: „на семью среднимъ числомъ изъ 5 или, по меньшей мѣрѣ, изъ 2 $^{9}/_{10}$ лицъ“.

Вотъ и вся ошибка, какая существуетъ въ этомъ вычисленіи! Г. Вакернагель могъ и долженъ былъ исправить ее вмѣсто того, чтобы коверкать и искажать то, что вѣрно. Незамѣтная почти ошибка эта вышла оттого, что я второпяхъ взялъ общее число тогдашняго населенія вмѣсто числа классно-податныхъ, принявъ цифру 16.331.187, которую Дитерици упоминаетъ мимоходомъ, Bd. IV, р. 223, за цифру классно-податныхъ, такъ какъ въ настоящее время (1863) при общемъ населеніи въ 18 милліоновъ классно-податныхъ у насъ дѣйствительно около 16 милліоновъ и эта цифра, которую я имѣлъ въ виду при другихъ работахъ, вертѣлась у меня въ памяти.

Но такъ какъ г. Вакернагелю и либеральной прессѣ угодно не признавать расчета Дитерици и такъ какъ по имѣющимся даннымъ нельзя вычислить, сколько обязанныхъ податью лицъ приходится на каждую семью въ 5 податныхъ классахъ и какъ велико число членовъ семьи низшаго класса въ сравненіи съ меньшимъ числомъ членовъ семей высшихъ классовъ, то мы оставимъ въ сторонѣ расчетъ Дитерици и докажемъ то же самое другимъ, еще гораздо болѣе убѣдительнымъ образомъ; но прежде я покажу вамъ, какъ судятъ объ изслѣдованіяхъ, подобныхъ расчету Дитерици, настоящіе ученые и спеціалисты.

Еще въ 1848 г. тайный совѣтникъ Дитерици напечаталъ во II томѣ Извѣстій статистическаго комитета гораздо менѣе точный, несравненно болѣе общій расчетъ доходовъ на основаніи податныхъ списковъ 1846 г.; впрочемъ, въ этомъ расчетѣ единичные плательщики были помѣщены особо отъ семей. Результатъ былъ слѣдующій: изъ семей $2^3/_4$% имѣютъ свыше 1.100 тал. дохода, 9% отъ 500 до 937 тал. и 88% низшаго разряда съ доходомъ 125—375 тал. Что касается единичныхъ плательщиковъ, то изъ нихъ 96% принадлежали къ низшему разряду съ доходомъ 30—60 т. и не свыше 120 т. Дитерици оговаривалъ, что расчетъ этотъ, какъ средній и приблизительный, не имѣетъ притязанія на совершенную точность; точно такую же оговорку сдѣлалъ и я въ „Гласномъ Отвѣтѣ". Г. Адамъ Зётберъ, фритредеръ и буржуазный экономистъ, слѣдовательно послѣдователь противныхъ мнѣ научныхъ воззрѣній, но человѣкъ свѣдующій, спеціалистъ, перепечаталъ этотъ прежній расчетъ Дитерици въ своемъ изданіи сочиненій Д. С. Милля (Bd. II, p. 147) и говоритъ по этому поводу: „Хотя расчетъ этотъ не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія на полную точность, но то, что въ немъ бросается въ глаза, это — поразительно малое число лицъ высшихъ сословій, обладающихъ значительнымъ доходомъ, и даже средняго класса, въ сравненіи съ громаднымъ количествомъ такихъ, которые или имѣютъ совершенно ничтожное имущество, или вовсе не имѣютъ его и живутъ, какъ говорится, изо дня въ день". Такъ-то отзывается свѣдущій человѣкъ о расчетѣ Дитерици, расчетѣ при томъ гораздо болѣе общемъ. Сообщая вамъ расчетъ Дитерици, я именно и хотѣлъ показать вамъ то, чѣмъ, по словамъ Зётбера, онъ бросается въ глаза; давать же строго-ариѳметически точную цифру статистика не можетъ, да и не имѣетъ интереса.

Теперь я намѣренъ опредѣлить имущественныя отношенія населенія гораздо болѣе точнымъ и убѣдительнымъ образомъ, чѣмъ они опредѣляются податными списками 1850 года. Я потому выбралъ для сообщенія въ

„Гласномъ Отвѣтѣ“ расчетъ Дитерици, что въ немъ результатъ выставленъ ясно въ немногихъ цифрахъ, но вовсе не потому, чтобы находилъ его болѣе подходящимъ къ моей цѣли, чѣмъ другія вычисленія. Теперь я представлю вамъ другой расчетъ, до того неумолимо строгій, что уже не допускаетъ никакихъ препирательствъ и недоумѣній, расчетъ, гораздо болѣе точный и положительный, чѣмъ среднее статистическое вычисленіе; онъ неточенъ, можетъ быть, только въ томъ смыслѣ, что преувеличиваетъ число имущихъ. Вмѣсто среднихъ имущественныхъ условій всего населенія мы вычислимъ нѣчто другое, что гораздо легче сосчитать.

Мы вычислимъ число имущихъ въ націи и потомъ посмотримъ, сколько останется неимущихъ. Новый прусскій классный и подоходный податной законъ 1-го мая 1851 г. представляетъ для подобнаго точнѣйшаго расчета гораздо лучшее, гораздо болѣе обстоятельное основаніе, чѣмъ старый классный податной законъ 1820 г. По этому закону, господа, каждый имѣющій въ Пруссіи свыше 1.000 т. дохода подлежитъ классифицированному подоходному налогу. Въ 1854 г. государство обнародовало результаты податного списка за 1853 г. въ Извѣстіяхъ статистическаго комитета, Bd. VII, p. 179—195. Какъ же вы думаете, сколько было тогда во всей Пруссіи, т. е. изъ 17 милліоновъ человѣкъ, лицъ, имѣющихъ свыше 1.000 т. дохода? Не болѣе, не менѣе, какъ 44.407 лицъ — число ничтожное до смѣшного! Замѣтьте, господа, это уже не приблизительная цифра, а абсолютная, полученная посредствомъ сложенія, а не вычисленій. Могутъ возразить, что всякій имѣетъ интересъ скрывать свой доходъ отъ налога. Но, съ другой стороны, вѣдь и государство имѣетъ очень важный интересъ, такъ какъ дѣло идетъ о его доходѣ, и множество средствъ вѣрно оцѣнивать доходы.

У насъ въ Пруссіи часто слышатся жалобы на слишкомъ высокую оцѣнку дохода при взиманіи налога, и дѣйствительно, не всякій можетъ доказать, что доходъ его оцѣненъ преувеличенно, и не всякій хочетъ доказывать это изъ опасенія повредить своему кредиту; такимъ образомъ можно принять, что слишкомъ низкія оцѣнки уравновѣшиваются слишкомъ высокими. Но допустимъ, что не уравновѣшиваются, что низкихъ оцѣнокъ больше. На сколько же? Вѣдь, конечно, не больше извѣстнаго процента съ общей суммы. Положимъ, 2 или 3 или даже 5 процентовъ. Если взять даже 5 процентовъ, то на 44.407 человѣкъ это составитъ еще 2.000 человѣкъ — число слишкомъ ничтожное для нашего расчета. Сообщая этотъ результатъ, тайный совѣтникъ Дитерици говоритъ: „Такимъ образомъ къ классифицированному подоходному налогу отнесено 44.407 лицъ. Предпо-

ложивъ, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 лицъ, получимъ 222.035 душъ, т. е. только $1^3/_{10}$% всего населенія государства, могущихъ назваться зажиточными“. Это подлинныя слова Дитерици, которыя каждый можетъ прочесть у него! Слѣдовательно, какъ ни плутуй либеральная пресса, фактъ остается неопровержимъ! Вы слышите, что говоритъ Дитерици: число лицъ, могущихъ назваться зажиточными, составляетъ менѣе $1^1/_3$% населенія; притомъ и эти $1^1/_3$% получены Дитерици только на основаніи предположенія, что каждый изъ 44.407 человѣкъ, имѣющихъ свыше 1.000 талеровъ дохода, представляетъ семью изъ 5 лицъ. Но очевидно, что предположеніе это преувеличенно. Во-первыхъ, въ этомъ числѣ есть много одинокихъ людей, а во-вторыхъ, въ высшемъ, имущемъ классѣ среднее число членовъ семей меньше 5. Но пойдемъ дальше. Дитерици совершенно правъ, находя, что всѣ имѣющіе менѣе 1.000 талеровъ дохода на семью изъ 5 лицъ уже не могутъ назваться зажиточными; но мы пойдемъ дальше и сосчитаемъ обширный классъ уже совершенно неимущихъ. Всѣ имѣющіе менѣе 1.000 т. дохода отнесены закономъ къ новому классному налогу; циркулярнымъ предписаніемъ министра финансовъ 8-го мая 1851 г. имѣющіе менѣе 500 т. дохода причислены къ двумъ низшимъ разрядамъ класснаго налога, а имѣющіе 500 и болѣе талеровъ—къ высшему третьему разряду съ разными подраздѣленіями. По оффиціальнымъ спискамъ число лицъ 3 разряда простиралось только до 91.530. Замѣчу опять, что это не процентный расчетъ. Слѣдовательно, надо принять въ соображеніе, что это число относится только къ классно-податнымъ мѣстностямъ, не касаясь повинныхъ мучной и мясной пошлинѣ, которые впрочемъ составляютъ незначительную долю въ общей массѣ населенія. Населеніе классно-податное простиралось въ 1853 г. до 14.800.000 душъ, тогда какъ подлежащихъ мучной и мясной пошлинѣ было только $^1/_8$ этого числа — 1.800.000 душъ (См. Дитерици, Изв. стат. ком., Bd. VII, p. 206 sq.). Стало быть, положимъ, что въ населеніи, подлежащемъ мучной и мясной пошлинѣ, пропорціонально столько же лицъ, имѣющихъ 500 тал. дохода, сколько въ классно-податномъ; это предположеніе постоянно встрѣчается у Дитерици, и оно вообще общеупотребительно въ статистикѣ. Такимъ образомъ мы получаемъ еще 11.260 душъ, а во всемъ государствѣ лицъ, имѣющихъ 500 тал. дохода—102.790. Предположимъ, что каждое изъ нихъ представляетъ семью изъ 5 лицъ, хотя это не такъ, потому что въ этомъ числѣ много одинокихъ и много семействъ менѣе многочисленныхъ; получаемъ 513.950 душъ, т. е. менѣе 3% населенія. Всѣ остальные, имѣющіе менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 членовъ, очевидно, находятся

въ бѣдственномъ положеніи, въ нуждѣ. Итакъ, каковъ же результатъ этого изслѣдованія, совершенно точнаго и положительнаго, основаннаго уже не на среднихъ числахъ?

$1^{3}/_{10}$% населенія имѣютъ свыше 1.000 т. дохода
и 3% „ „ „ 500 „ „

Итого $4^{3}/_{10}$% населенія.

Весь же громадный остатокъ, т. е. $95^{7}/_{10}$ процентовъ населенія, имѣетъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ! Стало быть, находится въ нуждѣ, принадлежитъ къ совершенно неимущему классу! А что я говорилъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ"? Что 89—96% населенія находятся въ стѣсненномъ положеніи. Какъ видите, это несомнѣнная истина, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи дѣло оказалось почти еще хуже, такъ что г. Вакернагелю съ либеральной прессой приходится лопнуть со злости на неудачу всѣхъ своихъ попытокъ исказить истину. Да, господа! Отъ васъ хотятъ скрыть вашу многочисленность, чтобы скрыть отъ васъ вашу силу, ибо ей не достаетъ только одного—сознанія! Оттого всѣ и составили противъ васъ заговоръ скрывать отъ васъ эти цифры, извращать передъ вами эти факты; но я разстрою всѣ плутни, хотя бы плуты треснули со злости! По недостатку времени я не буду сообщать вамъ другихъ статистическихъ матеріаловъ, которые доказываютъ это еще яснѣе; но кого можетъ удивлять этотъ результатъ? Всякій, кто мало-мальски занимался статистикой, знаетъ, что это такъ и что то же самое, что у насъ, происходитъ во всѣхъ большихъ государствахъ. Чтобы сомнѣваться или удивляться, надо быть совершенно несвѣдущимъ въ статистикѣ. Напр., проф. Лется въ Берлинѣ, слова котораго должны имѣть вѣсъ для моихъ противниковъ, потому что онъ одинъ изъ ихъ авторитетовъ, свидѣтельствуетъ въ своемъ сочиненіи о распредѣленіи поземельной собственности, что во Франціи считается 346.000 сельскихъ жилищъ, вовсе не имѣющихъ оконъ, а только одну дверь, и 1.817.328 сельскихъ жилищъ съ однимъ окномъ и одной дверью; вотъ вамъ 2.163.328 жилищъ, обитатели которыхъ, числомъ приблизительно до 10 милліоновъ человѣкъ, живутъ въ величайшей нищетѣ. По изслѣдованіямъ французскаго статистика барона де-Морогэ 7.500.000 человѣкъ во Франціи могутъ расходовать на пищу только по 91 франку, т. е. по 24 талера въ годъ. Если вы заглянете въ книгу, обнародованную прусскимъ правительствомъ въ 1849 г., подъ заглавіемъ „Сельскій рабочій вопросъ" проф. фон-Ленгерке, и составленную на основаніи отчетовъ всѣхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ Пруссіи, то увидите, что въ такомъ же положеніи находится и

наше сельское населеніе. Я хотѣлъ сообщить вамъ кое что изъ нея, но не могу по недостатку времени [1]).

Правда, мнѣ писалъ даже одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ, присутствующихъ сегодня здѣсь—да, впрочемъ, почему не назвать его—это д-ръ Бюхнеръ: „Я не хочу подвергать сомнѣнію данныя Дитерици, но долженъ сказать, что если это такъ, то я не понимаю, отчего половина прусскаго населенія не умерла давно съ голоду“!

Я дамъ ему на это отвѣтъ ослѣпительный по простотѣ, отвѣтъ, который тѣмъ лучше удовлетворитъ его, что въ одномъ мѣстѣ своего отчета онъ самъ намекаетъ на него. Голодная смерть, господа, можетъ быть двоякой. Умереть отъ голода можно быстро, вдругъ упасть и умереть; но это бываетъ рѣдко; умираютъ отъ голода и исподволь, постепенно, если продолжительно расходуютъ больше силъ, чѣмъ могутъ возстановлять въ дурныхъ условіяхъ, при дурной пищѣ и вообще при дурномъ образѣ жизни, такъ что расходъ тѣла постоянно превышаетъ доходъ. Объяснить вамъ это подробнѣе лучше всего можетъ самъ д-ръ Бюхнеръ, такъ какъ онъ знаменитый физіологъ. Голодная смерть второго рода такъ медленна, что въ теченіе ея успѣваютъ народить дѣтей. Такимъ образомъ народонаселеніе и рабочій классъ умножаются, и процессъ умиранія съ голоду дѣлается постояннымъ. Что это такъ и до чего это такъ, я докажу вамъ убѣдительными фактами.

Въ Англіи по Макъ-Коллоху [2]) средняя продолжительность жизни $34^1/_3$ года. Но въ фабричныхъ городахъ, гдѣ преобладаетъ рабочее населеніе, дѣло измѣняется: въ Лидсѣ средній срокъ жизни 21 годъ, въ Манчестерѣ 20, въ Ливерпулѣ всего 17. Вы найдете эти факты въ отчетахъ, обнародованныхъ самими слѣдственными комиссіями англійскаго парламента. Но чтобы не сказали, что я ссылаюсь на трудно доступный матеріалъ, замѣчу, что вы можете найти эти цифры у Рау, „Народное хозяйство“, Bd. I, § 524. Еще болѣе интересные результаты получимъ, если сравнимъ смертность въ разныхъ сословіяхъ этихъ самыхъ городовъ.

Въ Престонѣ изъ богатыхъ и высшихъ чиновниковъ умираетъ ежегодно 1 на 47,39, изъ мелкихъ промышленниковъ разнаго рода—1 на 31,63, изъ наемныхъ работниковъ—1 на 18,28. Въ Брюсселѣ изъ высшихъ сословій умираетъ ежегодно 1 на 50,6, изъ мелкихъ промышленниковъ—1

---

[1]) См. ст. „Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ“, т. I.

[2]) Statist. Account. I, p. 416.

на 27, изъ поденщиковъ—1 на 14. Вы можете найти это у Дюкпесіо, знаменитаго генералъ-инспектора бельгійскихъ тюремъ [1]). А то заглянемъ въ Парижъ. Во второмъ округѣ умираетъ ежегодно 1 на 71, а въ 12 округѣ, бѣднѣйшей части города,—1 на 44 [2]). Пойдемте въ Манчестеръ, тамъ врачъ Голландъ раздѣлилъ улицы на 3 разряда и каждый разрядъ на 3 подъ-разряда по качеству жилищъ, и нашелъ, что смертность различна въ нихъ, составляя въ первомъ разрядѣ 1 на 51, а въ послѣднемъ—1 на 25 [3]). Какъ видите, правъ былъ знаменитый французъ, сказавшій: „Aisance est vitalité"—„благосостояніе—жизнь". По смертности въ вашемъ классѣ вы можете заключить, насколько средняя продолжительность жизни меньше у васъ, чѣмъ у богатыхъ; но не хочу предоставлять вамъ самимъ дѣлать это заключеніе. Сообщу цифры. Въ отчетѣ англійскаго парламента 1842 г. д-ръ Чадвикъ раздѣлилъ населеніе на три класса: зажиточный, средній и рабочій. Онъ доказалъ, что въ этихъ 3 классахъ средняя продолжительность жизни слѣдующая: въ Манчестерѣ 1 кл. 38 лѣтъ, 2 кл. 20, 3 кл. 17 лѣтъ; въ Лидсѣ 1 кл. 44, 3 кл. 19; въ Ливерпулѣ 1 кл. 35, 3 кл. 15; въ округѣ Бетнальгринъ въ Лондонѣ 1 кл. 45, 3 кл. 16. Это вы можете найти у Дюкпесіо [4]). Не думайте, что это только за границей такъ. Пойдемте въ Берлинъ,—тамъ живетъ тайный совѣтникъ Энгель, въ настоящее время первый статистикъ Германіи. Онъ напечаталъ въ Извѣстіяхъ статистическаго комитета за 1862 г.,—слѣдовательно, совсѣмъ новинка,—таблицу смертности въ Берлинѣ въ 1855—1860 гг.; тутъ онъ вычисляетъ средній возрастъ, котораго достигаютъ разные классы народа, распредѣляя ихъ по занятіямъ. Оказывается, что собственники и ничего не дѣлающіе люди, rentiers particuliers, живутъ среднимъ числомъ 66½ лѣтъ, машинные работники—37½, переплетчики—35, а табачные и сигарные работники—31 годъ. Тѣмъ не менѣе въ Берлинѣ удалось найти и уговорить 500 человѣкъ работниковъ постановить противъ меня рѣшеніе, что имъ не должно помогать! Правда, при этомъ побоялись пригласить меня побесѣдовать съ этими работниками. Замѣтьте при томъ, что пятилѣтній періодъ слишкомъ коротокъ, чтобы выставить это отношеніе во всей его нормальной рѣзкости. При томъ Берлинъ собственно не фабричный городъ, и впереди насъ ждетъ еще не то. Знаменитый французскій статистикъ Виллерме до-

---

[1]) Ducpétiaux, De la mortalité à Bruxelles, 1844.

[2]) Villermé, Journal des Economistes, Novembre 1853.

[3]) Report of inquiry into the state of large towns and populous districts, см. Roscher, I, p. 477.

[4]) Ducpétiaux, De la condition physique et morale T. I, p. 176.

казалъ, что въ фабричномъ Эльзасскомъ городѣ Мюльгаузенѣ дѣти фабрикантовъ имѣютъ вѣроятность дожить до 30 лѣтъ. Другими словами, половина дѣтей фабрикантовъ, родившихся въ 12-лѣтній періодъ, достигаетъ этого возраста, между тѣмъ какъ дѣти прядильщиковъ, ткачей и слесарей мюльгаузенскихъ не имѣютъ вѣроятія прожить и два года! Другими словами: половина дѣтей прядильщиковъ, ткачей и слесарей мюльгаузенскихъ умираетъ на второмъ году жизни! [1]).

(Крики: Довольно! Довольно! Продолжать! Продолжать!)

Президентъ д-ръ Бюхнеръ: Я долженъ просить васъ не прирывать оратора. Подумайте же, что надо предоставить г. Лассалю полную свободу для защиты.

Лассаль: Я принужденъ протестовать противъ слова, которое вырвалось у г. президента и на которомъ онъ, вѣроятно, не будетъ настаивать. Я здѣсь не обвиняемый, и защищаться мнѣ не приходится. Я здѣсь, чтобы учить васъ, а не защищать себя! (Рукоплесканія). При томъ поймите, что я говорю не для своего удовольствія. Я готовъ тотчасъ перестать, если этого желаетъ большинство собранія. (Рукоплесканія).

Дюкпесіо говоритъ [2]): „Половина дѣтей ткачей умираетъ до года, тогда какъ у предпринимателей и купцовъ половина дѣтей доживаетъ до 30 лѣтъ". Когда у васъ умираютъ дѣти, вы приписываете это случаю, господа. Вы видите, что это не случай, а желѣзный статистическій законъ, коренящійся въ недостаткахъ вашего положенія! Позвольте мнѣ заключить этотъ разборъ словами новѣйшаго статистика населенія, геттингенскаго профессора Ваппеуса, который говоритъ въ своей „Общей статистикѣ населенія", вышедшей въ 1858 г. [3]): „Изъ этихъ образцовыхъ изслѣдованій,—онъ говоритъ о трудахъ Виллерме, результаты которыхъ я только что сообщилъ вамъ,—явствуетъ, между прочимъ, что между работниками, занимающимися въ прядильныхъ и ткацкихъ, во всѣ возрасты господствуетъ самая сильная смертность. Въ 12-лѣтній періодъ 1823—34 гг. половина дѣтей фабрикантовъ дожила до 29 лѣтъ, тогда какъ изъ дѣтей ткачей и прядильщиковъ—страшно повѣрить!—половина умерла раньше 2 лѣтъ! Эту ужасную смертность должно приписать нищетѣ родителей, особенно матерей, которыя могутъ кормить младенцевъ грудью только въ немногіе часы, проводимые дома, а остальное время вынуждены оставлять безъ всякаго попеченія.

[1]) Villermé, Tableau de l'état phys. et morale. T. II, p. 374—386. Ducpétiaux, de la condition, T. I, p. 175.

[2]) Ducpétiaux, l. c.

[3]) Bd. I, p. 318.

Такимъ образомъ результатомъ изслѣдованія опять оказывается, что дань, платимая смерти, всегда прямо пропорціональна недостаткамъ житейскаго положенія при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій“.

Видите, господа, люди науки трепещутъ, сообщая этотъ ужасный результатъ. Если вы готовы пожертвовать женами и дѣтьми и своимъ собственнымъ существованіемъ въ угоду своекорыстной манчестерской теоріи невмѣшательства государства въ общественныя отношенія, — то, пожалуй, рѣшайте противъ меня!

Хотя я самъ чувствую, господа, потребность кончить, наконецъ, статистическія доказательства, однако долженъ бросить еще краткій статистическій взглядъ на вопросъ, справедлива ли эпопея, распѣваемая гг. Бастіа, Шульце, Фаухеромъ, словомъ, манчестерцами, о томъ, будто прогрессъ вашего положенія соотвѣтствуетъ прогрессу промышленности и національнаго богатства. Сообщу нѣсколько чиселъ. До 1783 г., т. е. до развитія фабрикъ, средняя продолжительность жизни въ Престонѣ была, по отчетамъ англійскаго парламента, $31^2/_3$ года, а съ тѣхъ поръ упала тамъ до $19^1/_2$ лѣтъ. Вы можете прочесть это у Рау, ч. I, § 389 b. Вотъ какъ улучшилась ваша участь отъ возрастанія національнаго богатства и Максъ Вирговскаго процвѣтанія промышленности! Если вы не довѣряете относительной неточности списковъ смертности разныхъ эпохъ, то не угодно ли взглянуть на англійскіе списки налога для бѣдныхъ. Въ какой странѣ сильнѣе развились національное богатство, національный капиталъ, чѣмъ въ Англіи? Но взгляните на слѣдующія цифры. По оффиціальнымъ англійскимъ спискамъ налога для бѣдныхъ, въ 1840 г. на общественный счетъ содержалось $8^2/_{10}$% населенія; три года спустя, въ 1843-мъ, уже $9^1/_2$%, а еще 5 лѣтъ спустя, въ 1848-мъ, уже $10^4/_5$% [1]). Замѣтьте, господа, возрасло не только число содержимыхъ на общественный счетъ, что было бы естественно вслѣдствіе возрастанія самого населенія; нѣтъ, возрасло ихъ процентное отношеніе. На одно и то же число лицъ въ 1843 и 1848 г.г. приходилось больше, на 25% больше бѣдныхъ, получающихъ оффиціальное пособіе, чѣмъ въ 1840 г. Вы видите, стало быть, что я говорилъ правду въ „Гласномъ Отвѣтѣ“. Въ обществѣ, гдѣ всякій предоставленъ своимъ индивидуальнымъ средствамъ, ваше положеніе не поднимается съ возрастаніемъ національнаго богатства. Вы видите, что, наоборотъ, правъ Родбертусъ, который говоритъ еще рѣзче: „Положеніе ваше, работниковъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, понижается“.

---

[1]) См. списки во II томѣ сочиненій Дж. Ст. Милля.

И какъ быть иначе? Чѣмъ болѣе развивается крупная промышленность, тѣмъ болѣе обширная фабрикація, т. е. фабрикація съ машинами и съ большимъ капиталомъ, замѣняетъ мелкое самостоятельное ремесло и тѣмъ больше самостоятельныхъ ремесленниковъ превращается въ наемныхъ работниковъ. Далѣе, развитіе промышленности вызываетъ и въ самомъ ремеслѣ то же явленіе, состоящее здѣсь въ томъ, что и ремесло принимаетъ фабричный характеръ, т. е. ведется съ большимъ капиталомъ и съ большимъ числомъ подмастерьевъ, такъ что все меньше людей достигаютъ самостоятельности и возможности трудиться на собственный счетъ. Это я опять докажу вамъ статистическими цифрами. Въ Извѣстіяхъ статистическаго комитета Дитерици, Bd. VIII, S. 328, вы можете найти данныя, основанныя на оффиціальныхъ ремесленныхъ таблицахъ, объ измѣненіи въ числѣ мастеровъ и подмастерьевъ въ Пруссіи съ 1849 по 1852 г. Въ эти три года населеніе вообще увеличилось на 3,30%, а число мастеровъ только на 3,28%, стало быть, пропорціонально увеличенію населенія уменьшилось, число же подмастерьевъ увеличилось на 9½%. Другими словами: число подмастерьевъ увеличилось втрое больше населенія и втрое больше числа мастеровъ; въ переводѣ съ статистическаго на простой языкъ это значитъ, что и ремесло все болѣе и болѣе утрачиваетъ то золотое дно, которое имѣло въ пословицѣ, а прежде и въ дѣйствительности. И въ ремеслѣ все болѣе и болѣе получаетъ преобладаніе фабричное крупное производство, въ которомъ на одного мастера приходится гораздо больше подмастерьевъ и гдѣ труднѣе добиваться возможности трудиться на собственный счетъ; такимъ образомъ развитіе промышленности ухудшаетъ положеніе и ремесленниковъ. Далѣе, съ развитіемъ промышленности населеніе возрастаетъ, а чѣмъ болѣе возрастаетъ населеніе, тѣмъ болѣе поднимается цѣна на хлѣбъ; рабочая же плата далеко не возвышается въ той мѣрѣ, какъ цѣна на хлѣбъ; въ этомъ случаѣ ссылаюсь на исторію цѣнъ Тука, изъ которой я приготовилъ выписки, но не буду сообщать ихъ, чтобы не терять времени [1]).

Вы, нѣмецкіе работники, престранные люди! Говоря съ англійскими или французскими работниками, приходилось бы толковать о томъ, какъ помочь ихъ печальному положенію, а вамъ надо еще прежде доказывать, что положеніе ваше печально. Пока у васъ есть кусокъ скверной колбасы и стаканъ пива, вы не замѣчаете, что вамъ плохо, и не знаете, что вамъ

---

[1]) См. эти данныя въ „Косвенныхъ налогахъ“, т. I, стр. 213.

чего-нибудь не достаетъ! Этому виной проклятая ограниченность вашихъ потребностей! Какъ?—скажете вы—довольствоваться малымъ развѣ дурно? Вѣдь это добродѣтель! Да, передъ проповѣдникомъ христіанской морали ограниченность потребностей — добродѣтель. Это добродѣтель индійскаго факира и христіанскаго монаха; но для историка и экономиста добродѣтель заключается не въ этомъ. Спросите всѣхъ экономистовъ, что для народа хуже всего?—Не имѣть потребностей, потому что потребности служатъ ему возбужденіемъ къ развитію и культурѣ. Неаполитанскій лаццарони оттого такъ отсталъ въ культурѣ, что не имѣетъ потребностей, что, добывъ пригоршню макаронъ, совершенно доволенъ и съ наслажденіемъ растягивается грѣться на солнцѣ. Отчего русскій казакъ такъ отсталъ въ развитіи? Оттого, что способенъ жрать сальныя свѣчи [1]) и радъ, если можетъ напиться скверной сивухи. Имѣть какъ можно больше потребностей, но удовлетворять ихъ честнымъ и пристойнымъ образомъ — вотъ въ чемъ добродѣтель нашего экономическаго времени! И пока вы не понимаете этого, пока вы не слѣдуете этому, я проповѣдую вамъ тщетно! (Сильныя рукоплесканія даже изъ ложъ).

Теперь перейдемъ къ вопросу: можно ли вамъ помочь или нельзя? И могутъ ли помочь вамъ Шульце-Деличевскія ассоціаціи, а если нѣтъ, то не могутъ ли предложенныя мною ваши ассоціаціи, устроенныя при помощи государственной кредитной операціи? Посмотримъ, что можно сказать противъ этого средства? Что нашелъ возразить на мою брошюру г. Шульце-Деличъ въ рѣчи, которую говорилъ противъ меня въ Берлинѣ? Въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я показалъ, что ни сырьевыя, ни ссудныя, ни потребительныя общества не могутъ помочь рабочему сословію; что они могутъ оказать помощь, и то очень небольшую, только въ частныхъ случаяхъ и то только до тѣхъ поръ, пока не охватятъ собою значительной части вашего сословія; но что едва получатъ такое распространеніе, какъ перестанутъ приносить и эту ничтожную помощь. Я логически вывелъ это изъ желѣзнаго закона заработной платы. У г. Шульце-Делича не хватило недобросовѣстности противорѣчить этому закону; онъ этого не дѣлалъ. Этимъ угостилъ насъ г. Виртъ. Но если онъ не противорѣчитъ закону, то какъ можетъ онъ противорѣчить выводамъ изъ него? Что же онъ сдѣлалъ? Онъ ни единаго слова не отвѣчалъ на эту критику, хотя это долженъ былъ

[1]) Способность казаковъ ѣсть сальныя свѣчи выдумана самими нами, русскими, и выдумка эта, какъ видимъ, распространилась по свѣту. Впрочемъ, дѣло не въ сальныхъ свѣчахъ, а въ скверной пищѣ вообще.

быть главный пунктъ его отвѣта. Такимъ образомъ онъ своимъ молчаніемъ выражаетъ согласіе со всѣмъ, что я говорилъ о невозможности улучшить положеніе вашего сословія его средствами; въ одномъ мѣстѣ, правда, очень неясномъ, онъ, повидимому, самъ сознается, что продолжительной помощи общества его не могутъ принести и что оказать ее могутъ лишь производительныя ассоціаціи. — Но, во-вторыхъ: хотя въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я отнесся къ г. Шульце-Деличу чрезвычайно учтиво, гораздо учтивѣе, чѣмъ приверженцы его имѣютъ привычку возражать мнѣ, однако сказалъ ему правду, сдѣлавъ ему тяжкій упрекъ въ томъ, что онъ обманываетъ и обходитъ васъ своимъ ученіемъ объ улучшеніи вашего положенія отъ возрастанія національнаго капитала. Это я подробно доказалъ, и г. Шульце не нашелъ ни слова въ отвѣтъ на мои доказательства.

Мы видѣли, чего не отвѣчалъ г. Шульце; теперь посмотримъ, что онъ отвѣчалъ. Г. Шульце самъ говоритъ, что, подобно мнѣ, желаетъ производительныхъ ассоціацій, причемъ вступаетъ въ странное противорѣчіе съ собственными приверженцами. Еще на дняхъ я прочелъ во „Франкфуртской Газетѣ“ статью, гдѣ прямо говорится противное, да еще съ прибавленіемъ, что Шульце вовсе и не желалъ помогать фабричнымъ работникамъ, а имѣлъ въ виду только мелкихъ ремесленныхъ мастеровъ. Ну, это ихъ дѣло. Но Шульце жалуется, что я сказалъ, что онъ не желаетъ производительныхъ ассоціацій. Я этого никогда не говорилъ; я не говорилъ, что онъ не желаетъ ихъ; я утверждалъ только, что онъ не **можетъ** создать ихъ, и что это такъ, онъ можетъ убѣдиться по результатамъ собственной дѣятельности. Вотъ его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ берлинской „Національной Газетѣ“. Въ ней онъ представляетъ краткій отчетъ о результатахъ своей дѣятельности. Судя по этому отчету, онъ создалъ удивительное множество ассоціацій: 450 ссудныхъ банковъ, 150 сырьевыхъ обществъ, 30—40 потребительныхъ обществъ, но ни одной производительной ассоціаціи, ни одного общества для фабричнаго крупнаго производства, кромѣ небольшой компаніи для тканья платковъ съ однимъ ткацкимъ станкомъ, состоящей всего изъ 50 человѣкъ работниковъ и столь ничтожной, что самъ г. Шульце не упоминаетъ о ней. Не должны ли такіе результаты 15-лѣтней дѣятельности показать человѣку, что съ пустыми карманами работникамъ нельзя завести производительныхъ ассоціацій, а тѣмъ болѣе ассоціацій для крупнаго фабричнаго производства? Но этотъ человѣкъ такъ влюбленъ въ свои мѣщанскія идеи, что и 15-лѣтній опытъ не идетъ ему въ прокъ! Можете ли вы, господа, при пустотѣ вашихъ кармановъ, создать производительныя ассоціаціи въ мало-

мальски обширныхъ размѣрахъ на свои собственныя средства? Впрочемъ, въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я доказалъ вамъ, что и это ни къ чему не повело бы, какъ въ Англіи, гдѣ существуетъ 50 — 60 подобныхъ ассоціацій; польза подобныхъ ассоціацій можетъ распространяться лишь на крайне ограниченное число частныхъ лицъ, для сословія же онѣ совершенно безполезны. Вспомните, что я доказалъ въ брошюрѣ: что ассоціаціи, основанныя на индивидуальныя средства рабочаго сословія, никогда не могли бы вмѣстить его въ мало-мальски заслуживающемъ вниманія числѣ. Что же возражалъ г. Шульце противъ предложеннаго мною средства основать производительныя ассоціаціи, такъ какъ вѣдь онъ увѣряетъ, что противъ нихъ самихъ ничего не имѣетъ? Что нашелъ онъ сказать противъ кредитной операціи государства?

Онъ выставилъ противъ меня принципъ, что государство не должно вмѣшиваться въ общественныя отношенія. Это единственный, не основанный на недоразумѣніи доводъ, который онъ привелъ противъ меня, и я самъ говорю вамъ, что это дѣйствительно самый существенный пунктъ вопроса, принципъ всей предпринятой мной агитаціи. На вопросѣ этомъ идетъ, разыгрывается и должна рѣшиться вся начатая мною борьба. Шульце выставилъ противъ меня все полчище предразсудковъ общественнаго мнѣнія касательно того, что государство ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не должно вмѣшиваться въ условія обращенія. Для науки этихъ предразсудковъ не существуетъ; она давно уже отрѣшилась отъ нихъ; но для общественнаго мнѣнія образованной публики это положеніе еще догматъ, символъ вѣры! Но что это доказываетъ, господа? Всѣ нынѣшнія истины, единогласно признаваемыя всѣми нами, считались въ свое время нелѣпостями, а догматами образованнаго общества были противоположныя мнѣнія. Всѣ эти ложные догматы пали только потому, что противъ нихъ возставали мужественные люди, воззрѣнія которыхъ пролагали себѣ путь къ торжеству, правда, медленно, съ великими усиліями и среди горячей борьбы. Читали ли вы мою „Программу работниковъ?“ Если не читали, то рекомендую прочесть. Я объясняю тамъ, что каждая эпоха имѣетъ свой господствующій принципъ, что господствующій принципъ нашей эпохи есть капиталъ и что въ каждую эпоху общественное мнѣніе состоитъ подъ владычествомъ господствующаго принципа, слѣдовательно, теперь подъ владычествомъ капитала. Очевидно, что общественное мнѣніе, общественный предразсудокъ эпохи, состоящей подъ владычествомъ капитала, долженъ заключаться именно въ томъ, чтобы считать невозможнымъ государственное вмѣшательство въ общественные вопросы, признавать кон-

куренцію — единственною рѣшительницею всѣхъ соціальныхъ отношеній и требовать, чтобы каждая личность была предоставлена своимъ частнымъ изолированнымъ силамъ. Это было бы очень справедливо, если бы рѣчь шла о соперничествѣ между капиталистами; но когда дѣло идетъ о соперничествѣ капиталистовъ съ неимущими, то эта конкуренція оказывается—борьбой вооруженныхъ противъ безоружныхъ! При томъ Родбертусъ обращалъ ваше вниманіе на вопросъ, какъ возникли нынѣшнія имущественныя отношенія. Развѣ они начались подъ владычествомъ свободнаго соперничества? Развѣ основанія нынѣшнихъ имущественныхъ отношеній заложены свободнымъ промышленнымъ трудомъ? Нѣтъ, они результатъ двухъ тысячелѣтій исторіи. Это прошлое положило основанія нынѣшнихъ условій владѣнія. Въ эти двѣ тысячи лѣтъ существовали сначала рабство, потомъ крѣпостное право, потомъ вассальное подданство и цеховое принужденіе. Все это были государственныя учрежденія, совершенно положительныя государственныя учрежденія. Подъ гнетомъ этихъ учрежденій, принуждаемые ими, вы, т. е. ваши предки, рабы, крѣпостные, цеховые ученики и подмастерья, произвели то имущество, которымъ теперь владѣютъ нынѣшніе имущіе классы. Наконецъ настала французская революція и провозгласила правовую свободу и свободное соперничество; но у имущихъ осталось, конечно, имущество,—оружіе, выкованное для нихъ вами, и теперь они позволяютъ вамъ, безоружнымъ, вступать зубами и ногтями въ состязаніе, въ свободное соперничество съ капиталами и машинами, которые вы создали для нихъ вѣковымъ трудомъ. И, чтобы теперь имущіе осмѣливались говорить вамъ, что государство отнюдь не должно облегчать вамъ, работникамъ, какимъ бы то ни было учрежденіемъ, соперничество съ капиталомъ, который вы создали тысячелѣтнимъ трудомъ по принужденію со стороны положительныхъ государственныхъ учрежденій? Гдѣ же справедливость? Гдѣ здравый смыслъ? Если имущіе будутъ толковать вамъ про „свободное соперничество“ и про то, что каждый долженъ быть предоставленъ собственнымъ изолированнымъ силамъ, то прежде всего они должны уравнять условія, чтобы соперничество могло быть дѣйствительно свободно. Слѣдовательно, или имущіе должны прежде лишиться своего имущества — что было бы безсмысленно — и соперничать съ вами также только зубами и ногтями! Тогда другое дѣло! Тогда мы посмотрѣли бы, чья бы взяла! Но, разумѣется, имущіе не захотятъ избрать такого нелѣпаго пути. Въ такомъ случаѣ, чтобы соперничество было свободно, надо и вамъ дать капиталъ; тогда вы, дѣйствительно, будете имѣть возможность соперничать съ капиталистами. Въ этомъ и состоитъ мое

предложеніе; къ тому оно практически и ведетъ, чтобы государство посредствомъ кредитной операціи доставило вамъ капиталы и дало бы этимъ возможность вступить въ свободное, равносильное соперничество съ капиталистами. Но подобнаго свободнаго соперничества предприниматели не хотятъ; они желаютъ конкурировать съ вами только на неравныхъ условіяхъ, желаютъ, чтобы это было соперничество невольное, борьба вооруженныхъ съ безоружными. Вотъ отчего они и подняли такой шумъ противъ моего предложенія. Свободное соперничество, какъ его нынче понимаютъ, эта фактическая зависимость, въ которую вы поставлены своей прежней правовой зависимостью, низводитъ васъ во многихъ отношеніяхъ въ положеніе еще худшее прежней правовой зависимости. Для міра вообще, для насъ, имущихъ, великая промышленность и свободное соперничество были источниками богатства и благоденствія; но ваше положеніе во многихъ отношеніяхъ стало при нихъ еще хуже, чѣмъ было прежде; укажу только на одно обстоятельство: они ввели въ крупныя отрасли фабричнаго производства дѣтскій трудъ. Дѣтскій трудъ на фабрикахъ ведетъ свое начало отъ изобрѣтенія хлопчатобумажной ткацкой машины Аркрайта въ концѣ прошлаго вѣка. Вотъ какое благодѣяніе оказало вамъ свободное соперничество: теперь ваши собственныя дѣти 8, 7, 6 лѣтъ дѣлаютъ вамъ конкуренцію, хотя въ этомъ возрастѣ должны бы ходитъ еще въ школу, а не на фабрику. Прежде отецъ кормилъ дѣтей, а теперь дѣти, которые, конечно, берутся предпочтительно, потому что идутъ работать за меньшую плату, часто отнимаютъ хлѣбъ у отца,—дѣло противоестественное, и немудрено, что въ Англіи это влечетъ за собой самыя безнравственныя послѣдствія. Такимъ образомъ соперничество уничтожило у васъ даже семью! Достаточно привести нѣсколько цифръ, чтобы приблизительно показать размѣры этого безобразія. По отчету англійскаго парламента за 1835 г. уже тогда на 190.710 взрослыхъ работниковъ на шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шелковыхъ фабрикахъ приходилось 56.455 дѣтей 8—13 лѣтъ и 108.208 дѣтей 13—18 лѣтъ, стало быть, 164.663 дѣтей на 190.170 взрослыхъ работниковъ. что составляетъ 86% дѣтей, и одни дѣти 8—13 лѣтъ составляли 29% [1]). По Виллерме (II, p. 111) плата дѣтей, смотря по возрасту, простирается отъ 25 до 75 сантимовъ. Вы сами можете понять, да и Виллерме говоритъ, что это должно уменьшать вашу плату. Или послушайте на этотъ счетъ отца прусской статистики,

---

[1]) First report on mills and factories pro 1835.—См. Ducpétiaux, De la Condition, I, p. 15.

дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гоффмана [1]). „Такимъ образомъ,— говоритъ онъ въ своихъ посмертныхъ сочиненіяхъ, и всѣ благомыслящіе и разумные люди вполнѣ согласны съ нимъ,—такимъ образомъ вкралось средство уменьшить плату за ручной трудъ; ужасы безнравственности были послѣдствіемъ его, что, впрочемъ, въ подобныхъ размѣрахъ принадлежитъ лишь новѣйшему времени и дошло при ткацкихъ и прядильныхъ машинахъ до того, что въ настоящее время большинство особенно знаменитыхъ фабричныхъ мѣстностей погибаетъ отъ этого зла. Положить ему предѣлы могутъ только очень энергичныя правительства, и возвратъ къ лучшему возможенъ лишь постепенный. Англія, первая пошедшая по этому гибельному пути, первая начинаетъ теперь и сворачивать съ него, ограничивая работу дѣтей и женщинъ на фабрикахъ. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи до сихъ поръ далеко недостаточно для обузданія зла; но въ этихъ попыткахъ проявляется по крайней мѣрѣ стремленіе законодательной и исполнительной власти освободить въ концѣ концовъ промышленность отъ позорнаго упрека въ томъ, что она умѣетъ покупать умноженіе благосостоянія націи только цѣной развращенія значительной части ея“. У насъ дѣло еще не дошло до того, до чего оно дошло въ Англіи. Но многое вы, вѣроятно, уже сами испытали или видѣли собственными глазами; въ сущности и у насъ есть уже все, но сравнительно въ меньшихъ размѣрахъ; впрочемъ, если дѣло оставить на произволъ судьбы, оно не замедлитъ пойти и дальше.

Дошло же во Франціи до того, что, какъ свидѣтельствуетъ Дюпенъ въ своихъ „Forces productives“, въ Эльзасѣ 68% населенія, подлежащаго военной службѣ, не способны къ ней, а въ нѣкоторыхъ другихъ фабричныхъ департаментахъ даже 90%!

Намѣрены ли вы, господа, прежде чѣмъ приняться за улучшеніе своего положенія, дождаться превращенія въ племя калѣкъ и уродовъ?

Итакъ, въ примѣненіи къ отношеніямъ капиталистовъ къ работникамъ принципъ государственнаго невмѣшательства, предоставленія всѣхъ на произволъ свободнаго соперничества, есть пустѣйшій и свирѣпѣйшій предразсудокъ!

Я говорю передъ вами подъ контролемъ всей науки и подъ рискомъ потери всей славы, которую я пріобрѣлъ въ ученомъ мірѣ немаловажными трудами. Каждое слово, которое я произношу здѣсь, получитъ полную гласность. При всемъ этомъ я смѣло говорю, что этотъ предразсудокъ не

---

[1]) Посмерт. соч., s. 224.

просто предразсудокъ, а одинъ изъ безсмысленнѣйшихъ, глупѣйшихъ и враждебнѣйшихъ прогрессу предразсудковъ, какіе только я знаю!

Современныя чрезвычайно любопытныя событія въ Англіи доказываютъ, впрочемъ, какъ презираетъ его тотъ самый классъ, который выдумалъ его, сами манчестерцы.

Вы знаете, что въ настоящее время въ хлопчатобумажныхъ округахъ Англіи, въ Ланкаширѣ, происходитъ кризисъ вслѣдствіе прекращенія ввоза хлопка по случаю американской войны. Работы прекратились, фабрики не дѣйствуютъ и работники хотятъ выселяться.

Но фабриканты, услышавъ это, разсудили: если работники выселятся массами, то по прекращеніи войны, когда снова начнется ввозъ хлопка, число работниковъ очень убудетъ, и имъ придется давать высокую плату. Стало быть, нашъ интересъ требуетъ удержанія работниковъ дома, чтобы число ихъ не уменьшалось, дабы по возобновленіи ввоза плата была такъ же низка, какъ прежде. И вотъ они подъ предводительствомъ президента Манчестерской торговой палаты, м-ра Поттера, члена парламента округа Карлейль, потребовали, чтобы государство выдало денегъ для доставленія работникамъ работы не въ пользу государства и, конечно, только на время, пока не возобновится ввозъ хлопка; они требовали, чтобы государство вмѣшалось для ихъ выгоды, удержало работниковъ отъ выселенія и этимъ приготовило бы низкую плату за трудъ въ будущемъ. Даже „Times", буржуазная газета, рѣдко обнаруживающая совѣстливость, отозвалась съ негодованіемъ и презрѣніемъ объ этомъ требованіи, противорѣчащемъ всѣмъ заявленнымъ принципамъ манчестерцевъ. Со стороны тѣхъ немногихъ изъ числа имущихъ, которые понимаютъ дѣло, поддерживать предразсудокъ манчестерской школы — безсовѣстно; со стороны непонимающаго большинства имущихъ и образованныхъ классовъ — это безсмысленно. Но въ обоихъ случаяхъ это оправдывается или по крайней мѣрѣ объясняется тѣмъ, что предразсудокъ этотъ выгоденъ имущимъ. Но какъ прикажете мнѣ назвать его, если я встрѣчу его въ васъ? Тутъ ему и имени нѣтъ. Въ васъ этотъ предразсудокъ самоубійственъ. Позвольте мнѣ говорить свободно, господа! Моя преданность дѣлу рабочаго сословія, поруганія, которыя я долженъ выносить въ вашемъ интересѣ со стороны всей либеральной прессы, даютъ мнѣ право говорить съ вами свободно! Я хочу помочь вамъ, но льстить вамъ не хочу! И потому скажу вамъ прямо, что въ васъ этотъ предразсудокъ былъ бы самою послѣднею степенью позорнѣйшей слабости, какую я только могу себѣ представить; это было бы доказательствомъ, что вы уже совершенно развращены нашей

прессой, дошедшей съ 1849 г. до неимовѣрной гнусности, и лживой эпопеей, которую вамъ поютъ объ улучшеніи вашего положенія развитіемъ національнаго богатства! Послушайте, что говоритъ Милль, первый экономистъ Англіи: „Очень сомнительно,—говоритъ онъ,—облегчили ли до сихъ поръ всѣ механическія открытія дневной трудъ хотя одного человѣка; они имѣли лишь то послѣдствіе, что теперь ту же трудовую жизнь можетъ вести большее населеніе и что значительное число фабрикантовъ и другихъ лицъ можетъ пріобрѣтать больше богатствъ; кромѣ того они увеличили комфортъ средняго сословія; но до сихъ поръ они еще не начали производить тѣхъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ человѣчества, которыя должны по своей сущности произвести и въ будущемъ произведутъ“. То же самое, но гораздо сильнѣе, высказалъ въ Берлинѣ, въ рѣчи, произнесенной въ консерваторіи, тайный совѣтникъ Энгель, признаваемый первымъ статистикомъ Германіи [1]). Это говоритъ наука, это говорятъ тайные совѣтники, какъ скоро являются представителями науки! Этого мало: возстаютъ люди науки, я, Родбертусъ, Вуттке, обращаются къ вамъ лично или печатно и говорятъ вамъ: вамъ надо помочь! И вы отвѣтите имъ: нѣтъ? И вы, какъ прирученныя домашнія животныя, обратитесь противъ собственной породы? Это былъ бы фактъ до того противоестественный, фактъ такого національнаго позора, что при одной мысли объ этомъ я краснѣю за васъ! Какимъ хохотомъ отвѣчали бы на подобную вѣсть ваши французскіе и англійскіе братья! При каждомъ извѣстіи о постановленіяхъ противъ меня рабочихъ обществъ я горѣлъ за васъ со стыда! Но я объяснялъ это вліяніемъ дурныхъ руководителей, вводящихъ васъ въ заблужденіе, тѣмъ, что никто не объяснилъ, не растолковалъ вамъ правды, что васъ всюду заставляли подавать голоса, не прочитавъ моихъ сочиненій. Поэтому я и пришелъ къ вамъ. Если послѣ всего, что я сказалъ вамъ сегодня и еще скажу, вы рѣшите противъ меня, я не найду словъ, чтобы выразить свое негодованіе! Случалось, что работники въ отчаяніи, въ негодованіи на свое положеніе ломали машины, грабили, жгли, разрушали. Если бы вы сдѣлали это, это было бы грубо, глупо, преступно, и вы можете быть убѣждены, что такой человѣкъ, какъ я, строжайше осудилъ бы подобный образъ дѣйствій. Но по крайней мѣрѣ это было бы естественное преступленіе! Есть пороки, свойственные одичалости и нищетѣ; бываютъ крайности преступныя, но представляющія естественныя излишества силы. Но если бы вы подали го-

---

[1]) Эту цитату изъ рѣчи Энгеля см. въ статьѣ „Косвенные налоги“, т. I, стр. 213 и 214.

лоса противъ меня, противъ людей, говорящихъ, что слѣдуетъ помочь вамъ' это было бы преступленіе противоестественное! Это была бы такая противоестественная слабость, такой недостойный недостатокъ мужества, что я словъ не нашелъ бы, чтобы заклеймить его. Говоря это, я вспоминаю слова одного великаго германскаго патріота, человѣка, составляющаго славу Франкфурта, въ которомъ онъ родился и въ которомъ я теперь говорю, слова, вырвавшіяся изъ больной груди его въ припадкѣ отчаянія въ 30-хъ годахъ. Это слова Людовика Берне: „Другіе народы, — воскликнулъ однажды Берне, — могутъ быть рабами; ихъ можно заковывать въ цѣпи, силой держать въ порабощеніи; но нѣмцы—лакеи; ихъ не приходится заковывать въ цѣпи; ихъ можно пускать бѣгать по дому на свободѣ!“ Двадцать три года тому назадъ прочелъ я въ первый разъ эти слова, вырвавшіяся у Берне въ величайшей патріотической ярости, и 23 года я внутренно веду борьбу противъ этихъ словъ, которыя, разъ запавъ въ мою душу, ничѣмъ не изглаживались изъ нея. Но если теперь германскіе работники рѣшительнымъ большинствомъ обратятся противъ самихъ себя, — я перестану упорствовать въ отрицаніи этихъ словъ Берне и съ пылающимъ отъ стыда лицомъ подпишу полное согласіе съ ними! (Продолжительныя сильныя рукоплесканія изъ залы и изъ ложъ. Голосъ: „Онъ оскорбляетъ націю!“ Новыя рукоплесканія).

Вотъ что я имѣлъ сказать вамъ о принципѣ, а нынче рѣчь шла только о принципѣ, о принципѣ—провозгласить всеобщее и прямое избирательное право нашимъ знаменемъ съ ясно выраженной цѣлью добиться улучшенія вашего положенія чрезъ законодательство, чрезъ государственное вмѣшательство. Споръ о средствахъ въ сущности еще совершенно преждевремененъ. Разборъ средствъ по настоящему — дѣло законодательнаго собранія.

Средствъ можно придумать очень много весьма разнообразныхъ, и съ теченіемъ времени понадобится ихъ много. Но пока надо только, чтобы вы согласились со мной въ принципѣ; тогда противники мои принуждены будутъ уступить мнѣ и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ, потому что всѣ возраженія ихъ противъ моего предложенія разлетаются въ прахъ отъ критики, какъ я докажу вамъ сейчасъ неопровержимѣйшимъ образомъ [1]). „Коп-

---

[1]) Для теоретиковъ дѣлаю — почти безполезное — примѣчаніе, что предложеніе производительныхъ ассоціацій съ государственнымъ кредитомъ еще вовсе не представляетъ „рѣшенія соціальнаго вопроса“. Въ моемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“ нигдѣ не говорится о „рѣшеніи“ соціальнаго вопроса, и я избѣгалъ даже выраженія „соціальный вопросъ“. Я

троль государства!“ восклицали они: этотъ контроль, которому вы должны подчиняться для всякой кредитной ссуды, угрожаетъ будто бы вашей личной свободѣ. Слыхано ли подобное недоразумѣніе или подобное искаженіе? Неужели вы думаете, что я предамъ васъ въ руки реакціи? Какого рода долженъ быть тотъ контроль, о которомъ я говорю? Очевидно, исключительно гражданскій, контроль въ смыслѣ частнаго права, вовсе не касающійся вашей личной свободы, публичнаго права. Короче сказать, государство имѣло бы права кредитора. Напримѣръ, оно могло бы не допускать, чтобы машины, которыя оно доставило бы вамъ своимъ кредитомъ, куда-нибудь отчуждались вами или употреблялись вами не на производство. Оно могло бы повѣрять ваше счетоводство, чтобы видѣть, ведете ли вы дѣла согласно постановленіямъ, вами самими одобреннымъ и принятымъ. Такой родъ контроля былъ бы для васъ очень удобенъ и полезенъ, потому что предохранялъ бы васъ отъ легкомысленныхъ и несчастныхъ поступковъ вашихъ дѣлопроизводителей, тогда какъ сами вы по неопытности въ бухгалтеріи не могли бы во-время замѣчать ихъ промаховъ или обмановъ; однимъ словомъ, государство имѣло бы только права подобныя тѣмъ, которыя постановляются теперь въ извѣстныхъ договорахъ ежедневно во всемъ мірѣ и въ самой буржуазіи, права, подобныя правамъ такъ называемаго безгласнаго компаньона или товарища на вѣрѣ. Буржуа ежедневно вступаютъ въ подобныя товарищества на вѣрѣ. Слыхалъ ли кто, чтобы это лишало ихъ самостоятельности? Во-вторыхъ, я имѣю для васъ въ виду не теперешнее государство, а состоящее подъ господствомъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Поэтому смѣшно толковать тутъ про реакцію; вѣдь ясно, что при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ государство будетъ совсѣмъ не то, что теперь.

Если сегодня я разстанусь съ вами побѣжденный при подачѣ голосовъ, я, конечно, унесу съ собой очень плохое, очень жалкое мнѣніе о васъ. Но все же оно не будетъ до того плохо, чтобы допускать возможность продолженія того хозяйничанья, какое вотъ уже 15 лѣтъ ведется

говорилъ только про практическую мѣру для „улучшенія положенія работающихъ, нуждающихся классовъ“. Окончательное „рѣшеніе соціальнаго вопроса“ будетъ трудомъ поколѣній, результатомъ цѣлаго ряда учрежденій и мѣръ, изъ которыхъ каждая послѣдующая должна органически развиваться изъ предыдущей. Производительныя ассоціаціи, устроенныя государственнымъ кредитомъ, потому и рекомендуются какъ пролагающее путь средство, что должны создать въ будущемъ отношенія, которыя сами собою вызовутъ дальнѣйшее развитіе. Въ дальнѣйшемъ продолженіи рѣчи встрѣтятся кое-какія бѣглыя указанія на это.

въ Берлинѣ и во всей Германіи, при законодательной палатѣ, состоящей изъ представителей вашихъ классовъ. Сопротивленіе исполнительной власти законодательной, реакціонное упорство административныхъ слугъ и пр. и пр.—все это было бы невозможно, еслибы парламентъ составлялся всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ и состоялъ изъ вашихъ представителей.

Что касается вашей ассоціаціи, то для нея былъ бы просто изданъ законъ, опредѣляющій: открывать государственный кредитъ ассоціаціямъ, имѣющимъ искреннее желаніе образоваться и удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ, предписаннымъ законодательными собраніями. Тогда всѣ образующіяся ассоціаціи имѣли бы законное право на утвержденный палатою государственный кредитъ, какъ скоро удовлетворяли бы этимъ условіямъ. Слѣдовательно, вамъ никакъ не пришлось бы зависѣть отъ расположенія какого-нибудь чиновника. Вамъ слѣдовало бы только соблюдать въ веденіи дѣлъ свои уставы, вами самими принятые и одобренные. При томъ буржуа ежедневно пользуются государственнымъ кредитомъ. Во многихъ странахъ для этой цѣли спеціально существуетъ особое государственное учрежденіе—банкъ; напр., въ Пруссіи банкъ—учрежденіе государственное. Буржуа, дисконтируя въ банкѣ вексель, получаетъ кредитъ изъ средствъ государства. Слыхалъ ли кто когда-нибудь, что это ставитъ его въ зависимость отъ государства?

Кромѣ того, г. Шульце восклицалъ: „Откуда же взять тѣ тысячи милліоновъ, которыя нужны на это?!“ Видите, хотятъ запугать ваше воображеніе! На это не нужно тысячъ милліоновъ. Допустите на минуту, что для нашей цѣли мы можемъ располагать только 100 милліонами талеровъ. И этого окажется на первое время слишкомъ много! Этой суммы такъ много, что сначала мы и не могли бы употребить ее всю на ассоціаціи! Капиталъ даетъ у насъ обыкновенно 5%. Этого процента не должно смѣшивать съ прибылью капитала. Предприниматель самъ платитъ процентъ капиталисту. Эти 5% составляютъ 5 милліоновъ талеровъ въ годъ, и мы, имѣя 100 милліоновъ, могли бы для той же цѣли, т. е. для основанія рабочихъ ассоціацій, ежегодно употреблять и эти проценты. Посредствомъ наростанія процентовъ на проценты эти 5 милл. въ годъ въ 14 лѣтъ удвоили бы капиталъ, и мы получили бы 200 милліоновъ, такъ что имѣли бы въ годъ 10 милл. процентовъ, которые могли бы употреблять на рабочія ассоціаціи. Предположимъ, беря среднее число всѣхъ ремеслъ безразлично, что на капиталъ въ 1 милл. тал. можно дать работу 4.000 работникамъ; я беру это число примѣрно; вѣроятно, оно скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ

слишкомъ велико. Какъ бы то ни было, дѣло не въ цифрѣ, потому что она взята только для примѣра. Стало быть, на 100 милл. т. 400.000 работниковъ могли бы вступить въ ассоціаціи; полагая на семью среднимъ числомъ 5 лицъ, это составило бы 2 милліона населенія. На 10 милліоновъ ежегодныхъ процентовъ можно было бы давать возможность свободы и благосостоянія ежегодно еще 40.000 работникамъ, т. е. 200.000 человѣкъ, а въ первыя 14 лѣтъ, когда получалось бы только по 5 милл. ежегодно,—20.000 работникамъ съ ихъ семьями.

Такимъ образомъ былъ бы открытъ путь, которымъ въ извѣстный срокъ вы всѣ были бы выведены изъ пустыни, всѣ рабочіе классы общества безъ исключенія. Но это еще бездѣлица! Вѣдь вы знаете, что всѣ отрасли промышленности работаютъ помогая другъ другу; что для одного—продуктъ его промышленности, то для другого сырой матеріалъ, съ котораго онъ начинаетъ трудиться. Кожевникъ работаетъ для башмачника, ткачъ для портного, работники на желѣзныхъ и стальныхъ заводахъ для работниковъ на машинныхъ заводахъ, машинные работники для множества другихъ отраслей промышленности и т. д.

Слѣдовательно, если уже существуетъ, напр., 70 или 80 большихъ ассоціацій, то для основанія 71-ой вовсе не нужно денегъ, а нуженъ только кредитъ 70 первыхъ, и этотъ кредитъ совершенно обезпечилъ бы ея существованіе, потому что она получала бы отъ существующихъ уже обществъ весь нужный ей сырой матеріалъ и всѣ машины. А при существованіи 71 ассоціаціи могла бы возникнуть безъ денегъ и 72-я, а при 150 ассоціаціяхъ могли бы образоваться безъ денегъ и еще 20, находя въ ихъ кредитѣ условіе своего труда. Такимъ образомъ, вы видите, что я расчитывалъ слишкомъ умѣренно, полагая, что на 5—10 милліоновъ въ годъ можно было бы ежегодно освобождать 20.000—40.000 работниковъ; вы видите, что какъ скоро ассоціаціи принялись и развились бы, можно было бы ежегодно вводить въ нихъ и выводить черезъ нихъ на свѣтъ свободы и благосостоянія гораздо большія массы работниковъ, чѣмъ я предположилъ въ моемъ примѣрномъ расчетѣ. Поэтому я еще въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ замѣтилъ, что всѣ рабочія ассоціаціи должны соединиться кредитнымъ союзомъ.

Итакъ, вы видите, что ужасающія цифры—выдумка; тысячъ милліоновъ вовсе не нужно; 100 милліоновъ на всю Германію было бы не только довольно, но даже слишкомъ много для начала. Но откуда взять 100 милліоновъ? Неужели кто-нибудь представляетъ себѣ дѣло такъ грубо невѣжественно, что думаетъ, что государство должно выдать эти 100 милліоновъ

изъ своего кармана, изъ налоговъ? Такая мысль была бы величайшимъ заблужденіемъ и доказывала бы только совершенное невѣжество въ финансовыхъ вопросахъ, рѣшительное незнаніе функцій денегъ и кредита. Я объяснилъ уже въ „Гласномъ Отвѣтѣ", какъ легко было бы государству достать нужныя деньги, т. е. нужный кредитъ, никого не обидѣвъ ни на грошъ. Но оставимъ это въ сторонѣ. Представимъ себѣ на минуту дѣло въ такомъ грубомъ и ложномъ видѣ; предположимъ, что государству надо вынуть и положить эти 100 милліоновъ. Такъ на это я скажу, что не было еще ни одной войны, которая не стоила бы вдвое, а за что только не велись войны! Въ прошломъ столѣтіи онѣ велись за каждый капризъ любовницы, въ нынѣшнемъ—за каждую честолюбивую страстишку государей, за какой-нибудь мелкій интересъ буржуазіи. Война изъ-за опія, которую Англія вела въ 40-хъ годахъ съ Китаемъ, стоила по крайней мѣрѣ вдвое, а между тѣмъ велась только для того, чтобы насильно пичкать китайцевъ опіемъ, т. е. за совершенно частный буржуазный интересъ сбыта. Слѣдовательно, на все находили эти 100 милліоновъ и вдвое, на удовлетвореніе всякаго ничтожнаго интереса имущаго класса, всякой фантазіи государей; только когда зашло дѣло о спасеніи человѣчества—денегъ не оказывается! (Крики: Довольно! Продолжать!) Если вы еще разъ крикните: довольно, то и будетъ вамъ довольно, господа! Я перестану говорить. (Крики: Довольно! Продолжать!)

(Ораторъ прекращаетъ рѣчь. Сильное волненіе въ собраніи. Центральный комитетъ проситъ оратора продолжать. Многіе члены собранія поспѣшно входятъ на трибуну и уговариваютъ оратора не соглашаться. Послѣ краткаго совѣщанія съ г. Лассалемъ г. Гейманъ говоритъ съ трибуны: „Объявляю отъ имени г. Лассаля, что продолженіе и конецъ его рѣчи будутъ произнесены во вторникъ въ общемъ рабочемъ собраніи въ залѣ Гармоніи. Всѣ присутствующіе приглашаются туда". Президентъ г. Лахманъ: „Объявляю собраніе закрытымъ").

Рѣчь 19 мая.

Господа!

Либеральная пресса надѣлала мнѣ бранныхъ упрековъ за мою рѣчь сказанную въ прошлое воскресенье. Она нашла ужаснымъ, неслыханнымъ, что я говорилъ четыре часа. Но, господа, не отъ оратора, а отъ предмета рѣчи зависитъ длина ея, а предметъ моей рѣчи такъ важенъ, что его никакъ нельзя было удовлетворительно разсмотрѣть въ болѣе сжатомъ очеркѣ. Лю-

теръ спорилъ противъ Эка 14 или 17 дней — навѣрно не помню, а я думаю, что ваше дѣло, то дѣло, о которомъ мы говоримъ теперь, нисколько не уступаетъ въ важности великому дѣлу XVI вѣка. Кромѣ того, меня упрекаютъ за то, что я сообщалъ вамъ скучные, сухіе статистическіе матеріалы. Предположимъ даже, что эти матеріалы показались вамъ незанимательными; все-таки я не могъ поступить иначе, не могъ обойтись безъ нихъ, и впредь всегда буду сообщать вамъ подобныя данныя. Мы собираемся заниматься экономическими вопросами, а не краснобайствомъ. Вы еще не привыкли къ статистическому матеріалу; поэтому васъ надо хорошенько начинить имъ, надо возбудить въ васъ вкусъ къ нему. Упрекъ этотъ тѣмъ смѣшнѣе, что д-ръ Бюхнеръ писалъ мнѣ въ Берлинъ: главное, привезите побольше статистическаго матеріала. Я послѣдовалъ этому желанію, постарался, какъ вы видѣли, удовлетворить его какъ можно щедрѣе, а либеральныя газеты ставятъ мнѣ это въ упрекъ! И не смѣшно ли? Либеральная пресса говоритъ, что я надоѣлъ работникамъ скучной четырехъ-часовой рѣчью. Если такъ, то почему вы сегодня здѣсь, господа? Отчего эта зала опять биткомъ набита? Развѣ васъ привели сюда насильно? Вы пришли добровольно; этимъ вы ясно доказали, что прошлая рѣчь моя не показалась вамъ слишкомъ длинна, что статистическія данныя не показались вамъ слишкомъ сухи, что вы достаточно образованы, чтобы понимать строгій интересъ подобныхъ рѣчей. Однимъ словомъ, это вполнѣ доказываетъ, до какой степени образованіе рабочаго сословія при его серьезномъ направленіи выше полуобразованности нашихъ либеральныхъ газетныхъ писакъ! (Рукоплесканія).

Я начну сегодня съ того, на чемъ остановился въ воскресенье. Я показалъ, что сто милліоновъ было бы для насъ не только достаточно, но для начала даже слишкомъ много.

Могутъ спросить, откуда взять эти сто милліоновъ? Господа! Я не могу и не буду пускаться здѣсь въ изложеніе длинной научно-финансовой теоріи, однако долженъ показать вамъ вкратцѣ, какъ легко, какъ шутя можно достать эти сто милліоновъ, не заставляя бѣднаго крестьянина, о которомъ говоритъ либеральная пресса, вынимать на это ни копѣйки изъ кармана. Я ставлю вопросъ; на чемъ основаны банки, выпускающіе банковые билеты? На чемъ, говорю я, основана выгодность подобнаго предпріятія? Ни на чемъ иномъ, какъ на слѣдующемъ.

Имѣя въ своихъ кладовыхъ, положимъ, сто милліоновъ звонкой монетой, банкъ можетъ выпустить билетовъ на 400 милліоновъ, единственно на основаніи опытнаго факта, что больше четвертой части банковыхъ би-

летовъ никогда разомъ не предъявляются къ размѣну на звонкую монету. На этомъ простомъ правилѣ, на этомъ фактѣ опыта основаны всѣ европейскіе банки, выпускающіе банковые билеты. Этотъ фактъ есть фактъ соціальный, фактъ, основанный на общей природѣ всѣхъ. Никто его не дѣлалъ, ни Петръ, ни Иванъ, ни Степанъ. Это соціальный элементарный законъ, подобный естественнымъ элементарнымъ законамъ. Пользуясь этимъ закономъ, можно располагать, какъ въ нашемъ примѣрѣ, 300 милліонами, которые хотя не принадлежатъ тому, кто располагаетъ ими, но зато ни у кого и не взяты, и никто не чувствуетъ ихъ лишенія. Ибо банковые билеты служатъ своему владѣльцу, настоящему кредитору банка, точно такъ же, какъ служили бы ему серебряные талеры. Кромѣ того, тутъ даже не приходится удостовѣряться, кто кредиторъ банка. Это — я, вы, всѣ мы, каждый, кто на минуту имѣетъ въ карманѣ талеръ, который черезъ четверть часа оказывается уже у другого.

Итакъ, я говорю, что, пользуясь этимъ соціальнымъ фактомъ, можно имѣть въ своемъ распоряженіи въ нашемъ примѣрѣ 300 милліоновъ, ни у кого ихъ не беря.

Не грѣшно ли и не стыдно ли давать частнымъ капиталистамъ или частнымъ компаніямъ капиталистовъ исключительное право пользоваться для своей частной выгоды этимъ фактомъ, основаннымъ на общей природѣ всѣхъ? А между тѣмъ такъ водится почти во всѣхъ государствахъ. То, что коренится въ общей природѣ всѣхъ и вызывается ею, а не частною волею, то должно и служить всѣмъ, т. е. государству. Стало быть, государство не имѣетъ права давать частнымъ компаніямъ исключительнаго права на выпускъ банковыхъ билетовъ, какъ дѣлаетъ теперь во многихъ странахъ. Смѣшанныхъ банковъ, какъ въ Пруссіи, также не должно существовать; банки, подобно монетѣ, скорѣе всего другого должны быть государственной регаліей. Слѣдовательно, намъ необходимо имѣть германскій государственный банкъ, Банкъ Германіи. Тогда, господа, государство могло бы располагать вдвое и втрое большей суммой, чѣмъ сколько нужно для ассоціацій, и имѣло бы эти деньги, не беря ни гроша у „бѣднаго крестьянина“, о которомъ упоминаетъ берлинская „Народная Газета“.

Но г. Шульце-Деличъ думаетъ, повидимому, что деньги или кредитъ государства приноситъ несчастіе! Въ своей берлинской рѣчи противъ меня онъ ссылался на парижскія ассоціаціи 1848 г., учрежденныя государствомъ съ государственной помощью; онъ говорилъ, что всѣ эти ассоціаціи лопнули и что иначе быть не можетъ, если вмѣсто самопомощи основываться на государственномъ пособіи.

Замѣчу мимоходомъ: не смѣшивайте, господа, этихъ парижскихъ ассоціацій, получавшихъ государственное пособіе, съ парижскими національными мастерскими. Нѣкоторые противники мои упрекали меня въ намѣреніи повторить попытку національныхъ мастерскихъ. Это доказываетъ ихъ глубокое невѣжество, потому что національныя мастерскія никогда не занимались производительнымъ трудомъ. Все дѣло было въ томъ, что работниковъ, оставшихся безъ хлѣба, кормили на общественную милостыню и заставляли заниматься непроизводительными земляными работами, чтобы не оставлять ихъ въ совершенной праздности. Я разъяснилъ все это въ особой статьѣ, напечатанной въ нѣсколькихъ газетахъ. Но спекулировать на общественное невѣжество такъ удобно, что и послѣ этого въ Штутгартѣ подбили рабочее общество постановить, что мое предложеніе клонится къ возобновленію французскихъ національныхъ мастерскихъ.

Г. Шульце не говорилъ этого; онъ говорилъ объ ассоціаціяхъ съ государственнымъ пособіемъ, основанныхъ въ Парижѣ уже по уничтоженіи національныхъ мастерскихъ. Но правъ ли онъ, утверждая, будто всѣ эти общества, основанныя съ помощью государственнаго кредита, погибли? Нѣтъ, господа! Это совершенная неправда, напротивъ того, нѣкоторыя изъ этихъ обществъ вели свои дѣла блистательнѣйшимъ образомъ, что я вамъ сейчасъ докажу.

Но сперва спрошу еще: можно ли было бы удивляться, если бы данный имъ кредитъ не принесъ никакихъ плодовъ? Это было бы нисколько неудивительно и ничего не доказывало бы противъ моего предложенія по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ: сколько, вы думаете, было всего выдано на ассоціаціи? Всего государство ассигновало (я сообщаю вамъ эти факты по сочиненію профессора Губера [1]), которое должно быть извѣстно г. Шульце-Деличу) 2.800.000 франковъ. Таковъ былъ кредитъ, открытый государствомъ. „Но изъ этой суммы—говоритъ Губеръ—26 субсидій на 1.800.000 франковъ достались какимъ-нибудь двадцати крупнымъ фабрикантамъ въ провинціяхъ, буржуа, которые, устраивая ассоціацію съ своими работниками, имѣли въ виду только пріобрѣсти предлогъ спасти свои дѣла, подвергнутыя опасности политическимъ кризисомъ. Впослѣдствіи у нихъ не было и помину объ ассоціаціонномъ дѣлежѣ или о выдачѣ работникамъ товарищеской доли. Изъ настоящихъ associations ouvrières (рабочихъ ассоціацій) пособія получили только 30, все въ Парижѣ, и всего на сумму 890.000 франковъ“. Такъ говоритъ Губеръ. 890.000 франковъ менѣе 240,000 талеровъ

[1]) Промышленныя и хозяйственныя общества, стр. 78.

Стало быть, неудивительно было бы, если бы опытъ въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ, на такую ничтожную сумму не далъ важныхъ результатовъ. Но это еще не все. Послушайте, что говоритъ Губеръ о томъ, въ какомъ духѣ велось это дѣло. Изъ исторіи вамъ извѣстно, что въ то время въ Парижѣ господствовала отчаянная реакція. Губеръ говоритъ: „Проценты, (которые работники должны были платить государству за пособіе), составлявшіе номинально 5, возрасли вслѣдствіе разныхъ побочныхъ повинностей до 10. Контроль былъ устроенъ совершенно въ духѣ обременительнѣйшей бюрократической администраціи и вскорѣ съ явной враждебностью или совершеннымъ равнодушіемъ и невнимательностью обращенъ противъ самаго принципа и опыта. Особенно послѣ государственнаго переворота рѣшительное недоброжелательство правительства къ ассоціаціямъ сдѣлалось несомнѣнно“. Итакъ, господа, какъ бы ни былъ неудаченъ этотъ опытъ, изъ этого нельзя было бы выводить никакихъ заключеній, такъ какъ выданнымъ кредитомъ управляли и распоряжались враждебно противъ самаго принципа ассоціацій. Но несмотря на все это, несмотря на ничтожество выданной суммы, на проценты, доведенные побочными повинностями до 10, несмотря даже на враждебный духъ административныхъ властей въ управленіи этимъ кредитомъ, онъ создалъ нѣсколько ассоціацій, изъ которыхъ нѣкоторыя вели свои дѣла даже очень успѣшно. Я ограничусь только примѣрами, сообщаемыми Губеромъ.

Но прежде я прочитаю вамъ одно мѣсто изъ книги Губера, слишкомъ замѣчательное, чтобы пропустить его. Профессоръ Губеръ самымъ заслуженнымъ образомъ хлещетъ образованныя сословія и особенно печать за равнодушіе и недоброжелательство къ этому дѣлу, которыя они обнаружили въ то время. Онъ говоритъ: „Въ массѣ образованныхъ, богатыхъ, вліятельныхъ и въ печати господствовало глубокое игнорированіе или полнѣйшее равнодушіе своекорыстія въ своихъ разнообразныхъ формахъ; нѣкоторые доктринерные или бюрократическіе реакціонеры злорадствовали, ожидая неудачи ненавистныхъ ученій и стремленій; то же настроеніе, только, если возможно, еще усиленное, встрѣчаемъ мы и спустя четыре года. Все bona fide забыли или никогда ничего не знали! Нечего и говорить, конечно, что печать была слишкомъ готова поддакивать этому настроенію публики и государственной власти. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ своихъ прегрѣшеніяхъ, доказывающихъ непониманіе своего высокаго призванія, она напрасно стала бы оправдываться своимъ стѣсненнымъ положеніемъ“. Такъ говоритъ профессоръ Губеръ, и до какой степени, до какой усиленной степени этотъ приговоръ его примѣняется къ нынѣшней нѣмецкой либеральной печати!

Я сказалъ, что, несмотря на все, нѣкоторыя ассоціаціи имѣли блистящій успѣхъ. Изъ приводимыхъ Губеромъ примѣровъ [1]) замѣтимъ вопервыхъ ассоціацію Ранке (Remquet), типографщиковъ. Она была учреждена въ сентябрѣ 1849 г. всего на 10 лѣтъ, такъ что черезъ 10 лѣтъ должна была уничтожиться въ силу своего устава. Она была основана съ государственнымъ пособіемъ въ 80.000 франковъ и при ликвидаціи своей въ силу устава въ 1859 г. должна была выплатить государству эту ссуду; за выплатой ея и всего своего пассива чистая выручка была раздѣлена между работниками, и на долю каждаго досталось среднимъ числомъ 10—11.000 фран.; доли были различны, отъ 7.000 фран. вдовамъ работниковъ, умершихъ раньше срока, до 18.000. Стоитъ только прочесть списокъ прибыли, ежегодно откладывавшейся этою ассоціаціею, чтобы дать ясное понятіе объ ея выгодахъ. Въ первый годъ прибыли не было; вы знаете, что всякое начало трудно. Во второй годъ было отложено прибыли 4.494 фр.—очень немного. Въ третій годъ 6.224 фр., въ 4-й—8.500, въ 5-й—10.684, въ 6-й—14.357, въ 7-й—10.971, въ 8-й—11.427, въ 9-й—14.821. Такъ же успѣшно вела свои дѣла ассоціація золотыхъ дѣлъ мастеровъ, association d'ouvriers bijoutiers en doré, также получившая пособіе. То же самое должно сказать о такой же ассоціаціи столяровъ, называвшейся по имени учредителя monsieur Antoine. Этихъ немногихъ подробностей достаточно, чтобы показать вамъ, что неправду говорилъ г. Шульце-Деличъ, будто всѣ основанныя съ государственнымъ пособіемъ ассоціаціи во Франціи погибли [2]). Деньги или кредитъ государства несчастія не приносятъ, какъ

---

[1]) Другіе примѣры у Лемерсье,—„Etudes sur les associations ouvrières" p. 125. Кромѣ того, замѣтимъ, что по свидѣтельству Лемерсье многія ассоціаціи, у которыхъ дѣла шли всего лучше, добровольно расторглись тотчасъ послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г. Лемерсье же говоритъ, что послѣ этого событія учрежденный для распредѣленія государственныхъ пособій conseil d'encouragement ни разу больше не собирался, а съ другой стороны наиболѣе процвѣтавшія ассоціаціи сами спасовали передъ контръ-революціей. Вотъ какъ невозможно экономическое освобожденіе работниковъ при реакціи.

[2]) Вотъ что говорилъ объ этомъ г. Шульце (см. „Національную Газету" отъ 2 апрѣля, № 155): „Да, конечно, эти первые работники, составившіе ассоціаціи, достигли цѣли, но потому, что полагались на самихъ себя и пользовались собственными силами. Стало быть, они достигли цѣли именно потому, что обошлись безъ помощи государства, а не несмотря на нее; будь они патентованы государствомъ, изъ нихъ, вѣроятно, ничего не вышло бы. Это доказываютъ французскія ассоціаціи; тамъ тотчасъ послѣ февральской революціи было ассигновано на этотъ пред-

думаетъ г. Шульце, а какъ всякія деньги или какъ всякій кредитъ могутъ съ выгодою обращаться на производство.

Но, возражали мнѣ, какъ же быть съ сельскими работниками? Ихъ вѣдь еще больше, чѣмъ промышленныхъ. Въ Берлинѣ либеральная печать выразила даже предположеніе, что я навѣрно предложу дѣлежъ земель между сельскими работниками. (Это отличилась „Народная Газета"). Невѣжество этой газеты такъ глубоко, что она не знаетъ даже того, что всѣ соціалисты, какіе когда-либо существовали, всегда считали раздробленность поземельной собственности причиной народнаго обѣдпѣнія и уменьшенія сельскаго продукта, отдавая, впрочемъ, ему историческую справедливость въ томъ, что въ свое время оно имѣло хорошую сторону; всѣ соціалисты всегда полагали, что именно въ земледѣліи больше, чѣмъ гдѣ-либо, крупное производство, производство въ обширныхъ размѣрахъ, есть источникъ національнаго богатства и умноженія валоваго продукта земли, кромѣ развѣ тѣхъ исключительныхъ мѣстностей, гдѣ преобладаетъ садовая обработка земли. Что же мнѣ возразить на замѣчаніе, что вѣдь и сельскіе работники принадлежатъ къ нуждающимся классамъ и не менѣе промышленныхъ нуждаются въ помощи? Что отвѣтить, кромѣ того, что это возраженіе есть мое собственное убѣжденіе, что оно вовсе не возраженіе! Кто же говоритъ вамъ, что нужно помогать только промышленнымъ работникамъ? Не знаю, кто, только не я! Напротивъ того, я говорилъ вамъ въ моей брошюрѣ, что государство принадлежитъ 89—95 процентамъ нуждающихся, включая сюда, разумѣется, всѣ классы, званія и ремесла рабочаго сословія! Этимъ я выразилъ довольно ясно для каждаго, кто только способенъ понимать, что надо помочь всѣмъ неимущимъ классамъ, потому что интересы всѣхъ неимѣющихъ капитала солидарны, что понятно всякому, мало-мальски смыслящему въ экономическомъ дѣлѣ. Я не буду распространяться здѣсь о разныхъ мѣрахъ, которыя можно обратить на земледѣліе. Спрошу только, почему ассоціаціи не могутъ быть полезны сельскимъ работникамъ точно такъ же, какъ и промышленнымъ? Чѣмъ это доказывается? Ничѣмъ! Послушайте по этому вопросу лучшаго англійскаго экономиста, Милля. Онъ говоритъ: „Нельзя разумно сомнѣваться въ томъ, что деревенская община въ нѣсколько тысячъ человѣкъ обрабатывая какъ общую собственность то же пространство земли, которое кормитъ нынѣшнее

метъ 3 милл. франковъ. На эти деньги поддерживалось 56 обществъ, которыя всѣ рушились, между тѣмъ какъ всѣ процвѣтающія до сихъ поръ никакихъ пособій не получали и всегда разсчитывали только на собственныя силы" (!!).

населеніе, и производя нужныя издѣлія посредствомъ совокупнаго труда и усовершенствованныхъ способовъ производства, могла бы производить достаточно для доставленія себѣ хорошихъ условій жизни. Такая община нашла бы средства получать полевой трудъ отъ каждаго способнаго къ работѣ члена общества, а въ случаѣ нужды и принуждать его трудиться“. Итакъ, Милль не допускаетъ въ этомъ отношеніи даже разумнаго сомнѣнія. Можетъ быть, этого авторитета мало? Въ такомъ случаѣ, я могу сослаться на еще болѣе сильный авторитетъ барона фонъ-Тюнена, потому болѣе сильный, что, съ одной стороны, это одинъ изъ первыхъ экономистовъ, а съ другой—одинъ изъ лучшихъ практическихъ сельскихъ хозяевъ Германіи. Во II томѣ своей знаменитой книги „Изолированное государство“, изданной въ 1850 г., онъ защищаетъ ассоціацію сельскихъ работниковъ. Это былъ человѣкъ истинно благородный и великодушный. Въ своемъ имѣніи Телловѣ, въ Мекленбургѣ онъ устроилъ въ небольшихъ размѣрахъ ассоціацію своихъ крестьянъ, доставивъ имъ участіе въ пользованіи возрастающею производительностью, увеличивающимся продуктомъ своихъ полей. Онъ напечаталъ въ своей книгѣ планъ и уставъ этой ассоціаціи. Правда, зато едва книга эта вышла въ свѣтъ, какъ „Тюбингенская Газета“ закричала: Тюненъ—соціалистъ!

Всякій разъ, какъ какой-нибудь великій ученый начинаетъ изыскиватъ средства и пути къ улучшенію участи рабочихъ классовъ, противъ него поднимается этотъ крикъ, которымъ надѣются убить его однимъ ударомъ: онъ соціалистъ! Господа! Если подъ соціализмомъ разумѣютъ желаніе и стараніе улучшить положеніе рабочихъ классовъ, помочь ихъ нуждѣ—ну, такъ, сорокъ тысячъ дьяволовъ!—да! мы соціалисты! (Общія рукоплесканія). Думаютъ ли, что мы испугаемся слова? Нѣтъ, меня этимъ не напугаютъ! Неужели струсите вы? Надѣюсь, нѣтъ!—Отчего же я не говорилъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ особо о сельскихъ работникахъ? Да по очень простой причинѣ, что они подразумѣваются уже въ 89—95 процентахъ нуждающагося класса, о которыхъ я говорилъ и которымъ требовалъ помощи. Только начать практически я совѣтовалъ съ промышленныхъ работниковъ. Почему? Сельскій работникъ, господа, во многихъ отношеніяхъ, напр., со стороны денежной платы, находится въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ вы; но во многихъ другихъ отношеніяхъ положеніе его лучше вашего. Слѣдовательно, это не рѣшаетъ вопроса. Вопросъ о томъ, съ какого рода труда надо начать практическое улучшеніе его положенія, рѣшаетъ слѣдующее обстоятельство. Сельскій работникъ, хотя бы имѣлъ только одну корову, хотя бы обрабатывалъ свою пашню просто заступомъ и лопатой, все-таки

воображаетъ себя собственникомъ; онъ еще не расположенъ къ ассоціаціи, а это расположеніе, готовность, нельзя вынудить, вызвать насильственно. Вызвать его можно только успѣхами; вызвать его, говорю, можно только однимъ: показавъ сельскому работнику великій успѣхъ ассоціаціи упромышленныхъ работниковъ.

Когда онъ увидитъ, какъ перемѣнилось ихъ положеніе, и на вопросъ, откуда взялось все это, получитъ отвѣтъ: изъ ассоціаціи,—тогда и у него явится такая же готовность и склонность къ ассоціаціи, какая преобладаетъ теперь между промышленными работниками. Кромѣ того, великая ассоціація промышленныхъ работниковъ создаетъ, какъ я, можетъ быть, объясню вамъ въ другой разъ подробнѣе, совершенно новыя условія производства, которыя сдѣлаютъ необходимымъ и чрезвычайно легкимъ веденіе въ обширныхъ размѣрахъ и сельскаго хозяйства, что послужитъ источникомъ обогащенія для всего общества, источниковъ изумительнаго увеличенія всего національнаго производства.

Слѣдовательно, промышленные работники должны быть только авангардомъ человѣчества. Главное, замѣтьте вотъ что: съ измѣненіемъ платы за простой ручной трудъ (это важнѣйшее изъ всѣхъ моихъ положеній для оцѣнки всего вопроса) въ человѣческомъ обществѣ измѣнятся вслѣдствіе органическаго взаимодѣйствія и цѣны за всякаго рода другія работы, какъ бы онѣ ни назывались.

Человѣческій трудъ, вообще, раздѣляется на обыкновенный физическій трудъ и на такъ называемый квалифицированный трудъ, который, въ свою очередь, распадается на множество степеней и сортовъ. Но нормой служитъ плата за простой трудъ, за обыкновенный физическій ручной трудъ; т. е., плата за этотъ трудъ служитъ опредѣляющимъ основаніемъ вознагражденія всякаго другого квалифицированнаго труда въ человѣческомъ обществѣ. Я объясню вамъ это нагляднымъ примѣромъ, который вы запомните; онъ очень подходящъ. Чѣмъ измѣряется возвышеніе? Разстояніемъ отъ уровня. Поднимите уровень, съ нимъ поднимется и возвышеніе. Слѣдующій конкретный примѣръ объяснитъ вамъ это вполнѣ.

Когда 16 апрѣля въ Лейпцигѣ послѣ рѣчи работникамъ я сходилъ съ трибуны, ко мнѣ подошелъ благосклонный буржуа и сказалъ: я слушалъ васъ очень внимательно, но вы не убѣдили меня.—Отчего?—спросилъ я.— „По очень простой причинѣ,—отвѣчалъ онъ,—ваше средство помогаетъ не всѣмъ. Согласитесь, что мелкій чиновникъ получающій 300 талеровъ жалованія находится относительно въ такомъ же плохомъ положеніи, какъ и наемный рботникъ. Вѣдь не вздумаете же вы заводить ассоціаціи и между мелкими

чиновниками? Это вѣдь несообразно".—И онъ посмотрѣлъ на меня благосклонно, но съ лицомъ, сіяющимъ отъ радости отъ своего остроумія. Я сказалъ ему: вы правы; мы, конечно, не можемъ устраивать ассоціацій между мелкими чиновниками. Но примите въ соображеніе слѣдующее: не удивительно, что государство находитъ чиновниковъ за 200—300 талеровъ въ нынѣшнемъ обществѣ, гдѣ плата за простой ручной трудъ составляетъ 100—120—150 т. въ годъ. Но предположимъ, что удалось бы поднять доходъ простого ручного работника, напр., до 600 талеровъ, неужели вы думаете, что государство найдетъ тогда мелкихъ чиновниковъ, которые согласятся за 200—300 талеровъ исполнять квалифицированный трудъ? Ну, нѣтъ, они найдутъ гораздо выгоднѣе пойти въ простые работники! (Продолжительныя рукоплесканія). Запомните этотъ примѣръ и перенесите его на всѣ другіе случаи. Онъ для всѣхъ одинаково вѣренъ. Квалифицированный трудъ всегда будетъ вознаграждаться пропорціонально п р о с т о м у ф и з и ч е с к о м у. Если бы это было не такъ, если бы вознагражденіе умственнаго и квалифицированнаго труда не возрастало вообще въ одинаковой пропорціи съ вознагражденіемъ обыкновеннаго физическаго труда, то не оплачивались бы труды и расходы подготовленія, необходимаго для всякаго квалифицированнаго и умственнаго труда, въ обществѣ началъ бы ощущаться н е д о с т а т о к ъ въ людяхъ, поставляющихъ этотъ родъ труда, и оно б ы л о б ы п р и н у ж д е н о р ѣ ш и т ь с я давать качественному труду сравнительно высшую плату—все это п о з а к о н у с п р о с а и п р е д л о ж е н і я, изъ котораго, какъ видите, я умѣю дѣлать выводы не хуже моихъ противниковъ!

С т а л о б ы т ь, я т р е б у ю о т ъ г о с у д а р с т в а т о л ь к о м и з и н ц а! Изъ него все остальное развилось бы органически, само собою, творческой силой жизни. Черезъ 50 лѣтъ послѣ этой мѣры нашъ міръ былъ бы неузнаваемъ!

Итакъ, вы видите, господа, какъ рушатся сами собою всѣ возраженія моихъ противниковъ, какъ подрываютъ они сами себя! Если бы я потребовалъ, чтобы всѣмъ помогли р а з о м ъ, вдругъ, поднялся бы крикъ: Безумецъ! Сумасшедшій! Утопистъ! Хочетъ спасти разомъ всѣхъ правительственными указами! И это было бы справедливо. Но я требую помощи постепенной, хотя предназначенной для всѣхъ, и мнѣ на это кричатъ: А сельское населеніе? Стало быть, онъ не хочетъ помогать сельскому населенію! Стало быть, онъ хлопочетъ только о промышленныхъ работникахъ! Вы видите, господа, что это неправда; ассоціація со своими послѣдствіями измѣнитъ положеніе всѣхъ: и сельскаго населенія, и промышленныхъ работниковъ, и сельскихъ, и фабричныхъ, и ремесленныхъ, и тѣхъ, которые

занимаются квалифицированнымъ трудомъ разнаго рода, стало быть, и мелкой буржуазіи противъ крупной. Но армія, выступая въ походъ, поднимается не вся вдругъ, а прежде всего выступаетъ авангардъ; по тысячѣ же причинъ, объяснять которыя я здѣсь не буду, авангардомъ человѣчества должны быть промышленные работники!

Г. Шульце упрекаетъ меня въ возбужденіи несчастнаго раздора между имущими и рабочими классами; онъ обвиняетъ меня въ попыткахъ вызвать между ними столкновеніе. Это величайшая неправда! Развѣ вы не видите, что нынѣшняя агитація имѣетъ какъ разъ противное значеніе? Я обратился съ воззваніемъ къ общественному убѣжденію и къ общественной совѣсти. Было бы величайшимъ фактомъ культуры, величайшимъ торжествомъ для германскаго имени, для германской націи, если бы въ Германіи именно имущіе взяли на себя иниціативу въ соціальномъ вопросѣ, если бы иниціатива эта явилась плодомъ науки и любви, а не ненависти и дикой санкюлотской ярости! А вѣдь такъ и есть! Люди, принявшіе иниціативу въ этомъ дѣлѣ, я, Родбертусъ, Вуттке, Бухеръ, д-ръ Т. Мюллеръ [1]), присутствующій здѣсь и знакомый вамъ, — всѣ мы по наукѣ и по состоянію принадлежимъ къ лучшимъ слоямъ имущихъ классовъ.

Неужели не видятъ, что это великій фактъ сословнаго примиренія и что ненависть и столкновеніе между классами грозитъ вызвать только безпримѣрная ярость, съ которою противятся нашимъ стремленіямъ? Если бы удалось задушить эти стремленія, если бы удалось, господа, примѣромъ ихъ гибели отвратить впредь будущихъ людей науки отъ подобной иниціативы, — тогда, конечно, намъ предстояло бы очутиться черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ разгарѣ пролетарской революціи и самимъ пережить ужасы іюньскихъ дней! Но мы не допустимъ этого; этому не бывать!

Но потому-то и нужно во-время открыть клапанъ, чтобы предупредить взрывъ. (Продолжительныя рукоплесканія).

Вотъ почему я и нашелъ нужнымъ поднять знамя этой агитаціи среди глубокаго мира.—Небо Европы покрыто грозными тучами, и меня не разъ спрашивали, почему я не подождалъ событій, которыя облегчили бы мнѣ мои стремленія. Правда, я знаю, что во время лихорадочнаго жара, возбуждаемаго внѣшними событіями, гораздо легче одерживать блестящіе успѣхи, брать приступомъ извѣстныя позиціи.

Но такіе успѣхи, вызванные лишь подобнымъ искусственнымъ жаромъ, бываютъ непрочны и непродолжительны; вмѣсто внутренне твердой соціальной

---

[1]) Предсѣдатель франктфуртскаго рабочаго образовательнаго общества.

партіи подъ знаменемъ моимъ были бы только дикія страсти, масса, готовая такъ же быстро покинуть его, какъ и принять. При томъ соціальное движеніе, поднявшееся въ дни насилія, было бы именно способно внушить имущимъ классамъ ненависть и страхъ, и ненависть и страхъ возбудить.

Поэтому, я хотѣлъ дать этому убѣжденію возможность пробиться и прокопаться въ умы среди глубокаго мира. Я говорилъ вашимъ лейпцигскимъ братьямъ, что не должно ненавидѣть имущихъ, ни буржуазію вообще, ни предпринимателей и мастеровъ въ частности. Современный порядокъ созданъ не буржуазіей; она не творецъ его, а непроизвольный продуктъ. Имущіе классы должны, наоборотъ, добровольно посвящать свой умъ и развитіе на то, чтобы снять кандалы съ вашихъ ногъ.

Но для этого прежде всего необходимо одно: чтобы вы свидѣтельствовали, что, дѣйствительно, носите и чувствуете эти кандалы, требовали, заявляли свое желаніе, чтобы васъ освободили отъ нихъ. Если вы не будете дѣлать этого, то мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ! Если вы допустите обморочить себя, убѣдить себя, что вы свободны; если вы позволите довести себя до лганія самимъ себѣ, — словомъ, если вы, господа, сами отступитесь отъ себя, то отъ васъ отступится Богъ и люди, и подѣломъ!

Одинъ аргументъ Шульце противъ меня, кажется, произвелъ въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ особенно сильное впечатлѣніе; но это такого рода аргументъ, что я въ вашемъ же интересѣ долженъ особенно протестовать противъ него.

Въ заключеніе своей берлинской рѣчи работникамъ г. Шульце буквально сказалъ слѣдующія слова, которыя я цитирую по „Національной Газетѣ“: „Теперь, господа, за-одно со мной нападкамъ подверглись и сотрудники мои, тѣ, которые своими стараніями сдѣлали работникамъ доступнымъ состоящій въ ихъ распоряженіи капиталъ. Если вамъ приходится выбирать между г. Лассалемъ и нами, то мы скажемъ только одно: тамъ фразы, а тутъ капиталъ; посмотримъ, что дольше выдержитъ“.

Тутъ надо сдѣлать троякаго рода замѣчанія. Во-первыхъ, неправда, что я нападалъ на г. Шульце лично; въ своей брошюрѣ я отозвался объ его намѣреніяхъ, быть можетъ, даже съ преувеличенною признательностью. Если г. Шульце принимаетъ за личное нападеніе совершенно объективное разсужденіе мое о томъ, что его старанія не могутъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ, то вѣдь это ни на что не похоже; впрочемъ это еще не важно. Что же еще находимъ мы въ словахъ г. Шульце? Я никогда не требовалъ отъ работниковъ, чтобы они покидали Шульцевскія ассоціаціи:

мнѣ этого и въ голову не приходило. Я не говорилъ, чтобы работники выбирали непремѣнно одно изъ двухъ—мое предложеніе или Шульцевское! Я только объяснялъ работникамъ, что Шульцевскія ассоціаціи никакъ не могутъ пособить всему рабочему классу, а лишь отдѣльнымъ лицамъ, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ и не надолго. Значитъ ли это, что они должны избѣгать подобныхъ ассоціацій, не должны заводить ихъ, потому что онѣ могутъ быть полезны только въ частныхъ случаяхъ и только на время, а не всему рабочему сословію? Очевидно, не значитъ. Отчего вамъ не стараться помогать себѣ по возможности въ частности? Говорить подобное противъ Шульцевскихъ ассоціацій было бы все равно, что уговаривать человѣка, которому представляется случай получить высшую плату, не брать ея, потому что это не поможетъ положенію всего класса! Это было бы глупо. Слѣдовательно, я не требовалъ въ своей брошюрѣ, чтобы вы выбирали между мной и Шульцевскими ассоціаціями. Почему же Шульце требуетъ этого? Почему, если онъ, дѣйствительно, любитъ васъ и ваше дѣло и дѣло вашего сословія, почему грозитъ онъ вамъ лишеніемъ своихъ капиталовъ? Я обращался къ вашему разсудку,—а Шульце-Деличъ отвѣчаетъ мнѣ практической угрозой!

Но далѣе, господа, что еще находимъ мы въ этой угрозѣ? Мы видимъ изъ нея, что вы въ вашихъ ассоціаціяхъ далеко не независимы и что онѣ основаны вовсе не на самопомощи, какъ увѣряетъ васъ Шульце. Угроза доказываетъ, что вы зависите отъ милости нѣсколькихъ капиталистовъ! Такъ вотъ каковы Шульцевскія свобода и независимость! Такъ вотъ какъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ! Если бы я зависѣлъ отъ прихоти и милости нѣсколькихъ капиталистовъ, то, право, предпочелъ бы, если-бы это было для меня возможно, перейти въ зависимость отъ государства, предпочелъ бы лучше зависѣть отъ всей духовной судьбы человѣчества, чѣмъ отъ каприза нѣсколькихъ капиталистовъ (Общія рукоплесканія).

Впрочемъ, господа, я упомянулъ здѣсь про зависимость отъ государства только въ противоположность той зависимости, которою стращаетъ васъ Шульце; въ сущности же, какъ я объяснилъ вамъ въ прошлый разъ, въ системѣ кредитовъ, которые государство должно открыть вамъ, нѣтъ никакой зависимости, тѣмъ болѣе, что, какъ я сказалъ вамъ, добиться этой системы вы можете только при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а всеобщее и прямое избирательное право трудно совмѣстимо съ реакціоннымъ и бюрократическимъ правительствомъ.

На это, впрочемъ, возражали, что всеобщее избирательное право вѣдь не магическій жезлъ. Конечно, нѣтъ! Я очень хорошо знаю это; но что это

такое, я вамъ скажу. Это—копье, само исцѣляющее раны, которыя наноситъ. Очень возможно, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ вы и разъ, и два, и три ошибетесь въ выборахъ. Но развѣ политическія учрежденія основываются на два, на три года? Всеобщее избирательное право учитъ и наставляетъ самымъ употребленіемъ своимъ,—и нѣтъ сомнѣнія, что вы научитесь, потому что у васъ матерью пониманія будетъ выгода, а выгода—страшная мать!

Теперь обратимся къ политическому вопросу. Меня упрекали въ томъ, что я несвоевременно мѣшаю развитію политической свободы, затрудняю политическое положеніе.

На этотъ упрекъ я скажу, что главное, чему вы должны рукоплескать въ моей агитаціи, есть именно ея политическая сторона, моя политическая программа.

Какъ? Неужели въ васъ уже нѣтъ ни одной демократической жилки?

Неужели этой неимовѣрно гнусной печати, вотъ уже 15 лѣтъ отравляющей Германію, удалось раздемократизировать васъ и превратить въ либеральныхъ буржуа, въ людей, вѣрящихъ въ прогрессъ на основаніи, такъ называемой, прусской конституціи и, такъ называемой, прусской конституціонной жизни? Если вы не демократы, то къ чему мнѣ толковать съ вами?! Я не имѣю ни охоты, ни призваніи говорить съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ демократовъ! (Браво).

Но если есть въ васъ еще хотя одна демократическая жилка, то что вамъ дѣлать съ партіей прогрессистовъ? И какъ, въ такомъ случаѣ, можете вы подать голоса заодно съ нею противъ меня, развернувшаго знамя демократіи? (Бурныя рукоплесканія).

Что общаго у демократіи съ партіей прогрессистовъ?

Разберемъ.

Она сама отреклась отъ имени демократіи; она не демократична не хочетъ быть демократической, и лучшее доказательство этого то, что она сама перестала такъ называться. Развѣ она безъ причины отреклась отъ этого стариннаго, честнаго имени? Развѣ безъ причины промѣняла бы она его на неопредѣленное и лукавое имя прогрессистовъ, если бы хотѣла быть демократической?

Это отреченіе отъ имени „демократіи“ важнѣе, чѣмъ вы думаете, еще въ другомъ отношеніи.

Демократія была объединяющею связью между буржуазіей и рабочимъ сословіемъ. Но та сторона, сбросивъ это имя и отрекшись отъ него, разсѣкла эту связь, подняла знамя движенія уже не демократическаго, а ли-

берально-буржуазнаго движенія, которому и васъ заставляли слѣдовать и которому вы до сегодня и дѣйствительно слѣдовали.

Вотъ что значило объявленіе оффиціальнаго какъ бы органа берлинской партіи прогрессистовъ, „Берлинской Народной Газеты“, еще въ 1859 г., что демократіи больше не существуетъ [1]).

Но, не говоря объ имени, возьмемъ другіе факты. Несомнѣнно, что судьбы Германіи будутъ рѣшаться въ большихъ нѣмецкихъ государствахъ, а не въ мелкихъ, и потому нѣмецкая партія прогрессистовъ должна допустить, чтобы о ней судили по дѣйствіямъ того крыла ея, которое уже вступило въ дѣло, по дѣйствіямъ прусскихъ прогрессистовъ.

Нѣмецкіе прогрессисты попались относительно меня въ забавное противорѣчіе.

Спрашивается: сознаютъ ли они себя тождественными съ прусской партіей прогрессистовъ, сознаютъ ли они себя съ нею — одной и той же партіей, или нѣтъ?

Если они не сознаютъ себя тождественными съ ней, чего имъ отъ меня нужно? Въ такомъ случаѣ, я не трогалъ ихъ, даже не упоминалъ о нихъ въ своей брошюрѣ.

Если они сознаютъ себя тождественными съ прусской партіей прогрессистовъ, то зачѣмъ же представитель ихъ, д-ръ Бюхнеръ [2]), упрекаетъ меня за недостаточное различеніе нѣмецкой партіи прогрессистовъ отъ прусской?—Но, конечно, онѣ тождественны!

Порицала ли когда-нибудь за что-нибудь нѣмецкая прогрессистская партія свое прусское крыло? Не доказываетъ ли она своимъ ожесточеннымъ обращеніемъ противъ меня, въ моемъ столкновеніи съ прусской партіей прогрессистовъ, свое полное тождество съ нею?

Въ программѣ прусской партіи нѣтъ всеобщаго избирательнаго права; она не только не вписала его въ свою программу, но вычеркнула изъ нея, когда оно было вписано г. Штрекфусомъ.

---

[1]) См., напр., статьи „Берл. Нар. Газ.“, въ №№ отъ 28, 29, 30 октября 1859 г. и др.

[2]) Д-ръ Бюхнеръ упрекаетъ меня въ своемъ печатномъ отчетѣ о моей брошюрѣ. Вотъ заглавіе этого отчета: „Г. Лассаль и аботники. Отчетъ и рѣчь о „Программѣ работниковъ“ Лассаля, произнесенная на рабочемъ собраніи въ Редельгеймѣ 19-го апрѣля 1863 г., по порученію Центральнаго комитета работниковъ Майнскаго округа, д-ра Л. Бюхнера, временнаго предсѣдателя Дармштадтскаго Рабочаго образовательнаго Общества, члена вышесказаннаго комитета. Предано печати по постановленію собранія“.

Я разсказалъ этотъ фактъ въ своей лейпцигской рѣчи, которая издана и распространена. Ни одна газета, ни одна душа не опровергла его.

Кромѣ того, господа, гг. Фаухеръ и М. Виртъ прямо объявили въ Лейпцигѣ, что такъ какъ трехклассный избирательный законъ доставилъ такую палату, какъ нынѣшняя прусская, то—каково это покажется?—всеобщаго избирательнаго права вовсе не нужно!!

„Берлинская Народная Газета" говорила еще 21 ноября 1858 г.: „Мы отложили и надолго отложили главный вопросъ демократіи, всеобщее и тайное избирательное право".

Положимъ, что мы простили бы все это; но спрашивается, къ чему привело это буржуазно-либеральное движеніе и къ чему можетъ оно привести? Достигло ли оно хотя своихъ собственныхъ буржуазно-либеральныхъ цѣлей?

Факты теперь у всѣхъ на глазахъ, и каждый можетъ судить о нихъ. Къ чему, спрашиваю, привело буржуазно-либеральное движеніе въ 15 лѣтъ, протекшихъ съ 1848 г., въ теченіе которыхъ демократія держалась въ сторонѣ отъ политики?

Отъ компромисса къ компромиссу, отъ уступки къ уступкѣ, отъ посредничества къ посредничеству оно привело къ тому, что теперь у насъ въ Пруссіи нѣтъ даже того, что въ мелкихъ конституціонныхъ нѣмецкихъ государствахъ существуетъ съ 20-хъ годовъ, нѣтъ даже права утверждать бюджетъ, нѣтъ даже основанія какого бы то ни было конституціоннаго государства, и мы живемъ подъ чистѣйшимъ самодержавіемъ! (Браво!) Такимъ образомъ, либеральная буржуазія потеряла одно за другимъ всѣ завоеванія, пріобрѣтенныя въ 1848 г. демократіей цѣною своей крови. Она потеряла ихъ до послѣдняго, въ томъ числѣ даже право утверждать бюджетъ, которымъ сама больше всего дорожила. Но и послѣ этого партія прогрессистовъ, располагающая въ прусской палатѣ значительнымъ большинствомъ, не могла рѣшиться объявить правительству открытый и рѣшительный разрывъ, а все только препирается и посредничаетъ. Вмѣсто того, чтобы прервать съ правительствомъ всѣ отношенія, что было ея прямой обязанностью, она преспокойно засѣдаетъ съ нимъ за однимъ столомъ послѣ того, Какъ сама объявила его подлежащимъ уголовной отвѣтственности! (Браво!)

Въ рѣчахъ своихъ она обвиняла правительство въ ниспроверженіи конституціи. Но это не мѣшаетъ ей спокойно засѣдать, сочиняя поправку за поправкой и такимъ образомъ помогая правительству притворяться, будто существуетъ конституціонный порядокъ.

Она по малодушію сдѣлалась сообщницей, соумышленницей правительства.

Мѣра терпѣнія нашего, наконецъ, переполнилась, что и должно было случиться.

Отчего же я раньше не возсталъ противъ этого? Вѣдь я и вообще крайняя демократія, мы никогда не сомнѣвались, что движеніе, затѣянное либеральной буржуазіей, вмѣсто демократіи, кончится подобнымъ плачевнымъ образомъ.

Мы знали это давно, но считали себя обязанными ждать, пока не явятся факты, способные подѣйствовать на общественное убѣжденіе.

Теперь эти факты на-лицо. Кто теперь не видитъ, тотъ или слѣпъ, или не хочетъ видѣть.

Стало быть, теперь безсмысленно упрекать меня за разстройство согласія, потому что если высшее благо—доброе согласіе, то почему всѣмъ намъ и съ прогрессистами не броситься въ объятія абсолютистамъ и солдатчинѣ? (Смѣхъ).

Надо знать, съ кѣмъ и съ чѣмъ согласіе; согласіе въ малодушіи, въ недостойномъ поведеніи, въ трусости—не особенное благо.

Гораздо лучше выдѣлить все свѣжее и собрать подъ великимъ и сильнымъ знаменемъ.

Два мѣсяца тому назадъ мнѣ еще возражали, что нашу партію прогрессистовъ признаетъ даже вся либеральная печать Англіи. Два мѣсяца тому назадъ это была еще правда.

Но прочтите, что напечатано съ тѣхъ поръ въ „Times", въ „Daily News" и др. уже не противъ правительства нашего, а противъ нашей палаты. Тамъ прямо говорится, что палата, допускающая такъ обращаться съ собой, есть для народа верхъ позора. (Браво!)

Въ чемъ же, стало быть, я былъ не правъ, господа? Развѣ въ томъ, что былъ политикомъ, т. е., зналъ за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ то, что теперь знаютъ всѣ безпристрастные люди?

Докторъ Бюхнеръ задаетъ мнѣ вопросъ: „Отчего вы не подождали, пока буржуазія кончитъ свою борьбу съ военнымъ самодержавіемъ?" На это я могу теперь отвѣтить вамъ съ очевидною истиною: я потому не дожидался этого, что никогда ничего подобнаго не дождался бы!

Либеральной буржуазіи никогда не кончить этой борьбы побѣдоносно. Единственное средство добиться политической свободы заключается опять-таки въ поднятомъ мною движеніи. Я докажу вамъ это рядомъ доказательствъ, которыя будутъ тѣмъ убѣдительнѣе, чѣмъ долѣе будемъ мы углубляться въ нихъ, и, потому, я прошу васъ посвятить имъ все ваше вниманіе.

Я утверждаю, что наша либеральная буржуазія не въ состояніи побѣдить военщины, добиться политической свободы.

Первое и самое слабое доказательство этому въ томъ, что, какъ сословіе, буржуазія загубила свое развитіе въ полуобразованности.

Настоящее просвѣщеніе даетъ силу, полуобразованность отнимаетъ ее.

Но это—самое слабое доказательство.—Взгляните на факты.

Выказывала ли наша буржуазія когда-нибудь такую энергію, какую выказала французская въ 1789 и 1830 г.г.? Совершила ли она когда-либо хотя одинъ энергичный поступокъ?—Никогда!

Когда во Франціи Людовикъ XVI вздумалъ распустить учредительное собраніе, буржуазія единогласно отвѣчала ему устами Мирабо: мы уступимъ только силѣ штыковъ.

Въ 1849 г. и въ этомъ городѣ засѣдало учредительное собраніе. Но когда прусскій король велѣлъ депутатамъ разойтись, большинство поспѣшно удрало по домамъ, и только ничтожное меньшинство устояло и переѣхало въ Штуттгартъ.—Про королей говорится, что ихъ послѣдній доводъ, ultima ratio regum—пушка.

Наша буржуазія никогда не рѣшится, что бы тамъ ни было, обратиться къ энергіи подобнаго довода! Ее остановитъ не только боязнь правительствъ, но и боязнь народа!

Теперь она надѣется обойти васъ, но очень хорошо знаетъ, что въ пылу извѣстныхъ событій потеряетъ это вліяніе, и все еще боится васъ пуще абсолютизма! Вотъ почему, сколько ни сыплется на нее пинковъ сверху, она все-таки съ визгомъ припадаетъ къ подножію престола и упорно повторяетъ, что не теряетъ надежды. (Шумныя рукоплесканія).

Но чтобы не сказали, что я описываю вамъ своихъ противниковъ своими собственными красками, позвольте мнѣ характеризовать ихъ вамъ ихъ собственными словами; позвольте прочесть вамъ выдержку изъ рѣчи г. Шульце-Делича, произнесенной во Франкфуртѣ (не знаю, въ какомъ) 30-го ноября прошлаго года, стало быть, уже при нынѣшнемъ министерствѣ, при нынѣшнемъ ниспроверженіи конституціи. Я заимствую этотъ отрывокъ не изъ какой-нибудь демократической газеты, а изъ совершенно преданной ему „Фоссовой Газеты". Онъ говоритъ, что совершить объединеніе Германіи исторически предназначено прусскому правительству вслѣдствіе его положенія въ Германіи; тутъ онъ принимается разглагольствовать слово въ слово такъ:

„Времена абсолютизма, хотѣвшаго управлять судьбами народовъ по своему капризу и себялюбивому произволу, миновали; и въ прусской династіи, такъ многократно благословенной Богомъ, найдется руководитель, который вполнѣ вѣрно пойметъ разъясненный монархическій принципъ и сумѣетъ дать ему вѣсъ на благо собственной странѣ и всей Германіи.

Мужество и терпѣніе народа создадутъ въ прусской династіи такого руководителя, если его еще нѣтъ". (Хохотъ). „Онъ (народъ) доказываетъ свою истинную политическую зрѣлость именно тѣмъ, что, въ противоположность другимъ народамъ, гнушается революціоннаго пути и идетъ къ агитаціи мирной и нравственной".

И это, господа, говорилось послѣ того, какъ право утверждать бюджетъ было отвергнуто и самовластно предприняты военныя преобразованія вопреки палатѣ! Это говорилось въ то время, когда положеніе дѣлъ въ принципѣ было уже совершенно то же, что теперь!

Итакъ, господа, кто же предаетъ васъ реакціи, кто же покушается насильно отдать васъ въ руки прусскимъ реакціонерамъ?

И чтобы вы пошли подъ такое знамя? И чтобы подъ такимъ знаменемъ можно было надѣяться сломить такую серьезную и реальную силу, какъ самодержавіе и военщина?

Изъ страха передъ вами хотятъ насильно внушить себѣ надежду на благодать свыше; но неужели можно что-нибудь сдѣлать при этомъ страхѣ передъ низшими, съ этой надеждой на высшихъ?

Знаете, что говоритъ Гете?

„Was ist der Philister? Ein hohler Darm
Voll Furcht und Hoffnung, dass Gott erbarm!" [1]) (Хохотъ).

Подобное филистерское движеніе не можетъ имѣть никакихъ результатовъ, и мы тщетно прождали бы ихъ цѣлые вѣка, цѣлые геологическіе періоды!

Теперь, наконецъ, я приведу послѣднее и самое рѣшительное доказательство, что либеральная буржуазія не можетъ водворить у насъ политической свободы.

До сихъ поръ я указывалъ вамъ только факты. Теперь покажу глубочастную необходимую причину.

Съ 1848 г. мы потеряли, укрѣпленіе за укрѣпленіемъ, позицію за позиціей, все, что завоевали тогда; вы понимаете, что подобная 15-тилѣтняя исторія не можетъ быть случайной, что она должна имѣть внутреннюю причину, которая по необходимости воспроизводитъ ее.

Я объясню вамъ эту причину.

Вы увидите, что ею объясняется вся исторія Германіи съ 1848 г. и вся французская исторія съ 1789 г.; вы увидите, что причина ничтоже-

---

[1]) „Что такое филистеръ? Пустая кишка, полная страха и надежды, что богъ сжалится".

ства нашей либеральной буржуазіи въ сравненіи съ французской заключается вовсе не въ одномъ національномъ характерѣ, а гораздо глубже, и что единственное средство добиться политической свободы состоитъ въ томъ, чтобы собраться подъ знамя, которое я сегодня отстаиваю.

Причина эта слѣдующая: теперь нельзя побѣдоносно завоевать одну политическую свободу, потому что за нею нѣтъ никакого матеріальнаго интереса, никакого классового интереса и, стало быть, ни какого класса.

Кто стоитъ теперь за политическую свободу энергично и самоотверженно? Кто?

Я, да еще какая-нибудь тысяча идеологовъ во всей Германіи.

Подъ идеологами я разумѣю теперь людей, проживших свой вѣкъ въ книгахъ, привыкшихъ существовать въ идеяхъ и мысляхъ и готовыхъ всѣмъ пожертвовать для нихъ. Кромѣ этихъ идеологовъ найдется, быть можетъ, по большей мѣрѣ, тысячъ 10—15 человѣкъ, разсѣянныхъ по всей Германіи, которые, не будучи идеологами, по природѣ своей одарены горячей любовью къ свободѣ. Что можетъ сдѣлать эта горсть людей? И какой же классъ стоитъ за политическую свободу?—Ни какой!

Либеральная буржуазія, правда, любитъ свободу, но какъ любятъ украшеніе въ комнатѣ, какъ любятъ красивый нарядъ; если можно получить его, то, конечно, хорошо, а нельзя, то можно и обойтись! За него не полѣзутъ ни въ огонь, ни въ воду.

Для буржуазіи главное—матеріальные интересы, торговля, промышленность, производство; все это требуетъ покоя, а серьезная борьба за свободу тотчасъ нарушила бы этотъ покой. Поэтому, либеральная буржуазія тѣмъ легче обходится безъ политической свободы, что серьезная борьба за нее нарушила бы спокойствіе, а съ нимъ и ея матеріальные интересы.

Кто же, стало быть, какой классъ стоитъ за политическую свободу? Работники, быть можетъ? Да, на нѣсколько недѣль, на нѣсколько мѣсяцевъ, увлекшись пылкимъ, благороднымъ чувствомъ. Поэтому, и въ будущемъ возможны такія минутныя вспышки, какъ въ мартѣ 1848 г., и такія же минутныя побѣды. Но долго и работники не могутъ выстоять за политическую свободу. Это невозможно.

Ихъ слишкомъ поглощаетъ забота о дневной платѣ, о своемъ и семей своихъ существованіи; одной политической свободой они не будутъ сыты, такъ что ихъ преданность ей вскорѣ ослабѣваетъ, и они предоставляютъ дѣламъ итти такъ, какъ они идутъ.

Взгляните, съ этой точки зрѣнія на Францію, и вамъ объяснятся, по-

видимому, необъяснимыя противорѣчія французской исторіи, какъ революція 1789 г. и наполеоновскій государственный переворотъ 1851 г.

Революція 1789 г. была вовсе не политическою только; нелѣпо думать это.

Это была революція соціальная, революція матеріальныхъ интересовъ; для буржуазіи дѣло шло объ уничтоженіи феодальнаго производства въ промышленности и земледѣліи и о замѣнѣ его свободною эксплоатаціею капитала, которая теперь всюду господствуетъ.

Для этой цѣли у нея оказались пылъ и энергія.

Это была соціальная революція, и въ 1789 г., какъ и въ 1830 г., дѣло шло о соціальныхъ матеріальныхъ интересахъ. Со стороны нынѣшняго Наполеона нечего опасаться возстановленія феодальныхъ порядковъ въ производствѣ, нарушенія матеріальныхъ интересовъ буржуазіи. При немъ вопросъ идетъ только о политической свободѣ, и тутъ французская буржуазія оказывается такою же вялой и слабой, какъ и наша, и 12 лѣтъ спокойно терпитъ похищеніе политической свободы.

Если бы теперь наша буржуазія была заинтересована въ соціальныхъ вольностяхъ, какъ французская въ 1789 г.; если бы ей приходилось отстаивать свободу капитала и всѣ свои связанные съ ней матеріальные интересы, то и въ ней нашлась бы, быть можетъ, такая же энергія, какою отличалась тогда французская буржуазія.

Но теперь дѣло не въ матеріальныхъ интересахъ. Наши правительства поступили предусмотрительно. Соціальную сторону революціи 1789 г. они ввели сами частью уже давно, а за одну политическую свободу буржуазія не пойдетъ въ огонь, за нее она способна только на благія пожеланія и невинныя упражненія въ краснорѣчіи.

Итакъ, мы видимъ, что за одну политическую свободу не стоитъ и не можетъ стоять ни одинъ классъ.

Противъ нея же стоятъ военная партія и дворянство, самодержавіе и бюрократія, стоятъ съ величайшей энергіей, со всею энергіею, какую придаетъ отстаиваніе соціальныхъ интересовъ, потому что для этихъ классовъ вопросъ идетъ о защитѣ остатковъ своего господства.

Слѣдовательно, за реакцію стоятъ классы, одаренные величайшей энергіей, держащіеся за нее зубами и ногтями; за политическую же свободу нѣтъ ни одного класса, никого, кромѣ нѣсколькихъ идеологовъ и мечтателей.

Удивительно ли послѣ этого, что политическая свобода въ теченіе 15 лѣтъ была на каждомъ шагу побѣждаема реакціей? Удивительно ли,

что буржуазія не могла и не можетъ выйти побѣдительницей изъ борьбы своей съ военщиной?

Слѣдовательно, величайшій интересъ политической свободы состоитъ въ томъ, чтобы придать ей интересъ классовой, соціальный и, при томъ, именно интересъ неимущихъ классовъ, столь безконечно сильнѣйшихъ числомъ и энергіей.

Каждый, кто искренно любитъ политическую свободу, долженъ быть благодаренъ мнѣ за это, потому что и политическая свобода побѣдитъ только подъ этимъ знаменемъ!

Теперь вы вполнѣ ясно видите, господа, какъ лживо обвиняютъ меня въ служеніи реакціи!

Я не говорю только, что это неправда! Было бы недостойно меня оправдываться такимъ образомъ.

Рейнскіе работники, среди которыхъ я прожилъ 10 лѣтъ и которые знаютъ меня, съ негодованіемъ возстали въ Дюссельдорфѣ, Золингенѣ, Кельнѣ, Эльберфельдѣ противъ этой гнусной клеветы.

Итакъ, я не говорю только, что это обвиненіе несправедливо; я говорю, что несправедливость его извѣстна самимъ обвинителямъ, что, слѣдовательно, они сознательно и позорно солгали, сказавъ какъ разъ противное тому, что сами думаютъ! Либеральная буржуазія опасается отъ меня не реакціи, какъ говоритъ, а наоборотъ, боится, что изъ моей агитаціи черезъ нѣсколько лѣтъ выйдетъ нѣчто, какъ разъ больше всего противоположное реакціи!

Дайте мнѣ 500.000 германскихъ работниковъ, которые вступили бы въ мой союзъ—и нашей реакціи не существовало бы! Наша буржуазія знаетъ это; этого-то она и боится, и, поэтому-то, она такъ яростно напала на меня, обвиняя въ служеніи реакціи, тогда какъ, въ дѣйствительности, боится отъ меня только серьезнаго служенія политической свободѣ!

Теперь подавайте голоса относительно того предложенія, которое я подалъ вашему президенту, такъ какъ въ прошлый разъ не состоялось подачи голосовъ по подобному же поданному мною предложенію.

Подавайте голоса, каждый по совѣсти.

Еще одно замѣчаніе: разрывъ между нами и прогрессистами неизбѣженъ.

Этотъ разрывъ есть отдѣленіе плевелъ отъ пшеницы. И онъ есть уже совершившійся фактъ! Лейпцигъ, Гамбургъ, Золингенъ, Дюссельдорфъ, Кёльнъ уже не позволятъ спустить знамя этого движенія.

Разрывъ уже произошелъ: теперь уже не время заниматься дипломатіей и церемониться; каждый изъ васъ долженъ по чести и совѣсти отходить къ плевеламъ или къ пшеницѣ!

Кромѣ того, я еще не опровергъ недоразумѣнія, будто я хочу вызвать особое движеніе съ участіемъ одного рабочаго сословія; я никогда не думалъ этого.

Поднятое мною знамя есть знамя демократіи вообще.

Въ буржуазіи есть хорошіе, здоровые элементы. Я самъ и очень многіе изъ насъ принадлежимъ къ буржуазіи. Всѣ они должны быть и будутъ съ нами заодно.

Вѣдь не могу же я питать вражды къ членамъ сословія, къ которому самъ принадлежу. Я возстаю только противъ соннаго и вялаго движенія, которое буржуазія ведетъ какъ классъ и можетъ вести только какъ классъ, противъ либерально-прегрессистскаго движенія.

Вопросъ состоитъ вотъ въ чемъ: должны ли мы со всѣми крѣпкими элементами буржуазіи итти за этимъ безцвѣтнымъ, вялымъ либеральнымъ знаменемъ и заражаться его слабостью? Или не лучше ли намъ увлечь всѣ хорошіе элементы буржуазіи за своимъ знаменемъ и пропитать ихъ нашей энергіей?

Я вызываю движеніе общее, демократическое, народное, а не классовое только; ни одинъ истинный демократъ не испугается мысли улучшить положеніе рабочаго класса при помощи собранія, избраннаго всеобщею подачею голосовъ. Ни одно истинно демократическое сердце не устрашится того, чтобы соединеніе всей интеллигенціи общества помогло нуждающимся классамъ государственными мѣрами.

Въ этомъ, напротивъ того, заключается истинная выгода всѣхъ классовъ.

Помогите же мнѣ держать это знамя, и черезъ годъ окажется все, что имѣетъ въ себѣ хоть каплю демократической крови во всей Германіи! (Рукоплесканія).

Еще одно послѣднее слово. Что бы вы ни постановили, вы не можете рѣшить, что я не правъ! Я уже оправданъ всѣми истинными людьми науки и современемъ буду оправданъ исторіей, потому что какъ вѣрно то, что я теперь стою предъ вами, такъ вѣрно и то, что настанетъ время, когда осуществятся подобныя государственныя учрежденія.

Въ одномъ только буду я не правъ, если вы рѣшите противъ меня. Если вы, если большинство нѣмецкаго рабочаго сословія рѣшитъ противъ меня, то это докажетъ, что нѣмецкое рабочее сословіе еще не созрѣло до пониманія и что, стало быть, я преждевременно задумалъ освобождать его.

Если вы, если большинство рабочаго нѣмецкаго сословія рѣшитъ про-

тивъ меня—да, тогда я скажу г-ну Шульце: вы правы, эти люди еще не дошли до того, чтобы имъ можно было помочь!

Для себя лично, съ точки зрѣнія своего естественнаго эгоизма, я долженъ бы горячо желать, господа, чтобы вы рѣшили противъ меня, потому что, если бы вы, и не только вы, а дѣйствительное большинство нѣмецкаго рабочаго сословія рѣшило противъ меня,—тогда, оправданный наукой и увѣренный, что буду современемъ оправданъ и исторіей, я спокойно удалился бы въ тишь науки и съ грустной усмѣшкой надъ вашей незрѣлостью наслаждался бы гдѣ-нибудь на берегу Неаполитанскаго залива благораствореніемъ южнаго климата. Я избѣжалъ бы жизни, полной мученій, усилій, непріятностей и трудовъ. Вы видите, какъ легко было бы мнѣ перенести неудачу.

Но вы, господа, потеряли бы одного изъ лучшихъ друзей вашего сословія, и не одного меня, а на цѣлые десятки лѣтъ отвадили бы всѣхъ отъ желанія помогать вашему сословію. Каждый, кому пришло бы это желаніе, подумалъ бы: это сословіе еще незрѣло, примѣръ Лассаля долженъ служить предостереженіемъ! И вотъ почему, при той любви, которую я питаю къ дѣлу рабочаго сословія, я—говорю вамъ это откровенно, господа,—съ душевнымъ трепетомъ жду вашего рѣшенія!

Теперь рѣшайте!

(Громкія и продолжительныя рукоплесканія. Нѣсколько ораторовъ говорятъ за и противъ г. Лассаля; около 40 членовъ выходятъ изъ залы съ возгласами въ честь Шульце-Деличу; затѣмъ рѣшеніе состоялось въ пользу предложенія г. Лассаля большинствомъ болѣе 400 голосовъ противъ 1).

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Помѣщаемъ здѣсь слѣдующіе документы касательно франкфуртскаго собранія:

1) Объявленіе Центральнаго Комитета, помѣщенное въ газетахъ, въ доказательство, что онъ, дѣйствительно, лишилъ права голоса всѣхъ работниковъ Майнскаго округа, не состоящихъ членами рабочихъ образовательныхъ обществъ, чему въ нѣкоторыхъ городахъ не хотѣли вѣрить:

РАБОЧЕЕ СОБРАНІЕ

въ воскресенье, 17 мая, въ 3 часа пополудни, въ большой залѣ Зальнаго зданія.

Порядокъ дня:

1) Предложеніе майнскаго рабочаго образовательнаго общества касательно посѣщенія публичныхъ игорныхъ домовъ.

2) Предложеніе касательно приглашенія лейпцигскаго комитета учрежденія германскаго рабочаго союза на основаніи лассалевской программы.

Зала будетъ открыта съ $2^1/_2$ часовъ.

Нижнее пространство залы предоставляется членамъ рабочихъ обществъ, которые должны при входѣ предъявлять свои билеты.

Галлереи открыты слушателямъ съ платою за входъ по 6 крейцеровъ съ человѣка на покрытіе расходовъ.

Билеты на ложи выдаются съ пятницы 15 мая въ бюро Центральнаго Комитета (Гросе Эшенгеймерштрассе, 31).

Самостоятельныя предложенія, имѣющія отношеніе къ этой программѣ, принимаются Центральнымъ Комитетомъ не позже пятницы 15 мая.

Впослѣдствіи иногородныя общества будутъ увѣдомлены, какія дирекціи желѣзныхъ дорогъ согласились открыть провозъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Центральный Комитетъ работниковъ Майнскаго округа.

2) Въ опроверженіе ложнаго извѣстія „Франкфуртской Торговой Газеты“ и другихъ либеральныхъ газетъ, будто 17 мая „большинство работниковъ“ вышло изъ залы съ виватами Шульце-Деличу, сообщаемъ заявленіе президента франкфуртскаго рабочаго образовательнаго общества, д-ра Т. Мюллера, помѣщенное въ нѣсколькихъ франкфуртскихъ газетахъ:

Рабочее собраніе 17 мая въ Зальномъ зданіи, во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Нѣсколько солганныхъ цифръ.

По счету г. д-ра Гуна въ началѣ собранія присутствовало 527 членовъ рабочихъ обществъ майнскаго округа.

По собственнымъ словамъ нѣкоторыхъ членовъ центральнаго комитета въ залѣ не можетъ помѣститься болѣе 600 человѣкъ.

Въ протоколѣ Центральнаго Комитета было записано 1.300 присутствовавшихъ будто бы членовъ рабочихъ обществъ майнскаго округа!!!

Въ концѣ собранія троекратный виватъ Шульце-Деличу былъ провозглашенъ никакъ не болѣе, какъ 60 лицами, которыя въ то же время вышли изъ залы.

Въ это время лицъ, не принимавшихъ участія въ этихъ крикахъ, присутствовало отъ 200 до 250.

Не угодно ли кому-нибудь возразить на это?

Д-ръ Т. Мюллеръ,
Президентъ рабочаго образовательнаго
общества во Франкфуртѣ на Майнѣ.

3) Въ виду ложныхъ утвержденій франкфуртской либеральной печати, будто Центральный Комитетъ условился съ г. Лассалемъ, чтобы окончаніе его рѣчи было произнесено 14 іюня въ Дармштадтѣ, печатаю здѣсь письмо ко мнѣ изъ Оффенбаха г. Лахмана, предсѣдательствовавшаго въ концѣ собранія 17 мая:

Оффенбахъ, 22 мая 1863 г.

Многоуважаемый г. Лассаль!

Охотно готовъ отвѣтить на Ваши вопросы по чистой правдѣ, такъ какъ, думаю, былъ изъ числа немногихъ, искренно не принадлежавшихъ въ этотъ день ни къ одной изъ партій.

Всѣ же прочіе, какъ противники ваши, такъ и сторонники, и вы сами (извините меня, милостивый государь, за это выраженіе) были увлечены чувствомъ и страстью, такъ что теперь многія слова, которыя въ воскресенье считались ни по чемъ, показались бы рѣзкими. Но къ дѣлу. Передъ концомъ собранія 17 числа на вопросъ мой, согласитесь ли вы окончить вашу рѣчь черезъ 4 недѣли здѣсь или въ Дармштадтѣ, если нынѣшнее собраніе придется отсрочить,—вы отвѣчали громко и внятно, да! и, казалось, даже желали этого. Это слышали кромѣ меня г. А. Кенигъ (изъ Центральнаго Комитета) и г. Л. Зоннеманъ, но дальнѣйшаго совѣщанія объ этомъ не было.

Пока я предсѣдательствовалъ, собранію было неоднократно заявлено, что подача голосовъ будетъ только черезъ 4 недѣли, когда всѣ ораторы ясно и опредѣленно выскажутся за и противъ, такъ что всѣ поймутъ.

Незадолго до закрытія собранія, когда нѣсколько господъ взошло на трибуну, и многіе изъ нихъ обращались къ вамъ съ вопросами, такъ что о правильномъ соглашеніи нельзя было и помыслить, г. Гейманъ объявилъ съ трибуны, что г. Лассаль докончитъ свою рѣчь во вторникъ вечеромъ въ помѣщеніи общества и пригласилъ желающихъ туда.

Затѣмъ я закрылъ собраніе.

Впослѣдствіи (когда нарушители порядка удалились) я опять спросилъ васъ, не желаете ли вы окончить свою рѣчь передъ нами, которые хотимъ дослушать васъ до конца. Но вы, милостивый государь, отказались наотрѣзъ.

Вотъ по чистой правдѣ какъ было дѣло, сколько я помню.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

А. Лахманъ.

Въ этомъ письмѣ удостовѣряется, что вопросъ президента во время перерыва засѣданія, согласенъ ли я вторично пріѣхать „если собраніе почему-либо будетъ отсрочено", былъ лишь условнымъ и не сопровождался никакимъ положительнымъ соглашеніемъ.

При томъ, вопросъ не имѣлъ того смысла, что пріѣду ли я для продолженія своей рѣчи; онъ и не могъ имѣть этого смысла, пока засѣданіе не

было закрыто. Никто не могъ знать еще, что я буду принужденъ прервать рѣчь. Я самъ былъ убѣжденъ, что кончу ее и кончилъ бы, потому что собраніе 17 числа было закрыто въ 8 часовъ, а конецъ моей рѣчи былъ произнесенъ 19 числа всего въ $1^1/_2$ часа, такъ что времени было, стало быть, довольно. Вопросъ, наоборотъ, имѣлъ тотъ смыслъ, согласенъ ли я вернуться 14 іюня для продолженія преній, если въ этотъ день противники мои не успѣютъ высказаться. Если бы меня дослушали до конца, я былъ бы очень радъ вторично пріѣхать выслушать противниковъ и возразить имъ; это я и отвѣтилъ на предварительные условные вопросы гг. д-ра Бюхнера и Лахмана.

Но когда умышленное буйство принудило меня прервать рѣчь, я, конечно, уже не могъ имѣть этой готовности; ея и не было до того, что, по свидѣтельству г. Лахмана, не только со мной не состоялось никакого соглашенія, но я еще до конца собранія объявилъ черезъ г. Геймана, что буду продолжать рѣчь 19 мая, и рѣшительно отказался, „по удаленіи нарушителей порядка“, продолжать ее тотчасъ.

II.

ГОСПОДИНЪ ВАКЕРНАГЕЛЬ ИЛИ НОВѢЙШІЙ ГЕРОСТРАТЪ.

Господинъ Вакернагель, новѣйшій Геростратъ, задался цѣлью снискать славу, далеко превзойдя всѣ плутни, пущенныя противъ меня въ ходъ въ нынѣшнемъ спорѣ, и пріобрѣсти, такимъ образомъ, извѣстность, которой мы не будемъ оспаривать.

Для этой цѣли онъ избралъ область, конечно, очень пригодную для нея: область цифръ, знакомую весьма немногимъ и въ которой даже способные судить о ней очень рѣдко задаютъ себѣ трудъ прочитывать таблицы, провѣрять вычисленія, критиковать аргументы, служащіе имъ основаніемъ, и, такимъ образомъ, разоблачать искаженія и грубые обманы, совершаемые съ наглостью, достойною изумленія.

Въ своей франкфуртской рѣчи я уже достаточно изобличилъ искаженія и положительныя выдумки г. Вакернагеля и доказалъ уже не средними статистическими вычисленіями, а положительными цифрами, заимствованными изъ оффиціальныхъ податныхъ списковъ, что не болѣе 1,31 процента всего населенія Пруссіи имѣетъ свыше 1.000 тал. дохода и только $4^6/_{10}$ процента, считая тутъ и имѣющихъ свыше 1.000, имѣетъ свыше 500 тал. дохода, съ расчетомъ именно по 5 лицъ на семью.

Я доказалъ это въ своей франкфуртской рѣчи и еще подробнѣе въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ", доказалъ такъ строго и положительно, что мои доказательства недоступны никакимъ извращеніямъ.

Но нечистая совѣсть и жажда славы не даютъ спать г. Вакернагелю. Онъ услыхалъ изъ газетъ о моей франкфуртской рѣчи и поспѣшилъ выступить противъ нея статьей „Лассаль и статистика", помѣщенной въ „Нѣмецкой Всеобщей Газетѣ" отъ 7-го іюня и до того наполненной въ каждой фразѣ самыми нелѣпыми выдумками, искаженіями и извращеніями, что, право, трудно настолько преодолѣть отвращеніе къ ней, чтобы отвѣтить на нее.

Но для блага дѣла мы рѣшимся на это.

Пунктъ первый. Г. Вакернагель упрекаетъ меня за то, что я считаю средній доходъ населенія, подлежащаго мучной и мясной пошлинамъ (составляющаго менѣе 2 милліоновъ), одинаковымъ съ среднимъ доходомъ классно-податного населенія (которое простирается до 15 милліоновъ). Этотъ упрекъ доказываетъ только невѣжество г. Вакернагеля. Въ статистикѣ такой пріемъ общеупотребителенъ. Доказательство: Извѣстія статистическаго комитета т. с. Дитерици, т. II, стр. 117: „Можно попытаться вычислить на основаніи классно-податной оцѣнки на 1846 г. доходъ или вообще состояніе отцовъ семействъ и самостоятельныхъ отдѣльныхъ лицъ во всемъ прусскомъ государствѣ, принявъ ту же оцѣнку въ разныхъ степеняхъ класснаго налога и для населенія, подлежащаго мучной и мясной пошлинамъ" и т. д.

Мало вамъ этого доказательства, г. Вакернагель? Если мало, то загляните въ оффиціальное изданіе королевско-прусскаго министерства финансовъ, представленное палатамъ при первомъ предложеніи нынѣшняго подоходнаго податного закона; въ этомъ первомъ проектѣ предполагалось ввести классный законъ и въ округахъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (№ 172 печатныхъ документовъ 2-й палаты, 1849 г.). Тамъ сказано (стр. 35): „Единственныя сколько-нибудь вѣрныя данныя для расчета предстоящаго дохода съ подоходнаго налога представляютъ списки нынѣ существующаго класснаго налога; въ нихъ показано число подлежащихъ налогу семействъ и лицъ въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ до сихъ поръ классному налогу, и оцѣнены по общимъ признакамъ ихъ имущества; на основаніи этого можно расчитать, какъ великъ можетъ быть сборъ новаго налога и съ городовъ, подчиненныхъ мучной и мясной пошлинамъ, пропорціонально имущественнымъ условіямъ ихъ населенія".

Пунктъ второй. — Въ „Гласномъ Отвѣтѣ" я говорилъ, что сообщаю

„съ совершенною точностью“ результаты вычисленія, предпринятаго Дитерици, т. IV, стр. 226, на основаніи стараго классно-податного налога. По этому расчету:

„$^1/_2$ процента населенія имѣетъ свыше 1.000 т. дохода“.

Я сообщилъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ этотъ расчетъ для краткости. Во франкфуртской же рѣчи я взялъ болѣе подробный расчетъ VII тома, стр. 179 и слѣд., Извѣстій Статистическаго Комитета, сдѣланный на основаніи податныхъ списковъ на 1853 г. новаго подоходнаго налога 1851 года. По этому расчету оказывается, что во всей Пруссіи было въ то время 44.407 лицъ, имѣющихъ свыше 1.000 т. дохода. Дитерици замѣчаетъ по поводу этихъ списковъ: „Такимъ образомъ классифицированному подоходному налогу подлежитъ 44.407 лицъ; полагая, что каждое лицо представляетъ семью изъ 5 членовъ, получаемъ 222.035 душъ, могущихъ назваться зажиточными, т. е., едва 1,31 процента всего населенія государства, простирающагося до 16.869.786 душъ“.

Я цитировалъ это замѣчаніе во франкфуртской рѣчи, и г. Вакернагель восклицаетъ по этому поводу: „Итакъ, „совершенная точность“ $^1/_2$ процента хватила только съ 1-го марта по 17-е мая“.

Что за безсмыслица! Оба раза я цитировалъ, и, слѣдовательно, оба раза „совершенная точность“ относится только къ цитированнымъ текстамъ. При томъ есть ли какая-нибудь разница для занимающаго насъ вопроса въ томъ, составляетъ ли число зажиточныхъ лицъ въ государствѣ $^1/_2$ процента или 1,31 процента населенія? Для кого же вы пишите, г. Вакернагель, скажите на милость, что рѣшаетесь городить такую чепуху? Сверхъ того, я замѣтилъ еще во Франкфуртѣ, что число 1,31 процента вышло у Дитерици отъ помноженія числа 44.407, подлежащихъ налогу, на 5, что преувеличено, такъ какъ, во-первыхъ, въ этомъ числѣ есть много одинокихъ лицъ, а во-вторыхъ, въ семьяхъ высшихъ сословій нельзя полагать среднимъ числомъ по 5 лицъ, какъ полагается въ семьяхъ населенія вообще.

Г. Вакернагель разсуждаетъ далѣе: „Лассаль просто не сообразилъ, что процентъ Дитерици относится не къ общей цифрѣ населенія, а только къ числу платящихъ налогъ лицъ (семей и одиночныхъ плательщиковъ)“. Это совершенная безсмыслица, такъ что даже непонятно, что онъ хочетъ сказать. То ли, зачѣмъ я перенесъ расчетъ населенія, подлежащаго классному налогу, на подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ? Въ такомъ случаѣ, этотъ упрекъ уже опровергнутъ первымъ пунктомъ. А если не то, такъ это совершенная безсмыслица, потому что семьи и одиночные плательщики и составляютъ все подлежащее налогу населеніе!

Г. Вакернагель продолжаетъ: „Лассаль совершенно произвольно дѣлаетъ эту поправку и повышаетъ на 1853 годъ свой первый классъ съ $^1/_2$ процента на $1^3/_{10}$%, какъ будто это ровно ничего не значитъ". Г. Вакернагель, никакой поправки я не дѣлаю, а оба раза цитирую Дитерици. При томъ, совершенно справедливо, что разница между $^1/_2$% и $1^3/_{10}$%,—да еще послѣдняя цифра вдобавокъ явно преувеличена,—„ровно ничего не значитъ".

Далѣе вы говорите: „Однако, казалось бы, Лассалю слѣдовало призадуматься надъ своимъ расчетомъ, видя, что первый классъ его выросъ больше, чѣмъ втрое, съ $^4/_{10}$% на $1^3/_{10}$% (по настоящему вамъ слѣдовало бы сказать: выросъ больше, чѣмъ вдвое, съ $^1/_2$%, какъ я цитировалъ по Дитерици, т. IV, стр. 226, въ „Гласномъ Отвѣтѣ", см. стр. 78 наст. тома), а второй поднялся съ $3^1/_4$% только на $3^3/_{10}$%. Но Лассаль торопится пройти мимо, да еще упрекаетъ противниковъ въ искаженіи цифръ".

Нѣтъ, г. Вакернагель, тутъ не надъ чѣмъ задумываться ни мнѣ, никому другому, кто не имѣетъ намѣренія плутовать въ вычисленіяхъ!

Расчетъ $^1/_2$% основанъ на податныхъ спискахъ, составленныхъ по закону 1820 г. Расчетъ $1^3/_{10}$% —на спискахъ новаго подоходнаго налога закона 1-го мая 1851 г. Слѣдовательно, удивляться рѣшительно нечему, что два разные податные закона показываютъ въ своихъ результатахъ нѣкоторую разницу, при томъ очень незначительную. Это тѣмъ менѣе удивительно, что, какъ извѣстно, новый податной законъ 1851 г. изданъ съ нарочитой цѣлью возвысить сборъ съ имущихъ классовъ вслѣдствіе усиленія финансовой потребности государства. Въ объясненіи мотивовъ проекта закона прямо сказано, что до сихъ поръ этого нельзя было сдѣлать, потому что, при высшемъ размѣрѣ налога во 144 талера, власти, которымъ ввѣрена оцѣнка доходовъ, не рѣшались по естественному чувству справедливости оцѣнивать съ строгой точностью доходы лицъ, пользующихся лишь умѣреннымъ достаткомъ. Новый законъ долженъ устранить это зло умноженіемъ степеней налога, такъ что отнынѣ власти должны будутъ оцѣнивать строже, и онѣ дѣйствительно стали оцѣнивать точнѣе. Слѣдовательно, главною цѣлью и естественнымъ результатомъ новаго закона было умноженіе числа лицъ перваго класса, т. е., причисленныхъ къ имѣющимъ свыше 1.000 тал. дохода. Но такъ какъ въ первомъ податномъ классѣ (платящемъ такъ называемый классифицированный подоходный налогъ) состояло удивительно ничтожное число лицъ, то прибавка къ нему и очень небольшого числа новыхъ плательщиковъ классифицированнаго налога, по-

нятно, значительно возвысила процентное отношеніе этого класса къ общему числу населенія. Если прежде къ этому классу принадлежало $^1/_2$% населенія и потомъ прибавилось только $^8/_{10}$%, то это составило уже $1^3/_{10}$%, т. е., болѣе чѣмъ удвоило процентное отношеніе этого класса къ общему числу населенія.

Что касается другихъ классовъ податного закона (т. е., классовъ, имѣющихъ менѣе 1.000 т. дохода), то законъ вовсе и не имѣлъ въ виду умножать до такой степени число принадлежащихъ къ нимъ плательщиковъ! Оно должно было даже съ одной стороны нѣсколько уменьшиться, потому что многіе изъ принадлежащихъ къ этимъ классамъ перешли теперь въ число плательщиковъ классифицированнаго подоходнаго налога. При томъ, прибавка къ остальнымъ классамъ такого числа лицъ, какое удвоило процентное отношеніе перваго класса, подняло бы ихъ процентное отношеніе къ общему числу населенія въ несравненно меньшей степени, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ гораздо больше лицъ.

Можетъ быть, вы человѣкъ очень ограниченный, г. Вакернагель; это даже несомнѣнно. Но какъ бы вы ни были ограниченны, вы не могли не сообразить такихъ простыхъ, элементарныхъ фактовъ, и, стало быть, ваше „удивленіе“ тому, что иначе и быть не могло, какъ вамъ самимъ a priori очевидно, происходитъ только отъ страсти къ плутовству и извращенію.

Пунктъ третій. Вслѣдъ затѣмъ вы говорите: „Мы изобличимъ неловкое передергиваніе Лассаля, чтобы всѣ знали, кто плутуетъ въ цифрахъ. (Берегитесь, г. Вакернагель! Вы обвиняете меня въ плутовствѣ! Этимъ упрекомъ вы принуждаете меня пожертвовать временемъ и терпѣніемъ на опроверженіе вашей ерунды, на опроверженіе подробное, потому что дѣлается оно въ послѣдній разъ. Безъ этого упрека я предоставилъ бы читателямъ самимъ разбирать ваши безсмыслицы. Но если окажется какъ разъ противное тому, что вы утверждаете, т. е., что не я, а вы лжете и плутуете, то я проучу васъ съ неумолимою строгостью!) Лассаль позволяетъ себѣ смѣшивать второй классъ своего „Гласнаго Отвѣта“ — доходъ 1.000 — 400 т. — съ третьимъ разрядомъ закона 1 мая 1851 г., § 9, классомъ гораздо тѣснѣе ограниченнымъ, съ доходомъ 1.000 — 500 т.; такимъ образомъ, онъ сбрасываетъ незамѣтно подъ столъ, не говоря ни слова, двѣ высшія степени налога (7 и 8-ую второго разряда), обнимающіе по Дитерици доходы въ 500 — 400 т.! Вотъ такъ шулерская штука!“

На эти неутомимыя извращенія я отвѣчу слѣдующее:

Во-первыхъ: Въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я самъ не вычислялъ по недо-

статку мѣста въ этой короткой брошюрѣ, а въ немногихъ строкахъ сообщилъ вкратцѣ вычисленіе статистика, признаннаго авторитетомъ и дѣлавшаго свой расчетъ на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, вычисленіе Дитерици за 1850 г., основанное еще на старомъ классноподатномъ законѣ 1820 г. и, сообразно ему, распредѣленное на 5 классовъ, изъ коихъ первый заключаетъ доходъ свыше 1.000 т., а второй—доходъ 400—1.000 т.

Въ своей франкфуртской рѣчи и въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи „Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ", которое вы знаете, потому что цитируете, я, пользуясь большимъ просторомъ, предпринялъ самостоятельное вычисленіе. Въ основаніе его я беру, конечно, уже новый податной законъ 1851 г. и его результаты за 1853 г., опубликованные государствомъ. При этомъ я, разумѣется, долженъ держаться классовъ и подраздѣленій новаго закона. Понятно ли это вамъ, г. Вакернагель? Новый законъ раздѣляетъ на классифицированный подоходный налогъ и классный налогъ, который, въ свою очередь, распадается на три разряда или 12 степеней въ восходящей линіи. Относительно классифицированнаго подоходнаго налога самимъ закономъ установлено, какой величины доходы подлежатъ ему; относительно классной подати это опредѣлено циркуляромъ королевскаго министерства финансовъ отъ 8 мая 1851 г. для третьяго разряда его, обнимающаго степени 9, 10, 11 и 12. Этимъ циркуляромъ предписано отнести

къ	12	степени	доходъ	въ	1.000—900 т.
„	11	„	„	„	900—800 „
„	10	„	„	„	800—650 „
„	9	„	„	„	650—500 „

Для дальнѣйшихъ степеней (1—8 включительно) не установлено опредѣленныхъ величинъ дохода, нѣтъ указанія, какой доходъ подлежитъ каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ законъ и правительственное распоряженіе идутъ въ своей классификаціи только до 500 т. дохода. Чему же вы удивляетесь, г. Вакернагель, что и я не могу итти въ численномъ расчетѣ ниже этой цифры? Какая же тутъ „шулерская штука" въ томъ, что я не предпринимаю произвольной оцѣнки и потому не хочу итти дальше того, насколько простирается положительное основаніе закона и правительственнаго предписанія?

Но далѣе. Все это и вы случайно знали, потому что все это есть въ статьѣ Дитерици, помѣщенной въ VII т. Извѣстій Стат. Ком., стр. 170 и сл. и на которую я ссылался во франкфуртской рѣчи и въ моемъ новѣйшемъ сочиненіи „Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ". Правда, прежде вы не знали этой статьи, потому что иначе не нагородили бы такой

ерунды въ своей брошюрѣ, не выступили бы со старой таблицей сословій вычислять по ней нынѣшнія имущественныя отношенія и т. д. Но теперь вы узнали о ней изъ этихъ двухъ рѣчей моихъ и стали сами цитировать ее. Стало быть, теперь вы—знаете ее. Но такъ какъ вы знаете ее и всѣ эти только что приведенные изъ нея факты, то спрашивается, какъ хватаетъ у васъ безстыдства и безсовѣстности упрекать меня въ „шулерской штукѣ“ за то, что я не хочу теряться въ предположеніяхъ и покидать положительныя основанія оффиціальныхъ данныхъ?

Но это еще не все!

Въ статьѣ этой (т. VII, стр. 175) Дитерици дѣлаетъ приблизительное предположеніе о величинѣ доходовъ низшихъ степеней, нераздѣльно опредѣленныхъ министерствомъ финансовъ. Теперь вы ссылаетесь на это предположеніе Дитерици, совершенно перевирая его, какъ я докажу ниже. Но въ прежней своей брошюрѣ вы именно отвергали, какъ совершенно произвольное и бездоказательное предположеніе Дитерици о величинѣ доходовъ, соотвѣтствующихъ старымъ степенямъ класснаго налога. Вотъ, чтобы отнять у подобныхъ вамъ мелочныхъ спорщиковъ всякій предлогъ къ лаю, я и рѣшился держаться при новомъ подробномъ вычисленіи только достовѣрнаго оффиціальнаго матеріала, избѣгая всякихъ произвольныхъ гипотезъ. А вы называете это „шулерской штукой“!

Во-вторыхъ: Для какихъ идіотовъ вы пишите, г. Вакернагель? Какая важность для разбираемаго вопроса, для **соціальнаго вопроса**, въ томъ, имѣютъ ли столько-то процентовъ населенія 500 или 400 т. дохода на семью изъ 5 лицъ? Никакой, г. Вакернагель! Развѣ съ цифрой 400 тал. для васъ связано какое такое мистическое значеніе? Вѣдь вы никого не разубѣдите, г. Вакернагель, въ томъ, что люди, имѣющіе 500 т. дохода въ годъ на семью изъ 5 лицъ, принадлежатъ къ неимущимъ классамъ, находятся въ „угнетенномъ, нуждающемся положеніи“! Слѣдовательно, если бы было доказано, что во франкфуртской рѣчи я доказалъ, что только съ небольшимъ 4% населенія имѣютъ 500 и болѣе т. дохода и что, стало быть, 95 слишкомъ процентовъ населенія имѣютъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, то этимъ было бы вполнѣ доказано то, что я сказалъ въ „Гласномъ Отвѣтѣ“, что „89—96% населенія находятся „въ угнетенномъ, нуждающемся положеніи“.

Пунктъ чертвертый. Теперь принимаемся за главное! Вы затѣваете съ своей стороны вычислить, сколько процентовъ населенія имѣютъ 500—400 т. дохода, чтобы пополнить мой расчетъ, идущій только до 500 т. дохода, и, такимъ образомъ, исправить его. Съ этой мыслью вы послѣ

словъ: „Вотъ такъ шулерская штука“ принимаетесь разсуждать такъ: „Въ 7-й степени было 73.393 плательщика, въ 8-й—32.711, итого, 106.114 человѣка; причисляя это число къ 91.530 плательщикамъ 3 разряда, получаемъ во второмъ Лассалевскомъ классѣ (имѣющихъ 1.000—400 т. дохода) 197.644 плательщика, а помноживъ этотъ итогъ на 5—988.220 душъ, замѣтьте, только въ мѣстностяхъ, подлежащихъ классному налогу! Къ этому числу надо еще причислить души съ одинаковымъ достаткомъ, живущія въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ.

„Въ 1853 году на 13.931.551 душу населенія мѣстностей, подлежащихъ классному налогу, приходилось въ первомъ классѣ 5×21.639, т. е. 108.195 душъ или 0,725%, имѣющихъ 1.000 и болѣе т. семейнаго дохода; между тѣмъ, въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ на 1.938.235 душъ населенія приходилось 5×22.768=113.840 (итого 222.035) душъ, т. е. 5,875%, какъ явствуетъ изъ таблицы въ Изв. Стат. Ком., т., VII, стр. 206; слѣдовательно, и для 2-го класса, къ которому въ мѣстностяхъ классноподатныхъ принадлежатъ 988.220 (т. е., 6,6%) душъ, надо принять въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, соотвѣтствующее процентное отношеніе, которое дастъ 1.039.779 (53,6%) душъ. Общій итогъ 2.027.999 душъ составитъ 12% общаго числа населенія, 16.869.786 душъ, а не 3¼%, какъ сказано въ „Гласномъ Отвѣтѣ“.

Въ этомъ интересномъ вычисленіи скрываются двѣ плутни, которыя я сейчасъ покажу:

1) Откуда берете вы цифры класснаго налога? Вы справедливо заимствуете ихъ изъ VII т. Изв. Стат. Ком., которыя я вамъ указалъ. Число 91.530 лицъ (число принадлежащихъ къ 3-му податному разряду 12—9 степенямъ, съ доходомъ 1.000—500 т., какъ опредѣлено циркуляромъ министерства финансовъ) совершенно вѣрно и вычислено въ моей франкфуртской рѣчи. Но вы хотите итти далѣе и расчитать доходъ до 400 тал. Съ этою цѣлью вы берете 32.721 лицо 8-й степени и 73.393 лица 7-й степени; цифры и тутъ приведены вѣрно. Но кто сказалъ вамъ, что плательщики этой 7-й степени имѣютъ еще 400 т. дохода (плательщики 8-й: конечно. имѣютъ)? Вы ссылаетесь на предположеніе Дитерици. Вы говорите. „Онъ (Лассаль) сбрасываетъ незамѣтно подъ столъ, не говоря ни слова, двѣ высшія степени налога (7 и 8-ю 2-го разряда), обнимающія по Дитерици доходы въ 500 — 400 т.“. А въ примѣчаніи къ этому говорите еще положительнѣе: „Второй разрядъ обнимаетъ, по Дитерицу (т. VII, цитир. соч.), доходы въ 250 —

500 т. и раздѣляется на 5 степеней (4—8), изъ которыхъ каждая простирается на 50 талеровъ".

Прочитавъ это, не подумаетъ ли всякій, что по Дитерици каждый изъ этихъ пяти степеней простирается на 50 талеровъ, такъ что по Дитерици и принадлежащіе къ 7-й степени должны имѣть еще 400 т. дохода?

Но Дитерици ничего подобнаго не говоритъ!

Вотъ его подлинныя слова, въ которыхъ онъ дѣлаетъ это предположеніе, совершенно лишь приблизительное и не основанное ни на какихъ расчетахъ (т. VII, стр. 175): „Если хотимъ имѣть приблизительное понятіе о денежныхъ доходахъ этого класса, то можно предположить, что онъ заключаетъ въ себѣ три разряда людей: имѣющихъ ежегодно 250 — 300 или 320 т., 320—400 т., 400—500 т. дохода".

Итакъ, Дитерици ни единымъ словомъ не выражаетъ предположенія, чтобы каждая степень этого класса должна была простираться на 50 талер. Онъ раздѣляетъ его на три степени, изъ коихъ первая простирается на 50—70 т., вторая на 80, третья на 100 талеровъ. Онъ раздѣляетъ классъ, состоящій изъ 5 степеней налога, только на три степени дохода; поэтому, невозможно сказать, какъ предполагалъ онъ составить ихъ, включить ли въ свой послѣдній разрядъ дохода въ 400 — 500 тал. только послѣднюю (8-ю) степень налога, или также, 7-ю и 8-ю. Судя по его словамъ и по тому обстоятельству, что чѣмъ выше у него степень, тѣмъ больше допускаетъ разницы въ доходѣ, можно скорѣе предположить, что къ послѣдней изъ нихъ (400 — 500 т.) онъ причисляетъ только послѣднюю (8-ю) степень налога этого разряда и, стало быть, считаетъ податныхъ 7-й степени имѣющими менѣе 400 т. дохода.

Вы же дѣлаете совершенно произвольное и ни на чемъ не основанное предположеніе, выдумываете, что „каждая изъ этихъ 5 степеней простирается на 50 т.", ложно приписываете эту выдумку Дитерици и послѣ всего этого смѣло разсуждаете о „двухъ высшихъ степеняхъ налога (7-й и 8-й), обнимающихъ, по Дитерици, доходы въ 500—400 т.".

Причина всѣхъ этихъ продѣлокъ очень понятна. Иначе вы не имѣли бы никакого права причислить податныхъ 7-й степени налога къ имѣющимъ свыше 400 т. дохода. Слѣдовательно, вы потеряли бы двѣ трети тѣхъ 106.144 классноподатныхъ лицъ съ доходомъ 500—400 т., которыхъ хотите во что бы то ни стало присоединить къ моему расчету. Вы потеряли бы всѣхъ классно-податныхъ 7-й степени, т. е. 73.393 лица, и должны бы были удовольствоваться одною 8-ю степенью, т. е., всего

32.721 классноподатными съ доходомъ 400—500 т. Столь ничтожная добыча могла бы, разумѣется, только повредить вашимъ цѣлямъ, вмѣсто того, чтобы послужить имъ, и вотъ вы посредствомъ извращенія словъ Дитерици добываете болѣе солидное число 73.394 классно-податныхъ. Это число при вашемъ ужасающемъ способѣ отыскивать число обязанныхъ мучною и мясною пошлинами по числу классноподатныхъ даетъ вамъ возможность вывести итогъ, значительно расходящійся съ моимъ.

2) Теперь примемся за этотъ ужасающій расчетъ, представляющій плутню несравненно большихъ размѣровъ. Тайна способа, которымъ вы получили 12% населенія съ доходомъ свыше 400 т. на семью изъ 5 лицъ, заключается въ слѣдующихъ уже цитированныхъ словахъ вашихъ: „и для 2-го класса, къ которому въ мѣстностяхъ классноподатныхъ принадлежитъ 988.220 (т. е. 6,6%) душъ, надо принять въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, соотвѣтствующее процентное отношеніе, которое дастъ 1.039.779 (53,6%) душъ. Общій итогъ 2.027.999 душъ составитъ 12% общаго числа населенія. 16.869.786 душъ, а не $3^1/_4$%, какъ сказано въ „Гласномъ Отвѣтѣ“.

Итакъ, „надо принять соотвѣтствующее процентное отношеніе“!

Потерпите минутку, примѣрный счетчикъ!

По цитируемой вами указанной вамъ мною статьѣ Дитерици въ VII томѣ Изв. Стат. Ком., въ то время (1853) классноподатнаго населенія было 14.931.551 душа, а обязаннаго мучной и мясной пошлинами только 1.938.235 душъ; тѣмъ не менѣе изъ числа первыхъ классифицированному подоходному налогу подлежали, т. е., имѣли свыше 1.000 т. дохода, 21.639 лицъ, а изъ числа вторыхъ 22.768 лицъ (см. Дитерици, тамъ же, стр. 180), стало быть, какъ вы сами замѣчаете, по процентному отношенію— вторыхъ въ восемь разъ больше, чѣмъ первыхъ.

Въ этой-то восьмерной пропорціи вычисляете вы и число имѣющихъ 1.000 — 400 т. дохода въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ.

Ахъ, вы, архи-плутъ!

Весьма естественно, что изъ ничтожной горсти людей, имѣющихъ свыше 1.000 т. дохода, изъ 44.407 лицъ, подлежащихъ классифицированному подоходному налогу, въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, живетъ въ восемь разъ больше, пропорціонально населенію, чѣмъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ.

Въ большихъ городахъ толпятся всѣ богатые, всѣ живущіе рентами,

крупные промышленники, купцы, банкиры, центральныя и провинціальныя власти, высшіе суды, университеты, высшіе офицеры и пр. и пр. Слѣдовательно, очень естественно и совершенно необходимо, чтобы подобныхъ людей встрѣчалось въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, сравнительно въ восемь разъ больше, чѣмъ въ другихъ.

И изъ этого вы заключаете, г. Вакернагель, что та же пропорція относится и ко всей массѣ населенія большихъ городовъ? Вы думаете, что и 12—7 степени класснаго налога имѣютъ въ большихъ городахъ въ восемь разъ больше представителей, чѣмъ въ классноподатныхъ городахъ и мѣстностяхъ?

Куда же дѣваются въ вашемъ честномъ расчетѣ фабричные работники, ремесленники, подмастерья, слуги, мелкіе чиновники и бѣдная мелкая буржуазія разнаго рода, изъ которыхъ состоитъ главная масса населенія большихъ городовъ?

Уже не думаете ли вы, г. Вакернагель, что въ большихъ городахъ работники, ремесленники, мелкіе чиновники, мелкіе буржуа получаютъ въ восемь разъ больше дохода, чѣмъ въ классноподатныхъ городахъ и округахъ?

Этой безсмыслицей вы принуждаете себя сказать, что въ большихъ городахъ „нельзя указать никакого процента населенія для низшихъ разрядовъ (4-й, 5-й и 6-й) 2-го разряда“! Вы принуждаете себя этою безсмыслицею къ дальнѣйшей безсмыслицѣ—утверждать, что въ большихъ городахъ „постепенно исчезаютъ“ семьи съ 400 и ниже т. дохода!

Во франкфуртской рѣчи я показалъ число доходовъ, превышающихъ 1.000 т., показалъ на основаніи оффиціальныхъ податныхъ списковъ, которые касательно этой цифры дохода одинаково положительны, какъ для классноподатныхъ мѣстностей, такъ и для подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ. На основаніи оффиціальныхъ же классно-податныхъ списковъ показаны доходы въ 1.000—500 т.; число же такихъ доходовъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (населеніе которыхъ составляетъ только $^{1}/_{8}$ всего населенія), я вычислилъ просто по проценту населенія, принявъ, что среднимъ числомъ каждой степени класснаго налога соотвѣтствуетъ пропорціонально такое же число въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ (см. 1-й пунктъ).

Вамъ, г. Вакернагель, этотъ способъ вычисленія неудобенъ. Вы знаете другой, гораздо болѣе точный. Вы просто принимаете за норму совершенно ненормальное и исключительное процентное отношеніе, въ которомъ состоитъ и долженъ состоять къ общему числу населенія классифицированный

подоходный налогъ, т. е. доходъ свыше 1.000 т., въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ. Это исключеніе, это восьмикратно преувеличенное процентное отношеніе вы наивно принимаете за необходимое правило и для класснаго налога, вслѣдствіе чего масса населенія большихъ городовъ, не имѣющая такого дохода, конечно, пропадаетъ, неизвѣстно куда!

Ахъ, вы, архи-плутъ!

Правда, можно допустить, что въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, пропорція высшихъ и нѣкоторыхъ среднихъ степеней класснаго налога до нѣкоторой степени выше, чѣмъ въ классноподатныхъ. Тѣмъ не менѣе я имѣлъ полное право не входить во франкфуртской рѣчи въ изслѣдованіе этой разницы; я имѣлъ на это троякое основаніе:

1) Для точнаго опредѣленія въ цифрахъ этой разницы не существуетъ ни малѣйшихъ положительныхъ данныхъ, такъ что пришлось бы прибѣгнуть къ совершенно произвольнымъ, гадательнымъ гипотезамъ; 2) могущая быть тутъ разница вполнѣ уравновѣшивается преувеличеннымъ предположеніемъ, что каждый налогоплательщикъ зажиточнаго класса представляетъ семью изъ 5 лицъ; 3) наконецъ, помимо всего этого, если разложить болѣе благопріятное числовое отношеніе имущихъ къ неимущимъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, на общее число населенія, въ восемь разъ превышающее населеніе этихъ мѣстностей, то получится совершенно ничтожная разница въ процентныхъ отношеніяхъ степеней дохода къ общему числу населенія, а дѣло идетъ именно объ этихъ процентныхъ отношеніяхъ.

Это я вамъ и докажу въ заключеніе, г. Вакернагель.

Предлагая палатѣ на разсмотрѣніе первоначальный проектъ закона 1 мая 1851 г., въ которомъ предполагалось отмѣнить мучную и мясную пошлину и ввести во всемъ государствѣ подоходный и классный налогъ (№№ 171 и 172 Актовъ палаты, томъ II, 1849 г.), королевское прусское министерство финансовъ присовокупило къ этому проекту „расчетъ дохода, который можетъ доставить предлагаемый подоходный и классный налогъ“. Въ этомъ расчетѣ министерство предполагаетъ, что въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, къ классифицированному подоходному налогу и къ высшимъ степенямъ класснаго налога будетъ причислено „втрое больше налогоплательщиковъ“ пропорціонально населенію, чѣмъ въ классноподатныхъ мѣстностяхъ. Это расчетъ средній, обнимающій за одно съ высшими степенями класснаго налога и классифицированный подоходный налогъ, гдѣ, какъ извѣстно, пропорція въ восемь разъ

больше; слѣдовательно, для однѣхъ высшихъ степеней класснаго налога она гораздо меньше тройной, если въ среднемъ расчетѣ восьмерная пропорція классифицированнаго налога оказывается лишь тройной.

Но оставимъ это соображеніе въ сторонѣ и предположимъ, что и для однѣхъ высшихъ степеней класснаго налога существуетъ тройная пропорція. Что же получаемъ въ результатѣ?

Во-первыхъ, посмотрите, какая выходитъ громадная разница съ вашимъ восьмернымъ расчетомъ! Предполагая для мѣстностей, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, тройную пропорцію, прусское министерство финансовъ получаетъ въ результатѣ въ тѣхъ самыхъ степеняхъ налога, которыя вы расчитывали, 213,600 налогоплательщиковъ во всемъ государствѣ, какъ въ классно-податныхъ мѣстностяхъ, такъ и въ подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ.

Вы же съ вашей восьмерной пропорціей находите 1.039.779 душъ, что даетъ по раздѣленіи на 5 ни болѣе, ни менѣе какъ 207.955 налогоплательщиковъ этихъ степеней въ однѣхъ только подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ мѣстностяхъ, т. е. въ $^1/_8$ населенія!

Ахъ, вы, архи-плутъ!

Касательно числа налогоплательщиковъ низшихъ степеней, въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, министерство финансовъ говоритъ просто (стр. 72): „Что касается низшихъ разрядовъ, то будущій доходъ класснаго налога по плану § 34 проекта можно вычислить очень просто, прибавивъ къ извѣстному нынѣ числу податныхъ семей и одинокихъ плательщиковъ каждой степени—пропорціональное числу населенія подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ мѣстностей число приходящихся съ нихъ на каждую степень налога податныхъ семей и одинокихъ плательщиковъ“. Вы же необходимо приходите къ тому результату, что въ большихъ городахъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, семьи съ 400 и менѣе т. дохода „постепенно исчезаютъ“.

Ахъ, вы, архи-плутъ!

Однако, повѣримъ-ка вашъ расчетъ, принявъ для большихъ городовъ предполагаемую министерствомъ финансовъ тройную пропорцію.

Мы увидимъ, какую ничтожную разницу это составитъ съ моимъ расчетомъ, когда мы распредѣлимъ полученное процентное отношеніе на общее число населенія.

По вашему расчету изъ подлежащихъ классному налогу—988.220 душъ,

т. е. 6,6% классно-податного населенія, имѣютъ 1.000—400 т. дохода на семью изъ 5 душъ. Слѣдовательно, для населенія мѣстностей, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, надо взять тройную пропорцію или круглымъ числомъ $19^1/_2$%; съ населенія въ 1.938.235 душъ это составляетъ 376.952 души въ такомъ же положеніи; такимъ образомъ, имѣемъ 988.220 + 376.952 = 1.365.172 души, т. е. 8% всего населенія государства имѣющихъ свыше 400 т. дохода (кромѣ $1^3/_{10}$%, имѣющихъ свыше 1.000 т.) на семью изъ 5 лицъ. Всѣ ваши возраженія противъ моего положенія, что „89—96% населенія находятся въ нуждѣ", сводятся, стало быть, на то, что $1^3/_{10} + 8 = 9^3/_{10}$% всего населенія имѣетъ свыше 400 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, и что, слѣдовательно, — слышите вы, дрязга! — не 89—96%, а $90^7/_{10}$ процентовъ населенія находится въ нуждѣ!

Но не забывайте, г. Ваккернагель, что и этотъ изумительно блистательный результатъ полученъ вами только, благодаря искаженію словъ Дитерици, которое позволило вамъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій присоединить къ лицамъ доходомъ свыше 400 т. и 7-ую степень налога, заключающую въ себѣ 73.393 лица. Это было ловко сдѣлано; но если эту ловкость попридержать и отнять у васъ захваченныя 73.393 лица 7-й степени, то получимъ слѣдующій расчетъ:

91.530 лицъ 3-го разр. класснаго налога съ доходомъ 1.000—500 т.
32.721 „ 8-ой степени съ доходомъ 500—400 тал.

Итого 124.251 лицъ съ доходомъ свыше 400 т.; помноживъ это число на 5, получимъ 621.255 душъ, имѣющихъ въ классно-податныхъ мѣстностяхъ 1.000—400 т. на семью изъ 5 лицъ. Съ 14.931.551 души классно-податного населенія это составляетъ $4^2/_{10}$%. Принявъ для одн и хъ классно-податныхъ средній расчетъ, предполагаемый прусскимъ министерствомъ финансовъ для подоходнаго и класснаго налоговъ в м ѣ с т ѣ, т. е. предположивъ, что классно-податныя лица съ доходомъ свыше 400 т. составляютъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, в т р о е б о л ь ш і й процентъ населенія, чѣмъ въ классно-податныхъ, получимъ $12^6/_{10}$% съ 1.938.235 душъ, т. е. 243.639 душъ, имѣющихъ свыше 400 т. (до 1.000 т.) дохода на семью изъ 5 лицъ!

Сложивъ эти 243.639 душъ
съ 621.255 душами

Получаемъ 864.894 души или $5^1/_8$% всего населенія государства (16.869.786 душъ) съ доходомъ свыше 400 т. на семью изъ 5 лицъ.

Придавъ къ этимъ $5^1/_8$% $1^3/_{10}$% имѣющихъ свыше 1.000 т. дохода, получаемъ во всемъ государствѣ менѣе $6^1/_2$% имѣющихъ свыше 400 т. дохода.

Итакъ, во Франкфуртѣ я расчиталъ, что 95% населенія имѣютъ менѣе 500 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, а теперь съ вами мы пришли къ тому, что $93^1/_2$% имѣютъ менѣе даже 400 т.! Или: въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я сказалъ, что „89—96% населенія находятся въ нуждѣ“, а теперь получили въ результатѣ, что въ нуждѣ находятся, имѣя менѣе 400 т. на семью изъ 5 лицъ, $90^7/_{10}$—$93^1/_2$% населенія, смотря по тому, отвергнемъ ли только одну изъ вашихъ плутней или обѣ [1]).

Но и при всѣхъ плутняхъ, и съ восьмикратнымъ преувеличеніемъ, вы добились только того, что нашли 12% населенія съ 400—1.000 т. дохода, да $1^3/_{10}$% съ доходомъ свыше 1.000 т., итого $13^3/_{10}$% съ доходомъ свыше 400 т. Слѣдовательно, если даже стерпѣть всѣ ваши плутни, то все-таки по вашему собственному расчету оказывается $86^7/_{10}$% населенія съ доходомъ менѣе 400 т.!

Не думаю, дрязга, чтобы кормильцы ваши остались вамъ благодарны за то, что вы всѣми своими возраженіями и плутнями только доказали, какъ неопровержимо и неприступно положеніе моего „Гласнаго Отвѣта“ о числѣ неимущихъ.

Пунктъ четвертый. Вы говорите: „Впрочемъ не стоитъ и толковать съ тѣмъ, кто, какъ Лассаль въ своемъ новѣйшемъ произведеніи, считаетъ истинное благосостояніе только съ 2.000 т. дохода и мѣриломъ его полагаетъ потребленіе устрицъ и шампанскаго“.

Здѣсь ваши плутни доходятъ до такой пошлости, что терпѣніе мое истощается, г. Ваккернагель! Въ моемъ новѣйшемъ произведеніи „Косвенные налоги и погашеніе рабочихъ классовъ“, которые вы здѣсь извращаете, я возражаю прокурору, который утверждалъ, что богатые вносятъ большую долю косвенныхъ налоговъ пошлинами, лежащими на предметахъ роскоши; я до-

---

[1]) Просматривая эту работу, я открываю, г. Ваккернагель, что вы вдобавокъ и ихъ перевираете! Вы цитируете таблицу Дитерици, т. VII, стр. 206, о числѣ населенія въ мѣстностяхъ, подлежащихъ мучной и мясной пошлинамъ, и показываете цифру 1.938.235 душъ. Но у Дитерици показано только 1.825.395 душъ. Такимъ образомъ, вы воспользовались 114.000 душами, что при вашемъ увосьмереніи,—да и при утроеніи процента, — не бездѣлица. Въ текстѣ я расчитывалъ по вашей выдуманной цифрѣ и не хочу задавать себѣ труда перечислять, а то разница вышла бы еще меньше.

казываю, какъ изумительно мала эта доля. Съ этою цѣлью я разсматриваю косвенные налоги, лежащіе на разныхъ предметахъ роскоши—шелкѣ, табакѣ, винѣ, шоколадѣ и т. д. Между прочимъ, я привожу тутъ и таможенный сборъ съ устрицъ и шампанскаго, показывая, какъ мало приноситъ государству весь рядъ косвенныхъ налоговъ на предметы роскоши. Ни въ какой другой связи объ „устрицахъ и шампанскомъ" я не упоминаю, а вы, безстыдный лгунъ, смѣете выворачивать изъ этого, что я „полагаю мѣриломъ благосостоянія устрицы и шампанское"! Откуда берется у васъ храбрость на такую ложь? Неужели вы рѣшительно таки не боитесь позора? Неужели вы такъ уповаете на покровительственное могущество либеральной прессы? Ошибаетесь, если думаете, что это единственная сила и что подъ ея покровомъ можно совершать какія угодно подлости! Равнымъ образомъ, я не „считалъ истиннаго благосостоянія только съ 2.000 т. дохода". Но изслѣдуя, дѣйствительно ли значителенъ взносъ косвенныхъ налоговъ съ богатыхъ классовъ предметами роскоши, я мимоходомъ замѣтилъ, что 2.000 т. дохода на семью изъ 5 лицъ, представляютъ благосостояніе, причемъ эластическое слово „благосостояніе" употреблено мною, очевидно, уже не въ смыслѣ предѣла бѣдности. Благосостояніе въ послѣднемъ смыслѣ я считаю въ этомъ своемъ новѣйшемъ произведеніи съ 650 т. дохода на 5 лицъ [1]), а во франкфуртской рѣчи съ 500 т. [2]).

Говорю вамъ, г. Вакернагель, что терпѣніе мое лопнуло въ этомъ занятіи открывать плутню за плутнею, ложь за ложью. Вы принудили меня взяться за непріятную работу—задать вамъ порку; ну такъ уже и выпорю же я васъ!

Да и съ какой стати церемониться мнѣ съ вами? Вы не писатель, а темный строчило темной уличной газеты, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ я изобразилъ въ „Юліанѣ": „...шайка невѣжественныхъ и безсмысленныхъ малыхъ, негодныхъ ни къ какому гражданскому ремеслу, слишкомъ невѣжественныхъ, чтобы учить грамотѣ, слишкомъ неспособныхъ и лѣнивыхъ, чтобы служить писцами, и потому самому считающихъ себя призванными заниматься литературой и народнымъ просвѣщеніемъ".

Но вы поклялись снискать себѣ при этомъ случаѣ извѣстность, питая, новѣйшій Геростратъ, совершенное равнодушіе къ тому, чѣмъ снискать ее. И вы очень хорошо знаете, что, разъ такой человѣкъ, какъ я забрелъ въ эту грязь, никакія щетки въ мірѣ не счистятъ ее. Вы заставали меня

---

[1]) См. соч. Ф. Лассаля, т. I, стр. 222.

[2]) Ibid., т. II, стр. 119.

вступить въ васъ. Ну, хорошо же! По крайней мѣрѣ это не пойдетъ вамъ въ прокъ!

Къ чему, опять спрашиваю, церемониться мнѣ съ вами? Правда, я привыкъ довольно терпѣливо переносить извращенія, тупоуміе и высокую степень недобросовѣстности. Въ наше время къ этому приходится привыкать!

Но кто такъ упорно громоздитъ плутню на плутню; ложь на ложь, расчитывая на невнимательность читателей въ такой сухой матеріи, какъ цифры, и на защиту либеральной прессы, кто, самъ завѣдомо обманывая, съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ упрекаетъ въ обманѣ и шуллерствѣ противника, кто невѣроятнымъ образомъ коверкаетъ его слова, очень хорошо понимая ихъ настоящій смыслъ, кто, наконецъ, дѣлаетъ все это въ такомъ высокомъ и святомъ дѣлѣ, какъ рабочій вопросъ, гдѣ каждый, какихъ бы мнѣній ни былъ, если имѣетъ въ себѣ хотя искру нравственности, будетъ держаться строжайшей правды, по крайней мѣрѣ въ фактахъ,—тотъ просто подлецъ, г. Ваккернагель! Есть подлоги нравственные, хуже подлоговъ вексельныхъ!

Затѣмъ прощайте, г. Ваккернагель! Вы понимаете, что послѣ сказаннаго мнѣ больше не приходится говорить съ вами. Хотя бы вы продолжали ваши плутни до конца дней,—я вамъ не отвѣчу больше ни слова.

Г. Вакернагель живетъ въ Эльберфельдѣ. Рейнскіе работники! Предаю этого человѣка вашему справедливому презрѣнію!

Берлинъ, 11 іюня 1863 г.

ПРАЗДНЕСТВА, ПРЕССА И ФРАНКФУРТСКІЙ СЪѢЗДЪ ДЕПУТАТОВЪ.

ТРИ ПОКАЗАТЕЛЯ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА СОБРАНІЯХЪ ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА ВЪ БАРМЕНѢ, ЗОЛИНГЕНѢ И ДЮССЕЛЬФОРФѢ.

Друзья!

Я прибылъ къ вамъ, не для того, чтобы говорить длинныя рѣчи, а главнымъ образомъ, для того, чтобы произвести смотръ войскамъ, смотръ нашимъ силамъ. Я испытывалъ потребность поспѣшить въ ту провинцію, которая, благодаря духу своего населенія, благодаря, прежде всего, высоко развитому, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, рабочему сословію, является дѣйствительной резиденціей могущества нашего Союза. Я испытывалъ потребность увидѣть это могущество въ его разцвѣтѣ. Поэтому, приношу вамъ благодарность, что вы явились сюда въ такомъ громадномъ числѣ. Съ удовольствіемъ констатирую, что, не смотря на ужасную погоду, не смотря на льющійся потоками дождь, въ этой залѣ присутствуютъ тысячи работниковъ, а многія сотни ихъ дожидались меня на вокзалѣ.—Но была еще и другая причина, которая привела меня къ вамъ. Я испытывалъ потребность поблагодарить васъ за ваше мужественное, энергичное поведеніе, которое вы проявили съ самаго начала этого движенія.

Вы припомните, какъ прогрессисты распространили тогда противъ меня жалкую клевету! Одни изъ ихъ партійныхъ органовъ говорили, что я являюсь безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ реакціи, другіе — что я дѣйствую сознательно и купленъ реакціей! И, дѣйствительно, вполнѣ возможно, что нѣкоторые изъ васъ повѣрили этой клеветѣ. Дѣйствительно,

это было бы, по крайней мѣрѣ, вполнѣ понятно, что эти евнухи не въ силахъ уразумѣть, какъ это одинъ человѣкъ можетъ возстать противъ всѣхъ, не имѣя за собой ничего, ни правительства, ни какой-либо клики или шайки, ни органовъ печати, опираясь на одни только принципы и на довѣріе къ силѣ и здравому смыслу народа!

Тогда возвысили свой голосъ вы, исполненные негодованія и возмущенія. Вы знали меня! Я десять лѣтъ прожилъ среди рейнскихъ работниковъ. Совмѣстно съ вами пережилъ я и время революціи и эпоху бѣлаго террора пятидесятыхъ годовъ. Все это время я былъ вмѣстѣ съ вами, какъ вы справедливо говорите мнѣ въ своемъ адресѣ. Вамъ было извѣстно, чей домъ, не смотря на бѣлый терроръ Гинкельдея, не смотря на все дикое беззаконіе, царившее въ то время, вплоть до послѣдняго момента моего пребыванія въ Рейнской провинціи, оставался безстрашнымъ убѣжищемъ демократической пропаганды, вѣрнымъ убѣжищемъ самой смѣлой и самой рѣшительной партійной помощи!

Вы знали также, что я не могу измѣниться. Съ быстротою молніи, съ поразительнымъ единодушіемъ вы поднялись на защиту развернутаго мною знамени. Вы засвидѣтельствовали объ этомъ на провинціальномъ съѣздѣ ремесленниковъ въ Кёльнѣ, на рабочихъ собраніяхъ въ Дюссельдорфѣ, Эльберфельдѣ и Барменѣ! То были славные дни! Славные той рѣшимостью, быстротой и вѣрностью, съ какими вы стояли со мной, со мной, проведшимъ семь лѣтъ вдали отъ васъ, со мной, котораго вы могли позабыть, тѣмъ болѣе, что, за это время, среди васъ выросло новое поколѣніе работниковъ, со мной, пренебрегшимъ тогда поспѣшить къ вамъ, такъ какъ я хотѣлъ посмотрѣть, достаточно ли въ васъ вѣрности принципамъ и безъ личныхъ внушеній. И вы доказали это мнѣ! Вы доказали мнѣ, что вы были такъ же вѣрны мнѣ, какъ я былъ вѣренъ вамъ, и молодое поколѣніе работниковъ—выросло въ традиціяхъ старшаго!

Наконецъ, тѣ дни я считаю славными, главнымъ образомъ, потому, что вы приняли свое рѣшеніе съ такой быстротой и увѣренностью, не смотря на противоположное вліяніе и вопіющіе крики всей печати, даже такихъ органовъ, которые до этого, въ большинствѣ случаевъ, стремились сохранить видимость демократическихъ органовъ.

Когда я собирался въ Берлинѣ отдать въ печать „Гласный Отвѣтъ" Лейпцигскому Комитету, который вызвалъ это движеніе, то мои лучшіе друзья стали удерживать меня отъ этого: Вы съ ума сошли?—восклицали они. Вы хотите вызвать такое движеніе, не имѣя—дѣйствительно, въ то время дѣло еще обстояло такъ—ни одной газеты, ни одного органа для

него? Я отвѣтилъ имъ: Я не сумасшедшій! Конечно, буржуазное движеніе было бы рѣшительно невозможно безъ газетъ, ибо филистеръ привыкъ заимствовать свое мнѣніе изъ газетъ, вечеромъ за стаканомъ вина, онъ болтаетъ о томъ, что онъ вычиталъ утромъ, за кофе, и онъ даже не можетъ поступать иначе. Но рабочее сословіе, по своей сущности, необходимо таково, что оно можетъ эмансипироваться отъ господства печати. Въ рабочемъ сословіи живетъ уже глубокій классовой инстинктъ, который дѣлаетъ его недоступнымъ и самостоятельнымъ, по отношенію ко всему, что могла бы сказать жалкая печать. Въ рабочемъ сословіи живетъ уже послѣдовательное и самостоятельное мышленіе, которое дѣлаетъ его независимымъ отъ всѣхъ газетныхъ писакъ міра. Вы оправдали это мое довѣріе къ самостоятельному мышленію рабочаго сословія, а это подтвержденіе моего взгляда, что мнѣ удалось бросить въ самую сущность вашего класса, принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ тѣхъ дней.

Вы быстро пришли тогда на помощь мнѣ, — и этимъ вы исполнили только свою обязанность. Вы исполнили только свою обязанность, ибо вы знали меня; вы исполнили только свою обязанность, ибо и я боролся только за тѣ же самые принципы, которые вотъ уже пятнадцать лѣтъ служатъ внутренней связью между нами. Но въ жизни, вообще, такъ и бываетъ: человѣкъ дѣлаетъ какъ разъ столько, ни больше, ни меньше, сколько требуетъ отъ него его истинная обязанность. Итакъ, изъ открытаго и публичнаго признанія принциповъ, что уже издавна связывали насъ въ тиши, народилась новая связь между мною и вами, связь, которая никогда не порвется! Куда бы судьба ни забросила меня, сердцемъ и душой, рейнскіе работники, я всегда среди васъ! (Продолжительныя рукоплесканія).

Я уже сказалъ вамъ, что прибылъ сюда не для безконечныхъ рѣчей. То, что слѣдовало бы сказать въ настоящее время, съ экономической и соціальной точекъ зрѣнія, уже сказано въ послѣднихъ печатныхъ заявленіяхъ нашего Союза. Оно сказано въ моей франкфуртской рѣчи, которая затѣмъ появилась подъ заглавіемъ: „Книга для чтенія рабочимъ“. Оно сказано въ моей, также затѣмъ появившейся въ печати, рѣчи: „Косвенные налоги и положеніе рабочаго сословія“. Оно сказано, наконецъ, въ превосходной брошюрѣ нашего кёльнскаго уполномоченнаго, господина М. Гесса: „Права труда“, брошюрѣ, распространять которую я вамъ всѣмъ горячо рекомендую. Перечитывайте всегда снова эти сочиненія, всегда снова обдумывайте ихъ. Чѣмъ чаще станете вы ихъ читать и обдумывать, тѣмъ болѣе плодотворные и новые выводы сможете вы сами дѣлать, тѣмъ болѣе разовьете вы свое собственное мышленіе. Люди, которымъ должна принадле-

жать честь руководить вами, должны быть чужды всякой широковѣщательности, они не должны быть сварливыми и болтунами, подобно прогрессистамъ! Они должны говорить вещи, исполненныя смысла и содержанія, а не повторять безъ конца одно и тоже. Ваша обязанность затѣмъ непрестанно обдумывать сказанное ими. Народъ долженъ служить тѣмъ тысячекратнымъ эхо въ какомъ они нуждаются.

Поэтому, сегодня я не имѣю сказать вамъ ничего новаго по экономическимъ вопросамъ, чего не было бы въ тѣхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ. Но тѣмъ болѣе я обязанъ разсмотрѣть, по возможности кратко, тѣ политическія событія, что случились со времени моей франкфуртской рѣчи.

Вамъ извѣстно, какъ возникло это движеніе. Мой „Гласный Отвѣтъ“ Лейпцигскому Центральному Комитету есть лишь первое проявленіе, а не первая внутренняя причина возникновенія этого движенія. Этой первой изначальной причиной является не что иное, какъ поведеніе прогрессистовъ въ прусской палатѣ. Правительство фактически уничтожило бюджетное право палаты и, не смотря на отклоненіе палатой расходовъ на военную реформу, самовольно стало ее выполнять. Тогда, въ качествѣ представителя демократической партіи, я потребовалъ отъ палаты, въ своей брошюрѣ: „Что же теперь?“—чтобы она заявила, что пока будутъ производиться отвергнутые ею расходы, въ Пруссіи фактически нѣтъ конституціи. Я потребовалъ, далѣе, отъ палаты, чтобы она отсрочила свои засѣданія и отказалась отъ всякой парламентской дѣятельности, пока правительство не представитъ доказательства, что оно пріостановило отклоненные палатой расходы.

Это требованіе, мои друзья, отнюдь нельзя еще было считать отмѣнно демократическимъ, это было, вообще, требованіе достойнаго, мужественнаго поведенія. Уже за сорокъ лѣтъ до этого, одинъ нѣмецкій поэтъ, котораго мы недавно опустили въ землю, Людвигъ Уландъ, воскликнулъ, обращаясь къ виртембергскому ландтагу:

„Und könnt Ihr niht das Ziel erstreben,
So tretet in das Volk zurück,
Dass Ihr dem Rechte nichts vergeben
Sei Euer einzig lohnend Glück“ [1]).

Я говорю, это требованіе отнюдь не было отмѣнно демократическимъ. Недавно еще мы были свидѣтелями, какъ шлезвигское собраніе чиновъ во

[1]) „И если вы не можете достигнуть цѣли, то вернитесь назадъ въ народъ; вашей единственной наградой и счастьемъ будетъ то, что вы не уронили права“.

Фленсбургѣ поступило какъ разъ такимъ образомъ, какъ разъ согласно этому требованію, хотя причина здѣсь была далеко не такъ значительна. Датское правительство ложно истолковало на выборахъ законъ, и когда выборы эти были пріостановлены, и королевскій комисаръ не хотѣлъ подвергнуть голосованію этотъ инцидентъ, то вся лѣвая удалилась изъ собранія чиновъ и сдѣлала его, такимъ образомъ, неспособнымъ принимать рѣшенія. Этого никогда не порицали и наши прогрессисты; наоборотъ, въ нѣкоторыхъ своихъ газетахъ, они признали такое поведеніе мужественнымъ. Но этотъ минимумъ достоинства оказался уже чрезмѣрнымъ требованіемъ для той партіи, которая въ политикѣ и правахъ народа усматриваетъ только поводъ къ тщеславной, глупой болтовнѣ и личной надменности, а не предметъ серьезной мужественной дѣятельности! Одинъ единственный депутатъ покинулъ палату въ этомъ случаѣ,—онъ сталъ затѣмъ нашимъ уполномоченнымъ для Восточной Пруссіи,—одинъ единственный депутатъ внесъ это предложеніе. Не нашлось никого, кто бы подписался подъ его предложеніемъ!

Тогда я принялъ свое рѣшеніе. Съ 1849 года, четырнадцать долгихъ годовъ, предоставляли мы полную свободу либеральной партіи. Если бы наши массы, вообще, не принимали участія въ выборахъ, то мы избѣжали бы, по крайней мѣрѣ, всего, чему эта партія могла бы нанести вредъ, всего, что она могла бы погубить, подвергнуть опасности. Съ безпримѣрнымъ самоотреченіемъ мы избѣгали всего, всякаго собственнаго поступка, всякаго собственнаго требованія, всего, всего избѣгали мы, что могло бы лишить эту партію видимости, что именно она руководитъ народными массами! Теперь, наконецъ, весь міръ долженъ былъ понять, что за этими четырнадцатью годами безплоднаго ожиданія прошло бы еще сто разъ четырнадцать другихъ лѣтъ столь же безплоднаго ожиданія, если бы мы и дальше предоставили свободу этой партіи и позволили ей воображать себя „народомъ"! Теперь, наконецъ, для всякаго мыслящаго человѣка должно было стать яснымъ, что эти слабосильныя люди никогда ни смогутъ проложить пути свободѣ (Оживленныя рукоплесканія). Теперь никакія соображенія не могли бы удержать насъ долѣе, теперь для насъ уже не было выбора, теперь настала минута и внѣшнимъ образомъ стать тѣмъ, чѣмъ внутренне мы были издавна: самостоятельной, особенной партіей! Да, теперь это стало для насъ долгомъ чести, мы не могли уже долѣе сохранять эту видимость, что принадлежимъ къ партіи, которая погрязла въ этой пропасти позорной слабости! Мы должны были спасти свою честь, мы должны были спасти честь страны!

Этотъ мотивъ звучалъ для меня такъ повелительно, что если бы даже я остался одинъ съ своимъ протестомъ, я, все же, взиралъ бы на него съ чувствомъ гордости и удовлетворенія. Но я не остался одинъ! Снова обнаружилось, что разъ только кто имѣетъ мужество воззвать къ принципамъ, въ отвѣтъ ему раздается тысячекратное эхо изъ груди народа. Тысячи и тысячи присоединились къ этому протесту, и самый нашъ Союзъ вышелъ отсюда! Уже однимъ этимъ мы создали нѣчто великое. Если будущіе историки станутъ писать печальную исторію этихъ дней, то они скажутъ: Но, по крайней мѣрѣ, были люди, которые въ гнѣвѣ и злобѣ возстали противъ этого позора! Мы избавили этихъ историковъ отъ необходимости сказать: И не одного человѣка не было въ Германіи, кто поднялъ бы протестъ противъ такого позора!

То, что случилось затѣмъ, разумѣется, только еще рѣзче подчеркнуло безграничную слабость партіи прогрессистовъ. Господинъ фонъ-Бисмаркъ отсрочилъ въ маѣ засѣданія палаты,—и этимъ, безъ сомнѣнія, совершилъ большую ошибку, которая отчасти была противъ его собственнаго интереса. Если-бы онъ предоставилъ имъ засѣдать и далѣе, все засѣдать, засѣдать до нынѣшняго дня, если-бы онѣ засѣдали еще и нынѣ, все болтая о томъ же самомъ, все постановляя то же самое, а правительство все съ той же спокойной усмѣшкой фактическаго презрѣнія игнорировало бы ихъ рѣшенія,— тогда, дѣйствительно, народъ проникся бы отвращеніемъ къ такому представительству! Это настроеніе уже начинало сказываться въ Берлинѣ, въ послѣдніе дни до появленія декрета объ отсрочкѣ, и, при томъ, какъ внѣ стѣнъ палаты, такъ и внутри нея. То, что было еще мало-мальски лучшаго среди прогрессистовъ, не знало куда дѣваться отъ отвращенія къ себѣ самому, а большинство начинало уже обнаруживать подозрительную склонность перебѣгать къ правительству. Да, даже одинъ прогрессистскій органъ, „Рейнская Газета“, недавно созналась, что если бы въ то время не была объявлена отсрочка, то страна увидала бы удивительныя вещи со стороны своихъ представителей (Рукоплесканія). Но тутъ появился указъ объ отсрочкѣ господина фонъ-Бисмарка—за эту отсрочку многіе изъ прогрессистовъ въ душѣ на колѣняхъ благодарили господина фонъ-Бисмарка— и спасъ ихъ на минуту изъ этого ложнаго, невозможнаго положенія, въ какое они сами толкнули себя!

Но, не смотря на эту ошибку господина фонъ-Бисмарка противъ своего собственнаго интереса, безграничная слабость и неспособность партіи прогрессистовъ съ тѣхъ поръ еще болѣе обнаружилась.

Я напомню, прежде всего, рейнское празднество депутатовъ въ Кёльнѣ

к Роландсэккѣ, имѣвшее мѣсто тутъ же, поблизости отъ васъ. Вы могли бы здѣсь полюбоваться на сатурналіи нѣмецкой буржуазіи! И не одинъ только Кёльнъ привлекалъ къ себѣ взоры всей Германіи, не одинъ только Кёльнъ бросался вамъ въ глаза въ нѣмецкихъ газетахъ,—всюду вы могли читать, видѣть, слышать о празднествахъ, объ устройствѣ празднествъ, о посылкѣ депутатовъ на празднества и т. д. Слыханное ли это дѣло? Что праздновали эти достопримѣчательности? Въ то время, какъ страна находится въ такомъ положеніи, что остается только ходить въ рубищѣ, посыпать главу пепломъ, они пируютъ! Послѣ своихъ пораженій, они устраиваютъ празднества, какія можно встрѣтить только у французовъ, послѣ ихъ побѣдоносныхъ революцій! Чтобы избѣжать реальной борьбы, они пируютъ, разбитые начинаютъ распѣвать за виномъ и жаркимъ побѣдные гимны! (Рукоплесканія). Да, это та же извращенность, какъ и при римскихъ сатурналіяхъ! Тамъ рабы садились за столъ и воображали себя господами, — такъ нынѣ побѣжденные садятся за столъ и, произнося напыщенно безвкусные тосты въ свою честь, воображаютъ себя побѣдителями! Тамъ римскіе рабы уже сатурналіями доказывали, что охотно примиряются, цѣной этой иллюзорной свободы на одинъ день, съ рабствомъ въ теченіе цѣлаго года, — такъ и наши прогрессисты своими иллюзорными побѣдными празднествами достаточно доказываютъ для всякаго болѣе проницательнаго человѣка, что отказываются отъ реальной борьбы и побѣды. Когда Спартакъ со своими приверженцами поднялъ знамя возстанія римскихъ рабовъ, дабы рабовъ превратить въ мужей, онъ не праздновалъ уже никакихъ сатурналій!

Но еще болѣе роковымъ признакомъ полнаго разложенія, полнаго гніенія партіи прогрессистовъ является пресса. Я касаюсь здѣсь пункта величайшей важности, и очень сожалѣю, что, не смотря на всю обстоятельность, съ какой я буду говорить объ этомъ, я, все же не могу достаточно подробно остановиться на немъ. Объ одномъ вы должны непрестанно помнить, одно вы должны непрестанно распространять: нашимъ главнымъ врагомъ, главнымъ врагомъ всего здороваго развитія нѣмецкаго духа и нѣмецкой народности является въ настоящее время печать! Печать переживаетъ теперь такую стадію развитія, что является самымъ опаснымъ, истиннымъ врагомъ народа, тѣмъ болѣе опаснымъ, что она дѣйствуетъ въ замаскированной формѣ. Быть можетъ, одно лишь ея невѣжество превышаетъ ея лживость, ея испорченность, ея безнравственность.

Вы прекрасно ознакомились со лживостью этой печати на примѣрѣ борьбы противъ нашего Союза. Однако, лишь очень немногіе среди васъ

знаютъ хотя бы только малѣйшую долю того, что, въ дѣйствительности произошло въ этомъ отношеніи! Ежедневная ложь, ложь относительно чистыхъ, явныхъ фактовъ, измышленіе фактовъ, извращеніе фактовъ, — такимъ оружіемъ боролись противъ насъ! Но верхомъ безстыдства было то, что, въ большинствѣ случаевъ, печать отказывалась напечатать хотя бы одну поправку. Лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ рѣшалась на это какая-либо либеральная газета. Я могъ бы безъ конца перечислять вамъ такіе случаи. Но печать доказала свой упадокъ не только въ борьбѣ противъ насъ, она доказала то же самое и въ такой же сильной степени еще въ другомъ отношеніи. Она обнаружила неслыханную трусливость по отношенію къ другимъ своимъ врагамъ, по отношенію къ указу о предостереженіяхъ, по отношенію къ предостереженіямъ со стороны господина фонъ-Бисмарка. Это и есть второй признакъ общественнаго настроенія, который я намѣренъ освѣтить здѣсь.

Когда появился указъ о предостереженіяхъ, который заткнулъ глотку печати, то, вмѣсто того, чтобы еще съ тѣмъ большей силой начать сопротивляться этому насилію, всѣ либеральныя газеты стали ниже травы, тише воды. „И стало тихо, надъ водой!“ Ни слова нападенія больше по поводу внутреннихъ порядковъ, да, большинство газетъ, какъ, напримѣръ, „Берлинская Народная Газета“, „Національная Газета“ и т. д., прямо заявили, что, при такихъ обстоятельствахъ, они видятъ себя вынужденными молчать о внутренней политикѣ. Онѣ молчали, несчастныя, теперь, когда у нихъ было тѣмъ больше основаній нападать, онѣ молчали теперь, когда трижды ихъ обязанностью было говорить!

Но верхомъ безстыдства было то, что сами газеты съ безцеремонной откровенностью сознались, что причиной ихъ молчанія является денежный интересъ. Это „Рейнская Газета“ — недостойная сестра по имени двухъ великихъ органовъ, существовавшихъ въ Рейнской области въ 1843 и 1848 годахъ и бывшихъ ея честью—это „Рейнская Газета“, говорю я, выступила съ этимъ наивнымъ разоблаченіемъ. „Какъ можно“,—воскликнула она, когда среди массы самой партіи прогрессистовъ сталъ раздаваться открытый ропотъ по поводу этой трусливости газетъ,—„какъ можно требовать отъ издателей, чтобы они рисковали своимъ капиталомъ, вложеннымъ въ газету?“ Конечно! Развѣ есть что-либо болѣе святое, нежели издательскій капиталъ! Да, съ той безстыдной извращенностью всѣхъ понятій, которая уже издавна свойственна нашимъ газетамъ, онѣ признали теперь своей первой, прямой обязанностью не подвергать опасности святой издательскій капиталъ какимъ-либо мужественнымъ словомъ! Это то же

самое, если бы солдатъ—а газеты хотятъ и должны быть солдатами, передовыми борцами за свободу—заявилъ, что его первая обязанность, во что бы то ни стало, избѣгать опасности быть убитымъ пулею!

Такимъ-то образомъ случилось, что, не смотря на всю его полную готовность, господину фонъ-Бисмарку не удалось, по крайней мѣрѣ, вплоть до нынѣшняго дня, прихлопнуть ни одной либеральной газеты. Единственнымъ исключеніемъ является одна мѣстная газета въ польской провинціи. Такимъ-то образомъ случилось, что наши либеральныя газеты, эти современные Фальстафы, столь же трусливыя и безпутныя, какъ Фальстафъ, но не обладающія его юморомъ, всѣ еще счастливо процвѣтаютъ! Но, благодаря тому же, въ это время, впервые было открыто заявлено,—для посвященныхъ это, конечно, давно уже не было тайной,—что наши газеты, вмѣсто того, чтобы быть солдатами и передовыми борцами за свободу, являются ни чѣмъ инымъ, какъ промышленнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ и денежной спекуляціей!

Даже реакціоныя газеты въ то время не находили словъ для выраженія своего удивленія и негодованія по поводу такого поведенія либеральныхъ газетъ.—„Какъ?“—воскликнуло „Берлинское Обозрѣніе“, глубоко консервативная газета.—„Какъ? Это—враги, разбѣгающіеся при первомъ звукѣ трубы? Какъ? Съ такимъ неслыханнымъ цинизмомъ открыто заявлять, что для газетъ все сводится только къ простой денежной спекуляціи?“

Можно спросить: но что же должны были дѣлать газеты?

Здѣсь не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Сомкнутой фалангой, закованной въ латы, однимъ натискомъ всѣ либеральныя газеты должны были обрушиться на правительство; дерзость правительства онѣ должны были превзойти своею собственною дерзостью, онѣ должны были какъ бы поймать правительство на словѣ, заставить его выполнить свою угрозу. Для этого каждая либеральная газета должна была бы перепечатать изъ всѣхъ другихъ газетъ тѣ статьи, которыя вызвали предостереженіе. Онѣ должны были бы научиться тому, что, при политической партійной борьбѣ, такъ, часто является самымъ важнымъ,—научиться умереть съ честью!

Тогда могло произойти одно изъ двухъ. Или у правительства, дѣйствительно, хватило бы смѣлости наложить запретъ на всѣ либеральныя газеты, не только на ту или иную газету, а на всѣ либеральныя газеты,—къ чему оно было вынуждено, если бы каждая газета перепечатывала изъ всѣхъ другихъ статьи, давшія поводъ къ предостереженію. И тогда была бы создана почва для дѣйствительной, настоящей агитаціи! Представьте себѣ то возбужденіе, какое охватило бы филистера,

если бы онъ не нашелъ за утреннимъ кофе—въ Берлинѣ—„Народной Газеты“, „Фоссовой Газеты“ и этой скучнѣйшей и всѣхъ газетъ, „Національной Газеты“, въ Рейнской области—„Кёльнской“ и „Рейнской Газеты“. И, такъ какъ повсюду „Крестовой Газеты“ и тому подобныхъ органовъ онъ никогда не читаетъ, онъ ихъ всегда ненавидитъ, то представьте себѣ его возрастающую злобу, когда онъ не находитъ уже привычной для него ерунды! Представьте себѣ также, какъ глубоко и чувствительно затронуло бы все это совокупные интересы мелкаго торговаго и промышленнаго сословія, если бы они сразу должны были лишиться большихъ газетъ, съ ихъ обезпеченнымъ для ихъ объявленій, публикацій и рыночныхъ крикливыхъ рекламъ, кругомъ читателей! Въ политической борьбѣ, прежде всего, важно привлечь на свою сторону индифферентныхъ, вызвать въ нихъ злобу, вовлечь въ кругъ страстей наивозможно большія массы,—таковъ единственный и естественный путь для всякаго кто хочетъ побѣдить.

Если-бы великая либеральная партія, какъ она любитъ себя величать, примѣнила эту тактику, если-бы она своею смѣлостью превзошла смѣлость правительства, то послѣднее, пожалуй, врядъ ли рѣшилось бы выполнить свою угрозу и однимъ ударомъ ампутировать всѣ органы страны. Ну, а если-бы правительство рѣшилось на это, тогда настало бы то, что мы изобразили выше, тогда страна была бы охвачена глубокимъ озлобленіемъ.

Такъ наше правительство втоптало въ грязь печать, оно заставило ее замолчать,—и этотъ успѣхъ не стоилъ ей ни гроша! Секретъ силы нашего правительства заключается до сихъ поръ въ несчастной слабости его противниковъ! Реакція всегда будетъ одерживать самыя легкія побѣды, пока ей придется бороться съ такими противниками!

Но, разумѣется, отъ нашихъ прогрессистовъ нельзя серьезно требовать, или даже только ожидать, указанной мною выше, тактики. И всякій, кто знаетъ основной характеръ нашихъ прогрессивныхъ органовъ, счелъ бы такое требованіе или ожиданіе величайшимъ безуміемъ. Но это именно и доказываетъ полную неспособность прогрессистовъ ко всякой политической борьбѣ. Партія, которая, для защиты своей важнѣйшей позиціи, не имѣетъ мужества устлать ее всю своими трупами,—такая партія не можетъ расчитывать на побѣду! Такой партіи остается только одно—при всякомъ нападеніи, снова бѣжать и бѣжать!

Такая партія и печать не заслуживаютъ даже, чтобы ихъ сожалѣли, когда правительство осыпаетъ ихъ спины, звонко раздающимися, ударами. Что не въ силахъ даже защитить своей шкуры,—ну, такъ это лишено

всякаго права на существованіе, оно не заслуживаетъ даже, чтобы жить!

Нельзя, говорю я, питать ни малѣйшаго сожалѣнія къ этой печати, не смотря на всѣ насилія со стороны правительства. И, если-бы даже эта печать, дѣйствительно, преслѣдовала высокія и чистыя цѣли,—чего па самомъ дѣлѣ, какъ вы знаете, нѣтъ, хотя печать и дѣлаетъ видъ, что стремится къ этому,—то, все же, и въ этомъ случаѣ, къ ней нельзя было бы питать ни малѣйшей симпатіи. Мы не могли бы, говорю я, питать къ ней никакой симпатіи, даже въ томъ случаѣ, еслибы она преслѣдовала наши собственныя цѣли. А вы знаете, что, въ дѣйствительности, имѣетъ мѣсто какъ разъ обратное. Но безразлично, какія бы цѣли она не преслѣдовала,—какой интересъ можно питать къ людямъ, которые бѣгутъ при первомъ натискѣ, къ борцамъ, которые всякій ударъ парируютъ не грудью, а задомъ? Какую симпатію питала бы Европа къ сопротивляющимся Россіи полякамъ, если-бы послѣдніе провозгласили своимъ главнымъ принципомъ: „Прежде всего, должны остаться неприкосновенными наша личность и даже нашъ капиталъ“,—и если-бы они, слѣдуя этому принципу, разбѣгались, при первомъ появленіи казаковъ? Такое зрѣлище способно вызвать только усмѣшку презрѣнія, отвращеніе и омерзенѣніе къ подобнымъ героямъ!

Да, чѣмъ выше и чище цѣли такихъ людей, тѣмъ больше должно быть презрѣніе къ нимъ, если даже такія высокія цѣли не могли породить въ нихъ мужества. И единственнымъ, лишь наполовину смягчающимъ вину прогрессистовъ, обстоятельствомъ служитъ именно то, что цѣль то ихъ, въ концѣ концовъ, состоитъ въ томъ, чтобы выдвинуть впередъ небольшую кучку людей. Но такія ничтожныя посредственныя цѣли могутъ породить только такое же ничтожное посредственное поведеніе. Только великая идея, только воодушевленіе за могучія цѣли порождаютъ преданность, готовность къ жертвамъ, мужество! (Продолжительныя рукоплесканія).

Вначалѣ я выяснилъ полную лживость нашей крупной либеральной печати, затѣмъ я говорилъ о ея безпримѣрной трусости и безнравственности,—что же, неужели я долженъ доказывать теперь, въ третьихъ, абсолютную неспособность, поразительное и превосходящее всякое вѣроятіе невѣжество нашихъ газетныхъ писакъ, этихъ духовныхъ передовыхъ борцовъ? Я могу освободить себя отъ этого, ибо я разоблачилъ и доказалъ все это уже задолго до нынѣшняго движенія, вотъ уже $1^3/_4$ года тому назадъ, въ своемъ сочиненіи: „Юліанъ, историкъ литературы“. И я заслужилъ, при этомъ, шумное одобреніе со стороны величайшихъ ученыхъ и мысли-

телей Германіи, которые устно и письменно жали мнѣ за это руку. Я отсылаю васъ къ этому сочиненію. Я доказалъ тамъ, какъ они, въ своемъ пустомъ невѣжествѣ, отравляютъ духъ народа, какъ они своимъ непристойнымъ недомысліемъ, своей ремесленной ненавистью противъ всего великаго и значительнаго систематически подкапываются подъ него. И я доказалъ все это на примѣрѣ Юліана, главнаго редактора „Берлинской Всеобщей Газеты“. Я остановился на немъ потому, что онъ безспорно еще самый образованный и самый крупный среди газетныхъ писакъ. Какъ я и заявилъ тогда въ предисловіи, я прогналъ его сквозь строй, не какъ личность, а какъ главу и примаса, какъ прославленнаго историка литературы и помазаннаго короля всей этой банды. Для того, чтобы только дать въ лицѣ его характеристику духовнаго типа всей этой породы, остановился я на немъ,—такъ и заявилъ я тогда.

Вся порода газетныхъ писакъ застонала тогда отъ этого удара, нанесеннаго всей нынѣшней печати. Большинство изъ нихъ припрятало свою злобу. Когда появился мой „Гласный Отвѣтъ“, то многіе изъ этихъ несчастнѣйшихъ вообразили, что вотъ удобный случай для мести. По этой то причинѣ наши газетные писаки и набросились на меня съ такою яростью и безстыдствомъ.

Но Юліанъ все же былъ, достойнымъ объектомъ для критики. Но кто могъ бы заставить себя дать характеристику, напр., самой отвратительной и самой комической фигуры нашихъ дней, „Берлинской Народной Газеты“ и ея редактора, господина Бернштейна? Этотъ бывшій библіотекарь въ библіотекѣ для чтенія, за время своего занятія, читалъ книги своей библіотеки и вообразилъ теперь, что пріобрѣлъ уже этимъ необходимое образованіе, чтобы руководить великимъ народомъ. Этотъ мужъ ежедневно пишетъ руководящія статьи о Богѣ и о мірѣ и еще о многомъ другомъ. Онъ можетъ такъ поступать только потому, что, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, не воображаетъ даже, что совсѣмъ лишенъ необходимыхъ для этого рессурсовъ. Этотъ мужъ не умѣетъ даже писать по-нѣмецки—ни одной фразы безъ грамматическихъ ошибокъ! Онъ отравляетъ своихъ читателей какой-то особенной тарабарщиной—такъ называемый еврейско-нѣмецкій жаргонъ—и этимъ медленно и увѣренно губитъ народный языкъ и его геній!

И, однако, эта газета все еще является самой распространенной газетой во всей Германіи. По крайней мѣрѣ, еще совсѣмъ недавно она имѣла 33.000 подписчиковъ. Но въ послѣднее время, говорятъ, она растеряла 8 000 подписчиковъ и, быть можетъ, въ этомъ отрадномъ явленіи значительную роль сыграли наши стремленія. Но, все же, газета эта является

самой распространенной въ Германіи. Чѣмъ хуже въ настоящее время газета, тѣмъ обширнѣе кругъ ея подписчиковъ.

Это — серьезныя, очень серьезныя явленія, и, съ душою, преисполненной грусти я откровенно долженъ заявить вамъ: если не произойдетъ полной перемѣны въ нашей печати, если эта газетная чума будетъ такъ свирѣпствовать еще пятьдесятъ лѣтъ, то нашъ народный духъ будетъ отравленъ до самыхъ своихъ глубинъ и окончательно погибнетъ! Поймите: если тысячи газетныхъ писакъ, эти современные учителя народа, своими ста тысячами голосовъ вдыхаютъ въ народъ свое тупое невѣжество, свою безсовѣстность, свою ненависть евнуховъ ко всему истинному и великому въ политикѣ, искусствѣ и наукѣ, въ народъ, который съ вѣрой и довѣріемъ протягиваетъ руку къ этому яду, надѣясь почерпнуть изъ него духовную силу, — то не миновать гибели этому народному духу, будь онъ даже трижды такъ прекрасенъ! Самый одаренный народъ въ мірѣ, греки, не вынесли бы такой печати! И вы поймите, что если-бы даже среди этой банды оказалось пять, десять, двѣнадцать образованныхъ, серьезныхъ и свѣдущихъ людей, то это ничего не измѣнило бы, ибо ихъ голосъ безсильно заглохъ бы среди многорѣчивости и шума ихъ коллегъ.

Но здѣсь я самъ прерываю себя. Если я такъ мрачно смотрю, можете вы замѣтить мнѣ, то гдѣ же средство спасенія? Вѣдь даже въ демократическомъ государствѣ, даже послѣ счастливой революціи — такъ кажется, и такъ можете вы возразить — печать не должна еще измѣниться отъ одного этого.

Трижды обязанъ я отвѣтить на это замѣчаніе. Моя первая обязанность разогнать эту мрачную перспективу, которую я только что вызвалъ передъ вами. Вторая обязанность моя — показать вамъ, что соціалъ-демократическая идея и въ этомъ отношеніи несетъ въ себѣ исцѣляющее средство. Отсюда, наконецъ, вытекаетъ и моя третья обязанность, такъ какъ полезно распространять соціалъ-демократическія требованія въ народѣ какъ можно раньше, — дабы въ надлежащій моментъ они встрѣтили тѣмъ меньше препятствій.

Итакъ, я спрашиваю: какъ можно добиться полной перемѣны въ нашей печати, такъ чтобы измѣнилась самая внутренняя сущность ея?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо напередъ выяснить себѣ, что собственно вызвало упадокъ нашей печати.

Я не могу излагать вамъ здѣсь исторіи европейской печати. Достаточно будетъ сказать, что печать нѣкогда, дѣйствительно, была передовымъ борцомъ за духовные интересы въ политикѣ, искусствѣ и наукѣ,

что она была ваятелемъ, учителемъ и духовнымъ воспитателемъ большой публики. Она боролась за идеи и стремилась поднять до нихъ большую массу. Но постепенно развилась привычка печатать платныя объявленія, такъ называемые, анонсы или публикаціи. Сперва долгое время ихъ совсѣмъ не печатали въ газетахъ. Затѣмъ имъ стали отводить очень небольшое мѣсто на послѣдней страницѣ газетъ. Вотъ этотъ то обычай печатать въ газетахъ платныя объявленія и произвелъ въ нихъ глубокую коренную перемѣну. Скоро обнаружилось, что объявленія эти служатъ прекраснымъ средствомъ для того, чтобы сколотить капиталецъ, чтобы получать ежегодно отъ газетъ громадные доходы. Съ этихъ поръ, газета стала крайне доходной статьей въ рукахъ обладающаго капиталомъ, или жаднаго до капитала, издателя. Но чтобы получать много объявленій, нужно было напередъ заполучить какъ можно больше подписчиковъ, ибо объявленія, естественно, изобильно притекаютъ только въ тѣ газеты, которыя имѣютъ большой кругъ подписчиковъ. Съ этихъ поръ, слѣдовательно, все сводилось уже не къ тому, чтобы бороться за великую идею и медленно и постепенно поднимать до нея большую публику,—теперь, наоборотъ, нужно было признавать такія мнѣнія, которыя нравятся наибольшему числу газетныхъ покупателей (подписчиковъ). Безразлично, каковы бы ни были эти мнѣнія. Съ этихъ поръ, слѣдовательно, газеты, все еще сохраняя видимость передовыхъ борцовъ за духовные интересы, изъ ваятелей и учителей народа, превратились въ жалкихъ льстецовъ денежной и, слѣдовательно, абонирующейся буржуазіи и ея вкусовъ. Теперь однѣ газеты были скованы тѣмъ кругомъ подписчиковъ, который уже былъ у нихъ, другія—тѣмъ, что, онѣ надѣялись завоевать еще,—и тѣ и другія одинаково были скованы настоящимъ золотымъ дномъ предпріятія, публикаціями.

Итакъ, съ этихъ поръ, газеты стали не только самымъ обычнымъ, ординарнымъ денежнымъ предпріятіемъ, подобно всякому другому предпріятію,—онѣ стали представлять собой еще нѣчто гораздо худшее, сплошь и насквозь пропитанное лицемѣріемъ коммерческое предпріятіе подъ флагомъ борьбы за великія идеи и за благо народа.

Имѣете ли вы какое-нибудь понятіе о томъ развращающемъ вліяніи, какое это ежедневно совершаемое лицемѣріе, это поповство 19-го вѣка, должно было оказать постепенно на издателей и газетныхъ писакъ?

Но во времена ожесточенной политической партійной борьбы должны были наступить еще совершенно другія послѣдствія. Само собой разумѣется, что въ этой борьбѣ газеты съ самаго начала могли защищать только всѣ предразсудки имущихъ классовъ. Вѣдь изъ этой среды вербовалось боль-

шинство подписчиковъ, а вѣдь число публикацій зависѣло отъ этого. Но это еще пустяки. Еще болѣе гибельно было вотъ что: писатель съ честью скорѣе согласится отсѣчь себѣ руку, чѣмъ сказать не то, что онъ думаетъ; а разъ онъ уже пишетъ — не сказать того, что онъ думаетъ. Если онъ попросту не можетъ этого сказать, ни въ какихъ выраженіяхъ, то онъ уходитъ и ничего не пишетъ. Но газета—доходное предпріятіе,—и здѣсь такое поведеніе невозможно. Онѣ должны снова выходить, предпріятіе этого требуетъ. Такимъ образомъ, что бы ни предпринимали наши правительства съ 1848 года, газеты уже съ самаго начала, въ силу своего коммерческаго характера, должны были итти съ ними на всякій компромиссъ, должны были оказывать имъ только такую оппозицію, какой правительства желали или допускали! Этого требуетъ предпріятіе! Этимъ объясняется рядъ позорнѣйшихъ компромиссовъ, заключенныхъ нашими газетами съ правительствомъ съ 1848 года. То, что являлось слишкомъ уязвимымъ для правительства,—этого совсѣмъ не касались; то, чего касались,—касались лишь постольку, поскольку это угодно было правительству. Да, при Гинкельдеѣ печать часто оплачивала тайкомъ такихъ людей, которые, въ силу своего положенія, могли сообщать газетамъ, по поводу чего и въ какихъ предѣлахъ правительство допуститъ оппозицію. О, вы будете поражены, когда настанетъ моментъ, и будутъ сдѣланы всѣ разоблаченія, какія исторія можетъ зарегистрировать за одинъ только день!

Но это еще не все! Газетные писаки дѣлали цѣлый рядъ личныхъ уступокъ правительству, исключительно въ интересахъ своего предпріятія. Но, конечно, они не могли открыто сознаться, что уступки эти сдѣланы ими ради интересовъ предпріятія. Иначе, они необходимо вызвали бы къ себѣ презрѣніе со стороны народа, потеряли бы читателей, подписчиковъ и публикаціи.

Итакъ, оставалось только одно: всѣ эти чисто предпринимательскія уступки изобразить народу въ видѣ новыхъ точекъ зрѣнія всеобщаго духа и навязать ему ихъ, представить ихъ какъ формы развитія и спасительные компромиссы народной жизни, и, этимъ путемъ, оскопить и опошлить народный духъ до такой степени, чтобы онъ вполнѣ отвѣчалъ тѣмъ условіямъ, безъ которыхъ невозможно вести доходнаго газетнаго предпріятія! Отсюда—этотъ упадокъ народнаго духа во всѣхъ областяхъ публичной жизни съ 1848 года. Отсюда—это противореволюціонное настроеніе его, которое такъ долго искусственно культивировалось. Отсюда—это оскопленіе его, которое, словно устрашающая проказа, выступило на свѣтъ божій въ 1858 году въ „шарлатанскихъ спекуля-

ціяхъ новой Эры",—точно также изобрѣтеніе нашихъ либеральныхъ газетъ и, прежде всего, „Берлинской Народной Газеты"!

Въ то же время, вы сами можете представить себѣ, какое развращающее вліяніе должно было оказывать все это ежедневно на характеръ газетныхъ писакъ, какое легкомысленное презрѣніе къ себѣ, ко всѣмъ идеальнымъ цѣлямъ, къ читателямъ и народу, покорно переносившему это шарлатанство, должна была порождать эта ежедневная привычка къ самоуниженію.

Итакъ, если, напримѣръ, наше правительство вздумаетъ потребовать, чтобы всѣ выходящія газеты имѣли сдѣланную громадными буквами надпись: „Народъ—это чернь, сволочь",—то вы можете ни минуты не сомнѣваться,—вѣдь этого требуетъ предпріятіе!—что наши либеральныя газеты появятся именно съ этой надписью, сдѣланной громадными буквами: „Народъ—это чернь, сволочь!" Даже больше того. Онѣ станутъ намъ теперь еще доказывать, что именно это и есть высшая степень истинной вѣрности убѣжденіямъ и истинной любви къ народу, что это необходимый новый компромиссъ общественнаго духа требуетъ сказать: народъ есть чернь, сволочь!

Кто хочетъ заработать денегъ, тотъ можетъ заняться производствомъ бумажной матеріи или сукна, или играть на биржѣ. Но, чтобы ради мерзкой наживы, отравлять всѣ источники народнаго духа и ежедневно изъ тысячи трубъ преподносить народу духовную смерть,—это высшее преступленіе, какое я только могу представить себѣ! (Продолжительныя, неоднократно возобновлявшіяся, рукоплесканія). Но подумайте, дальше, о томъ неизбѣжномъ отраженномъ вліяніи, какое эта газетная работа должна оказывать на самихъ газетныхъ писакъ. Вы знаете, что какъ отъ работника зависитъ качество труда, такъ и трудъ, въ свою очередь, очень сильно вліяетъ на качества работника. Выгодность публикацій дала средства собственникамъ газетъ содержать умственный пролетаріатъ, постоянную армію газетныхъ писакъ. И вотъ, пользуясь имъ и конкуррируя взаимно, они стремятся увеличить свое предпріятіе и повысить доходы отъ объявленій. Но развѣ вступитъ въ эту армію человѣкъ, уважающій себя, тотъ, кто чувствуетъ себя способнымъ къ какой-нибудь реальной дѣятельности въ сферѣ науки, мысли или на аренѣ гражданской жизни? Вы, пролетаріи, продаете господамъ своего труда только свое время и матеріальный трудъ. А тѣ продаютъ свою душу. Вѣдь корреспондентъ долженъ писать, какъ этого хочетъ редакторъ и собственникъ; а редакторъ и собственникъ должны писать то, чего хотятъ подписчики, и что разрѣшаетъ прави-

тельство! Ни одинъ человѣкъ сознающій себя мужемъ, не предается такой проституціи духа! Затѣмъ подумайте о тѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ приводитъ это ремесленное занятіе еще въ другомъ отношеніи. Вы, пролетаріи, продаете себя только для одного занятія, которое вы знаете и которое вы умѣете дѣлать. Но тѣ, умственные пролетаріи, должны ежедневно заполнять длинные столбцы разсужденіями о тысячѣ предметовъ, о политикѣ, правѣ, экономіи, наукѣ, обо всѣхъ отрасляхъ законодательствъ, о дипломатическихъ и историческихъ отношеніяхъ всѣхъ народовъ. Обладаешь ли ты достаточными знаніями, имѣешь ли ты хотя какое-нибудь представленіе о предметѣ,—все равно, говорить о предметѣ нужно, газета должна быть заполнена, этого требуетъ предпріятіе! А тутъ еще недостатокъ времени, невозможность поближе изучить предметъ, порыться въ источникахъ и книгахъ. Даже нѣтъ времени какънибудь собраться съ мыслями и подумать. Статья должна быть написана, этого требуетъ предпріятіе! Все невѣжество, все незнакомство съ предметомъ, все, все должно быть, по возможности, припрятано подъ лукавой вылущенной фразой.

Поэтому-то всякій, кто начинаетъ нынѣ съ багажемъ полуобразованія карьеру газетнаго писаки, черезъ два-три года забываетъ и то немногое, что зналъ раньше, онъ гибнетъ умственно и нравственно и становится равнодушнымъ и лишеннымъ серьезности человѣкомъ, онъ не вѣритъ уже ни во что великое и не стремится ни къ чему великому, онъ способенъ только клясться могуществомъ своей клики!

Поэтому-то, всѣ способные люди, раньше принимавшіе участіе въ печати, постепенно ушли изъ нея, за очень небольшимъ исключеніемъ, и печать превратилась, такимъ образомъ, въ свалочное мѣсто всякихъ посредственностей, всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе, всѣхъ, бѣгущихъ отъ труда и невѣждъ: неспособные ни къ какой реальной работѣ, они все еще могутъ найти въ печати скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сравнительно легкое и достаточное существованіе.

Вотъ эти-то современные наемники пера, этотъ умственный пролетаріатъ, эта постоянная армія газетныхъ писакъ, и творятъ общественное мнѣніе, они нанесли народу болѣе глубокія раны, чѣмъ постоянная армія солдатъ: вѣдь войско поражаетъ народъ при помощи внѣшней силы, а тѣ вносятъ въ него внутреннее разложеніе, тѣ отравляютъ его кровь и соки! — Поэтому-то, у насъ всѣ люди истиннаго знанія, словно въ священномъ ужасѣ, сторонятся отъ газетъ. У меня довольно обширный кругъ знакомыхъ среди ученыхъ. Мнѣ случалось говорить здѣсь иногда, почему

бы не помѣстить имъ въ какой-либо газетѣ статью о томъ или иномъ, особенно важномъ, предметѣ, – и отвѣтомъ мнѣ бывало изумленіе, словно я предложилъ имъ что-то почти оскорбительное!

За свою жизнь я познакомился довольно близко съ двумя-тремя журналистами. Во всѣхъ отношеніяхъ, они являлись замѣчательнымъ исключеніемъ, они были даже полной противоположностью той фигурѣ газетнаго писаки, какую я нарисовалъ выше. Двое изъ нихъ уже распрощались съ этой карьерой. Но какъ часто съ мучительной болью всѣ трое обращались ко мнѣ: лучше быть желѣзнодорожнымъ работникомъ, нежели дальше тянуть эту лямку, которая губитъ нашъ умъ и нашу душу!

Да, слово въ слово вѣрно то, что господинъ фонъ-Бисмаркъ сказалъ въ очень мягкой формѣ въ прусской палатѣ: „Газеты пишутся людьми, которые ошиблись въ своемъ призваніи“.—Я уже посмѣиваюсь здѣсь напередъ, какъ прогрессисты снова станутъ указывать на мое согласіе съ господиномъ фонъ-Бисмаркомъ, какъ на доказательство того, что я купленъ имъ. Только жаль, что уже за долго до появленія министерства Бисмарка, я напечаталъ то же самое, и въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, въ своемъ „Юліанѣ“. Это—банда людей, говорю я тамъ, даже неспособныхъ быть учителями въ элементарной школѣ, они слишкомъ бѣлоручки, чтобы быть даже почтовыми секретарями, они непригодны ни для какой гражданской работы и, поэтому, они считаютъ себя призванными вести дѣло народнаго образованія и народнаго воспитанія!

Такимъ образомъ, нашимъ прогрессистамъ остается только сказать, что господинъ фонъ-Бисмаркъ подкупленъ мною высказывать мои взгляды!

Я потому вновь указываю на это свое сочиненіе, чтобы никто изъ васъ не подумалъ, что я лишь теперь сталъ такъ судить о газетахъ, въ ожесточеніи отъ испытанныхъ мною отъ нихъ нападокъ. Вы видите, такимъ образомъ, что я уже задолго до этихъ нападокъ думалъ и высказывалъ о газетахъ то же самое, что и теперь, еще въ то время, когда газеты имѣли обыкновеніе съ величайшимъ уваженіемъ произносить мое имя, когда онѣ награждали меня самыми изысканными комплиментами. Въ этомъ отношеніи, я могу сослаться также и на свою „Программу работниковъ“. Еще до начала настоящаго движенія я высказалъ въ ней свои взгляды на газеты, хотя и очень кратко, но вполнѣ опредѣленно.

Мы знаемъ теперь, что именно неизбѣжно губитъ газетныхъ писакъ. Поэтому, намъ легко теперь показать, какъ проще всего можно было бы достигнуть полной перемѣны печати въ соціалъ-демократическомъ государствѣ. Я кратко намѣчу теперь наиболѣе важныя изъ этихъ мѣропріятій.

Первое мѣропріятіе—это абсолютная свобода печати. Ибо лишь на почвѣ дѣйствительной свободы можетъ развиться все великое.

Второе мѣропріятіе—это уничтоженіе залоговъ для газетъ. Я уже доказалъ вамъ въ „Программѣ работниковъ", что благодаря этимъ залогамъ, газеты становятся монополіей капиталистовъ; благодаря тому же, народъ не можетъ основывать своихъ собственныхъ органовъ, которые защищали бы его убѣжденія.

Третье мѣропріятіе — отмѣна штемпельнаго налога. Штемпельный налогъ, съ одной стороны, оказываетъ такое же вліяніе, какъ и залоги; а съ другой—прямо таки безсмысленно хотѣть облагать газеты, разъ онѣ должны играть роль народныхъ учителей. Это то же самое, какъ если-бы вздумали облагать налогомъ народное образованіе, или проповѣдь духовенства.

Но однихъ этихъ мѣропріятій еще совершенно недостаточно, чтобы въ корнѣ измѣнить нынѣшній характеръ печати. Для этого необходимо еще одно, четвертое мѣропріятіе.

Я показалъ уже вамъ, что гибель печати неизбѣжно порождается тѣмъ, что, подъ флагомъ защиты духовныхъ интересовъ, печать превратилась, благодаря объявленіямъ, въ промышленную денежную спекуляцію. Такимъ образомъ, все сводится попросту къ тому, чтобы разъединить два эти дѣла, которыя, въ сущности, не имѣютъ между собой ничего общаго. Поскольку печать защищаетъ духовные интересы, она подобна оратору народной школы или духовному проповѣднику. Поскольку она печатаетъ объявленія, она является публичнымъ глашатаемъ, публичнымъ трубачемъ, который сотней тысячъ голосовъ оповѣщаетъ публику о томъ, гдѣ кто потерялъ часовую цѣпочку, гдѣ можно купить табакъ лучшаго сорта или солодовый экстрактъ Гоффа. Что общаго у пропоповѣдника съ публичнымъ трубачемъ, а развѣ это не уродливость—связывать во-едино два эти ремесла?

Слѣдовательно, въ соціалъ-демократическомъ государствѣ долженъ быть изданъ законъ, строго воспрещающій газетамъ печатать какія бы то ни было объявленія. Послѣднія должны печататься исключительно въ издаваемыхъ государствомъ или общинами оффиціальныхъ газетахъ.

Съ этихъ поръ, газеты перестаютъ быть доходной денежной спекуляціей. Съ этихъ поръ, спекулирующіе капиталы покинутъ ихъ. Съ этихъ поръ, постоянная армія газетныхъ писакъ должна или подохнуть съ голоду, или превратиться въ чистильщиковъ сапогъ. Это ихъ дѣло! Съ этихъ поръ, долженъ исчезнуть журналистъ-ремесленникъ и его

мѣсто займетъ журналистъ по призванію! Съ этихъ поръ, будутъ существовать только такія газеты, и въ нихъ будутъ писать только такіе люди, которые, не взирая ни на какое прибыльное обогащеніе, чувствуютъ въ себѣ призваніе бороться за духовные интересы и благо народа.

Вамъ угодно имѣть доказательство, что результатъ этого мѣропріятія необходимо будетъ таковъ? Посмотрите на газеты, которыя въ теченіе нынѣшняго движенія стали на нашу сторону: „Сѣверная Звѣзда", „Другъ Народа", и еще двѣ-три мелкія газеты. Всѣ эти газеты и не имѣютъ, и не печатаютъ объявленій. Онѣ и не надѣются на это въ будущемъ и не стремятся къ этому. Поэтому-то, въ газетахъ этихъ пишутъ люди, посвятившіе себя этому призванію во имя дѣйствительнаго интереса къ духовной борьбѣ, а не ради своего обогащенія. Поэтому-то, люди эти, во всѣхъ отношеніяхъ, являются полной противоположностью тому образу газетнаго писаки, какой я нарисовалъ вамъ выше.

Точно также не можетъ подлежать спору и другая половина этого закона, что печатаніе объявленій должно быть предоставлено исключительно оффиціальнымъ газетамъ, издаваемымъ государствомъ или общинами. Поскольку газеты печатаютъ объявленія, онѣ являются, какъ уже было замѣчено, только публичными глашатаями. Слѣдовательно, эта функція, также просто и необходимо, какъ, напримѣръ, функція ночного сторожа, принадлежитъ къ аттрибутамъ публичной власти, къ аттрибутамъ ея государственной или городской организаціи. Еще и донынѣ, напримѣръ, въ небольшихъ швабскихъ городахъ, вы можете услышать, какъ трубачъ, или какой-либо общинный чиновникъ оповѣщаютъ о томъ, что утеряно, что найдено и т. д. Равнымъ образомъ, въ этомъ случаѣ, отпадаютъ и тѣ въ высшей степени отрицательныя основанія, которыя обычно приводятся, когда заходитъ рѣчь о предоставленіи государству или общинамъ какой-либо производительной дѣятельности. Здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о новыхъ изобрѣтеніяхъ, ни объ особенномъ индивидуальномъ предпринимательскомъ духѣ. Все сводится здѣсь къ простой механической дѣятельности по заказу лица, желающаго помѣстить объявленіе, дѣятельности, которая съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть выполнена къ пользѣ капиталиста и по его порученію. Только въ наше время господствуетъ принципъ, что все, приносящее выгоду, должно быть предоставлено яростной погонѣ отдѣльныхъ капиталистовъ за наживой. Только этимъ и объясняется, что въ наше время эта публичная функція оповѣщенія, такъ долго могла быть достояніемъ стремящихся къ собственной наживѣ капиталистовъ. Далѣе. Эти издаваемые государствомъ или общинами листки объявленій будутъ приносить ежегодно,

по самой низкой оцѣнкѣ, одинъ—два милліона дохода; тѣмъ болѣе, что всѣ издержки производства должны здѣсь сильно понизиться, и листки не будутъ конкуррировать другъ съ другомъ, а въ каждой общинѣ, какъ бы она ни была велика, будетъ издаваться одинъ единственный листокъ. А эти милліоны, слѣдовательно, цѣликомъ можно было бы употребить на пониженіе тѣхъ косвенныхъ государственныхъ или городскихъ налоговъ, которые въ большинствѣ случаевъ обременяютъ собой бѣднѣйшіе классы. И отвратительныя рекламы нашихъ дней, солодовый экстрактъ Гоффа и цѣпочки отъ ревматизма Гольдберга, по крайней мѣрѣ, оказывали бы тогда свое общеполезное дѣйствіе.

Итакъ, вотъ полностью то цѣлебное средство, которое въ корнѣ можетъ измѣнить печать въ соціалъ-демократическомъ государствѣ. Я ознакомилъ васъ съ нимъ, дабы заблаговременно вразумить на этотъ счетъ умы народа. Распространяйте то, что я говорилъ вамъ здѣсь объ этомъ, возвысьте это мѣропріятіе до степени народной традиціи. Утвердите его тысячекратнымъ эхо своихъ голосовъ, превратите его въ демократическое требованіе первой степени, чтобы уже ничто въ будущемъ не стояло на пути его уразумѣнію! А до тѣхъ поръ запомните крѣпко: истинный врагъ народа, его самый опасный врагъ, тѣмъ болѣе опасный, что онъ выступаетъ подъ личиной друга, это—нынѣшняя печать!

Держитесь крѣпко, съ пламенной душой, за тотъ лозунгъ, что я бросаю вамъ: ненависть и презрѣніе, смерть и гибель нынѣшней печати! Это смѣлый лозунгъ, исходящій отъ одного человѣка, противъ тысячерукаго учрежденія газетъ, съ которыми уже тщетно боролись короли. Но какъ истинно то, что вы страстно и жадно льнете къ моимъ устамъ, и какъ истинно то, что душа моя, сливаясь съ вашей, содрогается самымъ чистымъ восторгомъ,—столь же истинна и проникающая меня увѣренность, что настанетъ моментъ, когда изъ нашихъ рукъ засверкаетъ молнія, что ввергнетъ эту печать въ вѣчный мракъ!!!

(Перерывъ на 10 минутъ).

Третій и не менѣе плачевный показатель нашего времени, который я хочу освѣтить здѣсь, это съѣздъ депутатовъ во Франкфуртѣ на Майнѣ.

Вы знаете, что члены Національнаго Союза или прогрессисты, образующіе депутатскій съѣздъ, всегда заявляли, что они крѣпко стоятъ на франкфуртской имперской конституціи 1849 года. Она есть дѣйствующее право, палладіумъ нѣмецкой націи.

Я должень здѣсь съ самаго начала устранить одно недоразумѣніе. Возвратъ къ франкфуртской имперской конституціи—это не мо[illegible], [illegible]то не наша

точка зрѣнія! Для насъ самая мысль о возстановленіи франкфуртской имперской конституціи, есть не что иное, какъ реакціонная утопія. Для насъ, уже въ 1849 г., когда она возникла, франкфуртская имперская конституція была ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ доказательствомъ безсилія федерализма.

Нѣмецкое единство, единая суверенная центральная власть—наряду съ 34 различными суверенитетами,—да вѣдь это внутреннее противорѣчіе, это столь же мало возможно, какъ то, чтобы черный сюртукъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣлымъ. Суверенитетъ, принадлежитъ ли онъ государю или народу, по своей природѣ, недѣлимъ, столь же недѣлимъ, какъ недѣлима душа человѣка.

Если, слѣдовательно, уже заводить рѣчь о нѣмецкомъ единствѣ, то, что намъ, дѣйствительно, нужно, это,—чтобы всѣ 34 самостоятельныхъ суверенитета перестали существовать, чтобы всѣ они слились въ одномъ единственномъ суверенитетѣ.

Вотъ по этой-то причинѣ, франкфуртская имперская конституція не могла, въ дѣйствительности, существовать ни одного дня. Она погибла, не благодаря своему революціонному характеру,—какъ это думаютъ прогрессисты — для котораго это время еще не созрѣло, а благодаря своему реакціонному характеру; она погибла, не благодаря тому, что́ она обновляла, а благодаря тому, что́ она удерживала изъ стараго. Она погибла, благодаря этому логическому противорѣчію—единая центральная власть, наряду съ 34 суверенитетами.

Федерализмъ, вообще, никогда не въ состояніи создать единаго народа. Уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ величайшихъ нѣмецкихъ мыслителей, Іоганнъ Готлибъ Фихте, высказалъ, что федералистическая связь никогда не можетъ породитъ народнаго чувства; что для народа она не существуетъ и всегда остается для него чѣмъ-то внѣшнимъ, какъ всякій другой дипломатическій союзъ правительствъ.

Эти слова совсѣмъ недавно нашли себѣ блестящее подтвержденіе на примѣрѣ Америки, которую, вообще, считали тріумфомъ федералистическаго принципа. Во времена Вашингтона она была, повидимому, едина. Но неизбѣжно порождаемая федерализмомъ приверженность къ партикулярнымъ интересамъ не только не создала тамъ народнаго духа, не только не оживляла его, а, наоборотъ, вызвала въ сердцахъ народа взаимную ненависть, привела къ одной изъ кровопролитнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ войнъ, какія когда либо бывали въ исторіи.

Въ особенности въ Германіи является величайшимъ внутреннимъ противорѣчіемъ говорить единымъ духомъ о федерализмѣ и свободѣ.

Нашъ народъ завоевалъ уже духовное единство великой совокупной работой, охватывающей цѣлыя столѣтія. Мы не знаемъ никакой прусской или австрійской поэзіи, никакой сѣверно-германской и южно-германской науки, никакого австрійскаго и прусскаго искусства и т. д. Во всѣхъ областяхъ духовной жизни у насъ есть уже, дѣйствительно, національное единство, есть уже бытіе, какъ нѣмцевъ; но, чего мы должны еще требовать, чего мы должны еще добиваться, это—такое же единство, такое же національное бытіе въ историческомъ, политическомъ отношеніи. Если право этихъ 34 государей на ихъ короны такъ велико, что съ полнымъ основаніемъ можетъ быть противопоставлено совокупной нѣмецкой націи и по праву можетъ запретить ей вообще быть націей,—то, очевидно, это право должно быть еще гораздо больше по отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ, и я, вообще, не понимаю, на основаніи какого права можно было бы, въ такомъ случаѣ, добиваться внутри данной народности свободы и вообще ограниченія этой прирожденной вѣнценосной власти.

Слѣдовательно, для насъ самая мысль, хотѣть снова возстановить франкфуртскую имперскую конституцію, есть уже не что иное, какъ реакціонная утопія. Утопія (благое пожеланіе) потому, что конституція эта, въ какомъ угодно будущемъ, не могла бы просуществовать ни одного дня, какъ это было для нея невозможно въ прошломъ; реакціонная утопія потому, что если-бы намъ снова пришлось начать съ этого неудачнаго эксперимента 1849 года, то вся наша исторія съ 1848 года не имѣла бы для насъ ровно никакого смысла и никакого значенія. Согласно нашему воззрѣнію, гибель франкфуртской имперской конституціи есть лишь необходимое слѣдствіе ея внутренняго противорѣчія и послѣднее доказательство безсилія федерализма, — согласно этому воззрѣнію эта четырнадцатилѣтняя исторія имѣетъ смыслъ, и очень большой смыслъ, хотя и купленный дорогой цѣной.

Но я хочу критиковать депутатскій съѣздъ не съ своей точки зрѣнія, а съ его собственной.

Еще меньше года тому назадъ депутатскій съѣздъ заявилъ, что франкфуртская имперская конституція 1849 года есть наше дѣйствующее право, есть то знамя, вокругъ котораго должна сплотиться нѣмецкая нація.

Слѣдовательно, если. депутатскій съѣздъ, вообще, хотѣлъ заявить что либо въ отвѣтъ на федералистическую интригу франкфурскаго съѣзда го-

сударей, то, съ своей точки зрѣнія, онъ долженъ былъ бы просто указать на то, что франкфуртская имперская конституція 1849 года есть уже по праву дѣйствующая конституція нѣмецкой націи.

Что же сдѣлалъ, вмѣсто этого, франкфуртскій депутатскій съѣздъ? Онъ заявилъ, что при современныхъ обстоятельствахъ онъ не можетъ попросту отринуть проектъ государей! Тотъ проектъ государей, который, во всѣхъ отношеніяхъ, является вопіющимъ противорѣчіемъ франкфуртской имперской конституціи! Тотъ проектъ государей, который, вмѣсто того, чтобы обратиться къ имперскому парламенту, избранному всеобщимъ голосованіемъ, на основаніи франкфуртскаго имперскаго избирательнаго закона, наоборотъ, долженъ былъ быть предложенъ палатѣ депутатовъ, или, пожалуй, палатамъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ народностей, которыя, слѣдовательно, могли его принять или отвергнуть en bloc. Такимъ образомъ, здѣсь, ни въ какомъ случаѣ, невозможенъ былъ какой либо возвратъ къ имперской конституціи и имперскому парламенту.

Депутатскій съѣздъ этимъ отвергъ и измѣнилъ тому, что онъ самъ въ теченіе многихъ лѣтъ объявлялъ правомъ націи! Онъ измѣнилъ тому знамени, къ которому онъ самъ въ теченіе ряда лѣтъ призывалъ народъ.

Но, конечно, прогрессисты черезчуръ часто возсѣдали верхомъ на парадномъ конѣ франкфуртской имперской конституціи, чтобы имъ можно было теперь попросту отвергнуть ее.

Поэтому, рѣшеніе содержитъ въ себѣ еще другой пунктъ, которымъ снова указывается на то, что не эта франкфуртская имперская конституція, это въ высшей степени дипломатично. Но наплевать на дипломатію!— Только конституція, подобная франкфуртской имперской конституціи, можетъ удовлетворить нѣмецкій народъ.

Но что общаго у франкфуртской имперской конституціи съ проектомъ нѣмецкихъ государей? Что общаго у наслѣдственной императорской власти съ искусственной директоріей, у единства—съ пяти—или шестиричностью, у прямого всеобщаго избирательнаго права—съ палатой депутатовъ, у прусскаго главенства—съ австрійскимъ предсѣдательствомъ? Какіе пункты сходства имѣются здѣсь, и какъ можно связать воедино столь противорѣчивыя вещи?

Поэтому, рѣшеніе это однимъ духомъ говорящее: да и нѣтъ, черное и бѣлое, холодное и горячее,—есть не что иное, какъ чистѣйшая безсмыслица, какъ самое вопіющее логическое противорѣчіе! Каждое слово этого рѣшенія пожираетъ другое!

Послѣдствія не заставили себя долго ждать. Съ одной стороны, госпо-

динъ фонъ-Бисмаркъ бросаетъ прогрессистамъ въ лицо упрекъ, что они измѣняютъ Пруссіи; а съ другой—велико-германскіе органы утверждаютъ, что прогрессивная партія измѣняетъ Германіи, ради своей тайной любимой мысли о прусскомъ главенствѣ! И замѣчательно, господа, то, что тѣ и другіе правы, и господинъ фонъ-Бисмаркъ и велико-германцы! Прогрессисты достигли-таки прямо невозможнаго: желая быть любезными со всѣми, они всему измѣнили, они все утверждали и все отрицали единымъ духомъ!!!

Какъ ни неопровержимо все это, я, все же, въ подтвержденіи сказаннаго приведу краткое доказательство, что даже сами прогрессисты очень хорошо поняли и знаютъ, что дѣло обстоитъ именно такъ, какъ я изобразилъ это вамъ. Одинъ изъ нихъ, именно господинъ Георгъ Юнгъ изъ Кёльна заявилъ на самомъ франкфуртскомъ депутатскомъ съѣздѣ: „Предложенія комитета сотканы изъ противорѣчій; почти каждое положеніе уничтожаетъ предыдущее и само уничтожается послѣдующимъ“. („Эльберфельдская газета“, № отъ 24 августа). Эти слова принадлежатъ прогрессисту же!

И, не смотря на то, этотъ же самый господингъ Юнгъ голосовалъ за это рѣшеніе, ибо рѣшеніе это было принято, какъ сообщаютъ газеты, единогласно, и оно должно быть принято единогласно, чтобы доказать единодушіе (!) великой либеральной партіи! Единодушіе въ забвеніи всякаго человѣческаго разсудка, единодушіе въ безсмыслицѣ, въ самопротиворѣчіи,—таково оно это единодушіе великой либеральной партіи!

Два другихъ прогрессиста, господа Беккеръ и Велькеръ, поступили послѣдовательно и внесли, вопреки предложенію комитета, свое собственное предложеніе—вернуться назадъ къ франкфуртской имперской конституціи. Но и они отказались отъ своего предложенія! Конечно, они сами заявили, что должны были внести это предложеніе, такъ какъ только во франкфуртской имперской конституціи обезпечено право нѣмецкой націи! Но—рѣшеніе необходимо же было принять единогласно! Единодушіе въ забвеніи всякихъ принциповъ, въ измѣнѣ всякому праву, не только объективному праву, но и тому праву, что они сами признали за таковое,—таково оно, это, такъ называемое, единодушіе великой либеральной партіи! Единодушіе дома умалишенныхъ!

Наконецъ, еще одно жалкое зрѣлище: прогрессисты представляютъ свое рѣшеніе съѣзду государей! Даже отъ этого они не избавили насъ! И какое право имѣли на это эти господа? Они вѣдь не представляютъ собой никакой юридической корпораціи, они состоятъ изъ лицъ, которыя раньше

были депутатами, но теперь уже не являются таковыми, ·изъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ,—которыя еще обладаютъ мандатомъ, но не для рѣшенія вопроса о конституціи Германіи. Да и избраны они, сверхъ того, по трехклассному избирательному закону. Итакъ, какое право имѣютъ эти господа безъ мандата дѣлать оффиціальныя заявленія по поводу этого нѣмецкаго національнаго дѣла?

Но если они хотѣли оказать моральное вліяніе, просто какъ кучка людей—въ 500 человѣкъ, то они могли достигнуть этого проще. Поскольку они, вообще, могли оказать вліяніе, они могли достигнуть этого, опубликовавъ свое рѣшеніе въ газетахъ. И для этого вовсе не требовалось оффиціальнаго оповѣщенія или, даже, оффиціальнаго попрошайничества передъ съѣздомъ государей.

Итакъ, какова же истинная причина всего этого ряда смѣхотворныхъ шаговъ?

Я хочу выдать вамъ этотъ секретъ!

Прогрессисты любезничаютъ съ государями, чтобы... напугать господина фонъ-Бисмарка! Они надѣются застращать его своимъ кокетничаньемъ съ нѣмецкими государями!

Таковы—средства этихъ несчастнѣйшихъ людей! — И если бы даже мы обмѣнивались ружейными выстрѣлами съ господиномъ фонъ-Бисмаркомъ, то справедливость бы требовала отъ насъ, чтобы мы, во время самыхъ залповъ, сознались: онъ—мужъ, а тѣ—старыя бабы!

Вѣдь еще никогда старыя бабы не застращивали мужа, какъ бы онѣ не кокетничали на разныя стороны!

Поэтому, господинъ фонъ-Бисмаркъ уже отвѣтилъ имъ распущеніемъ палаты.

Здѣсь я долженъ коснуться нашего необходимаго поведенія на предстоящихъ выборахъ.

Прежде всего, крѣпко запомните слѣдующее:

Принципіальнаго интереса предстоящіе выборы не имѣютъ для насъ.

Они не представляютъ для насъ принципіальнаго интереса—

1) потому, что еще не существуетъ или уже не существуетъ всеобщаго избирательнаго права. А лишь всеобщее избирательное право является для насъ почвой, на которой мы могли бы занять свое собственное самостоятельное положеніе.

Они не представляютъ для насъ принципіальнаго интереса—

2) потому, что прусская конституція, изъ-за которой идетъ борьба, не

есть по праву существующая конституція, и она еще никогда, ни одного дня, не была по праву существующей конституціей!

Позвольте мнѣ напомнить вамъ факты, о которыхъ вы никогда, ни на минуту, не должны позабывать.

Законъ апрѣля 1848 года, съ одной стороны установилъ въ Пруссіи всеобщее избирательное право, а съ другой, опредѣлилъ, что король не можетъ издавать никакого новаго закона безъ согласія законно существующаго представительства страны. Слѣдовательно, такого представительства, которое образовано путемъ всеобщаго избирательнаго права, согласно существовавшему тогда избирательному закону.

Въ декабрѣ 1848 года, король, какъ вамъ извѣстно, даровалъ конституцію. Я буду очень уступчивъ. Пусть онъ имѣлъ на это право! Но окончательную силу эта конституція могла получить лишь въ томъ случаѣ, если бы она была утверждена и принята законно существовавшимъ народнымъ представительствомъ. Это сознавалъ и самъ король и, поэтому, въ 1849 году, онъ созвалъ въ Берлинѣ ревизіонную палату. Но не успѣло еще засѣданіе дотянуть до своего естественнаго конца, какъ палата снова была распущена, и король даровалъ трехклассный избирательный законъ. Но я буду еще болѣе уступчивъ. Пусть король имѣлъ право и на это! Но какъ сама та конституція, такъ и этотъ дарованный трехклассный избирательный законъ могъ имѣть окончательную законную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ утвержденъ существовавшимъ во время акта дарованія народнымъ представительствомъ. Но, какъ я уже указывалъ выше, представительство это должно было быть избрано, согласно существовавшимъ тогда законамъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права. Только такое легальное законодательное собраніе, созданное на основаніи всеобщаго избирательнаго права могло бы, слѣдовательно, если бы согласилось на это —утвердить дарованный трехклассный избирательный законъ. По нынѣшній день ничего такого не было, а этотъ трехклассный избирательный законъ былъ утвержденъ и конституція была принята собраніемъ, созваннымъ на основаніи этого же самаго дарованнаго трехкласснаго избирательнаго закона. Такимъ образомъ, собраніе это было совершенно незаконнымъ, оно не имѣло подъ собой никакой законной почвы, оно не имѣло никакого юридическаго существованія.

Такъ какъ, со времени апрѣльскихъ законовъ 1848 года, и самъ король не могъ уже издавать законовъ, а слѣдовательно, и избирательнаго закона, безъ согласія законно существующаго представительства, то онъ не могъ и уполномочить никого другого на это. Я никому не могу передавать того

права, какимъ самъ не обладаю. Король, слѣдовательно, столь же мало могъ уполномочить какого-нибудь генерала или камердинера утвердить этотъ дарованный трехклассный избирательный законъ, какъ и нѣсколько сотъ буржуа.

Ни одинъ юристъ изъ партіи прогрессистовъ не можетъ отвергать этой дедукціи, да никто изъ нихъ и не пытался дѣлать этого.

Точно также и самъ народъ никогда, ни въ какой формѣ, не высказывалъ своего одобренія или согласія на это правонарушеніе. Ибо никогда народъ не обсуждалъ на своихъ первоначальныхъ собраніяхъ этого вопроса. Да, кромѣ того, со времени этого правонарушенія 1849 года и благодаря ему, никогда больше 25 процентовъ избирателей на пользовалось своимъ избирательнымъ правомъ; слѣдовательно, ничтожное меньшинство.

Такимъ образомъ, прусская конституція ни одного дня не существовала еще по праву.

Равнымъ образомъ, ничего не мѣняетъ здѣсь и то, что конституціи присягалъ, съ одной стороны, король, а съ другой —ландтагъ.

Эта присяга ничтожна, какъ ничтожна клятва, данная при алтарѣ, если какое-либо юридическое основаніе опорочиваетъ засвидѣтельствованный клятвою бракъ.

А, кромѣ того, что касается палатъ, то, какъ это слѣдуетъ изъ сказаннаго выше, со времени ревизіонной палаты 1849 года, въ Пруссіи еще никогда не было законнаго народнаго представительства. Были только незаконныя кучки узурпаторовъ, и больше ничего; цѣною правъ народа они хотѣли заключить частный миръ буржуазіи съ правительствомъ. И лишь теперь, когда они поссорились съ правительствомъ изъ-за своей доли въ добычѣ, они вновь скашиваютъ свои глаза въ сторону народа.

Конечно, эти герои палаты скажутъ вамъ: развѣ мы не обязаны были вступать въ эти, правда, незаконныя палаты, дабы воспользоваться остатками правъ народа, какъ оружіемъ для завоеванія дальнѣйшихъ народныхъ правъ?

Разумѣется, они могли такъ поступить. Но, въ такомъ случаѣ, каждую сессію палатъ они должны были открывать, прежде всего, заявленіемъ о незаконности своего существованія, они должны были призывать еще неотомщенную тѣнь народнаго права!

Но они этого не дѣлали, никогда не дѣлали, они, напротивъ, наполняли весь воздухъ лживымъ и лицемѣрнымъ крикомъ о существующей по праву прусской конституціи. Они только показали этимъ, что пре-

даютъ, отрицаютъ права народа, что, ради частной добычи буржуазіи, они топчутъ ихъ ногами.

Слѣдовательно, для насъ, прусская конституція, это — явное доказательство и результатъ совершеннаго по отношенію къ народу правонарушенія, не имѣетъ никакой цѣны и не представляетъ никакого интереса, она не имѣетъ также и правового существованія.

Для насъ, борьба обѣихъ партій не представляетъ никакого принципіальнаго интереса, ибо обѣ партіи, какъ реакціонеры, такъ и прогрессисты, одинаково чужды намъ.

Для насъ, борьба не представляетъ никакого принципіальнаго интереса, такъ какъ самый предметъ этой борьбы—прусская конституція—не представляетъ для насъ такого интереса.

Наоборотъ, въ насъ прусская конституція можетъ вызвать лишь одинъ интересъ,— чтобы она возможно скорѣе исчезла съ лица земли!

Слѣдовательно, я не стану участвовать въ выборахъ, теперь такъ же, какъ и раньше. И вамъ я за наилучшее посовѣтую уклоняться отъ выборовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ побѣда партіи прогрессистовъ и безъ того вполнѣ обезпечена.

Мы въ теченіе четырнадцати лѣтъ стояли въ сторонѣ отъ этихъ незаконныхъ и противныхъ праву избирательныхъ актовъ. Говорятъ, что крысы покидаютъ судно, когда оно начинаетъ тонуть. Неужели мы должны быть извращенными крысами, вскакивающими на утлое судно прусской конституціи, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно уже тонетъ?

Но если предстоящая избирательная борьба не представляетъ для насъ никакого принципіальнаго интереса, то она имѣетъ для насъ очень большой тактическій интересъ, и этотъ тактическій интересъ требуетъ, чтобы всюду, гдѣ побѣда партіи прогрессистовъ сама по себѣ не вполнѣ обезпечена, мы голосовали—не смѣйтесь, я говорю это совершенно серьезно—въ пользу партіи прогрессистовъ!

Основанія для этого просты.

Для насъ въ высшей степени важно, чтобы опытъ, несвоевременно прерванный въ маѣ этого года, благодаря отсрочкѣ, снова былъ продолженъ и доведенъ до своего естественнаго конца. Для насъ въ высшей степени важно, чтобы прогрессисты еще дальше доказали свою полную неспособность довести до побѣдоноснаго конца этотъ конфликтъ, — дабы тѣ, кто еще вѣритъ теперь въ нихъ, были вразумлены фактами. Мы ни въ какомъ случаѣ не должны оставлять прогрессистамъ того оправданія, что

они были де разбиты на выборахъ. Они должны быть избраны еще въ большемъ числѣ, чѣмъ на прошлыхъ выборахъ, чтобы даже самые слѣпые, узрѣли, наконецъ, ихъ полное и жалкое безсиліе.

И дальше: пока еще нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, и пока мы, благодаря этому, еще не въ состояніи занять самостоятельнаго положенія, до тѣхъ поръ для насъ въ высшей степени должно быть важно, съ тактической точки зрѣнія, чтобы эта борьба между реакціей и прогрессистами продолжалась дальше. Если только прогрессисты не положатъ ей конца, заключивъ съ правительствомъ новый компромиссъ и перебѣжавъ на его сторону. Это, конечно, возможная вещь, но тогда они окончательно и безнадежно погибли въ глазахъ народа.

Я говорю, для насъ важно, чтобы эта борьба продолжалась дальше, не для того, чтобы одинъ пожралъ и проглотилъ другого, а для того, какъ на это надѣялся Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, когда Лютеръ впервые поднялъ знамя бунта противъ папы, чтобы они пожрали и проглотили другъ друга!

Слѣдовательно, мы должны поддерживать въ этой борьбѣ слабѣйшую сторону. А о томъ уже позаботились, господинъ фонъ-Бисмаркъ уже позаботится о томъ, чтобы прогрессивныя деревья не доросли до небесъ!

А намъ, слѣдовательно, со своей стороны, въ случаѣ нужды, необходимо позаботиться о томъ, чтобы реакція не проглотила прогрессистовъ.

Итакъ, выбирайте ихъ, выбирайте еще разъ и, нужно надѣяться, въ послѣдній разъ! Но выбирайте ихъ съ яснымъ сознаніемъ, выбирайте ихъ, дабы они окончательно опозорились и погибли!

Послѣ этого отступленія по поводу предстоящихъ выборовъ, я снова возвращаюсь къ франкфуртскому депутатскому съѣзду. Ключъ къ разгадкѣ всѣхъ стремленій прогрессистовъ и членовъ Національнаго Союза намъ далъ снова президентъ Національнаго Союза, господинъ фонъ-Беннигсенъ. Закрывая депутатскій съѣздъ, онъ произнесъ рѣчь, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Страсти народной партіи и закоснѣлость правителей уже часто приводили къ революціоннымъ переворотамъ. Но нѣмецкій народъ не только единодушенъ, но и столь скроменъ въ своихъ притязаніяхъ, какъ нѣмецкая національная партія, которая не желаетъ никакой революціи и никакой революціи сдѣлать не можетъ, умываетъ руки, если послѣ нея придетъ другая партія, которая протянетъ руку къ перевороту, ибо реформа была бы уже невозможна“. („Народная Газета“, № отъ 25-го августа настоящаго года).

Правда, я считаю очень большой ошибкой со стороны господина фонъ-Беннигсена, что онъ постоянно, и теперь еще, напоминаетъ намъ о томъ, что онъ и его партія не хотятъ никакой революціи! Но такъ какъ онъ неустанно напоминаетъ намъ объ этомъ,—то прекрасно, мы доставимъ ему это удовольствіе! Итакъ, поднимемъ свои руки и поклянемся, что если когда-нибудь настанетъ этотъ переворотъ—безразлично, какъ бы это ни случилось, — мы припомнимъ прогрессистамъ и членамъ Національнаго Союза, какъ они до послѣдней минуты заявляли, что они не хотятъ никакой революціи!

Клянитесь въ этомъ, поднимайте свои руки!

(Все собраніе въ сильномъ возбужденіи поднимаетъ свои руки).

Не меньшій интересъ представляетъ и рѣчь господина Шульце-Делича, произнесенная имъ также во Франкфуртѣ, во время обязательнаго празднества, естественно, послѣдовавшаго за депутатскимъ съѣздомъ.

Я долженъ прочесть вамъ эту рѣчь, дабы никто изъ васъ не подумалъ, что я несправедливъ по отношенію къ нему. Господинъ Шульце-Деличъ сказалъ слѣдующее: „Господа! Говорили объ ошибкахъ, совершенныхъ тѣми собраніями, въ которыхъ началась наша политическая жизнь. Я ничего не знаю объ этомъ, но утверждаю одно: если вообще гдѣ-либо собранія являлись вѣрнымъ выраженіемъ народа, то это были именно эти собранія 1848 года. Если они совершили ошибки, то ошибки эти были слабыми сторонами нашего народнаго развитія, въ этихъ парламентскихъ ошибкахъ проявились народныя ошибки. Не будемъ утаивать, что вообще послужило причиной неудачи этихъ безупречно честныхъ, глубоко искреннѣйшихъ трудовъ, покоившихся на чистѣйшемъ моральномъ чувствѣ! Господа! То теченіе, которое тогда ворвалось въ политическій вопросъ, и отъ котораго не могли уклониться и тѣ собранія,—это былъ не политическій вопросъ, а вопросъ соціальный, общественный вопросъ! Благодаря соціальному вопросу, политическое движеніе народа приняло совершенно ошибочное направленіе, и на этой же соціальной почвѣ началось распаденіе великой либеральной партіи, такъ что часть ея бросилась въ объятія реакціи. Когда въ Парижѣ разыгралась іюньская бойня, по всей Европѣ на долгое время была рѣшена судьба либеральнаго движенія. Господа! Не будемъ прежде всего скрывать одного: въ тотъ моментъ, когда образованные и имущіе классы въ страхѣ отшатнулись отъ политическаго движенія—все равно, правиленъ или неправиленъ былъ ихъ страхъ—въ этотъ моментъ было рѣшено, что движеніе

это не приведетъ ни къ какому прочному, серьезному пр образованію отношеній“ („Народная Газета“, № отъ 26-го августа настоящаго года).

Господинъ Шульце-Деличъ—это enfant terrible своей партіи, дитя, выбалтывающее всѣ тайны, какія онъ долженъ былъ бы, въ интересахъ своей партіи, одѣвать глубочайшимъ мракомъ ночи! Онъ говоритъ вамъ, что политическая революція не удалась потому, что буржуазія уклонилась отъ политическаго движенія и отказалась отъ политической свободы. И, при томъ, она поступила такъ потому, что поняла, что вы захотите воспользоваться политической свободой для измѣненія и улучшенія своего соціальнаго положенія! Что же говоритъ вамъ, слѣдовательно, господинъ Шульце этими своими словами? Онъ говоритъ вамъ:

1) что буржуазія никогда не согласится на улучшеніе вашего соціальнаго положенія.

Онъ говоритъ вамъ:

2) что она никогда не согласится предоставить вамъ даже одной только политической свободы—всеобщаго и прямого избирательнаго права. Ибо это дало бы вамъ возможность въ любой моментъ приступить къ улучшенію вашего соціальнаго положенія. Еслибы даже буржуазія была увѣрена, что въ настоящее время вы были бы такими паиньками, что не стали бы этого дѣлать, даже если-бы къ вашимъ услугамъ было всеобщее избирательное право,—то чѣмъ была бы она гарантирована, что вы и черезъ годъ, черезъ два, или черезъ пять лѣтъ останетесь такими же паиньками и не воспользуетесь всеобщимъ избирательнымъ правомъ для улучшенія своей участи? А такъ какъ, слѣдовательно, такой гарантіи для нея никогда не можетъ быть, то она никогда не можетъ желать, чтобы вы добились всеобщаго прямого избирательнаго права.

Шульце-Деличъ говоритъ вамъ, наконецъ,

3) что буржуазія, поэтому, скорѣе откажется отъ своей собственной политической свободы, нежели согласится предоставить вамъ всеобщее избирательное право.

Онъ говоритъ вамъ, слѣдовательно, совершенно то же самое, что я говорилъ вамъ въ своей „Книгѣ для чтенія рабочимъ“! Я привелъ тамъ нѣсколько основаній и историческихъ примѣровъ для доказательства этого. Вѣроятно, господинъ Шульце думалъ, что мнѣ недостаетъ еще одного доказательства, открытаго признанія со стороны одного изъ вождей буржуазной партіи. И вотъ онъ былъ такъ любезенъ, что предоставилъ въ мое распоряженіе также и это доказательство!

Затѣмъ господинъ Шульце въ своемъ тостѣ произноситъ похвалу вамъ, нѣмецкимъ рабочимъ, за ваше поведеніе въ соціальномъ вопросѣ. Онъ говоритъ: „Наши работники доказали, что они умѣютъ быть нѣмецкими мужами. Они отвергли всякій соблазнъ отколоться отъ партіи прогресса“.

Это сказано какъ разъ въ пику намъ, Общему Германскому Рабочему Союзу. Но развѣ нѣмецкіе рабочіе, дѣйствительно, заслужили эту похвалу? Развѣ вы, дѣйствительно, такіе паиньки, какъ это утверждаетъ господинъ Шульце? Нѣмецкіе работники не заслужили этой похвалы! Что говорятъ факты? Въ Лейпцигѣ Центральный Комитетъ, всѣми голосами противъ 2, присоединился къ нашимъ принципамъ. А на одномъ большомъ рабочемъ собраніи тамъ же эта резолюція была подтверждена 1.300 голосовъ противъ 7! На провинціальномъ съѣздѣ ремесленниковъ въ Кельнѣ большинство точно также рѣшило признать мой „Гласный Отвѣтъ“ манифестомъ движенія. Во Франкфуртѣ я побилъ прогрессистовъ большинствомъ свыше 400 голосовъ противъ 40. Въ Майнцѣ—большинствомъ 800 противъ 2. Въ Гамбургѣ они безсильны противъ нашего большого Союза. Они ничего не могутъ подѣлать здѣсь. Единственный адресъ, дошедшій до меня изъ немногихъ рейнскихъ городовъ, былъ покрытъ свыше 1.400 подписей. А вы знаете, какъ трудно собирать подписи именно среди рабочаго сословія. Другой адресъ только что доставленъ мнѣ изъ Дортмунда.

Въ Герсдорфѣ, въ Саксоніи недавно на одномъ большомъ рабочемъ собраніи, большинствомъ 400 голосовъ противъ 20, было постановлено объявить о своемъ присоединеніи къ Общему Германскому Рабочему Союзу и заявить о своемъ согласіи съ нимъ. То же самое было постановлено въ Гросенгайнѣ, большинствомъ 400 голосовъ противъ 30. Въ Ронсдорфѣ недавно имѣло мѣсто громадное рабочее собраніе. Оно было уже готово единогласно высказаться за насъ, какъ противозаконно было распущено прогрессивнымъ бургомистромъ. Вы сами видите, какъ велико наше число здѣсь, въ Барменѣ и Эльберфельдѣ, отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ, не смотря на ужасную погоду, собралось здѣсь на эту мою рѣчь, и, какъ вы видите, самое большее 250—300 человѣкъ покинули залъ, въ виду ранѣе происшедшаго инцидента.

Таковы эти факты, отъ которыхъ наши противники хотятъ отдѣлаться тѣмъ, что подобно страусу, отворачиваютъ отъ нихъ свои взоры. Они хотятъ отдѣлаться отъ нихъ тѣмъ, что извращаютъ и отрицаютъ ихъ,

тѣмъ болѣе, что въ ихъ полномъ распоряженіи вся типографская краска. Но, конечно, если бы я вздумалъ спросить присутствующихъ здѣсь нашихъ уполномоченныхъ, всѣ ли тѣ, что заполняютъ этотъ громадный залъ и встрѣчаютъ мои слова знаками одобренія и энтузіазма, дѣйствительно, записались въ члены нашего Союза,—то я увѣренъ, что услышалъ бы въ отвѣтъ: что даже и половины изъ нихъ не принадлежитъ къ Союзу!

Но что за причина тому, что вы, раздѣляющіе наши идеи, съ симпатіей относящіеся къ нашимъ взглядамъ и стремленіямъ, до сихъ поръ еще не состоите членами нашего Союза?

О, я прекрасно знаю эту для всякаго ясную причину! Вы аплодируете, вы выражаете свою симпатію намъ, но, въ то же время, вы предоставляете насъ самимъ себѣ, а сами не прочь воспользоваться плодами движенія, что будутъ добыты чужимъ трудомъ! Но я спрашиваю васъ, это поведеніе — достойно мужа, достойно работника? Что отличаетъ работника отъ блюдолиза? Развѣ не то, что послѣдній хочетъ жить чужимъ трудомъ и пожинать тамъ, гдѣ онъ самъ не сѣялъ? Подумайте только! Вѣдь слово самопомощь, которое наши противники всегда произносятъ всуе,—вѣдь въ ихъ устахъ оно есть лишь обманчивая иллюзія, а по-истинѣ, это — нашъ щитъ и нашъ девизъ! Или что можетъ быть болѣе величественной самопомощью, какъ не желаніе преобразовать государство, дабы, такимъ образомъ, измѣнить и соціальныя отношенія? Итакъ, вамъ, желающимъ быть работниками, а не блюдолизами, вамъ, не желающимъ жить чужимъ трудомъ и пожинать тамъ, гдѣ вы не сѣяли, вамъ, встрѣчающимъ меня аплодисментами и радостными возгласами,—да будетъ вамъ стыдно! Идите къ тѣмъ столамъ и запишитесь въ члены нашего Союза, примите и свою долю участія въ нашихъ трудахъ и усиліяхъ!

А нашимъ сочленамъ я скажу такъ: не полагайтесь въ дѣлѣ агитаціи на нашихъ уполномоченныхъ, пусть каждый изъ васъ смотритъ на агитацію, какъ на свою собственную задачу!

Я хочу указать вамъ простое и легкое средство, въ самое короткое время, въ сотни разъ увеличить число нашихъ членовъ: пусть каждый изъ васъ постановитъ себѣ закономъ, еженедѣльно—что не можетъ быть труднымъ—завербовать въ ряды Общаго Германскаго Рабочаго Союза, по крайней мѣрѣ, одного или двухъ новыхъ членовъ, пусть онъ считаетъ потерянной каждую недѣлю, въ которую ему не удалось бы выполнить эту обязанность! Подумайте только, въ какой громадной геометрической прогрессіи умножи-

лись бы наши ряды, если-бы каждый изъ васъ проникся этимъ стремленіемъ!

Да, нужно, чтобы непринадлежность къ нашему Союзу считалась своего рода позоромъ, чтобы всякій работникъ, не принадлежащій къ намъ, считался не настоящимъ, не полнымъ работникомъ. И, дѣйствительно, такой работникъ не полный работникъ, онъ или не понимаетъ жизненнаго интереса своего класса, или ему не достаетъ мужества самому бороться за этотъ интересъ.

А теперь я приглашаю васъ, вмѣстѣ со мной провозгласить:

Да здравствуетъ соціальная демократическая агитація! Да здравствуетъ Общій Германскій Рабочій Союзъ!

(Продолжительныя, неоднократно возобновлявшіяся, бурныя рукоплесканія).

Въ виду появившихся въ различныхъ газетахъ ложныхъ отчетовъ о внѣшнемъ ходѣ собраній, я привожу здѣсь краткое, точное, фактическое описаніе ихъ.

Въ Эльберфельдѣ (20 сентября), не смотря на проливной дождь многія сотни работниковъ дожидались господина Лассаля, уже на желѣзной дорогѣ. Собраніе происходило въ Бармснѣ, въ помѣщеніи господина Галльбаха, которое было избрано благодаря его громаднымъ размѣрамъ. Оно было биткомъ набито народомъ. Присутствовало около 3.000 человѣкъ.

Собраніе было открыто шестью бурными привѣтствіями въ честь господина Лассаля. Привѣтствія возобновились снова, когда ораторъ взошелъ на трибуну.

Почти въ самомъ началѣ раздался одинокій, долго не смолкавшій, пронзительный свистъ.

Это вызвало неописуемое возбужденіе среди работниковъ, которые тщетно старались найти виновника. Когда затѣмъ возстановилось спокойствіе господинъ Лассаль заявилъ:

„Я долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу только что происшедшаго инцидента. Да будетъ стыдно тому, кто сейчасъ свисталъ. Это безстыдство, что одинъ мѣшаетъ тысячамъ, которые, какъ онъ видитъ, преисполненные вниманія и воодушевленія, жадно льнутъ къ моимъ устамъ. Кромѣ того, я долженъ замѣтить еще одно. Возможно, что здѣсь присутствуютъ не только члены и друзья, но и враги Общаго Германскаго Ра-

бочаго Союза. Я обращаю ихъ вниманіе на то, что нынѣ они находятся въ гостяхъ у меня, у Общаго Германскаго Рабочаго Союза!

„Милости просимъ и ихъ, пока они ведутъ себя спокойно и скромно.

„Но, при малѣйшемъ преднамѣренномъ нарушеніи спокойствія, я воспользуюсь своимъ правомъ хозяина и въ одинъ мигъ, безъ шума, безъ оскорбленія, попросту прикажу выбросить за дверь виновниковъ. Вы видите, что, не говоря даже о полиціи, къ моимъ услугамъ здѣсь тысячи рукъ“.

Благодаря этому заявленію, ораторъ продолжалъ затѣмъ свою рѣчь вполнѣ спокойно, прерываемый лишь бурными рукоплесканіями.

Во время перерыва, къ столу подошелъ какой то, сидѣвшій среди кучки фабрикантовъ, господинъ и попросилъ слова. Напрасно предсѣдатель, господинъ Гилльманъ, объяснялъ ему, что собраніе созвано, только для выслушанія рѣчи господина Лассаля, которая, къ тому же, еще и не закончена, что далѣе, согласно уставу, на собраніяхъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза могутъ говорить только его члены. Господинъ этотъ продолжалъ стоять у стола, настаивая на своемъ. Вдругъ онъ исчезъ отъ стола. Въ этотъ моментъ, за находившимися поблизости отъ него столами фабрикантовъ, начали раздаваться привѣтствія въ честь Шульце-Делича. Но едва только близъ стоявшіе работники услыхали это имя, какъ сочли это за явную провокацію, ринулись на фабрикантовъ и съ быстротою молніи удалили ихъ изъ зала. Справедливо, что нѣсколько мелькнувшихъ въ воздухѣ стульевъ и брошенныхъ пивныхъ кружекъ ускорили это отступленіе. Единомышленники удаленныхъ съ величайшей поспѣшностью покинули залъ.

Все это произошло такъ быстро, такъ тихо, что въ верхнемъ концѣ зала рѣшительно ничего не было слышно; лишь потому, что видно было, можно было догадываться о томъ, что происходило тамъ внизу.

Въ общемъ, не больше 250 человѣкъ покинули залъ, отчасти добровольно, отчасти по принужденію.

Послѣ перерыва, ораторъ продолжалъ свою рѣчь и закончилъ ее среди напряженнѣйшаго вниманія и бурныхъ рукоплесканій всего собранія.

Въ Золингенѣ обстоятельства сложились иначе. „Эльберфельдская Газета“, — прогрессивный органъ для Эльберфельда — послѣ Барменскаго собранія, обратила вниманіе „полиціи“ на то, что ей слѣдовало бы ознакомиться съ рѣчью Лассаля по стенографическому отчету, дабы рѣшить, нѣтъ ли основаній для того, чтобы принять мѣры къ пресѣченію подобныхъ событій въ будущемъ (!!).

Этотъ доносъ, повидимому, достигъ своей цѣли.

Собраніе въ Золингенѣ представляло собой еще болѣе величественное зрѣлище. Благодаря прекрасной погодѣ, могли собраться работники со всего округа. Громадный залъ, казалось, уже былъ биткомъ набитъ. Но вотъ появились еще, выстроенные въ колонны, во главѣ со своими уполномоченными, вупперталерскіе работники. Всѣ они были украшены зеленью. Впереди несли знамена.

Многія тысячи народа вынуждены были остаться внѣ стѣнъ зала, которое не могло уже вмѣстить всѣхъ.

Золингенское собраніе описано вполнѣ вѣрно въ № 266 „Дюссельдорфской Газеты“. Вотъ это описаніе:

„Доносъ „Эльберфельдской Газеты“ принесъ свои плоды: даже въ 1848 году Рейнская область не видала такого большого народнаго собранія, какъ то рабочее собраніе, что вчера имѣло мѣсто въ Золингенѣ. Колоссальный залъ Шютценбурга былъ до такой степени набитъ биткомъ, что даже кельнеры не могли въ немъ двигаться. И еще многія, многія тысячи тѣснились передъ дверями Шютценбурга. Число всѣхъ присутствовавшихъ исчисляется, въ общемъ, больше, чѣмъ въ 10.000 человѣкъ.

„Лассаль при своемъ появленіи на трибунѣ, былъ встрѣченъ бурнымъ ликованіемъ. Въ самомъ началѣ его рѣчи, произошелъ было безпорядокъ, но съ быстротою молніи былъ устраненъ, и виновникъ былъ удаленъ изъ зала. Равнымъ образомъ, нельзя было опасаться и повторенія чего-либо подобнаго. Работники явились въ такомъ громадномъ числѣ и, такъ явно обнаруживали свою рѣшимость не допускать больше никакихъ нарушеній, что о повтореніи такихъ попытокъ и думать было нечего. Ораторъ говорилъ уже около $^3/_4$ часа, какъ вдругъ около стола появился жандармъ. Онъ заявилъ, что за полчаса до этого здѣсь имѣлъ мѣсто безпорядокъ, и что, во время его устраненія, повидимому, были нанесены пораненія, и, потому, онъ объявляетъ собраніе закрытымъ.

„Лассаль возразилъ жандарму, что, согласно закону о союзахъ (§ 5), собраніе можетъ быть распущено только въ томъ случаѣ, если на немъ обсуждались проекты наказуемыхъ дѣяній, или если на немъ присутствовали вооруженныя лица; тчо ничего подобнаго, въ данномъ случаѣ, нѣтъ, и нѣтъ никакого иного повода къ закрытію собранія. Онъ съ полной серьезностью, при бурныхъ рукоплесканіяхъ присутствовавшихъ, указалъ полицейскому на законныя послѣдствія, въ случаѣ, если собраніе будетъ противозаконно распущенно силою.

„Жандармъ отошелъ отъ стола, и Лассаль продолжалъ свою рѣчь, и

весь инцидентъ казался уже исчерпаннымъ. Но вотъ, черезъ пять минутъ послѣ этого, во главѣ — впрочемъ, предоставимъ лучше говорить дальше той телеграммѣ, которую Лассаль вынужденъ былъ отправить по этому поводу министру президенту еще изъ Золингена.

„Министру-президенту фонъ-Бисмарку,

Берлинъ.

„Прогрессивный бургомистръ, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ ружьями жандармовъ и нѣсколькихъ полицейскихъ съ обнаженными шашками, только что распустилъ, безъ всякаго законнаго повода, созванное мною рабочее собраніе. Я тщетно протестовалъ, ссылаясь на законъ о союзахъ. Я едва удержалъ народъ — около 5.000 человѣкъ въ большой залѣ Стрѣлковаго Общества и нѣсколько тысячъ внѣ ея стѣнъ—отъ насилія. Меня сопровождали на телеграфъ жандармы и десять тысячъ народа, которые думали, что я арестованъ. Знамя Эльберфельдскихъ рабочихъ конфисковано. Прошу о самомъ строгомъ, самомъ быстромъ законномъ удовлетвореніи.

Ф. Лассаль“.

„Путь Лассаля отъ Шютценбурга до телеграфной конторы длившійся свыше четверти часа, былъ похожъ на тріумфальное шествіе. Вся масса народа сопровождала его. Непрестанно раздавались привѣтственные клики въ честь Лассаля. Такъ какъ народъ думалъ, что онъ арестованъ, то онъ лишь тѣмъ сильнѣе выражалъ къ нему свою симпатію. Весь Золингенъ былъ на ногахъ. На всѣхъ улицахъ, по которымъ тянулось громадное шествіе (послѣдніе ряды были еще недалеко отъ Шютцберга, а Лассаль во главѣ тѣсно сомкнутаго шествія достигъ уже телеграфной конторы) у оконъ стояли женщины съ дѣтьми. Наконецъ, доступъ на улицѣ былъ прекращенъ. Отъ телеграфной конторы часть народа, все еще опасавшагося, какъ бы жандармы не арестовали его, проводила Лассаля до помѣщенія Союза. Здѣсь очень многіе записались въ члены Общаго Германскаго Рабочаго Союза“.

Къ этому отчету слѣдуетъ еще добавить, что тѣ два пораненія, которыя дали поводъ полиціи распустить собраніе, по слухамъ, были нанесены уже внѣ стѣнъ зала, когда нѣсколько купцовъ и фабрикантовъ попытались было провозгласить привѣтствіе у самыхъ дверей въ залъ. Говорятъ, полицейскій сабельнымъ ударомъ отрубилъ работнику большой палецъ руки. Господинъ Лассаль первоначально хотѣлъ было набросать телеграмму ми-

нистру-президенту тутъ же въ залѣ Шютценбурга, не смотря на требованіе жандармовъ покинуть залъ. Тогда жандармы затушили у него свѣчу и опрокинули столъ на которомъ онъ писалъ.

Когда Лассаль, въ сопровожденіи народа прибылъ къ помѣщенію Рабочаго Союза, ему преподнесли здѣсь, въ видѣ подарка отъ соединенныхъ работниковъ Вупперталя, великолѣпно отпечатанное на бѣломъ атласѣ стихотвореніе, написанное золингенскимъ шпажнымъ работникомъ Эд. Виллъмсомъ.

Въ Дюссельдорфѣ собраніе прошло въ величайшемъ спокойствіи и въ высшей степени достойно. Помѣщеніе Корна вмѣщало всего лишь 700 человѣкъ, и гораздо большая масса людей толпилась, поэтому, снаружи, тщетно желая проникнуть внутрь помѣщенія. Но, не смотря на то, спокойствіе ни на минуту не было нарушено.

И что же! Эту грандіозную народную манифестацію, описать которую можетъ только тотъ, кто самъ присутствовалъ на ней, очевидцемъ которой былъ весь Золингенъ, видѣвшій на своихъ улицахъ это длинное шествіе,— эту манифестацію редакторы и корреспонденты „Барменской“ и „Эльберфельдской“ (а также и „Рейнской“) Газеты представили въ совершенно извращенномъ видѣ. Дѣло, видите ли, происходило будто бы такъ, что жандармы сопровождали Лассаля „ради его безопасности“, „среди несшихся отовсюду проклятій народа“, „со штыками, направленными противъ разсвирѣпѣвшаго народа“. Господа редакторы и корреспонденты не остановились передъ такимъ искаженіемъ фактовъ, не смотря на то, что присутствовали только при рѣчи Лассаля въ Барменѣ, какъ бы желая этимъ заявить, что новаго послѣ этого они уже ничего не ожидаютъ увидѣть у рабочаго населенія.

Излишне говорить о томъ, что Лассаль не могъ бы обратиться по телеграфу къ министру-президенту съ серьезной жалобой на жандармовъ въ тотъ самый моментъ, когда они „защищали“ его противъ „народной ярости“. Излишне указывать на всѣ тѣ противорѣчія, въ какія впадаютъ по всѣмъ пунктамъ, и другъ съ другомъ, и съ самими собой, отчеты и „Эльберфельдской“ и „Барменской Газеты“.

Излишне указывать на то, что затѣмъ, когда жандармы удалились, населеніе снова сопровождало Лассаля отъ телеграфной конторы до помѣщенія Рабочаго Союза. Если кто хочетъ узнать истину изъ заявленій противника, тотъ пусть прочтетъ руководящую статью „Южно-Нѣмецкой Газеты“—одного изъ самыхъ враждебныхъ Лассалю и рабочему движенію

органовъ—подъ заглавіемъ: „Съ Нижняго Рейна. Рейнское рабочее движеніе“. Здѣсь, уже послѣ Барменскаго собранія, говорилось, что это не пустое тщеславіе со стороны Лассаля, когда онъ заявилъ въ своей рѣчи, что прибылъ произвести „смотръ войскамъ“. Статья, далѣе, съ душевнымъ прискорбіемъ признаетъ и значительные размѣры рабочей партіи на Рейнѣ и ея энтузіазмъ.

Но чтобы еще рѣзче подчеркнуть всѣ эти новые недостойные поступки либеральной печати, чтобы преисполнить сердца работниковъ неизгладимой ненавистью къ ней, Лассаль тотчасъ же напечаталъ въ „Дюссельдорфской Газетѣ“ слѣдующее воззваніе къ золингенскимъ работникамъ:

ПУБЛИЧНОЕ ВОЗВАНІЕ.

Работники Золингена!

Въ своей рѣчи къ вамъ я достаточно говорилъ о лживости газетныхъ писакъ. И вотъ, чтобы не только подтвердить сказанное мною, но и довести все это до смѣхотворныхъ размѣровъ, „Эльберфельдская“ и „Барменская Газета“, въ своихъ отчетахъ о золингенскомъ собраніи, совершенно извратили это безпримѣрное въ Рейнской области тріумфальное шествіе, устроенное мнѣ золингенскимъ населеніемъ. Вамъ извѣстно, что населеніе сопровождало меня отъ Шютценбурга до телеграфной конторы въ числѣ около десяти тысячъ человѣкъ, все время пути, длившагося четверть часа, наполняя воздухъ непрестанными привѣтствіями въ честь меня. И вотъ эти газеты говорятъ, будто жандармы—которыхъ я, между прочимъ, не разъ тщетно просилъ удалиться—сопровождали меня ради моей безопасности, и имъ приходилось штыками защищать меня отъ народа, съ проклятіями устремлявшагося на меня!

Вы, работники Золингена и его окрестностей присутствовали на собраніи въ количествѣ десяти тысячъ человѣкъ. Вы знаете, съ какимъ ликованіемъ сопровождали вы меня къ телеграфной конторѣ и затѣмъ, когда жандармы удалились, къ помѣщенію Рабочаго Союза! Въ васъ это наглое и неслыханное извращеніе истины можетъ только зажечь неизгладимую ненависть и безпримѣрное презрѣніе къ такой печати! Но и у другихъ не должно быть и тѣни сомнѣнія насчетъ всего происходившаго.

Хотя, и безъ того, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ подвергать сомнѣнію это мое заявленіе, обращенное къ вамъ и подписанное

мною, я, все же, поручаю золингенскому уполномоченному, Эдуарду Вилльмсу, собрать 500 подписей гражданъ —безразлично, какой партіи и направленія,—присутствовавшихъ на собраніи и подтверждающихъ справедливость сказаннаго. И когда число это будетъ собрано въ оффиціальныхъ газетахъ должно быть напечатано соотвѣтствующее заявленіе.

Дюссельдорфъ, 29 сентября 1863 года.

Ф. Лассаль.

ПРОЦЕССЪ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ

ПЕРЕДЪ ДЮССЕЛЬДОРФСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТОЙ

27 іюня 1864 года [1]).

Въ сентябрѣ 1863 года писатель господинъ Фердинандъ Лассаль произнесъ на различныхъ собраніяхъ „Общаго Германскаго Рабочаго Союза“ въ Барменѣ, Золингенѣ и Дюссельдорфѣ рѣчь, которая вызвала много толковъ и, по существу, носила политическій характеръ. Вскорѣ затѣмъ она вышла отдѣльной брошюрой въ изданіи книжнаго магазина Шауба (В. Нэделенъ) въ Дюссельдорфѣ, подъ заглавіемъ: „Празднества, пресса и франкфуртскій съѣздъ депутатовъ. Три показателя общественнаго настроенія“. 21 октября брошюра была заарестована полиціей. Отпечатана она была въ количествѣ 10.000 экземпляровъ. При арестѣ, у издателя оказалось еще 1.034 экземпляра. У другихъ книгопродавцевъ, въ Дюссельдорфѣ и въ Берлинѣ, гдѣ распоряженіе объ арестѣ послѣдовало 22 октября, было отобрано всего 20 экземпляровъ.

На основаніи общаго характера брошюры, прокуратура возбудила противъ автора обвиненіе по ст. 100 и 101 Уголовнаго Уложенія. Кромѣ того, спеціально были указаны нѣкоторыя мѣста брошюры, какъ подлежащія наказанію въ этомъ смыслѣ. Такъ, напр., было приведено одно мѣсто, въ которомъ господинъ Фердинандъ Лассаль утверждалъ, „что правительство всегда съ той же спокойной усмѣшкой фактическаго презрѣнія игнорировало рѣшенія палаты“. Въ другомъ случаѣ, авторъ назвалъ указъ о предостереженіи „насильственнымъ мѣропріятіемъ правительства“. Онъ говорилъ, далѣе, что правительство „заткнуло глотку печати“, онъ упоми-

---

[1]) Изъ „Дюссельдорфской Газеты“, 1864 г., №№ 176, 177 и 178.

налъ о „звонко раздающихся ударахъ“, которыми „правительство осыпаетъ ея спину“. Далѣе прокуратура привела выводъ автора, „что прусская конституція... не есть по праву существующая конституція и она еще никогда, ни одного дня, не была по праву существующей конституціей“. Наконецъ, указывалось на то, что авторъ называлъ депутатовъ „незаконной кучкой узурпаторовъ“. Всѣ эти мѣста, по мнѣнію прокуратуры, подлежали наказанію по ст. 101 Уголовнаго Уложенія.

Противъ ст. 100 согрѣшили [1]) слѣдующія мѣста. Господинъ Лассаль говорилъ о депутатскихъ празднествахъ, какъ о „сатурналіяхъ нѣмецкой буржуазіи“; онъ говорилъ, далѣе, объ „обладающей деньгами буржуазіи“, о „предразсудкахъ имущихъ классовъ“. Прокуратура указывала также на слѣдующій призывъ къ работникамъ: „Поднимемъ свои руки и поклянемся, что если когда-нибудь настанетъ этотъ переворотъ—безразлично, какъ бы это ни случилось —мы припомнимъ прогрессистамъ и членамъ Національнаго Союза, какъ они вплоть до послѣдняго минуты заявляли, что они не хотятъ никакой революціи“.

Вслѣдствіе возбужденнаго противъ него обвиненія по ст. 100 и 101 передъ Дюссельдорфскимъ Земскимъ Судомъ первой инстанціи ландгерихтомъ, господинъ Лассаль былъ присужденъ in contumaciam къ одному году тюремнаго заключенія. Прокуратура требовала высшей мѣры наказанія, двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Какъ господинъ Лассаль, такъ и прокуратура апеллировали на это рѣшеніе суда первой инстанціи. Вчера дѣло вторично разбиралось передъ Дюссельдорфской Судебной Палатой.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ утра президентомъ ландгерихта, господиномъ Гелльвигомъ. На засѣданіе явилось такъ много публики, по большей части рабочихъ, что, вскорѣ послѣ 9 часовъ, доступъ въ переполненную залу былъ уже закрытъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ о личности обвиняемаго и т. п., господинъ докладчикъ доложилъ настоящее дѣло. А такъ какъ преступными

---

[1]) Ст. 100 гласитъ: „Подвергающій общественное спокойствіе опасности публичнымъ возбужденіемъ подданныхъ государства ко взаимной ненависти или презрѣнію, подлежитъ денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 20 до 200 талеровъ или тюремному заключенію отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ“. Ст. 101: „Кто публичнымъ утвержденіемъ или распространеніемъ измышленныхъ или искаженныхъ фактовъ или публичнымъ поношеніемъ или осмѣяніемъ возбуждаетъ ненависть или презрѣніе къ государственнымъ учрежденіямъ или къ распоряженіямъ правительственной власти, тотъ подлежитъ денежному штрафу въ размѣрѣ до 200 талеровъ или тюремному заключенію до двухъ лѣтъ“.

были признаны не только приведенныя выше мѣста, но и все содержаніе брошюры: „Празднества, пресса и франкфуртское депутатское собраніе“, то вся она и была прочитана in extenso. Это чтеніе началось въ 9 часовъ 30 минутъ и длилось безъ перерыва до 10 часовъ 50 минутъ.

Отводъ обвиняемаго о неподсудности и недѣйствительности вызова въ судъ былъ оставленъ безъ вниманія, согласно предложенію министерства. Затѣмъ началъ свою рѣчь оберъ-прокуроръ: Осужденная въ первой инстанціи брошюра, несомнѣнно, содержитъ въ себѣ нарушенія противъ ст. 100 и 101 Уголовнаго Уложенія, поношенія правительственной власти и возбужденіе неимущихъ противъ имущаго класса. Авторъ брошюры, какъ будто направившій ее только противъ партіи прогрессистовъ, противъ либеральной фракціи палаты депутатовъ, въ то же время, безо всякаго разбора, употребляетъ, какъ равнозначущія, выраженія „прогрессистъ“, „буржуазія“ и „имущій классъ“. Онъ разжигаетъ страсти и пользуется слабостью своихъ слушателей; его агитаціонныя поѣздки не могли имѣть иной цѣли, кромѣ возбужденія работниковъ противъ имущаго класса. И первые плоды этого наказуемаго дѣянія уже на-лицо. Господинъ оберъ-прокуроръ напоминаетъ объ извѣстномъ инцидентѣ на барменскомъ собраніи, когда нѣсколько присутствовавшихъ лицъ, не принадлежавшихъ къ членамъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза и выкрикивавшихъ привѣтствія въ честь Шульце-Делича, были удалены изъ зала. „Справедливо,—говоритъ господинъ Лассаль въ своемъ описаніи этого инцидента,—что нѣсколько мелькнувшихъ въ воздухѣ стульевъ и брошенныхъ пивныхъ кружекъ ускорили это отступленіе“.

Господинъ оберъ-прокуроръ указалъ затѣмъ на прошлую жизнь обвиняемаго, напомнилъ о томъ, что обвиняемый въ ноябрѣ 1848 года былъ уже присужденъ къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, за „возбужденіе къ насильственному, вплоть до кровопролитія, сопротивленію правительству“ и за оскорбленіе оберъ-прокурора фонъ-Аммона I. Онъ закончилъ свою рѣчь требованіемъ высшей мѣры наказанія: двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія.

Въ 11½ часовъ началъ свою защитительную рѣчь господинъ Лассаль. Обвиняемый говорилъ до 1 часа, когда былъ сдѣланъ перерывъ на три часа, и отъ 4 до 6½ часовъ, т. е. цѣлыхъ четыре часа, ни разу не будучи прерванъ.

Послѣ полудня наплывъ публики былъ еще сильнѣе, чѣмъ до обѣда. Самое скромное мѣстечко гдѣ-нибудь въ углу зала, гдѣ пришлось бы все время стоять, можно было раздобыть только съ величайшей опасностью

для себя. Двери въ буквальномъ смыслѣ осаждались, корридоры были биткомъ набиты любопытными и сторонниками Лассаля. Когда Лассаль покинулъ залъ суда, друзья встрѣтили его троекратнымъ привѣтственнымъ кликомъ и проводили вплоть до экипажа.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РѢЧЬ ГОСПОДИНА ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ.

„Господа президентъ и совѣтники!

„Не мало процессовъ пришлось мнѣ пережить на своемъ вѣку. Почти всегда они заканчивались моимъ оправданіемъ. И я никогда не поднималъ рѣчи о размѣрѣ ожидавшаго меня наказанія. Я всегда велъ свою защиту только in quali, только по существу, я какъ бы находилъ ниже своего достоинства поднимать рѣчь о количественномъ вопросѣ. Но, на этотъ разъ, мнѣ приходится даже начать свою защиту рѣчью о мѣрѣ наказанія. И по очень простой причинѣ. Политическія страсти не должны имѣть доступа за эти стѣны, судья—это требованіе предъявляетъ законъ къ вашей должности, къ вамъ—судья не долженъ давать мѣста въ своей груди никакимъ политическимъ страстямъ, никакому политическому настроенію. Это трудно выполнимо въ такое время, когда политическія страсти возбуждены, ибо и судья всегда остается человѣкомъ.

Поэтому, какъ бы ни относились мы снисходительно къ тому, что и судья не можетъ оставаться совершенно чуждымъ политическому настроенію и страстямъ,—во всякомъ случаѣ, здѣсь должны быть извѣстныя границы. Но этотъ приговоръ, на который я жалуюсь и горько жалуюсь вамъ, преступилъ всякія границы, какъ бы широко мы ни намѣчали ихъ. Этотъ приговоръ—мнѣ больно говорить вамъ объ этомъ, но я заявляю вамъ это требуя справедливости, съ величайшимъ спокойствіемъ, какъ свое нерушимое нравственное убѣжденіе—этотъ приговоръ есть чистѣйшее порожденіе политическихъ страстей. И я докажу вамъ это пунктъ за пунктомъ, самымъ неопровержимымъ образомъ. И яснѣе всего доказываетъ это самая мѣра наказанія. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, приговоръ могъ бы быть mal-jugé—судебной ошибкой, какъ это нерѣдко и случается. Но наложенная на меня мѣра наказанія неопровержимо доказываетъ, что приговоръ этотъ есть порожденіе страстей“.

Цѣлымъ рядомъ примѣровъ ораторъ доказываетъ, далѣе, что въ Берлинѣ и во всей Пруссіи, за проступки противъ ст. 100 и 101—въ чемъ и онъ обвиняется —почти никогда не присуждали болѣе, чѣмъ къ денежному штрафу въ 25, 50, самое большее, 100 талеровъ. И лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, наказаніе повышалось до тюремнаго заключенія отъ 14 дней до 4 недѣль. Даже болѣе того, только требовали такого наказанія. Наоборотъ, по отношенію къ нему, была предложена наивысшая мѣра законнаго наказанія, и приблизительно онъ и былъ подвергнутъ ей (тюремное заключеніе срокомъ на одинъ годъ). Судъ самъ сознавалъ необходимость дать спеціальную мотивировку этой необычайной мѣрѣ наказанія. Но какъ онъ это сдѣлалъ?

Приговоръ, прежде всего, говоритъ объ этомъ такъ: „Что касается мѣры наказанія, то, принимая, во вниманіе, что обвиняемый долженъ былъ знать наказуемость своего поступка...“. Но этотъ признакъ есть самое общее свойство всякой наказуемости. По общему признанію всѣхъ авторитетовъ уголовнаго права, при всякомъ виновномъ проступкѣ, сознаніе противозаконности есть необходимое условіе наказуемости. И, поэтому, это соображеніе не имѣетъ ровно никакого значенія для мѣры наказанія.

Второй мотивъ гласитъ: „что своею рѣчью на рабочихъ собраніяхъ онъ вызывалъ опасную агитацію, и изданіе брошюры есть только ея дальнѣйшее продолженіе“.

„Никогда, господа,—продолжалъ обвиняемый,—секретъ осужденія не разоблачался съ большей неосторожностью. Съ поразительной откровенностью судья сознается здѣсь, что собственно онъ наказываетъ не проступокъ обвиняемаго, изданіе брошюры, которую онъ обозначаетъ однимъ „только“, а то, противъ чего не было и не можетъ быть возбуждено обвиненія. Мою совершенно законную, стоящую на почвѣ закона о союзахъ, агитацію, агитацію, которая никогда не встрѣчала препятствій со стороны властей, никогда не подвергалась нападкамъ съ ихъ стороны—собственно эту мою агитацію, заявляетъ судья, хочетъ онъ осудить теперь, такъ какъ она ему не нравится, такъ какъ она кажется ему опасной. А не подвергшійся обвиненію проступокъ, не изданіе брошюры, по отношенію къ которому онъ ограничивается однимъ „только“.

„Третій мотивъ, оправдывающій, по мнѣнію приговора, необычайную мѣру наказанія, гласитъ:—„и что онъ уже подвергался наказанію за подобный проступокъ“. Этотъ мотивъ касается моего осужденія за призывъ гражданской милиціи къ сопротивленію, во время ноябрьскаго конфликта 1848 года. Въ этомъ отношеніи, я долженъ сдѣлать здѣсь два замѣчанія.

Первое изъ этихъ замѣчаній я, быть можетъ, совсѣмъ не сталъ бы дѣлать изъ одной гордости, если бы дѣло шло лично обо мнѣ. Но дѣло въ томъ, что замѣчаніемъ этимъ я хочу парировать одно общее крупное злоупотребленіе, какое всегда позволяетъ себѣ прокуратура во время политическихъ процессовъ. Всегда, при политическихъ процессахъ, прокуратура вспоминаетъ о тѣхъ карахъ, которыя были наложены за событія 1848 и 1849 годовъ.

„Но, при вступленіи на престолъ нынѣшняго государя, была объявлена амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ. Амнистія погашаетъ всѣ еще не наступившія послѣдствія карательнаго приговора, а, слѣдовательно, и возможное усиленіе кары, въ случаѣ рецидива. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, господа прокуроры попросту перепрыгиваютъ черезъ эту королевскую амнистію, какъ будто бы ея и не было! Лично мнѣ нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ этой амнистіи, ибо, въ настоящемъ случаѣ, нельзя говорить о рецидивѣ или о сходствѣ проступка“.

Ораторъ доказываетъ, далѣе, что при ноябрьскомъ конфликтѣ 1848 г. были на лицо особенныя, совершенно исключительныя обстоятельства, и что статья 209 code pénal, по которой онъ тогда обвинялся (сопротивленіе правительственной власти), не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ ст. 100 нашего уголовнаго закона.

„Такимъ образомъ,—продолжаетъ ораторъ,—разсыпаются въ прахъ всѣ тѣ основанія, какими судья пытался оправдать необычайную мѣру наказанія.

„Теперь я перейду отъ мѣры наказанія къ наказуемости. Послѣ того, что я сказалъ вамъ о мѣрѣ наказанія, васъ не можетъ уже удивлять, если я заявлю вамъ, что, въ данномъ случаѣ, вообще не можетъ быть рѣшительно никакой рѣчи о наказуемости. Я осужденъ за два проступка, за проступокъ противъ ст. 100 и противъ ст. 101. Начну съ послѣдняго.

Согласно приговору, проступокъ противъ ст. 101 состоитъ въ томъ, что обвиняемый въ своей рейнской рѣчи заявилъ и развивалъ это въ довольно длинной юридической дедукціи, что „конституція ни одного дня не существовала по праву“. Этимъ, говоритъ приговоръ, обвиняемый „возбуждалъ ненависть и презрѣніе къ государственнымъ учрежденіямъ“. Но по ст. 101, подвергается наказанію лишь тотъ, кто утвержденіемъ или распространеніемъ измышленныхъ или искаженныхъ фактовъ, или поношеніемъ или осмѣяніемъ возбуждаетъ ненависть или презрѣніе къ государственнымъ учрежденіямъ. Какіе же изъ этихъ поступковъ имѣются здѣсь на-

лицо? Осмѣяніе или поношеніе? Гдѣ же оскорбительное слово? Судья второй инстанціи столь же безуспѣшно будетъ доказывать это, какъ это не удалось и судьѣ первой инстанціи. Юридическая дедукція оратора носила строго законный, вполнѣ объективный характеръ.

Или, быть можетъ, здѣсь имѣется на лицо искаженіе или измышленіе? Но, въ такомъ случаѣ, приговоръ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ бы попытаться опровергнуть эту строго юридическую дедукцію оратора, что „прусская конституція еще ни одного дня не существовала по праву". Объ этомъ приговоръ благоразумно умолчалъ. „Развѣ—восклицаетъ обвиняемый—наложенъ запретъ на строго юридическую критику? До чего дожили мы съ рейнскими судами? Какъ? Съ еще большей настойчивостью, съ еще большей рѣзкостью высказывалъ я то же самое передъ берлинскимъ высшимъ судомъ, что прусская конституція еще ни одного дня не существовала по праву. Я долженъ прочесть вамъ эту свою защитительную рѣчь по печатному стенографическому отчету о моемъ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ (Ораторъ читаетъ рѣчь). Президентъ высшаго суда, ежеминутно прерывавшій меня, когда, какъ ему казалось, въ моихъ словахъ заключалось оскорбленіе по адресу прокурора, ни разу не прервалъ меня, пока я развивалъ эту дедукцію. Развѣ онъ поступилъ бы такъ, если бы въ ней заключалось поношеніе или осмѣяніе основного государственнаго закона? Въ то же время, оберъ-прокуроръ, который тогда лично поддерживалъ противъ меня обвиненіе, ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу моего доказательства о незаконности конституціи.

„Вѣдь по долгу чести онъ былъ бы обязанъ защищать основной государственный законъ и доказать искаженіе или измышленіе, или, по крайней мѣрѣ, ошибочность моей юридической дедукціи! Если бы только это было возможно! Я рѣшительно бросаю вызовъ прокурору, пусть онъ докажетъ мнѣ, въ чемъ и почему моя дедукція, гласящая, что прусская конституція никогда еще, ни одного мгновенія, не существовала по праву, — въ чемъ и почему является она измышленіемъ, искаженіемъ или даже только простой ошибкой. Присутствующій здѣсь прокуроръ столь же безуспѣшно будетъ доказывать это, какъ это не удалось и оберъ-прокурору. Какъ? Неужели мы дошли до того, что свобода юридической критики, неприкосновенное право строго законной дедукціи, меньше почитается рейнскими судами, нежели берлинскимъ исключительнымъ судомъ?"

Другой проступокъ противъ ст. 101 состоитъ будто бы въ томъ, что Лассаль называлъ членовъ палаты „незаконной кучкой узурпаторовъ".

Это можетъ показаться оскорбленіемъ только для палаты и ея членовъ. Но по этому поводу ему не приходится здѣсь защищаться, ибо это было бы проступкомъ противъ ст. 102, въ чемъ онъ сегодня не обвиняется. Къ нему нельзя предъявить обвиненія по этому поводу и ст. 103, пока не будетъ представлено полномочія палаты, для возбужденія противъ него преслѣдованія за оскорбленіе ея. Онъ былъ сильно пораженъ, услыхавъ сегодня, что прокуроръ придаетъ особенно большое значеніе именно этому мнимому оскорбленію палаты, этому обозванію членовъ палаты „кучкой узурпаторовъ". Какъ указано уже выше, противъ него, вѣдь, не было и не можетъ быть возбуждено преслѣдованіе по ст. 102. „Прокуратура,— продолжалъ ораторъ, — колоритомъ хочетъ возмѣстить недостающій обвиненію юридическій нервъ. Изъ трехъ статей закона она вымѣшиваетъ какую-то чудовищную четвертую статью, какой нигдѣ нѣтъ въ законѣ. Но я молю васъ, господа, будемъ строго держаться здѣсь jus— права".

Дальнѣйшій проступокъ противъ ст. 101 заключается будто бы въ томъ, что, согласно приговору, обвиняемый осыпалъ поношеніями распоряженія правительственной власти: по отношенію къ извѣстному указу о предостереженіяхъ, онъ употреблялъ выраженія: „насиліе", „насильственное мѣропріятіе", „заткнуть глотку" либеральной печати. „Замѣчательно,—воскликнулъ обвиняемый,—тотъ же самый судья, который, какъ вы увидите позже, въ своей поразительной нѣжности къ либеральной печати, вынесъ мнѣ обвинительный приговоръ за то, что я нападалъ на нее,—здѣсь этотъ же самый судья осуждаетъ меня за то, что я защищалъ либеральную печать. Вамъ извѣстно, я не другъ либеральной печати! Но моимъ девизомъ служитъ право и истина,—и, даже по отношенію къ своимъ злѣйшимъ врагамъ, я ни на минуту не задумался засвидѣтельствовать о томъ, что надъ либеральной печатью было совершено противозаконное насиліе. Это „насиліе" не подлежитъ никакому сомнѣнію, и я приведу вамъ, въ подтвержденіе, три доказательства. Берлинскіе суды всегда оправдывали либеральныя газеты, когда онѣ подобнымъ же образомъ нападали на указъ о предостереженіяхъ. То же самое высказала и палата, тотчасъ же при своемъ открытіи, въ ноябрѣ 1863 года, почти единогласно объявивъ противоконституціоннымъ этотъ указъ о предостереженіяхъ. И, наконецъ, само министерство созналось въ томъ, тотчасъ же послѣ этого, отмѣнивъ этотъ указъ. Итакъ, чего еще надо судьѣ? Всѣ мои выраженія также говорятъ только: „противозаконное насиліе", и суть лишь чувственные образы этого.

„Понятіе поношенія и осмѣянія вообще исключается понятіемъ строго законной истины. И еслибы даже здѣсь и могла быть рѣчь о поношеніи и осмѣяніи, то, во всякомъ случаѣ, это могло бы быть направлено не противъ правительства, а лишь противъ самой печати, такъ какъ послѣдняя не оказала достаточнаго сопротивленія этому насилію“.

Для доказательства, ораторъ читаетъ соотвѣтствующія мѣста инкриминируемой рѣчи.

Второй проступокъ, въ какомъ онъ обвиняется, есть проступокъ противъ ст. 100. Приговоръ обвиняетъ его въ томъ, что онъ возбуждалъ ненависть и презрѣніе къ имущему классу, и, въ то же время, самъ заявляетъ, что онъ говорилъ только о партіи прогрессистовъ и о либеральной печати. Но, заявляетъ приговоръ, то, что онъ говорилъ противъ этихъ послѣднихъ, онъ „имѣлъ въ виду“ и объ имущемъ классѣ. Этотъ сыскъ въ мысляхъ совершенно недопустимъ, ибо вся суть въ томъ, что обвиняемый сказалъ, въ его подлинныхъ поступкахъ, а не въ томъ, что онъ могъ, пожалуй, думать, согласно этому судейскому сыску въ мысляхъ. Это „имѣлъ въ виду“ судья доказываетъ слѣдующимъ образомъ: „это видно уже по тому положенію, какое обвиняемый занялъ по отношенію къ многократно обсуждавшемуся въ послѣднее время рабочему вопросу: онъ разъѣзжалъ по странѣ, вызывая повсюду агитацію, дабы породить вражду къ системѣ, защищаемой имущимъ классомъ и, въ особенности, той фракціей и либеральной печатью“.

„Мнѣ пришлось бы,—восклицаетъ ораторъ,—говорить дни и ночи, если-бы я хотѣлъ показать всю противозаконность, какая содержится въ этихъ мотивахъ. Итакъ, судья самъ сознается, что основанія для моего осужденія онъ беретъ не изъ инкриминируемой брошюры, а изъ всей моей агитаціонной дѣятельности, т. е. изъ фактовъ, совершенно чуждыхъ процессу, изъ обстоятельствъ, совершенно не касающихся судьи, изъ обстоятельствъ, о которыхъ ему совершенно не приходится судить, какъ бы они ни были непріятны ему! Да, онъ заимствуетъ эти основанія изъ совершенно неизвѣстныхъ ему вещей! На самомъ дѣлѣ, что, въ сущности, знаетъ судья о „положеніи“, какое я занимаю въ „многократно обсуждавшемся рабочемъ вопросѣ“? Дѣйствительно ли онъ читалъ—и какія—мои сочиненія, брошюры и рѣчи по соціальному вопросу, обнимающія собой цѣлыхъ семьдесятъ листовъ? Не судитъ ли онъ, наоборотъ, только по-наслышкѣ, только по тому, что ему сочли нужнымъ преподнести его милыя либеральныя газеты, которыя онъ такъ привыкъ читать ежедневно, что выноситъ мнѣ обвиненіе за мою критику этихъ его идо-

ловъ? Т. е. не поддался ли онъ въ данномъ случаѣ, внушенію моихъ враговъ? Что въ публичной бесѣдѣ обычно высказываютъ сужденія на основаніи вычитаннаго изъ газетъ,—объ этомъ съ горькимъ и справедливымъ негодованіемъ говорилъ я уже въ своемъ „Бастіа-Шульце“. Но чтобы такъ же осуждали на судейскомъ креслѣ,—о, при одной мысли объ этомъ, я не знаю куда дѣваться отъ стыда!

„Вы представляете себѣ, господа, въ какомъ непріятномъ положеніи оказался бы этотъ судья, если-бы я могъ подвергнуть его перекрестному допросу по поводу содержанія моихъ соціальныхъ сочиненій, по поводу развитыхъ мною экономическихъ и научныхъ доказательствъ, по поводу заявленныхъ мною основаній и требованій,—т. е. по поводу, дѣйствительно, занятаго мною положенія въ рабочемъ вопросѣ? Я „разъѣзжалъ по странѣ, вызывая повсюду агитацію“,—такой упрекъ бросаетъ мнѣ судья. Какъ кажется, ему это очень не понравилось, и горечь этихъ словъ, которыя почти напоминаютъ намъ былыя сѣтованія на бродяжничество, весь этотъ колоритъ опять-таки должны затушевать отсутствіе какихъ-либо солидныхъ основаній для осужденія! Повидимому, этотъ судья не знаетъ, что своей величайшей реформой въ нынѣшнемъ столѣтіи, отмѣной хлѣбныхъ пошлинъ, Англія обязана тому, что Ричардъ Кобденъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, „разъѣзжалъ по странѣ, вызывая повсюду агитацію“. Я разъѣзжалъ, слѣдовательно, по странѣ, вызывая повсюду агитацію, „дабы,—такъ продолжаетъ дальше судья,—вызвать вражду къ системѣ, защищаемой имущимъ классомъ и, въ особенности, той фракціей (ergo! Sic! политическая фракція, а не общественные классы), и либеральной печатью“. Это, очень, очень, въ высшей степени замѣчательные мотивы! Я критикую либеральную печать и партію прогрессистовъ; рѣчь представляетъ слѣдующую скалу, которую судья незамѣтно пробѣгаетъ. Развѣ „критиковать“ не значитъ нападать духовно? Безъ сомнѣнія! А развѣ „нападать духовно“,—говоритъ себѣ судья,—не значитъ вызывать вражду? А развѣ „вызывать вражду“ не значитъ, очевидно, возбуждать къ ненависти и презрѣнію? И, такимъ образомъ, всякая критика преблагополучно оказалась бы запретной—подъ страхомъ уголовной кары.

„И какъ возможно было бы, наконецъ, конституціонное государство, еслибы партіи не могли духовно нападать другъ на друга? Вѣдь, конституціонное государство какъ разъ и покоится на духовной борьбѣ политическихъ партій! Поэтому, всѣ партіи и газеты самымъ широкимъ образомъ пользуются такой борьбой. Только для меня должно это быть запретнымъ плодомъ,—такъ угодно дюссельдорфскому судьѣ.

„Мы ежедневно наблюдаемъ это, говорю я, и буквально такъ же, какъ и я, поступаютъ консервативныя и правительственныя газеты. Онѣ научились у меня, онѣ усвоили мою критику прогрессистовъ, онѣ такъ усвоили ее, что, какъ извѣстно, либеральныя газеты построили на этомъ обвиненіе (смѣется), что я будто бы служу реакціи!“

Для доказательства, ораторъ прочитываетъ двѣ руководящія статьи изъ министерскаго органа, „Сѣверно-нѣмецкой Всеобщей Газеты“, отъ 27-го февраля и 29-го апрѣля настоящаго года.

Итакъ, почему же прокуратура не преслѣдуетъ министерскихъ и консервативныхъ газетъ? Почему примѣняетъ она двоякаго рода мѣру и вѣсъ? Вѣдь законъ одинъ и тотъ же!

„Другой рядъ соображеній, которыя я имѣю противопоставить приговору, состоитъ въ слѣдующемъ: какимъ образомъ нападеніе на партію прогрессистовъ и на либеральную печать можетъ означать нападеніе на имущіе классы? Одинъ изъ слѣдующихъ двухъ ошибочныхъ выводовъ долженъ былъ ввести судью въ заблужденіе: партія прогрессистовъ и либеральная печать защищаютъ интересы, выгоду и господство имущихъ классовъ,—а потому, тотъ, кто поноситъ и вызываетъ вражду къ партіи прогрессистовъ и къ либеральной печати, вызываетъ вражду и поноситъ имущіе классы, ибо онъ поноситъ защитниковъ ихъ политическаго господства. Всю кривобокость такого разсужденія я очень просто покажу вамъ на такомъ примѣрѣ. Ст. 100 не дѣлаетъ различія между классами общества. Слѣдовательно, неимущіе классы защищаются имъ одинаково, какъ и имущіе. Я защищаю интересы, выгоду, господство рабочаго сословія. Отсюда выводъ: если кто-нибудь въ какой-либо либеральной газетѣ сталъ бы поносить меня и вызывать противъ меня вражду, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, тотъ приговоръ и прокуратура, то развѣ это не было бы поношеніемъ и возбужденіемъ вражды къ неимущимъ, рабочимъ классамъ? Сколько тысячъ процессовъ пришлось бы тогда прокуратурѣ еженедѣльно возбуждать противъ либеральной печати?!

„Или ошибка судьи была такова: собственники газетныхъ предпріятій и члены партіи прогрессистовъ всегда или обыкновенно принадлежатъ къ имущимъ классамъ, — а потому, тотъ, кто нападаетъ на либеральную печать, нападаетъ и на имущіе классы.

„Я уже указывалъ на то, что ст. 100 одинаково защищаетъ неимущіе классы, какъ и имущіе. Публичныя дѣвицы и воры всегда принадлежатъ къ неимущимъ классамъ, ибо кто владѣетъ имуществомъ, тому не зачѣмъ заниматься обоими этими ремеслами. Съ другой стороны, ростовщики всегда принадлежатъ къ имущимъ классамъ, ибо неимущему не на что заниматься

ростовщичествомъ. Итакъ, если бы кто-нибудь счелъ нужнымъ написать книгу противъ воровъ, публичныхъ дѣвицъ или ростовщиковъ,—то не совершилъ ли бы онъ этимъ нападенія на неимущіе и имущіе классы, ибо эти категоріи людей принадлежатъ къ нимъ?

„Да, господа, я, дѣйствительно, нападалъ на либеральную печать, такъ какъ до глубины души я проникнутъ страстнымъ убѣжденіемъ, что она приноситъ гораздо больше общественнаго вреда, нежели всѣ эти три категоріи, вмѣстѣ взятыя. Ибо послѣднія вредятъ только отдѣльнымъ лицамъ, тогда какъ либеральная печать въ корнѣ губитъ весь народный духъ. Да, я нападалъ на либеральную печать, но какъ? Дѣйствительно ли я поносилъ ее? Развѣ на клевету и личныя заподозрѣванія, которыя дождемъ сыпались на мою голову, я отвѣчалъ личными же нападками? Нѣтъ, ничего такого не было!

„Пристально устремивъ свой взоръ на великое духовное культурное развитіе народовъ, я видѣлъ, какъ и почему печать, при своемъ возникновеніи бывшая носительницей духовныхъ интересовъ, съ теченіемъ времени, незамѣтно для самой себя, измѣнилась въ самомъ корнѣ своемъ. Я видѣлъ, какъ она превратилась и неизбѣжно должна была превратиться въ губителя народнаго разума, ибо, благодаря печатанію объявленій, она постепенно утратила свое призваніе передового борца за духовные интересы и превратилась въ простую промышленную спекуляцію. Я узрѣлъ эти раны, я позналъ опасность! Я понялъ также, что власть безсильна противъ этихъ ранъ, что спасеніе можетъ притти только изъ глубочайшихъ глубинъ народнаго духа.

„Тогда я возсталъ на эту неравную борьбу: одинъ противъ всѣхъ! Въ своемъ сочиненіи: „Юліанъ, историкъ литературы" и въ этой инкриминируемой рейнской рѣчи я подвергъ критикѣ самую сущность печати и доказалъ, что гибель ея была неизбѣжна, благодаря нынѣшней постановкѣ газетнаго дѣла, благодаря печатанію объявленій. Вотъ эта то критика, направленная мною противъ самыхъ основъ нынѣшняго газетнаго дѣла, и была причиной этихъ столь замѣчательныхъ нападокъ на меня со стороны прокурора первой инстанціи.

„Господа! Въ этой неравной борьбѣ между мною и всей печатью, этимъ тысячерукимъ учрежденіемъ, которое ниспровергало уже правительства и королей,—въ этой борьбѣ судамъ нѣтъ необходимости особенно спѣшить на помощь печати! Она обойдется своими собственными силами! Въ этой борьбѣ, всякій, каковы бы ни были его взгляды, долженъ былъ бы, наоборотъ, съ извѣстнымъ интересомъ взирать на мое дѣло. Тѣ, кто раздѣ-

ляетъ мои взгляды, естественно, должны были бы обнаруживать величайшую симпатію и напряженное ожиданіе. А тѣ, кто придерживается иныхъ взглядовъ, должны были бы взирать на мою дѣятельность безъ всякаго страха, ибо если неправда то, чему я учу, то что могу я сдѣлать, я, одинъ противъ этого учрежденія, ежедневно сотнями тысячъ голосовъ ведущаго свою проповѣдь? Но и противники моихъ взглядовъ съ величайшимъ уваженіемъ должны были бы взирать на мужество и глубину моихъ убѣжденій! Господа! Не требуется никакого мужества, чтобы испытать на себѣ ваше осужденіе! Но ради того, что вы признали всеобщимъ благомъ, отдать свою честь на ежедневное растерзаніе и клевету со стороны тысячъ газетъ, какъ я это сдѣлалъ,—да, для этого требуется мужество и безпримѣрная сила убѣжденія.

„Сказаннаго достаточно, чтобы отнять у васъ желаніе осудить меня. Но если-бы даже у васъ было такое желаніе, то развѣ возможно было бы осудить меня за мои нападки противъ печати? Я приведу три доказательства въ пользу этого. Во-первыхъ, я нападалъ только на самую сущность, на учрежденіе печати, а не противъ личностей. А ст. 100 говоритъ только о нападкахъ противъ личностей, тогда какъ ст. 101, касающаяся учрежденій, не защищаетъ печати, такъ какъ она не является государственнымъ учрежденіемъ. Во-вторыхъ, если-бы даже мои нападки касались личностей, то я, все же, не нападалъ ни на какой классъ. либеральные журналисты не образуютъ класса, не образуютъ внѣшнимъ образомъ распознаваемаго множества, какъ этого требуетъ законъ для ст. 100, согласно постоянной юридической практикѣ высшаго суда. Въ-третьихъ, если-бы даже мои нападки были направлены противъ класса, то я, все же, не возбуждалъ къ нему „ненависти и презрѣнія“. Ибо, подъ этимъ можно разумѣть только непристойное поношеніе, но, во всякомъ случаѣ, не глубокую теоретическую критику. Въ противномъ случаѣ, народному духу грозила бы опасность умереть голодной смертью, ибо всѣ источники духовной пищи были бы отрѣзаны отъ него. Что же, моя критика, направленная противъ печати,—это непристойное поношеніе, или, быть можетъ, критика, исполненная глубины? Я апеллирую къ вашей совѣсти. Но я могу представить вамъ и внѣшнія доказательства. И сама же печать, въ лицѣ своихъ крупныхъ органовъ, признала это. Такъ, „Еженедѣльникъ Нѣмецкаго Союза Реформы“, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, главный органъ велико-германской партіи, не взирая на большой размѣръ нынѣ инкриминируемой рѣчи, напечаталъ ее почти in extenso, заявивъ при этомъ, что рѣчь содержитъ въ

себѣ глубочайшую критику и самыя страшныя истины, какія когда-либо высказывались по поводу нынѣшней печати.

„Я миную цѣлый рядъ подобныхъ же заявленій со стороны консервативныхъ органовъ, „Сѣверно-Нѣмецкой Всеобщей Газеты“, „Крестовой Газеты“. „Аугсбургской Всеобщей Газеты“, которыя я могъ бы прочесть вамъ, и перехожу къ документу, имѣющему гораздо большее значеніе, къ оффиціальному документу“.

(Сдѣланъ перерывъ засѣданія на три часа).

Послѣ перерыва, Лассаль продолжалъ свою рѣчь.

„Сегодня утромъ, до перерыва, я собирался сообщить вамъ оффиціальный документъ, имѣющій рѣшающее значеніе для настоящаго процесса. Это не что иное, какъ рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ, графа фонъ-Эйленбурга, сказанная имъ въ въ засѣданіи палаты 19 ноября настоящаго года, спустя нѣсколько недѣль по выходѣ въ свѣтъ инкриминируемой брошюры. Я прочту вамъ ее по оффиціальному стенографическому отчету. Въ своей рѣчи министръ прямо говоритъ о моей инкриминируемой брошюрѣ, онъ вполнѣ усвоилъ ее, онъ прямо ссылается на мое доказательство, что печать перестала быть передовымъ борцомъ за великія политическія стремленія, что она превратилась въ простую спекуляцію объявленіями. Министръ ставитъ мнѣ въ „заслугу“ то, что я выступилъ противъ нынѣшней печати „съ основательнымъ теоретическимъ доказательствомъ“ (Лассаль читаетъ рѣчь министра по оффиціальному стенографическому отчету).

„Итакъ, министръ, въ оффиціальной рѣчи, въ законодательномъ собраніи, говоритъ о моей заслугѣ, а прокуроръ какъ разъ за эту же заслугу возбуждаетъ противъ меня преслѣдованіе! Министръ, пользуясь моими доказательствами въ этой рѣчи, точно также называетъ печать спекуляціей объявленіями. Что же, и министръ хочетъ возбудить ненависть и презрѣніе къ имущимъ классамъ? Прекрасно. Министръ не депутатъ, его не охраняетъ законъ о безотвѣтственности членовъ палаты за ихъ рѣчи. Почему же, въ такомъ случаѣ, прокуратура не возбудила преслѣдованія противъ министра?

„Вы видите, господа—и здѣсь я перехожу къ такому доказательству, которое я непрестанно буду подкрѣплять новыми доводами, по поводу всякаго пункта, о которомъ только сегодня будетъ рѣчь,—вы видите, господа, то, что я говорю, обладаетъ такой глубокой истинностью, такой силой разума, что, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, оно находило себѣ откликъ въ устахъ оффиціальныхъ руководителей общества. Повторяю, и непрестанно буду доказывать вамъ это въ дальнѣйшихъ частяхъ своей рѣчи. И меня

осудили за это?! Это—небывалая maljuge—судебная ошибка! Здѣсь невольно приходитъ на умъ одно въ высшей степени горькое размышленіе. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, всякій правительственный режимъ, къ сожалѣнію, всегда считалъ себя неприкосновеннымъ. Это, конечно, въ высшей степени печально, и во всѣ времена это наносило глубочайшія раны свободѣ. Это заставляло гражданъ-патріотовъ кровью своего сердца оплачивать каждый прогрессъ, каждый шагъ впередъ, каждый шагъ развитія. Это—очень печально, говорю я, но это, по крайней мѣрѣ, извѣстно всѣмъ. Уже поэтъ восклицалъ:

„Die Wenigen, die was davon erkannt,
Und thöricht genug, ihr volles Herz nicht wahrten,
Hat man seit je gekreuzigt und verbrannt“ [1]).

„Итакъ, это, по крайней мѣрѣ, извѣстно всѣмъ, говорю я, и, въ такихъ случаяхъ, всякій, впередъ уже отдавалъ себя въ жертву, всякій впередъ уже преисполнялся резиньяціи.

„Но, чтобы и оппозиціонная печать и оппозиціонная партія объявляли себя недоступными для критики,—это уже такой „прогрессъ“, который изобрѣтенъ впервые настоящимъ приговоромъ. За это приговоръ достоинъ быть сохраненнымъ въ спирту въ какомъ-либо изъ историческихъ музеевъ! А я уже самъ позабочусь о томъ, чтобы о немъ осталась память въ историческихъ ежегодникахъ, со всей подобающей ему критикой.

„Такимъ образомъ, я опровергъ мотивы этого приговора. Я приведу теперь три юридическихъ основанія, и каждое изъ нихъ дѣлаетъ невозможнымъ мое осужденіе, какъ бы оно ни мотивировалось. ст. 100, для наказуемости, требуетъ наличности трехъ признаковъ: *A*) возбужденіе должно быть направлено противъ внѣшнимъ образомъ распознаваемаго множества личностей, слѣдовательно, противъ извѣстнаго класса; *B*) возбужденіе должно выражаться въ возбужденіи ненависти или презрѣнія къ этому классу, и *C*) это должно угрожать общественному спокойствію — не нарушать, но именно угрожать“.

Лассаль доказываетъ ad A, что перваго признака здѣсь нѣтъ въ наличности, такъ какъ онъ говорилъ не объ „имущихъ классахъ“, даже не о „буржуазіи“, а только о „сторонникахъ прогрессивной партіи“. Въ обоихъ единственныхъ мѣстахъ брошюры, гдѣ онъ говорилъ о „буржуазіи“,

---

[1]) „Тѣхъ немногихъ, которые кое-что узнали объ этомъ, но были достаточно глупы и не сберегли своего переполненнаго сердца,—ихъ всѣхъ давно уже распяли и сожгли“.

во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни слова о ненависти и презрѣніи. Дѣйствительно, онъ называлъ рейнское празднество депутатовъ „сатурналіями нѣмецкой буржуазіи“. Но судья совершенно напрасно вспомнилъ объ оргіяхъ, которыя лишь въ позднѣйшее время стали сопровождать сатурналіи. Я говорилъ объ этомъ празднествѣ, въ его строгомъ древне-классическомъ смыслѣ,—какъ я и заявилъ объ этомъ въ брошюрѣ. Я говорилъ о томъ, что, во время этого празднества, господа изображали изъ себя рабовъ, а рабы вели себя какъ господа. Кромѣ того, какъ это прямо вытекаетъ изъ отчета комиссіи второй палаты, стр. 65, какъ это признано также высшимъ судомъ (Оппенгоффъ), ст. 100, п. 1 Уголовнаго Уложенія не имѣетъ ничего общаго съ простымъ оскорбленіемъ и клеветой.

Но, если-бы даже онъ говорилъ о „буржуазіи“, то это рѣшительно ничего не мѣняло бы, ибо понятіе „буржуазія“ никогда не означаетъ того же, что означаетъ понятіе „имущіе классы“; оно всегда означаетъ только опредѣленный комплексъ настроеній и взглядовъ, а потому никогда не можетъ означать внѣшнимъ образомъ распознаваемаго множества индивидуумовъ. Такъ, какой-нибудь важный дворянинъ, все же, принадлежитъ къ „имущимъ классамъ“,—и, однако, никому не придетъ въ голову называть его „буржуа“. И причиной тому не дворянское званіе. Ибо, съ другой стороны, въ его собственномъ Союзѣ имѣются купцы, предприниматели, адвокаты, профессора,—все, слѣдовательно, люди, рѣшительно принадлежащіе къ имущимъ классамъ. Что же, и всѣхъ этихъ, и его самого, внѣшнимъ образомъ также принадлежащаго къ имущимъ классамъ, слѣдуетъ назвать „буржуа“? „И если кто,—воскликнулъ обвиняемый,— „прогрессистовъ“ отождествляетъ съ „имущими классами“ или съ „буржуазіей“ въ смыслѣ имущихъ классовъ, какъ это дѣлаютъ, прокуроръ и приговоръ первой инстанціи,—тотъ утверждаетъ, что консервативная партія, правительство и королевская власть не имѣютъ никакихъ приверженцевъ среди имущихъ классовъ. Какъ? Развѣ королевская власть не имѣетъ еще поразительно много приверженцевъ среди имущихъ классовъ, среди милліонеровъ, фабрикантовъ, банкировъ, крупныхъ чиновниковъ? Развѣ эти консерваторы, имущіе, являются „прогрессистами“, „буржуа“? Кто утверждаетъ, „что слово „прогрессистъ“ тождественно съ словами „имущіе классы“, какъ это дѣлаютъ прокуроръ и приговоръ первой инстанціи, тотъ однимъ единственнымъ росчеркомъ, однимъ единственнымъ мановеніемъ лишаетъ королевскую власть всѣхъ ея приверженцевъ среди имущихъ классовъ“.

Наконецъ, обвиняемый читаетъ одно сравнительно длинное мѣсто изъ

своей „Программы работниковъ“, стр. 16—17, откуда видно, что слово „буржуазія“ онъ всегда употребляетъ только въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, только въ примѣненіи къ сторонникамъ прямого и непрямого ценза (трехклассный избирательный законъ), и это онъ всегда, во всѣхъ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ, самымъ настойчивымъ образомъ, внушалъ своимъ сторонникамъ. Слово „буржуазія“, слѣдовательно, есть только европейское выраженіе для тѣхъ же самыхъ политическихъ взглядовъ, которые обозначаются и специфически прусскимъ словомъ „прогрессисты“.

И, если-бы судья первой инстанціи зналъ это мѣсто изъ „Программы работниковъ“, онъ никогда не рѣшился бы осудить его. Этимъ судья доказываетъ только, какъ мало онъ знаетъ, въ дѣйствительности, о томъ „положеніи“, какое обвиняемый занялъ по отношенію къ „многократно обсуждавшемуся въ послѣднее время рабочему вопросу“. Кто принадлежитъ къ имущимъ классамъ, того легко распознать внѣшнимъ образомъ по хорошему сюртуку, члена рабочаго слова легко распознать по блузѣ. Но либеральныхъ взглядовъ нельзя распознать по погонамъ. Итакъ, здѣсь нѣтъ внѣшнимъ образомъ распознаваемаго множества личностей.

Ad *B*. Столь же мало возбуждалъ обвиняемый къ ненависти и презрѣнію въ смыслѣ ст. 100, ибо параграфъ этотъ говоритъ только о личностяхъ. Онъ же, обвиняемый, всегда направляетъ свою критику только противъ общественныхъ условій и учрежденій, и онъ категорически заявилъ въ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ, что личности суть лишь безсознательный, ни въ чемъ неповинный продуктъ этихъ условій и учрежденій. Для доказательства этого обвиняемый читаетъ два мѣста изъ своихъ сочиненій („Наука и работники“, т. I, стр. 61 и „Косвенные налоги и положеніе рабочихъ классовъ“, т. I, стр. 199).

„Какъ? — восклицаетъ обвиняемый, — королевская власть и церковь должны ежедневно допускать критику по отношенію къ себѣ, — и одна только буржуазія хочетъ быть изъятой отъ этого?“

Ad. C. Здѣсь нѣтъ также никакой „угрозы общественному спокойствію“. Ненавить и призрѣніе и возбужденіе къ этому суть теоретическія чувства, и, какъ таковыя, онѣ нисколько не касаются государства, пока остаются въ сердцахъ людей. Какъ показываетъ ст. 100, возбужденіе лишь тогда становится наказуемымъ, когда по своей природѣ оно должно вести къ внѣшнимъ поступкамъ. Это призналъ также и высшій судъ кассаціоннымъ рѣшеніемъ 2 марта 1853 года. Не всякое возбужденіе къ ненависти и призрѣнію, слѣдовательно, наказуемо, какъ это допускаетъ при-

говоръ первой инстанціи, совершенно игнорируя законъ. Но даже приговоръ первой инстанціи не могъ констатировать, что, въ данномъ случаѣ, возбужденіе къ ненависти и презрѣнію по своей природѣ необходимо должно было угрожать общественному спокойствію. (Для доказательства, обвиняемый читаетъ соотвѣтствующіе мотивы приговора). Такъ какъ здѣсь только in facto констатируется, что обвиняемый „имѣетъ цѣлью вызвать въ работникахъ презрѣніе къ имущему классу и возбудить первыхъ противъ второго", и нигдѣ не констатируется возможность практическаго нарушенія (это и значитъ: „грозить опасностью") общественнаго, внѣшняго спокойствія, — то въ этомъ пунктѣ имѣется кассаціонный поводъ по отношенію къ приговору первой инстанціи. „Вы видите,—продолжаетъ Лассаль,— съ какою откровенностью и лойяльностью, я говорю объ этомъ дѣлѣ, полагаясь на вашу совѣсть, ибо, если вы не хотите оправдать меня, то самымъ желательнымъ было бы для меня, чтобы вы утвердили приговоръ „по тѣмъ же основаніямъ, какъ и судья первой инстанціи". Тогда имѣлся бы на лицо кассаціонный поводъ, такъ какъ ни однимъ изъ мотивовъ приговора не былъ констатированъ фактъ угрозы общественному спокойствію, это необходимое требованіе закона".

Но онъ приведетъ сейчасъ три абсолютныхъ доказательства, что въ данномъ случаѣ, въ дѣйствительности, и рѣчи быть не можетъ объ угрозѣ общественному спокойствію.

Во-первыхъ, первымъ доказательствомъ служитъ интеллигентность, разумность всего его движенія. Ему, очевидно, не принесли пользы, а лишь вредили всякія волненія, убійства прогрессистовъ, разрушенія фабрикъ и печатныхъ станковъ. Во-вторыхъ, какъ могла бы его агитація породить подобныя волненія, направленныя противъ личности и имущества? Даже простой возможности для этого не было. То, что онъ проповѣдуетъ на каждой страницѣ своихъ сочиненій, — это не нападенія противъ личностей, а, какъ это уже было показано, борьба противъ общественныхъ условій и учрежденій. На каждой страницѣ своихъ сочиненій онъ проповѣдуетъ лишь одно: законодательное вмѣшательство въ рабочій вопросъ, въ цѣляхъ его разрѣшенія, и для этого необходимо, путемъ введенія всеобщаго и прямого избирательнаго права, получить въ свои руки законодательную власть. (Обвиняемый читаетъ, для доказательства этого, два мѣста изъ своихъ сочиненій, „Гласный Отвѣтъ" и „Книга для чтенія рабочимъ", гдѣ все это изображено работникамъ, какъ самая сущность всей его агитаціи). „Итакъ, я возбуждаю не къ нарушенію общественнаго спокойствія, не къ причиненію вреда личностямъ и имуществу, а

къ тому, чтобы уничтожить нашъ нынѣшній государственный строй, законъ о трехклассныхъ выборахъ. Такимъ образомъ, совершенно ясно, что если я возбуждаю къ чему либо противозаконному, то это не что иное, какъ насильственное устраненіе закона о трехклассныхъ выборахъ, не что иное, какъ насильственная революція, государственная измѣна, — дабы получить въ наши руки государственную машину! Съ этой точки зрѣнія, обвиненіе въ государственной измѣнѣ, возбужденное противъ меня въ Берлинѣ въ мартѣ настоящаго года, было совершенно послѣдовательно! Если уже говорить здѣсь о проступкѣ, то рѣчь должна быть объ этомъ самомъ высшемъ преступленіи! Итакъ, надо мною тяготѣло уже это обвиненіе, и вошедшій въ законную силу приговоръ призналъ уже, что я, во всякомъ случаѣ, стремлюсь къ ниспроверженію существующей конституціи. Но онъ призналъ также, что я дѣйствую, при этомъ, самымъ правомѣрнымъ, самымъ мирнымъ способомъ, стараясь привлечь на свою сторону общественное мнѣніе". По этому обвиненію, слѣдовательно, уже вынесенъ приговоръ, а то, другое, о которомъ сегодня идетъ рѣчь, невозможно.

Третье доказательство состоитъ въ томъ, что въ самой инкриминируемой рѣчи, на основаніи развитыхъ тамъ взлядовъ, онъ рекомендовалъ работникамъ на выборахъ голосовать за прогрессистовъ. Какимъ же образомъ, слѣдовательно, можно говорить, въ данномъ случаѣ, о практическомъ причиненіи вреда прогрессистамъ, о практическомъ нарушеніи общественнаго спокойствія? Вѣдь въ той же самой рѣчи, въ которой онъ вразумляетъ своихъ сторонниковъ, какъ слѣдуетъ имъ теоретически смотрѣть на прогрессистовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, рекомендуетъ практически оказывать имъ содѣйствіе! Это—самое убѣдительное доказательство, ибо нельзя, въ одно и тоже время, практически оказывать содѣйствіе какой-либо партіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практически вредить и уничтожать этихъ людей или ихъ имущество. Слѣдовательно, какимъ же образомъ нынѣшній судья можетъ хотѣть констатировать угрозу общественному спокойствію? Какъ можетъ онъ хотѣть — на бумагѣ, конечно, все можно констатировать, бумага все терпитъ—какъ можетъ онъ хотѣть констатировать это передъ лицомъ своей совѣсти?

„Я перехожу теперь,—продолжаетъ ораторъ,—къ послѣднему и самому важному мотиву приговора, къ его истинному устою, разсмотрѣніе котораго я, потому, и отложилъ до настоящаго момента. Приговоръ говоритъ: „что содержащіяся въ брошюрѣ нападки противъ буржуазіи и вылазки противъ печати могутъ имѣть только ту цѣль, чтобы вызвать въ работникахъ

презрѣніе къ имущему классу и натравить ихъ противъ него". Слѣдовательно, судья здѣсь самъ сознается, что если-бы онъ могъ вѣрить въ серьезную, благодѣтельную, справедливую цѣль этой агитаціи, то онъ, естественно, ни въ какомъ случаѣ, не могъ бы вынести такого приговора. Приведенный мотивъ находитъ свое объясненіе только въ слѣдующемъ положеніи, которое съ величайшей категоричностъю было высказано на судѣ первой инстанціи прокуроромъ, господиномъ Эффертцемъ. „Обвиняемый, вопреки серьезному знанію, развернулъ знамя, уже двадцать лѣтъ тому назадъ изодранное". Это положеніе, господа, буквально въ такомъ же видѣ было напечатано въ одной руководящей статьѣ берлинской „Народной Газеты", появившейся еще лѣтомъ прошлаго года и направленной противъ меня. Итакъ, и здѣсь, между прочимъ, вы вновь можете убѣдиться, какъ былъ я правъ, утверждая, что въ приговорѣ первой инстанціи и въ рѣчи прокурора звучитъ голосъ моихъ враговъ. Но если признать справедливость этой сентенціи о „знамени, уже двадцать лѣтъ тому назадъ изодранномъ",—то что можетъ быть естественнѣе этого приговора? Итакъ, это—чуждое истины, легкомысленное движеніе, движеніе, лишь порождающее безсмысленную классовую ненависть и озлобленіе! Иной цѣли не можетъ представить себѣ, по крайней мѣрѣ, судья первой инстанціи, какъ онъ самъ показываетъ это въ приведенномъ мотивѣ. А при такомъ воззрѣніи на мою агитацію,—кто же не станетъ симпатизировать благородному гнѣву судьи?

„Такимъ образомъ, этотъ мотивъ подвергаетъ оцѣнкѣ всю заслугу, au fond моей агитаціи, то, чего она достигла въ философскомъ и экономическомъ отношеніяхъ, здѣсь рѣшается вопросъ: имѣетъ ли вызванное мною движеніе великое культурно-историческое значеніе? И такой вопросъ—рѣшается судьей въ мое отсутствіе, рѣшается судьей, незнакомымъ съ моими сочиненіями! Сегодня я самъ здѣсь,—но дѣйствительно ли имѣю я возможность говорить объ этомъ вопросѣ передъ вами? Какой замѣчательный процессъ, когда самый важный вопросъ о которомъ идетъ рѣчь, не можетъ обсуждаться! Ибо сколько времени потребовалось бы мнѣ, чтобы развить передъ вами философскія и экономическія основанія, историческія и статистическія доказательства, короче, развить весь тотъ матеріалъ, который служитъ духовнымъ фундаментомъ моей агитаціи и почти заполняетъ цѣлыхъ семьдесятъ листовъ? Навѣрное, вы и такъ уже думаете, что я чрезмѣрно злоупотребляю вашимъ временемъ,—а сколько дней и недѣль пришлось бы мнѣ говорить, если-бы я вздумалъ изслѣдовать и этотъ вопросъ?

Къ счастью, я могу избѣжать этого, ибо я могу привести нѣсколько краткихъ внѣшнихъ доказательствъ, обладающихъ полной неоспоримостью.

Да, господа, послѣ того, какъ вышелъ въ свѣтъ мой „Бастіа-Шульце“, знаменитѣйшіе корифеи нѣмецкой учености, тѣ мужи, что составляютъ гордость нашей націи, имена, передъ которыми съ уваженіемъ должны были бы преклониться и самъ прокуроръ и судья первой инстанціи, устно и письменно выражали мнѣ свою восторженную симпатію и согласіе со мной. Они подтвердили мнѣ,—хотя я и не нуждался въ такомъ подтвержденіи,—что я безусловно правъ, вплоть до послѣдней строчки, вплоть до послѣдняго слога! Но я приведу вамъ сейчасъ еще болѣе убѣдительное доказательство. Я назову сейчасъ имя, которое въ каждомъ рейнскомъ судѣ будетъ выслушано не только съ уваженіемъ, но и съ величайшимъ благоговѣніемъ! Я назову имя человѣка, который, будучи служителемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, іерархомъ церкви, уже долгіе годы посвящаетъ самому серьезному изученію рабочій вопросъ, который католиками Рейнской провинціи почитается почти святымъ,—имя епископа Майнцкаго барона фонъ-Кеттелера. По побужденіямъ совѣсти, господинъ епископъ почелъ нужнымъ, съ своей стороны опубликовать сочиненіе по рабочему вопросу („Рабочій вопросъ и христіанство“), въ которомъ онъ пунктъ за пунктомъ разбираетъ всѣ мои разногласія съ прогрессивными экономистами и пунктъ за пунктомъ свидѣтельствуетъ въ пользу истинности и неопровержимости моихъ доказательствъ. Позвольте мнѣ привести вамъ только нѣсколько примѣровъ.

Вы припоминаете главный пунктъ всего этого спора, этотъ „желѣзный экономическій законъ“, какъ я назвалъ его въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“. Согласно этому закону, заработная плата, при господствѣ спроса и предложенія, всегда, въ среднемъ, тяготѣетъ къ минимуму самаго необходимаго жизненнаго содержанія. Весь споръ, говорю я вертится вокругъ этого закона. Все, что я развиваю въ своихъ агитаціонныхъ сочиненіяхъ, съ полной необходимостью вытекаетъ изъ этого закона. И это долженъ былъ признать даже одинъ изъ главарей моихъ противниковъ, экономистъ прогрессистовъ, господинъ Максъ Виртъ, напечатавшій въ своей газетѣ „Работодатель“ слѣдующія строки: „Этимъ закономъ должна ограничиться вся борьба, ибо разъ признанъ этотъ законъ, все остальное съ логической и неоспоримой необходимостью вытекаетъ изъ него, но этотъ законъ есть ложное измышленіе“.

„Послушайте, что говоритъ по этому центральному пункту епископъ:

„Матеріальное существованіе рабочаго сословія, состояніе всѣхъ необхо-

димыхъ жизненныхъ потребностей работника и его семьи, за совершенно ничтожнымъ исключеніемъ, нисколько не нарушающимъ этого правила, покоится на заработной платѣ, а заработная плата, въ наше время, опредѣляется жизненной необходимостью въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣмъ, что человѣку безусловно нужно, чтобы не прекратилось его физическое существованіе. Истинность этого доказана столь очевидно въ извѣстномъ спорѣ между Лассалемъ и его противниками, что только изъ желанія обманывать народъ можно было бы оспаривать ее. Здѣсь, какъ это вполнѣ справедливо утверждается, коренится весь рабочій вопросъ: съ одной стороны, нужда работниковъ, съ другой — пробный камень для оцѣнки всѣхъ проектовъ, задающихся цѣлью помочь рабочему сословію".

„Вы видите, господа, я выражался даже мягче епископа. Въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ" я представилъ экономистамъ-прогрессистамъ на выборъ одно изъ двухъ: или признать свое невѣжество въ данномъ вопросѣ — или сознаться въ желаніи обманывать народъ. Опираясь на тѣ доказательства, которыя я привелъ по этому поводу въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ", въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ" и, въ систематическомъ видѣ въ своемъ „Бастіа-Шульце", епископъ Кеттелеръ идетъ такъ далеко, что лишаетъ прогрессистовъ даже предоставленнаго имъ мною выбора. Не взирая ни на что; вопреки евангельской снисходительности, которая для его сана есть столько же обязанность, сколько и нѣчто прирожденное, епископъ прямо заявляетъ: оспаривать это мое положеніе, послѣ приведенныхъ мною доказательствъ, — это равносильно желанію. „намѣренію обманывать народъ".

Что же думаете вы, господа, объ этомъ „уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ изодранномъ знамени", которое я развернулъ „вопреки серьезному знанію"? Правъ ли я или нѣтъ, когда обращусь къ тому судьѣ и прокурору съ текстомъ: „Nunc erudimini qui judicatis terram". „Научитеся судіи концевъ земли" (Псаломъ 2-ой, стихъ 10-ый).

„Точно также на стр. 62 епископъ говоритъ: „Неоспоримая заслуга партіи, главнымъ представителемъ которой является самъ Лассаль, заключается въ томъ, что она съ неумолимой рѣзкостью и истиной вскрыла описанное въ первыхъ отдѣлахъ положеніе рабочаго сословія, все существованіе котораго, въ большинствѣ случаевъ, ограничено лишь самымъ необходимымъ для жизни"... Итакъ, вы видите, то, что, согласно приговору, согласно прокурору, составляетъ мое преступленіе, — это же самое, въ глазахъ епископа, есть моя заслуга, моя неоспоримая

заслуга. А по поводу моей критики шульцевскихъ проектовъ улучшенія епископъ свидѣтельствуетъ такъ, стр. 57: „что предложенный для этого либеральной партіей, въ качествѣ средства улучшенія, проектъ товариществъ, въ цѣломъ, недостаточенъ,—это въ новѣйшее время доказано съ полной очевидностью. Въ этомъ отношеніи, доказательства Лассаля неопровергнуты и неопровержимы".

„Что думаете вы, господа, объ этомъ „уже болѣе двадцати лѣтъ изодранномъ знамени"? Развѣ я не имѣю права проповѣдовать: „nunc erudimini etc"? Ораторъ приводитъ затѣмъ еще нѣсколько мѣстъ изъ сочиненія епископа,—и каждый разъ снова повторяетъ тѣ же вопросы. Онъ констатируетъ затѣмъ, что, по поводу справедливости „предложенныхъ Лассалемъ мѣропріятій", епископъ категорически заявляетъ, что, съ точки зрѣнія государства, науки и либеральной партіи, въ этомъ отношеніи, „нельзя, конечно, высказать никакихъ сомнѣній". Сомнѣнія могутъ быть только въ томъ случаѣ, когда признается божественность частной собственности. Единственное опасеніе высказываетъ епископъ: какъ бы не было „опрометчивости", при осуществленіи Лассалевскихъ мѣропріятій, которыя епископъ признаетъ безусловно выполнимыми.

„Что заставляетъ,—восклицаетъ ораторъ,—этого іерарха свидѣтельствовать въ пользу истинности моей рѣчи съ такой рѣзкостью, которая часто еще превосходитъ рѣзкость моихъ словъ? Что же, и епископъ хочетъ возбуждать „ненависть и презрѣніе"? Нѣтъ, его толкаетъ на этотъ путь одинаковое со мной убѣжденіе, что здѣсь передъ нами одна изъ язвъ національной жизни, что націю нужно заставить познать эту язву, не останавливаясь даже какъ бы передъ духовнымъ насиліемъ! Иначе, народный организмъ необходимо погибнетъ.

„Вы выслушали епископа. Не угодно ли вамъ теперь выслушать еще болѣе важнаго свидѣтеля? Этотъ свидѣтель никто иной, какъ король прусскій!

„Вы слышали о той депутаціи силезскихъ ткачей, которая недавно была принята королемъ. Послѣ пріема, ткачамъ было заявлено, чтобы они черезъ день явились въ министерство, и здѣсь имъ будутъ вручены тѣ свѣдѣнія о пріемѣ, которыя они могутъ опубликовать. Послѣ этого работники явились ко мнѣ. Они вручили мнѣ вотъ этотъ оттискъ, который представляетъ собой совершенно подлинный документъ и который я пріобщу къ актамъ, и уполномочили меня сдѣлать изъ него любое употребленіе. Заключеніе этого отчета, изготовленнаго въ самомъ государственномъ министерствѣ, гласитъ такъ: „Его величество отпустили депутацію со словами

утѣшенія о возможно скоромъ законномъ урегулированіи вопроса и объ устраненіи этимъ путемъ ихъ нужды. Королевское обѣщаніе вызоветъ чувства радости и бодрости по всѣмъ долинамъ Исполиновыхъ горъ и многимъ сотнямъ терпящихъ нужду честныхъ семействъ дастъ новую надежду и новую силу къ бодрому мужественному ожиданію".

„Итакъ, нашъ основной принципъ, гласящій, что рабочія отношенія должны регулироваться не путемъ laisser faire te laisser aller, не путемъ свободной конкурренціи, являющейся для политико-экономовъ—прогрессистовъ незыблемымъ экономическимъ закономъ, а законодательнымъ путемъ,—это главное положеніе служащее принципіальной основой для борьбы между мною и экономистами-прогрессистами (сравни „Книгу для чтенія рабочимъ", стр. 134—135 „Гласный Отвѣтъ", стр. 83—85), уже признано самимъ королемъ и запечатлѣно королевскимъ обѣщаніемъ.

„Какъ только возможенъ былъ этотъ бѣшеный успѣхъ, и, при томъ, въ теченіе одного года? Развѣ наука обычно такъ быстро подчиняетъ себѣ практику? Наоборотъ, въ своемъ сочиненіи о „Косвенныхъ налогахъ" я показалъ, что, напримѣръ, потребовалось цѣлыхъ триста лѣтъ, прежде, чѣмъ люди поняли всю гибельность налоговъ падающихъ на необходимыя жизненныя средства. И въ теченіе этихъ трехъ вѣковъ эта мысль о гибельности косвенныхъ налоговъ трепалась по всѣмъ научнымъ руководствамъ,—а практика шла своей дорогой. Такъ, какимъ же образомъ возможенъ былъ этотъ поразительный успѣхъ за короткое время одного года? Вѣдь моя агитація затрагиваетъ гораздо болѣе сложный вопросъ. Быть можетъ, я унаслѣдовалъ отъ своего предка, Фауста, дьявольскую мощь?

„Я хочу раскрыть вамъ, господа, секретъ этого успѣха,—и это дастъ вамъ, въ то же время, возможность окончательно понять смыслъ моей агитаціи. Два условія нужны были для этого успѣха. Это движеніе должно было обладать наивысшимъ научнымъ характеромъ! Каждое изъ своихъ доказательствъ я долженъ былъ облечь въ стальную кольчугу, въ петли, которыхъ нельзя было бы разорвать. Горе мнѣ, если-бы порвалась хотя бы одна единственная петля!

„Но одно это не имѣло бы ровно никакого значенія. Не смотря на всю свою ученость, я могъ бы цѣлыя столѣтія писать ученые труды,—а практика шла бы своей дорогой! Великіе земли сей не имѣютъ ни нужды, ни повода, ни привычки заботиться о томъ, что пишетъ одинокій ученый въ своемъ кабинетѣ.

„Но найти откликъ этому ученію въ массахъ, съ увѣренностью въ истинность этого ученія, выступить на великое торжище, изъ тысячекрат-

наго эхо народнаго голоса, которое умножается даже голосами враговъ, выковать себѣ молотъ, дабы стучаться имъ въ совѣсть епископовъ и въ чувство долга королей,—вотъ къ чему сводилась здѣсь вся задача!

„Въ одномъ краткомъ и неясномъ замѣчаніи приговоръ ставитъ мнѣ въ особенную вину то, что я обращаюсь къ работникамъ. Разсужденія прокурора первой инстанціи выясняютъ намъ, въ чемъ здѣсь дѣло. Прокуроръ точно также полагаетъ, что разъ я обратился къ рабочему классу, то это служитъ лишнимъ доказательствомъ предосудительности моихъ стремленій! Изъ-за снисходительности, я такъ отвѣчу прокурору и судьѣ первой инстанціи: Вы ни аза не смыслите во всемъ этомъ!

„Не говоря уже о томъ, что работники прекрасно поняли мои ученія, ибо, господа, они такіе же люди, какъ и вы, и такъ же, какъ и вы, доступны разуму; не говоря о томъ, что, безъ соотвѣтствующаго пониманія со стороны рабочихъ массъ, эта реформа практически была бы даже неосуществима,—именно работники раньше всего служатъ здѣсь своего рода резонаторомъ. Я долженъ былъ ударять молотомъ науки въ этотъ резонаторъ, дабы заглушить весь шумъ повседневныхъ интерессовъ, дабы заставить всѣ интеллигентныя силы,—всѣ интеллигентныя силы, говорю я, конечно, конечно, за исключеніемъ дюссельдорфскаго прокурора и дюссельдорфскаго судьи первой инстанціи,—дабы заставить всѣхъ, вплоть до епископа, вплоть до короля, вплоть до всего, что окружаетъ ихъ, заняться изученіемъ этихъ вопросовъ.

„Обѣщаніе короля—это дѣло моихъ рукъ, это—результатъ того, что я покинулъ свой тихій кабинетъ и обратился къ работникамъ. И за это меня обвинять?!

„Министръ, графъ фонъ-Эйленбургъ, недавно заявилъ одной депутаціи типографщиковъ, которые явились къ нему съ ходатайствомъ по поводу права коалицій: „Со всѣхъ сторонъ надвигается на насъ этотъ столь важный рабочій вопросъ“, и выходъ можетъ быть только одинъ—„попытаться разрѣшить его путемъ законопроектовъ, предложенныхъ законодательному собранію“. Я считаю эти слова министра въ высшей степени знаменательными. И положеніе и привычки нашихъ государственныхъ мужей таковы, что они несклонны отыскивать проблемъ. Они выжидаютъ, пока общественное мнѣніе не поставитъ передъ ними этихъ проблемъ.

„Обѣщаніе министра, какъ и обѣщаніе короля—это дѣло моихъ рукъ. Въ 1848 году силезскихъ ткачей угостили штыками, — а нынѣ, воздавая должное принципамъ моей агитаціи, имъ обѣщаютъ, что положеніе ихъ

будетъ измѣнено, нужда ихъ будетъ устранена,—и все это путемъ законодательства!

„Эта замѣчательная, эта спасительная перемѣна, повторяю еще разъ есть дѣло моихъ рукъ. Она есть прямой результатъ того, что я обратился къ массамъ и отзвукомъ ихъ голосовъ усилилъ голосъ науки! И меня обвинять за это??

„И еще одно: епископъ опасается, какъ я говорилъ вамъ, какъ бы не было опрометчивости, при осуществленіи этого мѣропріятія, которое онъ признаетъ безусловно выполнимымъ. И, дѣйствительно, при всѣхъ великихъ реформахъ, эта опасность опрометчивости была всегда тѣмъ больше на-лицо, чѣмъ справедливѣе были эти реформы. Ну, хорошо! пока еще осуществятся эти реформы, — и т. д., а моя агитація, между тѣмъ, дисциплинируетъ эти нетерпѣливыя массы. Какъ одинъ человѣкъ, по моему кличу, спѣшатъ и выжидаютъ (при этихъ словахъ, ораторъ полуоборачивается назадъ къ биткомъ набитой почти исключительно одними работниками аудиторіи, которая съ невыразимымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ его словомъ). тѣснятся впередъ и сдерживаются на мѣстѣ эти великія массы, что образуютъ нашъ Союзъ, и на Рейнѣ, и на Эльбѣ, и у Нѣмецкаго моря, и на Дунаѣ. Пока еще придетъ эта реформа,—а мой Союзъ, между тѣмъ, даетъ этимъ массамъ дисциплину. Она нужна не только для военныхъ цѣлей,—нѣтъ, въ такой же сильной степени нужна она и для всѣхъ великихъ организаторскихъ реформъ!

„О, господа! Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ моей смерти, объ этомъ могучемъ и замѣчательномъ культурномъ движеніи, которое я создаю передъ вашими глазами, будутъ думать иначе, чѣмъ думаетъ дюссельдорфскій судья первой инстанціи! И благодарное потомство—въ этомъ я увѣренъ—будетъ молить прощенія у моей тѣни за это оскорбленіе, нанесенное мнѣ этимъ приговоромъ и этимъ прокуроромъ!

„Наконецъ, господа, какъ пришелъ я къ этому движенію, и какъ возникло оно? Развѣ я какой-нибудь безпокойный газетный писака? Когда я закончилъ тяжелую практическую борьбу, вызвавшую въ свое время въ лѣтописяхъ этой провинціи всеобщее удивленіе, борьбу, начать которую—я могу это сказать — меня побудилъ только мой практическій рыцарскій паѳосъ, — тогда я удалился въ тишину своего кабинета. Я не писалъ ни газетныхъ статей, ни брошюръ; я издалъ великіе ученые труды по труднѣйшимъ вопросамъ знанія. И даже самые страстные враги мои, вопреки своему желанію, должны были воздать мнѣ должное въ области науки! Тогда, именно въ результатѣ всѣхъ этихъ занятій, я почувствовалъ въ своей со-

вести необходимость еще разъ начать практическую борьбу, я почувствовалъ необходимость бросить въ народъ эту агитацію, въ безусловной неизбѣжности которой я убѣжденъ. Что же, мнѣ, быть можетъ, было дожидаться съ этой агитаціей, пока весь воздухъ кругомъ не наполнится пороховымъ дымомъ и баррикадной пылью? Я прочелъ какъ-то въ одной газетѣ прогрессистовъ насмѣшливое восклицаніе: это движеніе пришло слишкомъ рано для себя же самого; если я хочу успѣха, то мнѣ слѣдовало бы пообождать наступленія кризиса. Я отъ всей души смѣялся, читая въ этихъ строкахъ какъ разъ обратное тому, что я думалъ. Именно въ періодъ величайшаго спокойствія и полнаго мира я выступилъ съ этой агитаціей. Эти проблемы должны были обсуждаться при глубочайшемъ спокойствіи, съ любовью и благоразуміемъ слѣдовало разрѣшать ихъ; эти реформы должны бы осуществляться съ любовью и мудростью, а если-бы насъ постигъ кризисъ, то нація должна была бы встрѣтить его, имѣя уже наготовѣ вполнѣ зрѣлое и выработанное убѣжденіе, выработанное путемъ публичнаго обсужденія.

„Итакъ, вы видите здѣсь замѣчательное зрѣлище: передъ вами агитація, охватившая массы, цѣлая нація увлечена ею за или противъ, и не событія, бросающія народъ на улицы, а исключительно совѣсть одного человѣка породила эту агитацію. Если вообще можетъ итти рѣчь о заслугѣ, то именно въ этомъ—великая заслуга. И даже въ одной руководящей статьѣ министерскаго органа недавно заявлялось, что заслуга состоитъ въ томъ, чтобы соціальные недуги вскрывались и подвергались обсужденію своевременно, до наступленія опаснаго кризиса (Ораторъ читаетъ, при этомъ, конецъ руководящей статьи „Сѣверно-Нѣмецкой Всеобщей Газеты“, въ № отъ 12-го іюня).

„Господа! Какъ это движеніе было порождено моею совѣстью, такъ и я, при этомъ приговорѣ, обращаюсь къ вашей совѣсти. Если вы, прежде, чѣмъ вынести приговоръ, проявите хотя бы только половину той добросовѣстности и объективности, съ какою я испытывалъ себя, когда развернулъ знамя этой агитаціи,—то осужденіе мое абсолютно невозможно! Ибо, позвольте мнѣ заключить свою рѣчь слѣдующимъ увѣреніемъ, которое прошу не принимать за риторическій пріемъ, такъ какъ оно есть глубочайшее выраженіе моего нравственнаго убѣжденія. Тяжко для человѣка моихъ лѣтъ и моихъ привычекъ итти въ темницу на двѣнадцать мѣсяцевъ, нѣтъ, даже только на двѣнадцать дней. Я не могу уже относиться къ этому такъ, какъ во дни моей юности, когда я съ такой же легкостью шелъ въ темницу, съ какою иной идетъ на балъ! Но, не смотря на то—

я, все же, охотнѣе согласился бы всю свою жизнь провести среди мрака темницы, нежели услышать этотъ приговоръ!!“

Послѣ этой рѣчи поднялся прокуроръ и заявилъ, что онъ не станетъ входить въ обсужденіе этого обширнаго дѣла, онъ хочетъ только возразить на нѣкоторыя замѣчанія Лассаля, направленныя противъ него. Замѣчательно было заявленіе прокурора, что онъ допускаетъ, что приговоръ первой инстанціи можно было бы отмѣнить, но, даже въ такомъ случаѣ имѣлась бы на-лицо res integra, и судъ, въ рукахъ у котораго имѣется брошюра, самъ безъ труда отыщетъ необходимыя мѣста. Онъ настаиваетъ на предложенной имъ мѣрѣ наказанія.

Затѣмъ началъ говорить защитникъ Лассаля, Блёмъ 1-й. Въ высшей степени рѣзко и убѣдительно, путемъ анализа отдѣльныхъ мѣстъ рѣчи, онъ, въ свою очередь, доказываетъ, что въ рѣчи нѣтъ никакого намека на призывъ къ практическимъ дѣйствіямъ. Всюду Лассаль призываетъ работниковъ къ мышленію и разумѣнію. Въ высшей степени краснорѣчиво говорилъ защитникъ о заслугахъ и стремленіяхъ господина Лассаля, всякій долженъ признать ихъ, если онъ даже рѣшительно несогласенъ съ нимъ и не отождествляетъ себя съ нимъ.

Судъ отложилъ объявленіе приговора до ближайшей пятницы.

Приговоръ гласилъ: „да, виновенъ“ и присуждалъ Лассаля къ 6 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

КЪ БЕРЛИНСКИМЪ РАБОТНИКАМЪ.

Воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза.

Берлинскіе работники!

Возвратясь сюда изъ агитаціонной поѣздки по Рейну, я нахожу настоятельнѣйшимъ долгомъ своимъ открыть вамъ глаза на ложь, распространяемую между вами двумя здѣшними либеральными газетами, преимущественно занимающимися рабочимъ вопросомъ, „Народною Газетою“ и „Берлинскою Реформою“.

Сообщая о большомъ рабочемъ собраніи въ Золингенѣ, обѣ эти газеты, чтобы съ тѣмъ большимъ успѣхомъ ввести васъ въ заблужденіе, превзошли все, что совершали до сихъ поръ по части безстыдства!

Въ то время, какъ въ Золингенѣ десять тысячъ работниковъ рукоплескали принципамъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза и устроили мнѣ, какъ его президенту, безпримѣрный доселѣ на Рейнѣ торжественный пріемъ; въ то время, какъ я съ великимъ трудомъ удерживалъ народъ отъ нанесенія оскорбленій сопровождавшимъ меня жандармамъ, которымъ онъ приписывалъ намѣреніе арестовать меня,—обѣ эти газеты перепечатывали только лживые отчеты нѣкоторыхъ рейнскихъ газетъ, гдѣ съ неслыханно-безстыднымъ извращеніемъ истины разсказывается, будто жандармы сопровождали меня для моей безопасности, для защиты меня отъ народной ярости!

Притомъ обѣ эти газеты напечатали *только* эти ложные корреспонденціи. Вполнѣ правдивый отчетъ, составленный въ секретаріатѣ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, былъ цѣликомъ, *за исключеніемъ одного единственнаго слова*, отвергнутъ редакціями какъ „Берлинской Реформы“, такъ и „Народной Газеты“. Изъ всѣхъ нѣмецкихъ газетъ онѣ

однѣ отказались напечатать этотъ отчетъ, хотя не были на мѣстѣ дѣйствія и стало быть не могли знать, на чьей сторонѣ правда. Онѣ не приняли его, желая, чтобы истина не попадалась вамъ даже на глаза и чтобы, такимъ образомъ, вы не могли судить, кто болѣе заслуживаетъ довѣрія!

„Народная Газета", поступая такимъ образомъ, при своемъ притязаніи быть преимущественно рабочей газетой, превзошла въ безстыдствѣ все, что до сихъ поръ было извѣстно въ исторіи!

Къ сожалѣнію, справедливо, что въ борьбѣ партій правда часто забывается и подвергается безнравственнымъ и жалкимъ искаженіямъ.

Но слыхано ли, напр., въ Англіи или во Франціи, чтобы, когда въ классовой борьбѣ этихъ странъ англійскіе чартисты или французскіе революціонные работники устраивали грандіозныя манифестаціи для заявленія своихъ убѣжденій,—либеральные англійскіе и французскіе газеты пытались переврать эти событія, выставивъ ихъ какъ разъ въ противоположномъ видѣ?

Они сожалѣли и скорбѣли въ такихъ случаяхъ о мнимомъ ослѣпленіи народныхъ массъ, но лгать въ глаза народу, который въ теченіе цѣлой четверти часа безъ умолку кричалъ тысячами голосовъ „виватъ", что онъ кричалъ „долой" — есть спеціальное изобрѣтеніе нѣмецкой либеральной печати, какъ нельзя лучше характеризующее ея отношеніе къ народу!

Да, работники, честь этого изобрѣтенія принадлежитъ нѣмецкой либеральной печати! Такъ еще никто не лгалъ, съ тѣхъ поръ какъ свѣтъ стоитъ!

Но „Народная Газета" и „Берлинская Реформа" превзошли и всю остальную нѣмецкую печать.

Даже главный либеральный органъ рейнской провинціи, „Кёльнская Газета", рѣшительно враждебная мнѣ, сообщила по поводу золингенскаго собранія только отчетъ секретаріата Общаго Германскаго Рабочаго Союза во всѣхъ подробностяхъ. Изъ лживаго повѣствованія „Эльберфельдской Газеты" она перепечатала только отрывки, тщательно опустивъ наиболѣе ложныя мѣста, и прежде всего—будто народъ провожалъ меня проклятіями и жандармы были принуждены защищать меня. Почему она поступила такъ? Потому, что отчетъ Рабочаго Союза былъ столько же очевидно правдивъ, сколько описанія „Эльберфельдской" и „Барменской" газетъ очевидно лживы, по собственнымъ противорѣчіямъ, а такая большая газета, какъ „Кельнская", не могла компрометировать себя, печатая извѣстія, возмутительная лживость которыхъ извѣстна десяти тысячамъ присутствовавшихъ свидѣтелей.

Другія газеты, даже столь злобные и враждебные, какъ „Рейнская Газета“, сообщили лживыя выдумки „Эльберфельдской“ и „Барменской“ газетъ, по крайней мѣрѣ, заодно съ полнымъ разсказомъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, предоставляя, такимъ образомъ, своимъ читателямъ самимъ составить себѣ понятіе о происшествіи.

Даже столь непріязненный мнѣ органъ, какъ берлинская „Національная Газета“, перепечатала большую часть отчета Рабочаго Союза, разсудивъ, что ея читатели—богатый классъ—читаютъ не однѣ берлинскія газеты и что, стало быть, отъ нихъ безполезно скрывать то, что они все равно прочтутъ въ другихъ газетахъ.

Только „Народная Газета“ и „Берлинская Реформа“, т. е. именно рабочія берлинскія газеты, довели безстыдство до того, что сообщили лишь лживые отчеты, утаивъ отъ васъ отчетъ Рабочаго Союза. „Реформа“ утаила его совершенно, а „Народная Газета“ привела изъ него только одно единственное слово въ насмѣшку!

Почему именно эти газеты поступили такимъ образомъ?

Не почему иному, какъ только потому, что онѣ знаютъ, что читаются преимущественно вами, работниками!

Не почему иному, какъ потому, что сами признавали правдивость отчета Рабочаго Союза! Не почему иному, какъ потому, что понимали, что и вы увидите правдивость его, если онъ попадется вамъ на глаза! Не почему иному, какъ потому, что боялись, что какъ скоро вы узнаете про энтузіазмъ рейнскихъ работниковъ, то и сами заразитесь и увлечетесь имъ! Вѣдь энтузіазмъ, эта высшая жизненная теплота духа, по счастью гораздо заразительнѣе въ народѣ, чѣмъ всякая физическая болѣзнь!

Правда, я принялъ дѣйствительныя мѣры для посрамленія этихъ гнусныхъ лжецовъ и для побѣдоноснаго возстановленія истины. Я тотчасъ напечаталъ въ газетахъ за своею подписью „Публичное воззваніе“, въ которомъ поручалъ золингенскому уполномоченному Общаго Германскаго Рабочаго Союза собрать 500 подписей золингенскихъ гражданъ всѣхъ сословій въ удостовѣреніе истины моего отчета.

„Народная Газета“ была принуждена напечатать это „Публичное воззваніе“, подписанный моимъ именемъ, потому что знала, что я, какъ подвергшійся личнымъ нападкамъ, имѣю законное право заставить напечатать свое личное заявленіе и что, кромѣ того, я, во всякомъ случаѣ, могъ напечатать его за деньги въ объявленіяхъ.

Уже одно это „Публичное воззваніе“ достаточно доказываетъ истину моего разсказа. Ибо могъ ли бы я обратиться съ подобнымъ вызовомъ къ

собственнымъ приверженцамъ, къ тысячамъ присутствовавшихъ рабочихъ, еслибы было ложью то, что я приглашалъ засвидѣтельствовать?

Если-бы я рѣшился на это, то на вѣки вѣчные загубилъ бы себя во мнѣніи собственныхъ приверженцевъ, во мнѣніи цѣлыхъ тысячъ рабочихъ, которые составляютъ и должны составлять мою партію; я оказался бы передъ ними презрѣннѣйшимъ лжецомъ!

Такъ не поступаетъ ни одинъ вождь партіи, если-бы онъ даже былъ настолько безсовѣстенъ, чтобы въ душѣ одобрять подобное средство. Онъ не сдѣлаетъ этого изъ благоразумія, по крайней мѣрѣ отъ своего имени.

Далѣе, могъ ли бы я съ такой увѣренностью распоряжаться собираніемъ 500 подписей и заранѣе печатать это распоряженіе, если-бы отчетъ, подтвержденія котораго я требовалъ, былъ ложенъ? Вѣдь мнѣ предстояла бы очевидная опасность, что собрать эти подписи будетъ невозможно и я предстану, такимъ образомъ, передъ всей Германіей посрамленнымъ и изобличеннымъ лжецомъ.

Наконецъ, теперь, когда я пишу это, подписи эти уже собраны, отлитографированы и разосланы газетамъ, которыя должны были засвидѣтельствовать полученіе ихъ. Пусть послужитъ вамъ это доказательствомъ удивительной организаціи, энергической дисциплины нашего Союза, неутомимой дѣятельности истинныхъ работниковъ: эти 500 подписей были собраны нашимъ золингенскимъ уполномоченнымъ, оружейнымъ мастеромъ Вилльмсомъ, менѣе чѣмъ въ 6 дней!

Пусть послужитъ вамъ этотъ одинъ примѣръ свидѣтельствомъ всей лживости либеральной прессы и особенно „Народной Газеты".

Освободитесь же, наконецъ, берлинскіе работники, отъ враждебнаго свободѣ вліянія, которое имѣетъ на многихъ изъ васъ эта гнусная газета.

Каждый демократъ долженъ удивляться и негодовать, видя что столь многіе изъ васъ до сихъ поръ не отдѣлались отъ этого вліянія.

Неужели вы такъ забывчивы?

Неужели вы не помните, что „Народная Газета" первая отреклась въ 1858 г. отъ имени демократіи и объявила, что демократія должна исчезнуть, слившись съ конституціонной партіей?

Неужели вы не помните, что въ 1859 г. „Народная Газета" первая заговорила о томъ, что надо отступиться отъ требованія всеобщаго избирательнаго права—отъ вашего необходимаго знамени—и довольствоваться еще на неопредѣленное время трехкласснымъ избирательнымъ закономъ, который оскорбляетъ ваши права и унижаетъ ваше сословіе?

Неужели вы забыли, что въ 1858 г. „Народная Газета" первая под-

няла лживый крикъ про „новую эру“ и этимъ трусливымъ обманомъ нанесла смертельный ударъ старой демократіи?

Неужели вы не помните, что въ 1859 г., когда даже „Берлинская Національная Газета“ упорно противилась требованію временнаго усиленія арміи, справедливо указывая на то, что изъ временной организаціи арміи непремѣнно выйдетъ окончательная,—„Народная Газета“ съ такимъ же упорствомъ печатала длинныя передовыя статьи подъ заглавіемъ „Честные люди“, доказывая, что нельзя отказать въ этихъ милліонахъ такимъ честнымъ людямъ, какъ Шверинъ и Патовъ? Забыли ли вы, что „Народная Газета“ своимъ вліяніемъ склонила палату отпустить правительству эти милліоны и что, стало быть, мы обязаны никому иному, какъ „Народной Газетѣ“ всѣмъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ?

Я могъ бы продолжить этотъ обвинительный актъ до безконечности, если-бы перечисленныхъ здѣсь смертныхъ грѣховъ противъ политической свободы страны и демократическихъ принциповъ не было за-глаза достаточно для произнесенія приговора и если-бы я не спѣшилъ возвратиться къ главному предмету этого воззванія къ вамъ!

Васъ, берлинскіе работники, старались обмануть на счетъ рейнскихъ происшествій еще въ другомъ отношеніи. Въ одномъ изъ здѣшнихъ рабочихъ собраній, были попытки, вмѣнить мнѣ въ вину даже золингенскую ножевщину и возбудить въ васъ сильнѣйшее негодованіе противъ рейнскихъ работниковъ!

Вмѣнять мнѣ въ вину эти ножи, пущенные въ ходъ на одномъ концѣ огромной залы, вмѣщающей 5.000 человѣкъ, въ то время, какъ я говорилъ на противоположномъ концѣ, ножи, про которые я и не зналъ, пока по поводу ихъ жандармъ не распустилъ собранія и которые я и тутъ еще счелъ полицейской выдумкой,—вмѣнить мнѣ ихъ въ вину—верхъ нелѣпой партійной злобы!

Точно также несправедливо было бы, если-бы вы, берлинскіе работники, увлеклись криками про эти ножи до односторонняго осужденія рейнскихъ работниковъ.

Я, какъ и всѣ, сожалѣю, что дѣло дошло до ножей. Я сожалѣю, что это случилось и признаю это поступкомъ, превосходящимъ законную мѣру дозволеннаго отраженія силы силой.

Но какъ было дѣло и кто первый и истинный виновникъ этой ножевщины?

Въ Барменѣ и Золингенѣ были назначены не общія народныя собранія, а собранія исключительно Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ Барменѣ

среди 3.000 работниковъ явилось около 250 фабрикантовъ-прогрессистовъ— нѣкоторые вооруженные припрятанными свистками. Они старались свистомъ, шумомъ и, наконецъ, попытками провозгласить „виватъ“ Шульце-Деличу— разстроить собраніе этихъ работниковъ, страстно преданныхъ принципамъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Тогда работники бросились на нарушителей порядка и, хотя не безъ насилія, но безъ всякаго физическаго ущерба, игновенно выпроводили ихъ изъ залы, послѣ чего я могъ спокойно продолжать рѣчь.

Въ Золингенѣ въ большой стрѣлковой залѣ (Schützenhalle) было до 5.000 работниковъ, и столько же толпилось передъ нею; туда же пробралось около сотни фабрикантовъ-прогрессистовъ.

Едва я началъ рѣчь, возобновились прежнія попытки прервать ее шумомъ и шарканіемъ. Рабочіе съ быстротою молніи и безъ всякаго насилія выпроводили фабрикантовъ. Но дверей залы нельзя было затворить, потому что толпа, стоявшая снаружи, желала, по возможности, слышать рѣчь. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, фабриканты попытались черезъ $^3/_4$ часа прервать рѣчь крикомъ „виватъ Шульце-Деличъ“, чрезъ растворенную дверь.

При такомъ намѣренномъ и упорномъ вызывательствѣ, ближайшая къ крикунамъ часть толпы не могла сдержать своего негодованія. Она бросилась на фабрикантовъ, осыпала ихъ побоями, и тутъ нѣкоторые изъ нихъ получили удары ножами, вслѣдствіе чего полиція противозаконно закрыла собраніе.

Какъ же, стало быть, было дѣло, берлинскіе работники?

Прежде всего спрашивается: зачѣмъ лѣзутъ прогрессисты въ собранія Общаго Германскаго Рабочаго Союза? Что имъ тамъ дѣлать? Очевидно,— нечего, какъ и мнѣ въ ихъ собраніяхъ. Время преній между нами прошло. До учрежденія Общаго Германскаго Рабочаго Союза я могъ отправиться къ нимъ—и то по ихъ собственному приглашенію—во Франкфуртъ-на-Майнѣ, гдѣ побилъ ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ [1]).

Но съ тѣхъ поръ основался Общій Германскій Рабочій Союзъ, и съ этой минуты намъ съ прогрессистами быть вмѣстѣ не пристало. Мы находимся въ отношеніяхъ самостоятельныхъ враждебныхъ партій, которыя должны итти самостоятельными отдѣльными путями. Общій Германскій Рабочій Союзъ образовался не для того, чтобы терять время на препирательства съ про-

---

[1]) См. предыдущую франкфуртскую рѣчь — „Книга для чтенія рабочимъ“.

грессистами, а тѣмъ болѣе не затѣмъ, чтобы посредствомъ скандаловъ разстраивать другъ у друга собранія.

Что сказали бы прогрессисты, если-бы я здѣсь подослалъ въ ихъ собранія нѣсколько человѣкъ работниковъ разстраивать ихъ виватами въ мою честь?

И какъ могло хватить у такой ничтожной горсти людей безстыдства буйствомъ и гвалтомъ мѣшать цѣлямъ собранія многихъ тысячъ, собравшихся, какъ они видѣли, въ единодушіи и одушевленіи?

Наконецъ, вотъ еще что: откуда набралась эта горсть людей такой храбрости, чтобы рѣшиться на оскорбительныя и вызывающія выходки противъ столькихъ тысячъ рабочихъ, среди которыхъ находилась?

На это существуетъ только одинъ отвѣтъ: эта горсть людей потому расчитывала на возможность безнаказанно производить всевозможныя безчинства противъ столькихъ тысячъ, что эти тысячи — вѣдь, рабочіе, зависящіе отъ нихъ, господъ и хозяевъ труда!

Они били на зависимость работниковъ отъ себя, уповали на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ!

Да, работники, въ 1848 году имущіе жаловались на рабочій терроръ, за то теперь стало наоборотъ — суконные сюртуки хотятъ держать подъ терроромъ полотняныя блузы! Нѣсколько фабрикантовъ хотѣло буйнымъ безчинствомъ насильно воспрепятствовать тысячамъ работникамъ свободно заявить свои политическія воззрѣнія. И они были увѣрены, что могутъ это дѣлать смѣло и безнаказанно, дѣлать, потому что, вѣдь, это ихъ работники, и они смѣютъ заявлять неудобныя для своихъ хозяевъ политическія воззрѣнія!

Но рейнскіе работники не таковы, чтобы допустить надъ собой опеку или терроръ своихъ хозяевъ въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Это-то чувство, чувство оскорбленія и униженія, которыя заключались въ нахальной выходкѣ небольшаго числа фабрикантовъ, въ выходкѣ, дававшей рабочимъ чувствовать ихъ частную зависимость, — и возбудило въ нихъ такое негодованіе!

Если страсть увлекла ихъ къ крайности, что легко было предвидѣть, то кто первый и главный виновникъ этихъ крайностей, какъ не люди, такъ дерзко, упорно и оскорбительно вызывавшіе ихъ?

Но въ самой этой страсти вы видите, берлинскіе работники, какъ часто въ жизни добро встрѣчается рядомъ со зломъ.

Безъ страсти въ исторіи камень съ камня не трогается! Безъ страсти не обходится ни одно изъ тѣхъ великихъ освобожденій, преемственный рядъ которыхъ составляетъ всю исторію человѣчества.

Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣднія четырнадцать лѣтъ заключается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердцѣ народа, и оттого мы и погрязли съ 1849 года въ такое болото!

Съ 1858 года прогрессисты учредили свой національный союзъ и свои, такъ называемыя, рабочія образовательныя общества. Въ пять лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови! Общій Германскій Рабочій Союзъ существуетъ только четыре мѣсяца— и страсть уже пылаетъ въ народѣ!

Какъ бы ошибочно эта страсть ни проявилась на этотъ разъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни,— признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію!

Берлинскіе работники! Хотите ли вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Когда же имъ случается говорить передъ работниками или писать для работниковъ, они, конечно, благоразумно говорятъ совершенно противоположное этому! Хорошо, я вамъ сейчасъ докажу и это. Выходящая во Франкфуртѣ-на-Майнѣ „Южно-Германская Газета" принадлежитъ къ числу усерднѣйшихъ органовъ партіи прогрессистовъ и преданнѣйшихъ друзей г. Шульце-Делича. Поэтому съ самаго начала и до настоящаго дня она была однимъ изъ самыхъ страстныхъ враговъ моихъ. Она почти не читается работниками и потому въ ней мои противники могутъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, рѣшиться при случаѣ сказать другъ другу правду. Послѣ барменскаго собранія газета эта помѣстила по поводу его слѣдующую передовую статью, которую я привожу дословно (№ 486 отъ 25 сентября):

„Рабочее движеніе на Нижнемъ Рейнѣ".

„Съ Нижняго Рейна, 23 сентября. Кризисъ въ нашей государственной жизни развивается все шире и величавѣе. Изъ всѣхъ моментовъ его до сихъ поръ меньше всего обращаетъ на себя вниманіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣхъ важнѣе и опаснѣе—рабочее движеніе. Немногіе понимаютъ всю его важность. Обѣ господствующія нынѣ партіи,—меньшая, стучащая скипетромъ, не помышляя объ его хрупкости, и большая, опирающаяся съ пріятнымъ чувствомъ безопасности на широкую спину буржуазіи, выжидая, когда минуетъ потокъ реакціи,—обѣ онѣ своимъ отношеніемъ къ рабочему движенію совершили величайшую изъ всѣхъ своихъ ошибокъ.

„Можно считать положительно рѣшеннымъ, что никогда еще за кулисами политической сцены не бывало такой глупой публики, какъ нынѣшнее поколѣніе нашихъ ультра-феодаловъ. Можно было бы еще до нѣкоторой степени уважать ихъ теперешній образъ дѣйствій, если-бы думать, что они махнули на свое дѣло рукой и хотятъ съ рыцарственнымъ мужествомъ взорвать свою крѣпость вмѣстѣ съ непріятелемъ. Но этого думать нельзя. Господа эти, очевидно, надѣются еще долго пробесѣдовать, уютно и пріятно засѣдая въ извѣстномъ домѣ на Лейпцигерштрассе [1]), насаждать дома въ свое удовольствіе свеклу и царствовать надъ своей челядью. Объ отступленіи они и не помышляютъ. Они увѣрены, что могутъ совершенно безнаказанно мутить низшіе слои населенія противъ богатой буржуазіи и возгордившагося средняго сословія, лишь бы отдѣлаться отъ ненавистнаго „прогресса". Въ послѣднее время они превзошли всѣ свои прежнія глупости явнымъ и тайнымъ поощреніемъ Лассаля и его разрушительныхъ стремленій, уподобившись Иванушкѣ-дурачку, отпиливающему тотъ самый сукъ, на которомъ сидитъ. Пожалуй, скажутъ, что говорить о разрушительныхъ стремленіяхъ Лассаля бездоказательно, есть съ нашей стороны petitio principii. Неужели же надо предварительно опровергать пошлые толки о томъ, что этотъ человѣкъ есть „орудіе реакціи", да еще „слѣпое"? Кто не хочетъ видѣть, съ тѣмъ не столкуешься. Вмѣсто того, чтобы убѣждать разсужденіями людей, успокаивающихъ себя относительно Лассаля пошлой фразой, что его фантазіи, давно опровергнутыя опытомъ, не находятъ у огромнаго большинства работниковъ никакой почвы, мы лучше укажемъ имъ факты. Фразу эту повторяютъ давно, а между тѣмъ число приверженцевъ Лассаля постоянно возрастаетъ. Замѣчателенъ фанатизмъ этихъ приверженцевъ. Кто наблюдалъ за этими людьми, находитъ въ нихъ совершенно не тотъ духъ, что въ тихой и безобидной привязанности къ Шульце-Деличу членовъ его обществъ. Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресеніе въ выходившихъ прогрессистовъ въ Барменѣ, были оружіемъ не простой грубости, и слова Лассаля, что онъ пріѣхалъ „дѣлать смотръ", нельзя считать пустымъ хвастовствомъ. Изъ Золингена, гдѣ рабочее населеніе всегда отличалось мятежнымъ духомъ, насъ извѣщаютъ, что въ будущее воскресеніе тамъ ожидаютъ подобныхъ же, если не худшихъ, сценъ. Мы могли бы сообщить отзывы, слышанные отъ работниковъ и имѣющіе гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ заявленія самодовольныхъ филистеровъ на торжественныхъ обѣдахъ готовности „жертвовать деньги и кровь" на общее дѣло.

[1]) Палата господъ.

„Потребительныя общества, размножающіяся со дня на день, не представляютъ достаточнаго оплота противъ этого направленія. Очень часто приходится слышать отъ учредителей ихъ, если они принадлежатъ къ рабочему сословію, что пока нельзя ничего другаго сдѣлать. Отъ дальнѣйшихъ поступковъ рабочихъ удерживаетъ уваженіе къ просвѣщеннымъ людямъ, руководящимъ большинствомъ этихъ обществъ; но весьма ошибочно было бы думать, что въ этихъ обществахъ мы имѣемъ прочный корень противной партіи между самими рабочими. Между ремесленниками у Шульце-Делича много горячихъ приверженцевъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ въ такое рѣзкое противорѣчіе съ Лассалемъ, его стали уважать и купцы и фабриканты, еще недавно не хотѣвшіе знать его. Но фабричные работники и поденщики, тѣмъ болѣе относятся къ нему съ недовѣріемъ, что имъ толкуютъ о немъ съ такою явной задней мыслью, и что они видятъ, какъ почитаютъ его ремесленники и купцы.

„Консерваторы еще пуще раздуваютъ это настроеніе. Нельзя безъ состраданія видѣть, какъ какіе-то оригиналы изъ духовенства, честолюбивые чиновники и коварные интриганы льстятъ работникамъ по приказанію центральныхъ властей феодальнаго государства въ государствѣ, чтобы пріобрѣсти какихъ-нибудь нѣсколько ничтожныхъ избирательтельныхъ голосовъ. Умныя газеты доказываютъ Лассалю, что незначительное число рабочихъ голосовъ никогда не составитъ палаты, способной поставить на первый планъ рабочій вопросъ. Вѣдь совъ въ Аѳины не носятъ! Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность. Не знаемъ, увидимъ ли мы когда-нибудь, что на защиту конституціи двинется войско изъ членовъ гимнастическихъ обществъ и вольныхъ стрѣлковъ, но мы знаемъ одно, что если все останется по старому, то рабочая армія Лассаля не оставитъ въ нынѣшнемъ политическомъ строѣ Германіи камня на камнѣ, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзды и другія игрушки. Лассалевская „теорія пріобрѣтенныхъ правъ"—кстати сказать, одно изъ важнѣйшихъ сочиненій въ литературѣ философіи права — заключаетъ въ себѣ все, изъ чего можетъ выйти практика отнятыхъ правъ, и для понимающихъ очень ясна. Въ Берлинѣ Лассаль еще не пріобрѣлъ такой силы, какую имѣетъ на Рейнѣ. Реакція старается распахать ему поле, съ котораго пожинать будетъ революція. Она помогаетъ Лассалю, а не наоборотъ. Благодаря глупости нашего правительства и ограниченной слабости, съ какою ведется дѣло либерализма, мы находимся теперь наканунѣ великаго соціальнаго переворота. Намъ давно сдается, что наемная интеллигенція оффиціозной и фео-

дальной печати также ясно понимаетъ все это, какъ и мы, и со злобнымъ наслажденіемъ пытается играть при своихъ кормильцахъ роль Мефистофеля.

„Минутѣ приближенія указанной нами опасности будутъ предшествоватъ очень замѣтныя признаки. Уже теперь на партію прогрессистовъ пала очень серьезная тѣнь,—не смотря на 6 новыхъ пунктовъ, вслѣдствіе того, что по окончаніи сейма она безпомощно разбрелась; вслѣдствіе того, что во время „междуцарствія“ вожди ея бездѣйствовали; вслѣдствіе того, что всѣ продукты ея печати отличаются совершеннымъ ничтожествомъ. Она пугается борьбы съ короной,—а вѣдь въ этомъ и состоитъ смыслъ всего столкновенія. Все это рано или поздно должно привести къ тому, что и въ чисто политической области возникнутъ новыя стремленія и партіи. Представьте себѣ, что пассивное сопротивленіе послѣднихъ мѣсяцевъ продлилось бы еще нѣсколько лѣтъ. Каковы были бы послѣдствія этого? Вѣдь, Пруссія не Куръ-Гессенъ и одни выборы еще никогда не дѣлали народа свободнымъ! Тутъ и возникаетъ простой вопросъ: встрѣтитъ ли влекущая впередъ энергія въ нѣкоторыхъ частяхъ партіи прогрессистовъ поддержку въ палатѣ, между извѣстными вождями, или нѣтъ? Останется ли эта партія при своемъ прославленномъ единеніи, гдѣ лучшіе элементы нейтрализируютъ другъ друга? Разойдутся ли опять, послѣ шестинедѣльной болтовни, по домамъ, чтобы засѣсть, сложа руки, или въ крайнемъ случаѣ, устроить торжественный обѣдъ? Взыщетъ ли литературное общество еще по талеру, чтобы опять угостить старой жвачкой? Если все это такъ будетъ, то по всѣмъ вѣроятіямъ настоящій „прогрессъ“ отступится отъ этой партіи и бросится въ объятія общему германскому рабочему движенію. Всѣ элементы этого уже готовы“.

Далѣе авторъ говоритъ, что единственное спасеніе заключается въ энергическомъ развитіи партіи прогрессистовъ.

Видите, работники? Здѣсь безъ обиняковъ признается все — и многочисленность приверженцевъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь г.г. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза—все, все.

И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ угрожаетъ перепелить сукъ, на которомъ вмѣстѣ засѣдаютъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое—все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ

рейнскихъ собраній, но признается только въ газетѣ, не читаемой рабочими, признается либералами въ задушевной бесѣдѣ между собой, а не передъ вами! Болѣе того, авторъ, очевидно принадлежащій къ крайнему крылу партіи прогрессистовъ, сознается въ заключеніе, что этому крайнему крылу скоро ничего больше не останется, какъ примкнуть къ рабочему движенію.

Редакція „Южно-Германской Газеты“ прибавляетъ отъ себя къ этой передовой статьѣ своего корреспондента слѣдующее примѣчаніе:

„Статья эта, кажется, не вполнѣ избѣгаетъ упрека въ томъ, что слишкомъ торопится обобщить мѣстныя явленія; но нашъ г. корреспондентъ былъ всегда такимъ внимательнымъ и безпристрастнымъ наблюдателемъ мѣстныхъ явленій, что, не смотря на этотъ упрекъ, мы не колеблемся дать мѣсто его мыслямъ безъ всякихъ сокращеній“.

Слѣдовательно, авторъ этой статьи—давнишній и многоиспытанный корреспондентъ „Южно-Германской Газеты“.

Такимъ образомъ, въ рядахъ нашихъ противниковъ господствуютъ смятеніе и замѣшательство, а вы берлинскіе работники, еще колеблетесь и не рѣшаетесь, недоумѣвая, кого держаться.

Развѣ вы не замѣтили, что въ послѣднее время „Народная Газета“ и „Берлинская Реформа“ усерднѣе прежняго принялись распространять толки о томъ, что я служу реакціи? Уже одна эта жалкая и нелѣпая клевета лучше всего доказываетъ вамъ, какъ ужасно васъ хотятъ обмануть.

Какъ берлинскіе работники? Неужели вы можете въ самомъ дѣлѣ думать, что рейнское рабочее сословіе, это радикальнѣйшее въ политическомъ отношеніи рабочее сословіе во всей Германіи, этотъ авангардъ германскаго рабочаго сословія, сталъ бы рукоплескать реакціонеру? Вѣдь, рейнскіе рабочіе—самые развитые и матеріально, и умственно; матеріально—вслѣдствіе господствующей тамъ крупной промышленности, умственно и политически—вслѣдствіе постоянныхъ соприкосновеній съ англійскими и французскими началами и вслѣдствіе высшаго матеріальнаго развитія, которое необходимо ведетъ и къ умственному.

Ничто не способствовало въ такой степени воспламененію въ рейнскихъ работникахъ негодованія и умноженію числа приверженцевъ Общаго германскаго Рабочаго Союза, какъ эта постоянно повторяемая прогрессистами клевета, будто я служу реакціи.

Вѣдь рейнское рабочее сословіе знаетъ меня отлично! Десять лѣтъ я прожилъ съ нимъ и среди него. Я провелъ съ нимъ и время революціи, и время реакціи.

Едва прогрессисты издали противъ меня кличь, что я служу реакціи, какъ рейнскіе работники уже по одному этому тотчасъ догадались, какой неслыханно грубый обманъ затѣянъ противъ народа, и тутъ къ движенію нашему пристали даже тѣ, кто до тѣхъ поръ еще не рѣшался на это.

Я объясню вамъ, берлинскіе работники причину этого обмана.

Я повторю вамъ здѣсь то, что доказалъ уже въ своей франкфуртской рѣчи—въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ".

Прогрессивные буржуа ненавидятъ меня и ведутъ противъ меня войну не за то, что я служу реакціи, а, наоборотъ, потому, что опасаются отъ меня революціи; не потому, что я кажусь имъ реакціонеромъ, а потому, что кажусь революціонеромъ! И я соглашался съ этимъ упрекомъ сто разъ, всякій разъ, какъ слышалъ его, гдѣ бы мнѣ его ни дѣлали, соглашался съ этимъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ рѣчахъ, не разъ даже въ судахъ!

Я призналъ его справедливымъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1849 г., въ моей ассизной рѣчи передъ рейнскими присяжными въ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, гдѣ дѣло шло обо всемъ моемъ существованіи, и опять призналъ его справедливымъ въ январѣ текущаго года передъ берлинскимъ уголовнымъ судомъ, въ своей рѣчи „Наука и работники", какъ и два дня тому назадъ въ здѣшней королевской судебной палатѣ, въ процессѣ, гдѣ дѣло шло о моей личной свободѣ!

До моего „Гласнаго Отвѣта" прогрессисты всегда и относились ко мнѣ, какъ къ крайнему революціонеру, никогда не скрывая, что ужасъ, который я внушаю имъ, происходитъ именно отъ этой причины. Только со времени моего „Гласнаго Отвѣта" они подняли среди васъ крикъ, что я служу реакціи!

И какой поводъ могъ подать имъ къ этому мой „Гласный Отвѣтъ"? Развѣ я совѣтывалъ въ немъ рабочимъ не мѣшаться въ политику и держаться въ сторонѣ отъ нея?

Напротивъ, я говорю въ немъ, что „прямо глупо думать, что работникамъ не слѣдуетъ заботиться о политическомъ движеніи и развитіи, что, наоборотъ, только отъ политической свободы могутъ они ожидать осуществленія своихъ законныхъ интересовъ" и т. д. Или, можетъ быть, я нападаю на прогрессистовъ за то, что они слишкомъ далеко заходятъ въ оппозиціи правительству? Нѣтъ, я нападаю на нихъ, нападаю сильнѣйшимъ образомъ, за то только, что они не идутъ довольно далеко, что они обнаружили безпримѣрную слабость и малодушіе, доказали, что такой жалкой вялости никогда не доставить интересамъ свободы побѣду надъ

рѣшительнымъ правительствомъ! Развѣ я заявилъ, что слѣдуетъ поддержать правительство противъ партіи прогрессистовъ? Напротивъ, я говорю, что слѣдуетъ поддерживать прогрессистовъ противъ правительства въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у насъ съ ними общій интересъ, и принуждать ихъ „итти впередъ, перешагнуть за свои нынѣшніе предѣлы"; еще въ своей послѣдней рейнской рѣчи я издалъ пароль подавать голоса на предстоящихъ выборахъ за прогрессистовъ противъ правительства,—по причинамъ, которыя тутъ же объяснялъ.

Стало быть, спрашиваю еще разъ: почему же не скажутъ прогрессисты правды, что по своей преданности конституціи ненавидятъ меня и борятся со мною какъ съ революціонеромъ? Почему вмѣсто того они поднимаютъ противъ меня при васъ клеветническій крикъ, что я служу реакціи?

Причина проста; столько же проста, сколько гнусна и возмутительна.

При васъ прогрессисты не могутъ упрекать меня за то, что я революціонеръ. Они знаютъ, что выскажи они при васъ этотъ упрекъ,—истинную причину ихъ ненависти ко мнѣ,—это имѣло бы единственнымъ послѣдствіемъ обращеніе всѣхъ васъ въ моихъ приверженцевъ. Поэтому эти лицемѣры берутъ съ другого конца и обвиняютъ меня предъ вами въ служеніи реакціи, ненавидя меня какъ революціонера!

Берлинскіе работники! Хотите ли знать, реакціонеръ ли я? Прочтите мою рейнскую рѣчь [1]), прочтите мою рѣчь „Наука и работники", прочтите всѣ мои рѣчи и брошюры, и вы увидите, что у всѣхъ прогрессистовъ вмѣстѣ не хватило бы мужества на подобныя рѣчи!

Вы видѣли только-что, какъ осмѣиваетъ „Южно-Германская Газета" „нелѣпую выдумку", будто я служу реакціи.

Но васъ, берлинскіе работники, прогрессисты считаютъ до того еще глупыми, что навязываютъ вамъ свои „нелѣпыя выдумки", надъ которыми сами хохочутъ!

Послѣдуйте же примѣру рейнскихъ работниковъ! Поймите на примѣрѣ одной этой жалкой плутни, какъ грубо лгутъ вамъ во всѣхъ отношеніяхъ печать прогрессистовъ, „Народная Газета" и вообще прогрессисты!

Что можетъ удержать васъ, берлинскіе работники, отъ вступленія въ ряды Общаго Германскаго Рабочаго Союза?

Наше знамя есть прежде всего всеобщее и прямое избирательное право, и это знамя есть необходимое и прирожденное знамя каждаго

---

[1]) См. выше: „Празднества, пресса и франкфуртское депутатское собраніе".

члена вашего сословія. Если-бы даже были между вами до того ослѣпленные люди, что не желали бы улучшенія своего соціальнаго положенія, то всетаки каждый, искренно желающій всеобщаго и прямого избирательнаго права, долженъ вступить въ наши ряды.

Вѣдь съ пріобрѣтеніемъ всеобщаго и прямого избирательнаго права соціальные принципы Общаго Германскаго Рабочаго Союза еще не осуществились бы, пока не пріобрѣли бы за себя большинство законодательнаго собранія, избраннаго всеобщей и прямой подачей голосовъ.

И наоборотъ, разъ что они имѣли бы за себя это большинство, всѣ искренно желающіе всеобщаго и прямого избирательнаго права должны были бы терпѣливо подчиниться и соціальнымъ преобразованіямъ, которыя оно можетъ произвести въ странѣ постановленіями народныхъ представителей.

Итакъ, каждый искренній приверженецъ всеобщаго и прямаго избирательнаго права долженъ, если не хочетъ обманывать васъ или себя, вступить въ ряды нашего великаго союза, поставившаго это право своею ближайшею политическою цѣлью; онъ долженъ поддержать своимъ вступленіемъ нашу агитацію за это право.

А что можетъ связывать васъ съ прогрессистами? Что вамъ дѣлать съ ними?

Мы агитируемъ за всеобщее и прямое избирательное право, а прогрессисты—за сохраненіе прусской конституціи!

Но, какъ я подробно доказалъ въ своей рейнской рѣчи, прусская конституція еще никогда, ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія!

Какъ я доказалъ въ рейнской рѣчи, прусская конституція есть лишь продуктъ и результатъ противозаконія, совершеннаго противъ народа незаконнымъ отнятіемъ всеобщаго избирательнаго права, установленнаго закономъ 8 апрѣля 1848 года.

Какъ я доказалъ въ этой рѣчи, прусская конституція есть лишь компромиссъ буржуазіи съ правительствомъ, которому буржуазія предала закономъ утвержденное право народа, чтобы воспользоваться своей частной добычей.

Прусская конституція содержитъ въ себѣ трехклассный избирательный законъ, составляющій существенную часть ея и проникающій своимъ духомъ и всѣ прочія постановленія ея.

Прусская конституція исключаетъ всеобщее и прямое избирательное право, которое не можетъ осуществиться, пока не устранена эта конституція.

Слѣдовательно, каждый, агитирующій въ пользу сохраненія этой конституціи, долженъ считаться врагомъ народной партіи, которая должна агитировать въ пользу всеобщаго и прямаго избирательнаго права.

Стало быть, можете ли вы, берлинскіе работники, бѣжать въ хвостѣ у прогрессистовъ, вмѣсто того чтобы собираться подъ необходимое знамя вашего сословія, подъ знамя всей демократіи, знамя всеобщаго и прямаго избирательнаго права?

Вотъ вамъ примѣръ совершенной неспособности и полнаго ничтожества этихъ людей.

Я привожу вамъ примѣръ изъ событій послѣднихъ дней, примѣръ, который намъ представляетъ ихъ поведеніе въ важнѣйшемъ изъ вопросовъ, волнующихъ теперь Германію, въ великомъ національномъ вопросѣ по поводу преобразовательнаго акта германскихъ государей; примѣръ, котораго безъ смѣха нельзя слышать.

На франкфуртскомъ депутатскомъ собраніи 21 августа нынѣшняго года по предложенію г.г. Шульце-Делича и фонъ-Унру комитетъ постановилъ, что къ преобразовательному акту германскихъ государей не слѣдуетъ „относиться только отрицательно"; далѣе, по ихъ же настоянію, было постановлено слѣдующее: „Отъ дальнѣйшихъ дѣйствій германскихъ государей и правительствъ будетъ зависѣть, признаетъ ли депутатское собраніе этотъ фактъ (преобразовательный актъ) ручательствомъ за то, что, послѣ неоднократныхъ безплодныхъ обѣщаній, права германскаго народа будутъ, наконецъ, удовлетворены достойнымъ его государственнымъ устройствомъ".

Г. Велькеръ предлагалъ во Франкфуртѣ отвѣтить на преобразовательный актъ государей заявленіемъ, что законнымъ правомъ націи должно считаться германское имперское уложеніе 1849 г.

Г.г. Шульце-Деличъ и фонъ-Унру своимъ вліяніемъ на депутатское собраніе заставили взять назадъ это предложеніе. Оба они рѣшительнѣйшимъ образомъ говорили въ пользу вышеприведеннаго комитетскаго предложенія, которое и было единогласно принято. Г. Шульце-Деличъ исходилъ въ своихъ доводахъ изъ той мысли, что неполитично совершенно отвергать преобразовательный актъ; что имъ германскіе государи попались въ ловушку, гдѣ ихъ и надо держать! [1])

---

[1]) „Народная Газета" въ № отъ 23 августа сообщаетъ изъ рѣчи г. Шульце-Делича, между прочимъ, слѣдующее: „Никто не желаетъ принимать его (преобразовательный актъ) просто. Но спрашивается, какъ отклонить его? Такъ ли, какъ хотятъ Велькеръ и Бекеръ, или такъ, какъ предла-

Прекрасно! Это было въ августѣ!—Я не пропустилъ этого случая и въ рейнской рѣчи показалъ прогрессистамъ, что этимъ своимъ постановленіемъ они измѣнили даже собственной точкѣ зрѣнія, что съ своей точки зрѣнія единственно, что они могли сдѣлать, это держаться имперскаго уложенія 1849 г., которое, — хотя, какъ я тутъ же доказалъ, для Германіи есть чистая невозможность, но, не смотря на это, или вѣрнѣе, поэтому самому—для прогрессистовъ представляетъ обязательную точку зрѣнія.

гаетъ комитетъ, поставивъ условія улучшенія? Путемъ простого отказа трудно добиться парламента... Безусловный отказъ выведетъ государей изъ тяжелаго затрудненія. Надо поймать государей на словѣ; они сами будутъ дѣлать себѣ конкурренцію" и т. д. „Эльберфельдская Газета", въ № 232 отъ 24 августа приводитъ рѣчь г. Шульце-Делича гораздо подробнѣе и, между прочимъ, передаетъ изъ нея слѣдующее: „Что же мы сдѣлаемъ безусловнымъ отказомъ? Мы поможемъ государямъ выйти изъ громаднаго затрудненія... Отказываясь, вы выводите ихъ изъ затрудненія. Государи скажутъ, что въ этомъ рѣшеніи принимали участіе и наши палаты; стало быть, скажутъ они, мы разрѣшены отъ всякихъ обязательствъ; пути соглашенія нація не хочетъ, а другой путь не желателенъ. Это было бы, господа, неполитично; надо не высказывать только принципы, а и осуществлять ихъ; иначе это будетъ донъ-кихотство. Это слабость нѣмецкаго народа, которой надо чуждаться (г. Шульце дѣйствительно совершенно чуждъ ея!). Лучше всего брать пока то, что предлагаютъ. Мы поймаемъ государей на ихъ предложеніяхъ. Эти предложенія вызываютъ духовъ, которыхъ они будутъ не въ состояніи изгнать. Не будемъ же помогать имъ изгнать этихъ духовъ! Не будемъ безусловно отказываться. Я знаю, что они хотятъ подвергнуть насъ испытанію; подвергнемъ испытанію ихъ самихъ"... „Во время преній въ прусской палатѣ депутатовъ по поводу послѣдняго адреса я сказалъ, что если-бы даже нынѣшнее прусское правительство взялось за это дѣло и захотѣло бы созвать германскій парламентъ, на него никто не пришелъ бы, и прежде всего сами пруссаки. Не въ томъ дѣло, что невозможно единое главенство, а въ томъ, что прусское главенство въ настоящее время невозможно" и т. д.

Странно, что „Берлинская Національная Газета" скрыла отъ своей публики всю эту длинную рѣчь вождя своей партіи, упомянувъ о ней всего въ четырехъ строкахъ. Ужъ не предчувствовала ли она, какъ неприятна можетъ сдѣлаться эта рѣчь? Вмѣсто рѣчи она напечатала 23 августа передовую статью, гдѣ говорится, что „заявленіе франкфуртскаго депутатскаго собранія прекрасно, какъ по ясному и здравому политическому взгляду (!!), такъ и по единодушію".

Удалось ли мнѣ убѣдить прогрессистовъ этою рѣчью, или они какимъ-нибудь другимъ путемъ дошли до открытія, что немножко ошиблись во Франкфуртѣ и приняли за искусственную хитрость просто природную глупость—какъ бы то ни было, только два дня тому назадъ, 12 октября, тѣ-же г.г. фонъ-Унру и Шульце-Деличъ присутствовали въ собраніи Національнаго Общества въ здѣшней Арнимовской залѣ и говорили рѣчи, гдѣ въ противоположность своему франкфуртскому постановленію наотрѣзъ отвергали преобразовательный актъ, совершенно уничтожали его, трактовали его какъ вещь, съ которой не могутъ имѣть ничего общаго и провели резолюцію, что „по отношенію преобразовательнаго акта государей необходимо придерживаться имперскаго уложенія 1849 г.“

Г. Шульце-Деличъ въ рѣчи своей говорилъ даже буквально слѣдующее (см. „Нац. Газ.“, вечернее изд., № отъ 14 окт.): „Что представляетъ преобразовательный актъ для германской націи? Она не выигрываетъ черезъ него ни внѣшняго могущества, ни внутреннихъ правъ, напротивъ того, еще отказывается отъ права, когда бы то ни было требовать бо́льшаго, — да, принявъ его, и дѣйствительно была бы недостойна получить что-нибудь большее“!!!

Такимъ образомъ, въ октябрѣ г.г. фонъ-Унру и Шульце-Деличъ находятъ, что нація была бы недостойна получить что-нибудь большее, еслибы приняла тотъ самый преобразовательный актъ, о которомъ въ августѣ они постановляли во Франкфуртѣ, что нація должна принять его!

Работники! Вѣдь вы люди, у которыхъ да значитъ да, а нѣтъ—нѣтъ! Что же можетъ быть у васъ общаго съ флюгерами, лишенными всякихъ принциповъ? Что можетъ быть у васъ общаго съ людьми, которые стоятъ во Франкфуртѣ, гдѣ преобладаютъ великогерманцы, за преобразовательный актъ, а въ Берлинѣ, гдѣ надо быть прусскимъ патріотомъ, противъ него? Что можетъ быть у васъ общаго съ канатными плясунами, наряжающимися въ августѣ въ черно-желтое платье, а въ октябрѣ въ черно-бѣлое? Съ людьми—хуже флюгеровъ, потому что они мѣняютъ направленіе даже безъ вѣтра! Вѣдь съ августа въ положеніи германскаго вопроса со стороны нѣмецкихъ государей не произошло никакой перемѣны. Съ ихъ стороны не было сдѣлано въ это время ни единаго малѣйшаго шага, который могъ бы дать хотя какой-нибудь, хотя бы самый убогій, предлогъ къ перемѣнѣ направленія!

Что вамъ дѣлать съ людьми, которые даже въ важнѣйшемъ національномъ вопросѣ сами не знаютъ, чего хотятъ, а тѣмъ болѣе не могутъ сказать чего вамъ слѣдуетъ желать? Что вамъ дѣлать съ людьми,

которые не имѣютъ руководящаго принципа даже въ этомъ вопросѣ, охватывающемъ все наше существованіе, какъ націи? Что вамъ дѣлать съ политическими ребятами, которые, какъ всѣ ребята, любятъ обезьяничать взрослыхъ, смѣшиваютъ народную политику съ дипломатіей государей, гонятся за дипломатической хитростью и при этомъ, естественно, попадаютъ въ бѣдственную необходимость признавать въ октябрѣ отчаянно глупымъ то, что въ августѣ казалось удивительно хитрымъ, рискуя найти въ январѣ, что октябрская мудрость ничѣмъ не лучше августовской глупости?!

Есть ли у васъ, работники, какая-нибудь надежда когда-либо отстоять великіе интересы свободы съ такими тупоумными, безпринципными людьми, побѣдить въ союзѣ съ ними препятствія, которыя можно одолѣть только строгою послѣдовательностью принциповъ?

Стало быть, что же можетъ удержать васъ отъ вступленія въ наши ряды?

Кромѣ того, не принуждаетъ ли васъ, берлинскіе работники, къ этому и наша соціальная программа: улучшеніе вашего соціальнаго положенія?

Кто изъ васъ, работники, будетъ такъ глупъ и слѣпъ къ собственному интересу, чтобы не сознавать глубокой несправедливости своего сословнаго положенія и необходимости улучшить его?

Неужели васъ удержитъ обманчивое слово „самопомощь“? Или ложное и лицемѣрное противорѣчіе, полагаемое между нимъ и предлагаемою мною помощью чрезъ законодательство?

Бѣдная, обманутая толпа, соблазняемая приманкою слова!

Можетъ ли быть болѣе великая „соціальная самопомощь“, какъ состоящая въ преобразованіи государства и въ измѣненіи этимъ соціальныхъ условій?

Въ частной жизни каждая отдѣльная личность помогаетъ себѣ, насколько можетъ, своими изолированными силами.

Народы же и сословія могутъ помочь себѣ и всегда помогали себѣ только чрезъ законодательство.

Самопомощь народовъ и сословій состоитъ въ измѣненіи законодательства, во введеніи тѣхъ великихъ всеобщихъ учрежденій, которыя обусловливаютъ всю соціальную жизнь.

Развѣ я предлагалъ вамъ что-нибудь вродѣ той государственной помощи, какой недавно требовали въ Брюсселѣ, — чтобы государство взяло работниковъ на содержаніе?

Нѣтъ, я отвергаю подобную мысль, потому что она опять-таки сво-

дится на милостыню и подвергаетъ опасности вашу самостоятельность и независимость.

Я требовалъ ни больше и ни меньше того, чтобы будущее государство, демократическое государство, возрожденное введеніемъ всеобщаго и прямаго избирательнаго права, ссудило вамъ посредствомъ чрезвычайно легкой для него кредитной операціи капиталы, нужные рабочимъ для учрежденія производительныхъ ассоціацій.

Такая государственная помощь не представляетъ противоположности самопомощи. Напротивъ того, она только даетъ вамъ возможность самопомощи. Она только даетъ вамъ возможность улучшить свое положеніе самопомощью, помочь самимъ себѣ собственными предпріятіями, пожать самимъ для себя плоды своей рабочей силы. Дать вамъ дѣйствительную возможность самопомощи значитъ ли уничтожать ее?

Развѣ прибыль, которую вы будете извлекать изъ своихъ предпріятій, не будетъ результатомъ вашей собственной дѣятельности и рабочей силы? Вѣдь вся разница будетъ только въ томъ, что плоды ихъ будутъ доставаться вамъ, тогда какъ теперь отправляются цѣликомъ въ карманы предпринимателя, который потомъ выбрасываетъ вамъ жалкую подачку въ видѣ заработной платы на необходимое поддержаніе существованія.

Развѣ заработная плата, которую вы теперь пріобрѣтаете въ предпринимательскихъ мастерскихъ съ помощью принадлежащихъ предпринимателямъ машинъ и орудій труда всякаго рода, этихъ воплощенныхъ капиталовъ, — не есть результатъ вашей самопомощи оттого, что пріобрѣтается вами съ помощью машинъ и инструментовъ, т. е. капиталовъ, не принадлежащихъ вамъ?

Вѣдь наборщикъ въ мастерской предпринимателя работаетъ его литерами; вѣдь ткачъ на фабрикѣ и дома работаетъ надъ сырымъ матеріаломъ, принадлежащимъ предпринимателю; но изъ того, что инструменты и матеріалы эти не принадлежатъ этимъ работникамъ, слѣдуетъ ли, что пріобрѣтаемая ими этимъ трудомъ заработная плата не есть результатъ ихъ самопомощи?

Или, можетъ быть, продуктъ труда только до тѣхъ поръ считается самопомощью, пока ограничивается заработной платой, т. е. необходимымъ поддержаніемъ жизни, опредѣляемымъ нынѣшнимъ взаимнымъ соперничествомъ рабочихъ другъ съ другомъ, и пока весь излишекъ его сверхъ этой скудной подачки поступаетъ въ карманы предпринимателей? Развѣ заработная плата перестанетъ быть результатомъ „самопомощи“, какъ

скоро возрастетъ настолько, что обниметъ собою весь продуктъ труда, въ томъ числѣ, стало быть, и прибыль?

Берлинскіе работники! Неужели вы не видите грубаго и нелѣпаго обмана, который затѣянъ противъ васъ?

Если вы въ самомъ дѣлѣ не видите этого, то можно бы посмѣяться надъ вами и равнодушно отойти прочь отъ вашего дѣла; но въ тепломъ сердцѣ тѣмъ болѣе возбуждается сочувствія и негодованія при видѣ вашей честности, злоупотребляемой такимъ позорнымъ обманомъ.

Г. Шульце-Деличъ самъ, вѣдь, сознался въ этомъ обманѣ, объявивъ вамъ въ засѣданіи рабочаго союза 21 іюня нынѣшняго года, что собралъ между имущими 100.000 талеровъ, чтобы дать необходимую ссуду производительнымъ ассоціаціямъ, которыя онъ намѣренъ основать!

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ моей агитаціи онъ не только спохватился заводить производительныя ассоціаціи, на которыя я вамъ указывалъ въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ", но и сознался, что, если заводить ихъ, то необходимо, чтобы другіе ссудили вамъ капиталы на производство, — что это необходимо, потому что у васъ ихъ нѣтъ, а безъ нихъ производить невозможно!

Слѣдовательно, онъ самъ сознался, что ссуда капиталовъ со стороны, т. е. кредитъ на производство, не уничтожаетъ вашей самопомощи.

А если такъ, то не все ли равно, получите ли вы эти капиталы отъ нѣсколькихъ богачей или отъ всего народа, въ его общей совокупности, какъ государства, чрезъ законодательное собраніе?

Нѣтъ, далеко не все равно! Данные нѣсколькими богачами, они будутъ унижающей васъ милостыней! Милостыней, которая поставитъ васъ въ долговременную зависимость отъ благорасположенія этихъ частныхъ лицъ! Тогда какъ данные всѣмъ народомъ, въ его общей совокупности какъ государства, они составятъ для васъ прочное законное право, за которое вы ни отъ кого не зависите и никому не обязаны.

Та же разница, что въ характерѣ этой помощи, обнаруживается и въ размѣрахъ ея. Со стороны частныхъ богачей она можетъ простираться до какой-нибудь сотни тысячъ, или, въ крайнемъ случаѣ, до сотенъ тысячъ талеровъ, стало быть, составить сумму, до того ничтожную, что въ лучшемъ случаѣ она можетъ помочь только нѣкоторымъ изъ васъ и возвысить ихъ изъ вашего сословія. Но, чтобы нѣкоторыя отдѣльныя личности возвышались изъ вашего сословія — это не интересъ вашего сословія, а какъ разъ противное его интересу! Для того же, чтобы

возвысить ваше сословіе, чтобы освободить не нѣсколько отдѣльныхъ личностей изъ рабочихъ, а самый трудъ—нужны милліоны и много милліоновъ талеровъ, а это могутъ дать вамъ только государство и законодательство.

Итакъ, повторяю опять, работники! Государственный кредитъ, вмѣсто того чтобы лишить васъ самопомощи, доставитъ вамъ именно настоящую возможность ея!

Развѣ вы не знаете, что сотни буржуа уже давнымъ давно были бы принуждены закрыть свои лавочки, если-бы не получали отъ государственныхъ банковъ подобныхъ ссудъ въ формѣ дисконта векселей? Но слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы буржуа находились поэтому въ зависимости и существовали государственнымъ пособіемъ?

Берлинскіе работники! Въ какомъ непроницаемомъ мракѣ блуждали бы вы, если-бы не поняли корыстной причины этого лицемѣрнаго надувательскаго противорѣчія, полагаемаго между самопомощью и требуемымъ мною кредитомъ! Безъ этого кредита вы никогда не будете имѣть производительныхъ ассоціацій, никогда не получите возможности самопомощи. Безъ него она на вѣки останется для васъ пустымъ обманчивымъ словомъ, которымъ васъ дурачатъ! И только при учрежденіи этихъ кредитовъ для рабочихъ ассоціацій вы достигнете дѣйствительной возможности самопомощи.

Но истинный смыслъ свободы, истинное содержаніе всякаго общественнаго порядка въ томъ именно и состоитъ, чтобы доставлять всѣмъ отдѣльнымъ личностямъ дѣйствительную возможность самопомощи и саморазвитія, посредствомъ великихъ общихъ государственныхъ учрежденій, въ формѣ, всегда соотвѣтствующей потребностямъ данной эпохи; это, а не одна только полицейская цѣль предупрежденія преступленій, и составляетъ конечную причину и цѣль государства, которое принадлежитъ не министрамъ или королю, а существуетъ чрезъ всѣхъ и для всѣхъ. Вотъ истинная причина, почему государства вообще существуютъ и почему люди не бродятъ безъ всякой общественной связи, предоставленные своимъ частнымъ силамъ, какъ звѣри!

Наконецъ, берлинскіе работники, развѣ я указывалъ вамъ на помощь нынѣшняго, полицейскаго государства? Я обращалъ васъ къ помощи государства будущаго, въ которомъ будетъ господствовать всеобщее и прямое избирательное право, стало быть, государства, которое будетъ представлять высшее развитіе свободы и состоять подъ державой всего народа.

Чтобы открыть вамъ, берлинскіе работники, глаза на все это сплетеніе

обмановъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ постановилъ поручить мнѣ обратиться къ вамъ съ этимъ воззваніемъ и распространить его между вами безплатно въ десяти тысячахъ экземпляровъ.

Берлинскіе работники! Я, обращающійся къ вамъ здѣсь, защищаю не свое, а ваше дѣло. Я, говорящій вамъ здѣсь, говорю вамъ не отъ своего лица, а отъ лица многихъ тысячъ рабочихъ, поддерживаемый всѣмъ авторитетомъ, какой должно придать мнѣ въ вашихъ глазахъ воплощеніе во мнѣ столькихъ тысячъ членовъ вашего сословія!

Моими устами вамъ говорятъ ваши братья съ Рейна, съ Майна, съ Эльбы и съ береговъ Сѣвернаго моря! Они протягиваютъ вамъ мозолистыя руки и требуютъ вашего братскаго рукопожатія!

Они говорятъ вамъ: Проснитесь изъ своего безучастія и вступайте въ нашъ братскій союзъ!

Они говорятъ вамъ: Какъ вы можете итти въ хвостѣ у прогрессистовъ или пребывать въ лѣнивомъ равнодушіи, когда дѣло идетъ о политической свободѣ, о новомъ возстаніи демократіи, о матеріяльныхъ интересахъ вашего класса, объ избавленіи труда отъ дани капиталу?

Они говорятъ вамъ: Подумайте о своихъ великихъ покойникахъ марта 1848 г.! Неужели вы, сыновья и братья тѣхъ, которые были первыми въ тогдашнемъ движеніи, хотите быть послѣдними въ настоящемъ?

А вѣдь тогда дѣло шло только о политической свободѣ! Теперь же оно идетъ и о политической свободѣ, и объ интересахъ труда!

И тогда приходилось строить баррикады,—теперь же все дѣло пока только въ томъ, чтобы законно дозволеннымъ вступленіемъ въ нашъ Союзъ, величавымъ обнаруженіемъ нашей численности и единодушія занять положеніе, которое будетъ имѣть огромное вліяніе и на правительство, и на прогрессистовъ, и вызвать новый оборотъ въ развитіи нашего народа!

Возстаньте же, берлинскіе работники! Запишитесь въ списки Общаго Германскаго Рабочаго Союза!

Вспомните слова, сказанныя мною вамъ въ рейнской рѣчи: „Тотъ изъ рабочихъ, кто не вступаетъ въ Общій Германскій Рабочій Союзъ, не настоящій работникъ, потому что въ немъ нѣтъ или разумѣнія жизненныхъ интересовъ своего класса или мужества дѣйствовать за эти интересы!“

Подумайте объ отвѣтственности, которой подвергаете себя дальнѣйшимъ колебаніемъ передъ вашими братьями, передъ самими собой, передъ всей исторіей! Всѣ важнѣйшіе центры Германіи за насъ. За насъ

Лейпцигъ и фабричныя мѣстности Саксоніи. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ идутъ подъ нашимъ знаменемъ.

Прусская прирейнская провинція стремится впереди всѣхъ неудержимымъ потокомъ!

Съ Берлиномъ за себя,—движеніе сдѣлается непобѣдимымъ!

Такъ захотите ли вы, берлинскіе работники, взять на себя отвѣтственность въ остановкѣ своимъ поведеніемъ этого великаго германскаго движенія, въ ниспроверженіи торжества своего общаго дѣла?

Захотите ли вы, работники столицы, обязанные итти впереди всѣхъ, подвергнуть себя упреку въ томъ, что послѣдними пристали къ этому движенію?

Подумайте, какія пагубныя послѣдствія для вашего собственнаго сословія будетъ имѣть ваше враждебное или безучастное отношеніе къ движенію, которому рабочее сословіе въ столькихъ германскихъ городахъ и провинціяхъ предалось съ такимъ восторгомъ и одушевленіемъ!

Неужели даже и въ германскомъ рабочемъ сословіи проглянетъ исконная печальная черта нашей исторіи—разногласіе германскихъ государей и племенъ, и неужели опять погубитъ она наше національное развитіе?

Нѣтъ, прочь отъ васъ эту мысль! Прочь и отъ меня!

Проснитесь же, берлинскіе работники, и—лучшіе впереди—записывайтесь въ списки нашего союза!

Отъ имени Общаго Германскаго Рабочаго Союза

Президентъ Фердинандъ Лассаль.

Берлинъ, 14 октября 1863 г.

ПРОЦЕССЪ ФЕРДИНАНДА ЛАССАЛЯ,

ПО ОБВИНЕНІЮ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМѢНѢ,

ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СУДѢ.

12 МАРТА 1864 Г.

Засѣданіе суда происходитъ въ залѣ № 1-й зданія Судебной Палаты, на Линденштрассе, д. № 15-й. За судейскимъ столомъ, стоящимъ у задней поперечной стѣны залы, на эстрадѣ, возвышающейся на нѣсколько ступенекъ, засѣдаютъ: посрединѣ предсѣдательствующій суда, второй президентъ Судебной Палаты Бюхтеманъ и девять членовъ: по правую сторону тайные совѣтники юстиціи и Судебной Палаты Гутшмидтъ и Грейнъ и совѣтники Судебной Палаты Леонгардъ и Братрингъ; по лѣвую сторону тайный совѣтникъ юстиціи и Судебной Палаты Дрогандтъ и совѣтники Судебной Палаты Бекеръ, фонъ-Эльрихсъ, Фогель, Гоппе. Секретарь: референдарій Судебной Палаты.

Мѣсто публичнаго обвинителя, на правомъ концѣ стола, занимаетъ оберъ-прокуроръ Судебной Палаты Аделунгъ.

Засѣданіе открыто ровно въ 10 часовъ утра провозглашеніемъ имени обвиняемаго, Фердинанда Лассаля. Онъ входитъ за рѣшетку суда съ своимъ защитникомъ, адвокатомъ Гольтгофомъ, и садится по правую сторону отъ него за столъ защиты, стоящій посрединѣ передъ ступенями эстрады суда.

Передъ рѣшеткой—многочисленная публика, въ томъ числѣ нѣсколько депутатовъ и много членовъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза.

Судопроизводство началось установленіемъ личнаго тожества лица, явившагося въ качествѣ обвиняемаго. Затѣмъ секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

ОБВИНЕНІЕ

оберъ прокурора при Королевской Судебной Палатѣ противъ частнаго лица Фердинанда Лассаля, жительствующаго здѣсь, въ Потсдамерштрассе, № 13, родившагося 11 апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ, несостоящаго солдатомъ и уже подвергавшагося наказанію--шестимѣсячному тюремному заключенію, по приговору отъ 5-го іюля 1849 года Королевскаго Дюссельдорфскаго Окружнаго Суда, за возбужденіе милиціи къ насильственному, вплоть до кровопролитія, ея обезоруженію и за оскорбленіе чиновника при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей.

I.

Обвиняемый Лассаль, по собственному сознанію, есть авторъ брошюры „Къ берлинскимъ работникамъ, воззваніе отъ имени работниковъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Берлинъ. Изданіе Р. Шлингмана, 1863 г.“.

Брошюра эта напечатана въ октябрѣ 1863 г. у Вейнберга, Монбижуплатѣ, № 10, въ количествѣ 16,000 экземпляровъ и, по сознанію обвиняемаго, была обнародована на основаніи закона о печати.

У издателя Шлингмана найдено было только 2,960, а въ квартирѣ обвиняемаго только 25 экземпляровъ названной брошюры. 41 экземпляръ заарестованъ у газетнаго экспедитора Фалькенгагена.

Обнародованіемъ этой брошюры обвиняемый совершилъ дѣйствіе, которымъ приготовлялось государственное преступленіе, а именно, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка.

Въ брошюрѣ этой обвиняемый приглашаетъ берлинскихъ работниковъ къ вступленію въ основанный имъ „Общій Германскій Рабочій Союзъ“.

Цѣль этого союза есть возстановленіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, какъ явствуетъ не только изъ брошюры, но и изъ сообщаемаго при актахъ устава союза [1]).

Возстановленіемъ этого избирательнаго права обвиняемый, по собственнымъ словамъ, хочетъ „преобразовать“ нынѣшнее прусское государство, поставить на его мѣсто „возрожденное демократическое государство“, „которое должно быть высшимъ развитіемъ свободы и состоять подъ державой всего народа“. Программой этого будущаго государства должно быть „улучшеніе соціальнаго положенія работниковъ путемъ законодательства“; пре-

---

[1]) См. ниже, приложеніе къ процессу стр. 341—343.

имущественно же должно оно будетъ доставить работникамъ, посредствомъ кредитныхъ операцій, ссуду капиталовъ, необходимыхъ имъ на устройство производительныхъ ассоціацій.

„Кто же изъ васъ, работники,—говорится въ брошюрѣ дословно (стр. 268)—будетъ такъ глупъ и слѣпъ къ собственному интересу, чтобы не сознавать глубокой несправедливости своего классового положенія и необходимости улучшить его?“

Этой цѣли союза можно достигнуть лишь измѣненіемъ прусской конституціи 31-го января 1850 года, такъ какъ она не признаетъ всеобщаго, равнаго и избирательнаго права. Обвиняемый и говоритъ это въ своей брошюрѣ прямо такъ (стр. 264—265):

„Прусская конституція еще никогда, ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія.

„Прусская конституція есть лишь продуктъ и результатъ противозаконія, совершеннаго противъ народа незаконнымъ отнятіемъ всеобщаго избирательнаго права, установленнаго закономъ 8-го апрѣля 1848 года.

„Прусская конституція есть лишь компромиссъ буржуазіи съ правительствомъ, которому буржуазія предала закономъ утвержденное право народа, чтобы ей одной воспользоваться своей добычей.

„Прусская конституція исключаетъ всеобщее и прямое избирательное право, которое не можетъ осуществиться, пока не устранена эта конституція.

„Слѣдовательно, каждый, агитирующій въ пользу сохраненія этой конституціи, долженъ считаться врагомъ народной партіи, которая должна агитировать въ пользу всеобщаго и прямого избирательнаго права.“

Что касается средствъ, которыми Рабочій Союзъ хочетъ достигнуть этого преобразованія государства, то въ уставѣ Союза, правда, говорится, что надо дѣйствовать только мирнымъ и законнымъ путемъ, посредствомъ склоненія общественнаго мнѣнія въ пользу возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Но изъ брошюры этой явствуетъ, что за этимъ средствомъ скрывается другое, которое и составляетъ истинную цѣль Союза, а именно:

Сперва повліять на правительство и на враждебныя политическія партіи сильнымъ соединеніемъ работниковъ, а если этого понудительнаго вліянія окажется недостаточно для того, чтобы произвести измѣненіе конституціи, то, смотря по обстоятельствомъ, употребить для этой цѣли и физическую силу.

Это явствуетъ изъ слѣдующаго:

Обвиняемый сообщаетъ въ своей брошюрѣ работникамъ передовую статью „Южно-Германской Газеты“, будто-бы органа партіи прогрессистовъ, написанную по поводу рабочаго собранія, устроеннаго имъ въ Барменѣ. Сущность этой статьи состоитъ въ раскрытіи настоящей цѣли рабочаго движенія, организованнаго обвиняемымъ; объясненіе это заимствуется изъ обнаружившагося характера устроенныхъ имъ рабочихъ собраній на Рейнѣ. Въ статьѣ высказывается опасеніе, что крайніе элементы партіи прогрессистовъ отрекутся отъ нея и бросятся въ объятія общему рабочему движенію въ странѣ, „потому что она пугается борьбы съ короной, въ чемъ состоитъ смыслъ всего столкновенія“. Цѣль же рабочаго движенія состоитъ въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка. Опасность разрушительныхъ стремленій обвиняемаго не должно представлять себѣ маловажной.

„Нелѣпо утверждать, будто обвиняемый служитъ орудіемъ реакціи“. „Число его приверженцевъ постоянно возрастаетъ, и еще замѣчательнѣе ихъ фанатизмъ“. „Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресенье въ выходившихъ прогрессистовъ въ Барменѣ, были оружіемъ не простой грубости, и слова Лассаля, что онъ пріѣхалъ дѣлать смотръ, нельзя считать пустымъ хвастовствомъ“. „Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность“. „Не знаемъ—такъ говорится дословно въ этой статьѣ—увидимъ-ли мы когда-нибудь, что въ защиту конституціи двинется войско изъ членовъ гимнастическихъ обществъ и вольныхъ стрѣлковъ, но мы знаемъ одно, что если все останется по старому, то рабочая армія Лассаля не оставитъ въ нынѣшнемъ политическомъ строѣ Германіи камня на камнѣ, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзды и другія игрушки“. „Мы находимся наканунѣ великаго соціальнаго переворота“ (стр. 258—259).

Обвиняемый утверждаетъ, будто привелъ эту статью только въ доказательство работникамъ, что и противники его, прогрессисты, признаютъ въ газетахъ, не читаемыхъ работниками, что онъ не реакціонеръ. Но, въ дѣйствительности, онъ имѣлъ въ виду этимъ косвеннымъ раскрытіемъ своихъ истинныхъ цѣлей склонить работниковъ къ вступленію въ Рабочій Союзъ.

Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ революціонную точку зрѣнія хорошимъ средствомъ располагать къ себѣ работниковъ:

„Спрашиваю еще разъ: почему же не скажутъ прогрессисты правды, что они по своей преданности конституціи ненавидятъ меня и борются со мною

какъ съ революціонеромъ? Почему вмѣсто того они поднимаютъ противъ меня при васъ лживый крикъ, что я служу реакціи? Причина проста. При васъ прогрессисты не могутъ упрекать меня за то, что я революціонеръ. Они знаютъ, что выскажи они при васъ этотъ упрекъ, истинную причину ихъ ненависти ко мнѣ, это имѣло бы единственнымъ послѣдствіемъ обращеніе всѣхъ васъ въ моихъ приверженцевъ" (стр. 263).

Притомъ изъ брошюры обвиняемаго совершенно ясно, что сообщаемая имъ въ ней статья содержитъ выраженіе его собственныхъ мнѣній.

Сказавъ, что нѣкоторыя газеты намѣревались ввести работниковъ въ заблужденіе относительно разныхъ происшествій на рейнскихъ рабочихъ собраніяхъ, не упоминая при этомъ объ упрекѣ въ реакціонерствѣ, коснувшись восторженной преданности ему рейнскихъ работниковъ,—онъ приводитъ эту статью вслѣдъ за замѣчаніемъ, что четырехъ мѣсяцевъ еще не прошло съ учрежденія Общаго Германскаго Рабочаго Союза, а страсть уже пылаетъ въ сердцахъ народа. Приводя статью, онъ говоритъ (стр. 257):

„Хотите ли вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ—прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Хорошо, я вамъ сейчасъ докажу и это".

А приведя затѣмъ статью, онъ говоритъ о ней (стр. 260—261):

„Вы видите, работники, здѣсь безъ обиняковъ признается все—и многочисленность приверженцевъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь г.г. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Делпчу, и то, что теперь они прославляютъ его, какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза—все, все.

„И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ перепилитъ сукъ, на которомъ вмѣстѣ сидятъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое—все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ рейнскихъ собраній.

„Такимъ образомъ, въ рядахъ нашихъ противниковъ господствуютъ смятеніе и замѣшательство, а вы, берлинскіе работники, еще колеблетесь и не рѣшаетесь, недоумѣвая кого держаться!"

Итакъ, здѣсь обвиняемый положительно признаетъ вѣрнымъ то, что говорится въ приведенной статьѣ о фанатизмѣ и постоянномъ возрастаніи его при-

верженцевъ, равно какъ и объ истинномъ характерѣ рейнскихъ собраній. Въ статьѣ же объ этихъ рейнскихъ собраніяхъ говорится, что они уже теперь представляютъ собою народное движеніе, опирающееся на физическую силу.

Впрочемъ свое намѣреніе прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ силѣ для достиженія своей цѣли обвиняемый высказываетъ не косвенно только, сообщеніемъ этой статьи. Въ заключеніи своей брошюры онъ уговариваетъ работниковъ вспомнить о своихъ великихъ покойникахъ 1848 г. и даетъ несомнѣнно понять, что вся разница между тогдашнимъ народнымъ движеніемъ и организованнымъ имъ рабочимъ движеніемъ состоитъ лишь въ томъ, что послѣднее должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ не тотчасъ, а тогда только, когда окажется недостаточнымъ имѣющееся въ виду, на первый случай, средство устрашенія правительства внушительнымъ сборомъ рабочей арміи (см. стр. 272).

II.

Какъ уже упомянуто, на стр. 259 говорится о „скипетрѣ, коронѣ, звѣздахъ и другихъ игрушкахъ“.

Подъ отличіями монархій, „скипетромъ и короной“, разумѣется, очевидно, самая монархія. Она осмѣивается и оскорбляется названіемъ „игрушекъ“, а такъ какъ монархія есть государственное учрежденіе, то мѣсто это подлежитъ преслѣдованію по ст. 101 Уголовнаго Уложенія.

На той же страницѣ говорится:

„Благодаря глупости нашего правительства и ограниченной слабости, съ какою ведется дѣло либерализма, мы находимся теперь накануне великаго соціальнаго переворота“.

Упрекъ членамъ королевскаго министерства въ „глупости“, очевидно, есть оскорбленіе ихъ, при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей.

Вслѣдствіе этого и на основаніи заключенія отдѣленія Королевской Судебной Палаты по государственнымъ преступленіямъ отъ 27-го января с. г., частное лицо Фердинандъ Лассаль обвиняется въ томъ, что въ Берлинѣ въ октябрѣ 1863 г. посредствомъ написанной и обнародованной имъ брошюры „Къ берлинскимъ работникамъ“:

a) подготовлялъ предпріятіе, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка,

b) подвергалъ презрѣнію публичнымъ осмѣяніемъ государственное учрежденіе,

c) оскорбилъ членовъ королевскаго министерства при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей,—

что составляетъ преступленіе или проступки противъ ст. 66, 101 и 102 Уголовнаго Уложенія.

Предписывается:

Назначить срокъ для словеснаго судопроизводства и вытребовать отъ Королевскаго Дюссельдорфскаго оберъ-прокурора предварительные акты противъ Лассаля.

Берлинъ, 4-го февраля 1864 г.

Оберъ-прокуроръ Аделунгъ.

Судъ тотчасъ постановляетъ: прочесть брошюру обвиняемаго, „Къ Берлинскимъ работникамъ“, такъ какъ она составляетъ главное основаніе обвиненія. Чтеніе ея продолжалось до $11^{1}/_{4}$ часовъ.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго постановленія былъ также прочитанъ § 1 устава Общаго Германскаго Рабочаго Союза, слѣдующаго содержанія:

„Подъ именемъ „Общаго Германскаго Рабочаго Союза“ нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только всеобщее, равное и прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ германскаго рабочаго сословія и дѣйствительно уничтожить всѣ классовыя противорѣчія, ставитъ себѣ цѣлью:

„Дѣйствовать мирнымъ и законнымъ путемъ, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права“.

Президентъ. Спрашиваю Васъ, обвиняемый, признаете ли Вы себя виновнымъ въ поступкахъ, въ которыхъ обвиняетесь? (Обвиняемый отрицательно качаетъ головой, и президентъ устанавливаетъ достовѣрность упомянутаго въ обвиненіи прежняго наказанія шестимѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, которому обвиняемый былъ подвергнутъ за возбужденіе Дюссельдорфской милиціи къ вооруженному сопротивленію въ ноябрѣ 1848 г. Вслѣдъ затѣмъ, по собственному заявленію обвиняемаго, установлена достовѣрность приговора, произнесеннаго надъ нимъ во второй инстанціи за рѣчь „Программа работниковъ“, къ денежной пенѣ въ 100 талеровъ, и вошедшаго со времени составленія обвинительнаго акта въ законную силу, вслѣдствіе отказа на апелляцію).

Президентъ. Неугодно ли Вамъ объясниться насчетъ вмѣняемыхъ Вамъ въ вину фактовъ?

Лассаль. Охотно. Но дѣло въ томъ, что я нахожу въ обвиненіи очень мало фактовъ. Я учредилъ Общій Германскій Рабочій Союзъ, имѣющій цѣлью исключительно нравственную агитацію въ пользу возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, склоненіемъ къ нему общественнаго мнѣнія. Я обнародовалъ прочитанное здѣсь воззваніе, въ которомъ состоитъ собственно corpus delicti обвиненія, только для опроверженія крупной лжи и искаженій, распространенныхъ здѣшней прогрессистской печатью насчетъ нѣкоторыхъ происшествій на созванныхъ мною рейнскихъ рабочихъ собраніяхъ. Я опровергаю въ немъ, между прочимъ, то, что печать эта говорила о малочисленности моихъ приверженцевъ на Рейнѣ, и, наконецъ, выдумку ея, будто я реакціонеръ или, по крайней мѣрѣ, служу реакціи. Въ опроверженіе этого я показалъ берлинскимъ работникамъ, что говоритъ одна изъ прогрессистскихъ же газетъ, да еще однимъ изъ самыхъ страстныхъ органовъ этой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я убѣждалъ ихъ не поддаваться долѣе подобнымъ обманамъ и вступать въ Общій Германскій Рабочій Союзъ, имѣющій здѣсь, какъ и въ другихъ прусскихъ городахъ, вполнѣ законное, признанное всѣми властями существованіе. Что касается всего остального содержанія статьи „Южно-Германской Газеты“, на которую обвиненіе такъ напираетъ, то я, по моему разумѣнію, ни мало не отвѣтственъ за него, какъ докажу подробно впослѣдствіи, въ защитительной рѣчи. Я привелъ статью эту только въ подтвержденіе нѣкоторыхъ фактическихъ спорныхъ пунктовъ, которые были для меня важны. Но мнѣ не было надобности говорить о разныхъ намѣреніяхъ и мысляхъ, которыя приписываетъ мнѣ корреспондентъ „Южно-Германской Газеты“, какъ и о разныхъ гаданіяхъ его насчетъ будущности; поэтому я и не говорилъ объ этомъ. Третьяго же факта я не нахожу въ обвинительномъ актѣ.

Президентъ. Обвиненіе разумѣетъ, что избирательный законъ и избирательное право, какъ оно нынѣ существуетъ, составляетъ существенную часть конституціи. Вы же хотите совершенно преобразовать его, хотите отмѣнитъ трехклассную избирательную систему и возстановить всеобщее и прямое избирательное право. Не было ли бы это измѣненіемъ существующаго порядка?

Лассаль. Г. президентъ, все дѣло въ томъ, какими средствами производить измѣненіе; иначе вѣдь всякое стремленіе къ измѣненію конституціи будетъ государственной измѣной!

Президентъ. Но Вы обвиняетесь въ обращеніи къ насильственнымъ средствамъ.

Лассаль. Къ величайшему моему удивленію.

Президентъ. Чтобы показать, что статья „Южно-Германской Газеты“ дѣйствительно вѣрно передаетъ Ваши воззрѣнія и стремленія, Вы говорите: „Берлинскіе работники! Хотите ли вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой, другъ для друга? Когда же имъ случается говорить передъ работниками или писать для работниковъ, они, конечно, говорятъ совершенно противоположное. Хорошо, я вамъ сейчасъ докажу и это“ (стр. 257). Изъ за этого мѣста обвиненіе дѣлаетъ Васъ отвѣтственнымъ за статью.

Лассаль. Обвиненіе ошибается. Вѣдь я говорю:

„Хотите ли услышать изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ... все, что я говорилъ вамъ“ собственными словами?

Это значитъ только вотъ что:

„Все, что я сказалъ вамъ“, говоритъ и статья „Южно-Германской Газеты“.

Но это вовсе не значитъ, что „все, что говоритъ эта статья, то и я говорю“ (Движеніе между судьями и въ публикѣ).

Президентъ. Но Вы сами прямо говорите, что хотите произвести на правительство „огромное вліяніе“ внушительнымъ сборомъ рабочихъ массъ. Вы вспоминаете про баррикады 1848 г. и тутъ же говорите, что теперь дѣло идетъ прежде всего о подобномъ вліяніи. Какъ хотите Вы производить его?

Лассаль. Тутъ не можетъ быть сомнѣнія. Рѣчь идетъ о томъ огромномъ умственномъ вліяніи, которое развивается въ каждой умственной атмосферѣ распространеніемъ разумныхъ познаній. Напомню, мимоходомъ, примѣръ англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ пошлинъ; она продолжалась пять лѣтъ, пріобрѣла за себя массы населенія и убѣдила, наконецъ, главу торійскаго министерства, сэра Роберта Пиля.

Президентъ. Большая разница! Тамъ дѣло шло только объ отмѣнѣ извѣстныхъ пошлинъ, а Вы хотите измѣнить часть конституціи!

Лассаль. Это одно и тоже, г. президентъ! Эти пошлины были основаны на законѣ. Относительно обязательной силы нѣтъ разницы между закономъ и конституціей!

Президентъ. Въ уставѣ Вашего Союза сказано, правда, что измѣненія этого надо добиваться только законнымъ путемъ; но Вы въ своемъ воззва-

ніи обращаетесь къ страсти Вашихъ приверженцевъ. Страсть же не слѣдуетъ законнымъ и мирнымъ путемъ и не останавливается на немъ.

Лассаль. Это зависитъ отъ того, какъ понимать слово страсть. Позволю себѣ процитировать изъ „Философіи исторіи“ Гегеля слѣдующее мѣсто:

„Итакъ, мы говоримъ, что ничего не осуществлялось безъ участія интереса тѣхъ, кто содѣйствовалъ своею дѣятельностью. Интересъ же мы называемъ страстью, какъ скоро вся человѣческая индивидуальность со всѣми прочими интересами и цѣлями, какіе имѣетъ и можетъ имѣть, со всѣми присущими ей струями желаній, полагается въ одинъ предметъ, сосредоточиваетъ въ этой цѣли всѣ свои потребности и силы. Слѣдовательно, мы должны сказать вообще, что ничего великаго не совершалось въ мірѣ безъ страсти“.

Въ томъ же смыслѣ и я принимаю слово страсть, что, впрочемъ, объяснено вкратцѣ въ моемъ воззваніи. Кромѣ того, я оградилъ себя отъ недоразумѣній порицаніемъ тѣхъ явленій, въ которыхъ страсть выразилась въ барменскихъ и золингенскихъ происшествіяхъ.

Президентъ. Но Вы именно говорите (читаетъ):

„Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣдніе 14 лѣтъ заключается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердцѣ народа, и оттого мы и погрязли съ 1849 г, въ такое болото!

„Съ 1858 г. прогрессисты учредили свой національный союзъ и свои, такъ-называемыя, рабочія образовательныя общества. Въ пять лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови! Общій Германскій Рабочій Союзъ существуетъ только тетыре мѣсяца—и страсть уже пылаетъ въ народѣ!

„Какъ бы ошибочно эта страсть ни проявлялась на этотъ разъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни, признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію!“ (стр. 257).

Лассаль. Называя ошибочнымъ проявленіемъ страсти даже столь маловажное насиліе, я, казалось бы, тѣмъ болѣе оградилъ себя отъ всякихъ недоразумѣній.

Президентъ. Вашъ отзывъ о поведеніи золингенскихъ фабрикантовъ очень рѣзокъ и способенъ возбудить работниковъ противъ ихъ хозяевъ.

Лассаль. Позвольте напомнить Вамъ, что воззваніе обращено къ берлинскимъ работникамъ.

Президентъ. Вы говорите (читаетъ): „И какъ могло хватить у такой ничтожной горсти людей бестыдство буйствомъ и гвалтомъ мѣшать цѣлямъ собранія многихъ тысячъ, собравшихся, какъ они видѣли, въ единодушіи и одушевленіи?

„Наконецъ, вотъ еще что: откуда набралась эта горсть людей такой храбрости, чтобы рѣшиться на оскорбительныя и вызывающія выходки противъ столькихъ тысячъ работниковъ, среди которыхъ находилась?“

Лассаль. (прерывая чтеніе): Да, это такъ!

Президентъ. (читаетъ): „На это существуетъ только одинъ отвѣтъ: эта горсть людей потому разсчитывала на возможность безнаказанно производить всевозможныя безчинства противъ столькихъ тысячъ, что эти тысячи—работники, зависящіе отъ нихъ, господъ и хозяевъ труда!

„Они били на зависимость работниковъ отъ себя, уповали на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ“ (стр. 256).

Представляя золингенскихъ фабрикантовъ въ такомъ гнусномъ видѣ, Вы вызываете не общую страсть интересовъ, а иную.

Лассаль. Я только объясняю, какъ могли произойти эти буйства.

Президентъ. Вы говорите, что буйства были вызваны расчетомъ на безнаказанность вслѣдствіе зависимаго положенія работниковъ. Стало быть, Вы представляете работниковъ зависимыми, что само по себѣ совершенно справедливо и само собой разумѣется; но Вы говорите это такъ, что слова Ваши могутъ возбудить въ работникахъ ненависть и вражду къ фабрикантамъ.

Лассаль. Я только излагаю обстоятельства, могущія объяснить поступки золингенскихъ работниковъ.

Президентъ. Вы указываете на острастку голода, въ которой держатъ работниковъ!

Лассаль. Я не могу быть отвѣтственнымъ за впечатлѣніе, какое производитъ изложеніе совершенно истинныхъ фактовъ. Въ барменскомъ собраніи, въ числѣ 3.000 работниковъ оказалось и около 200 фабрикантовъ-прогрессистовъ, которые пытались терроризировать собраніе. Они хотѣли помѣшать мнѣ говорить и прерывали меня свистками. Откуда взялась у нихъ храбрость на подобныя буйства противъ 3.000 работниковъ, исполненныхъ, какъ они видѣли, одушевленія,—и, при томъ, противъ класса, отъ котораго вообще скорѣе, чѣмъ отъ всякаго другого, ожидаютъ обыкновенно насилій, что впрочемъ, конечно, несправедливо. Очевидно, они разсчитывали на то, что вѣдь это только простые работники! Въ Барменѣ они дважды прерывали собраніе. Я приглашалъ ихъ вести себя смирно, напоминая, что

они въ гостяхъ у Союза, и говоря, что я ничего не имѣю противъ ихъ присутствія, но ожидаю отъ нихъ, если они мои противники, порядочнаго, по крайней мѣрѣ, смирнаго, поведенія, въ противномъ же случаѣ буду принужденъ удалить ихъ, что совершится мгновенно и безъ малѣйшихъ затрудненій. Когда буйство упорно повторилось и въ третій разъ, дѣло дошло до крайности. Въ Золингенѣ до 5.000 работниковъ собралось въ Шюценгалле и столько же передъ зданіемъ, за невозможностью войти. И здѣсь нѣсколько фабрикантовъ стали мѣшать собранію.

Вся община была убѣждена, что такіе поступки не могутъ имѣть иного основанія, кромѣ расчета на частную зависимость участвовавшихъ въ собраніи работниковъ отъ нарушителей спокойствія. Этимъ и объясняется бурная вспышка гнѣва золингенцевъ. Я долженъ былъ разсказать правду, какъ дѣло было, и не могъ останавливаться передъ соображеніемъ, что если поведеніе фабрикантовъ было позорно, то оно опозоритъ ихъ въ глазахъ работниковъ. Это не моя вина и не mon fait.

Президентъ. Обвинительный актъ приводитъ Ваши отзывы о прусской конституціи. Вы противопоставляете ея защитниковъ работникамъ и называете ихъ врагами народной партіи. Не ведетъ ли это къ возбужденію раздора между различными классами населенія?

Лассаль. Конечно, каждое политическое раздѣленіе на партіи ведетъ къ нравственному раздору. Какъ скоро человѣкъ имѣетъ какія-нибудь политическія убѣжденія и распространяетъ ихъ, это непремѣнно ведетъ къ нравственному раздору, но нѣтъ необходимости, чтобы это вело и къ иному раздору. Всякій, кто не раздѣляетъ извѣстнаго направленія, кто держится противнаго—противникъ, врагъ, перваго; другаго имени ему нѣтъ.

Президентъ. На стр. 270 Вы говорите о милостынѣ, унижающей рабочихъ и держащей ихъ въ постоянной зависимости отъ благорасположенія богатыхъ?

Лассаль. Я говорю это не о заработной платѣ, а о 100.000 талеровъ, которые г. Шульце-Деличъ собралъ для доставленія рабочимъ кредита.

Президентъ. Вы положительно сказали, что пока дѣло должно идти объ употребленіи законныхъ средствъ, указывая этимъ, что потомъ послѣдуетъ противоположность законныхъ средствъ, въ чемъ и состоитъ преступленіе государственной измѣны.

Лассаль. Я нахожу, господа, чрезвычайно страннымъ, что обвиненіе обратило вниманіе именно на эту фразу брошюры. Эта фраза служитъ какъ разъ опроверженіемъ, рѣшительнѣйшимъ опроверженіемъ обвиненія. Въ ней проводится параллель съ 1848 годомъ. У каждой эпохи свой за-

конъ. Въ то время приходилось строить баррикады, а теперь дѣло не въ этомъ.

Президентъ. Что же имѣли вы въ виду на будущее, говоря „пока?“

Лассаль. Пока—дѣло въ томъ, чтобы пріобрѣсти какъ можно болѣе сильное нравственное вліяніе возможно большимъ усиленіемъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза; а потомъ пойдетъ рѣчь, можетъ быть, о томъ, чтобы обратить это вліяніе на выборы, можетъ быть о подачѣ петицій съ многочисленными подписями и ихъ опубликованіи, объ учрежденіи кассъ на общіе взносы для основанія большихъ органовъ печати, можетъ быть, наконецъ, объ устройствѣ совершенно мирныхъ, но внушительныхъ, громадныхъ народныхъ демонстрацій; вообще, я не затруднюсь насчитать вамъ сотню средствъ помимо вооруженнаго возстанія.

Президентъ. Заявляя свое согласіе со статьей „Южно-Германской Газеты Вы подвергаете себя отвѣтственности и за осмѣяніе въ ней монархіи, какъ государственнаго учрежденія, уподобленіемъ короны, скипетра и звѣзды игрушкамъ.

Лассаль. Странно! — Я не писалъ этой статьи; это статья „Южно-Германской Газеты“. Но я не могъ ничего выпускать изъ нея. Я могъ кончить на извѣстномъ мѣстѣ цитату изъ нея, я такъ и сдѣлалъ. Но то, что цитировалъ, долженъ былъ цитировать безъ пропусковъ. Еслибы я отмѣтилъ черточками, что дѣлаю въ ней пропуски, не преминули бы сказать—мы имѣемъ дѣло съ недобросовѣстнымъ противникомъ — „кто знаетъ, что тамъ еще было! Вѣрно онъ пропустилъ то, что было противъ него!“ Такимъ образомъ, я самъ разстроилъ бы то впечатлѣніе, для произведенія котораго цитировалъ эту статью. Если же бы я черточекъ не поставилъ, а просто пропускалъ, непремѣнно поднялся бы крикъ, что я исказилъ смыслъ статьи. У меня нѣтъ ничего общаго со статьей враждебнаго мнѣ органа; я не могу постичь, какъ могутъ приписывать мнѣ тутъ какое-то communicatio animi. Мнѣ не было также надобности сообщать свое мнѣніе объ этой статьѣ; я привелъ ее только въ подтвержденіе того, что самъ говорилъ, и этого съ меня было довольно отъ нея. Я и даю это понять совершенно ясно. Въ концѣ я говорю (читаетъ):

„Видите, работники! Здѣсь безъ обиняковъ признается все—и многочисленность приверженцевъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь г.г. фабрикантовъ и купцовъ къ Шульце-Деличу, и то, что теперь они прославляютъ его, какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить

васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, онъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза—все, все.

„И нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи, и опасеніе, что, наоборотъ, Общій Германскій Рабочій Союзъ угрожаетъ перепилить сукъ, на которомъ вмѣстѣ засѣдаютъ прогрессисты съ реакціей, и многое другое—все признается здѣсь нашими противниками, равно какъ и истинный характеръ рейнскихъ собраній, но признается только въ газетѣ, не читаемой рабочими, признается либералами въ задушевной бесѣдѣ между собой, а не передъ вами!" (стр. 260—261).

Вѣдь опасеніе, выражаемое здѣсь моими противниками, не есть мое преступленіе и упомянуто мною, какъ argumentum a fortiori, въ мою пользу. Кромѣ того, статья имѣетъ очевидное намѣреніе указать крайнимъ членамъ партіи прогрессистовъ средство противиться моей агитаціи и моимъ приверженцамъ. Слѣдовательно, о communicatio animi тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Оберъ-прокуроръ. На стр. 262 обвиняемый признаетъ себя революціонеромъ. При этомъ, онъ именно ссылается на свою ассизную рѣчь, въ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, передъ рейнскими присяжными. Эти акты здѣсь. Онъ говоритъ, что послѣдовательно держался всегда своихъ прежнихъ воззрѣній, слѣдовательно, можно заимствовать изъ его тогдашнихъ рѣчей толкованіе его нынѣшнихъ поступковъ. (Впечатлѣніе). Поэтому, я прошу прочесть протоколъ судопроизводства въ Дюссельдорфской Исправительной Апелляціонной Палатѣ отъ 5 іюля 1849 г., гдѣ въ концѣ упоминается о нѣкоторыхъ словахъ г. обвиняемаго.

Лассаль. Протоколъ, о которомъ говоритъ прокуроръ, мнѣ неизвѣстенъ; я никогда не видалъ его. Но я прошу позволенія объясниться по поводу этого предложенія. Правда, средства защиты и обвиненія далеко не равны; но во всякомъ случаѣ обвиненіе должно ограничиваться опредѣленнымъ даннымъ случаемъ, а иначе судопроизводство превратится въ нѣчто такое, чего раньше никто не ждалъ и не гадалъ. Въ этомъ мѣстѣ воззванія я говорю только объ общихъ принципахъ направленія. Я революціонеръ, какъ другіе реакціонеры. Я говорю: прогрессисты нападаютъ теперь на меня, какъ на реакціонера, тогда какъ до сихъ поръ всегда враждовали противъ меня, какъ противъ революціонера. Что я, дѣйствительно, революціонеръ, я сознавался въ этомъ по чистой совѣсти даже въ судѣ, т. е. въ такія минуты, когда подобное сознаніе было сопряжено для меня съ извѣстной опасностью. Чтобы доказать это, г. оберъ-прокурору нѣтъ надобности вспоминать 1849 годъ. Я могу сослаться на судебныя рѣчи, которыя произнесъ недавно въ здѣшнемъ

Уголовномъ Судѣ и въ Королевской Судебной Палатѣ. Въ моихъ интересахъ напомнить ихъ. Въ моихъ сочиненіяхъ и рѣчахъ очень часто встрѣчается слово революція, и въ первомъ процессѣ, по которому я теперь окончательно приговоренъ къ 100 тал. пени, прокуроръ уже пытался злоупотребить этимъ словомъ. Я опровергъ его, доказавъ, что беру это слово въ философскомъ его значеніи [1]).

Президентъ. Въ философскомъ смыслѣ вы можете такъ понимать это слово; но многіе ли изъ работниковъ, которые читаютъ васъ, поймутъ это такъ?

Лассаль. Конечно, многіе. Моя брошюра „Наука и работники", содержащая эту рѣчь, сдѣлалась агитаціонной книгой, и рабочее сословіе въ состояніи понимать ее.

Адвокатъ Гольтгофъ. Я желалъ бы выразить свои сомнѣнія относительно формальной стороны предложенія г. оберъ-прокурора. Чтобы дать возможность судить объ уважительности предлагаемаго доказательства, надо указать прежде, какіе факты хочешь доказывать имъ. Господинъ же оберъ-прокуроръ хочетъ читать протоколъ, въ составленіи котораго обвиняемый не участвовалъ, для объясненія смысла нѣкоторыхъ поступковъ его. Я нахожу, что этого нельзя допустить и прошу поставить объ этомъ резолюцію.

Оберъ-прокуроръ. Я предлагаю прочесть протоколъ, чтобы показать истинную разницу между революціей и реформой въ смыслѣ самого обвиняемаго. Впрочемъ, онъ вообще не можетъ предписывать мнѣ, какими доказательствами мнѣ пользоваться. Однако, я только потому сослался на этотъ протоколъ, что онъ самъ напоминаетъ объ этомъ процессѣ въ „воззваніи". Я могу воспользоваться тѣмъ, что онъ говорилъ въ томъ процессѣ о своемъ политическомъ положеніи, для истолкованія его нынѣшняго положенія и нынѣшнихъ поступковъ, такъ какъ онъ самъ заявилъ, что послѣдовательно сохранилъ свои тогдашнія политическія убѣжденія.

Лассаль. Я очень благодаренъ г. оберъ-прокурору за то, что онъ такъ прямо и откровенно объяснилъ здѣсь въ выраженіяхъ, не оставляющихъ ни въ комъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣло идетъ здѣсь не о преслѣдуемомъ поступкѣ, а о направленіи, — что это процессъ тенденціозный. Однако, я долженъ кое-что возразить ему. Сказавъ вамъ, господа, что я революціонеръ, я заявилъ этимъ, что я человѣкъ, полагающій необходимымъ замѣнить существующій соціальный порядокъ новымъ прин-

---

[1]) Здѣсь Лассаль прочелъ выдержку изъ рѣчи своей: „Наука и работники". См. т. I, стр. 72 и 73. *Прим. перев.*

ципомъ; но это не значитъ, чтобы я считалъ необходимымъ произвести эту перемѣну непремѣнно путемъ насилія. Если меня назовутъ революціонеромъ въ этомъ смыслѣ, я вполнѣ согласенъ на это названіе. Но противъ всякихъ другихъ выводовъ, какихъ г. оберъ-прокуроръ можетъ надѣлать изъ протокола процесса 1849 г., я долженъ рѣшительно протестовать, тѣмъ болѣе, что совершенно не знаю этого протокола, понятія не имѣю о томъ, что тамъ написано, и даже до сихъ поръ не зналъ объ его существованіи. Было бы странно, если бы г. оберъ-прокуроръ вздумалъ, напр., заключать изъ того, что я находилъ практичнымъ и цѣлесообразнымъ въ 1848 г., что я долженъ считать практичнымъ и цѣлесообразнымъ тоже самое и теперь. Вопросъ о средствахъ есть вопросъ времени, вопросъ практическихъ условій, а не принциповъ. Мои убѣжденія и принципы остались прежніе, господа! Дѣйствительно, я и теперь, какъ въ 1848 г., стремлюсь къ новому соціальному принципу, который провожу 15 лѣтъ всѣми силами, какими могу располагать, во всѣхъ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ, народныхъ брошюрахъ, рѣчахъ и постепенно осуществляю въ умственной области. Вопросъ же о средствахъ зависитъ отъ политическихъ обстоятельствъ, отъ того, что практично при данныхъ условіяхъ. Въ 1848 и 1849 гг. тогдашнія практическія условія предписывали совершенно иныя средства, чѣмъ нынѣшвія. Въ вопросѣ о средствахъ, въ вопросѣ о томъ, можно ли и насколько можно прибѣгать къ силѣ, я предоставляю себѣ (съ сильнымъ удареніемъ) судить въ каждую данную эпоху различно, смотря по практическимъ условіямъ ея. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, какъ проводить параллели относительно этого вопроса.

(Судъ удалился на совѣщаніе. По возвращеніи президентъ объявилъ резолюцію, чтобы, согласно предложенію прокурора, были прочитаны выдержки изъ протокола 1849 г. Что же касается выводовъ изъ него, то это будетъ дѣло дальнѣйшихъ преній и судейскаго рѣшенія).

Секретарь читаетъ протоколъ „Публичнаго засѣданія Исправительной Апелляціонной Палаты Королевскаго Дюссельдорфскаго Окружного Суда“. Въ концѣ его говорится:

„Лассаль вторично повелъ рѣчь, говоря, что, какъ явствуетъ изъ всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, онъ убѣждалъ защищать національное собраніе съ оружіемъ въ рукахъ, уничтожить королевскую власть, низвергнуть корону въ прахъ и т. д. и организовать вооруженное возстаніе. Онъ никогда этого не отрицалъ и совершенно откровенно признавалъ все это совершенно вѣрнымъ. Пусть же не оскорбляютъ его поступковъ и со-

знанія обвиненіемъ въ бунтѣ, когда онъ желалъ революціи и хотѣлъ насильственно низвергнуть правительство. Приговоръ оправдываетъ его по недостатку доказательствъ по статьямъ 217 и 223 и, согласно распоряженію отъ 1849 г., по ст. 194, но признаетъ его виновнымъ въ возбужденіи 13 ноября 1848 г. на гауптвахтѣ гражданской милиціи къ насильственному возстанію и приговариваетъ его къ 6-мѣсячному тюремному заключенію.

Лассаль. Мнѣ необходимо подробнѣе разсказать этотъ фактъ. Дѣло было такъ. Вы помните ноябрьское столкновеніе 1848 г. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ я былъ убѣжденъ, господа, что расторженіе національнаго собранія незаконно и что страна обязана вооруженной силой защищать національное собраніе. Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ, и дѣйствовалъ въ Дюссельдорфѣ. Меня обвинили въ возбужденіи вооруженнаго возстанія противъ королевской власти и предали суду ассизовъ. Я и не думалъ отрицать этого намѣренія. Я сказалъ: Feci et meo jure feci!—сдѣлалъ, и сдѣлалъ по праву, поступилъ такъ, какъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, по своимъ понятіямъ о государственномъ правѣ считалъ своей обязанностью поступить. Присяжнымъ было угодно оправдать меня. Тогда меня предали исправительному суду, обвиняя, что я своею рѣчью возбуждалъ, по крайней мѣрѣ, къ сопротивленію правительственнымъ чиновникамъ, — преступленіе противъ статьи 209 Уголовнаго Уложенія. На это я сказалъ: Ну, нѣтъ! Вы обвиняете меня теперь въ меньшемъ преступленіи, чѣмъ то, которое я, дѣйствительно, совершилъ. Преступленіе государственной измѣны, по опредѣленію тогдашняго рейнскаго права, и преступленіе бунта по статьѣ 209 Уголовнаго Уложенія имѣютъ между собой общаго то, что оба предполагаютъ насильственные поступки; они различаются только по намѣренію.

Если поступокъ обращенъ противъ королевской власти — онъ государственная измѣна; если дѣло въ частномъ буйствѣ—это бунтъ. Объ этомъ я произнесъ рѣчь, длившуюся нѣсколько часовъ, а въ составленномъ секретаремъ протоколѣ, она приведена въ сокращеніи. Я не отвѣтственъ за выраженія, въ которыхъ онъ передалъ ее и которыя во многихъ отношеніяхъ очень нелѣпы. Это выраженія секретаря, а не мои, и, повторяю, я нахожу ихъ нелѣпыми.

Президентъ дастъ затѣмъ слово въ поддержаніе обвиненія.

Оберъ-прокуроръ. Господа! Г. обвиняемый состоитъ или называетъ себя президентомъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Въ этомъ качествѣ онъ и обратился къ берлинскимъ рабочимъ съ воззваніемъ, которое со-

ставляетъ предметъ обвиненія. По программѣ своей, которую вы слышали, союзъ этотъ имѣетъ цѣлью добиваться всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права; на это обращены всѣ его стремленія. Издавая это воззваніе, обвиняемый имѣлъ намѣреніе привлечь къ союзу и берлинскихъ рабочихъ, чтобы съ ними добиться этого права, превратить нынѣшнее государство въ демократическое, которое будетъ въ состояніи доставить рабочимъ посредствомъ обширныхъ кредитныхъ операцій производительныя ассоціаціи, долженствующія освободить ихъ отъ зависимости отъ фабрикантовъ.

Впрочемъ дѣло, господа, не столько въ его конечной цѣли, какое государство хочетъ онъ учредить, сколько въ томъ, какими средствами хочетъ онъ преобразовать государство. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе это должно совершиться посредствомъ отмѣны трехклассной избирательной системы и введенія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Несомнѣнно далѣе, что это произведетъ значительное измѣненіе въ нашей конституціи, ибо нельзя отрицать, что избирательный законъ составляетъ до нѣкоторой степени жизненный нервъ нашей конституціи. Онъ и самъ сознается въ этомъ, говоря, что безъ измѣненія конституціи не можетъ быть и рѣчи о преобразованіи государства. Избирательный законъ, господа, есть существенная часть нашей конституціи; нападающій на него, нападаетъ на самую конституцію!

Неоспоримо также и то, что въ стремленіи къ измѣненію конституціи нельзя находить ничего недозволительнаго, если оно держится пути реформъ и законныхъ средствъ. Но оно дѣлается преступно, какъ скоро замышляется насильственное измѣненіе избирательнаго закона и, слѣдовательно, конституціи. Тогда это—предпріятіе, именуемое закономъ—государственной измѣной. Ст. 61 гласитъ (читаетъ):

„Предпріятіе, имѣющее цѣлью...... 2) насильственно измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, или государственный порядокъ, или и т. д.... есть государственная измѣна и наказывается смертью“.

Чтобы доказать, что въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто такое преступленіе, намъ надо, стало быть, доказать г. обвиняемому, что онъ не пугается мысли добиваться осуществленія своего требованія и силой.

Господа! Вопросъ о томъ, имѣется ли въ данномъ случаѣ указываемое закономъ условіе насилія, можетъ быть, по моему мнѣнію, рѣшенъ на трояномъ основаніи: личности г. обвиняемаго, средствъ, которыя имѣются въ его распоряженіи и выраженій его брошюры.

Во-первыхъ, о его личности. Въ брошюрѣ онъ самъ называетъ себя революціонеромъ. Тамъ говорится дословно (стр. :

„Прогрессивные буржуа ненавидятъ меня и ведутъ противъ меня войну не за то, что я служу реакціи, а, наоборотъ, потому, что опасаются отъ меня революціи; не потому, что я кажусь имъ реакціонеромъ, а потому, что кажусь революціонеромъ! И я соглашался съ этимъ упрекомъ сто разъ, всякій разъ какъ слышалъ его, гдѣ бы мнѣ его не дѣлали, соглашался съ этимъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ рѣчахъ, не разъ даже въ судахъ!“ (стр. 262).

Правда, г. обвиняемый пытается приписать этому слову особенный смыслъ. Революція и реформа,—говоритъ онъ,—разнятся не средствами, а цѣлями. Первая имѣетъ цѣлью полную перемѣну, а вторая только измѣненіе. Господа! Допустимъ, что въ философскомъ смыслѣ эти опредѣленія и различія вѣрны; мы можемъ допустить это, потому что это теряетъ всякое значеніе, если вспомнить, къ кому обращено это воззваніе. Къ берлинскимъ рабочимъ! Вѣдь мы знаемъ, господа, какія философскія и научныя понятія могутъ имѣть эти люди и какъ могутъ они понимать подобныя различія! Слушая про революцію, человѣкъ изъ рабочаго сословія непремѣнно представляетъ себѣ ничто иное, какъ насильственное ниспроверженіе существующаго порядка; будетъ ли насиліе произведено оружіемъ или безъ оружія—это все равно. Когда подобныя слова употребляются въ такихъ случаяхъ, какъ здѣсь, то можно признать, что г. обвиняемый въ своихъ предпріятіяхъ исходитъ изъ того положенія своего, которое самъ характеризуетъ, называя себя революціонеромъ. На стр. 263 встрѣчается такое же выраженіе (читаетъ):

„При васъ прогрессисты не могутъ упрекать меня за то, что я революціонеръ. Они знаютъ, что выскажи они при васъ этотъ упрекъ, — истинную причину ихъ ненависти ко мнѣ,—это имѣло бы единственнымъ послѣдствіемъ обращеніе всѣхъ васъ въ моихъ приверженцевъ. Поэтому эти лицемѣры берутъ съ другого конца и обвиняютъ меня предъ вами въ служеніи реакціи, ненавидя меня какъ революціонера!“

Итакъ, онъ говоритъ: точка зрѣнія, на которой я стою,—точка зрѣнія революціи, не можетъ меня сдѣлать подозрительнымъ въ вашихъ глазахъ; если же меня упрекаютъ за это, то это, напротивъ, можетъ только повести къ тому, что ряды моихъ приверженцевъ еще болѣе увеличатся. Отсюда слѣдуетъ съ полною очевидностью, что это положеніе пріятно ему, что онъ положительно кичится имъ! (Впечатлѣніе въ публикѣ).

Я сослался на протоколъ Дюссельдорфской Исправительной Палаты. Я

не могу принять толкованія, угоднаго г. обвиняемому; онъ старается обойти все тогдашнее, какъ будто ничего этого не бывало, и представляетъ заявленіе себя въ брошюрѣ революціонеровъ, какъ нѣчто совершенно невинное; онъ говоритъ, что былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, потому что дѣйствительно совершилъ государственное преступленіе, но былъ оправданъ ассизами, послѣ чего его стали судить за бунтъ. Въ опроверженіе этого новаго обвиненія онъ и сказалъ: я долженъ былъ отвѣчать за все это передъ ассизами, а они оправдали меня; я говорилъ, что хочу ниспровергнуть корону въ прахъ, хочу итти на защиту національнаго собранія и т. д. Положимъ, господа, что онъ говорилъ все это въ опроверженіе своей подсудности; что же изъ этого? Фактъ все-таки остается фактомъ, а именно, его заявленіе, что онъ имѣлъ намѣреніе защищать оружіемъ національное собраніе, ниспровергнуть правительство, разрушить королевскую власть и ниспровергнуть въ прахъ корону. Разъ, что онъ сказалъ это — это остается сказаннымъ, и словъ этихъ не уничтожить. Онъ долженъ сознаться и сознается, что и теперь держится тѣхъ же воззрѣній; я только для того и хотѣлъ обратить вниманіе на этотъ протоколъ, чтобы выяснить имъ истинное содержаніе настоящей брошюры.

Г. обвиняемый возражаетъ мнѣ, что революціонизмъ можетъ быть мирный; на это я отвѣчаю просто, что рабочіе не понимаютъ этого, они представляютъ себѣ революціонера человѣкомъ, желающимъ насильственно измѣнить существующій порядокъ, „а ты самъ сказалъ, — говорятъ они, — что ты таковъ!“ Обвиняемый прямо сказалъ на стр. 262:

„Я призналъ его (упрекъ въ революціонизмѣ) справедливымъ 14 лѣтъ тому назадъ, въ 1849 г., въ своей ассизной рѣчи передъ рейнскими присяжными, въ процессѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, гдѣ дѣло шло обо всемъ моемъ существованіи, и опять призналъ его справедливымъ въ январѣ текущаго года передъ берлинскимъ уголовнымъ судомъ, въ рѣчи „Наука и работники“, какъ и два дня тому назадъ въ здѣшней Королевской Судебной Палатѣ, въ процессѣ, гдѣ дѣло шло о моей личной свободѣ!“

Господа, признанія обвиняемаго въ 1849 г. занесены въ протоколъ; въ немъ онъ повторяетъ то, въ чемъ сознался передъ ассизами. Стало быть, эти слова его могутъ служить ключемъ къ истолкованію его политическихъ воззрѣній, которыя онъ призналъ за собой. Въ виду этого истолкованія, его толкованіе своего революціонизма оказывается несостоятельнымъ; оно тѣмъ менѣе естественно, что воззваніе его обращено къ сословію, которое не можетъ дѣлать тѣхъ тонкихъ различій, которыя онъ представляетъ.

Такимъ образомъ, мы вполнѣ можемъ ожидать отъ самого г. обвиняемаго, что онъ захочетъ насильственно проводить высказанные имъ планы, а возможность такого предпріятія съ его стороны явствуетъ изъ средствъ, которыми онъ располагаетъ.

Господа! Онъ имѣетъ за собою огромное множество работниковъ,—рабочую армію, какъ онъ самъ часто выражается, армію, которой онъ неоднократно дѣлаетъ смотры. Эти выраженія чрезвычайно знаменательны. Они предвѣщаютъ образъ дѣйствій, далеко не мирный, не невинный. Онъ принимаетъ положеніе командира, повелѣвающаго толпами, которыя ведетъ въ бой. Въ концѣ своей брошюры онъ говоритъ тономъ полководца:

„Всѣ важнѣйшіе центры Германіи за насъ. За насъ Лейпцигъ и фабричныя мѣстности Саксоніи. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ идутъ подъ нашимъ знаменемъ.

„Прусская прирейнская провинція стремится впереди всѣхъ неудержимымъ потокомъ!

„Съ Берлиномъ за себя, — движеніе сдѣлается непобѣдимымъ“! (стр. 272—3).

Очевидно, здѣсь имѣется въ виду не мирное движеніе.

Теперь возьмите въ соображеніе средства, которыми онъ располагаетъ: это—масса рабочаго сословія, которое, по его словамъ, держится фабрикантами подъ острасткой голода. Можно ли, господа, представить себѣ большую опасность для мира, какъ такое положеніе, гдѣ рабочее сословіе терпитъ голодъ? Вѣдь кто такіе рабочіе? Это представители физической силы. При встрѣчѣ съ мирными праздничными процессіями работниковъ на улицахъ этого города, вамъ навѣрно приходила на умъ тревожная мысль, что было бы, если бы эти силы и элементы, эти массы, движущіяся теперь мирной процессіей, закипѣли въ разнузданномъ движеніи, если бы эти новѣйшіе циклопы, овладѣвъ оружіемъ, хотя бы то были лишь орудія ихъ мастерскихъ, возстали противъ существующаго порядка!—Не наводила ли на васъ ужаса и тревоги эта мысль? Не страшны ли эти громадныя силы, которыми онъ овладѣлъ и которыя старается обратить на служеніе своимъ планамъ? Если эти силы будутъ организованы, да еще такъ стройно, какъ свидѣтельствуетъ указанный имъ примѣръ столь быстраго сбора въ Золингенѣ 500 подписей—то, вѣдь, это будетъ неотразимыя полчища! А онъ еще говоритъ, что у нихъ „да значитъ да, а нѣтъ—нѣтъ!“ Опасность, грозящая отъ подобныхъ массъ, слишкомъ очевидна, господа! А онъ ихъ-то и хочетъ вывести на борьбу за всеобщее, равное и прямое избирательное право. Повидимому, Союзъ, совершенно невиненъ; это союзъ ра-

ботниковъ, имѣющій цѣлью добиваться возстановленія этого права законнымъ путемъ—такова, по крайней мѣрѣ, его программа. Но единственная ли это цѣль его, господа?—вотъ въ чемъ вопросъ, нѣтъ ли за ней другой, скрытой въ уставѣ отъ властей? Обвиняемый говоритъ, что Союзъ признанъ властями; если подъ признаніемъ онъ разумѣетъ уступку его требованіямъ, то объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. Далѣе, спрашивается, не имѣетъ ли обвиняемый въ виду употребить этотъ Союзъ, если онъ даже самъ по себѣ имѣетъ пока въ виду законную цѣль, для насильственнаго переворота въ своемъ смыслѣ посредствомъ составляющихъ этотъ Союзъ массъ?

Вполнѣ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ, господа, изъ того, что г. обвиняемый самъ говоритъ въ своей брошюрѣ. Онъ обращается къ страстямъ и фанатизму, очень хорошо зная, что изъ фанатизма и страстей весьма часто вытекаютъ дѣйствія. Онъ, правда, пытался придать и этимъ словамъ не тотъ смыслъ, въ которомъ ихъ обыкновенно принимаютъ. Ссылаясь на Гегеля, котораго рабочіе, разумѣется, не читали, онъ утверждаетъ, что подъ страстью слѣдуетъ разумѣть возвышенный, даже высшій интересъ къ какому-нибудь дѣлу. Работники такъ этого не понимаютъ и не поняли. Кромѣ того, эти слова находятся у него въ прямой связи съ уже совершеннымъ насильственнымъ дѣйствіемъ. Извѣстно, что въ Барменѣ и Золингенѣ въ противниковъ стремленій г. обвиняемаго бросали пивными кружками и подчивали ихъ ножами. По этому-то поводу онъ говоритъ: „Если страсть увлекла ихъ къ крайности“ и т. д. Изъ этого ясно, что г. обвиняемый во всякомъ случаѣ ожидаетъ отъ страсти дѣйствій. На это онъ и самъ указываетъ далѣе, говоря, что на этотъ разъ страсть какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и въ своихъ проявленіяхъ была ошибочна. Слѣдовательно, онъ осуждаетъ ее только въ томъ случаѣ, вообще же вполнѣ одобряетъ ее. Онъ объясняетъ, что возбуждалъ только страсть интереса, а не страсть, выражающуюся насиліями, и въ доказательство указываетъ, что порицаетъ насиліе; но, вѣдь, это порицаніе относится только къ одному этому частному случаю. Вообще же стоитъ только вызвать страсть,—дѣйствіе послѣдуетъ за ней какъ непосредственное, необходимое слѣдствіе. Онъ и самъ говоритъ это на стр. 256—257 брошюры:

„Но въ самой этой страсти вы видите, берлинскіе работники, какъ часто въ жизни добро встрѣчается рядомъ со зломъ.

„Безъ страсти въ исторіи камень съ камня не трогается. Безъ страсти не обходится ни одно изъ тѣхъ великихъ освобожденій, преемственный рядъ которыхъ составляетъ всю исторію человѣчества.

„Главная причина нашего глубокаго упадка въ послѣдніе 14 лѣтъ заключается именно въ томъ, что всѣ политическія страсти угасли въ сердце народа, и оттого-то мы и погрязли съ 1849 г. въ такое болото!

„Съ 1858 г. прогрессисты учредили свой національный союзъ и свои, такъ называемыя, рабочія образовательныя общества. Въ пять лѣтъ эти общества не придали ни малѣйшаго оживленія обращенію политической жизни въ жилахъ народа, не влили въ его сердце ни единой капли свѣжей крови! Общій Германскій Рабочій Союзъ существуетъ только четыре мѣсяца и страсть уже пылаетъ въ народѣ.

„Какъ бы ошибочно эта страсть ни проявилась на этотъ разъ, привѣтствуйте въ ней, берлинскіе работники, заодно со мной радостный признакъ пробужденія въ народѣ политическаго возбужденія и политической жизни,—признакъ того, что народъ начинаетъ стремиться къ своему великому назначенію!"

Слыша подобныя подстрекательства, никакъ нельзя сказать, господа, что дѣло идетъ о мирныхъ намѣреніяхъ.

Вся брошюра проникнута воспоминаніемъ о насиліяхъ въ Барменѣ и Золингенѣ, какъ духомъ всѣхъ этихъ стремленій; духъ этотъ господствуетъ не только въ строкахъ, которыя я сейчасъ прочелъ, но и въ статьѣ „Южно-Германской Газеты". Онъ сообщаетъ ее съ явнымъ намѣреніемъ показать рабочимъ, какъ вѣрно судятъ о немъ въ непріятельскомъ лагерѣ.

Г. обвиняемый возражаетъ, что отношеніе его къ этой статьѣ надо понимать такъ, что все, что онъ говорилъ рабочимъ, говорится и въ статьѣ, но не все, что говорится въ статьѣ, говорено имъ рабочимъ. Онъ отрекается отъ всего, что сказано въ статьѣ, кромѣ признаній на стр. 262. По моему, господа, съ этимъ нельзя согласиться; опять возвращаюсь къ соображенію: кому онъ говоритъ и какого пониманія можетъ ожидать отъ своихъ читателей? Онъ хочетъ показать имъ, кто онъ таковъ, но повидимому не хочетъ сказать этого прямо и потому ссылается только на эту статью. Во всякомъ случаѣ статья эта составляетъ существенную часть его брошюры. Онъ говоритъ (читаетъ):

„Видите, работники? Здѣсь безъ обиняковъ признается все—и многочисленность приверженцевъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза, и ихъ энтузіазмъ, и постоянное возрастаніе ихъ, и прежняя непріязнь г.г. фабрикантовъ и купцовъ къ г. Шульце-Делпчу, и то, что теперь они прославляютъ его какъ противоядіе противъ меня, какъ средство отвратить васъ отъ энергическаго преслѣдованія своихъ интересовъ, отъ меня и отъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза,—все, все!" (стр. 260).

Изъ послѣднихъ словъ я заключаю, что вся статья представляетъ ipsissima verba [1]) обвиняемаго.

Но допустимъ, что это не такъ и что ему можно вмѣнять въ вину только то, что онъ прямо отъ себя говоритъ работникамъ по поводу этой статьи, то и этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что онъ замышляетъ— какъ объясняется въ статьѣ—пустить въ ходъ силу. Здѣсь опять говорится объ энтузіазмѣ, который ничто иное, какъ опять та же страсть и притомъ именно могущая повести лишь къ насилію. Въ статьѣ особенно заслуживаетъ вниманія слѣдующее мѣсто:

„Пивныя кружки, летѣвшія въ прошлое воскресенье въ Барменѣ, въ выходившихъ прогрессистовъ, были оружіемъ не простой грубости" и т. д. (стр. 258).

Здѣсь несомнѣнно указывается на революціонное насиліе, какъ таковое; это—оружіе не простой грубости, а то, которое вообще доступно этому сословію. Въ той же статьѣ говорится далѣе (читаетъ):

„Политическую важность рабочему сословію придаютъ здоровые кулаки, голодные желудки, подвижность, рѣшительность. Не знаемъ, увидимъ ли мы когда-нибудь, что на защиту конституціи двинется войско изъ членовъ гимнастическихъ обществъ и вольныхъ стрѣлковъ, но мы знаемъ одно, что если все останется по старому, то рабочая армія Лассаля не оставитъ камня на камнѣ въ нынѣшнемъ политическомъ строѣ Германіи, и первые не уцѣлѣютъ скипетръ, корона, звѣзда и другія игрушки" (стр. 259).

Это совершенно согласно съ сказаннымъ выше самимъ обвиняемымъ, что безъ страсти камень съ камня не трогается; въ статьѣ это повторяется почти слово въ слово, когда говорится, что рабочая армія Лассаля не оставитъ камня на камнѣ въ политическомъ строѣ Германіи. Если мы примемъ это въ такомъ смыслѣ,—а иначе нельзя принять, если взять въ соображеніе, къ кому обращено воззваніе, —то не останется сомнѣнія, что можно опасаться со стороны г. обвиняемаго насилія противъ государства. Вѣдь всѣмъ намъ совершенно ясно, что отъ страсти до насилія, какъ результата ея, шагъ не великъ.

Идея этой брошюры получаетъ свое полное выраженіе въ концѣ. Тутъ онъ выразилъ несомнѣнно, что имѣетъ въ виду не просто преобразовательныя стремленія, а и насильственныя дѣйствія для достиженія своей цѣли, если встрѣтятся препятствія. На это указываютъ заключительныя слова воззванія (стр. 272—273). Въ нихъ напоминаніе о баррикадахъ есть провозгла-

[1]) Собственныя слова.

шеніе насилія. Г. обвиняемый отвѣчаетъ на это, что это говорилось только о тѣхъ временахъ,—теперь же ему, тѣмъ не менѣе, можно приписывать насильственные замыслы, что онъ именно этими словами противополагаетъ нынѣшнее время тогдашнему; но это не освобождаетъ его, господа, отъ упрека въ томъ, что онъ, говоря это, разумѣетъ насиліе. Вѣдь онъ вспоминаетъ о покойникахъ, павшихъ тогда на баррикадахъ, говоритъ о вооруженномъ сопротивленіи и, хотя возражаетъ, что желаетъ подобнаго сопротивленія, но не подобнаго насилія, но одно слово его, на которое слѣдуетъ особенно обратить вниманіе, совершенно опровергаетъ это возраженіе и осуждаетъ его. Это слово „пока“. Теперь, говоритъ онъ, дѣло пока только въ томъ, чтобы дѣйствовать посредствомъ совершенно дозволеннаго закономъ вступленія въ союзъ. Господа! Слово „пока“ очень выразительно и ясно показываетъ, что за этимъ „пока“ должно воспослѣдовать нѣчто совершенно иное.

Если тутъ разумѣется понудительное вліяніе, то и тутъ логическимъ послѣдствіемъ можно признать только открытое насиліе. Но допустимъ, что дѣло только въ томъ, какъ онъ прямо объявилъ, чтобы произвести на правительство впечатлѣніе, представъ предъ нимъ во внушительномъ множествѣ; то и это вѣдь будетъ vis compulsiva. Онъ говоритъ, что есть множество средствъ и путей вліять на правительство и добиваться политическихъ перемѣнъ, оставаясь въ предѣлахъ законности, какъ напр.—петиціи, союзы и т. п. законныя средства; но это объясненіе здѣсь невозможно.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ ст. 61 Уголовнаго Уложенія подъ сл вомъ „насильственно“ законодатель разумѣлъ не только непосредственн насильственныя дѣйствія, но и посредственное насиліе, vis compulciva Второе такъ же опасно, какъ и первыя. Обвиненіе имѣетъ въ виду такой случай, гдѣ нарушается свобода обсужденій законодательнаго собранія, гдѣ посредствомъ нарушенія этой свободы насильственно измѣняется государственный порядокъ.

Все въ мірѣ когда-нибудь уже бывало прежде, и все можетъ повториться. Господа, вы всѣ, вѣроятно, еще помните брьскіе дни 1848 г., передъ назначеніемъ министерства Бранденбургъ-Мантейфеля. Мы видали сцены, происходившія передъ Консерваторіей и въ Каштановой Рощицѣ точно такого же свойства, какъ тѣ, которыя представились бы намъ снова непосредственнымъ слѣдствіемъ теперешней агитаціи г. обвиняемаго. Вамъ извѣстно, что свобода совѣщаній палаты была совершенно уничтожена; немногіе консервативные члены національнаго собранія были терроризированы, жизни ихъ угрожали; при выходѣ ихъ изъ собранія красные,

стоявшіе вокругъ Консерваторіи въ Каштановой Рощицѣ, привѣтствовали ихъ веревками. Это было понудительное насиліе противъ законодательнаго собранія. Тутъ не нужно прямого насилія, нѣтъ надобности, чтобы дѣло доходило до смертоубійствъ — что, впрочемъ, тоже средство годное, чтобы добиваться своего; но и этимъ понудительнымъ насиліемъ можно многое сдѣлать, и законодатель хотѣлъ предотвратить его повторенія, имѣя его въ свѣжей памяти, которая была еще жива при изданіи Уголовнаго Уложенія, не далекомъ отъ тѣхъ печальныхъ дней.

Разъ, что мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, насиліе, — у насъ получается понятіе государственнаго преступленія по смыслу ст. 61. Обвиненіе основывается на томъ, что здѣсь, правда, нѣтъ совершенной государственной измѣны, но есть факты, подходящіе подъ ст. 66, по которому должны наказываться поступки, подготовляющіе государственную измѣну. Господа! При чтеніи обвиненія и сличеніи статей закона, на которыя оно ссылается, вамъ, вѣрно, невольно вспомнилась ст. 65, потому что въ ней сказано: „Кто публично возбуждаетъ рѣчью или письменно къ совершенію дѣйствія, составляющаго государственное преступленіе по ст. 62“, тотъ подлежитъ такому-то наказанію. Представляется, стало быть, вопросъ, почему же обвиненіе не положило въ основаніе этой статьи? На это позволю себѣ замѣтить слѣдующее. Будь въ брошюрѣ этой указано подобное дѣйствіе, обвиняемый несомнѣнно подвергся бы обвиненію въ возбужденіи къ возстанію по ст. 65. Но обвиненіе не заходитъ такъ далеко въ обвиняемыхъ фактахъ. Оно не говоритъ, что обвиняемый издалъ воззваніе къ возстанію; оно говоритъ только, что онъ основалъ союзъ, котораго состоитъ президентомъ; и приглашаетъ ко вступленію въ него, желая воспользоваться имъ и употребить его для возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права; онъ хочетъ оказать на правительство понудительное вліяніе посредствомъ массъ, составляющихъ этотъ союзъ, и насиловать правительство или его законодательные факторы для осуществленія этого своего требованія. Вотъ въ чемъ состоитъ, господа, основаніе обвиненія, и спрашивается, составляютъ ли эти факты подготовительное дѣйствіе въ смыслѣ закона? Надо имѣть въ виду логическую связь между отдѣльными членами и различать подготовленіе покушенія отъ его совершенія. „Покушеніе“ преступленія государственной измѣны разсматривается закономъ отдѣльно, какъ особый оттѣнокъ дѣла, который не есть еще начало выполненія, потому что начало выполненія дѣла государственной измѣны есть уже совершенное преступленіе. Если-бы даже оно и не было еще совершеннымъ преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ тутъ не можетъ быть рѣчи о добро-

вольномъ отступленіи отъ дѣла, потому что здѣсь вообще непримѣнимо законное понятіе не подлежащаго наказанію покушенія. Въ ст. 63, 64 и 65 опредѣлены спеціальные виды поступковъ, крайне опасныхъ для государства по самой сущности своей и потому подлежащихъ наказанію даже на степени еще только подготовленія покушенія. Въ ст. 63 говорится о заговорѣ, въ ст. 64 объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ правительствомъ, въ ст. 65 о рѣчи и сочиненіи, какъ способахъ для совершенія государственной измѣны. Потомъ въ ст. 66 говорится вообще: „Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственную измѣну", должно быть наказуемо. Слѣдовательно, здѣсь разумѣются всѣ дѣйствія такого рода, кромѣ обозначенныхъ спеціально въ предыдущихъ статьяхъ.

Рѣшить, каковы эти дѣйствія, есть задача фактическаго опредѣленія. Несомнѣнно, что здѣсь, подъ дѣйствіемъ государственной измѣны разумѣется такое, которое хотя еще не находится въ началѣ выполненія, но имѣетъ извѣстное отношеніе къ предпріятію, долженствующему быть выполненнымъ, а именно отношеніе подготовленія. Слова „всякія другія" относятся не къ предшествующимъ ст. 61 и 62, а должны быть понимаемы какъ обобщающая противоположность дѣйствіямъ, спеціально описанныхъ въ ст. 63, 64 и 65.

Исходя изъ этихъ основаній, мы должны несомнѣнно признать, что вмѣняемые г. обвиняемому въ вину факты слѣдуетъ разсматривать какъ подготовительныя дѣйствія къ предпріятію, имѣвшему цѣлью насильственно измѣнить государственный порядокъ. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобы уже былъ совершенъ какой-нибудь актъ насилія, чтобы было прямо обозначено насильственное дѣйствіе, которое должно было быть совершено, къ начатію котораго возбуждалось; нѣтъ, дѣло тутъ только въ томъ, тутъ по всему, что представляетъ обвиненіе, можно признать только то, что обвиняемый далъ бы совершиться насилію, чтобы осуществить свои изъясненные имъ политическіе планы. Если вы дадите на это отвѣтъ утвердительный, если вы признаете, что его образъ дѣйствій имѣлъ въ виду преступное предпріятіе,—тотъ образъ дѣйствій, который характеризуется учрежденіемъ извѣстнаго Союза, возбужденіемъ добиваться его цѣлей посредствомъ составляющихъ его массъ, а главное—собственными признаніями обвиняемаго въ настоящей брошюрѣ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что весь поступокъ г. обвиняемаго подойдетъ подъ опредѣленіе ст. 66.

Насчетъ двухъ остальныхъ пунктовъ обвиненія: осмѣянія монархіи и оскорбленія членовъ государственнаго министерства, оберъ-прокуроръ только повторилъ сказанное во II статьѣ обвинительнаго акта. Въ заключеніе онъ

предложилъ приговорить обвиняемаго за нарушеніе ст. 66, 101 и 102 къ заключенію въ смирительномъ домѣ на 3 года, къ денежной пенѣ въ 100 талеровъ и къ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ на 5 лѣтъ (Сильное возбужденіе въ публикѣ).

Президентъ предоставляетъ обвиняемому слово въ свою защиту.

Адвокатъ Гольтгофъ. Прежде чѣмъ обвиняемый начнетъ самъ говорить въ свою защиту, я желалъ бы сдѣлать замѣчаніе насчетъ фактическаго опредѣленія. Со стороны г. оберъ-прокурора утверждается, что написанное, въ многократно упоминавшемся протоколѣ, есть дѣйствительно то, что обвиняемый говорилъ въ своей ассизной рѣчи передъ присяжными. Но, сколько я могъ понять изъ чтенія протокола, онъ говорилъ въ немъ вовсе не о своей ассизной рѣчи, а заявилъ только, что преслѣдовалъ цѣли, указанныя въ протоколѣ, въ той рѣчи, которая дала поводъ къ тогдашнему процессу по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Здѣсь же, въ лежащемъ предъ нами воззваніи, онъ ссылается спеціально на свою ассизную рѣчь. Я хочу только знать и установить, какъ переданы въ протоколѣ слова моего кліента: говоритъ ли онъ тамъ, что высказалъ эти цѣли въ ассизной рѣчи — этого онъ навѣрно не говоритъ — или въ своей прежней рѣчи.

Президентъ. Я уже объяснилъ и подтвердилъ, что этотъ протоколъ составленъ не передъ ассизами.

Послѣ дальнѣйшихъ вопросовъ президентъ подтверждаетъ, что протоколъ не заключаетъ въ себѣ никакой ссылки на ассизную рѣчь.

Президентъ. Обвиняемый, что имѣете вы сказать въ свою защиту?

Лассаль. Высокій судъ! Меня часто обвиняли, но никогда еще обвиненіе не возбуждало во мнѣ такого страннаго чувства, какъ въ этотъ разъ. Мой защитникъ съ трудомъ уговорилъ меня допустить какую бы то ни было защиту. Мнѣ лично казалось, что я обязанъ въ доказательство своего уваженія и довѣрія къ вамъ предоставить рѣшить это дѣло in contumaciam. Только замѣчаніе моего защитника, что это можетъ быть перетолковано и въ худую сторону, могло отклонить меня отъ этого рѣшенія. Но теперь, разъ я принужденъ защищаться, я желалъ бы, по страсти спеціалиста-юриста, чтобы обвиненіе было въ семь-восемь разъ лучше обосновано; причинъ къ оправданію было бы и тогда слишкомъ достаточно, а между тѣмъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, не приходилось бы терять словъ даромъ.

Прежде всего я возражаю обвиненію, что именно оно-то идетъ contra legem, искажаетъ ст. 65 и 66 Уголовнаго Уложенія. Меня

обвиняютъ на основаніи напечатанной брошюры, заключающей приглашеніе берлинскихъ работниковъ къ вступленію въ Общій Германскій Рабочій Союзъ. О возбужденіи къ государственной измѣнѣ посредствомъ печатнаго или устнаго слова говорится въ ст. 65, на основаніи котораго меня не обвиняютъ.

Статья эта гласитъ (читаетъ):

„Кто публично возбуждаетъ рѣчью, или письменно къ совершенію дѣйствія, подлежащаго наказанію по ст. 62, какъ преступленіе государственной измѣны — подлежитъ наказанію заключеніемъ въ смирительномъ домѣ отъ 2 до 10 лѣтъ или, если доказано существованіе смягчающихъ вину обстоятельствъ, тюремному заключенію отъ 2 до 10 лѣтъ“.

Отчего же, обвиняя меня, на основаніи публичной рѣчи или обнародованнаго печатнаго сочиненія, меня не обвиняютъ по ст. 65? По той простой причинѣ, что по ст. 65 необходимо требуется, чтобы возбужденіе было обращено на совершонное предпріятіе государственной измѣны, и потому въ этомъ случаѣ нельзя было сослаться на ст. 65. Но еще невозможнѣе обвинять по ст. 66, потому что въ немъ говорится:

„Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее предпріятіе государственной измѣны“ и т. д.

Что это значитъ? Это значитъ: всякое другое, т. е. не упомянутое въ предыдущей ст. 65 дѣйствіе, всякое другое подготовительное дѣйствіе, не состоящее въ публичной рѣчи или сочиненіи! Стало быть, по ст. 66 преслѣдованію подлежатъ реальныя дѣйствія, какъ напр., составленіе плановъ баррикадъ, собираніе запасовъ оружія и т. п. Возбужденіе, состоящее только въ публичной рѣчи или сочиненіи, можетъ быть преслѣдуемо только по ст. 65, но лишь въ томъ случаѣ, если оно обращено непосредственно на совершающееся затѣмъ преступленіе государственной измѣны. Другими словами: меня обвиняютъ въ подготовленіи государственной измѣны на основаніи сочиненія, въ которомъ я, по сознанію самого обвиненія, возбуждаю не къ непосредственному поднятію оружія, а лишь къ подготовительнымъ поступкамъ,—т. е., въ дѣйствительности меня обвиняютъ въ возбужденіи къ подготовленію государственной измѣны, — въ преступленіи неслыханномъ, неизвѣстномъ закону и изобрѣтенномъ самимъ обвиненіемъ. Возбужденіе къ подготовленію государственной измѣны есть дѣйствіе, за которое законъ не полагаетъ отвѣтственности.

Перехожу ко второму возраженію, которое докажетъ вамъ, что обвиненіе искажаетъ нетолько ст. 65 и 66, но всю систему законовъ

по государственнымъ преступленіямъ. Я покажу вамъ при этомъ, что въ этомъ отношеніи въ нашемъ законѣ нѣтъ пробѣловъ и, далѣе, что ст. 65 и 66 нельзя понимать въ томъ смыслѣ, будто первый наказываетъ, правда, только возбуженіе къ совершонному преступленію государственной измѣны, за-то второй разумѣетъ въ числѣ другихъ дѣйствій, подготовляющихъ государственную измѣну, и возбужденіе, заключающееся въ публичной рѣчи или сочиненіи, но возбужденіе, обращенное только на подготовительное дѣйствіе.

Подготовленіе государственной измѣны подлежитъ наказанію; возбужденіе къ государственной измѣнѣ есть лишь извѣстный видъ подготовленія, подготовленіе sui generis. Такъ понимаетъ его законъ и не можетъ понимать иначе, потому что и возбужденіе есть всегда непремѣнно дѣйствіе. Но такъ какъ это дѣйствіе желаетъ не само осуществить содержаніе настоящаго преступленія, а вызвать его возбужденіемъ къ нему другихъ, то само оно есть подготовительное дѣйствіе. На этомъ основана вся система нашего законодательства. Въ ст. 61—63 дается опредѣленіе преступленія государственной измѣны, совершеннаго и заранѣе условленнаго. Уже въ ст. 64—замѣтьте, ст. 63 предшествуетъ ст. 65—уже въ ст. 64 законъ переходитъ къ преступленію подготовленія государственной измѣны. Онъ гласитъ (читаетъ):

„Такому же наказанію (какъ въ ст. 63) подлежать тѣ, кто приступаетъ къ подготовленію преступленія государственной измѣны посредствомъ или измѣнническихъ сношеній съ иностраннымъ правительствомъ, или злоупотребленіемъ ввѣренной ему государствомъ власти, или наборомъ военныхъ силъ, или обученіемъ военнымъ пріемамъ“.

Такимъ образомъ, уже съ этой статьѣ начинается область подготовленія преступленія государственной измѣны. Это неопровержимо доказываетъ, что въ слѣдующей ст. 65 возбужденіе къ государственной измѣнѣ посредствомъ рѣчи или сочиненія признается особымъ видомъ подготовленія. Окончательно доказывается это ст. 66, которая резюмируя все предыдущее гласитъ:

„Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственную измѣну“, подлежитъ такому-то и такому-то наказанію, подразумѣвая тутъ всѣ остальные, еще необозначенные спеціально способы подготовленія. Различаются, стало быть, три вида подготовленія преступленія государственной измѣны: во-первыхъ, реальныя дѣйствія, опредѣленныя въ ст. 64, почитаемыя особенно опасными; во-вторыхъ, дѣйствіе, заключающееся въ возбужденіи посредствомъ устнаго и письменнаго слова, и, наконецъ, въ

третьихъ, всякое другое дѣйствіе, подготовляющее государственную измѣну и еще не упомянутое въ ст. 64 и 65, т. е. реальное дѣйствіе, не заключающееся въ публичной рѣчи или сочиненіи, и не изъ тѣхъ, которыя опредѣлены подробно въ ст. 64.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ этого сопоставленія, подъ ст. 66 Уголовнаго Уложенія подходятъ только реальныя дѣйствія, каковы, напр., составленіе запасовъ пороха, свинца, оружія, сооруженіе баррикадъ, составленіе плановъ военныхъ операцій и т. д. Другими словами: государственная измѣна, господа, никогда не можетъ быть совершена словами; для этого она слишкомъ существенное предпріятіе. Единственное исключеніе изъ этого составляетъ тотъ случай, гдѣ слова возбуждаютъ къ непосредственному поднятію оружія.

Вы найдете подтвержденіе этого въ сравненіи законодательствъ всѣхъ народовъ и временъ. Ни въ одномъ законѣ не бывало еще преступленія государственной измѣны, состоящаго въ словахъ, кромѣ возбужденія къ немедленному выполненію ихъ. Прокуроръ самъ знаетъ это, но забываетъ въ процессѣ противъ меня. Сегодня за завтракомъ мнѣ попался въ руки сегодняшній № „Національной Газеты“. Тамъ напечатанъ отчетъ о процессѣ Лангерганса и защитительная рѣчь г. фонъ-Мерса. Въ процессѣ этомъ прокуроръ самъ случайно натолкнулся на нашъ вопросъ (читаетъ):

„Этотъ упрекъ обвиняемаго,—говоритъ онъ,—доказываетъ, что онъ не юристъ. Для наличности преступленія государственной измѣны, нужно намѣреніе насильственно ниспровергнуть государственный порядокъ; нужно, стало быть, по крайней мѣрѣ возбужденіе къ насилію. Простое возбужденіе къ перемѣнѣ порядка не составляетъ преступнаго дѣйствія“.

Почему же прокурорскій надзоръ забываетъ то, что самъ хорошо знаетъ, какъ скоро процессъ идетъ противъ меня? (Сенсація среди судей).

Итакъ, ст. 64—66 совершенно разумно исчерпываютъ понятіе подготовленія государственной измѣны. Меня обвиняютъ въ подготовленіи государственной измѣны по ст. 66 и при этомъ говорятъ, что подготовленіе это состоитъ въ публичномъ возбужденіи посредствомъ рѣчи или сочиненія, а по закону такое возбужденіе само есть лишь извѣстный видъ подготовленія и потому подлежитъ наказанію только въ томъ случаѣ, если подготовляетъ совершенное преступленіе государственной измѣны, возбуждаетъ къ совершенному преступленію государственной измѣны. Выходитъ, слѣдовательно, что меня обвиняютъ—

въ подготовленіи подготовленія государственной измѣны,

т. е. въ преступленіи, совершенно неизвѣстномъ закону, въ подготовленіи во второй степени!

Потому-то такъ и прискорбно это обвиненіе, что старается создать въ этомъ отношеніи преступленіе, неслыханное въ законодательствахъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, crimen novum atque inauditum, преступленіе подготовленія подготовленія государственной измѣны.

Во всѣхъ другихъ преступленіяхъ, господа, подготовленіе никогда не наказывается. Только въ преступленіи государственной измѣны, по его опасности, законъ доходитъ до наказанія самаго подготовленія, хотя это опредѣленіе состоялось не безъ горячаго спора между юридическими писателями насчетъ его теоретической основательности или противорѣчія его принципамъ уголовнаго права. Во всякомъ случаѣ, подготовленіе, наказуемо только тогда, когда подготовляется совершенное преступленіе государственной измѣны, когда подготовленіе состоитъ въ дѣйствіяхъ, непосредственно ведущихъ къ совершенному преступленію. Толковать же ст. 66 въ томъ смыслѣ, что по ней наказанію подлежатъ и подготовленія во второй степени, подготовленія подготовляемой государственной измѣны, — значитъ давать этому законоположенію такой широкій смыслъ, что отъ него житья на свѣтѣ не будетъ.

Тутъ невольно вспоминаются слова нашего поэта:

„Es ist ein rechtes Elend mit dem Hochverrath.
Er ist so schlimm, ja schlimmer selbst als Flöhe!
Allüberall zudringlich hüpft er einem an.
Schneutz' ich die Nase—aber mein! 's ist Hochverrath!
Kratz' ich am Kopfe—wehe mir! 's ist Hochverrath!
Ja selbst in 's Bette leg'ich mich des Nachts mit Angst
Dasz mir ein hochverrätherischer—Traum entfährt“ [1]).

Президентъ. Прошу обвиняемаго не наполнять свою защитительную рѣчь поэтическими изліяніями. Вообще долженъ замѣтить ему, что рѣчь его, кажется, предназначается больше для публики, чѣмъ для суда.

Лассаль. Я охотно прерву здѣсь эту цитату, г. президентъ, тѣмъ охотнѣе, что и по моимъ, и по вашимъ воззрѣніямъ лучше, кажется, смо-

[1]) „Просто бѣда съ государственнымъ преступленіемъ! Это такая скверность, хуже даже блохъ! Она назойливо преслѣдуетъ человѣка на каждомъ шагу. Сморкаю ли носъ—нѣтъ, стой, это государственное преступленіе! Почесываю ли голову—горе мнѣ!—государственная преступленіе! Даже въ постель ночью ложусь со страхомъ, чтобы не вырвалось у меня какого-нибудь государственно-преступнаго сна!“

трѣть на дѣло, которое можетъ представляться такимъ комичнымъ, съ его глубоко-грустной стороны. Если подготовленіе подготовленія наказуемо, то наказуемо и всякое распространеніе разума и познаній. Въ этомъ-то и состоитъ глубокое варварство этого обвиненія! Всякое познаніе несовершенства и возможности усовершенствованія существующаго порядка можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ повести когда-нибудь къ насильственному вооруженному возстанію противъ этого порядка и быть, слѣдовательно, подготовленіемъ государственной измѣны. Всѣ извѣстные въ исторіи перевороты могутъ быть названы результатами предшествовавшихъ побѣдъ разума и распространенія этихъ познаній. Всѣ познанія разума тѣсно соединены между собой, такъ что, если подъ подготовленіемъ мы не будемъ разумѣть только подготовленіе непосредственнаго реальнаго предпріятія, а будемъ говорить о подготовленіи подготовленія, то намъ придется признать самый разумъ преступленіемъ государственной измѣны! Вотъ почему, господа, законъ и признаетъ сочиненіе или рѣчь только тогда подготовленіемъ къ подготовленію государственной измѣны, если они непосредственно ведутъ къ исполненію опредѣленнаго дѣйствія, совершающаго государственную измѣну. Поэтому обвиненіе искажаетъ ст. 66. И по той же причинѣ дѣйствіе, не совершающее непосредственно государственной измѣны, а подготовляющее его, чтобы быть преступнымъ, должно быть реальнымъ дѣйствіемъ, состоящимъ не въ рѣчи или сочиненіи. И потому обвиненіе противъ меня искажаетъ ст. 66.

Третье возраженіе. Ст. 66 искажена еще въ другомъ отношеніи. Въ немъ сказано: „Всякое другое дѣяніе, подготовляющее государственно-измѣнническое предпріятіе". Здѣсь, стало быть, предполагается существованіе „государственно-измѣнническаго предпріятія".

Въ обвиненіи недостаетъ немного, господа,—предпріятія. По закону, должно быть задумано и рѣшено опредѣленное государственно-измѣнническое предпріятіе. Это явствуетъ и изъ самыхъ словъ закона, и, кромѣ того, установлено отчетомъ комиссіи второй палаты въ 1849 году. Такъ у Оппенгейма въ примѣчаніи I къ этой статьѣ говорится:

„Кромѣ того, тутъ предполагается подготовленіе опредѣленнаго государственно-измѣнническаго предпріятія, какія опредѣлены въ ст. 61, 62"— т. е. въ статьяхъ, толкующихъ о совершенномъ преступленіи государственной измѣны. Я говорю, что по закону должно быть задумано и рѣшено опредѣленное государственно-измѣнническое предпріятіе, какое-нибудь объективное дѣйствіе, могущее имѣть слѣдствіемъ ниспроверженіе порядка; долженъ быть составленъ планъ насильственнаго ниспроверженія порядка, и

тогда первымъ шагомъ, подготовляющимъ выполненіе этого плана, будетъ подготовляемое преступленіе государственной измѣны. Здѣсь же нѣтъ предпріятія, т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ всего; нѣтъ ни плана, ни фактовъ, ни помина о выполненіи, о дѣйствіяхъ, долженствующихъ служить къ осуществленію плана—ничего. Обвинительный актъ не только не доказалъ ничего этого, но даже не пытался доказать. Онъ не указалъ никакого предпріятія. Онъ вмѣняетъ мнѣ въ вину постоянно только государственно-измѣннически мысли, хотя такъ и выразиться то по настоящему нельзя, потому что тутъ противорѣчіе въ словахъ!

Господа, кто является къ вамъ съ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ, тотъ долженъ прежде всего доказать двѣ вещи: во-первыхъ, существованіе задуманнаго опредѣленнаго государственно-измѣнническаго предпріятія; во-вторыхъ, существованіе реальнаго дѣйствія, подготовляющаго выполненіе этого предпріятія. Обвинительный актъ даже не пытается удовлетворить первому изъ этихъ требованій; онъ даже не пытается указать вамъ на какое-нибудь опредѣленное государственно-измѣнническое предпріятіе, которое я задумалъ бы и подготовлялъ бы. Онъ толкуетъ все только о ядовитыхъ мысляхъ. Но въ чемъ же, спрашиваю я, состоитъ объективный фактъ преступленія? Покажите мнѣ время, мѣсто и образъ задуманнаго мною государственно-измѣнническаго предпріятія, которое я подготовлялъ своей брошюрой? Не хотѣлъ ли я, напр., взять въ плѣнъ короля по дорогѣ въ оперу, чтобы вынудить у него отмѣну конституціи? Или, можетъ быть, я намѣревался организовать огромныя скопища народа передъ домами министровъ—хотя это было бы еще не настоящее насиліе—и заставить эти массы до тѣхъ поръ кричать: „Долой министерство!“, пока министры эти не подадутъ въ отставку, потому что они слишкомъ вѣрные защитники и поборники конституціи? Или не затѣвалъ ли я поднять вооруженное возстаніе народа во всей странѣ, во всѣхъ провинціяхъ противъ правительства, чтобы принудить его отмѣнить конституцію? — Но правительство отдастъ конституцію и безъ такихъ хлопотъ? Если же все это не то, то скажите мнѣ, гдѣ, когда и какъ затѣвалось это государственно-измѣнническое предпріятіе? Время и мѣсто суть первыя существенныя условія всякаго дѣйствія. Какъ представляетъ себѣ это прокуратура? Въ какое время замышлялъ я выполнить это предпріятіе, въ два года, въ пять, въ десять или въ сто лѣтъ? Въ моемъ „Гласномъ Отвѣтѣ“ Лейпцигскому Комитету,—брошюрѣ, посредствомъ которой я основалъ Общій Германскій Рабочій Союзъ, — я говорю, что намъ надо, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ на то только, чтобы народъ проникся жела-

ніями; а далѣе я говорю тамъ, что тогда правительства недолго будутъ въ состояніи противиться этимъ желаніямъ. Вотъ видите, господа: я говорю „недолго“! Однако сколько же это значитъ? Можетъ быть, десять лѣтъ, а можетъ быть и двадцать, а можетъ быть и сто? Что объ этомъ думаетъ прокуроръ? Далѣе, спрашивается, гдѣ хочу я совершить преступленіе? Здѣсь, въ Берлинѣ? Неужели я уже настолько силенъ здѣсь, что могу поднять оружіе для ниспроверженія конституціи противъ соединенныхъ силъ правительственныхъ войскъ и всѣхъ прогрессистовъ, которые не преминутъ, вѣдь, поспѣшить на помощь правительству, переодѣтые въ милицію? Или на Рейнѣ, что ли, гдѣ, можетъ быть мы могли бы располагать достаточными народными силами, но гдѣ мы не могли бы добраться до правительства и гдѣ у насъ на шеѣ очутились бы всѣ прусскія арміи? Или, можетъ быть, я хотѣлъ захватить врасплохъ въ постеляхъ и нерерѣзать прогрессистовъ, этихъ живыхъ столбовъ конституціи? Или не намѣревался ли я устроить англійскій пороховой заговоръ и взорвать палату депутатовъ? Отчего же, ради всего на свѣтѣ, обвиненіе такъ стыдливо, такъ скромно, что не называетъ моего преступленія? Недавно мы слышали о процессѣ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, происходившемъ въ Парижѣ противъ итальянцевъ Греко, Имнератори и Трабуко. Что же? Развѣ ихъ обвиняли въ покушеніи на жизнь императора Наполеона, ссылаясь лишь на какую-нибудь отвлеченную категорію закона? Французскій судъ, господа, съ хохотомъ или негодованіемъ отвергнулъ бы подобное обвиненіе. Въ обвинительномъ актѣ недостаточно привести категорію закона; въ немъ должны быть указаны конкретные факты, подходящіе подъ законъ. Такъ и было во французскомъ обвинительномъ актѣ; обвиняемые хотѣли бросить бомбы подъ карету Наполеона, когда онъ поѣдетъ въ оперу. Въ этомъ фактическомъ дѣйствіи судья могъ признать законную категорію покушенія на жизнь. Здѣсь же подобныхъ фактовъ не указывается, есть только ссылка на категорію закона! Государственная измѣна, какъ видите, господа, дѣйствительно есть въ этомъ процессѣ; это—государственная измѣна противъ права, совершенная обвиненіемъ!

(Оберъ-прокуроръ встаетъ, чтобы протестовать. Въ тоже время президентъ перебиваетъ обвиняемаго очень громко):

Президентъ. Я долженъ прервать обвиняемаго. Выражаться здѣсь такимъ образомъ рѣшительно нельзя...

Лассаль (прерывая президента еще громче): Свободы моей рѣчи нельзя стѣснять, потому что мнѣ надо возражать на такое неслыханное обвиненіе...

Президентъ (перебивая): Защита не стѣсняется; но Ваше право защиты не уполномочиваетъ Васъ публично оскорблять вашего обвинителя. Вы можете говорить, что, по Вашему, обвиненіе несостоятельно; но называть его „государственной измѣной противъ права“—это упрекъ, котораго я не могу позволить...

Лассаль. Но, г. президентъ, я говорю этимъ...

Президентъ. Мы всѣ очень хорошо понимаемъ, что вы хотите сказать этимъ. Ведите свою защиту нѣсколько спокойнѣе, безъ такого увлеченія, которымъ сами себя горячите.

Лоссаль. Вы говорите мнѣ о большомъ спокойствіи! Но прошу Васъ представить себѣ, что долженъ чувствовать обвиняемый въ виду такого—выражусь помягче—ужаснаго обвиненія, особенно, если онъ отъ природы человѣкъ горячій?

Президентъ. Вы иногда слишкомъ далеко заходите въ своей эксцентричности; старайтесь говорить умѣреннѣе. Продолжайте Вашу защиту.

Лассаль. Четвертое возраженіе мое еще подробнѣе выяснитъ это извращеніе всѣхъ понятій права. Въ обвинительномъ актѣ дѣло представляется такъ: Общій Германскій Рабочій Союзъ есть подготовляемое мною государственно-измѣнническое предпріятіе; или, Общій Германскій Рабочій Союзъ есть дѣяніе, подготовляющее государственно-измѣнническое предпріятіе, а я, съ своей стороны, подготовляю этотъ Союзъ, приглашая вступать въ него. Въ обвинительномъ актѣ мысль эта ясно выражена въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Если бы это было такъ, я прежде всего спросилъ бы: отчего же одинъ я стою передъ судомъ государственнымъ преступникомъ? Гдѣ же мои сообщники? Отчего не судится весь Общій Германскій Рабочій Союзъ? По смыслу обвиненія слѣдовало бы такъ. Но этого сдѣлать, правда, нельзя, потому что Союзъ этотъ совершенно законный, существующій на основаніи законнаго устава и признанный всѣми государственными властями. Его засѣданія всегда происходили публично и въ присутствіи полицейскихъ чиновниковъ. Я принесъ сюда нѣсколько полицейскихъ свидѣтельствъ, которыя пріобщаю къ актамъ. Кромѣ того въ качествѣ президента Союза я сношусь со всѣми властями, между прочимъ, со здѣшнимъ полицейскимъ управленіемъ, въ случаѣ надобности подаю отъ имени Союза письменныя жалобы министру внутреннихъ дѣлъ и нахожу у него правосудіе и защиту, если жалоба оказывается основательной. Это я могу также засвидѣтельствовать оффиціальными документами. Этого мало: вамъ извѣстно, господа, что для распространенія брошюръ надо имѣть разрѣшеніе на уличную продажу ихъ. Я обратился въ полицейское упра-

вленіе за этимъ разрѣшеніемъ, прося выдать его секретарю Союза на право распространенія, раздачи и продажи всѣхъ изданій Союза, и получилъ его. Вы видите, стало быть, господа, что Союзъ этотъ совершенно законенъ и призванъ всѣми государственными властями.

Тутъ прокурору остается сказать только одно: „Да, говоря объективно, Союзъ законенъ и неприкосновененъ; но для тебя, въ твоихъ мысляхъ онъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ для самого себя“. Въ моихъ мысляхъ онъ, по увѣренію прокурора, есть оружіе, которое я кую себѣ, чтобы когда-нибудь насильственно ниспровергнуть имъ государственный порядокъ.

Хотя во всемъ этомъ нѣтъ ни единаго слова правды, но допустимъ на минуту, что это такъ! Оказывается, даже при этомъ худшемъ для меня предположеніи, что настоящій смыслъ обвиненія далеко еще не то, какъ я его формулировалъ выше. Оказывается, что меня обвиняютъ даже не въ подготовленіи подготовленія государственной измѣны, какъ я сказалъ, а въ подготовленіи подготовленія мысли о государственной измѣнѣ! Да, совершенно такъ: подготовленіе подготовленія мысли о государственной измѣнѣ! Первое подготовленіе есть мое воззваніе, которымъ я приглашаю вступать въ Общій Германскій Рабочій Союзъ. Союзъ этотъ опять-таки вовсе не дѣйствіе, подготовляющее государственно-измѣнническое предпріятіе, а самъ по себѣ совершенно законенъ. Но въ моей головѣ онъ подготовляетъ мысль о государственной измѣнѣ. И выходитъ, стало быть, подготовленіе подготовленія мысли о государственной измѣнѣ.

Я сказалъ, что прокуроръ не можетъ представить это дѣло иначе, какъ такъ: Союзъ самъ по себѣ законенъ и дозволенъ, но въ моемъ смыслѣ, въ моемъ зломъ помышленіи онъ—оружіе, которое я кую для совершенія преступленія государственной измѣны.

Положимъ, господа, я дѣлаю себѣ ружье. Я могу сдѣлать изъ него разное употребленіе, могу стрѣлять имъ оленей и дикихъ козъ, но могу и влѣзать съ нимъ на баррикаду, чтобы стрѣлять изъ него въ королевско-прусскую армію. Прокуроръ говоритъ тутъ: онъ сдѣлалъ себѣ ружье, и я утверждаю, что онъ имѣлъ при этомъ не иную какую цѣль, какъ итти на баррикаду. Но, вѣдь, чтобы говорить это, ему слѣдовало бы прежде раскрыть и доказать мои сокровенные помыслы. Доказать тайный замыселъ, какой я могъ имѣть при дѣланіи ружья, ему такъ же невозможно, какъ доказать тайное намѣреніе, съ которымъ я, по его словамъ, учреждалъ Рабочій Союзъ.

Но положимъ, что обстоятельства въ этомъ примѣрѣ еще благопріятнѣе для прокурора. Положимъ, что, дѣлая ружье, я высказался кому-нибудь

въ письмѣ, что дѣлаю ружью, чтобы итти на баррикаду; такимъ образомъ, это намѣреніе было бы доказано. Но было ли бы изготовленіе ружья дѣйствіемъ, подготовляющимъ государственно-измѣнническое предпріятіе? Нѣтъ, такое дѣйствіе оказалось бы только тогда, когда я началъ бы строить ту баррикаду, на которую намѣревался лѣзть съ этимъ ружьемъ.

Другія возраженія я приведу при разборѣ обвинительнаго акта. Они будутъ накопляться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что самыя рѣшительныя мы услышимъ въ концѣ.

Теперь же позвольте мнѣ сдѣлать краткій историческій очеркъ. Въ мартѣ прошлаго года я издалъ извѣстный „Гласный Отвѣтъ" Лейпцигскому Комитету, гдѣ изложилъ планъ основанія Общаго Германскаго Рабочаго Союза и приглашалъ рабочее населеніе Германіи вступать въ него. Это еще не было дѣйствіемъ, подготовлявшимъ государственную измѣну. Брошюра эта продается во всей Пруссіи съ законнаго разрѣшенія.

Въ маѣ я отправился въ Лейпцигъ, гдѣ, дѣйствительно, учредилъ Союзъ. И это еще не было дѣйствіемъ, подготовлявшимъ государственную измѣну. Я возвратился въ Пруссію, назначилъ уполномоченныхъ и организовалъ Союзъ во всѣхъ прусскихъ городахъ, гдѣ только могъ. И тутъ не находили подготовленія къ государственной измѣнѣ. Затѣмъ, въ сентябрѣ я предпринимаю агитаціонную поѣздку, произношу длинныя рѣчи въ Барменѣ, Дюссельдорфѣ, Золингенѣ—все еще нѣтъ подготовленія! Но вотъ оно начинается. Возвратясь съ Рейна, я нашелъ, что берлинская журналистика ужасно налгала объ этихъ событіяхъ, исказила ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. О происшествіи въ Золингенѣ, гдѣ десятитысячная толпа при неумолкаемыхъ виватахъ сдѣлала мнѣ невиданную на Рейнѣ овацію, она разсказывала, что жандармы принуждены были защищать меня отъ народа! Наконецъ, она наговаривала берлинскому рабочему населенію на меня, будто я реакціонеръ.

Настоятельной обязательностью моей было вывести рабочее населеніе изъ обмана. Но какъ было опровергнуть росказни берлинской прессы? Я могъ распространять брошюры; но вы сами знаете, господа, что передъ судомъ народа нельзя допрашивать свидѣтелей. При такихъ обстоятельствахъ я нашелъ чрезвычайно удобнымъ для себя, что одна прогрессистская газета сама напечатала статью, въ которой совершенно отступила отъ тактики лжи, соблюдаемой всею прогрессистскою печатью. Въ этой статьѣ правдиво говорилось о многочисленности и возстаніи моихъ приверженцевъ и объ ихъ энтузіазмѣ. Слухъ о томъ, будто я служу реакціи, осмѣивался какъ выдумка и нелѣпая сказка. Правда, корреспондентъ укра-

силъ свою статью еще разными плодами своей фантазіи; но я не имѣлъ никакого повода ни соглашаться съ ними, ни опровергать ихъ, а тѣмъ менѣе не приходило мнѣ въ голову дѣлать въ моей брошюрѣ юридическихъ признаній. Я могъ только воспользоваться даже этими фантазіями, употребивъ ихъ какъ argumentum a fortiori, и потому перепечаталъ сознанія враговъ безо всякихъ измѣненій.

Вотъ эта-то брошюра, очевидно, имѣвшая цѣлью только вывести берлинскихъ работниковъ изъ обмана на мой счетъ и склонить ихъ ко вступленію въ нашъ Союзъ, и составляетъ будто бы преступленіе подготовленія государственной измѣны. Возможно ли это? Я разберу обвинительный актъ по косточкамъ, и при этомъ сами собой представятся возраженія на него.

Въ немъ говорится (читаетъ):

„Обвиняемый по собственному сознанію есть авторъ брошюры.

„Обнародованіемъ этой брошюры обвиняемый совершилъ дѣяніе, которымъ подготовлялось государственно-измѣнническое предпріятіе, а именно, клонящееся къ насильственному измѣненію прусскаго государственнаго порядка. Въ брошюрѣ этой обвиняемый приглашаетъ берлинскихъ работниковъ ко вступленію въ основанный имъ Общій Германскій Рабочій Союзъ“.

Вотъ, стало быть, къ какому дѣянію воззваніе возбуждаетъ или которое оно подготовляетъ. Странное, право, преступленіе: приглашать ко вступленію въ законно-признанное общество! Отсюда должно бы, по меньшей мѣрѣ, слѣдовать, что общество это само государственно-измѣнническое предпріятіе. Обвиненіе продолжаетъ (читаетъ):

„Цѣль этого Союза есть возстановленіе всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права“.

Но и это—эта цѣль моей цѣли—тоже, вѣдь, не преступленіе. Или, можетъ быть, преступна цѣль въ третьей степени, цѣль цѣли этого избирательнаго права? Можетъ быть, она-то и составляетъ преступленіе насильственнаго измѣненія? Вѣдь, далѣе у меня объясняется, какъ посредствомъ этого избирательнаго права преобразовалось бы современное прусское государство. Но нигдѣ не говорится о насильственномъ возстановленіи этого права; напротивъ того, всеобщее, равное и прямое избирательное право должно прекратить эру насилія и всякое господство класса надъ классомъ. Обвинительный актъ идетъ далѣе (читаетъ):

„Этой цѣли Союза можно достигнуть лишь измѣненіемъ прусской государственной конституціи отъ 31-го января 1850 г., такъ какъ она не признаетъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права“.

Очень логично! Кто желаетъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права, тотъ желаетъ, значитъ, того, чего нѣтъ въ конституціи. Противъ этого съ обвиненіемъ нельзя спорить. Но къ чему тутъ это? Неужели я одинъ во всей Пруссіи не имѣю права находить конституцію неудовлетворительной или дурной? Вѣдь, всѣ остальныя партіи свободно пользуются этимъ правомъ. Очевидно, все дѣло въ средствахъ, какъ произвести это измѣненіе. Положимъ, что я могъ бы убѣдить всѣ 18 милліоновъ прусскаго населенія, что лучше отмѣнить нынѣшнюю конституцію и возстановить всеобщее, равное и прямое избирательное право; было ли бы въ этомъ что-нибудь противозаконное? Очевидно, нѣтъ. Ну, такъ неужели же мнѣ слѣдуетъ ждать, пока въ этомъ не убѣдятся всѣ 18 милліоновъ до послѣдняго дурака? Нѣтъ, господа, въ истинно-умственномъ движеніи можно обойтись безъ этого, не прибѣгая и къ насилію. Для этого нужно только, съ одной стороны, вліять своими принципами на народныя массы, а съ другой, на образованнѣйшее меньшинство націи, и принципы не преминутъ оказать свое дѣйствіе, если только дѣйствительно заключаютъ въ себѣ истину. Вліяніе образованнѣйшихъ представителей націи, въ свою очередь, очень сильно, такъ что длинный путь чрезвычайно сокращается, и нѣтъ надобности ждать согласія послѣдняго дурака изъ 18 милліоновъ населенія.

Блистательный примѣръ этого представляетъ Англія. Въ 1841 г. тамъ началась агитація противъ хлѣбныхъ законовъ и продолжалась до 1846 г. Она велась совершенно народнымъ образомъ. Ричардъ Кобденъ, одѣтый въ бумажную работничью блузу, объѣзжалъ всѣ рабочіе округа Англіи. Всюду созывались народныя массы подъ девизъ: „Дешевый хлѣбъ“, и отмѣна хлѣбныхъ законовъ сдѣлалась спеціально рабочимъ вопросомъ. Въ 1846 г. глава торійскаго министерства, сэръ Робертъ Пиль, до тѣхъ поръ отстаивавшій хлѣбные законы съ точки зрѣнія своей партіи, былъ принужденъ отмѣнить ихъ противъ воли своей партіи.

Меня, за совершенно подобную агитацію прокуроръ обвиняетъ въ государственной измѣнѣ. Въ Англіи ни одинъ прокуроръ не посмѣлъ бы сдѣлать этого. Возымѣетъ ли у насъ избирательный вопросъ такой же исходъ? Поступитъ ли г. фонъ-Бисмаркъ такъ, какъ поступилъ сэръ Робертъ Пиль? Я не имѣю права разбирать здѣсь этотъ вопросъ, хотя ниже еще разъ остановлюсь на немъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не касается моего права производить эту агитацію. Когда Пиль отмѣнилъ хлѣбные законы и въ Нижней палатѣ многіе голоса стали заявлять ему благодарность, онъ сказалъ: „Благодарите не меня, а Ричарда Кобдена“. Меня же вмѣсто того

прокуроръ обвиняетъ въ подготовленіи государственной измѣны! По истинѣ печальная разница между нашими и англійскими порядками.

Президентъ (прерывая). Большая разница также между содержаніемъ настоящаго обвиненія и тогдашнимъ вопросомъ. Здѣсь Васъ обвиняютъ въ намѣреніи низвергнуть конституцію, а тамъ дѣло шло только объ отмѣнѣ одной пошлины. Поэтому прошу Васъ воздержаться отъ этого отклоненія.

Лассаль. Моя агитація, за которую я стою здѣсь въ качествѣ обвиняемаго, и агитація Кобдена совершенно аналогичны, и сравнивать ихъ въ свою защиту я имѣю полное право. Ни одинъ законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ конституціоннымъ постановленіемъ законодательныхъ факторовъ; и въ этомъ отношеніи статья конституціи по существу не имѣетъ никакого преимущества надъ простымъ закономъ. Мы имѣемъ много рѣшеній Верховнаго Суда, приписывающихъ, наоборотъ, конституціи меньше силы, чѣмъ отдѣльнымъ законоположеніямъ. Я полагаю, что въ юридическомъ отношеніи не можетъ быть ничего священнѣе закона.

Президентъ. Не угодно ли Вамъ продолжать свою защиту.

Лассаль. Итакъ, я говорю, что, чего бы впрочемъ ни предстояло ожидать въ Пруссіи въ этомъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, такая агитація есть безусловная обязанность всякаго демократа. Предположите даже, что современемъ у насъ явится правительство, которое само захочетъ возстановить всеобщее, равное и прямое избирательное право. Вѣдь оно будетъ не въ состояніи сдѣлать этого, если не найдетъ общественнаго мнѣнія достаточно подготовленнымъ. Въ процессѣ въ Королевской Судебной Палатѣ я указалъ разительный примѣръ этого. Я показалъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, какъ въ 1849 г. министерство Мантейфеля хотѣло произвести полную революцію въ податной системѣ,—отмѣнить косвенные налоги и ввести прямые. Но первый же проектъ закона, внесенный имъ въ палаты, получилъ въ одной—очень слабое большинство, а въ другой провалился; всѣ газеты напали на него съ ожесточеніемъ и чуть не разорвали въ клочки. Вслѣдствіе всего этого министерство было принуждено отказаться отъ проекта, о которомъ само говорило, что „правительство Е. В. Короля давно считало эту реформу настоятельнѣйшимъ требованіемъ времени“. Послѣ 9-ти мѣсячной борьбы оно объявило, что „послѣ такихъ заявленій оно не можетъ разсчитывать на достаточную поддержку своего проекта со стороны общественнаго мнѣнія, безъ чего невозможно его осуществленіе“.

И съ этимъ вздохомъ г. фонъ-Мантейфель распростился съ пректомъ, который его же инистерство считало настоятельнѣйшимъ требованіемъ вре-

мени. Вы видите, стало быть, господа, что необходима энергическая агитація и обработка общественнаго мнѣнія даже для того, чтобы имѣть возможность хотя бы въ будущемъ вводить подобныя великія благодѣтельныя мѣры и учрежденія. Обвиненіе продолжаетъ (читаетъ):

„Что касается средствъ, которыми Рабочій Союзъ хочетъ достигнуть этого преобразованія государства, то въ уставѣ Союза, правда, говорится, что надо дѣйствовать мирнымъ и законнымъ путемъ, посредствомъ склоненія общественнаго мнѣнія въ пользу возстановленія всеобшаго, равнаго и прямого избирательнаго права“.

Обвиненіе старается, кажется, внушить мысль о существованіи разницы между тѣмъ, что сказано въ уставѣ Союза въ виду судящихъ его властей, и тѣмъ, что я говорю работникамъ въ нашихъ бесѣдахъ между собой. Но всѣ наши засѣданія гласны; можетъ ли прокуроръ показать мнѣ полицейскій протоколъ, обвиняющій меня въ произнесеніи на нашихъ собраніяхъ иныхъ рѣчей, чѣмъ какихъ можно ожидать по нашему уставу? Чтобы окончательно убѣдиться въ несправедливости этого подозрѣнія, подсказываемаго обвиненіемъ, загляните въ тотъ самый „Гласный Отвѣтъ“, въ которомъ я изложилъ планъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза и приглашалъ рабочее населеніе вступать въ него. Вы увидите, что параллель, которую я только-что провелъ между своей агитаціей и англійскимъ движеніемъ противъ хлѣбныхъ законовъ, взята мною здѣсь не какъ средство защиты, но что и въ „Гласномъ Отвѣтѣ“ я точно также ссылаюсь на нее, чтобы показать рабочимъ, какимъ путемъ можно добиться возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Въ этой брошюрѣ я говорю:

„Взгляните на Англію!—Болѣе пяти лѣтъ продолжалось великое движеніе англійскаго народа противъ хлѣбныхъ законовъ. Кончилось тѣмъ, что имъ пришлось пасть, что само торійское министерство было принуждено отмѣнить ихъ! — Организуйтесь въ общій германскій рабочій союзъ съ цѣлью законной и мирной, но неутомимой, непрестанной агитаціи для введенія во всѣхъ германскихъ земляхъ всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. Какъ скоро въ этомъ союзѣ будетъ хотя 100,000 нѣмецкихъ работниковъ, онъ станетъ силой, которую каждому придется уважать. Призовите къ нему всѣхъ; пусть дойдетъ вашъ призывъ въ каждую мастерскую, въ каждую деревню, въ каждую хижину! Пусть городскіе работники сообщатъ сельскимъ свое высшее пониманіе и образованіе. Говорите, разсуждайте всюду, ежедневно, неустанно, безпрерывно, въ мирныхъ общественныхъ собраніяхъ и частныхъ сходкахъ, вездѣ настаивайте на необходимости всеобщаго и прямого избирательнаго права, подобно великой

англійской агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ. Чѣмъ больше милліоновъ голосовъ повторятъ ваше требованіе, тѣмъ громче раздастся оно въ ушахъ тѣхъ, къ кому обращено“ (стр. 84 наст. тома).

Вы видите, стало быть, господа, что я говорю въ агитаціонныхъ изданіяхъ Союза буквально тоже, что здѣсь, въ защитительной рѣчи, и что въ нихъ говорятся тоже самое, что предначертано уставомъ. Мы составляемъ союзъ агитаціи для завоеванія общественнаго мнѣнія.

Что же говоритъ обвиненіе далѣе? Признавъ само, что по уставу мы предполагаемъ держаться мирнаго и законнаго пути, оно продолжаетъ такъ (читаетъ):

„Но изъ брошюры явствуетъ, что за этимъ средствомъ скрывается другое, которое и составляетъ истинную цѣль союза, а именно, сперва повліять на правительство и на враждебныя политическія партіи сильнымъ соединеніемъ работниковъ, а если этого понудительнаго вліянія окажется недостаточно для того, чтобы произвести измѣненіе порядка, то въ случаѣ надобности употребить для этой цѣли и физическую силу“.

Господа! Тутъ слова правды нѣтъ, какъ я ниже докажу еще подробнѣе. Но положимъ, что это правда; что же изъ этого слѣдуетъ? Обвиняютъ ли меня въ подготовленіи государственной измѣны? Нѣтъ, меня обвиняютъ въ подготовленіи, въ случаѣ надобности, государственной измѣны. Вы видите, это подлинныя слова обвиненія: „въ случаѣ надобности употребить для этой цѣли и физическую силу“. Меня обвиняютъ въ подготовленіи дѣла, которое, можетъ быть, будетъ государственнымъ преступленіемъ, а можетъ быть и не будетъ, смотря по послѣдующимъ обстоятельствамъ, смотря по послѣдующему усмотрѣнію моему! Что же это за странное обвиненіе?!

Не вижу причины, почему мнѣ утомлять васъ, господа судьи, представляя вамъ свои возраженія въ той скучной формѣ, которая свойственна юриспруденціи, какъ таковой. Я могу гораздо болѣе заинтересовать васъ, облекши ихъ въ эстетическую форму, которая ни мало не повредитъ ихъ юридическому достоинству. Если бы дѣло было дѣйствительно такъ, какъ представляетъ его обвинительный актъ, то я нахожусь въ томъ интересномъ состояніи духа, въ какомъ Шиллеръ въ трагедіи „Смерть Валленштейна“ изобразилъ своего героя. Валленштейнъ у Шиллера ведетъ дѣло такъ, чтобы имѣть возможность въ данную минуту распорядиться имъ, въ какую угодно сторону—à deux mains: захочетъ—за императора и имперію, захочетъ — противъ нихъ. Какъ распорядиться, онъ самъ еще не

рѣшилъ. Въ извѣстномъ монологѣ въ самомъ началѣ трагедіи онъ самъ описываетъ свое состояніе духа:

„Такъ неужели возможно это? Дѣлать
Что я хочу, нельзя ужъ больше мнѣ?
Итти назадъ, коль это мнѣ угодно,
Уже нельзя?.. [1]).

Президентъ (прерывая). Я уже замѣтилъ обвиняемому, чтобы онъ не тратилъ наше время на поэтическія декламаціи.

Лассаль. Г. президентъ! Развѣ наши великіе поэты, развѣ Шиллеръ запрещенъ въ этой Палатѣ?

(Президентъ говоритъ что-то обвиняемому, который громкимъ голосомъ, покрывающимъ слова президента, продолжаетъ)

Лассаль. ...Это очень важное для меня мѣсто; въ немъ геніально выраженъ вопросъ, который теперь занимаетъ насъ. Вы обязаны выслушать его.

(Президентъ молчитъ въ ожиданіи).

Лассаль

...„Исполнить долженъ я
Лишь потому, что думалъ я исполнить,
Что отъ себя не оттолкнулъ соблазнъ,
Что сердце я питалъ мечтою этой,
Что средства пріобрѣлъ осуществить
Невѣрный планъ и только путь открытымъ
Держалъ передъ собой! Клянусь Творцомъ
Всевидящимъ—я никогда серьезно
Не помышлялъ объ этомъ, никогда
Не принималъ я твердаго рѣшенья
И мыслью той лишь тѣшилъ самъ себя.
Свобода и владычество служили
Приманкой мнѣ“... [2]).

Вы видите, господа, что прокурору слѣдовали бы поучиться у поэта. Преступленіе должно быть „рѣшеннымъ дѣломъ“. Валленштейнъ говоритъ: „Никогда не принималъ я твердаго рѣшенія“. Поэтому, когда въ концѣ монолога онъ приказываетъ ввести Врангеля, онъ самъ характеризуетъ положеніе дѣла, говоря, устремивъ взоръ на дверь:

---

[1]) Переводъ П. И. Вейнберга и О. Н. Чюминой. См.: Сочиненія Шиллера. Редакція С. А. Венгерова. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ.

[2]) Ibidem.

„Еще чиста! Измѣна
Преступная еще не перешла
Ея порогъ... Вотъ, жизнь, какою узкой
Границею дороги двѣ твои
Раздѣлены!“ [1])

Въ психологическомъ смыслѣ граница, раздѣляющая два жизненные пути, быть можетъ, очень узка; но въ юридическомъ—это цѣлая пропасть, пропасть между дѣйствіемъ и недѣланіемъ!

Вы помните, что въ этомъ разговорѣ съ Врангелемъ Валленштейнъ не рѣшается на государственную измѣну. Его удерживаетъ патріотизмъ. Онъ даже рѣшается на противное и возвѣщаетъ свое рѣшеніе своимъ приближеннымъ, Илло и Терцкому:

„Послушайте, покамѣстъ
Нѣтъ ничего рѣшеннаго—и я,
Все взвѣсивши, предпочитаю лучше
Не дѣйствовать“ [2]).

Тутъ къ нему подходитъ графиня Терцкая. Она истощаетъ передъ нимъ все свое демоническое краснорѣчіе, и Шиллеръ показываетъ намъ его ходящимъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ сильнѣйшей душевной борьбѣ. Вдругъ онъ останавливается, и раздается приказаніе:

„Пошлите
Мнѣ Врангеля и три курьера пусть
Немедленно сѣдлаютъ!“ [3]).

Вы видите, господа, вотъ первая минута, когда прокуроръ могъ бы вторгнуться въ трагедію со своимъ аккомпанментомъ. Но, вѣдь, я Врангеля еще не звалъ, не приказывалъ гонцамъ сѣдлать, и потому убѣдительно прошу прокурора подождать, вздумается ли мнѣ и когда вздумается сдѣлать это, а до тѣхъ поръ не вламываться со своимъ аккомпаниментомъ!

Обвиненіе продолжаетъ (читаетъ):

„Сущность этой статьи состоитъ въ раскрытіи настоящей цѣли“... (самъ себя прерывая):

Господа! Авторъ этой статьи ничего не можетъ раскрывать. Онъ мо-

---

[1]) Переводъ П. И. Вейнберга и О. Н. Чюминой. См.; сочиненія Шиллера. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Акц. Общ. Брокаузъ Ефронъ.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

жетъ выражать только свои догадки, свои ни для кого не обязательныя, можетъ быть, вѣрныя, а можетъ быть, вздорныя догадки (продолжая читать):

„... настоящей цѣли рабочаго движенія, организованнаго обвиняемымъ; объясненіе это заимствуется изъ обнаружившагося характера устроенныхъ имъ рабочихъ собраній на Рейнѣ. Въ статьѣ высказывается опасеніе, что крайніе элементы партіи прогрессистовъ отрекутся отъ нея и бросятся въ объятія общему германскому рабочему движенію „потому что она пугается борьбы съ короной,—а, вѣдь, въ этомъ-то состоитъ смыслъ всего столкновенія“. Цѣль же рабочаго движенія состоитъ въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго порядка“.

Нѣтъ! Даже и въ статьѣ „Южно-Германской Газеты“ не говорится, чтобы такова была цѣль рабочаго движенія; говорится совершенно другое. Въ ней говорится о насъ, что мы—люди, отъ которыхъ можно ожидать при такихъ-то обстоятельствахъ того-то; что такова наша природа. Въ ней говорится: если-бы существовала Лассалевская рабочая армія, то въ нынѣшнемъ строѣ Германіи не уцѣлѣло бы камня на камнѣ. Но статья не говоритъ, что мы имѣемъ цѣлью собрать и снарядить такую армію; она не обвиняетъ меня въ организаціи такой арміи для указанной ею цѣли. Она только разсуждаетъ о нашей природѣ съ психологической точки зрѣнія. Но за то, какова наша природа, мы не отвѣтственны передъ судомъ; мы отвѣтственны только за цѣли, которыя преслѣдуемъ извѣстными дѣйствіями. Подобныхъ же цѣлей намъ не приписываетъ даже эта статья. Съ игривостью воображенія, свойственною газетному писакѣ, авторъ этой статьи дѣлаетъ всевозможныя предположенія и разсуждаетъ, между прочимъ, о томъ, что могло бы случиться, если-бы я предводительствовалъ арміей. Увѣряю васъ, господа, что я еще самъ не подумалъ о томъ, что буду дѣлать, если когда-нибудь сдѣлаюсь главнокомандующимъ рабочей арміи (тутъ президентъ не можетъ удержаться отъ улыбки), а, тѣмъ менѣе, могу я отвѣчать передъ судомъ за такія мысли и предположенія.

„Обвиняемый—продолжаетъ обвиненіе—дѣлаетъ видъ будто сообщаетъ эту статью только въ доказательство работникамъ, что и противники его прогрессисты, признаютъ въ газетахъ, не читаемыхъ рабочими, что онъ не реакціонеръ. Но въ дѣйствительности“... (прерывая себя):

Г. прокурору это, конечно, извѣстно гораздо лучше, чѣмъ мнѣ самому! (Читаетъ дальше):

„...но въ дѣйствительности онъ имѣлъ въ виду этимъ косвеннымъ раскрытіемъ своихъ истинныхъ цѣлей склонить рабочихъ ко вступленію въ Рабочій Союзъ“.

Опять за тоже! Будетъ ли подготовленіемъ къ государственной измѣнѣ, если я стану кого-нибудь приглашать ко вступленію въ дозволенное общество? Въ этомъ обвиненіи все какъ-то странно перепутано. Государственная измѣна есть такое преступленіе, которое берется за недозволенные поступки, вслѣдствіе воззрѣній, быть можетъ, вполнѣ дозволительныхъ. Вспомните, напр., ту форму государственной измѣны, которая очень часто встрѣчалась въ прошлые вѣка и теперь еще можетъ встрѣтиться, напр., въ Шлезвигъ-Гольштиніи. Это именно тотъ случай, когда человѣкъ по уважительнымъ юридическимъ и генеалогическимъ соображеніямъ убѣжденъ, что царствующій домъ владѣетъ престоломъ не по праву, что есть другое лицо, имѣющее больше правъ царствовать. Это мнѣнія вполнѣ дозволительныя, но, тѣмъ не менѣе, если на основаніи этихъ дозволительныхъ мнѣній будетъ приступлено къ извѣстнымъ недозволеннымъ дѣйствіямъ, то это будетъ—государственной измѣной.

Меня же обвиняютъ, наоборотъ, въ томъ, что я вслѣдствіе въ высшей степени недозволительныхъ убѣжденій возбуждалъ — къ дозволительному дѣйствію!! Странное преступленіе, и это-то и есть государственная измѣна!

Еще въ другомъ отношеніи обвинительный актъ мнѣ совершенно не понятенъ. Неужели онъ не чувствуетъ, что эта брошюра, мое воззваніе къ работникамъ, никакъ не можетъ быть corpus delicti моихъ намѣреній, какъ онъ самъ представляетъ ихъ, а развѣ самое большее, доказательствомъ ихъ? Если-бы меня обвинили на основаніи организаціи Общаго Германскаго Рабочаго Союза, если-бы меня обвинили въ томъ, что организаціей этого Союза я подготовлялъ государственную измѣну, тогда обвинитель могъ бы попытаться доказать посредствомъ моей брошюры, какое употребленіе хотѣлъ я сдѣлать изъ Союза. Но сама эта брошюра, долженствующая, по смыслу самого обвиненія, быть только доказательствомъ моихъ намѣреній, никакъ не можетъ быть объективнымъ фактомъ государственнаго преступленія. Стало быть, все обвиненіе поставлено неправильно; брошюра можетъ доказывать мои намѣренія въ другихъ дѣйствіяхъ, но сама никакъ не можетъ быть объективнымъ фактомъ преступнаго дѣйствія. Она должна только указывать съ какими мыслями организовалъ я Общій Германскій Рабочій Союзъ; но меня не обвиняютъ за его основаніе!

Далѣе обвиненіе замѣчаетъ:

„Слѣдующее мѣсто доказываетъ, что онъ дѣйствительно считаетъ революціонную точку зрѣнія хорошимъ средствомъ располагать къ себѣ рабочихъ“.

Господа! Я могъ употреблять слово „революція“ въ научномъ смыслѣ. Самъ прокуроръ не отрицаетъ совершенной неприкосновенности этого значенія. Но онъ возражаетъ, что рабочимъ оно неизвѣстно.—Онъ ошибается! Рабочіе читаютъ мои сочиненія и знакомы съ этимъ значеніемъ уже по моей „Программѣ работниковъ“ и по моей защитительной рѣчи. „Наука и работники“, въ здѣшнемъ Уголовномъ Судѣ.

Чрезвычайно удивила меня попытка обратиться даже къ воспоминаніямъ 1848 г., къ пресловутому протоколу, который вамъ прочли здѣсь. Прежде всего замѣчу слѣдующее: оберъ-прокуроръ считаетъ меня, кажется, отвѣтственнымъ за выраженія протокола; если считаетъ, то ошибается. Я не знаю, откуда взялся этотъ протоколъ; онъ составленъ не на судебномъ слѣдствіи. Притомъ, могутъ ли эти отрывочныя фразы вѣрно передать сущность защитительной рѣчи, длившейся часовъ пять въ полномъ собраніи суда? Какой нибудь писецъ составилъ этотъ протоколъ въ нескладныхъ и нелѣпыхъ выраженіяхъ, и я рѣшительно отказываюсь отъ всякой отвѣтственности за него. Я уже сказалъ, какъ было дѣло. Въ столкновеніи 1848 г. я призывалъ народъ къ вооруженной защитѣ національнаго собранія. Времена тоже были очень смутныя. Вся страна была раздѣлена на двѣ враждебныя, боровшіяся между собой, партіи. И вотъ является прокуроръ и старается внушить вамъ мысль, что такъ какъ въ ноябрѣ 1848 г. я призывалъ народъ къ оружію противъ тогдашняго правительства, то и впослѣдствіи каждую минуту долженъ быть готовъ схватиться за оружіе, какъ будто тогдашнее столкновеніе было нормальнымъ положеніемъ опредѣляющимъ и нынѣшнія отношенія. Лучше не вспоминать о тогдашнихъ временахъ, господа! Вѣдь, тогда Королевская Судебная Палата въ первые дни ноябрьскаго столкновенія сама распорядилась немедленно освободить арестованныхъ, находя незаконнымъ осадное положеніе, которому подвергъ Берлинъ королевскій генералъ фонъ-Врангель. Слѣдовательно, не будемъ вспоминать этого!.

(Прокуроръ и нѣкоторые старѣйшіе члены суда, Готшмидтъ и Грейнъ, встаютъ и протестуютъ противъ справедливости и умѣстности этихъ словъ).

Лассаль (возвысивъ голосъ). Я читалъ это въ тогдашнихъ газетахъ, и этого никогда впослѣдствіи не опровергали. Тогда писали, что трое или четверо, первыхъ арестованныхъ правительствомъ, были немедленно освобождены Судебною Палатою. Я читалъ также, что Судебная Палата...

Судья г. Гутшмидтъ (прерывая, кричитъ:) Неправда, что Судебная

Палата порицала, какъ незаконное, осадное положеніе, введенное въ Берлинѣ генераломъ фонъ-Врангелемъ.

Президентъ. Ваши газеты были плохимъ источникомъ. Но прошу Васъ избѣгать подобныхъ, неидущихъ къ дѣлу, отклоненій; оии нисколько не помогаютъ дѣлу. Къ чему вы задѣваете тутъ мимоходомъ и Судебную Палату?

Лассаль. Неужели Вы не замѣчаете, г. президентъ, что оказываете мнѣ тяжкую несправедливость и очень важно перетолковываете мои слова? Перетолковываніе заключается вотъ въ чемъ: Я хотѣлъ только сказать, что во время такого сильнаго волненія, какъ въ ноябрѣ 1848 г., во время минутнаго междоусобія, когда вся нація раздѣлилась на два враждебные лагеря, каждый побуждался къ поступкамъ, которые не могутъ повторяться постоянно, въ любое время и безъ такого побужденія. Говоря это, я только хотѣлъ оградить себя противъ той логики, которая на основаніи поступка, совершеннаго въ такое чрезвычайно-критическое время, какъ ноябрскіе дни 1848 г., заключаетъ, что это долженъ быть обычный образъ дѣйствій.

Обвинительный актъ навязываетъ мнѣ отвѣтственность за газетную статью на томъ основаніи, что въ воззваніи я говорю (читаетъ):

„Хотите ли вы услышать все сказанное мною изъ устъ самихъ противниковъ моихъ, прогрессистовъ? Хотите ли посмотрѣть, какъ они сами подтверждаютъ все, что я говорилъ вамъ до сихъ поръ, когда толкуютъ или пишутъ между собой и другъ для друга? Хорошо, я вамъ сейчасъ докажу и это стр. 257.

Но, вѣдь, я говорю здѣсь очень ясно: все, что я говорю, говоритъ и эта статья. Но что я не подтверждаю всего, что говорится въ статьѣ, ясно уже изъ того, что, процитировавъ ее, я вслѣдъ затѣмъ отмѣчаю тѣ пункты, которые хотѣлъ доказать этой цитатой, а именно: во-первыхъ, многочисленность моихъ приверженцевъ, во-вторыхъ, ихъ энтузіазмъ, въ-третьихъ, постоянное возрастаніе ихъ, въ-четвертыхъ, прежнюю непріязнь фабрикантовъ къ Шульце-Деличу и нелѣпость выдумки, будто я служу реакціи. Вся эта внутренняя связь выражена въ брошюрѣ очень ясно и обстоятельно вслѣдъ за цитатой.

Къ моему удивленію обвинительный актъ подчеркиваетъ слова моей брошюры: „Истинный характеръ рейнскихъ собраній“. Я понимаю подъ этимъ достойный, восторженный характеръ этихъ собраній. Обвинительный актъ утверждаетъ, далѣе, что я называю описаніе этихъ собраній въ статьѣ совершенно вѣрнымъ, а статья говоритъ о нихъ, что

„они уже теперь представляютъ собою народное движеніе, опирающееся на физическую силу“. Я просто не могу понять этого. Господа! Развѣ на собраніяхъ этихъ было уже начало исполненія преступленія? Гдѣ же производятся процессы по этимъ государственнымъ преступленіямъ? Или, можетъ быть, это явствуетъ изъ приключенія съ пивными кружками, брошенными въ физіономіи нѣкоторыхъ прогрессистовъ? Можетъ быть, это—преступленіе государственной измѣны?

„Впрочемъ, не косвенно только“, продолжаетъ обвинительный актъ, „сообщеніемъ этой статьи высказываетъ обвиняемый свое намѣреніе прибѣгнуть въ случаѣ надобности къ силѣ для достиженія своей цѣли. Въ заключеніе своей брошюры онъ уговариваетъ рабочихъ вспомнить о своихъ великихъ покойникахъ 1848 г.“... (прерывая себя):

Вотъ, господа, то преступленіе, объ изобрѣтеніи котораго съ такимъ презрѣніемъ говоритъ Тацитъ и которое состоитъ въ томъ, что человѣкъ хвалилъ Брута и Кассія! Буду продолжать читать это разсужденіе обвиненія, съ трудомъ удерживая свое негодованіе. (Читаетъ:)

„...и даетъ понять, что вся разница между тогдашнимъ народнымъ движеніемъ и организованнымъ имъ рабочимъ движеніемъ состоитъ въ томъ, что послѣднее должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ не тотчасъ, а тогда только, когда окажется недостаточнымъ имѣющееся въ виду на первый случай средство устрашенія правительства внушительнымъ сборомъ рабочей арміи“.

Повторяю, мнѣ очень трудно оставаться въ угодныхъ вамъ предѣлахъ спокойствія, говоря объ этомъ мѣстѣ обвиненія. Что сказать объ обвинительномъ актѣ, который ухитряется трижды исказить одинъ и тотъ же фактъ. Вѣдь я говорилъ какъ разъ противное, что не надо прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ. Я говорю „пока“ и „не“; а онъ дѣлаетъ изъ этихъ словъ „не тотчасъ“, но это цвѣточки. Второе искаженіе еще важнѣе. Онъ прямо приписываетъ мнѣ мысль, что слѣдуетъ приняться за насильственныя мѣры. Въ какихъ словахъ, на какой страницѣ выразилъ я это? Вѣдь это уже черезчуръ, господа! Онъ смѣло говоритъ (читаетъ:)

„должно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ только тогда“ и т. д.

Такимъ образомъ, онъ приписываетъ мнѣ не только положительное выраженіе этой мысли, но даже указаніе срока. Далѣе: когда я говорилъ, что хочу собрать рабочую армію? Никогда, господа! О рабочей арміи говорила „Южно-Германская Газета“, да и то не говорила, что я хочу или буду собирать ее, а сказала только: если-бы существовала Лассалевская

рабочая армія, то политическому строю Германіи пришлось бы плохо. Этими словами она хотѣла только выразить свое мнѣніе о нашихъ наклонностяхъ, а обвинительный актъ исподтишка превращаетъ это въ фактъ, что я намѣревался собрать рабочую армію.

Тутъ обвиненіе ссылается на мои заключительныя слова, будто бы подтверждающія все, что оно утверждаетъ; я прочту ихъ, именно, чтобы показать, какія ужасныя штуки дѣлаетъ со мной обвиненіе (читаетъ):

„И тогда приходилось строить барикады,—теперь же все дѣло пока только въ томъ, чтобы законно дозволеннымъ вступленіемъ въ нашъ Союзъ, величавымъ обнаруженіемъ нашей численности и единодушія занять положеніе, которое будетъ имѣть громадное вліяніе и на правительство, и на самихъ прогрессистовъ и дастъ новый оборотъ развитію нашего народа“ (стр. 272).

Слѣдовательно, я упоминаю о насиліи только для того, чтобы сказать, что его не нужно. И на это-то прокуроръ ссылается! Я говорю отрицательно, теперь не надо насилія. Что же надо? Оба эти предложенія и положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ я слагаю въ положеніе: „Теперь дѣло пока только въ томъ, чтобы оказать извѣстное нравственное вліяніе образованіемъ многолюднаго закономъ дозволеннаго Союза“.

Но предположимъ, что въ моей душѣ дѣйствительно сидѣли всѣ тѣ мысли, которыя прокуроръ подглядѣлъ тамъ. Какой упрекъ можно было бы вывести изъ этого противъ меня кромѣ того, что я не закаялся на вѣчныя времена дѣлать революцію? Итакъ, это отрицательное дѣйствіе, что я не далъ вѣчнаго заклятія дѣлать революцію, составляетъ, по обвиненію, мое государственное преступленіе, господа!

Итакъ, я разобралъ всѣ отдѣльные пункты обвиненія, и вы видите, господа, что въ нихъ нельзя найти ни слѣда виновности, даже допустивъ, что все, что оно утверждаетъ, буквально вѣрно. Но можетъ ли быть тутъ хотя одно слово правдой? Другими словами: въ чемъ же состоитъ политическое или—что тоже—фактическое основаніе обвиненія?

Увы! политическія соображенія такъ же не дались прокурору, какъ и юридическія!

Въ настоящее время политическое положеніе нашей страны таково, что въ ней существуютъ три большія партіи: 1) партія прогрессистовъ или партія либеральной буржуазіи; 2) правительственная партія, подъ именемъ которой я разумѣю всѣ оттѣнки консервативной партіи, и 3) партія, которой я имѣю честь руководить—собственно народная партія.

При такомъ положеніи дѣлъ для моей партіи, очевидно, ничего не можетъ быть выгоднѣе, какъ чтобы ни одна изъ первыхъ двухъ не могла

окончательно одолѣть другую и чтобы, такимъ образомъ, обѣ онѣ были принуждены дорожить, каждая по-своему, народомъ, цѣнить рѣшающій вѣсъ третьей партіи.

У прогрессистовъ это выражается тѣмъ, что радикальнѣйшій оттѣнокъ ихъ, какъ показываетъ вамъ статья „Южно-Германской Газеты", хотя еще борется противъ меня, но помышляетъ уже перейти на мою сторону.

Это стремленіе къ сближенію еще рѣшительнѣе въ консервативной партіи и въ правительствѣ въ силу одного древняго закона исторіи. Законъ этотъ, многократно подтверждавшійся въ Англіи и Франціи, состоитъ въ томъ, что всѣ крайнія партіи всегда имѣютъ естественное влеченіе другъ къ другу противъ средней партіи, какое-то естественное сродство между собой, нѣчто вродѣ химическаго сродства.

Это обнаружилось у насъ въ высшей степени со стороны всѣхъ фракцій консервативной партіи. Консервативная партія постоянно поддерживала меня въ своихъ собраніяхъ и въ своей прессѣ (въ „Крестовой Газетѣ.", „Всеобщемъ Народномъ Листкѣ", „Берлинскомъ Обозрѣніи" и т. д.).

Такъ, напр., глава консервативной партіи, г. юстицратъ Вагнеръ, въ засѣданіи 22 іюня прошлаго года рѣшительно требовалъ законнаго опредѣленія размѣра заработной платы, съ тѣмъ притомъ, чтобы размѣръ ея былъ опредѣляемъ особыми совѣтниками (т. наз. Gewe rberathe), избранными при участіи самихъ рабочихъ.

Говоря о соціальныхъ стремленіяхъ, онъ разсуждаетъ такъ: „Это выражается и въ теоріяхъ Лассаля, который хочетъ доставить рабочему сословію участіе въ правленіи посредствомъ всеобщаго избирательнаго права. Тѣмъ не менѣе, дѣло это, само по себѣ, справедливо и мы до тѣхъ поръ ничего не достигнемъ въ этой сферѣ, пока сословіе это дѣйствительно не будетъ имѣть своего представительства въ правленіи".

Въ заключеніе онъ говоритъ: „Если вы согласны съ этимъ, то изъ послѣднихъ соображеній выходитъ то, что заключается въ программѣ Лассаля, т. е., что правительство должно до извѣстной степени признать свое обязательство помочь рабочимъ своей гарантіей и дать имъ возможность самимъ сдѣлаться предпринимателями".

Въ засѣданіи народнаго союза 10 октября (см. „Крестовую Газету", № отъ 25 окт.) онъ говорилъ о конституціи: „Я смѣло утверждаю, что прусская конституція въ нынѣшнемъ своемъ видѣ ни въ комъ не имѣетъ опоры, кромѣ какъ въ совѣсти прусскихъ королей. Для однихъ ея слишкомъ мало, для другихъ слишкомъ много; т. е. прусскія партіи раздѣляются на желающихъ ограничить конституцію и на желающихъ расширить ее во всякомъ

случаѣ передѣлать. Той же конституціи, которая теперь существуетъ по буквѣ закона, никто въ сущности не желаетъ". Въ заключеніе, онъ требуетъ даже всеобщаго и прямого избирательнаго права, хотя, конечно, посвоему, съ сословнымъ оттѣнкомъ. Онъ говоритъ: „я, съ своей стороны, не обинуясь, скажу, что для меня нашъ нынѣшній избирательный законъ недостаточно либераленъ и свободенъ; я желаю такого избирательнаго закона, въ которомъ ожили бы и осуществились бы идеи древняго германскаго права, а именно всеобщее и прямое избирательное право, организованное съ уваженіемъ къ правдѣ, но, понятно, по сословіямъ".

Итакъ, вы видите, господа, что г. юстицратъ Вагнеръ точно такъ же желаетъ перемѣны конституціи, какъ и я. Какъ и я, онъ требуетъ всеобщаго и прямого избирательнаго права. Гдѣ же равенство передъ закономъ? Отчего прокуроръ мѣряетъ насъ разной мѣркой и разными вѣсами? Отчего онъ только меня преслѣдуетъ обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ.

Само правительство еще рѣшительнѣе идетъ къ сближенію съ моей партіей. Прочтите напримѣръ передовую статью, недавно помѣщенную въ оффиціозномъ органѣ нашего президента министровъ.

Въ передовой статьѣ „Сѣверо-Германской Газеты" № отъ 27 февраля текущаго года, приводится слѣдующая цитата изъ одной бельгійской газеты моей партіи:

„Нѣкоторые благонамѣренные люди думаютъ, не смѣя однако говорить этого вслухъ, что лица, выдвинутые революціей 1830 г., сошли со сцены; что владычествующая надъ нами буржуазія не стоитъ на высотѣ своего времени; что народъ, рабочіе, словомъ, пролетаріатъ не имѣетъ представительства ни въ общинныхъ, ни въ провинціальныхъ совѣтахъ, ни въ палатахъ; что конституція можетъ быть совершенствуема, подобно всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ, и что ее необходимо немедленно измѣнить, главное, въ ея избирательномъ законѣ. Люди эти прибавляютъ, что новыя обстоятельства требуютъ и новыхъ дѣятелей и что мелкія націи гибнутъ навѣрно скорѣе отъ недостатка мужества, чѣмъ отъ излишней смѣлости".

На это „Сѣверо-Германская Газета" замѣчаетъ уже отъ себя:

„Мы безъ сомнѣнія не разъ еще будемъ имѣть случай говорить о томъ странномъ зрѣлищѣ, которое представляетъ теперь Бельгія; пока достаточно этого отзыва бельгійской газеты, требующей, какъ послѣдняго средства спасенія, представительства пролетаріата въ общинныхъ и провинціальныхъ совѣтахъ и въ палатахъ. А Шульце съ Миллерами, тетушка Фоссъ и всѣ прочіе органы прогрессистовъ ежедневно трубятъ въ виду этихъ

знаменій времени, что соціальный вопросъ мертвъ, что должна владычествовать буржуазія,—буржуазія, которая такъ истаскалась въ 33 года въ маленькой Бельгіи, что не способна выставить ни одного порядочнаго министра! А что бы было, если-бы эти результаты, которые мы видимъ въ Бельгіи, обнаруживались въ большомъ государствѣ, въ государствѣ, которому надо отстаивать свою политику передъ иностранными державами? Что бы это было, милѣйшіе прогрессисты?"

Вы видите, господа, что это тѣ самыя воззрѣнія и теоріи, которыя я провожу въ своей агитаціи; тутъ во всемъ, даже въ словахъ, сравненіяхъ и выраженіяхъ, видно вліяніе моего послѣдняго экономическаго сочиненія „Господинъ Бастіа-Шульце или Капиталъ и Трудъ" [1]).

Вы видите, господа, что вотъ уже всѣ принуждены говорить болѣе или менѣе по-моему: съ одной стороны, радикальный корреспондентъ „Южно-Германской Газеты", съ другой юстицратъ Вагнеръ, прусскій народный союзъ и, наконецъ, само прусское правительство.

Когда я возсталъ, въ мартѣ прошлаго года, я былъ одинъ. Откуда же взялась у одинокаго человѣка такая сила, чтобы принудить всѣ партіи и само правительство говорить въ его смыслѣ? Объясненіе очень просто: оттого такъ сильно мое вліяніе, что слово мое дѣйствуетъ неотразимо, съ одной стороны, на массу народа, а съ другой, быть можетъ, еще сильнѣе на меньшинство образованныхъ, именно на небольшое число самыхъ образованнѣйшихъ и самыхъ умнѣйшихъ представителей націи. Сліяніе этихъ двухъ крайнихъ умственныхъ слоевъ, непосредственнаго народнаго чувства съ вліяніемъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей націи, производитъ умственное давленіе, которому трудно противиться. Кромѣ того, могущество мое зависитъ еще отъ того весьма реальнаго обстоятельства, что правительство и консервативная партія находятся въ борьбѣ съ буржуазіей и что въ этомъ столкновеніи обѣ враждующія стороны принуждены дорожить народомъ.

Вотъ отчего моя партія, столь юная, такъ скоро пріобрѣла такую силу, такое значеніе, такое вліяніе на всѣ партіи страны.

Но по прокурору выходитъ, что мнѣ чрезвычайно непріятно это вліяніе, доставляемое обстоятельствами моей партіи, и я только и думаю, какъ бы потерять его.

По прокурору выходитъ, что я ничего такъ не желаю, какъ отдать въ руки буржуазіи правительственную власть и всѣ ея силы насильственнымъ

---

[1]) См. III томъ настоящаго изданія.

ниспроверженіемъ правительства; вѣдь ниспровергни я правительство, буржуазія, располагающая всѣмъ могуществомъ денегъ и владѣнія, не преминула бы забрать правительственную власть въ свои руки. Я этого-то и желаю, чтобы буржуазія, мой главный политическій врагъ, могла, овладѣвъ всѣми средствами правительственной власти, воздвигнуть гоненіе на меня и на мою партію и произвести среди насъ избіеніе! Я желаю этого, чтобы дать ей возможность заставить соединиться съ ней противъ меня всѣ тѣ элементы консервативной партіи, которые всегда стоятъ за всякій, разъ существующій порядокъ! Я желаю, чтобы она могла, не стѣсняясь никакими остатками нравственнаго самостоятельнаго государственнаго контроля, удариться, сломя голову, въ осуществленіе своихъ манчестерскихъ теорій общества, противъ которыхъ я далъ клятву бороться не на животъ, а на смерть.

Хотя все это должно погубить меня и мою партію, тѣмъ не менѣе, по обвиненію выходитъ, что я этого желаю, вѣроятно, въ угоду прокурору, чтобы дать хотя тѣнь правдоподобія его обвиненіямъ.

Господа! Такъ какъ мы уже заговорили о политическомъ положеніи дѣлъ, которое служитъ фактическимъ основаніемъ этого обвиненія, то пойдемъ же въ этомъ направленіи дальше, возвысимъ эти пренія на высоту ихъ настоящаго предмета!

Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи возстановить всеобшее и прямое избирательное право и, слѣдовательно, низвергнуть конституцію!

Хотя не болѣе какъ частный человѣкъ, я говорю вамъ прямо, господа: я не только хочу низвергнуть конституцію, но года не пройдетъ, какъ я низвергну ее!

Но какъ? Такъ, что при этомъ не прольется ни одной капли крови, ни одинъ кулакъ не сожмется на насиліе! Не пройдетъ, можетъ быть, и года, какъ всеобщее и прямое избирательное право будетъ самымъ мирнымъ образомъ даровано намъ.

Можно играть въ крупную, господа! Карты на столъ! Самая сильная дипломатія та, которой нѣтъ надобности облекать свои расчеты въ тайну, потому что они основаны на непоколебимой необходимости.

Поэтому, я заявляю вамъ во всеуслышаніе въ этомъ торжественномъ мѣстѣ, что года, можетъ быть, не пройдетъ, какъ г. фонъ-Бисмаркъ разыграетъ роль Роберта Пиля, какъ будетъ даровано всеобщее и прямое избирательное право! Я зналъ это въ первый же день, когда начиналъ свою агитацію изданіемъ „Гласнаго Отвѣта“, и это понимали всѣ, ясно смотрѣвшіе на положеніе дѣлъ.

Правительство разыграетъ роль сэра Роберта Пиля, говорю я, уже по той простой причинѣ, что ему больше ничего не остается дѣлать.

Борьба непримиримая, смертельная идетъ между монархіей и буржуазіей. Кто первый подастся, тотъ погибъ!

Монархія не можетъ уступить передъ кликой, но, съ другой стороны, не можетъ увѣковѣчить тотъ безпорядокъ, въ которомъ мы теперь живемъ.

Она не можетъ сдаться кликѣ, но не можетъ и сохранить надолго нынѣшній ненормальный порядокъ.

Стало быть, это борьба безъ конца и безъ исхода, борьба двухъ противниковъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ лагерѣ непобѣдимъ для другого.

Въ этой безысходной борьбѣ мой голосъ открылъ единственно-возможный, мыслимый исходъ, исходъ, имѣющій за себя высшую санкцію права и исторіи,—исходъ, состоящій въ томъ, чтобы вывести на арену самый народъ и возстановить его право!

Исходъ открытъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ умственной атмосферѣ возбуждено сильнѣйшее теченіе къ нему, теченіе, въ которомъ сливаются непосредственное народное чувство и всѣ сокровища первыхъ богачей области ума. Эта атмосфера стремится съ неотразимостью естественныхъ законовъ къ единственному отверстію, пробитому въ заколдованномъ кругу той безысходной борьбы.

Кромѣ того, намъ предстоятъ великія внѣшнія столкновенія, какъ я ясно видѣлъ еще во время изданія своего „Гласнаго Отвѣта" и какъ теперь должно быть очевидно для всѣхъ. Въ виду этихъ столкновеній невозможно игнорировать народъ и необходимо все дѣлать, опираясь на народъ и на его симпатіи.

Намъ предстоятъ, господа, столь грозныя внѣшнія столкновенія, что если у нашего правительства не хватитъ ума во время, т. е. пока есть еще время, прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, чтобы оживить и одушевить народное сознаніе, сообщить народу громадныя жизненныя силы,—нашей націи грозитъ опасность потерять національное существованіе и часть своей территоріи. Надѣюсь, непозволительно думать, что наше правительство окажется до того неспособнымъ!

Президентъ (прерывая его). Это черезчуръ! Я не могу долѣе позволить вамъ подобныхъ разглагольствованій о взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ державъ. Я далъ вамъ полную свободу разсуждать о внутренней политикѣ. Но пускаться во внѣшнюю — не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу.

Лассаль (сильно взволнованный). Я рѣшительно протестую противъ какого бы то ни было нарушенія свободы моей защиты. Надо предоставить мнѣ судить, какъ мнѣ защищаться. Если вамъ это не угодно, то предоставляю суду лишить меня слова и прервать защиту. Но пока слово за мной, я буду пользоваться имъ съ полнѣйшей свободой.

Оберъ-прокуроръ. Я самъ сказалъ, что стремленія къ измѣненію настоящаго избирательнаго права не составляютъ преступленія, пока держатся законнаго пути. Поэтому, обвиняемый можетъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ возраженій по этому вопросу. Но обвиненіе утверждаетъ, что обвиняемый имѣетъ намѣреніе насильственно произвести это измѣненіе. Вотъ къ чему только относится обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Стало быть, все, что обвиняемый говоритъ о томъ, какъ можно произвести это измѣненіе мирнымъ путемъ, каковы намѣренія правительства и обѣихъ партій, будетъ ли даровано равное и прямое избирательное право, — все это не имѣетъ здѣсь никакого значенія, Такъ какъ онъ признаетъ, что стремится къ измѣненію избирательнаго права, то ему слѣдуетъ огриничить свою защиту доказательствомъ, что стремленія эти не сопряжены съ насиліемъ.

Президентъ. Говоря объ европейскихъ политическихъ вопросахъ и тому подобномъ, вы вмѣшиваете въ защиту совершенно постороннія соображенія, объясненія, не имѣющія никакого отношенія къ предмету этихъ преній. Повторяю, если вы хотите говорить о томъ, какъ великія державы относятся къ Пруссіи...

Лассаль (прерывая президента). Не такъ же я нелѣпъ, какъ, кажется, предполагаютъ, чтобы пускаться въ подробное изложеніе этихъ отношеній; но мнѣ надо имѣть возможность касаться всего, чего я считаю нужнымъ коснуться. И я сейчасъ докажу, что коснувшись этихъ отношеній, я не уклонился отъ предмета,

Прокуроръ обвиняетъ меня въ намѣреніи насильственно ниспровергнуть конституцію. Стало быть, онъ судитъ не по словамъ моимъ, не потому, что я говорилъ въ уставѣ и въ сочиненіяхъ; иначе онъ не могъ бы обвинять меня, потому что тамъ всюду рѣчь только о мирной агитаціи. Но онъ не считаетъ мои слова истиннымъ выраженіемъ моихъ намѣреній, а указываетъ на будто бы скрывающіяся за словами тайныя намѣренія мои относительно способа достиженія моей цѣли.

При этомъ онъ ссылается на то, что для возстановленія всеобщаго и прямого избирательнаго права я, по его убѣжденію, и не могу имѣть иныхъ средствъ, кромѣ насилія Слѣдовательно, господа, на такую инквизицію совѣсти не можетъ быть лучшаго возраженія, какъ пока-

зать конкретныя средства, на которыя я могу разсчитывать для возстановленія всеобщаго и прямого избирательнаго права; показать вамъ, что, кромѣ насилія, у меня есть весьма основательные, весьма дѣйствительные, вовсе не химерическіе средства и разсчеты. Тутъ вліяніе внѣшнихъ условій можетъ играть очень важную роль, стало быть, я вправѣ указать и на нихъ. Этимъ я доказываю, что приписываемые мнѣ замыслы выдуманы совершенно произвольно, потому что могутъ быть совсѣмъ другіе средства и разсчеты.

Вы очень нетерпѣливы, господа; но подумайте: вѣдь я защищаю свою честь и свое существованіе!

Адвокатъ Гольтгофъ. Я вынужденъ обратиться къ правосудію и справедливости высокаго суда. Г. обвиняемому необходимо разъяснить это дѣло глубже и обстоятельнѣе, и онъ дѣлаетъ это, какъ считаетъ лучше. Впрочемъ, что бы онъ ни сказалъ, вы еще не доказали ему, что онъ дѣйствительно отклонился отъ предмета. Онъ же только что убѣдительно доказалъ вамъ необходимость всего сказаннаго имъ. Наконецъ, обращаюсь къ простой справедливости высокаго суда. Г. оберъ-прокуроръ ждетъ отъ васъ трехлѣтняго заключенія обвиняемаго; неужели вы изъ чувства справедливости не позволите ему проговорить по часу противъ каждаго грозящаго ему года? (Сильное впечатлѣніе).

Президентъ. Я не хочу стѣснять защиту обвиняемаго; я хотѣлъ въ его собственномъ интересѣ отклонить его отъ такого эксцентрическаго способа ея.

Лассаль. Итакъ, я говорю, что намъ предстоятъ столкновенія, въ которыхъ нельзя будетъ игнорировать народъ и придется дѣлать то, что будутъ дѣлать, опираясь на народъ и на его симпатіи.

Притомъ монархія не можетъ, конечно, уступить передъ кликой, но вполнѣ можетъ призвать на арену народъ и опереться на него. Ей стоитъ только вспомнить, кто тотъ столпъ, на которомъ она высится. Вѣдь не буржуазія, а народъ платитъ ея налоги! Вѣдь народъ, а не буржуазія, сражается за нее въ войнахъ! Наконецъ, ей стоитъ только вспомнить свое происхожденіе, потому что въ началѣ всякая монархія была народною.

Правда, Луи-Филипповская монархія, монархія-креатура буржуазіи не можетъ сдѣлать этого. Но монархія, сохранившаяся еще въ своемъ первоначальномъ составѣ, опирающаяся, какъ искони, на рукоятку меча, вполнѣ могла бы сдѣлать это, если-бы рѣшилась преслѣдовать истинно великія, національныя и народныя цѣли.

Слѣдовательно, въ тотъ день, господа, когда вы будете судить короля

и правительство за ниспроверженіе конституціи дараваніемъ всеобщаго и прямого избирательнаго права — въ этотъ день я позволю прокурору привлечь и меня къ этой рѣшеткѣ, какъ нравственнаго сообщника, какъ умственнаго зачинщика этого ниспроверженія конституціи!

И въ этотъ день я буду слѣдующимъ образомъ защищать себя и своихъ сообщниковъ.

Прусская конституція, скажу я въ этой защитѣ, еще никогда ни на одинъ день не имѣла законнаго существованія!

Параграфомъ 6 закона отъ 6, апрѣля 1848 г., король отказался отъ права издавать законы безъ согласія народныхъ представителей. Закономъ отъ 8 апрѣля было введено всеобщее избирательное право, правда, еще не прямое, но всеобщее.

Въ декабрѣ 1848 г. Фридрихъ-Вельгельмъ IV даровалъ конституцію. Онъ могъ это сдѣлать, но чтобы получить окончательную законную силу, конституція эта должна была быть утверждена законными представителями народа.

Это видѣлъ самъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV и для этой цѣли созвалъ народныхъ представителей въ Берлинъ.

Но прежде, чѣмъ конституція была утверждена палатой, послѣдняя была въ 1849 г. распущена, всеобщее избирательное право отмѣнено, дарованъ нынѣшній трехклассный избирательный законъ и конституція утверждена палатой, избранной на основаніи этого закона.

Король могъ, пожалуй, издать и этотъ трехклассный избирательный законъ. Но, чтобы онъ получилъ окончательно законную силу, ему слѣдовало быть утвержденнымъ тогдашнимъ законнымъ, т. е. избраннымъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права, народнымъ представительствомъ.

Такого утвержденія онъ не получилъ. Онъ не получилъ его и до нынѣшняго дня. Слѣдовательно, всѣ созывавшіяся съ тѣхъ поръ палаты и утвержденная ими конституція лишены всякаго законнаго основанія.

Такъ какъ король самъ не могъ издавать закона, съ окончательной законной силой, безъ согласія законныхъ представителей народа, то не могъ дать полномочія на это и другимъ, т. е. членамъ палаты, избраннымъ по дарованному трехклассному избирательному закону. Того права, котораго я не имѣю, я не могу и передавать. Стало быть, конституція съ перваго дня незаконна и недѣйствительна. Она и теперь, разумѣется, такъ же незаконна и недѣйствительна, какъ была 15 лѣтъ тому назкдъ. Вы знаете

юридическій принципъ, господа: Quod ab initio nullum est, nullo lapsu temporis convalescit [1]).

Эта конституція и трехклассный избирательный законъ никогда не были утверждены народомъ посредствомъ выборовъ.

По оффиціальной статистикѣ, недавно напечатанной въ правительственныхъ органахъ, по трехклассному избирательному закону въ выборахъ никогда не участвовало болѣе 30% населенія, имѣющаго право на подачу голосовъ. Стало быть, объ утвержденіи трехклассного избирательнаго закона или конституціи народомъ не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, конституція точно такъ же теперь не имѣетъ законнаго существованія, какъ въ первый день и какъ незаконны всѣ палаты, созывавшіяся со времени дарованія избирательнаго закона въ іюнѣ 1849 г.

Господа! Буржуазія спокойно приняла и одобрила это ниспроверженіе народнаго права, — беззаконное уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права. Она не протестовала противъ этого ни въ одномъ засѣданіи палатъ съ 1849 г.! Она съ восторгомъ приняла это ниспроверженіе народнаго права и отдѣльную добычу, которую швырнула ей королевская милость и провозгласила его правомъ страны. Она равнодушно прошла мимо нарушенія этого народнаго права и внутренне была даже чрезвычайно рада этому. Теперь, поссорившись съ монархіей изъ-за толкованія этой королевской милости, она хочетъ бороться съ монархіей во имя права, хотя, какъ мы видѣли, основаніемъ ей служитъ не право, а правонарушеніе.

И это теперь вымещается ей, господа, потому что все вымещается еще на землѣ же!

Монархія, неустанно атаковываемая, запуганная и побѣжденная во имя права, остановилась, наконецъ, на мысли самой разобрать это право и нашла, что буржуазія основывается вовсе не на своемъ правѣ, а на ея же милости.

Всякій почитаетъ право и склоненъ уважать его. Но никто не захочетъ, чтобы изъ его собственной милости дѣлали петлю на его же шею; ни отъ кого нельзя требовать согласія на это, слѣдовательно, и отъ монархіи.

Постоянно терпя нападки во имя „права“, монархія вспомнила, что ей гораздо удобнѣе обратиться къ истинному праву и призвать на арену народъ, чѣмъ уступать кликѣ и позволять нѣсколькимъ облагодѣтельствованнымъ ею личностямъ дѣлать изъ ея милости ей же на шею петлю.

---

[1]) Что съ самаго начала не дѣйствительно, то ни какими сроками не пріобрѣтаетъ законной силы.

Слѣдовательно, даровавшіе всеобщее и прямое избирательное право не нарушители, а возстановители права, возстановители народнаго права, а если въ 1848 г. было только всеобщее избиратеьное право, теперь же введено всеобщее и прямое избирательное право, то я скажу вамъ на это, что сказалъ г. фонъ-Финкс еще на соединенномъ сеймѣ 1847 г.: „Народныя вольности—это майоратъ, который съ теченіемъ времени можетъ только увеличиваться, но никогда не можетъ уменьшаться“.

Такъ, господа, буду я говорить въ защиту себя и своихъ соумышленниковъ въ тотъ день, когда вы обвините меня какъ нравственнаго зачинщика ниспроверженія конституціи, и всю жизнь буду я гордиться тѣмъ, что сильнѣе, чѣмъ, можетъ быть, когда-либо было дано частному человѣку, способствовалъ возстановленію народнаго права.

(Обвиняемый садится, но президентъ напоминаетъ ему, что ему слѣдуетъ еще отвѣтить на II пунктъ обвиненія).

Лассаль. Упоминаемыя въ II пунктѣ будто бы насмѣшливыя и оскорбительныя слова принадлежатъ не мнѣ, а заимствованы изъ „Южно-Германской Газеты“ и приведены мною въ цитатѣ оттуда. Притомъ я долженъ замѣтить, что если вы, какъ я ожидаю, отвергнете обвиненіе въ государственной измѣнѣ, то, само собою, уничтожится то сочетаніе, вслѣдствіе котораго я и по этимъ пунктамъ сужусь не обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ, а государственнымъ. Съ нулемъ не можетъ быть сочетанія, а отвергнутое обвиненіе въ государственной измѣнѣ будетъ нулемъ. Но я позволяю себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній. Говорятъ, что выраженіе „скипетръ, корона, звѣзда и прочія игрушки“ есть осмѣяніе монархіи и составляетъ проступокъ противъ ст. 101 Уголовнаго Уложенія. Если бы тутъ и въ самомъ дѣлѣ было осмѣяніе, то все-таки подъ эту статью оно не подходило бы, потому что въ ней говорится объ осмѣяніи учрежденій. Прокуроръ представляетъ себѣ монархію „государственнымъ учрежденіемъ“, вродѣ налога за убой скота и съ помола муки. Предоставляю, впрочемъ, монархіи вѣдаться съ прокуроромъ насчетъ этого представленія. Я же утверждаю только, что монархія есть не „учрежденіе монархіи“, а сама монархія. Другими словами, монархія есть общее понятіе, а не отдѣльное учрежденіе въ государственномъ организмѣ. Слѣдовательно, ст. 101, говорящая объ осмѣяніи отдѣльныхъ учрежденій, сюда не идетъ. Не должно казаться страннымъ, что законъ полагаетъ наказаніе за проступокъ противъ меньшаго и не полагаетъ его за проступокъ противъ большаго. Примѣры этого встрѣчаются въ уголовномъ правѣ на каждомъ шагу, потому что уголовное право — область понятій, а не количества. Взгляните, напр., на ст. 100, въ кото-

рой говорится о возбужденіи подданныхъ государства ко взаимной ненависти или презрѣнію. Но положимъ, что какой-нибудь философствующій Тимонъ Афинскій сталъ бы возбуждать къ ненависти и презрѣнію не къ отдѣльнымъ классамъ, а ко всему міру,—гдѣ тотъ законъ, по которому его можно было бы наказать за это? (Смѣхъ).

Притомъ тутъ и de facto нѣтъ никакого осмѣянія. Скипертъ, корона, звѣзда — не учрежденія, а символы монархіи. Осмѣяніе символовъ не есть осмѣяніе изображаемыхъ ими учрежденій. Наконецъ, слишкомъ придирчиво находить насмѣшку въ невинномъ словѣ „игрушки". Почти каждая идея публичнаго права—вспомните исторію римскаго права—облечена извѣстною торжественностью. Если взять эти внѣшніе символы отдѣльно, безъ отношенія ихъ къ идеѣ, которую они предназначены выражать,—ихъ можно назвать игрушками. Самое большее, что можно вывести изъ этого выраженія,—это то, что авторъ этой статьи раціоналистъ и не придаетъ важности символическимъ выраженіямъ идей, такъ какъ склоненъ видѣть въ символахъ или торжественностяхъ лишь игрушки. Но это вовсе не осмѣяніе этихъ идей; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, не осмѣяніе идеи монархіи.

Перехожу ко второму упреку II пункта, упреку въ оскорбленіи членовъ королевскаго министерства при исполненіи ими своихъ служебныхъ обязанностей. Упрекъ этотъ основанъ на слѣдующей фразѣ (читаетъ):

„Благодаря глупости нашего правительства и ограниченной слабости, съ какою ведется дѣло либерализма, мы находимся теперь наканунѣ великаго соціальнаго переворота" (стр. 259) и т. д.

„Глупость", господа, выраженіе вовсе не оскорбительное. Мнѣ не хотѣлось бы цитировать поэтовъ, потому что это не нравится г. президенту (смѣхъ), но согласитесь, что великіе народные поэты опредѣляютъ значеніе словъ народнаго языка. Стало быть, въ этомъ отношеніи вы должны держаться опредѣленій нашихъ поэтовъ. Фаустъ, изучившій все, говоритъ у Гёте:

„И вотъ, бѣдный глупецъ, стою я теперь
И чувствую, что нисколько не сталъ умнѣе прежняго!" [1])

Называя себя „глупцомъ", Фаустъ не ругаетъ самъ себя, не думаетъ сказать этимъ, что я-де глупъ, а хочетъ только сказать, что взялся за

---

[1]) Переводъ А. Л. Соколовскаго.

средства, противорѣчащія той цѣли, которую задалъ себѣ, за средства не ведущія къ этой цѣли. Вообще выраженіе „дѣлать глупость“ значитъ браться за средства, которыя вмѣсто достиженія цѣли приводятъ по логикѣ дѣйствительности къ результатамъ, совершенно противоположнымъ. Такъ, говорятъ вообще о всемъ родѣ человѣческомъ: „человѣческая глупость“, потому что это общечеловѣческая слабость, которой никто не чуждъ и которая никогда не можетъ имѣть значенія положительнаго пятнающаго ругательства.

Если-бы я перепечаталъ эту статью съ мыслью воспользоваться ею для нанесенія подобнаго оскорбленія, то прежде всего оскорбилъ бы ею самого себя. Я вѣдь соціалистъ, желающій того соціальнаго переворота, о которомъ говорится въ этой фразѣ. Слѣдовательно, по моему, со стороны правительства было бы не глупостью, а высшею мудростью произвести его. Стало быть, между мною и враждебною мнѣ „Южно-Германской Газетой“ нѣтъ никакого communicationis animi. Соумышленія же въ такихъ проступкахъ, какъ оскорбленія и осмѣянія, быть не можетъ; тутъ непремѣнно должно быть положительное communicatio animi. Я сказалъ, въ какомъ смыслѣ я перепечаталъ эту статью. Прокурорскій надзоръ руководствуясь, тѣмъ самымъ воззрѣніемъ, которое я здѣсь изложилъ, велѣлъ прекратить слѣдствіе, начатое противъ семи либеральныхъ газетъ за перепечатку польской прокламаціи, именно потому, что тутъ не могло быть communicationis animi.

Адвокатъ Гольтгофъ. Еслибы было признано, что сущность обвиненія должна быть подведена подъ другія статьи Уголовнаго Уложенія, то мы должны, съ своей стороны, ожидать, что обвиненіе въ своемъ настоящемъ видѣ будетъ отвергнуто, и обвиняемому, въ случаѣ новаго преслѣдованія, будетъ данъ просторъ защищаться въ этомъ новомъ направленіи. Иначе обвиняемый будетъ осужденъ, въ сущности, безъ предварительнаго выслушанія. Относительно перваго пункта обвиненія отмѣчу еще одно обстоятельство. Главное основаніе обвиненія въ подготовленіи государственной измѣны состоитъ, независимо отъ разныхъ побочныхъ соображеній, въ томъ, что обвиняемый перепечаталъ статью „Южно-Германской Газеты“ и этимъ показалъ, что желаетъ всего. о чемъ говорится въ этой статьѣ. Будь это справедливо, господа, мой кліентъ долженъ бы былъ перепечатать эту статью еще полнѣе. Какъ разъ послѣ того мѣста, на которомъ онъ прервалъ цитату, въ статьѣ говорится (читаетъ):

„Спасеніе же будетъ состоять въ томъ, что тѣ изъ вождей, которые заботятся не о блистаніи въ палатѣ, не о славѣ звучныхъ рѣчей, не о

признательности избирательнаго округа за ихъ дешевую непоколебимость, а объ освобожденіи народа изъ цѣпей абсолютизма, тѣсно соединятся, установятъ умственную звязь со всѣми единомышленниками своими во всей странѣ, возстанутъ противъ кореннаго зла, словомъ и перомъ, и дадутъ почувствовать, что противъ насильственнаго подавленія закона есть законное подавленіе насилія. Если возникнетъ такой духъ,—рабочій вопросъ отойдетъ на второй планъ; вмѣсто вялой симпатіи въ Германіи, быть можетъ, поднимется вскорѣ то дѣятельное начало, которое государи постоянно забываютъ въ своихъ разсчетахъ“.

Ничто, господа, не могло бы быть благопріятнѣе для мнимой цѣли моего кліента, какъ перепечатать именно этотъ отрывокъ, чтобы возбудить рабочую армію къ дѣйствію. Онъ не перепечаталъ его. Если онъ пропустилъ его, стало быть, онъ былъ ему ненуженъ. Пропускъ же этотъ ясно доказываетъ, что онъ не имѣлъ намѣренія воспользоваться этой статьей для раскрытія приписываемой ему цѣли его стремленій.

Оберъ-прокуроръ. Г. обвиняемый утверждаетъ, что для того, чтобы былъ фактъ преступленія, подлежащаго указанной въ обвиненіи ст. 66-й Уголовнаго Уложенія, необходимо, чтобы были опредѣленно условлены время, мѣсто, средства и прочія обстоятельства подготовляемой государственной измѣны, такъ, чтобы объ исполненіи его не могло уже быть никакого сомнѣнія; словомъ, подготовляться должно уже совершенно опредѣленное предпріятіе, рѣшенное во всѣхъ подробностяхъ. Изъ матеріаловъ Уголовнаго Уложенія слѣдуетъ какъ разъ обратное. Законъ говоритъ въ этой статьѣ не объ опредѣленномъ предпріятіи, а о государственно-измѣнническомъ предпріятіи вообще. Такимъ образомъ, для основанія обвиненія достаточно, чтобы предпріятіе было показано лишь въ общихъ чертахъ. Въ настоящемъ же обвиненіи указывается намѣреніе не вообще насильственно измѣнить государственный порядокъ, а совершенно опредѣленно — измѣнить существующій избирательный законъ и именно путемъ насилія. Обвиненіе указываетъ также, какимъ образомъ должно было быть произведено это насиліе, а именно, посредствомъ матеріальныхъ силъ Общаго Германскаго Рабочаго Союза. Этого, по-моему, достаточно, чтобы найти г. обвиняемаго виновнымъ, потому что въ ст. 66 не сказано: „Всякое другое дѣйствіе, подготовляющее—опредѣленное—государственно-измѣнническое предпріятіе“, а говорится безъ этого вставочнаго слова о государственно-измѣнническомъ предпріятіи вообще; такое же предпріятіе достаточно дознано, какъ скоро доказаны условія измѣненія порядка и замышлявшагося насилія.

Это явствуетъ, какъ сказано, изъ матеріаловъ Уголовнаго Уложенія.

(Здѣсь прокуроръ читаетъ выдержку изъ матеріаловъ, въ которой говорится, что комиссія II Палаты пыталась предотвратить слишкомъ широкое толкованіе этой статьи, но что предложенная ею для этой цѣли другая редакція ея была отвергнута единогласно).

Вы видите, вставку эту хотѣли сдѣлать, но эта смягченная редакція была не принята, такъ что всякое дѣйствіе, въ которомъ можно указать такое бы то ни было отношеніе къ государственно-измѣнническому предпріятію вообще, подходитъ подъ ст. 66.

Г. обвиняемый замѣчаетъ, что его обвиняютъ въ государственной измѣнѣ лишь на основаніи воззванія и заключаетъ изъ этого, что онъ подлежалъ бы только ст. 65, но, что обвиненіе не можетъ утверждать, что воззваніе его возбуждаетъ къ дѣйствію, непосредственно совершающему государственную измѣну. Отвѣчаю на это: хотя ст. 65 даетъ особое опредѣленіе указаннаго въ немъ рода возбужденія къ государственной измѣнѣ, но это не исключаетъ возможности, чтобы воззваніе, хотя бы совершонное письменно или устно, но не подлежащее преслѣдованію по ст. 65, подлежало ст. 66. Разница между этими двумя статьями заключается въ томъ, что въ ст. 65 говорится о возбужденіи къ дѣйствію, непосредственно совершающему преступленіе. Въ ст. 66 объ этомъ ограниченіи уже не говорится, и нельзя же думать, что всякое возбужденіе, само по себѣ обращенное на государственно-измѣнническое предпріятіе, но не удовлетворяющее требованіямъ ст. 65, должно оставаться безнаказаннымъ.

Это возбужденіе подходитъ подъ условія ст. 66. Рѣшить, есть ли распространеніе такихъ сочиненій какъ настоящее воззваніе, дѣйствіе, могущее вести къ государственной измѣнѣ,—дѣло фактическаго разбирательства. Г. обвиняемый жалуется, что, кромѣ возбужденія, онъ не уличенъ ни въ какомъ реальномъ дѣйствіи, а такъ какъ возбужденіе это не обращено на непосредственное исполненіе, то онъ не подлежитъ отвѣтственности. Я на это повторяю, что не только одно его сочиненіе составляетъ подлежащій наказанію проступокъ, но и возбужденіе ко вступленію въ Союзъ, который, какъ объяснено въ сочиненіи, имѣетъ цѣлью возстановить всеобщее, равное и прямое избирательное право, притомъ, въ случаѣ надобности, силой.

Г. обвиняемый спрашиваетъ, отчего вмѣстѣ съ нимъ не обвинены члены Союза. О, это дѣло совсѣмъ другое! Въ каждомъ преступленіи долженъ быть dolus [1]). Члены Союза не знаютъ конечной цѣли г. обвиняемаго, потому что въ программѣ ихъ о ней не говорится ни слова. Вотъ

---

[1]) Преступное намѣреніе.

почему работники и не могутъ считаться сообщниками его государственно-измѣнническаго предпріятія. Преступленіе его состоитъ не въ существованіи Союза, даже не въ возбужденіи ко вступленію въ него, а вообще въ томъ, что онъ хочетъ насильственно измѣнить избирательное право, т. е. часть конституціи, и собираетъ и находитъ для этого средства въ учрежденномъ имъ Рабочемъ Союзѣ.

Противъ этого онъ возражаетъ, что это было бы въ сущности лишь подготовленіемъ подготовляющагося дѣйствія. Я съ этимъ не могу согласиться. Подобно тому, какъ подготовленіемъ государственнаго преступленія было бы покупать пули и порохъ съ умысломъ на государственное преступленіе, такъ тѣмъ же былъ бы и просто заказъ этихъ снарядовъ, если-бы и тутъ участвовалъ этотъ умыселъ. Г. обвиняемый просто только играетъ словами, говоря о подготовленіи подготовленія преступленія. Подготовительныя дѣйствія могутъ примыкать другъ къ другу gradatim [1]); послѣднее можетъ быть близко къ совершенному государственному преступленію, а первое—еще касаться предѣловъ дозволеннаго; между ними промежутокъ великъ, и въ немъ могутъ быть различныя дѣйствія повидимому неодинаково вліяющія на конечный результатъ.

Г. обвиняемый все возвращается къ тому, что не возбуждалъ къ государственному преступленію, principaliter. Правда, прямо онъ говоритъ только, что пока дѣло въ томъ и т. д. Expressis verbis [2]) здѣсь нѣтъ: „къ насилію". Но если г. обвиняемый говорилъ прямо только о „пока", то спрашивается: что же дальше? И когда рѣчь идетъ о понужденіи, то на это является логическій отвѣтъ. Что бы въ началѣ ни дѣлалось, но послѣднее средство принужденія есть необходимо самое насиліе. А насилія можно ожидать отъ него по тѣмъ средствамъ, которыми онъ располагаетъ, по всему его личному характеру. Такъ, брошюра доходитъ, все сильнѣе и сильнѣе, до того мѣста, гдѣ онъ вспоминаетъ покойниковъ, павшихъ на баррикадахъ 1848 г. Здѣсь мы видимъ, что онъ желаетъ насилія и не побоится его, какъ скоро предпріятію его представятся серьозныя препятствія.

Я долженъ пополнить мое предложеніе прибавленіемъ, чтобы, въ случаѣ осужденія обвиняемаго, судъ постановилъ и уничтоженіе его брошюры.

Лассаль. Г. оберъ-прокуроръ совершенно невѣрно выводитъ изъ ма-

---

[1]) Постепенно.

[2]) Точно выраженными словами.

теріаловъ Уголовнаго Уложенія, что не требуется подготовленія определеннаго государственно-преступнаго предпріятія. Съ юридической точки зрѣнія объ этомъ не можетъ быть и спору. Ссылаюсь на примѣчанія къ ст. 66 у Оппенгейма. И въ отчетѣ комиссіи II Палаты это положительно признано. Другой редакціи потому не приняли, что и нынѣшняя не оставляетъ ничего желать въ отношеніи точности и опредѣленности. Прокуроръ говоритъ далѣе, что предпріятіе опредѣляется ниспроверженіемъ конституціи посредствомъ возстановленія всеобщаго и прямого избирательнаго права. Тутъ онъ очень заблуждается, смѣшивая цѣль предпріятія съ его опредѣленностью.

Въ ст. 61 говорится: „Предпріятіе, имѣющее цѣлью... насильственно измѣнить порядокъ престолонаслѣдія или государственный порядокъ“. Вотъ цѣль предпріятія, которое предполагается уже опредѣленнымъ; но это не опредѣленность его. Мое предпріятіе состоитъ — да въ чемъ же оно состоитъ? Г. оберъ-прокуроръ самъ теперь объявляетъ—за что я ему очень благодаренъ,—что я нигдѣ не возбуждалъ expressis verbis къ преступленію государственной измѣны, стало быть, мое преступленіе государственной измѣны состоитъ—въ догадкѣ прокурора! Его догадка есть мое преступленіе.

Судъ удаляется въ совѣщательную комнату. Послѣ совѣщанія, продолжавшагося около часу, онъ возвращается въ залу засѣданія. Предсѣдательствующій объявляетъ приговоръ, гласящій, что обвиняемый, какъ ни эксцентрично содержаніе его воззванія къ берлинскимъ работникамъ, признанъ по суду оправданнымъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ; что, вслѣдствіе этого, дѣло по обвиненію въ двухъ другихъ дѣяніяхъ, за отпаденіемъ начала совокупности, подлежитъ компетенціи иного суда и что, вообще, прокуратурѣ предоставляется возбудить новое уголовное преслѣдованіе, брошюра-же оставляется временно подъ арестомъ.

Засѣданіе закрывается въ 5 часовъ пополудни.

(Объявленіе приговора было встрѣчено собравшейся публикой съ большимъ сочувствіемъ. Друзья и, въ особенности, присутствовавшіе члены Общаго Германскаго Рабочаго Союза сердечно поздравили г. Лассаля съ благопріятнымъ исходомъ дѣла).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

УСТАВЪ ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА.

§ 1.

Подъ именемъ „Общаго Германскаго Рабочаго Союза" нижеподписавшіеся учреждаютъ въ государствахъ Германскаго Союза-Союзъ, который, исходя изъ убѣжденія, что только всеобщее, равное и прямое избирательное право можетъ дать удовлетворительное представительство соціальнымъ интересамъ германскаго рабочаго сословія и дѣйствительно уничтожить всѣ, существующія въ обществѣ классовыя противорѣчія, ставитъ себѣ цѣлью дѣйствовать мирнымъ и законнымъ путемъ, преимущественно же склоненіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу возстановленія всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права.

§ 2.

Всякій нѣмецкій работникъ, по простому заявленію о своемъ желаніи вступить въ Союзъ, дѣлается членомъ его съ полнымъ равнымъ правомъ голоса и можетъ во всякое время выйти изъ Союза.

Вопросъ о томъ, работникъ ли такой-то въ смыслѣ Союза, рѣшается правленіемъ Союза. Правленіе вправѣ принимать въ члены и не работниковъ, желающихъ вступить въ Союзъ и согласныхъ съ принципами и цѣлями его.

§ 3.

Резиденція союза—Лейпцигъ. Въ Союзѣ не полагается филіальныхъ отдѣленій, и всѣ члены его, гдѣ бы ни жительствовали, принадлежатъ къ нему непосредственно.

Резиденція можетъ быть перенесена во всякое другое мѣсто указанной въ § 1 области простымъ постановленіемъ большинства правленія.

Резиденція остается та же, хотя бы правленіе заблагоразсудило иногда собраться для своихъ совѣщаній въ другомъ мѣстѣ.

§ 4.

Дѣлами Союза управляетъ правленіе, состоящее изъ президента и 24 членовъ, въ томъ числѣ кассира и секретаря, на жалованьи; всѣ эти лица должны жить въ области, указанной въ § 1.

Правленіе избирается общимъ собраніемъ, причемъ президентъ изби-

рается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, въ началѣ существованія Союза на пять лѣтъ, а затѣмъ на одинъ годъ, члены правленія—на два года, съ тѣмъ, чтобы половина ихъ по истеченіи года вышла по жребію. Въ концѣ втораго года должны выйти и остальные.

Вышедшіе члены могутъ быть тотчасъ избраны вторично.

Президентъ имѣетъ право въ случаѣ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ ему исправлять свою должность, передать всѣ свои полномочія вице-президенту, котораго избираетъ изъ числа членовъ правленія.

§ 5.

Внутренней организаціей, веденіемъ дѣлъ, средствами дѣйствія на пути, указанномъ въ § 1, письмоводствомъ и кассой завѣдуетъ правленіе, рѣшающее дѣла простымъ большинствомъ.

Президентъ можетъ дѣлать всякія распоряженія самъ, если находитъ это безотлагательно нужнымъ, съ тѣмъ, однако, чтобы распоряженія его были въ теченіе 3 мѣсяцевъ утверждены правленіемъ.

Въ этихъ случаяхъ отвѣтственность президента покрывается утвержденіемъ правленія, а если его не будетъ дано, то общаго собранія.

Президентъ назначаетъ время и мѣсто общихъ собраній и совѣщаній правленія.

Общія собранія созываются не менѣе одного раза въ годъ.

Впрочемъ, президентъ обязанъ созвать въ теченіе 6 недѣль общее собраніе, какъ скоро большинство правленія или шестая часть всѣхъ членовъ Союза письменно заявитъ ему объ этомъ свое желаніе съ указаніемъ причины созыва собранія.

По заявленію большинства членовъ правленія, президентъ обязанъ созывать правленіе на совѣщаніе въ теченіе 4 недѣль по полученіи заявленія.

Вся переписка, производимая отъ имени Союза, подписывается президентомъ.

§ 6.

Каждый членъ вноситъ при вступленіи два зильбергроша, а потомъ еженедѣльно по пол-зильбергрошу. Неплатящій взноса въ теченіе 4 недѣль сряду перестаетъ быть членомъ.

Члены, поступающіе противъ цѣлей Союза или наносящіе своимъ поведеніемъ въ нравственномъ или политическомъ отношеніи ущербъ достоинству рабочаго класса, могутъ быть исключены правленіемъ.

Подвергшійся исключенію можетъ апеллировать на распоряженіе правленія ближайшему общему собранію, но апелляція его должна быть подписана 60 членами.

Союзъ учреждается пока на 30 лѣтъ, но этотъ срокъ можетъ быть продленъ на какое угодно время постановленіемъ общаго собранія.

§ 7.

Общее собраніе только въ томъ случаѣ можетъ заняться предложеніемъ измѣненія устава Союза, если предложеніе это будетъ подписано 60 членами Союза и внесено въ правленіе за 3 мѣсяца до общаго собранія, которое должно тотчасъ сообщить его всѣмъ членамъ.

Измѣненія устава могутъ предприниматься только общимъ собраніемъ, по заключенію большинства, по крайней мѣрѣ, двухъ третей голосовъ. Притомъ они могутъ предприниматься не прежде, какъ по истеченіи 3 лѣтъ со дня учрежденія Союза.

Временное постановленіе.

Въ виду того, что рядъ городовъ не представленъ еще въ Союзѣ, на первомъ общемъ собраніи для выборовъ членовъ правленія избирается только 17 членовъ, включая президента; имъ же предоставляется право дополнить число своихъ членовъ до 25 простымъ большинствомъ голосовъ.

(Слѣдуютъ подписи).

Лейпцигъ, 23 мая 1863 г.

АГИТАЦІЯ ОБЩАГО ГЕРМАНСКАГО РАБОЧАГО СОЮЗА И ОБѢЩАНІЕ ПРУССКАГО КОРОЛЯ.

Рѣчь, произнесенная на празднествѣ годовщины Общаго Германскаго Рабочаго Союза, въ Ронсдорфѣ 22 мая 1864 г.

Друзья!

Сегодня мы празднуемъ годовщину основанія Общаго Германскаго Рабочаго Союза! Недавно—въ мартѣ—былъ годъ, какъ началась эта агитація опубликованіемъ моего „Гласнаго Отвѣта" Лейпцигскому Центральному Комитету; сегодня годъ, какъ мы основали въ Лейпцигѣ Общій Германскій Рабочій Союзъ, и вотъ рейнскія общины сошлись сюда праздновать это основаніе. Сегодня особенно кстати бросить взглядъ назадъ на протекшій годъ, на его результаты и успѣхи. И рѣдкому обществу можетъ такой обзоръ принести столько отрады, такое возвышающее духъ сознаніе! Чтобы достойно оцѣнить безпримѣрные успѣхи, одержанные нами въ такое короткое время, надо прежде всего вспомнить тѣ чрезвычайныя затрудненія, среди которыхъ Союзъ нашъ основывался. Противъ насъ была вся либеральная печать всѣхъ нѣмецкихъ земель! Притомъ эта печать и партія прогрессистовъ, которой она была представительницей, пользовались еще ореоломъ популярности, достающимся всякой оппозиціонной партіи. Одинъ человѣкъ поднялъ это знамя противъ всѣхъ! Стало быть, не всего ли вѣрнѣе было думать, что творенію нашему суждено явиться на свѣтъ мертворожденнымъ?

Напомню вамъ одно чрезвычайно поэтическое средневѣковое сказаніе, которому въ народѣ вѣрили много вѣковъ. Говорили, что левъ родится всегда мертвымъ и что только страшное рыканіе льва-отца пробуждаетъ

его къ жизни. Ну вотъ, мы разыграли легенду! Въ первый день наше дитя казалось мертво, но мы такъ страшно рычали, что эхо отдалось во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ, и дитя пробудилось къ радостной жизни, доказавъ этимъ, что оно истый львенокъ! (Продолжительныя рукоплесканія).

Я не буду входить въ этомъ обзорѣ во всѣ подробности, потому что это далеко превзошло бы предѣлы рѣчи. Укажу только на важнѣйшие пункты, изображу въ бѣгломъ очеркѣ только тѣ успѣхи, которымъ придаю особое значеніе.

Начну съ того, что изъ всѣхъ союзовъ, возникавшихъ съ 1848 г., мы, сколько мнѣ извѣстно,—первый, имѣющій общину и въ Австріи. Добиться этого не удавалось еще ни Національному Союзу и ни одному изъ прогрессистскихъ союзовъ. Оно и понятно; вы, вѣдь, знаете, что прогрессисты или либералы--тоже, что малогерманцы; эта партія всегда желала исключить австрійскія области изъ Германіи и для этой цѣли прежде всего заставить націю забыть соплеменность австрійскихъ областей. она чуть-было не достигла этой цѣли! Мы, Общій Германскій Рабочій Союзъ, первые не признали этого искусственнаго и противоестественнаго раздѣленія и поставили наше знамя и въ Австріи, какъ и въ прочихъ Германскихъ областяхъ. Это даетъ намъ право на вѣчную гордость и славу. Мы сдѣлали это, не взирая на всѣ особенныя препятствія, съ которыми въ Австріи приходится бороться, потому что тамъ нѣтъ закона, разрѣшающаго союзы, и потому для учрежденія тамошняго союза пришлось испрашивать особое позволеніе правительства. Тѣмъ не менѣе, славная Ашская община взяла на себя инициативу, образовалась, я самъ написалъ объ этомъ пражскому намѣстничеству, и несомнѣнно, что если дѣло не встрѣтить тамъ прямыхъ запрещеній, которыя были бы совершенно неосновательны въ законномъ отношеніи, то Союзъ нашъ быстро и широко распространится въ австрійскихъ общинахъ.

Но и за географическими предѣлами Германіи, наши принципы и блескъ нашего знамени получили признаніе, на которое могли разсчитывать, если только вообще можно разсчитывать на силу истины и ума въ людяхъ. Укажу вкратцѣ лишь на два факта.

Лондонское Нѣмецкое Рабочее Образовательное Общество и общины республиканскаго Народнаго Союза въ Швейцаріи единогласно приняли наши шлезвигъ-гольштинскія и польскія резолюціи.

Что касается успѣховъ нашихъ въ предѣлахъ отечества, то, по моему, важны не столько многочисленность нашихъ общинъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ и многочисленность ихъ членовъ, сколько, главнымъ

образомъ и прежде всего, то обстоятельство, что во многихъ мѣстахъ общины нашего Союза возникаютъ, такъ сказать, черезъ generatio equivoca, т. е. самостоятельнымъ зарожденіемъ, безъ всякаго личнаго участія моего или кого бы то ни было изъ членовъ Союза. Это независимое размноженіе служитъ лучшимъ доказательствомъ силы, истины и популярности нашихъ принциповъ, ихъ зарождающей и плодотворной силы [1]).

Не заходя дальше двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ, я могу указать, напр., на Аугсбургъ, гдѣ ни у кого изъ насъ нѣтъ знакомыхъ и гдѣ, сама собою, образовалась маленькая община, не взирая на ярость либеральной печати. Нѣсколькимъ рабочимъ случайно попались въ руки нѣкоторыя наши изданія; они собрались, составили общество и написали мнѣ, чтобы я назначилъ имъ уполномоченнаго.

Такъ было и въ Дуисбургѣ, гдѣ мы лично также ничего не предпринимали. Въ одинъ прекрасный день пятеро тамошнихъ рабочихъ написали мнѣ, что прочли мою „Книгу для чтенія рабочимъ“ и по прочтеніи рѣшились учредить общину, вслѣдствіе чего просятъ о назначеніи уполномоченнаго. Я назначилъ уполномоченнымъ одного изъ авторовъ письма, машиниста. Онъ тотчасъ устроилъ публичное собраніе, на которомъ, несмотря на присутствіе всего цвѣта мѣстныхъ прогрессистовъ, болѣе 50 человѣкъ въ тотъ же вечеръ записались въ члены нашего Союза.

Въ Бременѣ дѣло происходило, можно сказать, трогательно. Недавно

---

[1]) При этомъ, надо обратить еще особенное вниманіе на громадныя препятствія, всюду устраеваемыя полиціей распространенію нашего Союза. Самое дѣйствительное и самое употребительное средство ея, особенно употребительное въ Рейнской провинціи, почти во всѣхъ общинахъ, гдѣ обосновался нашъ Союзъ, состоитъ въ запугиваніи трактирщиковъ угрозой лишенія торговаго свидѣтельства и причиненія другихъ убытковъ за отдачу намъ въ наймы помѣщеній для собраній. Въ Дюссельдорфскомъ округѣ учрежденіе нашихъ общинъ почти нигдѣ не обошлось безъ этихъ противозаконныхъ угрозъ. Случалось, что трактирщиковъ, уже отдавшихъ въ наймы Союзу помѣщенія, заставляли угрозами нарушать условіе. Такъ было недавно въ Оберъ-Касселѣ и въ Крефельдѣ. Жалобы на это Королевской Дюссельдорфской Правительственной Коллегіи были до сихъ поръ безплодны, потому что это вѣдомство держится правила отвергать ихъ какъ бездоказательныя, если бургомистры и полицейскіе, на которыхъ мы жалуемся, сами не сознаются въ своихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, чего отъ нихъ, конечно, нельзя ожидать; между тѣмъ, доказательство могли бы представить сами трактирщики, многочисленные свидѣтели, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже все мѣстное населеніе.

я получилъ оттуда письмо за 43 подписями. Подписавшіеся извѣщаютъ меня, что уже почти два мѣсяца составляютъ общину, которую основали сами собой, но не хотѣли доводить этого до свѣдѣнія нашего Союза и присоединяться къ нему, пока въ ней не наберется мало-мальски порядочнаго числа членовъ Теперь они извѣщаютъ о своемъ существованіи и просятъ о назначеніи уполномоченнаго.

Подобнымъ же образомъ образовалась на дняхъ община въ Альтонѣ, о чемъ я узналъ только въ Дюссельдорфѣ.

Но главное доказательство нашихъ успѣховъ представляетъ самъ Берлинъ.

Вамъ извѣстно, что Берлинъ былъ всегда твердымъ оплотомъ прогрессистовъ, лагеремъ г. Шульце-Делича. Затрудненія встрѣченныя нами тамъ, неудивительны при той безпримѣрно лживой прессѣ, которая обманываетъ берлинскій народъ. О лживости ея вы можете судить уже по тому, что тамошняя прогрессистская печать увѣряла берлинское населеніе, что въ прошломъ сентябрѣ въ Золингенѣ, гдѣ, какъ вы знаете—вѣдь и теперь между вами много золингенцевъ—десять тысячъ рабочихъ устроили мнѣ неслыханный на Рейнѣ торжественный пріемъ, жандармамъ приходилось будто бы защищать меня отъ народной ярости. (Продолжительныя выраженія негодованія въ собраніи).

Имъ точно такъ же приходилось защищать меня отъ народной ярости тогда, какъ приходится теперь отъ вашей ярости! (Общій смѣхъ и рукоплесканія).

Въ одномъ берлинскомъ народномъ театрѣ—къ сожалѣнію и народный театръ въ Берлинѣ въ рукахъ прогрессистовъ—пѣли даже куплеты съ намеками на золингенское происшествіе:

Triumphe feiern nennt's Lassale,—
Rausschmeiszen sie ihn überall [1]),

—точно также, какъ теперь вы меня выгоняете! (Сильное движеніе и смѣхъ).

Я привелъ вамъ эти примѣры, чтобы вы не удивлялись препятствіямъ, которыя должны были встрѣтить вначалѣ наши стремленія среди народа, такъ ужасно и систематически обманываемаго.

Когда въ октябрѣ прошлаго года я возвратился въ Берлинъ изъ моей агитаціонной поѣздки по Рейну и созвалъ собранія нашего Союза, г. Шульце-Деличъ объявилъ публично въ своемъ Рабочемъ Союзѣ — какъ свидѣтельствуютъ газеты его собственный партіи: Изъ Берлина соціализмъ поднялъ свою главу, въ Берлинѣ же надо и поразить его!

---

[1]) Лассаль называетъ торжествомъ то, что его всюду выгоняютъ.

Вскорѣ должно было оказаться, какимъ оружіемъ предполагалось поражать насъ.

Мы сдѣлали распоряженіе, чтобы въ собранія наши имѣли доступъ только члены Союза или лица, записывающіеся въ члены при самомъ входѣ въ мѣсто собранія. Для большей предосторожности мы требовали даже, чтобы входящіе подписывались подъ нашимъ уставомъ, послѣ чего, казалось, ни одинъ мало-мальски честный человѣкъ не войдетъ въ собраніе, если не согласенъ съ принципами устава. Тѣмъ не менѣе, въ наши собранія набиралось множество прогрессистовъ, приходившихъ мѣшать собранію и нарушать его возбужденіемъ шума. Вы понимаете, что это очень легко сдѣлать, даже если-бы озорниковъ было мало. Какъ скоро они поднимутъ шумъ, поднимутся противъ нихъ крики о водвореніи порядка и, такимъ образомъ, безпорядокъ увеличится. Въ трехъ засѣданіяхъ приходилось намъ выдерживать такую борьбу, и только напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ удавалось мнѣ усмирять шумъ.

Въ одномъ изъ этихъ собраній случилось обстоятельство, которое почти могло ввести въ заблужденіе относительно чести націи!

Послѣ трехкратнаго повторенія подобныхъ происшествій, я рѣшился отбросить всѣ предосторожности и стать съ противниками лицомъ къ лицу. Такъ какъ прогрессисты вынуждали меня вступить съ ними въ борьбу, то я предпочелъ вести борьбу крупную, чѣмъ мелочную (Громъ рукоплесканій).

Съ этою цѣлью я нанялъ большую залу Эльдорадо, гдѣ помѣщается болѣе 2.000 человѣкъ, и объявилъ, что будутъ говориться рѣчи, къ слушанію которыхъ открывается доступъ и не членамъ, по билетамъ. Билеты я велѣлъ раздавать щедро, всѣмъ желающимъ. Я, конечно, заранѣе зналъ, что прогрессисты примутъ это за вызовъ и не замедлятъ явиться во множествѣ.

Въ первомъ изъ этихъ собраній и произошло то обстоятельство, которое, какъ я сказалъ, почти могло ввести въ заблужденіе относительно чести нашей націи. На первое изъ собраній въ Эльдорадо ворвались тридцать полицейскихъ, которые арестовали меня по обвиненію въ государственной измѣнѣ, по тому извѣстному вамъ обвиненію, которое я потомъ уничтожилъ какъ остріемъ меча. И тутъ-то, когда полицейскіе арестовали меня, къ ихъ собственному неописанному удивленію, присутствовавшіе прогрессисты разразились бурными рукоплесканіями и „виватами“ полиціи! (Общее движеніе, сильное негодованіе.)

Такъ было въ Берлинѣ тогда. А какъ теперь?

Вамъ извѣстно, что мнѣ удалось довольно скоро избавиться отъ ареста. Черезъ три дня я былъ освобожденъ, внеся залогъ, и хотя прокуроръ объявилъ при этомъ, что оставляетъ за собой право немедленно вновь предложить арестовать меня, если я стану продолжать свои предпріятія, тѣмъ не менѣе, я въ самый день своего освобожденія не преминулъ назначить и объявить въ газетахъ новое собраніе въ Эльдорадо.

Тогда оказалось, что усилія прогрессистовъ безсильны противъ нашей твердости, какъ морская пѣна противъ скалъ! Глубокій стыдъ началъ овладѣвать народомъ. Мѣшать намъ уже не смѣли. Съ тѣхъ поръ мы еженедѣльно устраивали въ Берлинѣ собранія, проходившія мирно. У насъ составилась въ Берлинѣ славная община, занимающая теперь видное мѣсто между германскими общинами не по многочисленности, а по развитію и усердію. Это группа лучшихъ работниковъ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ мнѣ ни разу не приходилось самому присутствовать на ихъ собраніяхъ; я могу спокойно предоставлять предсѣдательство въ нихъ нашему уполномоченному,— никто не посмѣетъ мѣшать теперь имъ.

Да и въ самихъ крикунахъ произошла большая перемѣна. Изъ ожесточенныхъ противниковъ они сдѣлались нашими тайными приверженцами, и только ложный стыдъ препятствуетъ имъ открыто пристать къ намъ; это ложный стыдъ, потому что по-настоящему нечего стыдиться, что коечему научился и пріобрѣлъ болѣе вѣрныя понятія (Рукоплесканія).

Но и этотъ ложный стыдъ начинаетъ проходить. Уже послѣ моего отъѣздѣ изъ Берлина, нашъ тамошній Союзъ собирался на публичное засѣданіе, о которомъ нашъ секретарь сообщаетъ мнѣ, что на засѣданіи присутствовало много сторонниковъ г. Шульце, и послѣ рѣчи депутаціи силезскихъ ткачей (о которой я разскажу вамъ ниже) одинъ изъ нихъ вышелъ и объявилъ, что былъ самымъ заклятымъ врагомъ Лассалевскихъ стремленій, но съ этихъ поръ дѣлается самымъ горячимъ приверженцемъ ихъ и придетъ на слѣдующее засѣданіе Союза, чтобы записаться въ члены его, если Союзъ сочтетъ его достойнымъ этой чести (Оживленные клики: „браво!“).

Въ берлинскомъ Рабочемъ Союзѣ г-на Шульце уже болѣе двухъ мѣсяцевъ происходитъ полное разложеніе. Не проходитъ почти ни одного засѣданія безъ того, чтобы г-ну Шульц не приходилось выслушивать отъ членовъ своего собственнаго общества, что они находятся „въ рабствѣ у капитала“. Теперь мнѣ было бы очень легко, если-бы я захотѣлъ, отплатить г. Шульце сторицею, съ процентами и процентами на проценты, за всѣ непріятности, которыя онъ намъ устраивалъ; мнѣ стоило бы только послать въ его собранія нѣсколько членовъ нашего Союза, чтобы воспользоваться

господствующимъ тамъ настроеніемъ. Но это было бы недостойно и меня, и васъ, и я не хочу этого (Браво!).

Успѣхи нашей агитаціи бросаются въ глаза еще рѣзче при взглядѣ на всю рабочую массу. Въ Берлинѣ есть общество наборщиковъ, имѣющее 600—800 членовъ. Это общество рѣшило недавно подать просьбу министерству и въ основаніяхъ этого рѣшенія выразило полное признаніе справедливости нашихъ экономическихъ принциповъ, именно тѣхъ принциповъ, которые мы установили и доказали, а г. Шульце и экономисты его сорта такъ упорно отрицали; основанія эти, какъ вы можете видѣть, заимствованы почти буквально изъ извѣстнаго уже вамъ моего сочиненія „Бастіа-Шульце“. Вотъ какъ начинается это рѣшеніе:

„Имѣя въ виду:

„1) что, какъ доказано опытомъ, заработная плата не возрастаетъ въ одинаковой пропорціи съ возрастаніемъ цѣны на жизненныя потребности;

„2) что экономическій законъ спроса и предложенія приравниваетъ работника товару и, своими послѣдствіями, не обезпечиваетъ ему, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, даже минимума заработной платы, необходимаго для существованія“.

Итакъ, вы видите, что тотъ экономическій законъ, который я объяснилъ вамъ въ „Бастіа-Шульце“ и въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ“, какъ главное основаніе нашей экономической теоріи, чѣмъ возбудилъ такую ярость въ прогрессистахъ,— законъ, что подъ унизительнымъ господствомъ спроса и предложенія рабочій лишается своей человѣчности и экономически приравнивается товару,—подтверждается и признается здѣсь наборщиками самымъ положительнымъ образомъ!

Вы можете представить себѣ, какъ порадовались прогрессисты, когда справедливость нашего ученія, съ такимъ ожесточеніемъ оспариваемаго ими, была признана 600—800 берлинскими рабочими, цѣлымъ цѣхомъ наборщиковъ, такъ какъ рѣшеніе это было принято въ обществѣ наборщиковъ почти единогласно!

Въ просьбѣ ихъ дѣло идетъ о правѣ стачекъ, т. е. о правѣ рабочихъ составлять общій сговоръ на общее прекращеніе работъ, чтобы этимъ способомъ добиться повышенія заработной платы. Я никогда не скрывалъ отъ васъ и еще недавно опять вкратцѣ указалъ въ „Бастіа-Шульце“, что право это можетъ доставлять облегченіе нѣкоторымъ рабочимъ кружкамъ лишь въ очень рѣдкихъ, мимолетныхъ, исключительныхъ случаяхъ, но никогда не можетъ дѣйствительно улучшить положеніе рабочаго сословія. Тѣмъ не менѣе, требованіе это, во-первыхъ, совершенно основательно въ юридическомъ отно-

шеніи, а во-вторыхъ, превосходно въ смыслѣ агитаціи, вслѣдствіе чего я считалъ и считаю своей обязанностью поддерживать его всѣми средствами, какими располагаю въ рабочихъ кружкахъ.

Едва просьба эта появилась въ печати, какъ одна берлинская газета, „Публицистъ", бывшая всегда послѣдовательницей экономическихъ ученій г. Шульце, накинулась на нее въ статьѣ, изъ которой я приведу вамъ одно мѣсто для характеристики этихъ людей: „Свобода ассоціаціи — дѣло хорошее въ принципѣ (въ принципѣ, т. е. только въ принципѣ, т. е. только на сѣрой газетной оберточной бумагѣ); но если ею пользуются, чтобы повышать заработную плату (т. е., если изъ нея выходитъ какая-нибудь практическая польза работникамъ), между тѣмъ, какъ предприниматель не можетъ продавать продуктъ потребителю дороже по причинѣ конкуренціи, то тутъ приходится, наконецъ, сказать, что всему должны быть границы, стало быть и ассоціаціи" (Громкій и продолжительный хохотъ).

Кромѣ того „Публицистъ" упрекалъ наборщиковъ въ „тираніи массы надъ личностями". Тутъ терпѣніе берлинскихъ рабочихъ лопнуло. Берлинскіе наборщики единогласно рѣшили написать брошюру, отпечатать ее въ 3.000 экземплярахъ и безплатно распространять между рабочими. Мнѣ передано много экземпляровъ для раздачи общинамъ нашего Союза. Я передамъ экземпляръ ея вашему уполномоченному для прочтенія ея здѣсь, какъ и всюду, въ первомъ же очередномъ засѣданіи Союза и для распространенія потомъ въ мѣстномъ обществѣ наборщиковъ.

Вы увидите, друзья мои, что брошюра эта написана превосходно. А, между тѣмъ, ее писалъ не я и не какой-нибудь другой писатель, а простой работникъ. Тѣмъ не менѣе, она написана такъ, что ни одинъ писатель не постыдился бы подписать ее. Дѣло въ томъ, что она написана рабочимъ, состоящимъ членомъ нашего Союза въ Берлинѣ (Оживленное браво!). Чѣмъ мы, по справедливости можемъ гордиться, это тѣмъ, что всюду самые развитые рабочіе принадлежатъ къ нашему Союзу. Подъ знаменемъ нашемъ и въ нашемъ лагерѣ собранъ цвѣтъ рабочаго сословія! (Громъ рукоплесканій).

Чтобы показать вамъ духъ этого сочиненія, приведу изъ него только два мѣста--начало и конецъ.

Авторъ начинаетъ такъ: „Печально уже то, что изъ органовъ общественнаго мнѣнія именно тѣ меньше всего заступаются за интересы рабочаго сословія и больше всего замалчиваютъ его жалобы, на помощь которыхъ рабочіе могли бы, казалось, главнымъ образомъ, разсчитывать; но

особенно возмутительно, что есть газеты, открыто идущія противъ интересовъ рабочихъ“.

А въ заключеніи онъ говоритъ:

„Работники! Откройте глаза и знайте, что изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ ни одна не стоитъ за ваше дѣло такъ, какъ бы слѣдовало — ни одна, ни одна!“

Итакъ, работники, вы видите, что теперь и берлинскіе работники, 600—800 работниковъ одного только типографскаго цѣха, вторятъ тому военному кличу противъ либеральной печати, который годъ тому назадъ я поднялъ за васъ въ Лейпцигѣ, въ то время почти одинъ! (Рукоплесканія).

Недавній случай въ Гамбургѣ представляетъ столь же разительное доказательство распространенія нашей агитаціи, возрастанія нашихъ успѣховъ. Это стачка работниковъ на Лауэнштейновской экипажной фабрикѣ. На этой фабрикѣ работы начинаются въ 5 часовъ утра, и рабочіе утверждаютъ, что это единственная фабрика этого мастерства во всей Германіи, такъ рано начинающая работы. Они заявили весьма скромное требованіе—работать только съ 6 часовъ утра. Для этой цѣли они избрали комиссію, а комиссія—оратора, которымъ, разумѣется, былъ опять-таки непремѣнно одинъ изъ мѣстныхъ членовъ нашего Союза (Оживленнѣйшіе продолжительные клики: браво!). Вмѣсто всякаго отвѣта хозяинъ расчиталъ оратора. Тутъ работники вышли изъ терпѣнія! Черезъ день, послѣ краткаго совѣщанія, всѣ они, 800 человѣкъ, прекратили работы. Вотъ до чего развилось подъ вліяніемъ агитаціи нашего великаго Союза классовое сознаніе работника, вотъ какъ возвысилось чувство чести вашего сословія! Подобнаго случая до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не бывало нигдѣ въ Германіи; до сихъ поръ онъ былъ невозможенъ. Это могло случиться только при существованіи нашего Союза и притомъ только въ городѣ, гдѣ, благодаря нашей славной и многочисленной гамбургской общинѣ, принципы Общаго Германскаго Рабочаго Союза имѣютъ преобладающій авторитетъ. Итакъ, фабрика прекратила работы, и хозяинъ, рѣшившійся, съ своей стороны, не уступать, рѣшилъ обратиться за рабочими въ Берлинъ, Лейпцигъ и другія мѣста. Гамбургскіе рабочіе тотчасъ обратились ко мнѣ, прося меня употребить все вліяніе, какимъ я могу располагать, на удержаніе рабочихъ другихъ городовъ отъ поступленія на эту фабрику. Вы понимаете, конечно, какую подлость дѣйствительно сдѣлалъ бы тотъ рабочій, который поступилъ бы туда при такихъ обстоятельствахъ и сталъ бы, такимъ образомъ, служить орудіемъ противъ интересовъ своего собственнаго класса.

Поэтому, я тотчасъ напечаталъ письмо гамбургскихъ рабочихъ въ берлинскомъ „Общенародномъ Листкѣ“, газетѣ, конечно реакціонной, потому что либеральные органы вѣчно закрыты для всѣхъ жалобъ и интересовъ рабочихъ (Сильныя рукоплесканія:)

Прошу уполномоченнаго прочесть эту статью. (Уполномоченный читаетъ слѣдующее).

РАБОЧЕЕ ДѢЛО.

„Въ Гамбургѣ производитъ сильное впечатлѣніе стачка 800 рабочихъ экипажной фабрики Лауэнштейна. Намъ пишутъ объ этомъ слѣдующее:

„Гамбургъ. Въ среду 27 апрѣля работники Лауэнштейновой экипажной фабрики собрались въ залѣ г. Луммерта по поводу устройства больничной кассы. По рѣшеніи этого очередного вопроса, многими было предложено и единогласно рѣшено воспользоваться случаемъ, который представляетъ недавній переходъ фабрики въ руки акціонернаго общества, чтобы по соглашеніи съ фабрикантомъ сократить рабочее время на часъ, установивъ начало работы въ 6 часовъ, вмѣсто 5. Избранный для этой цѣли комитетъ написалъ фабриканту очень вѣжливое письмо, съ просьбой принять въ соображеніе это предложеніе рабочихъ и столковаться съ ними по этому вопросу мирнымъ образомъ, такъ какъ желательно сохранить добрыя отношенія между хозяиномъ и рабочими. Затѣмъ комитетъ изложилъ фабриканту дѣло еще обстоятельнѣе, напомнивъ ему о человѣколюбіи и гуманности и указавъ, что его фабрика единственная въ Германіи, съ такимъ продолжительнымъ рабочимъ днемъ; кромѣ того ему было объяснено, что многіе рабочіе вынуждены обстоятельствами жить далеко отъ фабрики, такъ что къ рабочему времени прибавляется еще время на длинный путь къ фабрикѣ и обратно. Фабрикантъ, выслушавъ все это, отпустилъ депутацію, сказавъ, что подумаетъ. Результатомъ его размышленій было то, что въ субботу онъ разсчиталъ предсѣдателя комитета, говорившаго съ нимъ отъ имени своихъ товарищей. Послѣднему было очень трудно удержать возмущенныхъ этимъ рабочихъ отъ безразсудныхъ поступковъ и насилія.—Въ понедѣльникъ, 2 мая, всѣ рабочіе явились по обыкновенію въ 5 часовъ утра на работу, но къ 8 часамъ согласились потребовать всѣмъ расчета. Такъ и сдѣлали. Рабочіе, которые прежде никогда не могли согласиться между собой на счетъ самыхъ простыхъ вещей, тутъ составили плотную массу, исполненную величайшаго единодушія. Начали съ того, что всѣ корпораціи обратились

къ своимъ мастерамъ и послали ихъ къ фабриканту заявить ему ихъ требованія, но фабрикантъ отвергъ всѣ требованія и наотрѣзъ объявилъ, что ни на что не согласенъ. Тогда вся масса рабочихъ двинулась къ хозяйской конторѣ и послала къ нему депутатовъ съ предложеніями, которыя онъ также отвергъ повелительнымъ тономъ и приказалъ немедленно итти на работу. Тогда рабочіе послали депутатовъ въ ратушу, чтобы увѣдомить полицію о происходящемъ. Между тѣмъ, фабрикантъ пригласилъ десять полицейскихъ, которые однако, увидя, какъ идетъ дѣло, нашли невозможнымъ произвести аресты для удовлетворенія желанія добраго хозяина. Чтобы ни подъ какимъ видомъ не подвергать себя обвиненію въ бунтѣ (впрочемъ, несмотря на это, „Гамбургскія Вѣдомости“ не преминули, на другой же день, обвинить ихъ въ этомъ), рабочіе рѣшили продолжать спокойно работать до пятницы, такъ какъ на фабрикѣ рабочая недѣля начиналась съ этого дня.

„Если взять въ соображеніе, что, при такихъ условіяхъ и при такомъ рабочемъ времени, работникъ опоздавшій случайно, напр., въ понедѣльникъ, на фабрику къ назначенному часу, наказывался, кромѣ потери заработка, еще штрафомъ въ 8 шиллинговъ, то получимъ нѣкоторое слабое понятіе объ ужасающемъ обращеніи съ рабочими на Лауэнштейновой фабрикѣ.

„Чтобы не оставаться безъ рабочихъ, г. Лауэнштейнъ поручилъ своимъ агентамъ набирать рабочія руки для его фабрики въ другихъ мѣстностяхъ. Пусть рабочіе другихъ городовъ не упускаютъ изъ виду своихъ интересовъ и не поддаются на приманки агентовъ Лауэнштейновскаго акціонернаго общества“.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда я предпринялъ свою настоящую поѣздку. Но еще въ Кельнѣ я получилъ извѣстіе, что гамбургскій фабрикантъ былъ вынужденъ уступить и что теперь рабочее время начинается тамъ съ 6 часовъ, какъ требовали рабочіе. Вы видите въ этомъ успѣхъ классового сознанія, пробужденнаго въ рабочихъ агитаціей нашего Союза (Оживленныя рукоплесканія).

Принципы наши, такъ сказать, носятся въ воздухѣ, т. е., говоря опредѣленнѣе, суть лишь выраженіе реальныхъ условій нынѣшняго общества, такъ что должны возникать уже вслѣдствіе одного вліянія этихъ условій, стало быть, даже въ такихъ рабочихъ кругахъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о нашей дѣятельности и о нашихъ сочиненіяхъ. Недавно я видѣлъ очень любопытный примѣръ этого. Въ Силезіи, въ Вюсте-Гирсдорфѣ, есть большая хлопчатопрядильная и ткацкая фабрика принад-

лежавшая до 1848 г. казнѣ, но затѣмъ проданная въ частныя руки за кусокъ хлѣба и печеное яблоко либеральнымъ министромъ г. Ганземаномъ, который, разумѣется, нашелъ несообразнымъ съ либеральными принципами, чтобы казна занималась фабрикаціей. Купилъ ее г. Рейхенгеймъ, тотъ самый г. Рейхенгеймъ, который извѣстенъ вамъ по моему „Бастіа-Шульце" за депутата-прогрессиста и закадычнаго друга г. Шульце-Делича. Рабочіе этой фабрики говорятъ въ своемъ прошеніи, что пока она была государственною собственностью, положеніе ихъ было сносно и обращенія съ ними гуманно; но съ 1858 г. они попали въ такую крайность, что, наконецъ, ими овладѣло отчаяніе, и они рѣшились обратиться съ прошеніемъ къ королю. Для этой цѣли они послали въ Берлинъ депутацію, которая должна была выхлопотать аудіенцію у короля и просить его о какомъ-нибудь измѣненіи невыносимаго положенія ихъ.

Дѣло это было затѣяно совершенно помимо насъ. Мы не имѣли въ этой странѣ ни вліянія, ни связей; сочиненія наши были тамъ неизвѣстны.

Депутація ткачей прибыла въ Берлинъ, пробыла тамъ четыре недѣли, прежде чѣмъ добилась аудіенціи, посѣщала въ это время тамошніе рабочіе кружки и слышала въ нихъ совѣты, отъ однихъ—обратиться къ г. Шульце-Деличу, отъ другихъ—ко мнѣ. Они предпочли послѣдовать второму совѣту. „Мы не знаемъ вашихъ сочиненій, — сказали они мнѣ, прійдя ко мнѣ,— знаемъ про васъ только одно: что всѣ либеральныя газеты нашей провинціи страшно бранятъ васъ; это-то и внушило намъ убѣжденіе, что вы-то намъ и нужны!" (Шумныя рукоплесканія).

„Мы не ученые", продолжали эти славные, смышленые люди, „и никто изъ ученыхъ не заинтересовался нами; но одно можемъ мы сказать вамъ, какъ общее и безусловное убѣжденіе всѣхъ силезскихъ ткачей: намъ нельзя помочь иначе, какъ государственной помощью; мы, правда, не знаемъ, какъ это сдѣлать; это дѣло ученыхъ; но одно мы знаемъ, что если государство не вступится за насъ, то въ рукахъ фабрикантовъ мы пропадемъ!" (Громкія рукоплесканія, многократные виваты силезскимъ ткачамъ).

Они сообщили мнѣ копію со своего прошенія королю. Я прочту вамъ кое-что изъ него, чтобы вы услышали изъ устъ самого народа, во всей ихъ наготѣ, тѣ факты, которые извѣстны вамъ изъ моей книги „Косвенные налоги и положеніе трудящихся классовъ".

„Съ 1858 г. братья Рейхенгеймы и, сосѣдніе фабриканты, братья Кауфманы завели систему пониженія заработной платы, повергшую всѣ семейства страны, въ отчаяніе и распространившую величайшую нищету. Въ настоя-

щее время средній рабочій, работая съ величайшимъ усердіемъ по 12 часовъ въ сутки, зарабатываетъ въ недѣлю въ среднемъ отъ 1 т. 24 зильб. до 1 т. $27^1/_2$ зильб. [1]). (Взрывъ негодованія въ слушателяхъ).

„Только выгоднѣйшая работа доставляетъ 2 т. 23 зильб. въ недѣлю; за-то менѣе искусные рабочіе получаютъ только отъ 28 зильб. до 1 т. [2]) (Восклицанія удивленія и негодованія).

„Если наши жены работаютъ вмѣстѣ съ нами на фабрикѣ, то лишній заработокъ выходитъ очень невеликъ, да и тотъ теряется на содержаніе двойного хозяйства, когда квартира въ 1—2 часахъ пути отъ фабрики“.

Затѣмъ слѣдуетъ таблица цѣнъ на квартиры и съѣстные припасы; далѣе рабочіе жалуются на недостатокъ путей сообщенія, что не позволяетъ имъ искать работы въ другихъ мѣстахъ (вотъ она пресловутая шульце-деличевская свобода передвиженія!) Потомъ приводится расчетъ, что необходимо нужно рабочему.

„Обыкновенная квартира для семьи съ платою въ день	1	зильб	8 фен.
$^1/_2$ фунта мяса или сала	2	„	„
Картофель или овощи	2	„	„
Хлѣба для 4 лицъ.	3	„	„
Итого въ день	8	зильб.	8 фен. [3]).

„Въ мѣсяцъ это составляетъ 8 тал. 20 зильбергрошей, между тѣмъ, какъ едва зарабатывается 8 талеровъ. Стало быть, объ освѣщеніи, отопленіи, одеждѣ, платѣ за школу нечего и толковать.

„Но этого мало,—самымъ безсовѣстнымъ образомъ обсчитываютъ на рабочемъ времени, чтобы и изъ этой-то ничтожной платы дѣлать еще вычеты“.

Въ заключеніе говорится, что малѣйшая, самая скромная жалоба г. Рейхенгейму или его служащимъ наказывается немедленнымъ удаленіемъ съ фабрики.

Ниже вы услышите отъ меня чрезвычайно важныя извѣстія объ аудіенціи, испрошенной этою депутаціею. Но сперва надо коснуться еще одного обстоятельства.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ нашего успѣха служитъ изданная въ мартѣ книга „Бастіа-Шульце“, поэтому о ней необходимо упо-

---

[1]) Около 1 р. 60 к.—1 р. 70 к.

[2]) 2 т. 23 зильб. = 2 р. 45 коп.; 28 зильб.—1 т.=85—90 коп.

[3]) Зильбергрошъ=приблизительно 3 копѣйкамъ.

мянуть вкратцѣ. Никогда еще, друзья, не удавалось мнѣ оказать вашему дѣлу столь важной услуги, какъ этой книгой. Консервативные органы отдали ей полную справедливость, но либеральные рѣшились замолчать ее! Но вы понимаете, друзья, что теперь поздно замалчивать! Если партія прогрессистовъ хотѣла замолчать насъ, если мы казались ей слишкомъ ничтожными, чтобы говорить о насъ, то замалчиваніе слѣдовало начать еще въ прошломъ году, когда мы только-что подняли наше знамя. Но послѣ того, какъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ партія прогрессистовъ ежедневно издавала противъ насъ, во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ, неистовѣйшіе вопли ярости, нынѣшнее молчаніе, ея по поводу этого теоретическаго и систематическаго произведенія, доказываетъ только, что она чувствуетъ себя не въ силахъ итти противъ рожна и возразить что-нибудь мало-мальски состоятельное на это теоретическое сочиненіе!

Но на это есть и болѣе ясныя доказательства.

Изъ всѣхъ прогресситскихъ газетъ одна, штеттинская „Остзейская Газета“, редактируемая манчестерцемъ г. Вольфомъ, экономистомъ шульцевскаго направленія, осмѣлилась взяться за подробную критику этой книги, въ рядѣ передовыхъ статей. И едва принялась она за это, какъ, несмотря на всѣ ругательства и на ярость свою, была вынуждена высказать очень любопытныя признанія.

Прочту вамъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи:

„Быть можетъ, говоритъ она, наши читатели спросятъ, зачѣмъ мы вообще обращаемъ вниманіе на Лассаля? Но несправедливо было бы судить его исключительно по этой сторонѣ его литературной дѣятельности. Мы и прежде не могли не признавать за нимъ обширную ученость и глубину мысли, и новѣйшее сочиненіе его представляетъ много доказательствъ и того, и другого. Впрочемъ, тѣмъ хуже для него, что, при всемъ своемъ знаніи и умѣ, онъ не можетъ возвыситься надъ сферой людей, за которыми можно признать какія угодно достоинства, только не „образованность“.

Кажется, прогрессисты никого не признаютъ „образованнымъ“, кто не преисполненъ благоговѣнія къ нимъ (Сильный смѣхъ).

„Впрочемъ онъ, повидимому, самъ понимаетъ заключающееся въ этомъ противорѣчіе; потому что приводитъ во введеніи, какъ-бы въ оправданіе своего тона, отвѣтъ знаменитаго философа Шелллинга на нападки одного рецензента; этотъ отвѣтъ приводится въ защиту брани ученаго противъ нападковъ профановъ. Но исторія нѣмецкой литературы и безъ того, къ сожалѣнію, не бѣдна примѣрами подобнаго сознательнаго и умышленнаго нарушенія всѣхъ понятій приличія, она ими богаче любой другой

европейской литературы. Но нельзя сказать, чтобы этотъ тонъ нашихъ великихъ ученыхъ послужилъ на пользу и на преуспѣяніе нашего умственнаго развитія. (Стало быть, признается, что это общій тонъ великихъ ученыхъ въ отношеніи невѣжественныхъ болтуновъ). Особенно не поможетъ онъ цѣлямъ Лассаля, хотя даже зависть должна сознаться, что въ этомъ отношеніи Лассаль превзошелъ всѣхъ. Желали бы мы знать, какой образованный человѣкъ не отвернется съ отвращеніемъ отъ его новѣйшаго произведенія".

Несмотря, однако, на все это, обратите на слѣдующую фразу, друзья особое вниманіе; изъ-за ней-то я и цитирую эту статью,—„мы, хотя принадлежимъ къ его рѣшительнымъ противникамъ, больше всего сожалѣемъ объ этомъ, не только потому, что его крайне слабые въ своихъ результатахъ нападки на наше направленіе, въ концѣ концовъ, побиваютъ сами себя, но, говоря откровенно, потому, что при всемъ томъ мы находимъ въ его полемической работѣ множество положительно цѣнныхъ мыслей, съ которыми частью совершенно согласны".

Каково! Наконецъ, дошло до того, что прогрессисты уже соглашаются со мной! Какъ же такъ? Они находитъ у меня „множество положительно цѣнныхъ мыслей, съ которыми частью совершенно согласны", и, тѣмъ не менѣе, остаются при своемъ и считаютъ себя правыми! Каждый изъ васъ, кто читалъ мою книгу, понимаетъ, что въ ней ничего нельзя отдѣлять отъ другого, потому что вся книга есть строго логическое развитіе одной мысли. Надо или признавать ее цѣликомъ отъ перваго слова до послѣдняго, или цѣликомъ отвергать. „Остзейская Газета" обѣщала доказать въ дальнѣйшихъ статьяхъ, какимъ образомъ она „частью совершенно" согласна съ этимъ множествомъ положительно цѣнныхъ мыслей и, тѣмъ не менѣе, остается права противъ меня. Вы понимаете, съ какимъ любопытствомъ я ждалъ обѣщанныхъ статей! Но съ 5 марта, когда явилась статья, которую я вамъ прочелъ, до сегодняшняго дня онѣ не появились. По крайней мѣрѣ, такъ говорятъ мои друзья, которымъ я поручилъ караулить эту газету. Надо думать, что эта газета получила отъ партіи прогрессистовъ внушеніе; вѣроятно, ей было замѣчено, что настоящій случай одинъ изъ тѣхъ, гдѣ вѣрнѣе молчать, чѣмъ пускаться въ длинныя разсужденія, памятуя правило: говорить хорошо, а молчать еще лучше (Смѣхъ).

Вы, конечно, понимаете, друзья, что невозможно убить молчаніемъ такой теоретическій и систематическій трудъ, невозможно особенно въ Германіи, которая, къ счастью, до сихъ поръ осталась отечествомъ мысли и науки.

Блистательнѣйшіе представители нѣмецкой науки заявили мнѣ словесно и письменно глубокую признательность и горячую симпатію, по поводу этого труда. Говорю это не для удовлетворенія личнаго самолюбія, потому что, по своему положенію въ наукѣ, стою выше такого тщеславія, а для того, чтобы представить вамъ еще одно ручательство за непоколебимость научнаго основанія вашихъ стремленій. Вы понимаете, что съ моей стороны было бы нескромностью называть здѣсь имена и пускаться о предметѣ въ подробности. Одно я могу и долженъ вамъ сказать, что славнѣйшія имена Германіи подтвердили мнѣ съ тѣхъ поръ,—если мнѣ нужны были подтвержденія,—что я правъ въ каждой строчкѣ и въ каждомъ словѣ.

Мало того: рѣдкая недѣля проходила съ тѣхъ поръ безъ того, чтобы я такъ или иначе не слыхалъ отъ кого-нибудь изъ самихъ буржуа—вѣдь и между буржуа есть честные и благомыслящіе люди,—что моя книга убѣдила и обратила многихъ изъ нихъ (Оживленное „браво!").

Но теперь я представлю вамъ доказательство, далеко превосходящее все предыдущее.

Недавно одинъ князь церкви, архіепископъ майнцскій, баронъ фонъ-Кеттелеръ былъ побужденъ совѣстью принять участіе въ рѣшеніи рабочаго вопроса. Это—человѣкъ, почитаемый на Рейнѣ чуть не святымъ, человѣкъ, многіе годы посвятившій ученымъ изслѣдованіямъ. Онъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: „Рабочій вопросъ и христіанство", и въ ней высказалъ полное согласіе со всѣми моими экономическими положеніями и тезисами противъ прогрессистовъ. Онъ высказался такъ рѣзко и искренно, что мнѣ необходимо представить вамъ хотя нѣсколько отрывковъ изъ его книги.

Вы помните, что главное основаніе всего спора составляетъ тотъ „желѣзный экономическій законъ", какъ я назвалъ его въ „Гласномъ Отвѣтѣ", по которому заработная плата подъ вліяніемъ спроса и предложенія никогда надолго не поднимается выше минимума необходимѣйшихъ средствъ существованія. Вы помните, какъ сравнительно *кротко* выразился я въ „Гласномъ Отвѣтѣ", сказавъ вамъ: „Повернитесь къ нему (отрицающему этотъ желѣзный экономическій законъ) спокойно спиной. Это пустой болтунъ, который хочетъ надуть и оглушить громкими фразами васъ или самого себя". (стр. 68 наст. тома). Стало быть, я еще имѣлъ снисхожденіе оставить хотя эту дилемму.

Вы помните также, съ какой яростью, съ какой пѣной у рта накинулась на меня партія прогрессистовъ, г.г. Шульце, Виртъ, Фаухеръ и тому подобные нули, и вся либеральная печать, и съ какимъ остервененіемъ отрицали они этотъ законъ.

Архіепископъ, основываясь на доказательствахъ, представленныхъ мною въ „Гласномъ Отвѣтѣ“, въ „Книгѣ для чтенія рабочимъ“ и, наконецъ, систематически въ „Бастіа-Шульце“, доходитъ до того, что не оставляетъ прогрессистамъ даже этого выбора между невѣжествомъ и плутовскимъ умысломъ. По совѣсти онъ находитъ себя вынужденнымъ объявить напрямикъ, что всякій, оспаривающій этотъ законъ послѣ приведенныхъ мною доказательствъ, желаетъ обмануть народъ! (Громъ рукоплесканій).

Сейчасъ я васъ познакомлю съ собственными словами епископа.

Онъ говорить на стр. 17 свой книги: „Матеріальное существованіе рабочаго сословія, доставленіе рабочему и его семьѣ всѣхъ необходимыхъ средствъ къ существованію, покоится—за столь малыми исключеніями, что они, обыкновенно, не нарушаютъ общаго правила—на заработной платѣ; заработная же плата опредѣляется въ наше время потребностями жизни въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. тѣмъ, что является для человѣка безусловно необходимымъ, въ противномъ случаѣ его физическое существованіе будетъ уничтожено. Истинность этого положенія, благодаря полемикѣ Лассаля съ его противниками, стала до того очевидною, что только преднамѣренное желаніе обмануть народъ можетъ ее оспаривать. Въ ней заключается, какъ совершенно справедливо утверждаютъ, весь рабочій вопросъ: съ одной стороны—нужда рабочихъ, а съ другой — пробный камень для опредѣленія достоинства всѣхъ предложеній помочь рабочему сословію“.

Вы знаете, друзья мои, что я не принадлежу къ числу людей благочестивыхъ. Тѣмъ не менѣе, я имѣю право придавать чрезвычайную цѣну этимъ словамъ архіепископа, который при всей кротости и снисходительности, свойственныхъ его сану, чувствуетъ себя однако обязаннымъ, по совѣсти, говорить съ такою же строгостью, съ какою говорилъ я въ званіи народнаго трибуна, судящаго безпощадно, и прямо обвиняетъ партію прогрессистовъ, за упорное отрицаніе доказаннаго мною экономическаго закона, въ умышленномъ обманѣ!

Судите же, до какой ясности долженъ былъ я довести эти доказательства, чтобы побудить князя церкви заговорить такимъ языкомъ!

Судите также, каково было безпримѣрное безстыдство прогрессистовъ и ихъ печати, такъ упорно отрицавшихъ передъ вами справедливость этого закона!

Судите, до какой степени эти люди долго обманывали васъ и желали бы продолжать обманывать! (Продолжительныя, трижды повторяющія рукоплесканія).

Также опредѣленно говоритъ архіепископъ въ другомъ мѣстѣ о не-

опровержимой экомономической вѣрности нашихъ принциповъ и стремленій. Такъ, напр., на стр. 62 онъ говоритъ: „Партіи, главнымъ представителемъ которой является самъ Лассаль, принадлежитъ неоспоримая заслуга раскрытія съ неумолимой правдой и рѣзкостью этого положенія рабочаго сословія, все существованіе котораго ограничено безусловно необходимыми потребностями жизни. Поэтому, она совершенно вѣрно ставитъ аксіомой положеніе: что, кто хочетъ основательно и дѣйствительно помочь рабочимъ, долженъ найти средства открыть рабочему сословію, наряду съ скудной заработной платой, новый и болѣе богатый источникъ дохода. Она говоритъ, что рѣшеніе этой задачи есть пробный камень для оцѣнки достоинства представляемыхъ предложеній. Хотя она не отрицаетъ, что стремленія либеральной партіи могутъ доставить рабочему сословію нѣкоторыя облегченія, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ она убѣдительно доказала, что стремленія эти не въ состояніи предохранить рабочее сословіе отъ гибели, куда влечетъ его общая конкуренція, въ особенности съ капиталомъ, а тѣмъ болѣе не въ состояніи надолго улучшить быть его вообще“.

Также рѣшительно подтверждаетъ архіепископъ мои доказательства, что предложенія г. Шульце-Делича и партіи прогрессистовъ никоимъ образомъ не могутъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ. Онъ говоритъ объ этомъ, на стр. 57: „Задача состоитъ въ томъ, чтобы помочь освободиться изъ умственнаго положенія рабочему сословію, котораго эксперименты либеральной партіи довели до того, что все существованіе его зависитъ отъ заработной платы, доставляющей только необходимѣйшія средства самой скудной жизни, платы, которую ему приходится почти вымаливать ежедневно на рынкѣ труда при колебаніи спроса и предложенія. Въ новѣйшее время совершенно очевидно доказано, что товарищества, предлагаемыя либеральной партіей, какъ средство помощи, въ обширныхъ размѣрахъ безполезны. Въ этомъ отношеніи доказательства Лассаля не опровергнуты и неопровержимы“.

Эти свидѣтельства тѣмъ важнѣе, что самъ архіепископъ, не принадлежитъ, конечно, къ числу нашихъ приверженцевъ. Онъ дѣлаетъ возраженія противъ цѣлесообразности и противъ законности нашихъ стремленій. Въ отношеніи цѣлесообразности онъ опасается увлеченія при выполненіи нашихъ соціальныхъ мѣръ. Я не раздѣляю этого опасенія, потому что мнѣ извѣстно ваше самообладаніе, о которомъ я скажу еще ниже.

Насчетъ законности нашихъ стремленій архіепископъ сомнѣвается, въ правѣ ли государство направлять, посредствомъ требуемыхъ мною средствъ и учрежденій собственность будущаго — потому что, вѣдь, рѣчь у насъ

идетъ не о теперешней, уже пріобрѣтенной собственности, а о будущей— въ такіе опредѣленные, предначертанные пути, въ такіе заранѣе опредѣляющіе ее каналы.

Но и тутъ архіепископъ отдаетъ намъ полную справедливость. Онъ сознается, что подобное сомнѣніе можетъ возникать только въ тѣхъ, кто, какъ онъ самъ, считаетъ частную собственность божественнымъ учрежденіемъ; съ точки же зрѣнія мнѣній господствующихъ теперь въ государствѣ, въ наукѣ и въ либеральной партіи, гдѣ частная собственность считается человѣческимъ учрежденіемъ, не можетъ даже возникнуть сомнѣнія въ справедливости требуемыхъ мною мѣръ.

Онъ говоритъ (стр. 77): „Съ точки зрѣнія либеральной партіи и той науки, которая преподается теперь со стольких кафедръ отъ имени правительства, нельзя возбуждать никакихъ сомнѣній противъ справедливости мѣръ, предлагаемыхъ Лассалемъ. Это лишь чрезвычайно скромное начало совсѣмъ иного рода дѣлъ, которыя должны предстоять съ этой точки зрѣнія“.

Вы понимаете, до какой степени важно для насъ это сознаніе, потому что люди почитающіе частную собственность божественнымъ учрежденіемъ, въ настоящее время такая рѣдкость, что, не будь у насъ другихъ противниковъ, дѣло наше было бы выиграно безъ малѣйшаго труда.

Великое общее умственное движеніе, вызванное нами въ націи, внесло результаты нашей агитаціи, убѣжденіе въ справедливости нашихъ ученій и въ своевременности нашихъ требованій, въ самые авторитетные и высокопоставленные круги и вызвало въ нихъ явленія величайшей важности. Въ доказательство этого я представлю вамъ оффиціальный фактъ чрезвычайнаго значенія, на который прошу обратить все ваше вниманіе.

Я опять возвращаюсь къ депутаціи ткачей, о которой разсказывалъ вамъ. За два дня до моего отъѣзда изъ Берлина она получила аудіенцію у короля.

Я представлю вамъ подлинное доказательство того, что король сказалъ на этой аудіенціи, и не только того, что онъ *сказалъ*, но и того,—что еще важнѣе,—что онъ *хотѣлъ* сказать.

Вы понимаете, конечно, что оффиціозныя газеты могутъ печатать о томъ, что король говоритъ на аудіенціяхъ, лишь по доставляемымъ имъ отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Поэтому послѣ пріема ткачамъ было сказано прійти на другой день въ министерство внутреннихъ дѣлъ за полученіемъ описанія аудіенціи, которое они могутъ опубликовать.

Рабочіе пришли и получили корректурный оттискъ „Цейдлеровой Кор-

респонденціи", который вы здѣсь видите (Ораторъ высоко поднимаетъ красный листъ). Это—описаніе аудіенціи, составленное для „Цейдлеровой Корреспонденціи" въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Рабочіе отправились съ этимъ листомъ ко мнѣ, отдали мнѣ его и уполномочили меня воспользоваться имъ по усмотрѣнію, такъ какъ онъ предназначенъ къ обнародованію. Я прочту вамъ этотъ отчетъ, составленный въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вотъ что въ немъ говорится:

„Его Величество Король соизволили вчера въ часъ пополудни удостоить пріемомъ депутацію бѣдныхъ ткачей изъ Силезскихъ Исполинскихъ горъ и принять отъ нихъ записку и прошеніе относительно ихъ положенія. Ткачи пожелали принести свои жалобы къ подножію престола, дабы въ этомъ высшемъ прибѣжищѣ всѣхъ подданныхъ испросить помощи своимъ страданіямъ, которыя, вслѣдствіе пониженія заработной платы работодателями, дошли до того, что они рѣшительно не могутъ существовать, а, между тѣмъ, нищета ихъ не позволяетъ имъ доставить своимъ семьямъ честнаго содержанія переселеніемъ въ болѣе благопріятныя мѣстности. Триста ткачей избрали изъ своей среды троихъ и прислали ихъ депутатами дерзнуть обратиться къ монарху.

„Мы слышали, что Его Величество Король приняли депутацію очень милостиво и сказали, что поручили своимъ министрамъ приготовить быструю и дѣйствительную законную помощь, насколько она возможна.

„Его Величество ласково выслушали наивную рѣчь этихъ людей, подробно освѣдомились о разныхъ обстоятельствахъ и напомнили, что, къ сожалѣнію, подобныя условія и прежде уже (въ 1844 г.) имѣли печальныя послѣдствія, которыя теперь слѣдуетъ предупредить. Его Величество, узнавъ, что нѣкоторыя семьи ткачей лишены работы за участіе въ обращеніи къ престолу, выразили величайшее порицаніе такимъ поступкамъ. Его Величество отпустили депутацію съ утѣшительной надеждой на скорое, по возможности, законное рѣшеніе вопроса и на улучшеніе черезъ это ихъ бѣдственнаго положенія. Королевское обѣщаніе (замѣтьте, друзья мои,—обѣщаніе!—такъ и сказано: обѣщаніе!) отрадно прозвучитъ во всѣхъ долинахъ Исполинскихъ горъ и принесетъ новую надежду и силу мужественнаго терпѣнія многимъ сотнямъ бѣдствующихъ честныхъ семействъ".

Таковъ оффиціозный разсказъ „Цейдлеровой Корреспонденціи", исходящій изъ самого министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ немъ три обстоятельства имѣютъ чрезвычайную важность:

1) Признаніе королемъ, что необходимо уладить рабочій вопросъ законодательствомъ, слѣдовательно, признаніе главнаго принципа,

въ защиту котораго мы начали нашу агитацію; признаніе необходимости и справедливости того, что я во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ указывалъ вамъ какъ квинтъ-эссенцію нашихъ требованій [1]); признаніе принципа, служащаго основаніемъ всей агитаціи Общаго Германскаго Рабочаго Союза и составляющаго наше коренное требованіе, въ противоположность принципу либеральной экономіи, что положеніе рабочихъ должно быть беззащитно предоставлено игрѣ свободнаго соперничества, господству „спроса и предложенія"; признаніе непреложной справедливости и неприкосновенной правды нашего принципа. Мы добились этого признанія не только отъ епископовъ, но и отъ короля!

2) Обѣщаніе короля—я говорю: обѣщаніе! — что рабочій вопросъ будетъ урегулированъ законодательствомъ и будетъ оказана законодательная помощь рабочему сословію, притомъ, по возможности, скоро! Въ 1844 г. противъ бѣдствій силезскихъ ткачей были направлены штыки, а теперь король обѣщаетъ измѣнить ихъ положеніе путемъ законодательства! Вы видите, друзья, что обѣщаніе это—наше дѣло! Посмотримъ, нарушитъ ли монархія это обѣщаніе, измѣнитъ ли она своему слову, данному рабочимъ классамъ! Вы понимаете, по крайней мѣрѣ, что думать это было бы оскорбленіемъ величества! Это обѣщаніе налагаетъ на васъ, работники, обязанность неустанно распространять его въ вашихъ кругахъ, благовѣстить о немъ ежедневно и повсемѣстно, напоминать о немъ безпрерывно! Обѣщаніе, котораго не напоминаютъ, почти нельзя назвать обѣщаніемъ. Это какъ вексель, который я подписалъ, но который мнѣ не предлагаютъ къ уплатѣ. Но если вы съ достаточной энергіей будете распространять это обѣщаніе въ рабочихъ массахъ и безпрерывно напоминать о немъ, то оно будетъ сдержано!

Наконецъ, въ этомъ обѣщаніи короля содержится еще другое обѣщаніе.

Король, признавая справедливость нашего ученія и нашихъ требованій, обѣщалъ урегулировать рабочій вопросъ и пособить рабочей нуждѣ путемъ законодательства, какъ мы сами желали въ нашихъ сочиненіяхъ. Но прогрессистская палата, палата, избранная на основаніи дарованнаго трехкласснаго избирательнаго закона, ни подъ какимъ видомъ не согласится

---

[1]) См., напр., „Книгу для чтенія рабочимъ", стр. 134 наст. тома: „Вотъ что я имѣлъ сказать вамъ о принципѣ, а нынче рѣчь шла только о принципѣ, о принципѣ—провозгласить всеобщее и прямое избирательное право нашимъ знаменемъ съ ясно выраженной цѣлью: добиться улучшенія вашего положенія чрезъ законодательство, чрезъ государственное вмѣшательство".

дать королю деньги, нужныя для этой цѣли, и точно также ни подъ какимъ видомъ не согласится утвердить подобный законъ, если бы даже онъ былъ осуществимъ безъ денегъ. Только избранное всеобщимъ и прямымъ избирательнымъ правомъ законодательное собраніе утвердитъ этотъ законъ. Слѣдовательно, такъ какъ король обѣщалъ урегулировать рабочій вопросъ и пособить рабочей нуждѣ посредствомъ закона, законъ же этотъ можетъ быть утвержденъ только законодательнымъ собраніемъ, избраннымъ всеобщею и прямою подачею голосовъ, то король, давъ это обѣщаніе, обѣщалъ, какъ видите, вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобщее прямое избирательное право, т. е, то коренное право, которое одно даетъ вамъ ручательство, что рѣшеніе соціальнаго вопроса будетъ принято съ тою строгостью, съ тою стойкостью, съ тѣмъ смысломъ и въ тѣхъ размѣрахъ, при которыхъ только и можно получить плодотворные результаты. Я, вѣдь, уже доказалъ вамъ въ моемъ „Бастіа-Шульце“, что всѣ попытки въ малыхъ размѣрахъ слишкомъ подвержены неудачамъ и этимъ ведутъ только къ возбужденію противъ вашего дѣла несправедливыхъ и вредныхъ предубѣжденій. Итакъ, въ королевскомъ обѣщаніи силою логики включено, обѣщано и всеобщее и прямое избирательное право, это необходимѣйшее ручательство за все остальное, это абсолютное conditio sine qua non! [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, какой союзъ, спрашиваю, могъ когда-либо похвалиться такими успѣхами, представляющими здѣсь результаты одного только года дѣятельности?

Мы принудили рабочихъ, народъ, ученыхъ, епископовъ, короля свидѣтельствовать истину нашихъ принциповъ!

Другой въ высшей степени важный результатъ нашей дѣятельности есть просвѣщеніе народа. Наши противники толкуютъ про образованіе, но не распространяютъ его; мы распространяемъ, не толкуя. Издалъ ли когда-либо какой-нибудь союзъ въ теченіе одного года такое множество сочиненій, до такой степени способствующихъ распространенію въ народѣ научныхъ понятій и просвѣщенія и такъ глубоко проникшихъ въ массы? (Сильные аплодисменты).

Но не забудемъ, что я не одинъ, а только первый, поднялъ это знамя противъ дюппельскихъ укрѣпленій прусской партіи прогрессистовъ, не заботясь, послѣдуетъ ли кто-нибудь за мной. Говорю: не заботясь, потому что питалъ твердую увѣренность, что представители германскаго духа не покинутъ меня одного въ этой неравной борьбѣ! И довѣріе это не обма-

---

[1]) Непремѣнное условіе.

нуло меня! Возсталъ цѣлый рядъ знаменитыхъ именъ, чтобы поддержать мои стремленія и распространять ихъ среди васъ, склонять васъ къ нимъ книгами, статьями, рѣчами, пропагандой и своимъ авторитетомъ. Профессоръ Вуттке въ Лейпцигѣ, Родбертусъ, Лотаръ Бухеръ, д-ръ Даммеръ, Георгъ Гервегъ въ Цюрихѣ, полковникъ Беккеръ въ Женевѣ, котораго можно назвать деканомъ всѣхъ нѣмецкихъ демократическихъ эмигрантовъ, писатель и адвокатъ д-ръ фонъ Швейцеръ во Франкфуртѣ, старѣйшій германскій соціалистъ М. Гессъ, писатель Бернгардъ Беккеръ во Франкфуртѣ, добросовѣстный историческій трудъ о германской революціи, котораго скоро выйдетъ въ свѣтъ, заранѣе рекомендуемый мною вамъ, бывшій депутатъ адвокатъ Мартини въ Каукэменѣ—всѣ дѣйствовали за насъ и дали мнѣ возможность достигнуть того, чего мнѣ одному никогда не достичь бы. Провозгласимъ же этимъ людямъ троекратный виватъ!

(Все собраніе встаетъ и трижды провозглашаетъ восторженный виватъ).

Мнѣ надо упомянуть еще объ одномъ очень важномъ элементѣ нашего успѣха. Я говорю о твердомъ духѣ строгаго единства и самообладанія, господствующемъ въ нашемъ Союзѣ. И въ этомъ отношеніи,—въ этомъ отношеніи даже больше всего,—нашъ Союзъ представляетъ въ исторіи явленіе совершенно новое, которому суждено составить эпоху. Этотъ обширный Союзъ, простирающійся почти на всѣ германскія области, движется и дѣйствуетъ съ цѣлостнымъ единствомъ личности! Лично я былъ и меня знают въ очень немногихъ общинахъ, и однако отъ Рейна до Нѣмецкаго моря, отъ Эльбы до Дуная я еще ни разу не слыхалъ „нѣтъ“, хотя вся власть, которую вы ввѣрили мнѣ, основана только на продолженіи вашего вполнѣ добровольнаго согласія.

Да и какія принудительныя средства я могъ бы употребить противъ васъ? Правда, вы ввѣрили мнѣ власть на 5 лѣтъ; но вы знаете, что я самъ тотчасъ отказался бы отъ нея, если-бы между вами оказалось какое-нибудь неудовольствіе или недовѣріе. Этой-то власти, основанной на вполнѣ добровольномъ продолженіи вашего согласія, вполнѣ достаточно, чтобы заставлять васъ дѣйствовать сообща, какъ-бы управляемыхъ электрической искрою! Куда я ни приходилъ, всюду слышалъ отъ рабочихъ рѣчи, сущность которыхъ въ томъ, что мы должны сковать изъ общей воли всѣхъ насъ одинъ молотъ и вручить его тому, къ уму, характеру и намѣреніямъ котораго питаемъ необходимое довѣріе, чтобы онъ дѣйствовалъ этимъ молотомъ. Такимъ образомъ, тѣ два полюса, которые наши государственные люди считали до сихъ поръ несоединимыми, сочетаніе которыхъ почиталось философскимъ камнемъ политики—свобода и

власть,— эти двѣ рѣшительнѣйшія противоположности, тѣсно соединены въ нашемъ Союзѣ, который, такимъ образомъ, служитъ въ маломъ видѣ прообразомъ нашей будущей общественной формы въ обширныхъ размѣрахъ. Въ насъ нѣтъ и слѣда того брюзжащаго духа либерализма, той болѣзненной страсти личнаго мнѣнія и всезнайства, которая разъѣла весь организмъ нашей буржуазіи. Въ этомъ отношеніи наши противники, какъ я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, смотрятъ на насъ со стыдомъ и завистью; иногда они, какъ лисица въ сказкѣ, объясняютъ въ свое оправданіе, что единодушіе работниковъ возможно только, благодаря ихъ непросвѣщенію! Жалкое и лживое объясненіе! Не говоря уже о томъ, что здравый смыслъ рабочихъ все-таки гораздо дороже полузнанія буржуазіи и не говоря о томъ, что въ рабочемъ духъ свободы несравненно живѣе, чѣмъ въ буржуа,— вѣдь въ Союзѣ нашемъ довольно людей, принадлежащихъ по положенію къ буржуазіи—предпринимателей, купцовъ, адвокатовъ.

Всѣ тѣ мыслители и писатели, имена которыхъ я перечислилъ вамъ, первые подаютъ примѣръ подчиненія своей личности общему дѣлу. Подчиненіе это основано ни на чемъ иномъ, какъ на самомъ духѣ нашего Союза, на ясномъ пониманіи, что только диктатура ума, а не болѣзненное придирчивое самолюбіе индивидуальныхъ претензій можетъ выполнить великіе, громадные труды переходныхъ состояній общества (Долгія, шумныя рукоплесканія).

Наконецъ, еще одинъ послѣдній, элементъ успѣха!

Послѣдній знакъ успѣха есть постигшее меня преслѣдованіе! Таковъ естественный законъ политики, что гоненіе возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣхомъ. До сихъ поръ мнѣ удавалось выручать свою шкуру. Я уничтожилъ, какъ мечомъ, обвиненіе въ государственной измѣнѣ, которымъ думали меня уничтожить. Но вотъ въ Дюссельдорфѣ я приговоренъ in contumaciam къ годичному тюремному заключенію за то, что—страшно сказать!—нападалъ на либеральную печать! [1]) Впрочемъ, дѣло довольно понятно. Въ старыхъ провинціяхъ у насъ народъ еще большею частью держится либерализма, а чиновники—реакціонеры; на Рейнѣ же, гдѣ всѣ вообще гораздо развитѣе, народъ у насъ почти весь демократиченъ, а чиновники— прогрессисты. Можно ли было-бы удивляться моему осужденію, зная, что меня судили бы все только приверженцы партіи прогрессистовъ? Вчера еще почта привезла мнѣ извѣстіе, что я опять приговоренъ въ Берлинѣ in contumaciam къ 4-мѣсячному тюремному заключенію. Несмотря на врачебное свидѣтельство о необходимости мнѣ ѣхать на воды,—куда, какъ вамъ извѣстно, я теперя

[1]) См. стр. 32 настоящаго тома.

и ѣду, — несмотря далѣе на отсутствіе вызванныхъ защитой свидѣтелей, судъ не захотѣлъ отсрочить дѣло и предпочелъ осудить меня безъ меня и безъ моихъ свидѣтелей. Однако, я надѣюсь еще справиться съ обоими этими приговорами, какъ справился со многими другими! Но какъ бы ни былъ спленъ человѣкъ, есть степень озлобленія, противъ которой никто не устоитъ. Это причиняетъ мнѣ мало заботъ. Вы понимаете, конечно, что, поднимая это знамя, я заранѣе зналъ, что лично могу погибнуть въ этой борьбѣ (Сильное волненіе въ собраніи). Но тѣ чувства, которыя возбуждаетъ во мнѣ мысль о возможности моей личной гибели, я лучше всего могу выразить стихомъ римскаго поэта:

„Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!"

Что значитъ:

„Когда погибну, то пусть изъ костей моихъ возникнетъ мститель и преемникъ!"

Пусть не погибнетъ со мной это великое и національное культурное движеніе; пусть зажженный мною пожаръ пожираетъ вокругъ себя все дальше и дальше, пока живъ будетъ хотя одинъ изъ васъ!

Обѣщайте мнѣ это и въ знакъ обѣщанія поднимите руки!

(Собраніе въ величайшемъ волненіи поднимаетъ руки. Продолжительныя рукоплесканія).

МОЯ РѢЧЬ ПЕРЕДЪ ДЮССЕЛЬДОРФСКИМЪ СУДОМЪ ПРИСЯЖНЫХЪ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ 3 МАЯ 1849 ГОДА,

по обвиненію въ возбужденіи гражданъ къ вооруженному противъ королевской власти сопротивленію.

Господа!

Мой защитникъ посвятилъ все свое вниманіе, главнымъ образомъ, первой половинѣ защиты, защитѣ, какъ таковой. Позвольте же мнѣ теперь перейти ко второй половинѣ защиты, къ обвиненію, къ тому обвиненію, которое я долженъ противопоставить обвиненію, направленному противъ меня. Какъ это часто случается, такъ и здѣсь, правота и неправота спорящихъ сторонъ такъ тѣсно переплелись между собой, что ихъ нельзя оторвать одно отъ другого. Правота прокурора есть моя неправота; моя правота есть его преступленіе. Нельзя вести этой защиты,—а если-бы это было возможно, то мнѣ не пришлось бы дѣлать этого передъ судомъ свободныхъ мужей—нельзя опровергатъ этого обвиненія, не показавъ того преступленія, corpus delicti котараго составляетъ обвинительный актъ.

Сперва одно объясненіе. Я заявилъ о себѣ, что я революціонеръ по принципу,—и вотъ это мое заявленіе обвинительный актъ позволяетъ себѣ представить вамъ какъ своего рода отягчающее вину обстоятельство. Обвинительный актъ не имѣетъ никакого права поступать такимъ образомъ. Его касаются только мои поступки, а не мои принципы, не мои взгляды. И, каковы бы они ни были,—они не могутъ служить ни смягчающимъ, ни отягчающимъ вину обстоятельствомъ. Я не повѣрилъ бы раньше, что обвинительный актъ съ откровенной наивностью сознается, что сегодня рѣчь будетъ итти не о чемъ иномъ, какъ о тендеціозномъ процессѣ, какъ

о преслѣдованіи за образъ мыслей. Господа! Я всегда съ радостью сознаюсь передъ вами, что, по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, я безусловно революціонеръ, что, по своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, я считаю за честь быть рѣшительнымъ сторонникомъ соціальной демократичеокой республики.

Однако, не на этой точкѣ зрѣнія построю я свою сегодняшнюю защиту. Я не пойду по стопамъ министерства, юстиціи я не стану прибѣгать къ пріемамъ его аргументаціи. Правда, я могъ бы, въ этомъ случаѣ, съ успѣхомъ вести свою защиту; но за-то мое нападеніе утратило бы тогда всю свою остроту. Вѣдь министерство юстиціи не признаетъ этой точки зрѣнія, да ему и не зачѣмъ признавать ее,—фактически и по закону, оно стоитъ на совершенно иной почвѣ. Но если противники стоятъ на принципіально различной иочвѣ, то серьезнаго иораженія не можетъ быть ни для одной изъ сторонъ. Удары сыплются тогда въ разныя стороны, каждый поражаетъ пустое мѣсто. Конечно не трудно доказать несостоятельность основныхъ посылокъ противника, разъ самъ стоишь на діаметрально провотивоположной точкѣ зрѣнія. Но, въ этомъ случаѣ, нельзя пристыдить своего противника, нельзя доказать ему его непослѣдовательности, нельзя доказать ему его предательства принципамъ, тѣмъ принципамъ, которые онъ самъ же признаетъ или, повидимому, долженъ признавать.

Итакъ, въ интересахъ нападенія, въ интересахъ его возможно большей остроты, я стану на ту точку зрѣнія, на которой долженъ стоять въ конституціонномъ государствѣ оберъ-прокуроръ, на точку зрѣнія строго конституціонную. Какъ представитель власти, оберъ-прокуроръ долженъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать видъ, что стоитъ на этой точкѣ зрѣнія. И свою защиту я буду вести исключительно такимъ образомъ.

Я обвиняюсь, господа, въ томъ, что я будто бы возбуждалъ гражданъ къ вооруженному противъ королевской власти сопротивленію. Такъ гласитъ статья 87, которую я будто бы преступилъ. Самый фактъ, который мнѣ ставятъ въ вину, и который будто бы подпадаетъ подъ статьтю 87, согласно обвинительному акту, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ ноябрѣ, въ Нейссѣ, на одномъ народномъ собраніи, я говорилъ о политическомъ положеніи государства и призывалъ гражданъ, по первому зову, съ оружіемъ въ рукахъ, поспѣшить на помощь Національному Собранію. Другими словами, въ ноябрьскіе дни, когда, вслѣдствіе неслыханныхъ событій, вся страна раскололась на два лагеря, когда надъ страной виталъ уже призракъ гражданской войны, и всякій устремлялся подъ знамя, на сто-

ронѣ котораго, ему казалось, согласно его убѣжденіямъ, было право,—въ эти дни и я, съ своей стороны, не остался празднымъ зрителямъ.

Въ такихъ случаяхъ, господа, первая обязанность человѣка—вмѣшаться въ борьбу и ради хотѣнія своего сердца поставить на карту и свое добро и свою кровь. Уже Солонъ, мудрѣйшій изъ законодателей древности, издалъ законъ, что тотъ гражданинъ есть измѣнникъ своего отечества, который въ минуту такого раздора въ государствѣ остается празднымъ зрителемъ.

Оставаться празднымъ зрителемъ—это значитъ: не имѣть никакихъ убѣжденій, или отрицать ихъ. Оставаться празднымъ зрителемъ—это значитъ съ позорнымъ равнодушіемъ относиться къ высшимъ интересамъ, приводящимъ въ трепетъ человѣческое сердце; это значитъ свое собственое спокойствіе, свои собственныя удобства ставить выше тѣхъ могучихъ вопросовъ отъ которыхъ зависитъ и благо и бѣдствіе родины. Это значитъ измѣнить тѣмъ обязанностямъ, какія мы имѣемъ по отношенію къ родинѣ. Исторія можетъ дать прощеніе за всевозможныя заблужденія, она можетъ дать прощеніе за всякія убѣжденія. Но нѣтъ у нея прощенія для тѣхъ, кто не имѣетъ никакихъ убѣжденій. Я тоже выполнилъ свою гражданскую обязанность, я принялъ участіе въ событіяхъ. А по логикѣ господина прокурора выходитъ, что я совершилъ преступленіе. Посмотримъ же, насколько я былъ юридически правъ въ этомъ случаѣ.

18-го марта, въ Берлинѣ, народъ совершилъ революцію. До этого времени, прусское государство было абсолютистскимъ государствомъ, то есть, оно было частнымъ достояніемъ отдѣльнаго лица, и только воля этого лица царила въ немъ. Въ принципѣ, абсолютисткое государство ничѣмъ не отличается отъ азіатской деспотіи. Вся разница здѣсь только та, что фактически, благодаря цивилизаціи, въ Европѣ создалась болѣе мягкая форма абсолютизма. Если абсолютный государь признаетъ изданные имъ законы и считается съ ними,—то въ этомъ нѣтъ никакой юридической необходимости, на то его добрая воля. 18-го марта народъ въ Берлинѣ завоевалъ себѣ конституціонное государсто.

Основной принципъ конституціоннаго государства выражается въ томъ, что воля монарха здѣсь уже не господствуетъ; конституціонное государство, напротивъ, есть уже выраженіе всеобщаго духа, совокупной воли народа, которая находитъ себѣ выражсніе въ народномъ представительствѣ.

Согласно съ этимъ, побѣдоносному берлинскому населенію было дано обѣщаніе созвать Національное Собраніе, которое должно было выработать конституцію.

Это учредительное собраніе было избрано на основѣ избирательнаго закона 8 апрѣля.

Какъ извѣстно, собраніе это, съ первыхъ же шаговъ своей жизни, позабыло о своемъ революціонномъ происхожденіи. Лѣвая насчитывала въ немъ всего сорокъ человѣкъ.

Въ первую же минуту, министерство Кампгаузена совершило ловкій ходъ,—оно изобрѣло теорію, которая сводила на нѣтъ всѣ завоеванія мартовской борьбы. Я имѣю въ виду теорію соглашенія.

Министерство Кампгаузена выступило съ утвержденіемъ, что задачей собранія является не выработка конституціи, а соглашеніе съ короной.

Ясно, какъ Божій день, что эта теорія соглашенія съ самаго же начала была ничѣмъ инымъ, какъ попыткой провезти контрабанднымъ путемъ въ конституціонное государство принципъ абсолютизма.

Такимъ путемъ за королемъ съ самаго же начала признавалось абсолютное вето. Онъ могъ принять, а могъ и отклонить конституцію

Правда, во многихъ конституціонныхъ государствахъ за короной признается право veto, но здѣсь это нѣчто совершенно иное, ибо королевское veto въ такихъ государствахъ отчасти ограничено и не носитъ абсолютнаго характера. Это veto утрачиваетъ свою силу, если народное представительсто въ слѣдующія законодательныя сессіи вновь выскажется за тотъ же законъ. Отчасти въ этихъ государствахъ veto опирается на самую конституцію, которая признаетъ за короной это право. Между тѣмъ, у насъ королевское veto висѣло буквально въ воздухѣ, такъ какъ у насъ не было конституціи, которая могла бы надѣлить корону такимъ veto. У насъ, наоборотъ, предстояло еще создать конституцію,—и къ этому сводилась задача народнаго представительства.

Наконецъ, veto можетъ имѣть значеніе лишь по отношенію къ уже созданному, къ уже учрежденному собранію; а по отношенію къ учредительному собранію, оно является полнѣйшей безсмыслицей. Въ государствѣ не можетъ быть двухъ сувереновъ, какъ не можетъ быть на небѣ двухъ солнцъ. Вся нелѣпость теоріи соглашенія ясна какъ Божій день. Королю достаточно, въ этомъ случаѣ, все снова и снова отвергать рѣшенные собраніемъ законы,—и конституція на вѣки вѣчные утратитъ всякое значеніе, и Пруссія на вѣки вѣчные будетъ обречена de facto пребывать въ положеніи абсолютнаго государства.

Теорія соглашенія лишь въ томъ случаѣ можетъ имѣть нѣкоторую видимость разумности, если признавать, что обѣ стороны, дѣйствительно, же-

лаютъ и готовы притти къ какому-либо соглашенію. Но уже самое слово „соглашеніе" допускаетъ возможность противнаго, возможность несоглашенія. Въ этомъ случаѣ, нелѣпость принципа соглашенія ясна какъ Божій день. Дѣйствительно, если соглашеніе не состоится, то кто же долженъ тогда по праву рѣшать тяжбу между короной и собраніемъ? Третьей инстанціи, въ данномъ случаѣ, не было. Наоборотъ, само собраніе какъ бы являлось уже такой инстанціей въ случаѣ спора между короной и народомъ. Итакъ, я спрашиваю, кто же долженъ былъ рѣшать въ этомъ случаѣ? Только сила! Но если эта роль должна была принадлежать силѣ, то мартовская борьба должна была бы вновь вспыхнуть; всѣ плоды мартовской революціи были бы, слѣдовательно, утеряны, самая революція утратила бы всякій смыслъ, а мирный конецъ 19 марта превратился бы изъ мира въ простое перемиріе!

Теорія соглашенія была также и обманомъ. Берлинское населеніе, стоявшее подъ ружьемъ, сложило оружіе, такъ какъ ему было обѣщано исполненіе его требованій.

Если корона хотѣла сохранить за собой право соглашенія, то королю не зачѣмъ было давать обѣщанія, онъ долженъ былъ бы сказать народу такъ: сложите свое оружіе, я хочу попробовать, я хочу созвать изъ вашей среды представительство, я хочу посмотрѣть, могу ли я договориться съ вами. Между тѣмъ, я стяну свои войска, усилю гарнизоны, подготовлюсь какъ слѣдуетъ, и если соглашенія между нами не состоится, то, когда я такъ подготовлюсь, мы снова начнемъ съ того, на чемъ остановились сегодня.

Но, въ этомъ случаѣ, господа,—вы, навѣрно, согласитесь со мной,—въ виду такого предложенія, берлинскій народъ не сложилъ бы оружія; онъ воспользовался бы настоящимъ моментомъ и постарался бы закрѣпить его. Онъ разсчитывалъ заключить миръ, а заключилъ лишь перемиріе, а врагъ съ самаго начала замыслилъ нарушить его, безъ всякаго оповѣщенія, лишь только онъ подготовится какъ слѣдуетъ.

Итакъ, теорія соглашенія министерства Кампгаузена съ первыхъ же шаговъ постаралось снова провезти контрабанднымъ путемъ въ конституціонное государство абсолютное право короны. Она была лишь теоретическимъ подготовленіемъ того, что намъ предстояло позже пережить практически.

Я уже говорилъ, собраніе въ то время отличалось поразительной слабостью и нерѣшительностью; оно спокойно примирилось съ этимъ посягательствомъ на свою принципіальную позицію. Съ этого времени оно превратилось въ собраніе соглашенія.

Подумайте только, господа, сколько нужно было реакціонныхъ посягательствъ, какъ нагло нужно было выносить на свѣтъ Божій свои противореволюціонныя стремленія, чтобы заставить большинство такого собранія, какъ бы вопреки своей собственной волѣ, все больше и больше уклоняться въ сторону лѣвой. Министерство Кампгаузена пало, — и его мѣсто занимаетъ министерство Ганземанна.

Я не собираюсь, господа, занимать ваше вниманіе долгимъ изложеніемъ нашей краткой конституціонной исторіи. Исторія эта ни что иное, какъ постепенное подготовленіе контръ-революціи.

Я хочу только обратить ваше вниманіе на этотъ поразительный контрастъ, неслыханный и безпримѣрный въ парламентской исторіи конституціонныхъ странъ. Какъ извѣстно, въ конституціонныхъ странахъ министерство должно быть выраженіемъ большинства собранія, а послѣднее, въ свою очередь, должно выражать народную волю. Ни одно министерство не можетъ стоять у власти, разъ оно не соотвѣтствуетъ парламентскому большинству.

Но вотъ, по мѣрѣ того, какъ Національное Собраніе все больше и больше уклоняется влѣво,—тѣмъ рѣшительнѣе корона становится на сторону крайней правой. Поразительная прогрессія! Лѣвое большинство ниспровергаетъ министерство, — его мѣсто должно было бы занять, по крайней мѣрѣ, министерство центра, но, вмѣсто того, на сцену появляется министерство, безконечно ближе стоящее къ правой, нежели его предшественникъ. Коронѣ угодно было съ насмѣшкой плевать въ лицо всѣмъ конституціоннымъ принципамъ, — и вотъ, при каждой новой смѣнѣ министерства, передъ нами вновь разыгрывается та же сцена.

Кампгаузена смѣняетъ Ганземаннъ. Это министерство называло себя дѣловымъ министерствомъ. Оно и было имъ, на самомъ дѣлѣ, поскольку, за краткій періодъ своей жизни, оно фактически заложило основы для контръ-революціи, теоретически уже подготовленной его предшественникомъ.

Послѣдующій государственный переворотъ былъ задуманъ задолго до этого; дальнѣйшіе дѣйствительные поводы сыграли, въ этомъ отношеніи, ничтожную роль; все уже заранѣе было предусмотрѣно и разсчитано. Помимо всего поведенія короны, — объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ слова члена крайней правой нынѣшней палаты, подполковника фонъ-Грисгейма, переданныя въ оффиціальныхъ газетахъ. Онъ заявилъ, что перемиріе въ Мальмё съ Даніей было заключено ради того, чтобы можно было послать въ Берлинъ Врангеля съ его войскомъ и воспользоваться имп противъ Національнаго Собранія. И это было еще при Ганземаннѣ!

Такимъ образомъ, уже тогда на границахъ имперіи была совершена

измѣна противъ чести Германіи, — дабы получить возможность двинуть войска противъ законодательнаго собранія.

Какъ вамъ извѣстно, министерство Ганземанна было снова низвергнуто лѣвой, по поводу шульце-штейновскаго предложенія, желавшаго положить конецъ реакціонному направленію въ войскѣ.

Корона, въ свою очередь, охотно примирилась съ паденіемъ министерства Ганземанна.

Несмотря на всю проявленную имъ реакціонность, министерство это, все же оставалось вѣрнымъ своему революціонному буржуазному происхожденію. Оно покровительствовало индустріи за счетъ крупнаго землевладѣнія. При немъ были бы невозможны ни законъ о крестьянскихъ выкупахъ, какъ онъ былъ созданъ министерствомъ Мантейфеля для Силезіи, законъ, отдававшій мелкихъ крестьянскихъ владѣльцевъ въ полное распоряженіе крупныхъ помѣщиковъ; ни законъ о выкупахъ всей монархіи, какъ онъ проектируется въ настоящее время партіей Клейста во второй палатѣ законъ, отдающій въ жертву крупному аристократическому землевладѣнію наряду съ интересами мелкаго землевладѣнія, также и интересы индустріи и капитала. Такое министерство было непригодно для камарильи, — и потому его паденіе было встрѣчено благосклонно.

Лѣвая низвергла министерство Ганземанна; и на его мѣсто вступило министерство Пфюля, Эйхманна, Дёнгоффа!

За министерскимъ столомъ оказались теперь лица, извѣстныя своимъ строго реакціоннымъ направленіемъ, лица, бывшія устоями старой бюрократіи и закоренѣлаго абсолютизма; и по всей странѣ, по этому поводу, пронесся взрывъ негодованія. Національное Собраніе въ недоумѣніи взирало на это публичное пренебрежительное къ себѣ отношеніе. Вы припоминаете, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ была создана многознаменательная новая военная должность, какъ Врангель былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ пограничныхъ войскъ, какъ онъ въ столицѣ велъ себя словно во вражеской странѣ, какъ онъ держалъ рѣчи къ солдатамъ объ остро-отточенныхъ сабляхъ, о полетѣ пуль, какъ онъ будилъ въ солдатахъ жажду крови!

Когда президентъ Національнаго Собранія, Грабовъ, во главѣ депутаціи отъ палаты, приносилъ поздравленія королю, по поводу дня его рожденія, въ отвѣтъ онъ услышалъ загадочныя слова: „Имѣйте крѣпкую голову, ибо у меня крѣпкая рука!“ Слова эти довольно ясно намекали на предстоявшую, чреватую невзгодами, катастрофу.

Въ то же время, Національное Собраніе издало извѣстный законъ объ охотѣ. Этимъ оно удовлетворило одной изъ насущнѣйшихъ потребностей

крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствительно задѣло карманъ помѣщиковъ и юнкеровъ. Камарилья завопила: грабятъ! Уже въ это время стали поговаривать о томъ, что король не даетъ своей санкціи закону объ охотѣ. Но вотъ свершается чудо. Пфюль, старый прусскій генералъ, по-своему, честно относился къ конституціонализму. Онъ не хочетъ совершать государственнаго переворота, онъ не хочетъ распускать палаты, онъ не хочеть совершать преступленія.

Въ палатѣ дѣлается настойчивый запросъ, почему это до сихъ поръ законъ объ охотѣ не получилъ королевской санкціи. Было принято также соотвѣтствующее рѣшеніе въ этомъ смыслѣ. Дальше тянуть уже невозможно,—и законъ объ охотѣ получаетъ, наконецъ, надлежащую санкцію.

Тогда собраніе совершаетъ еще большее преступленіе. Оно постановляетъ, что дворянство и ордена должны быть уничтожены. Корона ни за что на свѣтѣ не хотѣла согласиться на это. Пусть лучше вся страна будетъ охвачена гражданской войной, пусть лучше снова вспыхнетъ революція, пусть лучше снова будетъ ниспровергнутъ, только что созданный, законный порядокъ вещей, правовой порядокъ всего народа,—но чтобы только остался цѣлъ этотъ столпъ абсолютнаго трона, дворянство, чтобы только уцѣлѣло это могучее средство подкупа: титулы и ордена! Въ Вѣнѣ только что удалась контръ-революція,—Вѣна завоевана, засѣданія рейхсрага перенесены въ другое мѣсто, повсюду висѣлицы и военные суды, объявлено осадное положеніе,—и вотъ рѣшили поучиться у великаго мастера, Виндишгреца.

Я говорилъ уже, что Пфюль не хочетъ марать своихъ рукъ никакимъ преступленіемъ; онъ настолько честенъ, что въ палатѣ подаетъ голосъ за то, чтобы Вѣнѣ была оказана помощь со стороны имперской власти. Онъ долженъ подать въ отставку. Портфель отдается въ болѣе податливыя руки. Побочный сынъ одного изъ бывшихъ королей, генералъ Бранденбургъ, становится министромъ-президентомъ.

Вамъ извѣстно, господа, какое возбужденіе, какое смущеніе вызвало и должно было вызвать и въ странѣ и въ самомъ конституціонномъ собраніи, это назначеніе министромъ генерала Бранденбурга. Этотъ выборъ былъ открытымъ объявленіемъ войны Національному Собранію, мечъ воина упрямо былъ брошенъ на чашку вѣсовъ права и законной народной воли!

Палата вотировала адресъ королю; она посылаетъ къ нему депутацію изъ своей среды, она заклинаетъ его отказаться отъ этого выбора, который и для трона и для страны одинаково является опаснымъ.

Этотъ шагъ находятъ неконституціоннымъ, въ немъ усматриваютъ пре-

вышеніе палатой своихъ конституціонныхъ правъ, нарушеніе принципа, признающаго за короной формально неограниченное право выбора своихъ министровъ.

Господа! Неважно, былъ ли этотъ шагъ конституціоннымъ, или не былъ. Во всякомъ случаѣ, одно не подлежитъ сомнѣнію: этимъ шагомъ собраніе обнаружило передъ короной свою слабость, свою жажду пощады, снисхожденія, свою жалкую сантиментальность,—обнаружило больше, чѣмъ это отвѣчало его достоинству.

Въ истинно-конституціонномъ государствѣ, гдѣ народная воля, выраженная черезъ законно избранныхъ представителей,—является закономъ,—въ такомъ государствѣ, говорю я, законодательное собраніе однимъ единственнымъ вотумомъ низвергаетъ неугодное ему министерство! Оно не нисходитъ къ просьбамъ, оно тутъ же, съ своихъ курульныхъ креселъ, одною тяжестью своего голосованія, превращаетъ его въ ничто!

Но берлинское собраніе не хотѣло причинять непріятности королевскому сердцу. Оно не хотѣло грубымъ низверженіемъ министерства оскорбить чувствительность монарха. Больше всего, больше своего собственнаго достоинства, его заботило entente cordiale, полюбовное соглашеніе съ королевскимъ сердцемъ. Въ черныхъ фракахъ, съ просительной миной на лицѣ, депутаты отправились въ королевскій замокъ. Они просили о томъ, что пославшее ихъ собраніе, согласно конституціи, должно было бы рѣшить само. Да, господа, какихъ бы упрековъ ни заслужило покойное Національное Собраніе,—въ одномъ оно безупречно: оно никогда не дѣйствовало вызывающе, грубо, заносчиво и непримиримо. Исторія воздастъ ему должное, что оно исчерпало всѣ средства, всякую возможность примиренія,—исчерпало свыше мѣры.

Только въ одномъ на вѣки вѣчные будутъ упрекать его и народъ, и исторія: оно слишкомъ долго предавалось чрезмѣрно-преувеличеннымъ примирительнымъ фантазіямъ, оно слишкомъ долго проявляло прекраснодушную слабость, оно слишкомъ долго носилось съ лишенными всякой самостоятельности фантазіями о соглашеніи. Оно лишь наполовину пробудилось отъ своего сна, когда уже все было покончено, когда контръ-революція была уже наготовѣ, облеченная въ панцырь и вооруженная. Своею пассивной нерѣшительностью оно накликало на отечество переживаемое нами теперь бѣдствіе.

Депутація, между тѣмъ ничего не добилась. Еще разъ корона безпощадно оттолкнула протянутую ей для примиренія руку. Все уже было рѣшено, кости были брошены,—и графъ Бранденбургъ остался министромъ.

Господа! Если я излагалъ передъ вами этотъ краткій обзоръ главныхъ моментовъ прусской парламентской исторіи, то сдѣлалъ я это ради того, чтобъ показать вамъ, какъ задолго и планомѣрно подготовлялись послѣдующія событія, какъ они притягивались за волосы. Послѣдующіе ужасы не были результатомъ неожиданной коллизіи, которой нельзя было бы избѣжать, они не оправдываются ни силой обстоятельствъ, ни послѣднимъ правомъ необходимой самообороны со стороны короля, ни какой-либо иной крайностью, къ которой корона необходимо должна была бы прибѣгнуть.

Исторія можетъ многое простить Людовику XVI, строго осужденному своимъ народомъ.

Доведенный до отчаянія революціоннымъ собраніемъ, неумолимо и безпощадно вынуждаемый вступить на путь крайнихъ мѣръ, онъ совершилъ нѣкоторые такіе шаги, что находятъ себѣ оправданіе въ критическомъ положеніи вещей. Но въ ближайшую минуту онъ уже раскаивался въ совершенномъ. Даже самая враждебность его по отношенію къ народу была скорѣе результатомъ его положенія, нежели преступленіемъ его воли. Совершенно иначе и, въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ, представляется положеніе вещей у насъ въ Пруссіи.

А у насъ свобода страны сдѣлалась жертвой заговора, который безъ всякой нужды, тщательно, словно паутина, выплетался и подготовлялся въ теченіе мѣсяцевъ, шагъ за шагомъ. Безъ всякой нужды, безъ всякаго нападенія и вызова со стороны этого почтительнаго собранія, корона сама обнажила шпагу и поставила насъ лицомъ къ лицу съ ужасной альтернативой или отважиться на гражданскую войну, подставить свою ничѣмъ незащищенную грудь подъ пушечные выстрѣлы, или же подвергнуться величайшему позору.

Вы, я, мы всѣ сдѣлались жертвой этого злосчастнаго заговора!

Если-бы собраніе, въ свою очередь, питало враждебные замыслы противъ короны, если-бы оно хотѣло вступить съ нею въ конфликтъ, оно вооружилось бы совершенно иначе, оно было бы непобѣдимо. Въ этомъ случаѣ, собраніе поступило бы иначе. Оно обладало еще силой и, вмѣсто этого бюрократическаго закона о гражданской милиціи, которое превратило народное вооруженіе въ ребяческое посмѣшище, оно создало бы дѣйствительную гражданскую милицію. Оно вооружило бы 60.000 пролетаріевъ и мелкихъ буржуа столицы и, такимъ образомъ, создало бы реальную силу, достаточно внушительную, чтобы въ зародышѣ задушить всякое нападеніе, всякую мысль о такомъ нападеніи.

Итакъ, корона, говорю я, была исполнена твердой рѣшимости. Депу-

тація ушла съ пустыми руками. Графъ Бранденбургъ получилъ министерскій портфель. Онъ открылъ засѣданіе палаты сообщеніемъ именного указа, которымъ засѣданія учредительнаго собранія переносились въ другое мѣсто и отсрочивались.

Вы знаете, что это совершенно неслыханное покушеніе оправдывалось тѣмъ, что собраніе лишено необходимой свободы, что оно находится подъ властью берлинской черни, державшей будто бы въ осадѣ палату. Это была жалкая увертка, говорю я, ибо тотъ случай, который приводился въ оправданіе этого шага, событіе 30 октября, въ дѣйствительности, представлялъ собой нѣчто совершенно иное. 30 октября, когда голосовалось предложеніе о необходимости притти на помощь Вѣнѣ, берлинское населеніе въ громадномъ числѣ находилось передъ зданіемъ театра. Оно открыто высказывало здѣсь свое сочувствіе этому предложенію. Но на рѣшеніе собранія это обстоятельство не оказало никакого вліянія,—и въ тотъ же день было отвергнуто предложеніе лѣвой, а собраніе высказалось въ пользу не имѣющаго ровно никакого значенія—предстательства въ интересахъ Вѣны передъ совершенно безсильной центральной властью.

Но, прежде всего, корона не имѣла никакого **права**, вопреки волѣ собранія, отсрочивать и переносить въ другое мѣсто его засѣданія. Это что-то безпримѣрное въ исторіи. Въ дѣйствительно конституціонныхъ странахъ, даже во Франціи временъ Луи Филиппа, въ Англіи, со времени существованія тамъ парламента,—такой именной указъ не заставилъ бы бить въ набатъ. Нѣтъ, тамъ не приняли бы всего этого такъ серьезно, и, при гомерическомъ хохотѣ, министровъ, отправили бы на излѣченіе въ Шарантонъ или въ Бедламъ.

Наконецъ, по отношенію къ учредительному собранію, этотъ указъ являлся актомъ безумія! Что дало коронѣ право вообще приказывать собранію? Если корона вообще имѣла право приказывать собранію, то гдѣ кончалось это право, гдѣ были его границы? Если корона пользовалась абсолютнымъ правомъ приказанія по отношенію къ собранію, то какъ могло бы послѣднее заключить съ ней общественный договоръ путемъ свободнаго соглашенія? Такой договоръ предполагаетъ самостоятельность обѣихъ сторонъ. Или суверенитетъ принадлежалъ одному только собранію, и корона должна была молча выжидать, какія права признаетъ за ней въ конституціи собраніе,—или же, согласно теоріи короны, собраніе имѣло своимъ исключительнымъ назначеніемъ выработку соглашенія. Но и въ этомъ случаѣ собраніе, по меньшей мѣрѣ, являлось бы сообладателемъ суверенитета, который оно раздѣляло бы съ короной. Въ качествѣ свободно-договари-

вающейся стороны, собраніе пользовалось одинаковыми съ короной правами.

Двѣ договаривающіяся стороны необходимо являются независимыми и самостоятельными въ отношеніи другъ друга. Въ противномъ случаѣ свободному договору настаетъ конецъ, его мѣсто займетъ повиновеніе приказу. Съ точки зрѣнія теоріи соглашенія, ни корона, ни собраніе не могли ни отсрочивать другъ друга, ни переносить въ другое мѣсто: съ этой точки зрѣнія, онѣ были равноправными сторонами. Къ чему бы мы, на самомъ дѣлѣ, пришли, если-бы корона имѣла такое право? Правовая точка зрѣнія, господа, требуетъ послѣдовательности,—иначе будетъ одно лицемѣріе.

Если корона имѣла это право, если она могла отсрочивать и переносить въ другое мѣсто собраніе, то право ея въ этомъ отношеніи должно было быть неограниченнымъ. Ибо не было такого закона, который ставилъ бы извѣстныя границы этому праву, который ограничивалъ бы его во времени и пространствѣ. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, корона однимъ разомъ могла бы отсрочить собраніе на цѣлое столѣтіе, или же отсрочивать его каждый разъ вновь на 14 дней,—и, такимъ образомъ, конституція утратила бы всякое значеніе, и право нисколько не было бы нарушено. Корона могла бы перенести собраніе изъ Берлина въ Бранденбургъ, а отсюда въ Эльберфельдъ, затѣмъ въ Данцигъ и т. д. А затѣмъ она могла бы предписать ему неустанное и поучительное путешествіе изъ одной прусской крѣпости въ другую,—и законъ нисколько не былъ бы нарушенъ этимъ.

Все это, господа, уже сотни тысячъ разъ высказывалось другими, все это, несомнѣнно, очень тривіальные выводы, но они настолько же истинны, насколько тривіальны.

Наконецъ, господа, все это какъ дважды два четыре, можно было доказать, и съ юридической точки зрѣнія, доказать при помощи положительныхъ документовъ.

Правда, въ избирательномъ законѣ 8 апрѣля, Берлинъ прямо не называется мѣстомъ засѣданій для собранія о соглашеніи, но въ § 13 избирательнаго закона 8 апрѣля прямо говорится, что собраніе о соглашеніи, кромѣ выработки конституціи, должно выполнять также и функціи бывшихъ имперскихъ чиновъ, функціи Соединеннаго ландтага, и что оно пользуется періодически присвоенными ему правами.

Но грамотой 3 февраля 1847 года Берлинъ прямо назначается законнымъ мѣстомъ засѣданій для Соединеннаго ландтага.

Такимъ образомъ, въ силу законной необходимости, Берлинъ сталъ

резиденціей собранія о соглашеніи, этого преемника и представителя Соединеннаго ландтага. Помимо болѣе важныхъ правъ и привиллегированнаго положенія ландтага, къ собранію перешли также, по категорическому опредѣленію закона, и всѣ меньшія права его предшественника. Какъ вамъ извѣстно, законъ можетъ быть лишенъ силы, или измѣненъ, только другимъ же закономъ, но никогда не именнымъ указомъ. Но для изданія такого новаго закона, согласно § 6 закона 6 апрѣля, требовалось согласіе этого же самого собранія о соглашеніи, которое намѣревались теперь отсрочить и перенесть въ другое мѣсто,—не спрашивая его объ этомъ.

Итакъ, этотъ именной указъ, которымъ собраніе отсрочивалось и ссылалось въ Бранденбургъ, являлся вопіющимъ и наглымъ правонарушеніемъ.

Что возразитъ мнѣ этотъ мужъ въ тогѣ, оберъ-прокуроръ, оффиціальный стражъ закона, что возразитъ онъ мнѣ на все это? Полагаю, что ничего!

Тогда въ самомъ собраніи пробудилось чувство чести и права. Огромнымъ большинствомъ оно заявляетъ, что корона не имѣетъ на то права, оно заявляетъ, что министерство дало коронѣ дурной совѣтъ, оно продолжаетъ засѣдать. Весь центръ сразу перешелъ на сторону лѣвой. Даже члены правой, какъ Борнеманнъ, бывшій министръ юстиціи, какъ Грабовъ, Гарассовичъ, Гирке, присоединяются къ этому заявленію. Масса высшихъ судейскихъ чиновниковъ, президенты судовъ, даже административные чиновники, ландраты и регирунгераты, превращаются въ Брутовъ и, повинуясь чувству долга, идутъ противъ короны!

Теперь министерство приказываетъ гражданской милиціи Берлина силой разогнать Національное Собраніе. Этотъ актъ столь безпримѣренъ въ исторіи Европы, столько въ немъ вопіющаго, прусскаго издѣвательства, что стоитъ на немъ на минуту остановиться. Случалось и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Вѣнѣ, что королевскія войска посылались противъ Національнаго Собранія. Прекрасно. Это преступленіе. Но здѣсь нѣтъ издѣвательства: всякій знаетъ, что солдатчина привыкла ничего не уважать, кромѣ приказанія своихъ генераловъ.

Но гражданская милиція, господа, такъ же, какъ и Національное Собраніе, вышли изъ мартовской революціи, онѣ служатъ ея выраженіемъ. Въ конституціонныхъ государствахъ знаютъ, какъ мало можно полагаться на слово государя; поэтому, національная гвардія, гражданская милиція служатъ здѣсь для вооруженной защиты завоеванной свободы. Точно также и наша гражданская милиція, въ силу закона отъ 17 октября, имѣетъ своимъ главнымъ назначеніемъ защищать свою законную свободу, т. е.,

завоеванные въ мартѣ законы и обѣщанія. Но если гражданская милиція была необходимымъ продуктомъ и выраженіемъ мартовской революціи, то Національное Собраніе, въ свою очередь, было высшимъ и живымъ олицетвореніемъ мартовской революціи. Оно было ея высшимъ законнымъ выраженіемъ, даже источникомъ всѣхъ законовъ и существующей свободы. Гражданская милиція и Національное Собраніе — это одно и то же, это лишь двоякое выраженіе для одной и той же мысли, это — какъ бы рука и душа въ тѣлѣ. И вотъ, теперь — согласитесь, это была геніальная мысль — гражданская милиція получила приказъ обнажить свою собственную убійственную руку противъ своей же собственной груди!

Если бы во Франціи, въ эпоху самаго ужаснаго униженія, въ лучшіе годы Луи Филиппа, былъ данъ такой приказъ парижской національной гвардіи, то, клянусь Богомъ, я увѣренъ, что всякій закоснѣлый мелкій лавочникъ, самымъ мирнымъ образомъ завертывающій товаръ въ свертки, превратился бы въ льва и далъ бы клятву кровью смыть такой позоръ!

Я знаю одну только параллель этому. Въ Турціи, какъ вамъ извѣстно, не подвергаютъ казни тѣхъ, кто чѣмъ-либо прогнѣвалъ султана и долженъ искупить эту вину цѣною своей жизни. Нѣтъ, въ этомъ тамъ не нуждаются. Султанъ посылаетъ такому человѣку шелковый шнурокъ съ приказаніемъ задушить себя имъ. Воспитанный въ послушаніи, онъ тотчасъ же лишаетъ себя жизни.

Итакъ, берлинскій гражданской милиціи соблаговолили дать приказъ собственноручно лишить себя жизни!

Но Римплеръ, шефъ берлинской гражданской милиціи, и всѣ собравшіеся начальники ея единодушно заявили, что они согласны употребить свои штыки только на защиту Національнаго Собранія, но никогда не противъ него. Господа! Вѣдь они были преступниками, если слѣдовать обвинительному акту! Какая громадная масса преступниковъ, эта берлинская гражданская милиція! Гражданская милиція отказывается? Но вѣдь этого то и хотѣли, когда давали этотъ приказъ!

Тотчасъ же гражданская милиція распускается королевскимъ именнымъ указомъ, такъ какъ она не захотѣла служить оружіемъ для этого позорнѣйшаго ея самоубійства. Такъ и второй основной институтъ конституціонной свободы былъ низвергнутъ въ прахъ, безъ всякаго закона, безъ всякаго права. § 3 закона о гражданской милиціи отъ 17 октября предоставилъ коронѣ право распускать гражданскую милицію. Но тотъ же § 3 категорически заявляетъ, что „въ указѣ о распущеніи должны быть приведены важныя основанія“ для этого. Въ качествѣ такого важнаго осно-

ванія, въ данномъ случаѣ, было указано то, что гражданская милиція отказалась совершить покушеніе на Національное Собраніе. Тщетно спрашиваешь себя, клянусь Богомъ, зачѣмъ при этомъ вопіющемъ насиліи еще столько лицемѣрія? Хотѣли и должны были распустить гражданскую милицію,—это ясно. Нельзя оставлять въ рукахъ народа оружія, разъ хочешь совершить надъ нимъ какое-либо вопіющее насиліе.

Прекрасно. Но разъ уже рѣшились черпать свое право единственно и исключительно изъ пушечныхъ жерлъ, то почему же, почему не распустили гражданской милиціи просто, безъ всякихъ ссылокъ на какія то основанія? Зачѣмъ понадобилась еще эта комедія, зачѣмъ понадобилось давать ей этотъ приказъ, на что никто не имѣлъ права? Вѣдь было бы преступленіемъ исполнить этотъ приказъ! Неужели отказъ милиціи могъ служить такимъ законнымъ правовымъ основаніемъ? Зачѣмъ этотъ жалкій фарсъ, скрытая цѣль котораго очевидна для всякаго ребенка? Зачѣмъ, зачѣмъ, спрашиваю я, зачѣмъ, при всемъ этомъ насиліи, еще столько лицемѣрія? Да, это прусская черта! Не мало правительствъ учиняло насилія. Но въ тотъ мигъ, когда вонзають тебѣ мечъ въ грудь, еще восклицать: „это дѣлается въ силу права!",—О! это прусская черта!

Дальше, дальше! Глубже, глубже вложимъ свои персты въ сочащіяся кровью раны, въ содрогающійся трупъ отчизны! Пусть память объ этомъ преисполнитъ насъ святою патріотическою ненавистью!

Да, не забудемъ мы ничего, никогда, никогда! Развѣ сынъ можетъ забыть о томъ, кто покрылъ позоромъ его мать? Отъ былой свободы намъ остались одни только эти страшныя воспоминанія, эти единственныя сочащіяся кровью реликвіи!

Сохранимъ же эти воспоминанія, сохранимъ ихъ бережно, какъ прахъ замученныхъ родителей, единственнымъ наслѣдіемъ которыхъ является клятва о мести, произнесенная надъ ихъ смертными останками!

Въ Берлинѣ издано осадное положеніе. Свобода печати и свободное право союзовъ, навсегда гарантированныя закономъ 6 апрѣля, эти основныя права народа, отмѣняются. Такимъ образомъ, законная свобода окончательно, въ самомъ корнѣ, конфискована.

Господа! Въ силу какого права могли отмѣнить эти основныя права? Отмѣнить законы, гарантирующіе ихъ? Законъ можетъ отмѣняться только другимъ закономъ. Иной порядокъ вещей долженъ быть категорически оговоренъ въ самомъ законѣ. Съ которыхъ же это поръ генералъ Врангель сталъ законодателемъ Пруссіи? Какимъ это образомъ генералъ можетъ быть уполномоченъ на такой актъ, на который нѣтъ полномочій ни у короны,

ни у государственнаго министерства,—если на то нѣтъ согласія народныхъ представителей?

Весь міръ, безъ всякихъ разсужденій, усмотрѣлъ бы въ томъ вопіющее правонарушеніе, если-бы законы отмѣнялись безъ объявленія осаднаго положенія. Ибо нарушеніе публичнаго права, по закону есть уголовное преступленіе. Но что же, Бога ради, мѣняетъ здѣсь, съ точки зрѣнія закона, осадное положеніе? Прежде всего, что представляетъ собой, съ точки зрѣнія закона, само осадное положеніе? На какой законной основѣ покоится оно? Быть можетъ, оберъ-прокуроръ назоветъ мнѣ законъ, на который оно могло бы опереться? Я буду ему очень благодаренъ за это обогащеніе моихъ юридическихъ познаній. Я увѣренъ, что попытка оберъ-прокурора окончится неудачей.

Государственное министерство недавно оказалось вынужденнымъ оправдаться передъ нынѣшней второй палатой по поводу введенія въ Берлинѣ осаднаго положенія. Оно представило, при этомъ, палатѣ памятную записку. Само собой разумѣется, что записка эта должна содержать въ себѣ все, что только можно сказать въ пользу юридическаго обоснованія осаднаго положенія.

Что же говоритъ памятная записка, съ точки зрѣнія закона, въ защиту осаднаго положенія? Она ссылается на жалованную конституцію 5 декабря, въ которой упоминается объ осадномъ положеніи. Но какъ же можно оправдывать поступокъ, совершенный въ ноябрѣ, ссылкой на законъ отъ 5 декабря?

И что же говоритъ, наконецъ, эта жалованная конституція по поводу осаднаго положенія? Она говоритъ, что, по отношенію къ осадному положенію, остаются въ силѣ прежнія законныя опредѣленія. Но каковы же эти прежнія законныя опредѣленія? А ихъ нѣтъ совсѣмъ. Это—ложь, наглая ложь.

Министерская записка говоритъ очень наивно: существующія законныя опредѣленія объ осадномъ положеніи находятся въ ст. 9 введенія къ Военно-Уголовному Уложенію и въ ст. 18 Военно-Уголовнаго Судопроизводства. Такъ? Но что же здѣсь имѣется? ст. 9 введенія къ Военно-Уголовному Уложенію гласитъ: „Содержащіяся въ этомъ Уложеніи предписанія относительно военнаго положенія могутъ примѣняться также и въ мирное время, когда командующій офицеръ, при исключительныхъ обстоятельствахъ, оповѣститъ барабаннымъ боемъ или сигналомъ на рожкѣ, что эти предписанія будутъ примѣняться во все время исключительнаго положенія“. Итакъ, офицеръ можетъ примѣнять и въ мирное время тѣ предписанія, которыя

по Военно-Уголовному Уложенію, предназначены для военнаго времени,— разъ онъ только дастъ необходимый для этого сигналъ барабаннымъ боемъ. Но все это онъ можетъ сдѣлать только по отношенію къ своимъ солдатамъ. Кромѣ ст. 9, объ этомъ же говоритъ и ст. 1 Военно-Уголовнаго Уложенія, который категорически заявляетъ: „Предписанія Военно-Уголовнаго Уложенія могутъ примѣняться только по отношенію къ такимъ лицамъ, которыя подчинены военной подсудности, т. е. по отношенію къ солдатамъ, военнымъ чиновникамъ, выслужившимъ пенсію офицерамъ и т. д.“. Итакъ, лишь по отношенію къ солдатамъ, можетъ примѣнять офицеръ, такъ называемое, осадное положеніе. Но развѣ этотъ параграфъ говоритъ что-либо о томъ, что оно можетъ примѣняться также и по отношенію къ гражданамъ, по отношенію къ цѣлому городу? Другой параграфъ, на который ссылается министерская записка, ст. 18 Военно-Уголовнаго Судопроизводства, говоритъ только, что въ военное время, но не во время возстанія, военной подсудности подлежатъ также и тѣ граждане, которые на театрѣ военныхъ дѣйствій путемъ измѣны угрожаютъ опасностью или причиняютъ вредъ прусскимъ войскамъ. Но не говоря уже о томъ, что это касается только военнаго времени, что ни Берлинъ, ни Дюссельдорфъ не служили театромъ военныхъ дѣйствій, не говоря о томъ, что опредѣленіе это категорически уничтожается §§ 5 и 8 Habeas Corpus-Act'а, все это могло измѣнить характеръ подсудности лишь отдѣльныхъ лицъ, совершившихъ проступокъ. Но есть ли въ этихъ параграфахъ хотя бы одно слово, что власти имѣютъ право на то, что у насъ понимается подъ осаднымъ положеніемъ? Что можно объявлять цѣлый городъ внѣ закона, что можно обезоружить всѣхъ гражданъ, что можно пріостановить на время дѣйствіе всѣхъ законовъ, что можно отмѣнить свободное право союзовъ и свободу печати, что можно задушить газеты, что можно распустить гражданскую милицію?

Господа! Отсутствіе великихъ законныхъ основаній для осаднаго положенія такъ рѣзко бросается въ глаза, что даже правая должна была признать это. И въ центральномъ комитетѣ, нынѣ распущенной второй палаты даже правая, говорю я, единогласно должна была заявить, что осадное положеніе есть насильственное мѣропріятіе, не опирающееся ни на какой законъ. Хотя правая довольно-таки страннымъ образомъ высказалсь за продолженіе осаднаго положенія, какъ акта самосохраненія.

Такимъ образомъ, осадное положеніе рѣшительно не можетъ быть обосновано ни на какомъ исключительномъ законѣ, оно есть ни что иное, какъ принудительная насмѣшка надъ законами, ни что иное, какъ возведеніе

въ принципъ кулачнаго права. Одно его провозглашеніе есть уже преступленіе.

Какъ извѣстно, это осадное положеніе мы попросту списали у французовъ. Въ 1831 году въ Парижѣ было объявлено осадное положеніе. Но кассаціонный судъ въ Парижѣ кассировалъ его, какъ незаконное. Во время іюньской борьбы прошлаго года Кавеньякъ снова объявилъ осадное положеніе. Но, какъ вамъ извѣстно, Учредительное Собраніе Франціи вручило тогда Кавеньяку диктатуру.

Такимъ образомъ, его воля была, конечно, закономъ, при единодушномъ условіи отвѣтственности. Но кто вручилъ диктатуру генералу Врангелю, кто вручилъ ее Гогенцоллеру?!

Наконецъ, если бы даже осадное положеніе и было признано закономъ, чего, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ, то откуда оно могло бы получить юридическую силу, по произволу отмѣнять всѣвозможные законы? Повторяю, законъ можетъ быть отмѣненъ только другимъ закономъ, если иного порядка прямо не указано въ самомъ же законѣ. Такъ, напримѣръ, въ ст. 8 Habeas Corpus Act'а отъ 24 сентября, который былъ изданъ для охраны личной свободы, имѣется такое опредѣленіе: „Въ случаѣ войны или возстанія (т. е., слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это ошибочно думаютъ, можетъ быть объявлено осадное положеніе), когда народное представительство не созвано, министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ, подъ своею отвѣтственностью, пріостанавливать на время и въ отдѣльныхъ округахъ дѣйствіе ст. 1 и 6 настоящаго закона".

Итакъ, ясно, дѣйствіе ст. 1 и 6 этого закона можетъ быть пріостановлено въ случаѣ войны и возстанія; но для этого требуется рѣшеніе всего министерства внутреннихъ дѣлъ, а не одно только заявленіе генерала.

Но разъ законъ говоритъ, что дѣйствіе ст. 1 и 6 можетъ быть пріостановлено въ случаѣ войны и возстанія, то этимъ уже доказано, что дѣйствіе остальныхъ параграфовъ не можетъ быть пріостановлено даже въ случаѣ войны и возстанія. Среди этихъ остальныхъ параграфовъ находится также и ст. 5, который гласитъ: „Никто не можетъ быть судимъ инымъ судьей, помимо указаннаго въ законѣ. Исключительные суды и исключительныя комиссіи не допускаются. Какъ угроза наказаніемъ, такъ и самое назначеніе наказанія должно производиться согласно закону".

Такимъ образомъ, дѣйствіе этого ст. 5, какъ это прямо заявляетъ законъ, не можетъ быть пріостановлено даже въ случаѣ войны и возстанія. Но объявленіе осаднаго положенія въ Берлинѣ Врангелемъ, а также и послѣдующее при Дригальскомъ, сопровождалось назначеніемъ военныхъ судовъ

и для гражданскихъ лицъ; т. е. судовъ исключительныхъ, которые категорически запрещены закономъ даже на случай возстанія и военнаго времени.

Такимъ образомъ, Habeaus Corpus Act, этотъ третій бастіонъ законной свободы, открыто попирается ногами, и нѣтъ даже возможности принарядить все это въ какую-либо юридическую видимость.

Но Habeaus Corpus Act былъ нарушенъ еще и въ другомъ отношеніи. Дѣйствіе ст. 1 и 6 — арестъ и домашній обыскъ могутъ производиться только въ силу судебнаго предписанія, могло быть пріостановлено только въ силу рѣшенія и подъ общей отвѣтственностью министерства внутреннихъ дѣлъ. Но это не было сдѣлано, такъ какъ иначе, согласно тому же ст. 8, который разрѣшалъ это, снова пришлось бы тотчасъ же созвать народное представительство. А такъ какъ дѣйствіе этихъ параграфовъ не было пріостановлено, то ни арестъ, ни домашній обыскъ не могли производиться безъ судебнаго предписанія. Но, быть можетъ, оберъ-прокуроръ думаетъ иначе? Пусть же онъ наставитъ насъ въ такомъ случаѣ.

Но, несмотря на то, въ Берлинѣ, какъ извѣстно, ежедневно, производились солдатами и полиціей, безъ всякаго судебнаго предписанія, массовые аресты, во всѣхъ домахъ дѣлались выемки оружія, — и все это безъ всякаго судебнаго предписанія.

Такой образъ дѣйствія породилъ злобу даже среди самыхъ консервативныхъ людей. Мильде, бывшій министръ, обратился съ публичнымъ посланіемъ къ министерству. Онъ писалъ, что это позоръ такъ открыто попирать ногами Habeaus Corpus Act. Въ отвѣтъ министерство заявило, что это не его вина, а вина генерала Врангеля, который и отвѣтственъ за то.

Между тѣмъ, домашніе обыски и аресты производились ежедневно. А что-то не слыхать, чтобы въ конституціонномъ государствѣ Пруссіи министерство возбудило противъ генерала Врангеля уголовное слѣдствіе, по поводу этихъ, ежедневно повторявшихся и, признанныхъ самимъ же министерствомъ, преступленій. Національное Собраніе объявило осадное положеніе незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Даже суды признали тогда это, такъ какъ неизвѣстно еще было кто останется побѣдителемъ. Судебная палата предписала освободить всѣхъ тѣхъ, кто былъ арестованъ за проступки противъ осаднаго положенія, такъ какъ само осадное положеніе незаконно и недѣйствительно.

Четвертымъ устоемъ свободы, болѣе неприкосновеннымъ, чѣмъ всѣ другіе, была свобода печати. Законъ 17 марта на вѣчныя времена изгналъ цензуру. Что же сдѣлали теперь? На первое время цензуры еще не вводили. Но сдѣлали нѣчто худшее: попросту прикрывали газеты цѣликомъ.

Что представляла собой цензура, господа? Частичное подавленіе права свободно выражать свое мнѣніе. Цензоръ вычеркивалъ изъ газетъ, половину или цѣликомъ, ту или иную статью. Это частичное подавленіе права свободно выражать свое мнѣніе было, слѣдовательно, отмѣнено навсегда и безъ всякихъ изъятій. Теперь газеты прикрывались цѣликомъ. Вмѣсто частичнаго подавленія свободнаго слова, полная цензура, доведенная до своихъ крайнихъ, террористическихъ предѣловъ, радикальное уничтоженіе всѣхъ неугодныхъ газетъ.

Такъ сама корона произнесла анаѳему надъ цензурой, такъ понималась конституціонная свобода! Какой великолѣпный прогрессъ конституціоннаго государства по сравненію съ абсолютнымъ государствомъ. Впрочемъ, впослѣдствіе цензура была снова введена формально. Въ Дюссельдорфѣ ее снова воскресилъ на нѣсколько дней генералъ фонъ-Дригальскій. Но въ Эрфуртѣ и въ Креуцбургѣ цензура просуществовала нѣсколько мѣсяцевъ, вплоть до недавняго времени.

Пятымъ неприкосновеннымъ жизненнымъ правомъ свободнаго народа было свободное право союзовъ, торжественно признанное закономъ 6 апрѣля.

На основаніи осаднаго положенія, т. е., какъ мы уже знаемъ, на основаніи беззаконнаго произвола, на основаніи провозглашеннаго кулачнаго права, было уничтожено также и это убѣжище свободы! Осадное положеніе, какъ это было показано, не покоится ни на какомъ законѣ. Если-бы оно покоилось на законѣ, то оно не могло бы отмѣнять законно признанныхъ правъ, какъ право союзовъ, такъ какъ никакой законъ не признавалъ за нимъ такого права. Если-бы даже какой-либо прежній законъ и признавалъ за нимъ такое право, то право это было бы отмѣнено закономъ 6 апрѣля. Ибо въ ст. 4 законъ этотъ постановляетъ: „Этимъ отмѣняются всѣ существующія законныя постановленія, ограничивающія свободное право союзовъ“.

Вопреки этой, многократно засвидѣтельствованной закономъ, невозможности, повсюду, гдѣ только провозглашается этотъ современный режимъ террора, именующійся осаднымъ положеніемъ, — повсюду уничтожается право союзовъ, закрываются собранія, клубы, ассоціаціи, а если гдѣ соберется десять человѣкъ, такъ начинается настоящая травля, словно на дикихъ звѣрей.

Между тѣмъ вѣсть объ этихъ неслыханныхъ событіяхъ доходитъ до провинціи. Представители городовъ спѣшатъ въ Берлинъ, чтобы умолить королевское сердце. Но ихъ прогоняютъ, какъ уличныхъ мальчишекъ. Цѣлый ураганъ адресовъ проносится по всей странѣ.

Не только народныя собранія, не только самые мирные конституціонные союзы, даже общинные старшины, магистраты, гласные городскихъ думъ, коллегіи всѣхъ городовъ, — всѣ обращаются съ адресами къ Національному Собранію, въ которыхъ выражаютъ ему свое сочувствіе и преданность. Городскія коллегіи Берлина, Бреславля, Кёнигсберга, Кёльна, Дюссельдорфа, изъ всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ, изъ каждаго закоулка Пруссіи, — выражается благодарность собранію за защиту народныхъ правъ, призываютъ его твердо стоять на своемъ славномъ рѣшеніи. Господа! Все это преступники, моральные преступники, по логикѣ обвинительнаго акта, всѣ эти городскія власти, далекія и близкія, эти общинные представители вашего собственнаго города!

Повсюду въ городахъ собирались гражданскіе милиціонеры, повсюду составлялись адреса Національному Собранію. Всѣ эти адреса дословно повторяютъ одно и то же: Національное Собраніе единственная власть, стоящая на законной почвѣ, и потому, оно одно можетъ притязать на законное значеніе. Всѣ эти адреса заканчиваются дословно однимъ и тѣмъ же: торжественной клятвой, памятуя о своемъ долгѣ, твердой рукой, своимъ добромъ и кровью, защищать Національное Собраніе. Всѣ эти гражданскіе милиціонеры, этотъ имущій классъ націй, эти мирные люди, занимающіеся промышленностью и торговлей, любящіе спокойствіе, столь необходимое для собственности, — всѣ они — чувство чести заговорило въ нихъ — изъ всѣхъ ихъ грудей несется одинъ воинственный кличъ. Вѣдь преступники они въ глазахъ и по логикѣ прокурора.

Въ одну сплошную массу преступниковъ превратилось все населеніе въ глазахъ этого единственнаго праведника, нашею Божіей милостью правительства, — и вполнѣ послѣдовательно оно превратило всю страну въ темницу. Никогда еще воля страны не высказывалась столь внушительно, столь единодушно. Но тщетно. Правительство рѣшило оставаться глухимъ къ голосу страны, оставаться глухимъ, пока со временемъ оно не отведетъ себѣ душу ружейными выстрѣлами.

Вамъ извѣстно, что затѣмъ произошло въ Берлинѣ. Пушками и штыками окружаетъ генералъ Врангель зданіе театра.

Въ торжественной процессіи отправляется Собраніе на мѣсто своихъ засѣданій, — но помѣщеніе оказывается запертымъ и занятымъ военной силой. Оно заявляетъ, что надъ нимъ совершено грубое насиліе. Оно продолжаетъ засѣдать въ другихъ помѣщеніяхъ, которыя предоставляются въ его распоряженіе городскими властями Берлина. Совершается нѣчто неслыханное! Національное Собраніе дерзаютъ разогнать вооруженной силой!

Законное народное представительство разгоняется штыками, — это значитъ господа: государственная измѣна въ ея крайней, самой ужасной формѣ, государственная измѣна въ ея крайнемъ, высшемъ завершеніи! Маіоръ, совершившій это, клянетъ себя самого, и, въ наказаніе за эту чувствительность, его засаживаютъ въ крѣпость.

Тогда Національное Собраніе бросаетъ министру обвиненіе въ государственной измѣнѣ, обвиненіе въ насильственномъ ниспроверженіи конституціи. Отрадно, господа, среди этихъ воспоминаній, остановиться взоромъ на тѣхъ иллюзіяхъ, какія имѣлись тогда у этихъ господъ.

Когда въ засѣданіи Національнаго Собранія рѣшался вопросъ о возбужденіи обвиненія противъ министерства, то было высказано сожалѣніе по поводу того, что у насъ нѣтъ еще закона, нормирующаго обычное въ конституціонныхъ государствахъ исключительное судопроизводство противъ министровъ. Въ такихъ случаяхъ, въ конституціонныхъ государствахъ народное представительство само судитъ министровъ. Благодаря отсутствію у насъ такихъ исключительныхъ законовъ, министры отвѣтствовали передъ королевскими судами по общимъ нормамъ земскаго права.

Гарассовичъ, президентъ берлинскаго уголовнаго суда, человѣкъ крайне консервативный, но бывшій въ этомъ конфликтѣ противъ короны и подавшій свой голосъ за возбужденіе обвиненія противъ министерства, пришелъ въ сильный гнѣвъ по поводу этихъ сомнѣній въ нелицепріятности прусскихъ судовъ.

Будьте увѣрены, господа, сказалъ онъ, прусскіе суды въ этомъ дѣлѣ о государственной измѣнѣ сумѣютъ выполнить свой долгъ. Добрый человѣкъ! Очень скоро обнаружилось, какъ прусскіе суды понимаютъ свой долгъ!

Національное Собраніе направило берлинскому прокурору обвиненіе съ требованіемъ выполнить свой долгъ. Берлинскій прокуроръ, господинъ Зете, прибѣгъ къ уловкѣ и отвѣтилъ Національному Собранію, что не существуетъ закона, который каралъ бы государственную измѣну министровъ, этихъ источниковъ всѣхъ милостей и окладовъ. Какъ будто бы не было ст. 91 обще-земскаго права.

А черезъ нѣсколько времени тотъ же прокуроръ усердно занимался выискиваніемъ пунктовъ обвиненія противъ законодательнаго Національнаго Собранія, по поводу рѣшенія объ отказѣ въ налогахъ, хотя, какъ извѣстно, депутаты не подлежатъ по закону отвѣтственности за свои вотумы!

О, какъ можно дальше отъ этихъ прокуроровъ, господа!

Берлинская коллегія городскихъ гласныхъ принесла жалобу тому же прокурору на генерала Врангеля. Несмотря на то, что дѣйствіе Habeas Corpus Act'а не было пріостановлено, вопреки ст. 6 этого закона, безъ всякаго судебнаго предписанія, генералъ Врангель ежедневно приказывалъ производить насильственные домашніе обыски у берлинскихъ гражданъ и даже у городскихъ гласныхъ. Коллегія городскихъ гласныхъ требовала возбужденія уголовнаго слѣдствія. Прокуроръ Зете отвѣтилъ на этотъ разъ, что для этого требуется согласіе начальства генерала, т. е., согласіе министерства. Но ст. 9 Habeas Corpus Act'а категорически гласитъ, что для возбужденія преслѣдованія противъ публичныхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ за нарушеніе Habeas Corpus Act'а, не требуется предварительнаго согласія со стороны ихъ начальства.

О, какъ можно дальше отъ этихъ прокуроровъ, господа!

Такъ уже въ это время судебные чиновники начинали припадать устами къ сапогамъ властелиновъ и, слѣдуя примѣру короны, открыто попирали ногами всѣ законы.—Но ягодки еще впереди!

Между тѣмъ, въ Берлинѣ Собраніе еще трижды разгоняется военной силой,—и, наконецъ, оно принимаетъ рѣшеніе объ отказѣ въ налогахъ. Собраніе имѣло на то законное право. Помимо всего прочаго, это вытекаетъ изъ ст. 6 закона 6 апрѣля. Здѣсь сказано, что народные представители голосуютъ по поводу всѣхъ законовъ, имъ принадлежитъ это право какъ въ отношеніи государственнаго бюджета, такъ и въ отношеніи утвержденія налоговъ. Наконецъ, право и необходимость этого рѣшенія попросту вытекаетъ уже изъ предыдущаго, изъ того, что министерство было объявлено виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Платить налоги совершившему государственную измѣну министерству, министерству, не остановившемуся передъ гражданской войной, дабы только удержаться самому, давать ему средства къ существованію, средства для веденія гражданской войны,—такое поведеніе, въ сущности, было бы равносильно соучастію въ государственной измѣнѣ!

„Что касается цѣлесообразности отказа въ налогахъ,—говоритъ въ засѣданіи докладчикъ Національнаго Собранія, президентъ высшаго земскаго суда, оберландгерихта, Кирхманъ, еще за нѣсколько дней до того голосовавшій противъ этой мѣры,—то я держусь того мнѣнія, что дѣйствія и мѣропріятія правительства достигли такой крайней степени насилія, обмана и несправедливости, и мы опутаны такою сѣтью насилія и коварства, что въ настоящую минуту намъ ничего другого не остается,

какъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству, - даже если-бы мы рисковали ввергнуть страну въ анархію“.

Чтобы покончить съ этимъ перечнемъ грѣховъ, укажу еще, что вскорѣ послѣ этого, когда правая начала уже засѣдать въ Бранденбургѣ, въ ту самую минуту, когда уже и лѣвая заявила о своей готовности отправиться туда же, въ Бранденбургъ, — въ эту самую минуту было объявлено о распущеніи Собранія о соглашеніи.

Правительство, въ этомъ случаѣ, не имѣло на своей сторонѣ даже простой видимости права. Это неопровержимо доказывается, господа, избирательнымъ закономъ 8 апрѣля, послѣдній параграфъ котораго гласитъ: „Созываемое на основаніи настоящаго избирательнаго закона собраніе имѣетъ своей задачей, установить будущую государственную конституцію путемъ соглашенія съ короной“. Итакъ, исключительно только это избранное вами на основаніи закона 8 апрѣля собраніе, а не какое-либо другое, могло вырабатывать соглашеніе о конституціи.

Но пусть собраніе было распущено! Вмѣсто того, чтобы созвать новое собраніе на основаніи того же самаго избирательнаго закона, корона даровала конституцію, т. е. однимъ почеркомъ пера былъ кассированъ весь публичный правовой строй. Власти уже утомились заниматься этимъ медленнымъ колесованіемъ правового организма страны, онѣ утомились отрывать у него одинъ членъ за другимъ, одинъ законъ за другимъ. Однимъ ударомъ его выбросили въ чуланъ со всяческимъ хламомъ, и открыто водрузили на его мѣсто sic volo sic jubeo, водрузили этотъ краснорѣчивый языкъ штыковъ. Господа! При оцѣнкѣ этихъ вещей и, въ особенности, въ настоящее время, дѣло идетъ о правѣ, о писанномъ правѣ. Согласно § 6 закона отъ 6 апрѣля, корона положительно не имѣла никакого права издавать какой-либо законъ безъ согласія народныхъ представителей. Уже задолго до мартовской революціи, согласно грамотѣ отъ 3 февраля 1847 года, корона не могла издавать никакого закона, не представивъ его предварительно Соединенному ландтагу. Правда, она не была связана мнѣніемъ ландтага, но выслушать его она была обязана.

Но что за забота коронѣ до всей этой жалкой правовой стороны вопроса? Если нѣтъ права, то есть нѣчто болѣе внушительное. Въ Берлинѣ есть осадное положеніе, Врангель, 60,000 солдатъ и столько-то и столько-то сотъ пушекъ. Въ Бреславлѣ, Магдебургѣ, Кельнѣ, Дюссельдорфѣ имѣется столько-то и столько-то солдатъ; столько-то и столько-то пушекъ. Вотъ это основанія, внушительныя, которыя всякому понятны!

Ну, а если это правонарушеніе повлечетъ за собой нѣкоторыя осло-

женія, нѣкоторыя послѣдствія, и въ будущемъ придется считаться съ затрудненіями,—то что за бѣда! Вѣдь есть же свои суды, свои судьи и свои прокуроры, которые уже все направятъ по надлежащей стезѣ!

Господа! Когда вѣсть обо всѣхъ этихъ преступленіяхъ, обо всемъ этомъ безконечномъ рядѣ покушеній на наши законы дошла до провинціи, вѣсть о незаконномъ осадномъ положеніи, о нарушеніи законовъ о гражданской милиціи, о свободѣ печати, о свободѣ союзовъ, о нарушеніи Habeas Corpus Act'а, вѣсть о томъ, что Національное Собраніе разогнано штыками,—когда все это дошло до слуха провинціи, то что же, господа, могла и должна была сдѣлать страна? Замѣтьте, господа, я спрашиваю васъ не съ точки зрѣнія народнаго суверенитета и правъ человѣка, даже не съ точки зрѣнія чести, нѣтъ, я спрашиваю васъ съ точки зрѣнія права, съ строго юридической точки зрѣнія писаннаго права,—я спрашиваю васъ, развѣ это было не самымъ священнымъ правомъ, не самой высокой обязанностью страны, ударить въ набатъ, сорвать со стѣны висѣвшее тамъ ружье и поспѣшить на баррикады?

Но, прежде всего, какъ можетъ быть преступленіемъ исполненіе этой повелительной обязанности? Статья 87 Code pénal, конечно, признаетъ преступленіемъ вооруженное сопротивленіе autorite imperiale, императорской или королевской власти. Но въ Code penal это вполнѣ разумно, ибо онъ опубликованъ при Наполеонѣ, т. е., слѣдовательно, при абсолютной формѣ правленія. Въ абсолютномъ государствѣ воля абсолютнаго государя, дѣйствительно, есть единственный наивысшій законъ. L'etat c'est moi—государство—это я, говорилъ Людовикъ XIV и могъ такъ сказать. Личность монарха является здѣсь живой конституціей; всякій, возстающій противъ его воли, повиненъ въ преступномъ ниспроверженіи конституціи. Наоборотъ, въ конституціонномъ государствѣ конституція есть законъ, только она имѣетъ здѣсь силу и значеніе.

Здѣсь совсѣмъ нѣтъ королевскаго авторитета, королевской власти (autorite imperiale), если она какимъ-либо образомъ покидаетъ почву закона. Въ конституціонномъ государствѣ только законы обладаютъ значеніемъ и величіемъ. Въ конституціонномъ государствѣ королевская власть не имѣетъ ровно никакой силы. Она и собаки не отманитъ отъ печи. Королевское повелѣніе, не контрасигнованное министромъ, не имѣетъ ровно никакой силы и никакого значенія. Кто исполняетъ его, на основаніи одной только этой формальной вины, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности, какъ за совершеніе преступленія.

Какъ же безсильно должно быть королевское повелѣніе, хотя бы и

контрасигнованное министромъ, какъ же безсильна должна быть вся королевская власть, если она враждебна, если она противорѣчитъ самому содержанію законовъ!

Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, это не только само собой разумѣющееся первое право, но и первая обязанность каждаго гражданина, съ оружіемъ въ рукахъ защищать конституцію противъ всякаго насильственнаго ея ниспроверженія. Эта обязанность носитъ безусловный характеръ. Естественно, она одинаково обязательна, какъ въ томъ случаѣ, когда насильственное ниспроверженіе конституціи исходитъ отъ самаго правительства, такъ и въ томъ, когда повиненъ въ этомъ народъ. Статья 87 Code pen. объ autorité royale, возникшая при абсолютной формѣ правленія, получаетъ, такимъ образомъ, иной характеръ, благодаря этому основному жизненному условію конституціоннаго государства. Она никогда не можетъ примѣняться въ томъ случаѣ, когда насильственное ниспроверженіе конституціи исходитъ отъ самого правительства, и когда граждане оказываютъ вооруженное сопротивленіе королевской власти только въ цѣляхъ защиты конституціи. Признаніе этого принципа естъ необходимое условіе существованія конституціоннаго государства; ни одного конституціоннаго государства нельзя даже представить себѣ безъ этого, такъ какъ правительство преспокойно и безъ всякой опасности для себя могло бы отмѣнить любую конституцію,—если-бы защищающіе ее граждане становились тѣмъ самымъ преступниками.

Даже для Пруссіи это уже слишкомъ много, ибо все это разумѣется само собой, все это категорически признано закономъ о гражданской милиціи отъ 17 октября прошлаго года. Ст. 1 этого закона устанавливаетъ въ качествѣ принципа: гражданская милиція имѣетъ своимъ назначеніемъ защищать конституціонную свободу. А такъ какъ положеніе это высказано въ абсолютной формѣ и безъ всякихъ ограниченій, то отсюда слѣдуетъ, что здѣсь имѣются въ виду насильственныя посягательства какъ сверху, такъ и снизу,

Исключительнымъ и единственнымъ назначеніемъ гражданской милиціи, ради чего она и создана, является охрана конституціи противъ королевской власти. Ибо для борьбы съ безпорядками имѣется полиція, для подавленія народныхъ революцій служитъ войско. Гражданская же милиція создана для того, чтобы имѣть вооруженную гарантію противъ **королевскихъ** революцій, съ этой цѣлью ее вооружили, съ этой цѣлью обучали ее военнымъ пріемамъ.

Итакъ, защита законовъ вооруженной рукой, когда имъ угрожаетъ

опасность со стороны правительства,—таково первое и послѣднее право, такова священная обязанность, истинное испытаніе огнемъ гражданина.

Никто еще не пытался отрицать этого принципа. Быть можетъ, это угодно будетъ сдѣлать прокурору? Не угодно ли вамъ выслушать, господа, одно авторитетное мнѣніе? „Каждый гражданинъ хорошо знаетъ,—сказалъ въ засѣданіи Національнаго Собранія 26 сентября, тогдашній министръ Эйхманнъ, бывшій оберъ-президентъ, человѣкъ извѣстный за одного изъ самыхъ реакціонныхъ столповъ старой бюрократіи, — каждый гражданинъ хорошо знаетъ, что въ защитѣ своей свободы онъ неприкосновененъ. Если рѣчь идетъ о томъ, что свобода народа подвергалась посягателъству,—то это было бы печальное время. Тогда настаетъ другой порядокъ вещей, о которомъ намъ здѣсь не приходится говорить, тогда настаетъ право самозащиты“.—Такъ говоритъ министръ!

Вы согласитесь со мной, господа, что я ссылаюсь на хорошій авторитетъ.

Я спрашиваю васъ, какъ это возможно, при всей ясности этихъ основныхъ законовъ всякой конституціонной жизни, которые должны быть очевидны даже для самаго закоснѣлаго ума,—я спрашиваю, какъ это только мыслимо, возбуждать обвиненіе противъ гражданъ на основаніи законовъ? Вѣдь эти граждане дали разительный примѣръ вѣрности, преданности законамъ, вѣдь они были готовы, исполненные величайшаго сознанія долга, взяться за оружіе и пожертвовать своею жизнью на защиту законовъ!

Откуда, скажите Бога ради, эта неслыханная дерзость, эта поразительнѣйшая наглость, это безстыднѣйшее мороченіе всѣхъ, словно міръ перевернулся кверху ногами? Вотъ она, эта преступная ватага, низвергшая всѣ законы страны, законы 6 и 8 апрѣля, категорически провозглашенные основами конституціи, и многіе другіе законы, — и она еще позволяетъ себѣ сажать на скамью подсудимыхъ и обвинять въ нарушеніи законовъ этихъ добрыхъ гражданъ, только за то, что они хотѣли защищать законы противъ этой революціи?!.

Или, быть можетъ, я, въ свою очередь, хотѣлъ тогда ниспровергнуть конституцію страны? Развѣ я въ своихъ рѣчахъ возбуждалъ ниспровергнуть тронъ, возбуждалъ провозгласить республику? Даже обвинительный актъ не рѣшается утверждать этого. Нѣтъ, господа, вы уже слышали объ этомъ изъ устъ всѣхъ свидѣтелей, даже изъ устъ свидѣтелей обвиненія! Я призывалъ лишь къ тому, чтобъ защищать завоеванныя законныя свободы, чтобы защищать Національное Собраніе. Всѣ мои плакаты и воззванія, со всею ясностью, къ какой я только способенъ, говорятъ объ одномъ и томъ же,

они призываютъ защищать законы, призываютъ уважать ихъ. Во всѣхъ моихъ рѣчахъ, какъ вамъ говорили свидѣтели, всегда снова и снова звучитъ одинъ и тотъ же призывъ: „Мы должны возстать, съ мечемъ — въ одной рукѣ, съ закономъ—въ другой“. Передъ лицомъ общаго долга къ отечеству, передъ лицомъ опасности, угрожавшей общей свободѣ, я съумѣлъ отказаться отъ своей партійной точки зрѣнія, я съумѣлъ, отказаться даже отъ своихъ собственныхъ убѣжденій. Я обращался къ рабочимъ, я заклиналъ ихъ оставить мысль о провозглашеніи республики,—ибо, при данныхъ условіяхъ, здѣсь, въ провинціальномъ городѣ, эта мысль была бы безуміемъ. „Передъ лицомъ общей опасности,—говорилъ я,—должны исчезнуть всѣ партійныя точки зрѣнія, всѣ партійныя желанія. Кто изъ васъ въ настоящую минуту думаетъ о провозглашеніи республики, тотъ измѣняетъ общему дѣлу, ибо это необходимо явится яблокомъ раздора среди гражданъ. Какъ одинъ человѣкъ, должны они теперь сплотиться вокругъ поруганнаго закона. Въ противномъ же случаѣ, мы окажемъ лишь величайшую услугу нашему общему врагу, контръ-революціи“.

Я обращался къ гражданамъ и сказалъ имъ: „И вы не измѣняйте своему собственному интересу. Васъ стараются запугать неосновательными страхами,—но пусть это не парализуетъ вашей активности. Справедливо, что я и моя партія, что мы прежде всего тяготѣемъ къ соціальной реформѣ, что высшимъ выраженіемъ нашихъ убѣжденій является соціальная республика. Но не настало еще время воплотить въ жизни наши теоріи; это дѣло будущаго. Въ настоящее же время пролетарій желаетъ лишь одного: помочь въ дѣлѣ защиты вашихъ свободъ, вашихъ правъ, вашихъ законовъ. Онъ желаетъ лишь одного: къ тѣмъ заслугамъ, какія онъ оказалъ уже вамъ, присоединить еще одну новую заслугу, онъ желаетъ начертать новую надпись на памятной колоннѣ своихъ подвиговъ,—дабы со временемъ, когда настанетъ минута великаго расчета, имѣть возможность сказать вамъ: „Своею кровью завоевалъ я для васъ свободу въ мартѣ 1848 года, своею же кровью защищалъ я ее въ ноябрѣ“.

И, несмотря на все это, дерзаютъ еще возбуждать противъ меня обвиненіе?

Меня обвиняютъ за то, что я хотѣлъ защищать законы страны? Изумительное преступленіе.

Для этого требуется рѣдкое, но не завидное мужество, мужество высшаго безстыдства!

Это обвиненіе совершенно немыслимо, ни одного слова нельзя сказать

въ его обоснованіе, не совершая уголовнаго преступленія противъ нашей государственной конституціи.

Нельзя отрицать, что корона, какъ я это показалъ, тысячекратно нарушала законъ въ ноябрѣ. Нельзя отрицать, что корона распустила Собраніе, на что она не имѣла никакого права. Не имѣя на то никакого юридическаго права, посягая на законодательные прерогативы народа, корона даровала конституцію и этимъ совершила революцію насильственную. Здѣсь ровно ничего не значитъ, имѣлись ли для этой революціи какія-либо смягчающія вину обстоятельства, была ли она желательна, принесла ли она благотворные результаты. Даже благотворная революція, съ юридической, законной точки зрѣнія, все же остается революціей. А разъ общепризнано, что корона совершила революцію, то какъ можно, спрашиваю я, взводить обвиненіе, съ законной точки зрѣнія, на тѣхъ гражданъ, которые защищаютъ законы противъ, идущей революціоннымъ путемъ, короны? Ихъ можно обвинять лишь въ томъ случаѣ, если признать, что корона абсолютна, что ея авторитетъ не связанъ никакимъ закономъ, и если-бы даже она сотни разъ низвергла всѣ законы, ея произволъ все же былъ бы единственнымъ, высшимъ закономъ. И эта точка зрѣнія, явно или скрытно, лежитъ въ основѣ обвиненія. Но кто утверждаетъ нѣчто подобное, утверждаетъ также, что Пруссія есть абсолютное государство, какимъ она была до марта 1848 года.

Такъ какъ Пруссія называетъ себя конституціонымъ государствомъ, то власть, заявляющая нѣчто подобное, совершаетъ актъ государственной измѣны. А нѣчто такое заявляетъ обвинительный актъ, нѣчто такое заявляютъ суды, приведшіе меня сюда, нѣчто такое заявляетъ оберъ-прокуроръ, поддерживающій обвиненіе. Они всѣ совершаютъ преступленіе, объявляя корону абсолютной.

Вооруженное возстаніе народа было въ то время въ высшей степени законно и правомѣрно. Господа! Самыя высокія сферы признали это. „Мои враги были трусливы—сказалъ король вскорѣ послѣ того одной благомыслящей депутаціи—они не возстали“.

Итакъ, страна осталась спокойной не изъ чувства законности. Даже корона рѣшалась заявлять, что борьба была бы очень законна. Нѣтъ, мои враги были трусливы—такъ гласило ея мнѣніе! Къ насилію присоединяютъ еще оскорбленіе. Неужели мы, на самомъ дѣлѣ, заслуживаемъ, чтобы намъ бросали въ лицо это оскорбленіе? Неужели мы, дѣйствительно, господа, нація трусовъ?

Да, страна обязана была начать эту борьбу, и обязанность эта до

сихъ поръ еще не выполнена! Да, мы, дѣйствительно, были бы націей трусовъ, если бы забыли объ этой обязанности, если бы въ нашей груди не пылала клятва исполнить эту обязанность! Страна была захвачена тогда врасплохъ. Ее заковали въ тяжелыя цѣпи и прежде, чѣмъ она успѣла притти въ себя отъ неожиданности, благопріятный моментъ для дѣйствія уже миновалъ.

Гражданская вина несетъ съ собой тяжелыя жертвы! Граждане не представляютъ собой дисциплинированнаго войска, которое, при первомъ же преступномъ дѣяніи, по первому сигналу о тревогѣ, спѣшитъ изъ казармъ на баррикады. Нужны цѣлые мѣсяцы предварительной подготовки, дабы въ надлежащій моментъ крестьянинъ бросилъ свой плугъ, дабы ремесленникъ покинулъ свою мастерскую, дабы гражданинъ оторвался отъ своей жены и ребенка, — чтобы онъ подставилъ свою мирную грудь подъ градъ пуль.

Прежде, чѣмъ раздадутся ружейные залпы, революція уже совершилась въ сердцахъ гражданъ, она совершилась задолго до этого, за многіе мѣсяцы ранѣе! Не вопросъ о банкетахъ ниспровергъ Луи Филиппа. Когда Франція поклялась въ душѣ не терпѣть долѣе этого режима подкупа и лицемѣрія, когда милліоны гражданъ безсознательно присоединились къ той же клятвѣ, тогда достаточно было какого-нибудь незначительнаго повода, чтобы обнажился мечъ. А вѣдь раньше тысячу разъ спокойно переносили тоже самое.

Уже задолго до того, какъ на улицѣ будетъ воздвигнута первая баррикада, внутри, въ сердцахъ гражданъ, давно уже разверзлась глубокая пропасть, поглощающая данную правительственную форму, давно уже данный строй жизни окончательно преданъ проклятію въ сердцахъ гражданъ этого общества!!

И такъ какъ они, эти идіоты, не знаютъ этого историческаго закона, то они хвастаются, что побѣдили свободный народъ, и этимъ минутнымъ успѣхомъ они хотятъ еще доказать свое право!? Но онъ, этотъ государственный договоръ, разорванъ уже съ ноября мѣсяца, всякій союзъ уже нарушенъ, въ груди всякаго мужа пылаетъ ненависть; въ этомъ государственномъ союзѣ нѣтъ уже ничего нравственнаго! Штыки, вотъ что служитъ здѣсь единственнымъ связующимъ цементомъ! На вѣки вѣчные отмѣтитъ исторія съ ноября 1848 года начало настоящей нѣмецкой революціи, и будутъ дивиться, дивиться неизгладимой памяти народа!

Утерянъ даже этотъ хрупкій, надломленный костыль права, это един-

ственное орудіе, которымъ можно было еще раньше противиться неумолимымъ потребностямъ народовъ! Въ жизни народовъ почва права—это плохая точка зрѣнія, ибо законъ есть лишь выраженіе и писанная воля общества, но онъ никогда не играетъ здѣсь роль творца. Разъ общественная воля и потребности общества измѣнились, то старому кодексу мѣсто въ историческомъ музеѣ, его мѣсто заступаетъ новый образъ и подобіе современности.

Наконецъ, если почва права являлась ложнымъ принципомъ, то все же это былъ принципъ; въ качествѣ принципа, она обладала моральной силой, хотя сила эта была уже въ прошломъ. Это общеизвѣстный фактъ, что народы упорно чтутъ законы, хотя бы законы эти были явно дурными.

Но что хотятъ теперь противопоставить бурнымъ потребностямъ общества? Почву права корона сама отъ себя оттолкнула. Совершивъ революцію въ силу своей собственной потребности, корона тѣмъ самымъ разительнѣйшимъ образомъ признала право на революцію вообще, исключительное право потребности, ея безконечный суверенитетъ и первенство надъ закономъ. Что можетъ теперь корона отвѣтить народу, который хочетъ утвердить права своей потребности? Теперь нельзя уже противопоставить революціи моральной силы почвы права!

Это утеряно уже на вѣчныя времена. Право теперь на моей сторонѣ и на сторонѣ моихъ единомышленниковъ! Революція, съ правовой точки зрѣнія, стала теперь юридической необходимостью. Эринніи, мстящія за загубленное право и потребности народовъ, другъ передъ дружкой, взываютъ, вопіютъ къ оружію.

И что же можетъ еще защищать status quo, который отказался отъ своего собственнаго принципа въ пользу своихъ противниковъ? Штыки? Но штыки—это плохое оружіе, когда они не защищаютъ никакого принципа.

Въ одинъ прекрасный весенній день исполинскій кулакъ народа сломитъ эти штыки, какъ буря ломаетъ тростникъ.

Говорятъ, что вооруженное сопротивленіе было тогда незаконнымъ потому, что оно пошло дальше самого Національнаго Собранія, такъ какъ послѣднее призывало только къ пассивному сопротивленію.

Допустимъ, что Національное Собраніе, дѣйствительно, призывало только къ пассивному сопротивленію. Что же слѣдуетъ отсюда? Или вооруженное возстаніе было тогда правомъ страны, ибо корона разорвала общественный договоръ, законъ, а въ такомъ случаѣ, безразлично, призывало ли Національное Собраніе прямо къ тому, что и безъ того было законной обязанностью. Или же право было на сторонѣ короны, а вооруженное возстаніе

противъ нея было, такимъ образомъ, преступленіемъ. А въ такомъ случаѣ Національное Собраніе своимъ призывомъ не могло бы превратить этого преступленія въ право; оно стало бы лишь соучастникомъ въ этомъ преступленіи.

Пассивное сопротивленіе, господа, эту уступку мы должны сдѣлать даже нашимъ врагамъ — пассивное сопротивленіе Національнаго Собранія было, во всякомъ случаѣ, преступленіемъ. Одно изъ двухъ! Или корона имѣла право на тѣ мѣропріятія, и въ такомъ случаѣ Національное Собраніе было, разумѣется, простой шайкой бунтовщиковъ и заговорщиковъ, такъ какъ оно сопротивлялось законному праву короны и ввергло страну въ раздоръ. Или же корона совершила, въ этомъ случаѣ, неправомѣрное насиліе, а тогда свободу народа слѣдовало защищать активно, цѣною своей жизни, тогда Національное Собраніе должно было громко призвать страну къ оружію! Тогда это изумительное изобрѣтеніе пассивнаго сопротивленія являлось трусливой измѣной народу, измѣной долгу Собранія, защищать права народа.

Вы неоднократно сегодня могли замѣтить, что во всѣхъ своихъ рѣчахъ я призывалъ взяться за оружіе лишь по зову Національнаго Собранія, что я призывалъ дожидаться этого зова. Если я поступалъ такъ, то не потому, чтобы у меня были какія-либо юридическія сомнѣнія, что это право мы можемъ получить только благодаря призыву Собранія. Право это одинаково было бы на нашей сторонѣ, шли ли бы мы съ Національнымъ Собраніемъ или безъ него. Сомнѣнія мои носили фактическій характеръ. Дѣло въ томъ, что на успѣхъ борьбы можно было разсчитывать лишь тогда, когда возстала бы вся страна, повсюду, во всѣхъ пунктахъ. Вотъ этого-то единодушія, этой-то одновременности возстанія и приходилось дожидаться, если-бы Національное Собраніе обратилось съ призывомъ ко всей странѣ. Дюссельдорфъ не могъ начать борьбы. Это было бы безуміемъ. Этотъ городъ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Дюссельдорфъ могъ только присоединиться къ рядамъ борцовъ, если-бы Національное Собраніе начало борьбу. Вотъ это-то, господа, а не какія-либо юридическія соображенія заставили меня постоянно указывать на призывъ Національнаго Собранія.

Пассивное сопротивленіе Національнаго Собранія, я повторяю это, было измѣной, это — изумительное, самое нелѣпое изобрѣтеніе, какое когда-либо появлялось подъ луной. На вѣки вѣчные нескончаемый смѣхъ будетъ удѣломъ творцовъ этого изобрѣтенія.

Представьте себѣ, великій народъ, на который нападетъ чужеземный завоеватель. Вмѣсто того, чтобы попытаться съ оружіемъ въ рукахъ за-

щищать свою свободу, онъ ограничивается тѣмъ, что противопоставляетъ завоевателю голую юридическую фразу, торжественный протестъ, пассивное сопротивленіе. Я спрашиваю васъ, развѣ не заклеймимъ презрительнымъ смѣхомъ этотъ народъ, развѣ не вычеркнуть его имени изъ списка народовъ??

Но трижды больше, нежели внѣшній врагъ, заслуживаетъ ненависти врагъ внутренній, ногами попирающій свободу страны. Трижды больше, нежели чужой государь, заслуживаетъ проклятія свой собственный государь, возстающій противъ законовъ своей собственной страны. Позорно стать жертвой чужой великой націи. Но трижды большаго позора заслуживаетъ тотъ народъ, который становится жертвой одного единственнаго человѣка.

Отдѣльный человѣкъ, господа, подвергающійся насилію со стороны государства, со стороны массы людей, я самъ, если вы осудите меня,—мы можемъ съ честью прибѣгнуть къ пассивному сопротивленію. Я могу облечься въ свое право и протестовать, такъ какъ у меня нѣтъ силы заставить его уважать. Но какъ понятіе Бога немыслимо внѣ предиката всемогущества, такъ понятіе великаго народа необходимо предполагаетъ, что его сила должна быть соразмѣрна его праву, что онъ долженъ обладать силой, дѣйствительно защищать то, что онъ призналъ своимъ правомъ.

Если одного человѣка десятеро выбрасываютъ за дверь, то онъ можетъ протестовать, онъ можетъ ссылаться, на свою слабость, что не оказалъ сопротивленія. Но я прошу васъ, представьте себѣ это печальное зрѣлище: великій народъ оправдывается своею слабостью, что не пытался защищать своего права!

Народъ можетъ стать жертвой насилія, какъ это было съ Польшей. Но Польша не пала раньше того, какъ поле битвы было насквозь смочено кровью ея благороднѣйшихъ сыновъ, пока не была уничтожена ея послѣдняя сила. Она сопротивлялась вплоть до послѣдняго предсмертнаго вздоха, она не сдалась, она умерла!

Лишь когда сломаны всѣ силы, лишь въ этомъ случаѣ такой народный трупъ можетъ прибѣгнуть къ пассивному сопротивленію, т. е., къ правовому протесту, лишь въ этомъ случаѣ, онъ можетъ удовольствоваться терпѣніемъ, сокрытой въ груди яростью, глубоко затаенной ненавистью, которая, со скрещенными на груди руками, ждетъ спасительной минуты освобожденія. Это пассивное сопротивленіе напослѣдокъ, когда уже сломлены всѣ средства активнаго сопротивленія,—да, оно есть высшая степень стойкаго героизма! Но пассивное сопротивленіе съ самаго начала,

когда нѣтъ рѣшимости обнажить мечъ изъ ноженъ, когда не было сдѣлано ни одного единственнаго призыва къ живымъ силамъ, — да, это величайшій позоръ, это неразуміе, это величайшая трусость, какую можно только предположить въ народѣ.

Пассивное сопротивленіе, господа, это внутреннее противорѣчіе, это терпящее сопротивленіе, это не сопротивляющееся сопротивленіе, сопротивленіе, которое не есть сопротивленіе. Пассивное сопротивленіе это какъ бы Лихтенберговскій ножъ безъ рукояти, которому не достаетъ и клинка; это какъ бы шуба, которую нужно вымыть, не смочивъ ее.

Пассивное сопротивленіе—это одна только внутренняя злая воля безъ внѣшняго поступка. Корона конфисковала народную свободу, а Національное Собраніе декретируетъ для защиты народа злую волю!

Было бы непонятно, какимъ образомъ, вопреки самой обычной логикѣ, законодательное Собраніе могло совершить такія неизгладимо-смѣхотворныя дѣянія, почему оно не предпочло открыто подчиняться веленіямъ короны,— да, это было бы непонятно, если-бы это не было слишкомъ понятно!

Пассивное сопротивленіе есть результатъ слѣдующихъ факторовъ:

Ясное сознаніе обязанности, въ силу долга оказать сопротивленіе, наряду съ личной трусостью, съ нежеланіемъ подвергать свою жизнь опасности,—оба эти момента, слившись въ отвратительномъ объятіи, породили на свѣтъ Божій, въ ночь на 10 ноября, это чахоточное дѣтище, это чахоточное созданіе пассивнаго сопротивленія.

Но именно это логическое противорѣчіе въ понятіи пассивнаго сопротивленія имѣло и должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что Національное Собраніе рѣшительно не могло удержаться на точкѣ пассивнаго сопротивленія; наоборотъ, оно совершенно послѣдовательно привело къ активному сопротивленію.

Вѣдь рѣшенія законодательнаго собранія это не то, что мнѣнія какой-либо философской или юридической коллегіи, которыя имѣютъ лишь теоретическое значеніе, задача которыхъ подать совѣтъ или установить философскую аксіому. Рѣшенія законодательнаго собранія — это декреты, которые должны имѣть практическое значеніе, они не только должны обладать теоретической истиной, но имѣютъ быть осуществлены въ дѣйствительности, практически.

Итакъ, если Національное Собраніе рѣшаетъ, что распущеніе гражданской милиціи, ея обезоруженіе есть актъ незаконный, — то это можетъ означать лишь одно: вамъ не зачѣмъ и вы не должны позволять обезо-

ружить себя, вы можете и вы должны сохранить свое оружіе, вы должны защищать его, если у васъ станутъ его отнимать силой.

Если Національное Собраніе рѣшаетъ, что министерство не имѣетъ права взимать налоговъ, то это можетъ означать лишь одно; вамъ не за чѣмъ, вы можете и вы не должны платить налоговъ; кто станетъ уплачивать налогъ, тотъ дурной гражданинъ, тотъ предатель своей страны, тотъ соучастникъ министровъ. А потому: вы должны силой сопротивляться насильственному взиманію налоговъ.

Рѣшеніе объ отказѣ въ налогахъ au fond ничѣмъ не отличается отъ прямого призыва къ оружію. Неужели вы думаете, что этого не понимало Національное Собраніе? Національное Собраніе прекрасно сознавало, что разъ прекратится поступленіе налоговъ, то нужда въ деньгахъ заставитъ правительство насильно ихъ взимать. Въ то же время, Національное Собраніе должно было желать и хотѣть, чтобы его рѣшеніе было приведено въ исполненіе, чтобы оно осталось побѣдителемъ. Не ради шутки постановили они свое рѣшеніе, не ради того, чтобы дать прокурору поводъ для возбужденія противъ себя уголовнаго преслѣдованія. Слѣдовательно, Національное Собраніе желало, хотѣло и декретировало, на случай неизбѣжнаго, принудительнаго взиманія налоговъ, вооруженное сопротивленіе, революцію. Все это думается мнѣ, очень ясно.

Такимъ образомъ, въ устахъ Національнаго Собранія, рѣшеніе объ отказѣ въ налогахъ вполнѣ равнозначительно съ положительнымъ призывомъ къ оружію.

Но почему же, въ такомъ случаѣ, Національное Собраніе не предпочло этого послѣдняго, быстро дѣйствующаго, средства, которое не дало бы улечься воодушевленію? Почему же оно открыто не декретировало массового возстанія?

Отвѣтомъ служитъ все предыдущее.

Національное Собраніе легализировало революцію и хотѣло ее. Если-бы вспыхнула революція, Національное Собраніе приписало бы себѣ честь этого. Но, легализируя и вызывая борьбу, Собраніе, въ то же время, хотѣло уклониться отъ отвѣтственности, на случай неудачи. Оно хотѣло занять такую позицію, которая освобождала бы его отъ возможнаго юридическаго обвиненія въ соучастіи.

Оно знало, что Берлинъ былъ подавленъ войсками, что, въ случаѣ прямого призыва къ оружію, даже если вслѣдъ затѣмъ въ провинціи удастся революція, имъ придется поплатится головой. Убійство Блюма до-

статочно ясно свидѣтельствовало о томъ на что способны государи. Въ этомъ—секретъ пассивнаго сопротивленія.

Народъ принималъ участіе въ выборахъ на основаніи избирательнаго закона 6 декабря,—и этимъ утверждаютъ, дарованная конституція, а слѣдовательно, и всѣ предшествовавшіе акты короны признаны, какъ спасительные акты, благодаря этому они впослѣдствіи получили законный характеръ. Утверждаютъ, что, во всякомъ случаѣ, адресъ второй палаты создалъ такое положеніе вещей.

Допустимъ даже, что все это, дѣйствительно, такъ. Но, что, благодаря этому, выигрываетъ настоящее обвиненіе? Вѣдь этимъ аргументомъ какъ разъ и признается, что дѣйствія короны сами по себѣ не были правомѣрными, что наоборотъ, они представляли собой неправомѣрное насиліе и стали правомѣрными лишь благодаря выполненію избирательнаго акта—6 февраля, или благодаря голосованію палаты—въ мартѣ. Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, было бы преступленіемъ оказывать вооруженное сопротивленіе дарованной конституціи, оказывать теперь, когда она, повидимому признана народомъ и палатой, когда она, благодаря этому, стала правомѣрной.

Но какое юридическое значеніе можетъ имѣтъ это признаніе въ мартѣ для поступковъ, совершенныхъ нами въ ноябрѣ? Вѣдь если ссылаться на это мнимое признаніе народомъ и палатой въ февралѣ и въ мартѣ и доказывать этимъ законность совершенной короной революціи, — то этимъ самымъ очевиднымъ образомъ доказывается, что въ истекшемъ ноябрѣ всякій имѣлъ полное право вооружиться на защиту существовавшаго въ то время правового порядка, всякій имѣлъ право вооружиться для отраженія совершеннаго короной ниспроверженія конституціи. Вѣдь въ ноябрѣ еще не были признаны насильственныя мѣропріятія короны, т. е., въ это время народъ не высказалъ еще своего одобренія насильственному ниспроверженію старой конституціонной основы 6 и 8 апрѣля.

Если это ниспроверженіе конституціи, если дарованная хартія впослѣдствіи была признана правомѣрной, то это не можетъ имѣть никакой обратной силы по отношенію къ поступкамъ, совершеннымъ въ то время, когда этотъ переворотъ не имѣлъ еще никакого правового значенія, когда онъ представлялъ собой лишь простое грубое насиліе.

Наконецъ, нѣтъ ничего болѣе смѣшного, болѣе нелѣпаго, чѣмъ это утвержденіе, что народъ будто бы призналъ дарованную конституцію, такъ какъ онъ принялъ участіе въ выборахъ въ нынѣшнія палаты, согласно нормамъ избирательнаго закона 6 декабря.

Развѣ народъ получилъ избирательное право впервые лишь благодаря избирательному закону 6 декабря? Вѣдь лишь въ этомъ случаѣ, можно было бы утверждать, что пользованіе избирательнымъ правомъ содержитъ въ себѣ и признаніе того титула, какимъ признано за нимъ избирательное право.

Но ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности! Ибо, не говоря уже о томъ, что вообще право голоса есть прирожденное, естественное и вѣчное право народа, котораго онъ даже и не можетъ пріобрѣсти, и котораго онъ лишился только во время абсолютной монархіи, благодаря насильственной узурпаціи,—не говоря уже объ этомъ, народъ, во всякомъ случаѣ, пріобрѣлъ всеобщее право голоса закономъ 8 апрѣля.

Поэтому, когда народъ избиралъ 6 февраля, то онъ пользовался только тѣмъ правомъ, которое онъ пріобрѣлъ уже закономъ 8 апрѣля, которое онъ, слѣдовательно, отнюдь не пріобрѣлъ впервые благодаря избирательному закону 6 декабря. Избирательный законъ 6 декабря не далъ народу ничего новаго, онъ лишь ограничилъ, вопреки праву, уже признанное за нимъ закономъ избирательное право. 6 февраля народъ избиралъ на основаніи своего права голоса, навсегда имъ пріобрѣтеннаго, благодаря мартовской революціи и закону 8 апрѣля. Да, онъ считался съ тѣми ограниченіями, какія были созданы по отношенію къ нему новымъ избирательнымъ закономъ 6 декабря. Но въ этомъ нѣтъ никакого признанія, ибо его принудили къ этому полиція и войско.

Что же, развѣ народъ не долженъ былъ пользоваться тѣми жалкими остатками избирательнаго права, которые еще уцѣлѣли послѣ ноябрьской королевской революціи? Что же, неужели слѣдовало предоставить свободное поле дѣятельности врагамъ? Неужели слѣдовало совсѣмъ уже не показываться на полѣ брани? Чѣмъ, какимъ ложнымъ выводомъ хотятъ доказать намъ эту нелѣпость, что разъ народъ участвовалъ въ выборахъ, дабы имѣть органы, имѣть передовыхъ борцовъ, которые помогли бы ему вновь завоевать похищенную у него свободу,—что народъ этимъ будто бы призналъ этотъ грабежъ? Я беру, господа, первый случайно пришедшій мнѣ въ голову примѣръ.

Допустимъ, что какой-либо грабитель, во время сна, срываетъ съ меня драгоцѣнный дамасскій клинокъ; вмѣсто того онъ кладетъ возлѣ меня скверную дубинку. Я просыпаюсь, хватаю дубинку, бросаюсь за грабителемъ, чтобы убить его этой дубинкой и отобрать назадъ свою собственность. Я спрашиваю васъ, неужели то, что я воспользовался дубинкой, равносильно признанію съ моей стороны, что дубинка правомѣрно обмѣ-

нена на дамасскій клинокъ? Избирательный законъ 6 декабря и былъ такой скверной дубинкой, въ насмѣшку оставленной грабителемъ, и народъ воспользовался ею, дабы имѣть какое-либо оружіе для веденія неравной борьбы!

Правда, вторая палата признала, абсолютнымъ большинствомъ 7 голосовъ, дарованную конституцію. Но достаточно немного подумать, чтобы убѣдиться, что такого рода признаніе имѣетъ еще меньшее значеніе, нежели предыдущее. Справедливо, бываютъ обстоятельства и положенія, когда высшее право становится высшимъ безправіемъ и, обратно, высшее безправіе становится высшимъ правомъ. Бываютъ положенія, когда благо государства можетъ требовать низверженія законовъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, низверженіе конституціи, являющееся высшимъ преступленіемъ въ государствѣ, становится высшей заслугой. Какъ извѣстно, господа, корона утверждала, что именно такой случай и имѣется передъ нами, она заявляетъ, что этимъ насильственнымъ низверженіемъ законовъ она спасла отечество.

Я говорилъ уже, что такую аргументацію можно отвергать только съ педантически юридической точки зрѣнія, но не съ моей точки зрѣнія.

Прекрасно, господа! Пусть корона, дѣйствительно, полагала, что она должна, по ходу вещей, нарушить законы, дабы спасти отечество. Допустимъ, она полагала, что Національное Собраніе не отвѣчаетъ волѣ народа, допустимъ, она хотѣла обратиться съ призывомъ къ народу. Прекрасно. Она могла, въ этомъ случаѣ, распустить Національное Собраніе, хотя и не имѣла на то права. Все это такъ. Но, въ этомъ случаѣ, корона и должна была бы, на самомъ дѣлѣ обратиться съ призывомъ къ народу, она должна была бы, на основаніи т о г о ж е с а м а г о избирательнаго закона 8 апрѣля, созвать новое собраніе для соглашенія, дабы узнать такимъ образомъ истинную волю страны. Но какъ могла она самовластно издать конституцію?

Допустимъ, что старые законы стали никуда негодными; допустимъ, что потребность въ новыхъ, болѣе соотвѣтствующихъ, нормахъ требовала изданія временныхъ законовъ. Прекрасно. Я готовъ даже согласиться, что, въ этомъ случаѣ, могли даровать предварительно конституцію. Но, въ этомъ случаѣ, за народнымъ представительствомъ нужно было признать, по крайней мѣрѣ, право на п е р е с м о т р ъ этой конституціи. Вы утверждаете, что такъ оно и было, ибо настоящія палаты и должны были быть созваны для пересмотра! Но это крупное заблужденіе, которое ничего не стоитъ разсѣять.

Дѣйствительно, въ этомъ случаѣ, собраніе по пересмотру конституціи должно было быть избрано по тому же избирательному способу, на основаніи того же закона 8 апрѣля, какъ и Національное Собраніе. То-есть, это должно было быть однопалатное собраніе, избранное путемъ всеобщаго избирательнаго права, не связаннаго никакимъ цензомъ. Если-бы былъ избранъ этотъ путь, то все еще, возможно, разрѣшилось бы мирнымъ образомъ. Если-бы это ревизіонное собраніе, избранное на основѣ закона 8 апрѣля, признало дарованную конституцію, тогда, разумѣется, правомѣрность конституціи была бы рѣшеннымъ дѣломъ, тогда бы сама страна легализировала и одобрила дѣйствія короны.

А между тѣмъ, корона ниспровергла избирательный законъ и даровала новый. При помощи незначительнаго, повидимому, словечка „самостоятельный“, она создала для различныхъ ландратовъ возможность произвольныхъ толкованій, она позволила имъ лишить права голоса цѣлыя массы избирателей, которые до того пользовались этомъ правомъ. Она предоставила, далѣе, ландратамъ по своему произволу перекраивать цѣлые избирательные округа и создавать, такимъ способомъ, искусственное большинство. Этотъ маневръ, какъ извѣстно, имѣлъ очень ощутимыя и печальныя послѣдствія, именно для нашего города. Наконецъ, въ нарушеніе закона 8 апрѣля, корона ввела двухпалатную систему и, активное и пассивное право избранія въ палату поставила въ зависимость отъ очень крупнаго ценза. Благодаря всему этому, корона уклонилась отъ суда страны, а она должна была бы предстать предъ нимъ, по поводу своего спасительнаго дѣянія, если она серьезно стремилась къ этому. Но, нѣтъ, она не только сломила законъ, она, въ то же время, лишила жизни судью, который долженъ былъ судить объ этомъ! Вѣдь ясно, что пересмотръ конституція, произведенный двумя палатами, согласіе которыхъ требуется для утвержденія закона, и изъ которыхъ одна обладаетъ наслѣдственнымъ цензомъ, — вѣдь ясно, что такой пересмотръ въ сотни разъ окажется менѣе либеральнымъ, нежели пересмотръ, произведенный одной единой палатой, не знающей никакого ценза. А вѣдь наше прежнее собраніе носило именно такой характеръ.

Въ конституціонномъ государствѣ дѣйствительнымъ правителемъ является избиратель, классъ избирателей. Ибо избиратель выбираетъ выборщика, выборщикъ—депутата, а этотъ послѣдній рѣшаетъ законы, ниспровергаетъ и образуетъ министерства. Такимъ образомъ, классъ избирателей, въ послѣднемъ счетѣ, является дѣйствительнымъ правителемъ, источникомъ закона, живой конституціей. Поэтому, тотъ, кто низвергаетъ законную свободу выборовъ, кто ограничиваетъ ее, кто вводитъ цензъ, кто связываетъ

рѣшеніе нецензовыхъ депутатовъ голосами цензовыхъ депутатовъ, — тотъ низвергаетъ правительственный классъ страны, тотъ насильственно ниспровергаетъ конституцію, и никакой пересмотръ не можетъ уже легализировать его поведеніе, и ничто уже не можетъ вернуть его на прежній законный путь. Вѣдь новое ревизіонное собраніе не является уже представителемъ прежняго народа, оно есть только представитель и выраженіе одного класса. Ревизіонное собраніе далеко не въ состояніи, путемъ пересмотра, смыть съ конституціи пятно ея незаконнаго происхожденія; благодаря двухпалатной системѣ, созданной въ нарушеніе закона 8 апрѣля, благодаря другимъ насиліямъ, совершеннымъ надъ избирательной свободой, оно необходимо вводитъ въ самый пересмотръ матеріально-вредныя послѣдствія этого насилія надъ свободой, оно увѣковѣчиваетъ результаты этого ниспроверженія конституціи.

Ревизіонное собраніе само есть продуктъ и дѣтище контръ-революціи; благодаря способу своего избранія, оно неизбѣжно должно болѣе или менѣе носить на себѣ печать своего происхожденія; это неизбѣжно должно отражаться на его мнѣніяхъ, на его большинствѣ и т. д. И вполнѣ естественно, что оно не можетъ изгнать изъ конституціи всего противо-революціоннаго, что имѣется тамъ въ этомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, даже въ Англіи конституціонная традиція опредѣляетъ, что министерство, во времена опасности, можетъ, за своею отвѣтственностью, нарушать законы. Но, въ такихъ случаяхъ, оно должно затѣмъ предстать предъ парламентомъ и просить индемнитета. Если парламентъ признаетъ уважительными мотивы министерства, онъ даетъ индемнитетъ. Въ противномъ же случаѣ, противъ министерства возбуждается обвиненіе. Но ни одному министерству въ Англіи не придетъ въ голову понимать это право—при извѣстныхъ условіяхъ, преступать законы, за своею отвѣтственностью, оно можетъ распустить парламентъ, можетъ созвать новый, на основаніи имъ же самимъ дарованнаго избирательнаго закона. Вѣдь такимъ образомъ становится иллюзорнымъ самое условіе отвѣтственности, такъ какъ, въ этомъ случаѣ, министерство получало бы индемнитетъ отъ этой своей собственной, лишенной всякой компетентности, креатуры.

Повторяю, страна могла бы санкціонировать революцію короны, путемъ собранія, избраннаго на основаніи прежняго избирательнаго права. Но предоставить пересмотръ революціи собранію, созданному самой же революціей, — это равносильно желанію, чтобы революція сама объявила себя священной, чтобы актъ дарованія конституціи самъ же объявилъ себя священнымъ. Когда корона, ко всему этому, ниспровергла еще и избиратель-

ный законъ 8 апрѣля, то она ниспровергла этимъ и тотъ трибуналъ страны, передъ которымъ она обязана была держать отвѣтъ. Этимъ она сама ж превратила въ жалкую ложь свое собственное заявленіе, что она дѣйствовала въ интересахъ общественнаго блага. Этимъ она сама же созналась, что совершила революцію противъ страны въ интересахъ королевской власти. Этимъ она уничтожила всякую возможность мирнаго и законнаго преобразованія и сдѣлала революцію необходимостью.

Поэтому, дарованная конституція, сколько бы тысячъ разъ она ни признавалась некомпетентнымъ форумомъ дарованныхъ палатъ, на вѣчныя времена останется памятникомъ королевскаго клятвопреступленія!

Наконецъ, господа, въ какомъ смыслѣ была признана конституція второй палатой? Даже изъ рядовъ правой не раздалось ни одного голоса, который утверждалъ бы, что конституція была издана законнымъ правовымъ путемъ.

Какъ въ центральномъ комитетѣ даже правая единогласно признала осадное положеніе незаконнымъ и, все же, категорически высказалась въ его пользу, въ видахъ самосохраненія, — точно также и поступки короны были признаны за такъ называемое спасительное дѣяніе, продиктованное будто бы интересами страны. То, что признаніе было сдѣлано именно въ такой формѣ,—одно это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что корона, дѣйствительно, совершила революцію. Общественное благо всегда было тѣмъ правовымъ основаніемъ, на которое всегда ссылались всѣ революціонныя партіи, каждая съ своей точки зрѣнія. Нужно быть осторожнѣе, господа! Эта апелляція къ общественному благу освящаетъ принципъ всѣхъ революцій, открываетъ полный просторъ революціи и превращаетъ ее въ нѣчто постоянное. Именно Комитетъ общественнаго спасенія, Comite du salut public, организовалъ въ 1793 году въ Парижѣ терроръ и создалъ революціонные трибуналы! Общественное благо воздвигло въ Парижѣ іюньскіе баррикады! Къ общественному благу апеллируетъ пролетарій, когда онъ протягиваетъ руку къ вашей собственности!

Но если-бы даже образъ дѣйствія короны и оправдывался общественнымъ благомъ, то, все же, сопротивленіе носило вполнѣ законный характеръ: оно имѣло въ виду защиту въ то время фактически и по праву существовавшаго правового строя. Это легко показать на одномъ примѣрѣ. 18-го марта прошлаго года въ Берлинѣ точно также была совершена революція. И такъ какъ она закончилась побѣдой, то всѣми было признано, да еще и нынѣ признается, что революція эта диктовалась общественнымъ благомъ, что она была спасительнымъ дѣяніемъ народа.

И вотъ если-бы 19 марта побѣдоносный народъ вздумалъ привлечь къ судебному трибуналу этихъ солдатъ, что стрѣляли въ него и возстали противъ его спасительнаго дѣянія, то неужели эти люди, хотя руки ихъ были еще обагрены народной кровью, хотя революція, по общему признанію, была продиктована общественнымъ благомъ,—неужели эти люди были бы осуждены судами? Нѣтъ, эти солдаты, формально, были защитниками существовавшаго въ то время правового строя и, формально, были вполнѣ правы! Фактъ счастливо совершенной революціи не могъ имѣть никакой обратной силы, онъ не могъ превратить въ преступниковъ, въ юридическомъ смыслѣ тѣхъ, кто защищалъ законно существовавшій, хотя и сгнившій, расшатанный и достойный проклятія правовой строй.

Если-бы этихъ солдатъ, не смотря на то, привлекли къ суду, то это было бы провозглашеніемъ теоріи террора. Въ томъ вѣдь и выражается принципъ террора, что новому закону, новому правовому строю, дается обратная сила, сила клеймить побѣжденныхъ преступниками.

Въ томъ-то, господа, и вся суть, къ этому-то и сводится все истинное значеніе этого обвиненія противъ насъ и еще противъ многихъ другихъ: подъ маской закона здѣсь передъ нами господство террора.

Я имѣлъ уже честь развить всѣ эти взгляды въ одной небольшой запискѣ, представленной мною тѣмъ судьямъ, что послали меня сюда. Позвольте мнѣ прочесть вамъ эту записку. Я извиняюсь передъ вами, что вновь повторяю здѣсь въ интересахъ связности изложенія, нѣкоторые изъ тѣхъ аргументовъ, которые я развивалъ уже сегодня.

„Господинъ слѣдственный судья!

Новѣйшія событія побуждаютъ меня представить вамъ слѣдующее объясненіе и ходатайствовать передъ вами о нижеслѣдующимъ.

Я обвиняюсь въ томъ, что произнесеніемъ рѣчей въ публичныхъ мѣстахъ и плакатами я возбуждалъ гражданъ оказать вооруженное сопротивленіе королевской власти и пытался вызвать гражданскую войну. Статьи 87, 91 и 102 Уголовнаго Уложенія.

Если, при моемъ арестѣ, еще можно было сомнѣваться, дѣйствовалъ ли я въ этомъ случаѣ съ сознаніемъ своего права, или нѣтъ—предполагая истинными тѣ факты, въ которыхъ я обвиняюсь,—то новѣйшія событія устранили, въ этомъ отношеніи, всякое возможное сомнѣніе; благодаря этому исчезъ всякій законный поводъ къ преслѣдованію меня и многихъ другихъ.

Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, это, не только само собой разумѣющееся, первое право, но и первая обязанность каждаго гражда-

нина, съ оружіемъ въ рукахъ защищать конституцію противъ всякаго насильственнаго ея ниспроверженія. Эта обязанность носитъ абсолютный характеръ. Естественно, она одинаково имѣетъ силу, какъ въ томъ случаѣ, когда насильственное ниспроверженіе конституціи замышляется правительствомъ такъ и въ томъ, когда повиненъ въ этомъ народъ.

Статьи 91 и 87 Code pénal (поскольку въ нихъ рѣчь идетъ о вооруженномъ возстаніи противъ королевской власти и о гражданской войнѣ), возникшія при абсолютной формѣ правленія и, поэтому, носящія также абсолютный характеръ, получаютъ, такимъ образомъ, иное значеніе, благодаря этому основному жизненному условію конституціоннаго государства. Онѣ никогда не могутъ примѣняться въ томъ случаѣ, когда насильственное ниспроверженіе конституціи исходитъ отъ самого правительства, и когда граждане оказываютъ вооруженное сопротивленіе королевской власти только въ цѣляхъ защиты конституціи. Признаніе этого принципа есть необыкновенное условіе существованія конституціоннаго государства; ни одного конституціоннаго государства нельзя представить себѣ безъ этого, такъ какъ правительство преспокойно и безъ всякой опасности для себя могло бы отмѣнить любую конституцію, — если защищающіе ее граждане тѣмъ самымъ становились бы преступниками.

Даже въ Пруссіи это признано закономъ о гражданской милиціи отъ 17 октября настоящаго года. ст. 1 этого закона устанавливаетъ въ качествѣ принципа: „Гражданская милиція имѣетъ своимъ назначеніемъ, защищать конституціонную свободу". А такъ какъ, господинъ судья, положеніе это высказано въ абсолютной формѣ и безъ всякихъ ограниченій, то отсюда, естественно, слѣдуетъ, что гражданская милиція должна защищать свободу также и противъ насильственныхъ посягательствъ со стороны правительства. Это является прямой, законной обязанностью и назначеніемъ гражданской милиціи,—и это же должно быть священнымъ правомъ каждаго гражданина, его патріотическимъ долгомъ.

Если-бы, слѣдовательно, было доказано, что правительство замышляло насильственное ниспроверженіе конституціи, то вооруженное сопротивленіе противъ этого—къ чему я будто бы призывалъ — не только не нарушало бы уголовнаго закона, а было бы, наоборотъ, неотъемлемымъ правомъ, первой и священнѣйшей обязанностью гражданина.

Въ настоящее время нельзя уже сомнѣваться, что королевская власть, дѣйствительно, замышляла насильственное ниспроверженіе конституціи, ибо ниспроверженіе его совершено королевской грамотой отъ 5 декабря.

Если Пруссія до сихъ поръ не имѣла вполнѣ законной конституціи,

то, во всякомъ случаѣ, она имѣла уже надлежащимъ образомъ санкціонированные основные законы своей конституціи. Такими основными законами въ Собраніи Законовъ (стр. 87), были категорически признаны законы 6 и 8 апрѣля настоящаго года.

Ст. 6 закона 6 апрѣля гласилъ: „Будущимъ представителямъ, во всякомъ случаѣ, должно принадлежать право голоса по поводу всѣхъ законовъ“.

Законъ 8 апрѣля устанавливалъ способъ избранія и въ ст. 13 опредѣлялъ: „Собраніе, имѣющее быть созваннымъ на основаніи настоящаго закона, призвано установить будущую государственную конституцію путемъ соглашенія съ короной“.

Оба эти основныя положенія конституціи — не говоря уже о многихъ другихъ—нарушены дарованной королемъ хартіей.

Нельзя на это возражать, что такъ какъ статья 112 новой конституціи предусматриваетъ ея пересмотръ народнымъ представительствомъ, то она будто бы есть только временное, а не окончательное мѣропріятіе, что такимъ окончательнымъ мѣропріятіемъ будетъ, наоборотъ, соглашеніе въ формѣ пересмотра.

Это возраженіе могло бы имѣть силу только въ томъ случаѣ, если-бы пересмотръ производился собраніемъ, избраннымъ изъ народа на основаніяхъ, предуказанныхъ въ избирательномъ законѣ 8 апрѣля, если-бы собраніе, предназначенное для пересмотра конституціи, точно также было созвано на основаніи избирательнаго способа 8 апрѣля, какъ и прежнее собраніе о соглашеніи.

Но ничего подобнаго нѣтъ.

Пересмотръ, наоборотъ, совершается въ палатахъ, и для первой изъ палатъ, какъ активное, такъ и пассивное избирательныя права связаны съ высокимъ имущественнымъ цензомъ. Слѣдовательно пересмотръ, совершаемый собраніемъ, двухпалатнымъ, самый способъ возникновенія котораго и избирательные принципы безусловно противорѣчатъ ранѣе существовавшимъ законамъ о народномъ представительствѣ и самымъ существеннымъ образомъ посягаютъ на прежнее избирательное право,—такой пересмотръ не можетъ погасить факта насильственнаго ниспроверженія конституціи, онъ, наоборотъ, еще рѣзче оттѣняетъ его, дѣлаетъ его окончательнымъ. Ревизіонное собраніе далеко не въ состояніи, путемъ пересмотра, смыть съ конституціи пятна ея незаконнаго происхожденія; благодаря двухпалатной системѣ, созданной въ нарушеніе закона 8 апрѣля, благодаря другимъ насиліямъ, совершеннымъ надъ избирательной свободой, въ нарушеніе того

же закона 8 апрѣля, оно необходимо вводитъ въ самый пересмотръ матеріально-вредныя послѣдствія этого насилія надъ свободой, оно увѣковѣчиваетъ результаты этого ниспроверженія конституціи.

Итакъ, передъ нами фактъ несомнѣннаго, окончательнаго ниспроверженія конституціи, и такъ какъ, въ интересахъ самосохраненія, ниспроверженіе это необходимо должно опираться на вооруженную силу, то оно естественно, носитъ также насильственный характеръ.

При такихъ обстоятельствахъ, было бы злѣйшей насмѣшкой надъ законами, попрежнему поддерживать противъ меня и другихъ это обвиненіе. Оно должно пасть тотчасъ же.

Передъ нами фактъ насильственнаго измѣненія ранѣе существовавшаго правового порядка, передъ нами, слѣдовательно, счастливо произведенная королемъ революція.

Въ данномъ случаѣ, безразлично, была ли эта революція, какъ это утверждаютъ, извинительна, оправдывалась ли она чѣмъ-либо, была ли она спасительна и достойна уваженія, или ничего подобнаго не было,—не взирая на все это, она, все же, была революціей.

Нѣтъ, безъ позорнаго издѣвательства надъ закономъ, нельзя законно преслѣдовать меня и другихъ, преслѣдовать за то, что мы хотѣли защищать существующій правовой порядокъ, существующіе законы противъ насильственной революціи!

Но допустимъ даже—лично я далеко не склоненъ дѣлать этого допущенія, но вполнѣ естественно, что здѣсь я исхожу изъ такихъ принциповъ, признаніе которыхъ я могу предполагать даже у чиновниковъ, но, конечно, только у такихъ чиновниковъ, которые не позволяютъ себѣ безсовѣстной игры съ закономъ—допустимъ даже, говорю я, что дарованная хартія теперь, когда страна оповѣщена объ этомъ, когда она не возстала противъ нея, теперь, когда хартія стала fait accompli,—допустимъ, что теперь она имѣетъ законную силу, законную силу счастливо произведенной революціи, что она образуетъ теперь новый правовой порядокъ. Допустимъ все это. Что же отсюда слѣдуетъ? Только то, что уголовные законы могутъ карать лишь тѣхъ, кто отнынѣ возсталъ бы съ оружіемъ въ рукахъ противъ этого новаго правового порядка, возсталъ бы противъ этого насильственнаго переворота, легализированнаго успѣхомъ. И ни въ какомъ случаѣ фактъ этой, счастливо произведенной, революціи не можетъ имѣть обратной силы, ни въ какомъ случаѣ уголовные законы не могутъ карать тѣхъ, кто раньше вооружался на защиту прежняго правового строя, въ то время, когда эта

новая конституція не была еще fait accompli, въ тѣ дни, когда прежній правовой порядокъ и фактически и по праву имѣлъ силу.

18 марта народъ, въ свою очередь, совершилъ побѣдоносную революцію. Если-бы народъ на другой же день послѣ этого вздумалъ потащить къ судебному трибуналу тѣхъ солдатъ, что стрѣляли въ него наканунѣ,—то неужели нашлись бы судьи, которые въ законной формѣ стали бы преслѣдовать и судить этихъ солдатъ?? Къ чести прусскихъ судей, я надѣюсь: нѣтъ не нашлись бы! Вѣдь эти солдаты, формально были правы, когда защищали существовавшій въ то время правовой строй.

И неужели королевская власть найдетъ болѣе податливыхъ судей? Неужели подъ лицемѣрной маской права и подъ покровомъ отдѣльныхъ законовъ они станутъ преслѣдовать тѣхъ, кто готовился защищать или защищалъ самую основу всѣхъ отдѣльныхъ законовъ, существовавшія въ то время конституціонныя основы, которыя и фактически и по праву имѣли тогда значеніе, защищать противъ тогда только еще задуманной и начатой, а нынѣ выполненной, правительствомъ революціи??!

Исторія знаетъ одинъ примѣръ такого „обратнаго“ дѣйствія революціи.

Когда 10 августа 1792 года въ Парижѣ была разгромлена конституція 1791 года и была создана республика, передъ революціонными трибуналами оказались тѣ, которые въ борьбѣ 10 августа защищали существовавшую тогда конституцію и королевскую власть.

Но къ насилію здѣсь не присоединили лицемѣрія. Насильственный актъ не облекли въ законную форму. Защитниковъ короля и конституціи потащили не передъ существовавшіе тогда обычные суды! Были созданы свободные „революціонные трибуналы“. Все дѣлалось въ свободной, открытой, революціонной формѣ. Не прибѣгали къ этой лжи законности. Не подъ видимостью закона, а во имя „salut public“ декретировали смертные приговоры.

Прусскіе суды давно уже преслѣдуютъ меня и другихъ подъ маской закона, преслѣдуютъ за то, что мы были готовы, въ сознаніи своего долга, защищать существовавшій тогда правовой строй, противъ насильственнаго ниспроверженія его. Этимъ они не только запятнали себя тѣмъ же самымъ насиліемъ, въ которомъ обвиняютъ эти революціонные трибуналы, этимъ они не только признали принципъ этихъ трибуналовъ и съ высоты судейскаго форума повѣдали народамъ страшное ученіе,—нѣтъ они заслужили еще презрѣніе: свое угодничество передъ властью, передъ насиліемъ они облекли въ формы права и, исполненное уваженія, имя закона, осквернили недостойнымъ паясничествомъ.

Пусть рейнскіе суды открыто провозгласятъ себя „революціонными трибуналами“,—и я готовъ признать ихъ, я готовъ держать передъ ними отвѣтъ. Революціонеръ по принципу, я знаю, на какого рода право можетъ притязать побѣдоносная сила, если она идетъ открыто, безъ всякой маскировки.

Но я никогда не перестану протестовать, если самое вопіющее насиліе будутъ облекать въ священную видимость права, если, подъ эгидой самого закона, законъ станутъ клеймить преступленіемъ, а преступленіе—выдавать за законъ. Во всякомъ случаѣ, я никогда не стану соучастникомъ такой игры.

Все сказанное мною раньше можно формулировать въ двухъ словахъ такъ: доказанное выше насильственное ниспроверженіе конституціи, совершенное королевской властью грамотами 5 и 6 декабря, неопровержимо устанавливаетъ, что граждане, въ виду подготовлявшагося ниспроверженія,—что явно сказалось въ королевскихъ мѣропріятіяхъ отъ 9 ноября и т. д.,—призывавшіе къ защитѣ существовавшихъ тогда конституціонныхъ основъ, призывавшіе, поэтому, къ вооруженному сопротивленію противъ королевской власти,—что эти граждане формально были правы и только выполняли свой гражданскій долгъ.

Такимъ образомъ, не можетъ быть рѣчи о продолженіи преслѣдованія противъ меня и другихъ по обвиненію въ томъ, что „я возбуждалъ къ вооруженному противъ королевской власти сопротивленію и къ гражданской войнѣ“.

Я прошу васъ, поэтому „незамедлительно донести объ этомъ королевской камерѣ преданія суду, присовокупивъ настоящій мой протестъ, дабы она могла прекратить преслѣдованіе и немедленно же освободить меня“.

Если же это останется неисполненнымъ, и, вопреки всякому ожиданію и законной возможности, будетъ рѣшено оставить преслѣдованіе въ силѣ, то я нахожу нужнымъ заявить вамъ слѣдующее:

Сабля, правда, есть сабля, но она никогда не бываетъ правомъ. Судьи, доходящіе до того, что преслѣдуютъ гражданъ за ихъ готовность защищать законы, преслѣдуютъ какъ разъ на основаніи тѣхъ законовъ, защитѣ которыхъ тѣ посвятили себя; судьи, вмѣняющіе націи въ преступленіе защиту своихъ законовъ, такіе судьи, на мой взглядъ, и быть можетъ, также на взглядъ націи—будутъ уже не судьями, а лишь сеидами, изувѣрами насилія.

Желая быть, въ виду всего сказаннаго, строго послѣдовательнымъ, я отказываюсь давать, по поводу взводимаго на меня обвиненія, какія-либо

показанія, отказываюсь участвовать въ этомъ мнимо судебномъ допросѣ. Я отказываюсь, такимъ образомъ, признавать формальную законность этой насильственной судебной процедуры, я отказываюсь быть соучастникомъ въ этомъ издѣвательствѣ надъ закономъ. Я претерплю все въ своемъ заточеніи, что свершитъ надо мною, оскверняя формы права, сабля; я предпочту не давать никакихъ фактическихъ объясненій, даже если бы они могли тотчасъ же опровергнуть всѣ взводимые на меня пункты обвиненія; я предпочту, такимъ образомъ, чтобы мой процессъ принялъ самое вредное для меня направленіе. Я предпочту все это, но не соглашусь давать показаній и какимъ-либо образомъ участвовать въ формальностяхъ процедуры, дабы, въ свою очередь, не пріобщиться къ этому правовому паясничеству, какое угодно будетъ совершать насилію. Я сознаю себя обязаннымъ, ни на волосъ не отступаться отъ своего права, я сознаю себя обязаннымъ, ясно и отчетливо дать понять властямъ характеръ нашихъ взаимныхъ отношеній.

Мнѣ нѣтъ основаній приходить на помощь рейнскимъ судебнымъ властямъ, когда защиту закона онѣ провозглашаютъ преступленіемъ, а ниспроверженіе его—правомъ, когда онѣ хотятъ дѣйствовать съ тѣмъ же беззаконнымъ терроризмомъ революціонныхъ трибуналовъ; мнѣ нѣтъ основанія освобождать ихъ отъ необходимости этого дѣйствительно труднаго положенія, открыто и честно выступать въ роли революціонныхъ трибуналовъ.

Во всякомъ случаѣ, я обязанъ былъ ясно и отчетливо вскрыть передъ рейнскими судебными властями это судебное лицемѣріе: это—лицемѣріе, послѣ новѣйшихъ событій, попрежнему обвинять меня и другихъ во взводимомъ на насъ преступленіи. Я обязанъ былъ также увѣрить ихъ, что лицемѣріе это не обманетъ націи.

Написано въ тюрьмѣ въ Дюссельдорфѣ,

11 декабря 1848 года.

Ф. Лассаль".

Да, господа, прусская контръ-революція изобрѣла соединеніе двухъ системъ, изъ которыхъ каждая сама по себѣ уже, случалось, низвергала въ прахъ народы. Это—неслыханное въ исторіи соединеніе. Она соединила въ одно теорію террора и іезуитизмъ правовой видимости.

Народъ, какъ нѣмецкій, такъ и французскій, какъ всегда, былъ великодушенъ. Послѣ февральской революціи въ Парижѣ, послѣ мартовской революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ, онъ не сталъ мстить своимъ мучителямъ. Онъ

уважалъ формальное право тѣхъ, кого онъ побѣдилъ, онъ не создавалъ уже террористическихъ трибуналовъ, какъ это было во Франціи въ 1793 г.

Иное дѣло контръ-революція. Прусская контръ-революція, жаждущая крови, исполненная духа преслѣдованія, какъ это всегда бываетъ съ контръ-революціей, она не хотѣла удовольствоваться одной только побѣдой, она жаждала уничтоженія! Слишкомъ трусливая, чтобы открыто и благородно провозгласить господство террора, военные суды, какъ это было въ Вѣнѣ, изъ всѣхъ путей, она избрала самый гнусный, самый отвратительный— штыкъ она облачила въ тогу судьи!

Но какимъ образомъ, спросите вы, какимъ образомъ нашлись судьи, готовые совершить это позорное оскверненіе права, готовые исполнять эту мерзкую роль палачей? Контръ-революціи нужны были осужденія, и она нашла судей, которые осуждали. Въ исторіи всегда находятся такіе люди, люди, за любую цѣну готовые служить господствующей системѣ, способные на всякую позорную службу. Послушайте, что говоритъ объ этомъ исторія. Я буду цитировать признаннаго историка, господина Ламартина. Въ своей „Исторіи революціи“ онъ такъ говоритъ о господствѣ террора: „Люди неспособные въ общемъ благородно служить тому дѣлу, служить которому они хотѣли бы, люди, лишенные умственныхъ способностей, которыя они могли бы отдать въ распоряженіе революціи, эти люди предложили революціи свою совѣсть. Они взяли на себя самую низкую изъ всѣхъ ролей, дабы только не остаться безъ какой-нибудь роли, они взяли на себя грубую и безсмысленную роль. Они добровольно превратились въ орудія организованнаго убійства. Въ этомъ униженіи они усматривали свою честь. По ихъ мнѣнію, смерть была нужна въ этой драмѣ революціи. Они согласились играть роль смерти. Всюду въ исторіи имѣются такіе люди. Какъ находятъ дерево, огонь, желѣзо, чтобы воздвигнуть эшафотъ, такъ находятъ судей, чтобы осуждать побѣжденныхъ, оберъ-прокуроровъ [1]), чтобы преслѣдовать жертвы, палачей, чтобы убивать ихъ!!“

У насъ судьи взяли на себя эту роль, и не забудьте, господа, я вновь повторяю это—эту безконечную разницу, что отдѣляетъ этихъ людей террора отъ судей нашихъ дней.

Тѣ не совершали никакого клятвопреступленія, ибо они судили не на основаніи существующихъ законовъ, они судили, согласно своему свобод-

---

[1]) Сателиты—можно перевести словомъ оберъ-прокуроры (Ламартинъ, „Исторія Жирондистовъ“, т. VI, стр. 220).

ному убѣжденію объ общественномъ благѣ и на основаніи спеціально для этой цѣли созданнаго закона. И петли этого закона были такъ далеко разбросаны, что весь міръ могъ застрянуть въ нихъ. А нынѣ къ насилію присоединяютъ лицемѣріе; нынѣ утверждаютъ, что судъ производится на основаніи существующихъ законовъ. Осужденіе тѣхъ дней, по общему признанію, означало и должно было означать только одно: ты — врагъ господствующей системы.

Осужденіе нашихъ дней означаетъ: ты — преступникъ!

Никогда исторія не позабудетъ, никогда не позабудетъ народъ, съ какою готовностью, съ какимъ невѣроятнымъ и безграничнымъ сервилизмомъ, угодничествомъ ринулись суды, послѣ ноябрьскихъ событій, чтобы взять на себя эту роль палачей въ угоду насилію! Несмотря на несказанныя матеріальныя бѣдствія, причиненныя странѣ ноябрьскими событіями, мы все же, благодаря имъ, освободились отъ нѣкоторыхъ большихъ иллюзій, мы обогатились значительно опытомъ. Они показали намъ, какъ глубоко уже проникло разложеніе въ государственный организмъ. До этой поры вѣрили еще въ независимость судей.

Едва только ноябрьскія событія показали, что побѣдила корона, и тотчасъ же стало ясно, что судейскій мечъ справедливости, мечъ Ѳемиды, есть не что иное, какъ простая фехтовальная шпага въ рукахъ правительственныхъ гладіаторовъ. Мы были свидѣтелями, какъ высшій рейнскій судъ, рейнскій кассаціонный и ревизіонный судъ, какъ высшее судебное мѣсто старыхъ провинцій, тайный верховный трибуналъ, какъ высшіе земскіе суды Мюнстера, Ратибора, Бромберга составляли адреса противъ своихъ членовъ и президентовъ Эссера, Вальдека, Темме, Кирхманна, Гирке, Борнеманна, адреса, обращенные отчасти къ нимъ же самимъ, отчасти къ министру юстиціи. Открыто издѣваясь надъ закономъ, который заявляетъ, что судьи могутъ быть смѣняемы и отрѣшаемы отъ своихъ должностей только по закону и въ установленномъ порядкѣ, они требовали отъ министра юстиціи, чтобы онъ отрѣшилъ этихъ людей отъ занимаемыхъ ими должностей, или же оказалъ на нихъ моральное давленіе въ этомъ направленіи. И все это лишь за то, что тѣ позволили себѣ высказать свое мнѣніе въ качествѣ депутатовъ. Мы были свидѣтелями, какъ даже министръ юстиціи Ринтеленъ съумѣлъ соблюсти относительную законность, вопреки этому терроризму судовъ, и, несмотря на всѣ эти провокаціи, онъ, все же, не отрѣшилъ этихъ людей отъ занимаемыхъ ими должностей.

Мы были свидѣтелями, какъ высшій земскій судъ въ Мюнстерѣ отправилъ въ тюрьму своего собственнаго президента, Темме, отправилъ за то,

что онъ подавалъ свой голосъ въ качествѣ депутата. Тогда какъ за это по закону онъ не подлежалъ никакому преслѣдованію.

Мы были свидѣтелями, какъ опять-таки административная власть, еще окончательно не отрѣшившаяся отъ чувства нѣкотораго стыда и позора, какъ тотъ же самый министръ юстиціи Ринтеленъ приказалъ освободить Темме. А вѣдь суды, кажется, должны были бы служить защитой противъ произвола администраціи.

Мы были свидѣтелями, какъ сервилизмъ пытались превратить изъ свободнаго художества въ экономическую необходимость, и, въ этомъ отношеніи, зашли такъ далеко, что въ тайномъ верховномъ трибуналѣ было предложено, потребовать отъ министра юстиціи отмѣны закона о несмѣняемости судей.

Мы были свидѣтелями, какъ члены высшаго земскаго суда въ Арнсбергѣ потребовали отъ своего директора, начать слѣдствіе противъ тайнаго совѣтника юстиціи Киндерманна, за то что, въ качествѣ выборщика, онъ подалъ голосъ за кандидата лѣвой.

Мы были свидѣтелями, какъ уголовный судъ въ Гальберштадтѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ процессуальныхъ формальностей, и въ законномъ составѣ оправдалъ одного слесаря, повиннаго въ великомъ преступленіи: онъ крикнулъ одному отправлявшемуся въ Берлинъ ополченцу, пусть онъ не стрѣляетъ тамъ въ своихъ братьевъ. Уголовный судъ оправдалъ его, — а остальные члены суда принудили затѣмъ сенатъ отмѣнить этотъ, постановленный въ законной формѣ, приговоръ и, на его мѣсто, вынести слесарю обвинительный приговоръ.

Мы были свидѣтелями, какъ высшій земскій судъ въ Мюнстерѣ безъ всякаго основанія бросилъ въ тюрьму дюжину, а то и того больше, членовъ Вестфальскаго конгресса. Безъ всякаго основанія, ибо совершенно непонятно, почему избраны были эти, а не другія лица. И, послѣ четырехмѣсячнаго тюремнаго заключенія, онъ точно также безъ всякаго основанія вновь отпустилъ ихъ всѣхъ на свободу.

Мы были свидѣтелями, какъ въ Магдебургѣ, Бреславлѣ, Гальберштадтѣ, Эрфуртѣ массовыя осужденія на 6, 10, 14 лѣтъ каторжной тюрьмы сильно разрѣдили ряды патріотовъ, декабрьскихъ плѣнниковъ.

Нужно ли удивляться, что Кёльнскій уголовный департаментъ сената не хотѣлъ вносить диссонанса въ эту гармонію и посадилъ меня на эту скамью?!

Народъ видѣлъ все это, онъ понимаетъ это страшное кровавое ученіе, преподносимое ему съ судейскаго форума, — и память объ этомъ, неизгла-

димымп чертами, словно всепожирающій огонь, отпечатлѣлась въ глубинѣ его сознанія!

Настанетъ день, когда слезами ужаса, слезами крови захотятъ смыть эти приговоры со страницъ исторіи. Но тщетно. Древняя заповѣдь: око за око, зубъ за зубъ —вѣчно царитъ надъ жизнью народовъ. И въ какую мѣру мѣрите, въ такую возмѣрится и вамъ,—эта заповѣдь, словно взывающій къ изскупленію духъ проникаетъ собой всю исторію. О, скажемъ этими министерскими словами: „Мы не забываемъ о высокомъ значеніи для исторіи ноябрскихъ событій!“ О, дальше отъ этихъ вѣчныхъ глупцовъ! Самый слѣпой можетъ узрѣть это. Міръ съ неодолимой силой рвется въ новую фазу. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы переходъ этотъ совершился возможно человѣчнѣй, чтобы какъ можно меньше крови было пролито. Народъ понялъ это, онъ былъ достаточно великодушенъ, чтобы желать этого. Онъ потребовалъ отмѣны смертной казни. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, послѣ побѣдоносныхъ революцій, не пало ни одной жертвы, кромѣ тѣхъ, что погибли въ борьбѣ. Ни въ одной темницѣ не были раскрыты двери для новыхъ жертвъ. А вотъ, лишь только контръ-революція одержала минутную побѣду въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ,—какъ всюду здѣсь стало развѣваться знамя террора.

Прекрасно. Пусть властелины нынѣшняго дня повелѣваютъ! Но властелины нынѣшняго дня завтра не будутъ преступниками!

Настанетъ день, когда ноябрьскіе заключенные возстанутъ изъ своихъ гробовъ и сыграютъ въ исторіи Пруссіи ту же роль, какую сыграло во Франціи избіеніе на Марсовомъ полѣ. Какъ въ Конвентѣ люди террора отвергали всякую мысль о кротости, о примиреніи, всегда снова и снова напоминая о кровавомъ побоищѣ на Марсовомъ полѣ,—такъ ноябрьскіе дни послужатъ страшнымъ лозунгомъ для очень близкаго будущаго. Мрачный духъ проходитъ по этому дому, и духъ этотъ не успокоится, пока не будетъ дано искупленій. Никакая вина не распускается такъ быстро пышнымъ цвѣтомъ, никакое сѣмя не даетъ такъ быстро ростковъ,—какъ невинно пролитая кровь.

Да, въ Пруссіи не было еще воздвигнуто гильотины. Здѣсь, какъ въ Вѣнѣ не присуждали еще къ разстрѣлу; здѣсь довольствовались тѣмъ, что ломали нашу жизнь ссылкой, довольствовались тѣмъ, что въ темницѣ, изсушали нашъ мозгъ и наши кости. И неужели вы думаете что у насъ, поэтому меньше царитъ терроръ нежели въ Австріи?

Да, мужество прусской контръ-революціи не достигло еще высоты эшафота. Но царящая у насъ система въ тысячу разъ ужаснѣе, въ тысячу разъ

отвратительнѣе, чѣмъ то, что царитъ въ Австріи. Вы думаете, я преувеличиваю?

О, я нисколько не преувеличиваю!

Справедливо, кровь лилась въ Австріи, страшно много крови, такъ что море въ ужасѣ спрашивало: почему это Дунай несетъ къ нему свои воды, окрашенными въ красный цвѣтъ? Но если для отдѣльнаго человѣка смерть есть самое худшее, то она не есть самое гибельное для судьбы народа.

Тысячи умираютъ на полѣ брани, не причиняя тѣмъ замѣтныхъ ранъ общему благу. Въ Вѣнѣ военный судъ присуждаетъ къ разстрѣлу, но этимъ губится только чувственное счастье отдѣльныхъ людей. Здѣсь не подвергается развращенію правовая идея цѣлаго народа. Тутъ заронили крупицу ненависти въ сердце народа. Но именно это сохранило народъ нетронутымъ, это предохранило его отъ разложенія. Я хочу пояснить это примѣромъ.

Вы всѣ знаете, какой ужасъ вызвала въ Германіи смерть Блюма. Не самая смерть Блюма произвела такое впечатлѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Блюмъ палъ на баррикадѣ, во время ея защиты, то это сочли бы печальнымъ событіемъ, но, все же, въ этомъ не усмотрѣли бы столь большаго общественнаго несчастія. Вполнѣ естественно, когда человѣкъ умираетъ на баррикадѣ. Но Германія была возмущена тѣмъ, что Блюмъ былъ убитъ подъ покровомъ права, хотя и военнаго права. Вѣдь, собственно говоря, небольшая разница между пулей какого-нибудь кроата и приговоромъ кроатскаго генерала. Всякій знаетъ, что приговоръ военнаго суда не можетъ притязать на правомѣрность, что онъ ничѣмъ не отличается отъ смерти на полѣ брани.

Теперь представьте себѣ, что въ Вѣнѣ Блюмъ и Мессенгаузеръ и многіе другіе предстали предъ обычнымъ гражданскимъ судомъ, или даже предъ судомъ присяжныхъ! Представьте себѣ, что послѣдніе снизошли до преступленія и осуждали этихъ людей! Теперь подумайте только какъ безконечно сильнѣе былъ бы, въ томъ случаѣ, ужасъ и нравственное возмущеніе Европы!

Однако, на это не дерзнули въ Вѣнѣ. Здѣсь не рѣшились довѣрить гражданамъ этой низости, осквернить себя кровью тѣхъ, кто защищалъ ихъ. Гражданъ Вѣны превратили въ холоповъ, но имъ не нанесли такого позора, чтобы потребовать отъ нихъ этого. Во много разъ коварнѣе та политика, которая практикуется у насъ. У насъ не довольствуются тѣмъ, что уничтожаютъ, топчутъ ногами жизнь и чувственное счастье отдѣльныхъ

людей. Нѣтъ, у насъ хотятъ еще импонировать морально! У насъ хотятъ воспользоваться вашимъ авторитетомъ, авторитетомъ присяжныхъ, чтобы сбить съ толку правовое сознаніе всего народа, чтобы развратить его. Хотятъ добиться осужденія изъ устъ самаго народа, изъ устъ присяжныхъ, этимъ хотятъ показать всему міру, что это дѣло рѣшенное—chose jugée, что произволъ короны получилъ освященіе отъ самого народа, что протестъ противъ этого абсолютнаго произвола осуждается самимъ народомъ, какъ преступленіе.

Они смѣютъ, они смѣютъ, они смѣютъ надѣяться, что, вы, господа, независимые судьи, безразлично, каковы ваши взгляды, къ какой партія вы принадлежите,—что вы будете ползать на колѣняхъ передъ этими идолами насилія, что вы проявите готовность осудить этихъ людей, что защищали ваши права, законы, этотъ залогъ вашей гражданской безопасности противъ вашихъ угнетателей!

Во всѣ времена, когда царило насиліе, когда оно хотѣло уничтожить враждебную себѣ партію, не имѣя на то никакой опоры въ правѣ, оно должно было изобрѣтать исключительные суды, особыя орудія убійства. Ибо обыкновенные суды не согласились бы играть эту роль. Такъ въ 1793 году изобрѣли террористическіе трибуналы, при реставраціи—превотальные суды, въ Вѣнѣ—постоянный военный судъ; теперь въ Бургѣ—національный судъ.

Впервые въ мірѣ въ Прусскомъ государствѣ наносятъ этотъ позоръ націи—считаютъ самихъ гражданъ способными стать соучастниками этого враждебнаго народу правительства. У насъ не уничтожаютъ обычной подсудности. Они усмѣхаются самодовольно и говорятъ, что у насъ это ни къ чему! Не зачѣмъ сажать васъ на цѣпь. Ходите себѣ взадъ и впередъ, ходите, прохаживайтесь себѣ, вѣдь вы холопы, вѣдь вы настолько трусы, что согласитесь служить намъ орудіями убійства. Какъ султанъ посылаетъ неугодному ему человѣку шнурокъ для самоубійства, такъ въ Берлинѣ съ небывалой еще наглостью требовали отъ гражданской милиціи, чтобы она разогнала своими штыками Національное Собраніе, т. е., чтобы совершила самоубійство,—такъ и теперь, съ совершенно тѣмъ же, лишь въ Пруссіи возможнымъ, издѣвательствомъ, требуютъ отъ васъ, отъ народа, чтобы онъ самъ же осудилъ себя.

О, господа, когда я подумаю только о томъ презрѣніи, о томъ оскорбленіи, какое наносятъ вамъ, требуя отъ васъ моего осужденія, дерзая ожидать отъ васъ этого,—когда я подумаю объ этомъ я преисполняюсь негодованія и краснѣю за васъ!

Мое мѣсто прекрасно и почетно. Меня только преслѣдуютъ, мнѣ оказываютъ честь, считая меня опаснымъ, меня хотятъ только уничтожить. Меня не оскорбляютъ, не издѣваются надо мной. Но ваше мѣсто, господа, роль, на какую васъ считаютъ способными,—о, это оскорбленіе, что швыряютъ вамъ въ лицо,—оно убійственно!

Рейнскіе присяжные, господа, не заслужили такого позора. Ни въ какомъ отношеніи, поведеніе присяжныхъ въ Рейнской провинціи не оправдываетъ смѣлыхъ ожиданій министерства внутреннихъ дѣлъ. Наоборотъ, среди всѣхъ этихъ насилій, что послѣдовали за этимъ краткимъ упоеніемъ свободой въ мартѣ,—исторія съ чувствомъ удовлетворенія должна признать это - присяжные Рейнской провинціи доказали, что они понимаютъ свое положеніе, они поняли, что должны служить бастіономъ свободы противъ произвола и ярости бюрократіи. Это можно было наблюдать уже раньше ноябрьскихъ событій. Съ марта 1848 года Рейнская провинція пережила безконечное число политическихъ процессовъ. Но здѣсь не было еще ни одного, я говорю, ни одного осужденія, вынесеннаго присяжными. Въ Дюссельдорфѣ Вульффъ и Фрейлигратъ, въ Кельнѣ Готшалкъ, Аннеке, Эссеръ, Марксъ, Энгельсъ, Корфъ, Вальденеръ въ Трирѣ,—всѣ они, вопреки настояніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, были оправданы. Все снова и снова министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлало натиски на эти поставленныя ему препоны, - но усилія его были тщетны, ни одной добычи не досталось ему.

Почему же министерство внутреннихъ дѣлъ преисполнилось отваги теперь, почему оно стало надѣяться на осужденіе, въ данномъ случаѣ, по отношенію къ ноябрьскимъ событіямъ, когда осужденіе уже стало совершенно немыслимымъ? Что же, оно возлагало свои надежды на уныніе, на моральный упадокъ духа у гражданъ послѣ этой побѣды реакціи? Во всякомъ случаѣ, оно очень ошиблось въ своихъ расчетахъ. Передъ рейнскими присяжными прошелъ уже одинъ ноябрьскій процессъ, и исходъ его былъ таковъ, какъ этого и слѣдовало ожидать. Да, господа, по настоящему процессу уже былъ вынесенъ приговоръ. Я уже былъ оправданъ раньше, когда въ лицѣ Маркса Шнейдера и Шаппера я предсталъ около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ предъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ.

Карлъ Марксъ, Шапперъ и нынѣшній депутатъ Шнейдеръ предстали предъ судомъ присяжныхъ, за то, что напечатали, за своею подписью, въ „Новой Рейнской Газетѣ“ отъ 19 ноября слѣдующее воззваніе:

„1. Послѣ того, какъ Прусское Національное Собраніе само постановило отказъ въ налогахъ, насильственное взиманіе ихъ повсюду должно встрѣчать всякаго рода отпоръ.

„2. Повсюду слѣдуетъ организовать поголовное вооруженіе для отраженія врага. Неимущіе должны получить оружіе и военное снаряженіе за счетъ общинъ, или за счетъ добровольныхъ пожертвованій“.

На основаніи этого воззванія они предстали предъ судомъ присяжныхъ. Позвольте мнѣ прежде всего обратить здѣсь ваше вниманіе на этотъ безпримѣрный произволъ, допущенный прокуратурой при этихъ преслѣдованіяхъ, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на ту страстность, съ какою преслѣдуютъ именно меня. Ниже я остановлюсь на этомъ подробно.

Итакъ, вы видите, въ этомъ воззваніи граждане приглашаются взяться за оружіе и организовать поголовное ополченіе.

И, несмотря на то, Марксъ и товарищи его не обвиняются, подобно мнѣ, по ст. 87, т. е., за призывъ къ вооруженному противъ королевской власти сопротивленію; ихъ обвиняли только въ нарушеніи статьи 209, т. е., въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію противъ войска и чиновниковъ. Это различіе въ обвиненіи имѣетъ громадное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Кельнское обвиненіе направлено противъ простого проступка, который не влечетъ за собой предварительнаго ареста и карается всего лишь нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія, а возбужденное противъ меня обвиненіе есть обвиненіе въ уголовномъ преступленіи, которое влечетъ за собой утрату всѣхъ гражданскихъ правъ.

Дѣйствительно, если, при данныхъ обстоятельствахъ, вообще можно было возбуждать какое-либо обвиненіе, то это могло быть только обвиненіе въ призывѣ къ сопротивленію противъ вооруженной силы и чиновниковъ,—въ чемъ обвинялся Марксъ. Дѣйствительно, такъ какъ тѣмъ вооруженнымъ сопротивленіемъ, къ которому призывали я и воззваніе въ „Новой Рейнской Газетѣ“, не имѣлось въ виду ниспроверженія законной королевской власти, конституціи и государственной формы, то обвиненіе меньше всего можетъ опираться на статью 87, которая говоритъ только о ниспроверженіи королевской верховной власти, трона. А такъ какъ мои рѣчи, какъ и воззваніе въ „Новой Рейнской Газетѣ“ ни словомъ не заикаются о ниспроверженіи трона, а призываютъ лишь защищать законныя права Національнаго Собранія и народа противъ правительства,— то если бы даже здѣсь вообще и могла быть рѣчь объ обвиненіи, то только въ сопротивленіи противъ чиновниковъ и публичной власти. Въ процессѣ Маркса въ Кельнѣ это признали прямо, и обвиненіе было формулировано именно такимъ образомъ. Но почему же противъ меня возбудили обвиненіе въ уголовномъ преступленіи? Вѣдь въ Дюссельдорфѣ было тогда объявлено осадное положеніе, осадное положеніе требуетъ арестовъ, аресты

предполагают тяжкія преступленія,—и вот таким образом было построено против меня обвиненіе по статьѣ 87.

Возможно, что кельнская прокуратура руководилась каким-либо иным мотивом, быть может, она разсчитывала, что суд присяжных скорѣе согласится на менѣе тяжкое осужденіе. Но как бы то ни было, хотя Маркс и его товарищи открыто заявили, что словом „враг“ в своем воззваніи они имѣли в виду корону—чего, дѣйствительно, нельзя было бы отрицать—хотя воззваніе это в „Новой Рейнской Газетѣ“, самым непосредственным, самым прямым образом, совершенно так, как этого требует уголовный закон, призывало к оружію, призывало организовать поголовное ополченіе,—несмотря на все это, Маркс, Шаппер и Шнейдер единогласно были оправданы судом присяжных!

Как только может министерство внутренних дѣл, в виду такого прецедента, поддерживать хотя бы на секунду это обвиненіе против меня? Как оно может дѣлать это с точки зрѣнія своих собственных интересов, с точки зрѣнія интересов публичнаго превосознанія? Как оно может требовать моего осужденія?

Что может выиграть министерство внутренних дѣл, если оно добьется своего? С одной стороны, оно может добиться моего осужденія. Прекрасно! Но, с другой стороны, что станется с публичным правосознаніем, что станется с уваженіем народа пред судом, что станется с его уваженіем перед приговором суда присяжных,—что станется со всѣм этим, если один и тот же поступок в Кельнѣ есть нѣчто разрѣшенное, а в Дюссельдорфѣ—преступленіе. Если уж министерство внутренних дѣл не питает дѣйствительнаго уваженія к приговору присяжных, то самое элементарное благоразуміе должно было бы заставить его отказаться от своего обвиненія, послѣ этого прецедента. На самом дѣлѣ, если здѣсь осуждается то, что за пять миль отсюда считается дозволенным, то развѣ это вопіющее противорѣчіе не подорвет в корнѣ и без того уже расшатанное, благодаря дѣйствіям властей, уваженіе народа пред законом?

Развѣ народ не скажет тогда, что даже приговор присяжных далек от справедливости, что он есть результат произвола и случая? Развѣ народ не объяснит себѣ этого вопіющаго контраста в этих двух приговорах тѣм, что здѣсь засѣдали болѣе реакціонныя личности, внесшіе свое партійное лицепріятіе в этот приговор? Развѣ министерство внутренних дѣл не разожжет этим взаимной ненависти граждан, развѣ оно не подорвет этим послѣдняго остатка довѣрія?

Но развѣ прокуратуру смущаетъ это систематическое подкапываніе подъ публичное правосознаніе, развѣ ее смущаетъ этотъ подрывъ уваженія къ закону,—о чемъ обыкновенно такъ много болтаютъ,—развѣ ее смущаетъ это радикальное подкапываніе подъ всѣ нравственные устои народнаго самосознанія? Какое дѣло до всего этого прокуратурѣ, разъ она хочетъ жертвы?

„Es tost der See und will sein Opfer haben“ [1]).

Трудно отыскать болѣе поучительный контрастъ ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ во что бы то ни стало, чѣмъ та безнаказанность, съ какою чиновники совершаютъ всевозможныя преступленія. И прокуратура взираетъ на все это съ полнымъ безразличіемъ. Если-бы я вздумалъ перечислять передъ вами—на это потребовались бы дни—какъ много вопіющихъ правонарушеній, какъ много преступленій, караемыхъ по закону самыми тяжкими карами, совершалось ежедневно съ ноября въ любомъ прусскомъ городѣ, совершалось чиновниками, военными и полицейскими властями, когда ни одинъ прокуроръ пальцемъ не шевелилъ при томъ,—если-бы я вздумалъ повѣдать вамъ все это вы пришли бы въ ужасъ, въ виду того полнаго беззаконія, въ какомъ мы пребываемъ.

Однако, я послѣдую пословицѣ: „подметай всякъ передъ своими воротами“, я коснусь только того, что произошло здѣсь, въ Дюссельдорфѣ, на вашихъ собственныхъ глазахъ. Вы помните о той прокламаціи, какою генералу фонъ Дригальскому и господину фонъ-Шпигелю угодно было объявить осадное положеніе въ Дюссельдорфѣ.

Я показалъ уже выше, что эта прокламація объ осадномъ положеніе вообще есть преступленіе, такъ какъ нѣтъ закона, который разрѣшалъ бы нѣчто подобное. Но не говоря уже объ этомъ, объявленіе осаднаго положенія сопровождалось не болѣе не менѣе какъ пятью тяжкими преступленіями.

Статья 114 Code pénal опредѣляетъ, что всякій актъ власти, произвольно нарушающій личную свободу, или умаляющій гражданскія права одного или нѣсколькихъ граждавъ, есть уголовное преступленіе, караемое пожизненнымъ лишеніемъ правъ состоянія—dégradation civique. Посмотримъ же теперь, сколько разъ господину фонъ-Дригальскому и господину фонъ-Шпигелю предстоитъ это лишеніе правъ состоянія, если только законъ дѣйствительно имѣетъ силу у насъ, а не является простымъ орудіемъ убійства въ рукахъ этихъ чиновныхъ заговорщиковъ.

---

[1]) „Море бушуетъ и хочетъ своей жертвы“.

1. Господинъ фонъ Дригальскій объявляетъ въ своей прокламаціи о распущеніи гражданской милиціи. Но онъ не имѣлъ права распускать гражданскую милицію, такъ какъ, по ст. 3 закона о гражданской милиціи отъ 17 октября, для этого категорически требуется именной указъ короля, которому одному только и принадлежитъ право распускать гражданскую милицію. Слѣдовательно, прокламація эта была произвольнымъ посягательствомъ на гражданскія права и на конституцію страны. Это было признано даже самимъ министерствомъ,—ибо вскорѣ послѣ этого, къ великому смущенію города, былъ объявленъ королевскій именной указъ, вторично распускавшій однажды уже распущенную гражданскую милицію. Если-бы власти сами не были убѣждены, что распущеніе гражданской милиціи, объявленное Дригальскимъ, незаконно, а потому, и недѣйствительно,—то онѣ не стали бы такъ компрометировать себя.

2. Господинъ Дригальскій позволилъ себѣ конфисковать оружіе гражданской милиціи, тогда какъ въ ст. 3 новеллы къ закону о гражданской милиціи категорически заявляется, что оружіе, впредь до созданія новаго общиннаго распорядка, во всякомъ случаѣ, должно оставаться въ рукахъ общинъ.

3. Господинъ фонъ-Дригальскій, безъ всякаго права на то, отмѣнилъ свободное право союзовъ и этимъ совершилъ преступленіе противъ закона 6 апрѣля.

4. Хотя Habeas Corpus Act не былъ отмѣненъ, господинъ фонъ-Дригальскій, безъ всякаго судебнаго предписанія, приказывалъ производить домашніе обыски, въ цѣляхъ выемки оружія. Этимъ онъ допустилъ произвольное вторженіе въ личную свободу и совершилъ преступленіе противъ ст. 6 Habeas Corpus Acta'а.

5. Въ своей прокламаціи господинъ фонъ-Дригальскій установилъ военные суды противъ гражданскихъ лицъ и этимъ совершилъ тяжкое преступленіе противъ ст. 5 Habeas Corpus Act'а. Этотъ параграфъ, какъ категорически заявляетъ законъ, не можетъ быть отмѣненъ даже въ случаѣ войны и возстанія. Онъ гласитъ:

„Исключительные суды не допускаются. Никакая кара не можетъ быть наложена, кромѣ какъ по закону".

Каждое изъ этихъ пяти мѣропріятій въ отдѣльности должно было бы, по закону, повлечь за собой dégradation civique. А такъ какъ, какъ это видно изъ прокламаціи, мѣропріятія эти были приняты господиномъ фонъ-Дригальскимъ въ согласіи съ регирунге-президентомъ,—то этотъ проступокъ вполнѣ подходитъ подъ статью 124. Статья эта гласитъ, что если между

гражданскими и военными властями состоится соглашеніе для принятія мѣръ, направленныхъ противъ законовъ, то онѣ должны быть караемы ссылкой, т. е. тягчайшимъ послѣ смертной казни наказаніемъ.

И вотъ всѣ офицеры гражданской милиціи сдѣлали здѣшней прокуратурѣ соотвѣтствующее заявленіе и просили, въ виду всѣхъ этихъ преступленій, возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Шпигеля и Дригальскаго. Министерство внутреннихъ дѣлъ не могло ссылаться здѣсь на то, что для этого требуется разрѣшеніе высшаго начальства. Ибо, не говоря уже обо всемъ прочемъ, ст. 9 Habeas Corpus Act'a категорически опредѣляетъ, что для преслѣдованія публичныхъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ за нарушенія Habeas Corpus Act'a не требуется такого разрѣшенія.

И какъ же поступило министерство внутреннихъ дѣлъ? Оно крѣпко-накрѣпко зажмурило свои глаза, оно лобызало мечъ насилія, оно преспокойно бросило подъ столъ это заявленіе, и до сихъ поръ не дало еще на него никакого отвѣта.

Кто изъ васъ, господа, хотя бы на секунду станетъ сомнѣваться, что если-бы впослѣдствіи побѣда случайно досталась Національному Собранію, то это же самое министерство внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ же самымъ пыломъ, съ какимъ оно преслѣдуетъ меня сегодня, стало бы метать свои обвиненія противъ фонъ-Шпигеля и Дригальскаго? Кто можетъ сомнѣваться, что оно съ величайшимъ паѳосомъ стало бы декламировать передъ вами о попранной свободѣ народа, о поруганномъ грубой силой достоинствѣ закона и т. д. и т. д.?

Этотъ одинъ грандіозный примѣръ стоитъ тысячи другихъ. Что же мнѣ еще повѣдать вамъ послѣ всего этого о томъ невыносимомъ господствѣ произвола, о тѣхъ неслыханныхъ полицейскихъ посягательствахъ, которыя выродились въ самыя дикія мучительства, и спокойнѣйшихъ гражданъ довели до неистовства?

Неужели мнѣ вновь напоминать вамъ, вамъ, перенесшимъ все это на собственной шкурѣ, о томъ, какъ господинъ фонъ-Фальдернъ совершалъ нападенія не только на народныя собранія, но и на собранія избирательныя, вопреки статьѣ 128 октябрьской конституціи. Неужели мнѣ напоминать вамъ, какъ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ отвѣтъ на обращеніе къ нему по этому поводу, отклонило преслѣдованіе, ссылаясь на законъ, который шелъ сюда такъ же, какъ коровѣ идетъ сѣдло? Неужели мнѣ напоминать вамъ, какъ господинъ фонъ-Фальдернъ запретилъ вамъ иллюминацію, какъ онъ запретилъ вашимъ дочерямъ пѣть; напоминать о томъ, какъ 18 марта жандармы разбили 14 ружейныхъ прикладовъ о спины спокойно гулявшаго

народа; какъ солдаты то убивали женщинъ, то нападали на самыхъ спокойныхъ, самыхъ мирныхъ гражданъ, какъ они совершали надъ ними насилія, наносили имъ раны? Неужели мнѣ вновь напоминать вамъ о томъ, какъ всѣ жалобы на это вѣчно оставались безрезультатными?

И, послѣ всего этого, то же самое министерство внутреннихъ дѣлъ смѣетъ еще выступить здѣсь передъ вами, смѣетъ возвышать голосъ обвиненія, смѣетъ осквернять самое слово „законъ", произнося его своими устами? Оно должно было бы страшиться дневного свѣта, оно должно было бы запрятаться отъ взоровъ гражданъ въ самые отдаленные закоулки своихъ шкафовъ съ дѣлами, запрятаться, покрытое краской стыда.

Да, господа, мы живемъ подъ господствомъ сабли, безпредѣльнымъ господствомъ сабли, не щадящимъ ни права, ни свободы, ни собственности, ни жизни.

Неужели мнѣ напоминать вамъ, какія раны нанесло этому городу незаконное и произвольное осадное положеніе, какъ вотъ уже больше полгода въ Берлинѣ царитъ это осадное положеніе, какъ оно уничтожило благосостояніе столицы, какъ сотни семействъ ежедневно покидаютъ еще Берлинъ, какъ гибнутъ торговля и промыслы? Словно рѣчь идетъ о какомъ-то пустякѣ, а не о разореніи отцовъ семействъ,—преспокойно закрываютъ книжную торговлю, только за то, что здѣсь продавалась запрещенная газета, закрываютъ питейныя заведеніи, за то, что ихъ владѣльцы были извѣстны за людей съ демократическими взглядами. Постоянные жители Берлина преспокойно высылаются отсюда полиціей. Еще совсѣмъ недавно Врангель издалъ приказъ, что всякій офицеръ, въ случаѣ оскорбленія солдата, тотчасъ же долженъ давать команду рубить. Въ противномъ случаѣ, онъ будетъ предаваться военному суду. Другими словами, за всякій жестъ, за всякое острое словцо, за всякую двусмысленную мину офицеръ долженъ проливать кровь гражданъ, — иначе ему грозитъ военный судъ. Неужели мнѣ напоминать вамъ о томъ, какъ министерство, своимъ нынѣшнимъ законопроектомъ о печати, хочетъ лишить васъ даже благодѣяній французскаго права, какъ оно хочетъ провезти сюда контрабанднымъ путемъ статью земскаго права объ оскорбленіи величества, о возбужденіи недовольства противъ правительства—эти милыя статьи, противъ которыхъ Рейнская область боролась цѣлыхъ 30 лѣтъ? Неужели мнѣ напоминать вамъ, какъ, вопреки рейнскому закону, объявляются наказуемыми выраженія, сказанныя не-публично, даже выраженія, сказанныя въ домашнемъ кругу, какъ это создало шпіонство даже въ вашихъ собственныхъ домахъ? Вѣдь это хотятъ держать васъ въ осадѣ даже въ вашемъ послѣднемъ

убѣжищѣ, среди вашей семейной жизни, вѣдь это хотятъ отнять у васъ послѣдніе слѣды свободы, той свободы, какою вы обязаны даже не революціи, а временамъ Наполеоновской тираніи! Неужели мнѣ напоминать вамъ обо всемъ этомъ?

Таковы они, господа, эти благіе дары, какія вамъ принесла уже контръ-революція, и отъ которыхъ я хотѣлъ васъ избавить. Въ томъ мое преступленіе, что я хотѣлъ васъ избавить отъ этого.

Мы достаточно говорили уже о всей правовой гнусности настоящаго обвиненія. Позвольте мнѣ остановиться теперь на подробностяхъ обвиненія, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на эту безграничную ярость, съ какою преслѣдованіе ведется лично противъ меня.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ публичное министерство Рейнской провинціи вотъ уже три года какъ преслѣдуетъ меня. Причины этого точно также составляютъ публичную тайну. Настоящій процессъ, не говоря о многихъ другихъ процессахъ передъ исправительнымъ судомъ, есть уже не больше не меньше, какъ третій уголовный процессъ, какой угодно было властямъ взвалить мнѣ на спину! Послѣ генеральнаго пораженія, съ честью нанесеннаго мною министерству внутреннихъ дѣлъ въ Кёльнѣ, въ августѣ прошлаго года, послѣ восьмидневной битвы, я попрасту могъ бы надѣяться, что нѣсколько поостынетъ эта горячность въ дѣлѣ преслѣдованія меня. Я ошибся. Едва прошло три мѣсяца,—и я вновь очутился въ казематахъ юстиціи! Этого пораженія, оказывается, было недостаточно, чтобы склонить министерство внутреннихъ дѣлъ къ болѣе ми настроенію. А потому я постараюсь нынѣ нанести ему еще болѣе тяжкое пораженіе.

Вы не потребуете отъ меня, чтобы я унизилъ честь своего дѣла, унизилъ честь страны и сталъ вамъ доказывать, — это было бы для меня не трудно, — что моя рѣчь въ Нейссѣ, — не говоря уже о предыдущемъ — не содержала въ себѣ никакого прямого призыва къ оружію въ смыслѣ статьи 102. Я хочу, я долженъ услышать отъ васъ, господа, только одно оправданіе, это суверенное оправданіе, что призывъ къ оружію былъ тогда правомъ и обязанностью страны. Я счелъ бы настоящій день потеряннымъ, если-бы былъ оправданъ на какомъ-либо иномъ основаніи. Но я долженъ обратить ваше вниманіе на то, въ какое сомнительное положеніе ставятъ себя этимъ обвиненіемъ противъ меня, въ какихъ поразительныхъ противорѣчіяхъ запутываются, когда меня преслѣдуютъ за тѣ вещи, что, по отношенію къ другимъ не вызываютъ никакого преслѣдованія. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ обвиняетъ меня обвинительный актъ? Развѣ весь

міръ, вся нація въ ноябрѣ не высказывала громко того же самаго, что и я? Нужно твердой рукой поддержать Національное Собраніе, нужно вооружиться и т. д., и т. д.,—кто изъ этого собранія, кто изъ васъ, господа, кто не говорилъ тогда этого?

И почему же, въ такомъ случаѣ, только меня бросили въ тюрьму? Обвинительный актъ ставитъ мнѣ въ вину, что въ Нейссѣ я призывалъ образовать комиссію по вооруженію. Но если это является пунктомъ обвиненія, то въ Дюссельдорфѣ я, во всякомъ случаѣ, совершилъ нѣчто безконечно большее. Здѣсь я, дѣйствительно, вмѣстѣ съ другими, образовалъ такую комиссію, здѣсь я распространялъ среди публики печатные подписные листы, въ которыхъ призывалъ дѣлать пожертвованія деньгами и оружіемъ, въ цѣляхъ борьбы противъ правительства. Слѣдовательно, я дѣлалъ здѣсь то, къ чему въ Нейссѣ я только призывалъ. Этотъ документъ былъ въ рукахъ Уголовнаго департамента сената. И, все же, онъ не усмотрѣлъ въ немъ ничего преступнаго. Почему же, господа? А потому, что дюссельдорфское печатное воззваніе, кромѣ меня, было подписано еще цѣлымъ рядомъ именъ самыхъ уважаемыхъ гражданъ нашего города, членомъ городской управы Рейнарцемъ, Шпоромъ, Шоофомъ, Маттисомъ и т. д., и т. д. Потому, что въ это смутное время на подписанномъ листѣ значились имена такихъ спокойныхъ гражданъ, какъ банкиръ Клефъ. Потому, что всѣхъ этихъ лицъ пришлось бы вмѣстѣ со мной посадить на эту скамью, въ качествѣ соучастниковъ,—если-бы вздумали признать это воззваніе преступленіемъ. Но, конечно, этого правительства не желало, не желала этого и Ѳемида, этотъ прихвостень правительства. Меня рѣшили изолировать, дабы имѣть, хотя бы одинъ шансъ для выигрыша. И вотъ въ силу этого-то благороднаго побужденія, воззваніе въ Нейссѣ объявляютъ преступнымъ, тогда какъ то же самое воззваніе, нѣтъ, больше, выполненіе этого воззванія, въ Дюссельдорфѣ объявляется дозволеннымъ.

Эта благородная тактика судовъ на этомъ еще не останавливается. Вы знаете, что вмѣстѣ со мной былъ арестованъ Кантадоръ. Ратскамера одинаково привлекла насъ къ отвѣтственности. Уголовный департаментъ сената къ великому изумленію Кантадора, освобождаетъ его, а я попрежнему остаюсь въ положеніи обвиняемаго. Почему?—отвѣтъ на это даетъ рѣшеніе Уголовнаго департамента сената. Уголовный департаментъ сената заявляетъ: „принимая во вниманіе, что обвиненіе Лассаля достаточно, а обвиненіе Кантадора недостаточно„ и т. д., и т. д. Но почему такъ,—это остается тайной въ обоихъ случаяхъ. Рѣчи Кантадора были напечатаны въ газетахъ. Кантадоръ призналъ это. Эти рѣчи, во всякомъ случаѣ, носили такой же возбуждающій характеръ, какъ и мои. Да какъ

могло быть иначе? Вѣдь Кантадоръ такъ же живо, какъ и я, почувствовалъ этотъ позоръ, брошенный странѣ въ лицо! Онъ—шефъ гражданской милиціи; онъ объявляетъ ее безсмѣнной; дни и ночи безпрерывно приказываетъ онъ лить пули; онъ дѣлаетъ смотръ окрестнымъ вооруженнымъ милиціонерамъ, онъ беретъ съ нихъ клятву, до послѣдняго человѣка, защищать дѣло Національнаго Собранія. Онъ говоритъ имъ буквально такъ;

„Не на насъ падетъ отвѣтственность за проливаемую кровь. Нѣтъ ничего болѣе святого, какъ зрѣлище народа, борящагося за свое право. Радостно, какъ свободные мужи, прольемъ мы въ этой борьбѣ послѣднюю каплю своей крови. Милиціонеры! Каждую минуту можетъ раздаться призывъ Національнаго Собранія, каждую минуту мы можемъ подвергнуться нападенію. Тогда я призову васъ, господа, и да будетъ стыдно тому, кого не окажется въ нашихъ рядахъ. Онъ будетъ измѣнникомъ дѣлу свободы и закона. Поклянитесь же мнѣ, господа, какъ и я клянусь вамъ здѣсь, что вы скорѣе согласитесь пасть до послѣдняго человѣка, чѣмъ отступиться отъ защиты нашего добраго права“.

Развѣ это не совершенно то же самое, развѣ это не вдесятеро больше того, что я сказалъ въ Нейссѣ?

Итакъ, почему же нѣтъ возлѣ меня этого мужа, который во всѣхъ отношеніяхъ достоинъ чести сидѣть здѣсь рядомъ со мною? Но иначе быть не могло! Они прекрасно понимали, что осужденія не будетъ, если они посадятъ на скамью подсудимыхъ рядомъ со мною и эту гордость Дюссельдорфа! И вотъ рѣшили вступить въ договоръ, въ сдѣлку съ вами. Кантадора отпустили съ миромъ, дабы навѣрняка уже добиться моего осужденія

И, быть можетъ, вы думаете, что этимъ былъ уже достигнутъ предѣлъ этого яростнаго преслѣдованія меня? Боже спаси! Юстиція предусмотрительна. Она говоритъ себѣ, что процессъ этотъ, все же, вопреки всему, долженъ закончиться печально, и вотъ она рѣшаетъ прикрыть себѣ спину, она измышляетъ лазейку. Съ этой цѣлью она дѣлаетъ небывалое изобрѣтеніе, великолѣпное изобрѣтеніе. Я сообщу вамъ его, дабы вы могли видѣть, до какихъ крайнихъ предѣловъ безстыдства можетъ доходить ярость прусской справедливости, т. е. юстиціи. Вы знаете, господа, что никто не можетъ быть дважды обвиняемъ за одинъ и тотъ же поступокъ. Ну, вотъ за мою рѣчь въ Нейссѣ меня привлекаютъ къ суду, обвиняя въ томъ, что въ этой рѣчи я возбуждалъ къ вооруженному сопротивленію противъ королевской власти. А на тотъ случай, если бы меня оправдали, Камера преданія суду Уголовный департаментъ сената привлекаютъ меня къ исправительному суду за мою однородную дюссельдорфскую рѣчь и рѣчь въ Нейссѣ, за которую нынѣ я стою

предъ вами въ качествѣ обвиняемаго. Меня обвиняютъ здѣсь въ томъ, что я будто бы возбуждалъ къ насильственному сопротивленію противъ чиновниковъ и вооруженной силы. (Проступокъ противъ статей 209, 217). За одну и ту же рѣчь, за одинъ и тотъ же поступокъ меня обвиняютъ дважды. И если бы даже это были двѣ различныя рѣчи, то одинъ поступокъ есть необходимая составная часть другого. Если кто возбуждаетъ къ возстанію противъ королевской власти, тотъ необходимымъ образомъ eo ipso возбуждаетъ къ сопротивленію противъ вооруженной силы и чиновниковъ. Вѣдь вооруженная сила и чиновники суть лишь делегаты, носители королевской власти, сосуды, въ которыхъ королевская власть только и существуетъ. Вѣдь рѣшительно немыслимо совершить высшее преступленіе, возстаніе противъ королевской власти, не совершивъ, въ тоже время, низшаго преступленія—сопротивленіе противъ чиновниковъ и публичной власти. Слѣдовательно, если меня обвиняли въ высшемъ преступленіи по статьѣ 87, то здѣсь должно было содержаться также и обвиненіе въ возбужденіи къ сопротивленію противъ чиновниковъ. Сопротивленіе противъ чиновниковъ есть только часть того высшаго обвиненія, о которомъ сегодня идетъ рѣчь, оно есть только способъ осуществить преступленіе противъ статьи 87. Несмотря на то, вопреки всякой юридической возможности, Камера преданію суду и Уголовный департаментъ сената рѣшаютъ сперва привлечь меня къ отвѣтственности по обвиненію въ высшемъ преступленіи, а затѣмъ, въ случаѣ моего оправданія, предъявить ко мнѣ обвиненіе по части этого преступленія, которая необходимо заключается уже въ цѣломъ.

Что сказали бы вы, господа, если бы, напримѣръ, вора привлекли къ суду присяжныхъ, за вторженіе въ чужой садъ, если бы судъ оправдалъ его, а затѣмъ снова вздумали бы привлечь его къ отвѣтственности предъ судомъ исправительной полиціи, за разрушеніе ограды?

Но онъ **долженъ былъ** разрушить ограду, если хотѣлъ украсть, онъ уже обвинялся въ кражѣ и, поэтому, его нельзя преслѣдовать вновь за отдѣльную часть этого поступка, ибо онъ держалъ уже отвѣтъ за весь совершенный имъ поступокъ. Кассаціонный судъ постановилъ уже однажды рѣшеніе по аналогичному случаю. Одна женщина обвинялась въ дѣтоубійствѣ. Судъ присяжныхъ оправдалъ ее. Тогда ее снова привлекаютъ къ отвѣтственности передъ исправительнымъ судомъ, за сокрытіе беременности, и осуждаютъ. Кассаціонный судъ съ негодованіемъ кассировалъ этотъ приговоръ, ибо сокрытіе беременности необходимо входило, какъ часть, въ фактъ дѣтоубійства. А такъ какъ эта женщина была уже оправдана по

обвиненію во всемъ преступленіи, то она не могла подлежать преслѣдованію за отдѣльную его часть, относившуюся къ его выполненію.

Послѣ этого самоновѣйшаго изобрѣтенія, сдѣланнаго судами въ моемъ процессѣ, всякаго человѣка, дѣйствительно совершившаго возстаніе противъ королевской власти, напр., Струве, и оправданнаго судомъ въ этомъ, можно было бы вслѣдъ за тѣмъ, вновь привлечь къ суду за насильственное возстаніе противъ чиновниковъ и публичной силы. Вѣдь ни одинъ человѣкъ не въ состояніи совершить дѣйствительнаго возстанія противъ верховной власти, не оказывая въ то же время сопротивленія чиновникамъ, не вступая въ борьбу съ военной силой и т. д., и т. д.

Какое дѣло было Кёльнскому Уголовному департаменту сената до этихъ неопровержимыхъ, ясныхъ, элементарныхъ правовыхъ принциповъ, разъ нужно было преслѣдовать меня? Суды хотѣли прикрыть себѣ спину, они хотѣли обезопасить себя на всякій случай.

И при томъ за второй проступокъ меня привлекаютъ къ отвѣтственности не передъ судомъ присяжныхъ, хотя присяжные должны были бы судить всѣ политическіе проступки. Нѣтъ, этого не дѣлаютъ, а заявляютъ, что въ ноябрѣ призывъ не платить налоговъ и оказывать сопротивленіе чиновникамъ былъ не политическимъ, а общимъ проступкомъ. И поэтому, господа, меня привлекаютъ къ отвѣтственности передъ исправительнымъ судомъ, передъ судьями, получающими жалованье отъ короны.

Предо мной ставятъ альтернативу: или отправиться въ ссылку по приговору суда присяжныхъ, или быть брошеннымъ въ тюрьму по приговору королевскихъ судей. Вашъ сегодняшній оправдательный приговоръ, господа, еще не освобождаетъ меня окончательно. Этотъ вашъ приговоръ лишь передаетъ дѣло въ другую инстанцію. Онъ отдаетъ меня во власть Харибды королевско-прусской юстиціи, королевско-прусской справедливости, отъ которой мнѣ не удастся уже ускользнуть.

И замѣтьте, господа, сколько произвола сказывается въ этой противорѣчивости судебныхъ приговоровъ. Камера преданію суду отыскала около дюжины моихъ поступковъ, за которые она привлекла меня, по статьѣ 87, къ отвѣтственности передъ судомъ присяжныхъ. Отъ лица одного народнаго собранія я составилъ адресъ къ Національному Собранію. Камера преданію суду признала, что это составляетъ преступленіе противъ статьи 87, и поэтому привлекла меня къ отвѣтственности. Но, въ такомъ случаѣ, Камера преданію суду вмѣстѣ со мной необходимо должна была бы привлечь къ отвѣтственности передъ судомъ присяжныхъ въ качествѣ соучастника, также и все народное собраніе, которое одобрило и подписало составленный мною адресъ! По порученію

гражданской милиціи и народнаго ополченія, ландвера, я составилъ еще два другихъ адреса. Камера преданію суду, равнымъ образомъ признала, что обнародованіе этихъ адресовъ составляетъ преступленіе противъ статьи 87. Но, въ такомъ случаѣ, она должна была бы прежде всего привлечь къ отвѣтствености всю гражданскую милицію, по порученію которой я составлялъ адресъ. Вѣдь адресъ этотъ былъ подписанъ той же милиціей. Она должна была бы, далѣе, арестовать весь ландверъ. Уголовный департаментъ сената сообразилъ, что если настаивать на этихъ пунктахъ обвиненія, то пришлось бы по неволѣ посадить на скамью обвиняемыхъ, въ качествѣ соучастниковъ, весь Дюссельдорфъ. И онъ отказался отъ этихъ пунктовъ. Далѣе, ратскамера, на основаніи всѣхъ сказанныхъ мною въ Дюссельдорфѣ рѣчей, привлекла меня къ отвѣтственности передъ судомъ присяжныхъ, и въ то же время, найдя мою рѣчь въ Нейссѣ слишкомъ слабой, привлекла меня, на основаніи ея, на всякій случай, къ исправительному суду. Уголовный департаментъ сената поворачиваетъ дѣло задомъ на передъ. Въ чемъ Камера преданію суду усматриваетъ преступленіе противъ статьи 87, въ этомъ Уголовный департаментъ сената усматриваетъ только проступокъ противъ статьи 219. Въ чемъ, наоборотъ, Камера преданію суду усматривала проступокъ противъ статьи 219, въ этомъ Уголовный департаментъ сената усматриваетъ преступленіе противъ статьи 87. За всѣ мои дюссельдорфскія рѣчи Камера преданію суду хотѣла привлечь меня къ суду присяжныхъ, а Уголовный департаментъ сената освобождаетъ меня отъ этого обвиненія и привлекаетъ только къ исправительному суду. За мою рѣчь въ Нейссѣ Камера преданія суда привлекла меня къ исправительному суду, а Уголовный департаметъ сената за одно только это привлекаетъ меня къ суду присяжныхъ!

Прекрасная вещь, господа, такія ублюдочныя преступленія, изъ-за которыхъ судамъ приходится цѣпляться другъ другу въ волосы и спорить, что же это собственно за преступленіе, какую статью закона они нарушаютъ!

И развѣ господа, у васъ не возникалъ уже самъ собою этотъ вопросъ, какъ это было возможно, что это слѣдствіе по поводу рѣчи въ Нейссѣ, съ результатами котораго вы познакомились здѣсь изъ свидѣтельскихъ показаній въ теченіи одного какого-нибудь часа,—какимъ образомъ могло оно длиться цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ оставаться въ тюрьмѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, съ 22 ноября по май мѣсяцъ?

Я хочу повѣдать вамъ эту тайну, господа! Я хочу повѣдать вамъ, какимъ образомъ въ рейнскомъ Уголовномъ отдѣленіи суда, извѣстномъ своею быстротой и скоростью, можетъ тянуться слѣдствіе.

Я не говорю уже о томъ, какъ, въ видахъ излишней затраты вре-

мени, къ слѣдствію привлекли массу самыхъ незначительныхъ пунктовъ,— и, какъ вы видите отъ обвинительнаго акта, отъ всего этого, въ концѣ концовъ, остался всего только одинъ пунктъ. Я не говорю уже о томъ, какъ постоянно по каждому пункту допрашивали по 30 свидѣтелей, тогда какъ за глаза достаточно было бы всего трехъ свидѣтелей. Общее число ихъ значительно превысило цифру 100. Я не говорю уже о томъ, что у меня было произведено 2—3 домашнихъ обыска, для того только, чтобы отыскать письма Ледрю-Роллена, отыскать нити, Богъ вѣсть какъ далеко раскинутаго, заговора. И, понятно, ничего такого не было найдено, такъ какъ все это были лишь фантазіи слѣдственнаго судьи. Я не говорю уже о томъ, какъ благодаря посредничеству господъ фонъ-Дригальскаго и фонъ-Фальдерна, была сфабрикована масса непристойнѣйшихъ доносовъ, какъ, благодаря этому, очень многіе граждане подвергались въ своихъ жилищахъ домашнимъ обыскамъ, какъ у нихъ искали оружіе, порохъ, свинецъ, адскія машины и еще Богъ вѣсть что. И, конечно, ничего не нашли. Я не стану, господа, говорить обо всемъ этомъ,— нѣтъ, то, что я имѣю теперь сообщить вамъ, серьезнѣе, гораздо серьезнѣе!

Я настоятельно обращаю вниманіе представителя министерства внутреннихъ дѣлъ, что я долженъ предъявить теперь очень серьезное обвиненіе противъ исправляющаго обязанности оберъ-прокурора, ведшаго до сихъ поръ слѣдствіе по моему дѣлу и благоразумно уклонившагося явиться сюда, въ залу. Пусть ни въ чемъ неповинный замѣститель его, о непріятномъ положеніи котораго я сожалѣю, тщательно обдумаетъ, можетъ ли онъ опровергнуть тѣ факты, которые я сейчасъ документально докажу, можетъ ли онъ защищать своихъ начальниковъ.

Несмотря на всяческую волокиту, господа, слѣдствіе, послѣ десятинедѣльнаго промежутка, было, наконецъ, счастливо закончено 5 февраля.

5 февраля былъ мой послѣдній допросъ. Еще въ тотъ же день слѣдственный судья отослалъ все дѣло оберъ-прокурору фонъ-Аммону, присовокупивъ при этомъ, что слѣдствіе закончено, и что оберъ-прокуроръ можетъ сообщить свое заключеніе Камерѣ преданія суду.

Согласно указаннымъ въ законѣ срокамъ, черезъ три дня должно было бы послѣдовать рѣшеніе Камеры преданія суду, чрезъ десять дней послѣ этого — рѣшеніе Уголовнаго департамента сената. И мой процессъ, долженъ былъ бы, такимъ образомъ, согласно законнымъ опредѣленіямъ, разбираться передъ судомъ присяжныхъ еще въ прошлую сессію. И это было вполнѣ возможно.

Но вотъ 6 февраля я вновь былъ вызванъ къ слѣдственному судьѣ. Онъ заявилъ мнѣ, что найдена новая улика противъ меня, что онъ только

что получилъ отъ оберъ-прокурора фонъ-Аммона мое, приведенное въ обвинительномъ актѣ, письмо къ землевладѣльцу Штангору, въ Шенштейнѣ. Въ этомъ письмѣ я призывалъ Штангора, на случай, если въ Дюссельдорфѣ дѣло дойдетъ до борьбы, явиться сюда, въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Судья заявилъ мнѣ дальше, что благодаря этому письму, необходимо произвести новый дополнительный допросъ въ Шенштейнѣ, необходимо допросить адресата, и что, поэтому, законченное было слѣдствіе приходится возобновить. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что письмо это такъ мало имѣло отношенія къ дѣлу, что ни Камера преданія суду, ни Уголовный департаментъ сенатъ не усмотрѣли въ немъ ничего преступнаго и не обратили на него никакого вниманія. Этотъ дополнительный допросъ состоялся всего лишь 19 февраля,—а пока время было преблагополучно упущено, и дѣло не могло разбираться въ прошлой сессіи.

Я повторяю, 5 февраля слѣдствіе по моему дѣлу было закончено, въ тотъ же день слѣдственный судья отсылаетъ все дѣло оберъ-прокурору фонъ-Аммону, дабы тотъ далъ свое заключеніе Камерѣ преданія суду. 6 февраля, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ акты, оберъ-прокуроръ препровождаетъ интересующее насъ здѣсь письмо, слѣдственному судьѣ, вмѣстѣ съ доносомъ альтенкирхненскаго ландрата Хильгерса, доставившаго его.

Вслѣдъ затѣмъ онъ предлагаетъ возобновить слѣдствіе, по поводу этого письма.

Если-бы оберъ-прокуроръ получилъ это письмо всего лишь 5 или 6 февраля,—тогда, господа, я не могъ бы сдѣлать ему ни одного упрека. Я могъ бы только печалиться на свою злосчастную судьбу, что письмо попало къ нему въ руки лишь тогда, когда слѣдствіе было уже закончено.

Но, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ акты, письмо, вмѣстѣ съ доносомъ альтенкирхнерскаго ландрата, находилось въ рукахъ оберъ-прокурора фонъ-Аммона уже 10 января. Въ теченіе 26 дней, замѣтьте: 26 дней, съ 10 января по 6 февраля, онъ преспокойно оставляетъ его лежать въ своемъ бюро. Онъ преспокойно дожидается той минуты, когда слѣдственный судья сообщитъ ему, что слѣдствіе закончено, и тогда онъ явится съ этимъ письмомъ и заявитъ ему: ну, а теперь начинай снова слѣдствіе!

Какъ только могъ, какое право имѣлъ оберъ-прокуроръ, въ теченіе 26 дней, скрывать отъ слѣдственнаго судьи и хранить у себя это письмо, вмѣстѣ съ доносомъ альтенкирхнерскаго ландрата?

Господинъ фонъ-Аммонъ, спрошенный объ этомъ моими знакомыми, отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ напередъ собрать свѣдѣнія по поводу этого

письма. Именно онъ затребовалъ отъ альтенкирхнерскаго ландрата дальнѣйшихъ свѣдѣній и предписалъ произвести предварительный допросъ Штангору.

Но, прежде всего, такое поведеніе оберъ-прокурора само по себѣ было уже тяжкимъ служебнымъ проступкомъ, совершенно незаконнымъ вторженіемъ съ его стороны въ сферу компетенціи слѣдственнаго судьи.

Статья 47 Уголовнаго Судопроизводства категорически и слово въ слово гласитъ такъ:

„Исключая случаевъ flagrant delit, оберъ-прокуроръ, буде онъ поставленъ въ извѣстность, путемъ ли доноса, или какимъ-либо инымъ путемъ, что въ его округѣ совершено преступленіе или проступокъ, или что въ его округѣ пребываетъ виновное въ томъ лицо, обязанъ предписать слѣдственному судьѣ и потребовать отъ него, чтобы было произведено дознаніе“.

Слѣдовательно, законъ категорически заявляетъ, что оберъ-прокуроръ, исключая случаевъ flagrant délit, не можетъ производить дознанія, помимо слѣдственнаго судьи, онъ не можетъ предпринимать въ этомъ отношеніи никакихъ самостоятельныхъ шаговъ. Какъ только онъ получаетъ доносъ, онъ обязанъ предписать слѣдственному судьѣ, произвести дознаніе.

Господинъ фонъ-Аммонъ обязанъ былъ слѣдовательно, получивъ отъ ландрата доносъ, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, тотчасъ же препроводить ихъ слѣдственному судьѣ и предложить послѣднему произвести дознаніе.

Почему же господинъ фонъ-Аммонъ допустилъ такое поразительное нарушеніе своихъ служебныхъ обязанностей, почему онъ, вопреки этому прямому запрету со стороны закона, совершилъ это вторженіе въ кругъ обязанностей слѣдственнаго судьи? За время всего этого процесса поступало не мало различныхъ доносовъ,—почему же во всѣхъ иныхъ случаяхъ господинъ фонъ-Аммонъ очень хорошо помнилъ о предписанномъ закономъ пути, почему онъ всѣ эти доносы всегда тотчасъ же, безъ всякаго промедленія, препровождалъ слѣдственному судьѣ? Почему именно здѣсь, въ этомъ случаѣ, это вторженіе въ кругъ обязанностей слѣдственнаго судьи?

Законъ, какъ я его показалъ выше, строго разграничиваетъ функціи оберъ-прокурора и слѣдственнаго судьи. Онъ не признаетъ за оберъ-прокуроромъ права производить самостоятельныхъ дознаній.

И что это было бы, если бы два лица, каждое само по себѣ, могли вести слѣдствіе! Законъ такъ строго проводитъ это разграниченіе, что ни разу не надѣляетъ оберъ-прокурора тѣми полномочіями, какія необходимы для веденія слѣдственныхъ актовъ.

Вы знаете, что уже на предварительномъ слѣдствіи всѣ свидѣтельскія показанія должны даваться подъ присягой. А оберъ-прокуроры по закону не могутъ допрашивать свидѣтелей подъ присягой, не могутъ они и предписывать допроса свидѣтелей подъ присягою. Они могутъ производить это лишь черезъ посредство слѣдственнаго судьи. Въ виду этого, господинъ фонъ-Аммонъ и предписалъ произвести Штангору только предварительный, оберъ-прокурорскій допросъ. Что же получилось благодаря этому? Допросъ этотъ состоялся, но онъ былъ недостаточенъ, такъ какъ произведенъ былъ не подъ присягой. 7 февраля, слѣдственный судья вторично долженъ былъ предписать произвести Штангору допросъ подъ присягой. Это и было выполнено 19 февраля. А въ это время началась уже сессія суда присяжныхъ, — и процессъ мой могъ быть назначенъ къ слушанію уже не ранѣе слѣдующей сессіи. Если бы оберъ-прокуроръ тотчасъ же препроводилъ слѣдственному судьѣ доносъ вмѣстѣ съ письмомъ, въ качествѣ уликъ, если бы первый допросъ былъ произведенъ непосредственно слѣдственнымъ же судьей и Штангоръ былъ бы допрошенъ тогда же подъ присягой,—то можно было бы съэкономить болѣе трехъ недѣль, 26 дней. Мнѣ не пришлось бы тогда просидѣть лишнихъ два мѣсяца въ тюрьмѣ, и процессъ могъ бы закончиться еще въ прошлую сессію. Но именно этого-то и не хотѣли. Если бы оберъ-прокуроръ вздумалъ примѣнять свое геніальное изобрѣтеніе ко всѣмъ привлеченнымъ къ слѣдствію свидѣтелямъ (около 120—130 человѣкъ), если бы послѣдніе допрашивались сперва предварительно, черезъ оберъ-прокурора, а затѣмъ подъ присягой, черезъ слѣдственнаго судью, если бы онъ не ограничился дилетантскимъ примѣненіемъ этой своей новой методы допроса къ одному только Штангору, — то настоящее слѣдствіе неизбѣжно заняло бы вдвое больше времени,—вмѣсто шести мѣсяцевъ, цѣлый годъ.

Но пусть даже оберъ-прокуроръ считалъ себя въ правѣ производить предварительное дознаніе,—хотя это, какъ вы могли убѣдиться изъ вышесказаннаго, противорѣчитъ статьѣ 47. Пусть будетъ такъ. Пусть бы онъ и собиралъ себѣ свѣдѣнія, — но чего ради держалъ онъ зря въ своемъ бюро это письмо, чего ради не препроводилъ онъ его слѣдственному судьѣ, хотя бы только для свѣдѣнія, дабы послѣдній могъ бы въ то же самое время заняться собираніемъ необходимыхъ справокъ.

Но пусть будетъ такъ. — 19 января оберъ-прокуроръ получилъ отвѣтъ на свой предварительный запросъ отъ альтенкирхнерскаго ландрата. Теперь, когда свѣдѣнія уже были получены, оберъ-прокуроръ, во всякомъ случаѣ, обязанъ былъ препроводить письмо слѣдственному судьѣ. Чего же ради

держалъ онъ его еще 17 дней въ своемъ бюро? Чего ради препроводилъ онъ его слѣдственному судьѣ лишь тогда, когда послѣдній извѣстилъ его, что слѣдствіе уже закончено? Чего ради дожидался онъ окончанія слѣдствія и лишь въ этотъ моментъ послалъ письмо? Вѣдь этимъ онъ принудилъ начать вновь слѣдствіе и отложить разборъ моего дѣла до слѣдующей сессіи суда присяжныхъ!

Даже человѣкъ, исполненный слѣпой, безсмысленной довѣрчивости, едва ли допуститъ, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, что здѣсь передъ нами простая, непреднамѣренная небрежность! Но уже и это было бы тяжкимъ служебнымъ проступкомъ! Какъ Божій день ясно, что здѣсь передъ нами самая преднамѣренная, самая обдуманная, самая коварная волокита!

Такъ, господа, дѣйствуетъ судъ! Я больше всего сожалѣю о томъ, что здѣсь нѣтъ предо мною этого оберъ-прокурора! А вѣдь это было долгомъ его чести явиться сюда! Онъ былъ бы подавленъ позоромъ, въ виду этого разоблаченія, онъ былъ бы повергнутъ на землю презрѣніемъ вашихъ взоровъ! За этотъ часъ, когда онъ былъ бы пригвожденъ къ позорному столбу, онъ искупилъ бы всѣ тѣ долгія муки, что причинилъ мнѣ!

Когда я услыхалъ, что оберъ-прокуроръ, господинъ фонъ-Аммонъ, несмотря на то, что велъ мой процессъ до настоящей минуты, не будетъ присутствовать на судѣ, я написалъ ему слѣдующее письмо:

„Господину Оберъ-прокурору фонъ-Аммону I.

Ваше Высокоблагородіе и т. д. и т. д.,

Я узналъ, что Ваше Высокоблагородіе не намѣреваетесь сами поддерживать обвиненіе противъ меня и поручаете это другому прокурору.

Ваше Высокоблагородіе! Самымъ настоятельнымъ образомъ обязанъ я указать вамъ, что это долгъ вашей чести, лично поддерживать противъ меня обвиненіе.—Я имѣю въ виду предъявить къ вамъ предъ судомъ присяжныхъ серьезное обвиненіе.

Вся эта исторія съ письмомъ къ Штангору, которое вы три недѣли держали въ своемъ бюро и препроводили слѣдственному судьѣ лишь тогда, когда слѣдствіе было уже закончено,—именно, благодаря этому, мой процессъ не могъ быть разсмотрѣнъ въ послѣднюю сессію суда присяжныхъ. Каковы бы ни были ваши понятія о чести,—ваша неотложнѣйшая обязанность, послѣ всего этого, лично дать мнѣ отвѣтъ, по этому поводу, предъ судомъ присяжныхъ, ваша обязанность лицомъ къ лицу со мной привести свои оправданія.

Ваше Высокоблагородіе! Вы довели мой процессъ вплоть до порога въ залу суда присяжныхъ, — и теперь вы вдругъ — чему я все еще не могу

повѣрить — уходите назадъ и предоставляете отвѣтствовать за себя другому. Вѣдь въ такомъ поведеніи вашемъ, послѣ этого моего формальнаго обращенія къ вамъ, и я и весь міръ,—мы будемъ въ правѣ усматривать въ немъ ваше собственное признаніе, что защита для васъ невозможна.

Вашего Высокоблагородія и т. д. и т. д.

Дюссельдорфъ, 24 апрѣля 1849 года".

Вы видите, господа, я сдѣлалъ все, я пытался за волосы притащить его сюда, предъ этотъ трибуналъ. Я пробовалъ наносить бичемъ удары его чувству чести, — дабы онъ самъ явился сюда держать отвѣтъ. Все было напрасно. Но онъ не уйдетъ отъ суда общественнаго мнѣнія.

Но этой ярости преслѣдованія противъ меня нѣтъ конца.

Я донесъ генералъ-прокурору объ этихъ, противныхъ долгу службы, дѣйствіяхъ господина фонъ-Аммона. Не удостоивъ даже отвѣтить на мою жалобу, генералъ-прокуроръ препроводилъ ее здѣшнему прокурорскому надзору, съ приказаніемъ начать, по этому поводу слѣдствіе противъ меня, по статьѣ 222, за оскорбленіе господина фонъ-Аммона. Но, господа, не нужно быть юристомъ, чтобы знать, что письмо лишь въ томъ случаѣ можетъ служить поводомъ для возбужденія преслѣдованія за оскорбленіе, если оно направлено прямо къ лицу оскорбляемому, или же распространено публично. Какъ же это возможно оскорбить кого-либо въ частномъ письмѣ, адресованномъ третьему лицу?

Наконецъ, мое письмо къ генералъ-прокурору, какъ лицу начальствующему, являлось доносомъ. Доносы по закону являются обязанностью. Если сообщенные въ доносѣ факты были вѣрны, то доносъ былъ умѣстенъ. Если же нѣтъ, то, въ такомъ случаѣ, слѣдовало возбудить преслѣдованіе по статьѣ 347. Преслѣдованіе на основаніи клеветническаго доноса, но ни въ какомъ случаѣ не преслѣдованіе за нанесенное оскорбленіе. Если бы меня привлекли къ отвѣтственности за клеветническій доносъ, т. е. по статьѣ 347, то я могъ бы доказывать справедливость своего доноса. Мнѣ легко было бы сдѣлать это на основаніи актовъ. Но я не могу уже ссылаться на нихъ, разъ меня обвиняютъ въ оскорбленіи. Это новое слѣдствіе было такъ безсмысленно, что даже Дюссельдорфская Камера преданія суду высказазалась противъ него. Но министерство внутреннихъ дѣлъ настаивало на своемъ, и Кёльнскій Уголовный департаментъ сената былъ настолько геніаленъ, что высказался даже за возбужденіе этого безумнаго слѣдствія. Такимъ образомъ, у меня на шеѣ преблагополучно виситъ теперь третій процессъ передъ исправительнымъ судомъ.

Да, господа, какъ панцырь воина усѣянъ непріятельскими стрѣлами,

такъ и я осажденъ уголовными преслѣдованіями! Когда собакъ много, нѣтъ звѣрю спасенія.

Ну, господа, что-то говоритъ мнѣ, не изведутъ эти собаки звѣря.

Мнѣ трижды удавалось уже силой своего добраго права, словно стекло, разбивать уголовные процессы, я трижды швырялъ ихъ въ лицо своимъ пристыженнымъ противникамъ,—ну, мнѣ удастся это и съ дюжиной другихъ процессовъ!

Сколько еще придется высидѣть мнѣ въ предварительномъ заключеніи,—то вѣдаетъ одинъ Богъ. И въ минуты унынія мнѣ становится порою страшно.

Да такова и есть благородная цѣль нашихъ достойныхъ судовъ—постояннымъ заточеніемъ они хотятъ сгубить мой духъ и тѣло. Я могу доказать и докажу вамъ это съ полной очевидностью. На случай моего сегодняшняго оправданія, какъ я уже говорилъ вамъ, меня привлекли къ отвѣтственности и передъ исправительнымъ судомъ. Поэтому, сегодня вечеромъ, послѣ моего оправданія, меня снова могли бы потащить обратно въ тюрьму. Чтобы избѣжать этого, я обратился въ исправительный судъ, передъ которымъ я долженъ отвѣчать, съ просьбой назначить согласно статьѣ 114 Уголовнаго Судопроизводства, сумму залога, подъ какую я могъ бы быть освобожденъ въ случаѣ моего оправданія вами. Статья 114 гласитъ что судъ при всякомъ исправительно-полицейскомъ обвиненіи можетъ освобождать подъ залогъ данное лицо.

Такъ какъ судъ можетъ такъ поступить по закону, такъ какъ свобода есть естественное право всякаго человѣка,—то ясно, что съ точки зрѣнія разума и гуманности, судъ всегда обязанъ отпускать обвиняемаго на свободу подъ залогъ,—буде этому не стоитъ на пути важныя и серьезныя соображенія объ интересахъ самого дѣла.

Въ настоящемъ случаѣ, даже прусскіе судьи, несмотря на всю свою проницательность, не смогутъ отыскать ни одного хотя бы видимаго основанія, почему бы, въ интересахъ процесса, меня не слѣдовало отпустить на волю. Тѣмъ болѣе, что согласно обычной практикѣ я и не былъ бы заключенъ подъ стражу, по обвиненію въ этомъ судебно-полицейскомъ проступкѣ, если-бы вообще я находился на свободѣ. Да и самая кара, въ этомъ случаѣ, была бы очень незначительна. Отказать мнѣ въ моей просьбѣ,—это, казалось бы, невозможно. Это тѣмъ болѣе невозможно, что, въ виду глубоко расшатаннаго моего здоровья, судъ по совѣсти долженъ отпустить меня на свободу. Вѣдь освобожденіе мое возможно по закону.

Я представилъ суду цѣлый рядъ медицинскихъ свидѣтельствъ, начиная

отъ моей юности и кончая послѣднимъ временемъ, и всѣ они одинаково подтверждаютъ, что я страдаю серьезнымъ хроническимъ разстройствомъ Я подтвердилъ это, далѣе, свидѣтельствомъ, выданнымъ мнѣ комиссіей военныхъ врачей, благодаря чему я былъ совершенно освобожденъ отъ военной службы, ибо я страдалъ и страдаю серьезнымъ внутреннимъ недугомъ. Наконецъ, я представилъ свидѣтельство здѣшняго тюремнаго врача, что мое, и безъ того расшатанное, здоровье именно теперь очень сильно ухудшилось и болѣзнь моя легко можетъ стать неизлѣчимой—естественный результатъ этихъ непрестанныхъ тюремныхъ заключеній. Между прочимъ, тюремный врачъ нѣсколько времени тому назадъ потребовалъ, чтобы мнѣ были разрѣшены, на время настоящаго моего ареста, прогулки на волю. И прокуратура, дѣйствительно, дала на то свое согласіе. Но королевское правительство, хотя и не имѣло на то никакого праaa, тотчасъ же лишило меня возможности пользоваться такими прогулками.

Въ виду всего этого, судьи здѣшняго исправительнаго суда, разумѣется, должны были бы обладать граціознымъ безстыдствомъ и поразительнымъ мужествомъ, чтобы, вопреки всему этому, открыто отказать мнѣ въ моей просьбѣ.

Этимъ они доказали бы, что именно для демократовъ нѣтъ защиты со стороны законовъ; этимъ они доказали бы, что ихъ цѣль, окончательно сгубить мое здоровье, сломить мой организмъ, ибо у нихъ нѣтъ иныхъ средствъ схватить меня за горло. Но на это они не отважились. Исправительный судъ отыскалъ себѣ лазейку. Пока онъ объявилъ себя некомпетентнымъ! Исправительный судъ разсуждалъ такъ: такъ какъ исправительному суду я подлежу только въ случаѣ моего сегодняшняго оправданія, а не въ случаѣ моего обвиненія, то я долженъ еще обождать оправдательнаго приговора, прежде, чѣмъ могъ бы быть рѣшенъ вопросъ о залогѣ. Поразительная логика! Я долженъ напередъ дождаться своего оправданія,— и лишь тогда я могъ бы получить свободу, представивъ залогъ. Но что могло бы помѣшать исправительному суду уже заранѣе дать свое согласіе на мое освобожденіе подъ залогъ, въ случаѣ моего оправданія?

Исправительный судъ, какъ я говорилъ, прибѣгъ къ такой логикѣ: такъ какъ Камера преданія суду постановила, что исправительному суду я подлежу лишь въ случаѣ моего сегодняшняго оправданія, то онъ, исправительный судъ, не можетъ о б с у ж д а т ь э т о г о в о п р о с а, пока я не буду оправданъ. А до тѣхъ поръ, слѣдовательно, въ данномъ вопросѣ компетентна только Камера преданія суду. На это рѣшеніе суда я принесъ апелляціонную жалобу въ апелляціонный исправительный судъ. Но и апелляціонный исправительный

судъ держался той же логики и постановилъ, что пока онъ некомпетентенъ по данному вопросу, и что, слѣдовательно, надлежащей инстанціей, въ этомъ случаѣ, является еще Камера преданія суду. Прекрасно! Съ той же просьбой, согласно этому рѣшенію, я обратился въ Камеру преданія суду.

И вотъ, господа,—смѣйтесь, господа, если ваше негодующее чувство позволяетъ еще вамъ смѣяться,—вотъ Камера преданія суду точно также объявляетъ себя некомпетентной! Итакъ, для меня совсѣмъ не оказывается компетентнаго суда! Но самымъ безпримѣрнымъ во всей этой безпримѣрной исторіи является то, что судьи, образующіе апелляціонный исправительный судъ, являются, въ то же самое время и судьями Камеры преданія суда. Это вопіющее противорѣчіе нельзя, слѣдовательно, объяснить различіемъ юри:ическихъ взглядовъ! Нѣтъ, тѣ же судьи, тѣ же лица, постановившія, въ качествѣ апелляціоннаго исправительнаго суда, рѣшеніе. что они некомпетентны и приведшія основанія, что компетентной, въ данномъ вопросѣ, является Камера преданія суду,—эти же самые судьи, въ качествѣ Камеры преданія суду, заявляютъ, что Камера преданія суду и выставляютъ некомпетентна основанія, что компетентнымъ является исправительный судъ.

Я спрашиваю васъ господа. представлялъ ли себѣ кто-нибудь изъ васъ до сихъ поръ, на какія безпримѣрно позорныя дѣянія могутъ быть способны судьи, я говорю, судьи, господа?!

Но я благодарю судьбу, господа, за всѣ эти страданія, что сыплются на мою голову. Это для меня не слишкомъ дорогая цѣна за то благо, что вы всѣ пріобрѣтаете этимъ путемъ. Ибо всякій, покинувшій сегодня эту залу, навсегда уже запомнитъ, каковы эти наши прусскіе судьи!

И въ такихъ рукахъ, господа, покоится отправленіе вашего правосудія, въ такихъ рукахъ покоится ваша собственность, ваша свобода и ваша жизнь!

Господа! Меня привели въ такое состояніе, что если-бы эта мысль о необходимости одержать моральную побѣду не захватывала меня больше, нежели забота о моемъ личномъ матеріальномъ благополучіи,—если-бы не это, господа, то я, съ распростертыми руками, какъ о милости, молилъ бы у васъ себѣ осужденія!

Господа! Я спѣшу закончить. Свое обвиненіе я резюмирую въ формѣ трехъ вопросовъ. Пусть оберъ-прокуроръ даетъ на нихъ отвѣтъ, если сможетъ; а если нѣтъ, да будетъ стыдно ему!

Первый вопросъ таковъ:

Развѣ немыслимы такія обстоятельства, развѣ немыслимъ такой

случай, когда гражданинъ имѣлъ бы право оказать вооруженное сопротивленіе королевской власти?

Что же, король можетъ растоптать ногами ваши законы, онъ можетъ конфисковать ваше имущество, убить вашихъ сыновей, опозорить вашихъ женъ, онъ можетъ разбить въ куски вашу конституцію, онъ можетъ возстановить абсолютное государство,—и вы не будете имѣть права защищаться противъ такого насилія? У кого, господа, хватитъ этого допотопнаго безстыдства, отвѣтить отрицательно на этотъ вопросъ?

Если же у оберъ-прокурора, тѣмъ не менѣе хватитъ смѣлости отрицательно отвѣтить на этотъ вопросъ, если онъ скажетъ, что такой случай совершенно немыслимъ, когда гражданинъ имѣлъ бы право оказать вооруженное сопротивленіе королевской власти, и если прокуроръ, къ тому же, заявитъ, что именно эта мысль лежитъ въ основѣ его обвиненія,— тогда, господа, (указывая рукой на скамью подсудимыхъ),—его мѣсто здѣсь! Ибо онъ говоритъ, въ этомъ случаѣ, что Пруссія будто бы есть абсолютное государство, какимъ она была до мартовскихъ дней.

А если нельзя отрицать, что могутъ быть такіе случаи, когда возстаніе противъ королевской власти становится обязаностью и правомъ гражданина, то я ставлю второй вопросъ: когда же бываютъ такіе случаи?

На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Тогда, когда королевская власть низвергаетъ законы страны, въ особенности, эти основные и самые священные законы, этотъ палладіумъ всеобщей свободы, эти законы о гражданской милиціи, о свободѣ печати, объ ассоціаціяхъ, о личной свободѣ, о правахъ и неприкосновенности народнаго представительства. Малѣйшее посягательство на эти законы приводитъ въ сотрясеніе всѣ основы государства; словно электрическій ударъ, наноситъ оно смертельныя раны праву всѣхъ гражданъ, отъ Одера до Вислы.

И затѣмъ я ставлю третій вопросъ: Развѣ здѣсь передъ нами не этотъ случай? Развѣ, въ данномъ случаѣ, законы не были нарушены самымъ насильственнымъ образомъ?

Я сошлюсь здѣсь на то, что я говорилъ вамъ выше объ осадномъ положеніи, о распущеніи и обезоруженіи гражданской милиціи, объ уничтоженіи Habeas-Corpus-Act'a, объ отмѣнѣ свободы печати и права союзовъ. Я сошлюсь на то, какъ Національное Собраніе было разогнано штыками, какъ оно было распущено, какъ дарована была конституція, какъ низвергнутъ былъ избирательный законъ.

Господа! Я говорилъ здѣсь, не ради того, чтобы опровергнуть это

жалкое обвиненіе, которое, какъ вы видите, было уничтожено двумя-тремя словами. Я всегда буду гордиться тѣмъ, что принадлежалъ къ плѣненнымъ въ ноябрьскіе дни.

Но моимъ долгомъ было обнажить эти раны отечества, поднять голосъ обвиненія противъ этихъ преступленій, что безъ страха творятся ежедневно. Моею обязанностью было дать вамъ общее представленіе объ этомъ позорномъ и невыносимомъ господствѣ насилія, которое обрушилось надъ Пруссіей. Вѣдь по сравненію съ этимъ, домартовское время было временемъ свободы и идиллическаго счастья. Моею обязанностью было показать вамъ, какъ подъ лживой маской права, подъ священной видимостью законовъ — нѣтъ словъ, чтобы достаточно заклеймить это лицемѣріе — у насъ неистовствуетъ режимъ террора, и какъ наши судьи превратились въ проститутокъ насилія! Моимъ долгомъ было заставить прозвучать суровый голосъ судьи очень близкаго будущаго и воззвать къ вамъ:

Граждане, памятуйте!!!

И, все же, что было до сихъ поръ, это только какъ бы прелюдія къ тому, что должно притти! Вотъ теперь опять распустили вторую палату, во второй разъ народное представительство должно исчезнуть по властному слову короны. Снова нарушено право. Да, господа, корона никогда не имѣла формальнаго права распускать второй палаты, какъ это смѣло рѣшаются утверждать теперь. Статья 112 дарованной конституціи гласитъ: „Настоящая конституція, тотчасъ же, при первомъ созывѣ палатъ, должна подвергнуться пересмотру законодательнымъ путемъ“. Такимъ образомъ, пересмотръ долженъ былъ быть произведенъ первыми, созванными послѣ дарованія конституціи, палатами, и палаты эти, слѣдовательно, не могли быть распущены впредь до завершенія пересмотра. Такъ, господа, была порушена даже ими самими дарованная конституція, такъ нагромождали они одно правонарушеніе на другое, одно клятвопреступленіе на другое! И почему же распустили это столь консервативное собраніе? Вѣдь оно такъ глубоко памятовало о себѣ, что забыло даже признать конституцію! Его распустили потому, но оно не хотѣло быть простой игрушкой въ рукахъ министерскаго произвола, потому, что оно хотѣло освободить страну отъ неимовѣрной тяжести осаднаго положенія, потому, что оно признало дѣйствительной имперскую конституцію. Даже Франкфурту, даже единству Германіи былъ брошенъ открытый вызовъ: министерское посланіе характеризуетъ Франкфуртское собраніе, какъ шайку бунтовщиковъ. А вѣдь Франкфуртское Собраніе сотни разъ предавало свободу ради милости

государей. О, нѣмецкій народъ по горькому собственному опыту узнаетъ теперь, что это такое, когда разгоняютъ Національное Собраніе, когда безнаказанно топчутъ въ грязь этотъ палладіумъ національной чести! Если въ ноябрѣ съ трепетомъ душевнымъ совершили революцію, диву дивясь своей отвагѣ,—то теперь насталъ чередъ совершенно другого мужества, мужества долготерпѣнія со стороны нѣмецкаго народа. И трижды глубже вонзятся теперь въ наши лѣнивые бока эти шпоры. Если до сихъ поръ васъ бичевали бичами, то отнынѣ васъ будутъ бичевать скорпіонами.

Прелюдія подходьтъ къ своему концу,—начинается трагедія. Не нужно быть пророкомъ, чтобы угадать ближайшее будущее! Стягиваются войска,—дабы разогнать Франкфуртское собраніе, какъ нѣкогда было разогнано Берлинское. Намъ даруютъ законъ о печати, намъ даруютъ избирательный законъ, основанный на цензѣ. Мы станемъ избирать теперь по сословіямъ и по податнымъ классамъ. И снова воскреснетъ Соединенный ландтагъ. Память о мартовскихъ дняхъ должна исчезнуть со страницъ исторіи. Въ Венгрію и Богемію хотятъ послать наши войска, дабы заодно съ русскими нанести пораженіе мадъярамъ, и уничтожить этимъ послѣднихъ борцовъ за свободу! Въ Вѣну идутъ теперь казацкія войска,—и скоро они будутъ пить своихъ коней въ Рейнѣ! Но въ рукахъ мадьяръ еще сверкаетъ побѣдоносный мечъ; сумрачно сжимаетъ свой исполинскій кулакъ пролетарій Франціи; и Германія, дойдя до вершины позора, снова найдетъ въ себѣ былую силу. День возмездія близокъ! Посреди этихъ противореволюціонныхъ оргій, по королевскимъ замкамъ Потсдама, какъ въ древней балладѣ, грозно раздается уже этотъ мрачный, наводящій ужасъ голосъ; „Палачъ стоитъ ужъ предъ дверьми!“ Такъ же сильна будетъ наша месть, какъ великъ нашъ позоръ!

Я заканчиваю. Проникающія все мое существо мысли я лучше всего выражу слѣдующими словами одного изъ нашихъ благороднѣйшихъ поэтовъ, словами, которыя онъ вложилъ въ уста также угнетеннаго народа. Эти слова будутъ вполнѣ достойнымъ прощаніемъ съ вами. Поэтъ говоритъ:

„Wir wollen trauen auf den höchsten Gott
Uud uns nicht fürchten vor der Macht der Menschen.
Ietzt gehe Leder seines Weges Still
Zu seiner Freundschaft und Genossame.
Wer Hirt ist, wintr'e ruhig seine Heerde
Und werb'im Stillen Freunde für den Bund;
W a s noch bis dahin muss erduldet werden,
Erduldet's! Lasst die Rechnung der Tyranneu

Anwachlen, bis E i n Tag die allgemeine
Und die besondere Schuld auf Einmal zahlt;
Bezähme Leder die gerechte Wuth
Und spare für das Ganze sein Rache,
Denn Raub begeht am allgemeinen Gut,
Wer selbst sich hilft in seiner eignen Sache *).

Лассалевское изданіе этой рѣчи было снабжено такимъ примѣчаніемъ:

Благосклонному вниманію читателей!

Благодаря насильственному акту со стороны королевской судебной власти, обвиняемый былъ лишенъ возможности произнести вышеприведенную рѣчь передъ многочисленной публикой, собравшейся въ залѣ суда присяжныхъ.—Публика была удалена изъ зала суда, и, благодаря этому, обвиняемый заявилъ: въ виду этого посягательства со стороны суда на публичность засѣданія, онъ находитъ ниже своего достоинства произносить свою рѣчь и отказывается отъ защиты.

Несмотря на то, судъ присяжныхъ вынесъ обвиняемому оправдательный приговоръ.

---

*) „Будемъ надѣятся на Всевышняго Господа Бога и не будемъ страшиться силы людей. Теперь пусть каждый спокойно идетъ своей дорогой къ своимъ друзьямъ и товарищамъ. Пастухъ пусть пасетъ спокойно свои стада—и пусть въ тиши вербуетъ друзей для Союза; что до тѣхъ поръ предстоитъ еще испытать,—терпите это! Пусть наростаетъ счетъ тирановъ, пока одинъ день не уплатитъ рабамъ за все, и за общую, и за особенную вину; пусть каждый укротитъ свой справедливый гнѣвъ, пусть сохранитъ онъ свою месть для цѣлаго, ибо похищаетъ общее благо тотъ, кто самъ помогаетъ себѣ въ своемъ собственномъ дѣлѣ".